

Виктор СВИЩЕВ

генерал-майор авиации,

доктор военных и кандидат технических наук, профессор

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Том 2

ПРИГРАНИЧНЫЕ СРАЖЕНИЯ

Виктор СВИЩЕВ
генерал-майор авиации,
доктор военных и кандидат технических наук,
профессор

**НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Том 2

ПРИГРАНИЧНЫЕ СРАЖЕНИЯ

Издатель SVN 2005

УДК 355.48 47/430
ББК 63.3 (2) 622.11
С 24

Книга «Начало Великой Отечественной войны» издается в двух томах: том 1 «Подготовка Германии и СССР к войне», том 2 «Приграничные сражения».

В томе 2 на основе исторических, мемуарных и архивных документов рассмотрены наиболее грандиозные в истории войн приграничные сражения на фронте протяженностью 4500 км. При этом показан ход сражений на земле, в небесах и на море в полосах пяти приграничных военных округов с превосходством СССР над Германией с ее союзниками в танках и самолетах, что ранее не рассматривалось. Воссозданы события гибели авиации и войск Западного и Северо-Западного фронтов, успешных действий войск Одесского военного округа. Вопреки утверждениям об успешных действиях Военно-Морского Флота в начале войны показан их недостаток, особенно при обороне Лиепаи, и очень большие его потери. Комплексное рассмотрение хода боевых действий в Брестской крепости и вне ее позволило показать действительное развитие драматических событий и их продолжительность.

Книга рассчитана на массового читателя стран, участвовавших во второй мировой войне.

ISBN 5-99000-2-X

© В.Н.Свищев, 2005.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война — важнейшая составная часть второй мировой войны. Поэтому материал книги представляет интерес для жителей 61 государства, участвовавших во второй мировой войне, в том числе Германии и ее союзников, начавших эту грандиозную битву народов, сражения которой прокатились волнами по Европе, Азии, Африке, островам Тихого океана.

Особенно трагичным было начало Великой Отечественной войны, получившим название — приграничные сражения. Неизвестные страницы этих сражений тревожат народы мира и особенно государств, образовавшихся после распада Советского Союза, стремящихся узнать правду, так как это связано с их судьбой и условиями свободного послевоенного развития, а не существования в условиях рабства под пятой жестоких оккупантов, стремившихся установить в мире «новый порядок».

О своих планах перед началом второй мировой войны А. Гитлер сказал: «Польша будет очищена от своего народа и заселена немцами... И, в конце концов, с Россией случится то же самое... Мы разобьем Советский Союз. На земле наступит германское владычество»¹.

Стремление народов узнать правду о начале войны показывает следующее письмо подполковника Н. А. Вольф-труба к академику А. М. Самсонову: «Более 45 лет мне не дает покоя мысль: как могло случиться, что войска приграничных округов не были своевременно приведены в боевую готовность?»². А. М. Самсонов, известный историк Великой Отечественной войны, опубликовав письмо, солидаризовался с мнением его автора, широко распространяя среди населения страны. Это и понятно, так как в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» сказано: «Соединения и части приграничных военных округов не были... приведены заблаговременно в полную боевую готовность»³ и имело место внезапное нападение врага. И так говорится во всей литературе.

Фактически, как показано в книге, из пяти приграничных военных округов лишь войска Западного и Киевского (без трех дивизий первого эшелона) не были приведены в полную боевую готовность. В полосах этих двух округов и было внезапное нападение врага, а в других трех она отсутствовала.

Если бы Г. К. Жукову с применением репрессивных мер, в проведении которых он «не отставал», удалось в Прибалтийском округе добиться такой же покорности командования, как в Западном, где по своей инициативе не было проведено ни одного мероприятия по повышению боевой готовности войск, а начальник штаба Одесского округа генерал-майор М. В. Захаров не ошибся, отдав до получения приказа № 1 распоряжение войскам на занятие позиций на границе, что было запрещено, тогда внезапность была достигнута во всех округах и приграничные сражения от Балтийского до Черного моря могли закончиться для советских войск катастрофой и война на этом прекратилась. Это были бы те условия, в которых, как считает Вольфтруб и авторы изданной литературы, СССР вступил в войну, то есть внезапность достигнута на всей границе и войска не приведены в полную боевую готовность.

Но в Прибалтийском и Одесском военных округах внезапности не было, а о внезапном нападении Финляндии и Германии на войска Ленинградского военного округа и говорить не приходится, так как его авиация, а не врага, через три дня после начала войны нанесла упреждающий удар по аэродромам на территории Финляндии. До этого в полосе округа было тихо, и шла мобилизация.

В результате в книге рассмотрены боевые действия при внезапном нападении врага, его отсутствии и по канонам первой мировой войны с наличием угрожаемого периода применительно к Ленинградскому военному округу. И что характерно во всех этих случаях имело место отступление советских войск. Причем маневр на отступление недопустимо широко применялся в ходе приграничных сражений на основании «опыта», полученного высшим командным составом округов и руководством наркомата обороны на двух январских военных играх в 1941 г., рассмотренных в 1 томе.

Помимо указанного выше вопроса о причине внезапного нападения имеется еще много других: куда делись мощные танковые и авиационные соединения, превосходившие в несколько раз противника, почему стрелковые войска оказали такое слабое сопротивление наступающему врагу, как проходили боевые действия, кто виноват в поражении войск?

Целями книги являются ответить на эти и другие во-

просы, показать на документальной основе начало и ход величайших в истории человечества приграничных сражений с участием сухопутных войск, авиации, флота и пограничников на всем протяжении советско-германского фронта от Баренцева до Черного моря, протяженностью 4500 км, чего ранее не делалось; восстановить действительные события при обороне Брестской крепости, вскрыть имеющиеся искажения в военно-исторической литературе.

Решение этих вопросов имеет большое значение для всемирной истории и человечества, будущее которого было мрачным и неопределенным в случае победы в войне Германии и ее союзников. Великая Отечественная война продолжалась четыре года и закончилась 9 мая 1945 г. победой стран антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом, США, Англией и Францией. При этом решающую роль в достижении победы сыграл Советский Союз, на долю которого выпали наибольшие испытания.

Советские Вооруженные Силы потеряли в ходе войны 8,7 млн. человек, а противник - 8,6 млн. (Германия - 6,9 млн., Венгрия - 863 тыс., Румыния - 682 тыс., Италия - 93,3 тыс., Финляндия - 86,4 тыс.). Общие потери СССР с учетом гражданского населения, по данным генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, доложенным на заседании историков в 1998 г., составили 26,6 млн. человек.

Началась Великая Отечественная война грандиозными приграничными сражениями, проходившими с 22 по 29-30 июня 1941 г. В них с обеих сторон одновременно участвовало в боях 8,365 млн. человек, 116 355 орудий и минометов, 16 624 танков, 14 859 боевых самолетов. Это была битва народов с применением современных средств борьбы. Приграничные сражения превосходят крупнейшую Берлинскую операцию трех фронтов по численности войск, орудий, минометов и танков в 2 и боевым самолетам в 1,4 раза. Тем не менее, в шести томах «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945» этим сражениям отведено 15 страниц. В результате история этой великой войны не имеет начала. После приграничных сражений все операции описаны полно и содержательно и нет только самой крупной в начале войны. Ныне это белое пятно в истории великой войны ликвидировано. Наши два тома книги с учетом указанных шести содержат все данные о подготовке сторон к войне, группировках их войск и ходе боев с первого до последнего дня.

Автор является современником описываемых событий и имеет достаточную подготовку для рассмотрения вопросов книги, что видно из следующего.

В 1940 г. закончил среднюю школу и поступил в Вольское военное авиационное техническое училище, которое в начале 1941 г., как и другие, было преобразовано в школу. Через три месяца после начала войны был выпущен из школы не средним командиром, а сержантом и направлен в полк техником самолета. В связи с большими потерями в боях летчиков в Иваново был создан специальный полк для переучивания техников на летчиков. Мне предложили переучиться и в январе 1943 г. был летчиком-истребителем. В это время фронту потребовались летчики для легких ночных бомбардировочных полков и я в составе группы переучился на По-2, а когда готов был ехать на фронт, предложили переучиться на Ил-2.

Воевал летчиком и до заместителя командира эскадрильи на штурмовиках Ил-2, Ил-10. Выполнил 92 боевых вылета, что на 12 больше нормы представления к званию Героя, установленной приказом № 294 наркома обороны, а имеющееся представление без основания не реализовано.

После войны закончил с отличием Штурманский факультет Военно-воздушной академии и работал в ней преподавателем, старшим преподавателем, начальником кафедры.

Из приведенных данных видно, что служил в истребительной, бомбардировочной и штурмовой авиации на трех специальностях: техник самолетов, летчик, штурман. Это важно для рассмотрения боевого применения авиации, но едва ли кому и когда такое удастся повторить.

Хорошо знаком с войсками Красной армии, бывал во всех районах, где проходили боевые действия, в Севастополе, Кронштадте и на фортах. После войны прошел стажировку во Львове на должности главного штурмана воздушной армии, а в Минске - на должности заместителя командующего воздушной армией; на командно-штабных учениях профессорско-преподавательского состава Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина выступал в должностях командующих Военно-воздушными силами фронта и Дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Заканчивая введение, автор считает своим долгом поблагодарить всех, кто содействовал созданию книги. Особую благодарность выражает жене Калерии Александровне.

1983 - 2003 годы.

РАЗДЕЛ 1

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Глава первая

НАЧАЛО ВОЙНЫ

§ 1. Данные разведки о подготовке Германии к нападению

Планы нападения Германии

И. В. Сталин систематически заслушивал заместителя начальника Генерального штаба — начальника Разведывательного управления генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова (в последующем Маршала Советского Союза) о поступающей разведывательной информации, в том числе и о подготовке Германии к войне против СССР. По подчиненности эти данные Голиков должен был докладывать Г. К. Жукову, а он — Сталину, но по сложившейся традиции начальник Разведывательного управления докладывал разведывательную информацию непосредственно генеральному секретарю Коммунистической партии. Для сообщения текущей информации это было оперативно и удобно, не отрывало от работы начальника Генерального штаба, но Голиков так поступал и при докладе обобщенных данных.

Разведку вели две конкурирующие организации: Наркомат внутренних дел под руководством Л. П. Берия и Разведывательное управление Генерального штаба, возглавляемое Ф. И. Голиковым.

Ф. И. Голиков не был профессиональным разведчиком и стал им на короткое время перед войной вследствие репрессий, оголивших и этот участок военной деятельности. В 1933 г. он окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Участник гражданской войны. После войны до 1931 г. находился на партийно-политической работе. Затем последовательно командовал стрелковым полком, дивизией, механизированной бригадой, механизированным корпусом, Винницкой армейской группой, армией. Во гла-

ве 6-й армии участвовал в освобождении Западной Украины и с этой должности в июле 1940 г. назначен начальником Разведывательного управления Генерального штаба. С началом войны он вновь оказался в строю, на фронте.

В должности начальника Разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков 20 марта 1941 г. на основании разведанных подготовил и представил руководству доклад о возможных вариантах действий немецко-фашистских войск при нападении на СССР и сроках вторжения. Информация очень важная. При этом позже было установлено, что вариант № 3 почти точно раскрывал план «Барбаросса» с первой наметкой фамилий командующих группами армий.

В докладе говорилось, что «для наступления на СССР... создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедта – в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая»⁴.

Эти данные почти точно отражали те сведения, которые были известны верховному командованию вооруженными силами Германии о группировках войск, направлениях главных ударов и сроках вторжения, которые в дальнейшем уточнялись. Этих сведений было вполне достаточно для проведения мероприятий по отражению нападения.

И. В. Сталин, получив эти сведения, должен был принять решение на подготовку к отражению агрессии. Но генерал Ф. И. Голиков, зная его убеждение в том, что войны с Германией в ближайшее время не будет, исказил содержание доклада, закончив его следующими выводами:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считая, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как, дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»⁵.

Первый вывод правильный. Такой вариант начала войны мог иметь место. Гитлер, послав Гесса в Англию весной

1941 г., стремился заключить с ней мир и избежать войны на два фронта. Но этот вариант не был реализован. Не удалось Германии добиться и победы над Англией. Оставался третий вариант начала войны Германией на востоке при ведении ограниченных боевых действий на западе против Англии. Но этот вариант, который и был реализован Гитлером, начальник Разведывательного управления полностью отверг. Этим утверждением он свел на нет усилия советских разведчиков, получивших такие ценные данные, и поставил армию, народ и страну в тяжелое положение.

В военно-исторической и мемуарной литературе часто упрекают Сталина в том, что он не принял своевременно мер по отражению вторжения Германии. Их следует адресовать также Голикову, который как должностное лицо несет ответственность за искажение неправильными выводами разведанных, что затруднило принятие решения на проведение оборонительных мероприятий.

В стиле Голикова доложил И. В. Сталину важные разведанные и Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов. В своей записке на имя И. В. Сталина 6 мая 1941 г. он сообщил:

«Военно-морской атташе в Берлине капитан I ранга Воронцов доносит... что со слов одного германского офицера, из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию...»⁶

Сообщение точное, но срок вторжения Гитлером был уточнен. Однако Н. Г. Кузнецов это важное сообщение снабдил припиской, которая свела на нет его содержание. В приписке говорилось: «Полагаю, сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР»⁷. Такие выводы должностных лиц ставили И. В. Сталина в трудное положение и затрудняли принятие решения на отпор врагу.

Оценивая содержание сообщений И. В. Сталину указанных разведанных Ф. И. Голиковым и Н. Г. Кузнецовым, маршал А. М. Василевский пишет:

«...Наши разведорганы, как справедливо отмечает в своих воспоминаниях Г. К. Жуков, не смогли в полной мере объективно оценивать поступающую информацию о военных приготовлениях фашистской Германии и честно, попартийному, докладывать ее И. В. Сталину. Я не буду касаться всех аспектов такого положения, они в основ-

ном известны. Остановлюсь лишь на том, что в этом, видимо, сыграла роль и некоторая обособленность Разведуправления от аппарата Генштаба. Начальник Разведуправления, являясь одновременно и заместителем наркома обороны, предпочитал выходить с докладом о разведанных непосредственно на Сталина, минуя начальника Генштаба. Если бы Г. К. Жуков был в курсе всей важнейшей развединформации, при его положении и характере, он, наверное, смог бы делать более точные выводы из нее и более авторитетно представлять эти выводы И. В. Сталину и тем самым в какой-то мере повлиять на убеждение И. В. Сталина, что мы в состоянии оттянуть сроки начала войны, что Германия не решится воевать на два фронта — на Западе и на Востоке»⁸.

Утверждение А. М. Василевского справедливо, но не полностью. Ф. И. Голиков в то время был заместителем начальника Генерального штаба, а не наркома обороны. Поэтому Г. К. Жуков, пользуясь его подчиненностью, мог получать любую развединформацию с необходимой детализацией и в желаемом виде. Почему он не делал так, как пишет А. М. Василевский? На это Г. К. Жуков не дал ответа в воспоминаниях, а ограничился указанной критикой деятельности должностных лиц.

По мере того как проходили полученные от разведки первые сроки нападения Германии на Советский Союз, Сталин, не зная о причинах их смещения, укреплялся в правильности своего «предвидения», что войны в этом году не будет, и скептически относился к новым сообщениям о сроках вторжения врага.

Но вот стали поступать сообщения войсковой разведки о концентрации немецких войск на нашей границе. Эти данные объективные и их нельзя произвольно трактовать. Они вместе с «ложными», по мнению докладывающих, планами германского руководства, создавали ясную картину о подготовке Германии к вторжению.

Сосредоточение войск Германии на границе с СССР

Объективным и неопровержимым критерием подготовки Германии к войне являлось сосредоточение ею громадного количества войск на границе с СССР, которое трудно было скрыть. Для повышения скрытности вторжения Венгрия, Финляндия и Италия не включались в боевые действия в первый день войны. Основное сосредоточение войск

проводилось на границе от Балтики до Карпат, где и развернулись главные боевые действия с началом войны. Возникает вопрос: когда и в какой степени советской разведке удалось вскрыть сосредоточение Германией войск на границе для вторжения?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим концентрацию германских войск на границе с СССР по данным советской разведки и как это имело место фактически по документам вермахта. При этом вначале рассмотрим концентрацию войск Германии на главном московском стратегическом направлении в полосе Западного особого военного округа, а затем в полосах Прибалтийского особого, Одесского и Киевского особых военных округов, где 22 июня развернулись жаркие бои, и, наконец, на всем протяжении западной границы от Баренцева до Черного моря.

Сведения о количестве немецких войск в полосе действий Западного особого военного округа и другие данные, свидетельствующие о подготовке Германии к вторжению, полученные в различное время советской разведкой перед войной, сохранились в Российском Государственном военном архиве. Они обнаружены и обработаны автором и приводятся ниже.

Разведывательный отдел штаба Западного военного округа возглавлял полковник Блохин. Этот отдел составлял и издавал типографским способом разведывательные сводки. В 1941 г. они издавались через 10-20 дней и направлялись в части, соединения и объединения своего округа, в штабы соседних военных округов и Разведывательное управление Генерального штаба. Аналогичные разведсводки получал от них.

Разведывательные сводки в Западном округе доводились до всего руководящего состава от командира части по должности и майора по воинскому званию и выше. Для строгого выполнения этого в каждой разведывательной сводке было напечатано: «Начальники штабов частей и соединений обязаны докладывать содержание их командирам и обеспечить ознакомление с ними высшего и старшего начсостава»⁹.

Всего в 1941 г. было издано 16 разведсводок. В последней из них содержались данные до 5 июня включительно. Разведданные об обстановке перед войной были подготовлены, но не изданы.

В изданных разведывательных сводках помещались схе-

мы и таблицы с данными о дислокации вскрытых германских батальонов, полков, дивизий. С использованием этих материалов начальники разведки частей, соединений и объединений нанесли обстановку на карты, на которых наглядно отражалась группировка войск противника и ее изменение во времени. По этой карте они докладывали обстановку своим командирам (командующим) и возможные варианты действий противника в случае начала войны.

В полосе действий войск Западного военного округа от границы и в глубину до рубежа Варшавы число германских дивизий не было постоянным. На 1 ноября 1940 г. в указанном районе имелось 37 дивизий, в декабре того же года - 33; в 1941 г. на 1 февраля - 29-30, 1 апреля - 32-34, 1 мая - 39-40, 5 июня - 37-40¹⁰.

Анализ состава войск противника в полосе действий Западного военного округа показывает, что 1 ноября 1940 г. и 5 июня 1941 г. число дивизий оставалось на уровне 37. То есть по степени опасности эти периоды были одинаковыми. Уменьшение числа дивизий с ноября 1940 г. до середины марта 1941 г. происходило за счет направления части их на Балканы для участия в войне против Югославии и Греции. С конца марта, после сокращения на 7 дивизий, вновь начинается концентрация германских войск у границы СССР. С февраля до начала июня группировка войск увеличилась на 9-12 дивизий. Это существенное увеличение количества войск и их непрерывное прибытие должно было насторожить командование округа и Генеральный штаб.

За указанный период было вскрыто очень мало авиации. По состоянию на 5 июня в полосе Западного округа было отмечено базирование лишь трех авиационных полков¹¹. Следовательно, главные силы 2-го воздушного флота, который должен был сюда прибыть, располагались еще далеко в тылу. Мало было так же вскрыто танковых и моторизованных дивизий; 2-я танковая группа Гудериана не отмечалась.

Главная ударная сила группы армии «Центр» - авиация и танки тщательно скрывались. Эти маневренные средства выводились к границе для вторжения в самый последний момент. В этом проявилось большое искусство верховного командования вермахта по скрытому сосредоточению войск для нападения.

Авиация и танки противника не были вскрыты, а одни пехотные дивизии не представляли большой угрозы. По-

этому до 5 июня 1941 г. советское командование Западного округа и высшее военное руководство не имели основания для серьезного беспокойства за данное стратегическое направление.

Фактически события происходили следующим образом. С конца март 1941 г. начинается быстрая концентрация германских дивизий на границе в полосе Западного округа. За апрель и май число дивизий увеличилось на 5-6 и приблизилось к их предельному значению - 50 дивизиям, которые имела группа армий «Центр» перед вторжением. Но часть этих дивизий, как увидим, действовала в полосе Прибалтийского округа. Из этого следует, что советская разведка вскрыла группировку войск врага с высокой степенью достоверности. Но важно отметить, что резкого скачка в наращивании сил Германией на границе не было, так как общий их уровень (фон) все время с ноября 1940 г. был очень высокий. Это позволяло Германии скрывать свои намерения.

Вместе с тем в апреле и мае было отмечено увеличение количества дивизий, что в сочетании с другими сведениями, полученными разведкой, свидетельствовало о подготовке Германии к войне. Отметим главные дополнительные сведения о подготовке ее к вторжению.

В январе 1941 г. от разведывательного отдела Краснознаменного Балтийского флота поступили сведения о том, что «немцы в настоящее время уделяют большое внимание изучению русского языка, для чего в войсковых частях имеются специальные издания и выданы на руки солдатам, так называемые «Справочники немецкого солдата на русском языке»¹². В них встречались выражения: «Есть ли здесь советские войска или патрули?», «Скоро придут наши войска» и другие.

В полосе действий войск Западного особого военного округа в 1941 г., наряду с коцентрацией дивизий, с запада к границам СССР усиленно завозились боеприпасы и горючее. На территории Восточной Пруссии и Польши (Генерал-губернаторства, как ее называли немцы) строились аэродромы и посадочные площадки.

В феврале «Немцы приступили к строительству наблюдательных вышек вдоль границы на участке от Остроленки до м. Тересполь (15 км юго-восточнее Бреста.— В. С.) в 2-4 км в глубине от границы»¹³. Они готовились к серьезным боям при форсировании Западного Буга и прорыве приграничных оборонительных укреплений.

В разведсводке за 14 февраля приведена следующая выдержка из разговора немецких солдат: «перед началом войны с Польшей немцы тоже строили склады боеприпасов и горючего в 10 км пограничной полосе, значит скоро будет война с Советским Союзом»¹⁴.

Строительство немцами складов в пограничной полосе свидетельствовало о том большом внимании, которое командование вермахта уделяло обеспечению войск горючим и боеприпасами в ходе наступления.

В марте в район Янув, Подляски, Тересполь, Кодень производилась усиленная доставка понтонов, комплектов мостов и переправочных средств. Все это требовалось для предстоящего форсирования Западного Буга.

В разведывательной сводке № 9 по состоянию на 10 апреля отмечалось, что в Восточной Пруссии и Генерал-губернаторстве усиленными темпами продолжается подготовка театра военных действий. При этом проводятся работы по увеличению пропускной способности железных дорог, строятся и расширяются погрузочные и разгрузочные площадки, прокладываются новые, ремонтируются и расширяются имеющиеся шоссе, возводятся укрепления полевого типа в приграничной зоне.

С середины мая началось сосредоточение у границы авиация. По железной дороге прибывали эшелоны с техническим и частично с летным составом. В ночь с 12 на 13 мая в район Остроленки прибыло 500 авиаторов, столько же отмечено в районе Цеханова. 17 мая в район Бяла - Подляска прибыл личный состав авиаполка, затем более 100 бомбардировщиков¹⁵.

В Разведывательной сводке № 16 за период с 25 мая по 5 июня сказано:

«Отмечаются переброски войск с запада к нашим границам, главным образом артиллерии, танков и автотранспорта»¹⁶. Перебежчик сообщил: «Из Варшавы по шоссе на Вышков, Остров ночью ежедневно движутся пехота, артиллерия и танки»¹⁷. Вся полоса в непосредственной близости от границы усилена артиллерийскими и пулеметными позициями.

Обстановка на карте с нанесенным положением вскрытых германских дивизий в совокупности с другими данными разведывательных сводок свидетельствовали о завершении подготовки Германии к войне и требовали ответных действий, но с их проведением советское командование явно не торопилось.

В группировке германских войск мало еще было авиационных и танковых частей. Их сосредоточение руководство вермахта решило провести в непосредственной близости к вторжению с расчетом, что если советская разведка это вскрыет, то будет поздно, чтобы можно было принять эффективные ответные меры. Но что наши войска, из-за нерешительности руководства, не займут даже подготовленных оборонительных позиций на границе и будут находиться на положении мирного времени, немецкое командование не рассчитывало. Это оказалось для него приятной неожиданностью с печальным последствием для наших войск.

Рассмотрим теперь ход концентрации германских войск перед войной в полосе трех особых военных округов Прибалтийского, Западного и Киевского. По состоянию на 25 августа 1940 г. Германия на границе с СССР в полосе действий этих округов имела 73 дивизии, через два месяца 1 ноября - 88¹⁸ и 5 мая 1941 г. - 93-97. Из этих данных видно, что сразу же после окончания войны с Францией Германия перебросила на границу с СССР большое число войск. Это позволило Гитлеру еще осенью 1940 г. рассмотреть вопрос о нападении на СССР. С 25 августа 1940 г. по 5 мая 1941 г. количество дивизий возросло в полосе трех округов на 20-23. В дальнейшем концентрация войск продолжалась.

Сосредоточение германских войск на всей нашей границе от Баренцева до Черного моря проходило следующим образом. По данным Разведывательного управления Генштаба дополнительные переброски германских войск в Восточную Пруссию, Польшу и Румынию начались с конца января 1941 г. К 5 мая количество германских дивизий против СССР достигло 103-107, включая 5 дивизий в районе Данцига и Познани и 5 дивизий в Финляндии. На 1 июня против СССР находилось 120 германских дивизий. Наиболее массовые перевозки войск на восток гитлеровское командование начало с 25 мая 1941 г. Железные дороги действовали с максимальной напряженностью. С 25 мая до середины июня к границе Советского Союза было переброшено 47 дивизий, из них 28 танковых и моторизованных¹⁹.

Эти данные свидетельствуют о том, что советская разведка вскрыла сосредоточение германских войск на границе с СССР. Расположение пехотных, танковых и моторизованных дивизий на карте обозначало основные

группировки немецких войск и направления их главных ударов. Необходимо было срочно принимать ответные действия, чтобы не дать противнику использовать благоприятные возможности внезапного нападения на не изготовившиеся к действиям войска приграничных военных округов. При определении ответных действий следовало учитывать силы союзников Германии и то, что укомплектованная немецкая дивизия, а такими были все сосредоточенные на границе, превосходила приблизительно в два раза нашу дивизию по численности.

К июню 1941 г. общая численность Вооруженных сил СССР составляла более 5 млн. человек. Эти силы были рассредоточены по всей территории страны. В это же время Германия и ее союзники сосредоточили войска большей численности только на западной границе СССР. Советское правительство было обеспокоено военными приготовлениями Германии, и по вопросу о концентрации немецких войск на границе СССР Сталин обратился с письмом к Гитлеру. Тот ответил, что остается верным данному слову по договору о ненападении, а сосредоточение войск производится для других целей²⁰. Наше руководство посчитало, что это делается для отдыха войск за пределами рубежей досягаемости английской авиации перед вторжением на Британские острова.

Ответ Гитлера был явной ложью. Но что бы он мог ответить Сталину, когда советская разведка вскрыла сосредоточение немецких войск для нападения на СССР? Ничего, что могло бы снизить эффект внезапного вторжения. В ситуации, когда приготовления к войне скрыть становилось невозможно, что, например, имело место при вторжении в Норвегию, в ход предусматривалось пускать обман и дезинформацию. Гитлер этого требовал от других, а когда потребовалось – поступил так сам при ответе на письмо И. В. Сталину.

А. М. Василевский в воспоминаниях пишет, что «Сталин... любыми средствами, всеми правдами и неправдами стремился оттянуть войну. И хотя мы располагали обширными сведениями о сосредоточении крупных контингентов германских войск в непосредственной близости от наших границ уже начиная с февраля сорок первого года, он отвечал категорическим отказом на все предложения о приведении наших войск где-то, в каких-то пограничных районах в боевую готовность... Он считал, что немцы могут воспользоваться любыми сведениями о приведении

наших войск в боевую готовность для того чтобы начать войну. А в то, что они могут начать войну без всяких поводов с нашей стороны, при наличии пакта, до самого конца не верил»²¹.

Слепая вера И. В. Сталина в верность Германии пакту о ненападении не позволила ему осознать всю опасность сосредоточения ею войск на границе с СССР.

§ 2. Разработка плана упреждающего удара по Германии

5 мая 1941 г. И. В. Сталин, выступая в Кремле перед выпускниками военных академий, указал на возможность действий наступательным образом против агрессора. Это было сказано, когда Германия сосредоточивала войска на советской границе и у присутствовавших Тимошенко и Жукова появилась идея нанести по ней упреждающий удар. А. М. Василевскому было дано указание о разработке плана такого удара, и он 15 мая представил его наркому и Жукову для доклада Председателю Совета Народных Комиссаров, которым стал И. В. Сталин. Этот план по решительности действий и целям не уступал немецкому плану «Барбаросса», хотя не был таким объемным. Рассмотрим основное его содержание.

«Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза

I

... Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предупредить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить - разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест - Демблин...

Последующей стратегической целью - наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северно-

го крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении, выйти на рр. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице для чего:

а) Главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезав Германию от ее южных союзников.

б) Вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки.

в) Вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовыми к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона.

... Детально группировка сил показана на прилагаемой карте»²².

Для нанесения упреждающего удара Красная Армия была бы отобилизована, развернута на назначенных рубежах, наши дивизии по численности сравнялись с немецкими и, имея полуторное превосходство в людях и еще большее по танкам и самолетам, при внезапном нападении советские войска нанесли бы немцам поражение, не менее того, которое сами вскоре потерпят, и выполнили поставленные задачи. В этом случае Германия не имела бы союзников, так как Финляндия, Румыния и другие не посмели бы выступить, и могла потерпеть поражение. Она была слабее СССР, на стороне которого могли выступить Англия и США. Но этому не суждено было сбыться, так как Сталин плана не утвердил, сказав, выслушав Жукова:

- Вы что с ума сошли. Это же полномасштабная война, которой мы стремимся избежать. Учтите, что председатель Совнаркома больше осведомлен о наших взаимоотношениях с Германией, чем начальник Генштаба. Мы имеем еще достаточно времени для подготовки к решительной схватки с фашизмом, а пока руководствуйтесь мартовским планом развертывания войск.

§ 3. Сосредоточение и повышение боевой готовности войск

Международная обстановка обострилась. Данные всех видов разведки свидетельствуют о сосредоточении фашистской Германией войск на границе СССР. В связи с этим Советское правительство с конца апреля 1941 г. в срочном порядке проводит целый ряд мероприятий, направленных на усиление обороноспособности Красной Армии на западных рубежах. По его указанию Наркомат обороны проводит в жизнь отдельные положения оперативного и мобилизационного планов для отражения агрессии фашистской Германии.

26 апреля 1941 г. военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов было приказано отправить в западные приграничные округа один механизированный и два стрелковых корпуса всего 9 дивизий и две воздушно-десантные бригады. Командование Уральского военного округа получило приказ направить в состав Прибалтийского округа две дивизии.

В мае войскам западных военных округов в соответствии с планом обороны государственной границы были поставлены следующие задачи: в случае войны и военных провокаций не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника, упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточение и развертывание войск; противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск; активными действиями авиации захватить господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным мостам и узлам, а также группировкам войск противника нарушить и затруднить его сосредоточение и развертывание, не допустить высадки и высадки на территории округов воздушных десантов и диверсионных групп²³.

Генеральный штаб по указанию правительства 13 мая приказал выдвинуть на запад из внутренних военных округов 16, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии, всего 52 дивизии.

16-я армия в составе 32-го стрелкового и 5-го механизированного корпусов и 57-й танковой дивизии из Забайкальского военного округа перебрасывалась в район Шепетовки и поступала на усиление Киевского особого военного округа. Ее соединениям было приказано прибыть в назначенный район с 21 июня по 10 июля.

19-я армия из Северо-Кавказского военного округа в составе 25,34,67-го стрелковых и 25-го механизированного корпусов (всего 13 дивизий) выдвигалась в район Черкассы, Белая Церковь. Прибытие соединений армии намечалось с 25 июня по 7 июля.

20-я армия в составе 20,41,61,69-го стрелковых и 7-го механизированного корпусов (13 дивизий) из Орловского военного округа перебрасывалась в район Могилева, Смоленска, Орши. Прибытие соединений намечалось на конец июня — начало июля.

21-я армия в составе 30,33,45,63,66-го стрелковых корпусов (14 дивизий) из Приволжского военного округа сосредоточивалась в районе Чернигов, Остер, Гомель, Новозыбков, Бахмач, Городня, Добрянка. Прибытие армии планировалось с 30 июня по 10 июля.

22-я армия в составе 51,62-го стрелковых корпусов (6 дивизий) из Уральского военного округа сосредоточивалась в районе Себеж, Идрица, Дретунь, Витебск. Окончание сосредоточения войск армии намечалось на 1—2 июля.

С началом войны Генштаб 22 июня направил командующему 16-й армией директиву о передислокации в район Смоленска, а 19-й армией — на витебское направление. Поэтому, не закончив сосредоточение, эшелоны армий двинулись в новые районы.

24-я и 28-я армии получили задачу занять оборону на рубеже Нелидово, Белый, Дорогобуж, Ельня, Жуковка.

В результате выдвижения войск из глубины страны и их перегруппировки был создан второй стратегический эшелон, являвшийся резервом Главного командования, в который вошли 16,19,20,21,22,24-я и 28-я армии. В их составе имелось 77 дивизий, в том числе 13 танковых и 6 моторизованных²⁴.

Директивой наркома обороны от 25 июня 1941 г. 19, 20,21,22-я армии были объединены в группу резервных армий, командующим которой назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

27 мая командованию приграничных военных округов было приказано немедленно приступить к строительству полевых фронтовых и армейских командных пунктов.

В конце мая — начале июня в армию было призвано из запаса 793,5 тыс. человек для прохождения учебных сборов и все они направлены в западные приграничные округа. Это позволило укомплектовать личным составом до

полной штатной численности военного времени 21 дивизию, пополнить другие соединения, части артиллерии, войск ПВО и укрепленных районов.

В соответствии с директивой Народного комиссара обороны СССР от 12 июня 1941 г. в приграничных округах начали подтягивать ближе к государственной границе дивизии и корпуса, расположенные на большом удалении от нее.

Сосредоточение советских войск ближе к границе, мобилизационные и другие мероприятия хорошо по времени согласовывалось с тем, что проводило верховное командование Германии для вторжения, но выполнялись в замедленном темпе, что не позволило их завершить до начала войны. Из этого следует, что стратегической внезапности в нападении Германии не было, но была оперативная и тактическая внезапность. Войска советских приграничных военных округов жили и занимались боевой подготовкой по планам мирного времени. В военных городках по всей границе в субботний вечер 21 июня за несколько часов до начала войны выступали артисты, демонстрировались кинофильмы. Немцев под Брестом удивило то, что когда они выводили орудия для стрельбы прямой наводкой, а пехота затаилась на рубеже атаки, на другой стороне Западного Буга на расстоянии нескольких сотен метров от них в Цитадели Брестской крепости под звуки оркестра проводился традиционный развод караулов. На рассвете следующего дня этим караулам предстояло вступить в бой, о чем они не предполагали.

Положения нападающей и обороняющейся сторон резко отличались. Войска первой полностью подготовились к войне, а второй вторжения не ожидали. Так случается крайне редко. Советские войска Западного и Киевского военных округов оказались неподготовленными к отражению вторжения врага, вследствие крупных просчетов политического и военного руководства и его нерешительности в проведении мероприятий по повышению боевой готовности войск. Меры перестраховки в подобных опасных ситуациях более целесообразны, чем беспечность и олимпийское спокойствие перед лицом грозной опасности.

Отметим другие мероприятия по повышению обороноспособности страны. 14 мая в военных училищах был произведен досрочный выпуск курсантов, которые немедленно направились в войска.

14 июня Военный совет Одесского военного округа по-

лучил распоряжение выделить оперативную группу для создания управления 9-й армии и 21 июня вывести его в Тирасполь. В Одессе оставить окружное управление во главе с заместителем командующего военным округом генералом Н. Е. Чибисовым для руководства войсками, расположенными в Крыму.

18 июня за четыре дня до начала войны Военным советам Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов было приказано выделить управления соответственно Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов и перевести их к 22–23 июня на полевые командные пункты в Паневежисе, Обуз-Лесне, Тернополе. Из этих мероприятий видно насколько точно по времени они соответствовали подготовке Германии к нападению. Эти даты перехода на командные пункты вскоре будут указаны в приказе № I войскам как возможный срок нападения фашистской Германии.

19 июня нарком обороны издал приказ о рассредоточении и маскировке самолетов, артиллерии и танков. Сроки выполнения его требований по элементам были определены на начало июля. На доведение этого приказа до исполнителей требовалось не менее двух дней, а через это время началась война, и требования этого важнейшего приказа не были выполнены. Данный приказ имеет большое значение, так как документально подтверждает скученное и открытое расположение боевой техники авиационных, артиллерийских и танковых частей, что явилось одной из важнейших причин больших потерь в первый день войны самолетов на земле, танков и другой боевой техники в местах их расположения. Вот основное его содержание.

«Приказ Народного комиссара обороны СССР

19 июня 1941 г.

По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано. Аэродромные поля не все засеяны, полосы взлета под цвет местности не окрашены, аэродромные постройки, резко выделяясь ярким цветом, привлекают внимание наблюдателя на десятки километров, скученное и линейное расположение самолетов на аэродромах при отсутствии их маскировки и плохой организации аэродромного обслуживания с применением демаскирующих знаков и сигналов окончательно демаскируют аэродромы. Современный аэродром должен полностью слиться с окружающей обстановкой, и ничто на аэродроме не должно привлекать внима-

ние с воздуха. Аналогичную беспечность к маскировке проявляют артиллерийские и мотомехчасти: скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели; танки, бронемшины, командирские и другие специальные машины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемые не только с воздуха, но и с земли. Ничего не сделано для маскировки складов и других объектов.

Приказываю:

1. К 1.7.41 года засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону.

2. Аэродромные постройки до крыш включительно закрасить под один стиль с окружающими аэродромными постройками. Бензохранилища зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать.

3. Категорически воспретить линейно и скученно располагать самолеты. Рассредоточением и маскировкой самолетов обеспечить их полную ненаблюдаемость.

4. Организовать к 5.7.41 года в каждом районе авиационного базирования [в] 500-километровой погранполосе 8-10 ложных аэродромов, оборудовать каждый из них 40-50 макетами самолетов.

5. К 1.7.41 г [ода] провести окраску танков, бронемашин, командирских, специальных и транспортных машин. Для камуфлированного окрашивания применять матовые краски применительно к местности района расположения и действия. Категорически запретить применять краски, дающие отблески...»²⁵

Требования этого приказа строго выполнялись с первого до последнего дня войны, но к началу войны он опоздал, и ничего не было сделано по повышению живучести боевой техники и складов, что, как увидим, привело к большим потерям с началом боев.

В планах повышения обороноспособности страны большое внимание уделялось созданию укрепленных районов. Работой Управления строительства укрепленных районов руководил маршал Б. М. Шапошников. К началу войны на новой западной границе удалось построить 2500 железобетонных сооружений, из них 1500 были вооружены только пулеметами, что недостаточно. В связи с этим в

феврале – марте 1941 г. на Главном военном совете дважды обсуждался вопрос о завершении строительства новых укрепленных районов. Необходимая артиллерия отсутствовала и ее промышленность в скором времени поставить не могла, поэтому маршалы Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, а также А. А. Жданов предложили снять ее со старых УРов и перебросит на вооружение дотов на новой границе. Предложение было правильным, так как артиллерию нужно иметь на передовом рубеже. Против этого предложения выступили С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков, так как старые УРы могли еще пригодиться. Вопрос был доложен И. В. Сталину, который приказал снять часть артиллерийского вооружения с УРов на второстепенных участках и перебросить его на западное и юго-западное направления²⁶.

Укрепленные районы на старой границе были сохранены, и имелось в виду дополнительно их усилить. Директива Генерального штаба от 8 апреля 1941 г. требовала приведения их в боевую готовность на десятый день войны. Но, ориентируясь на опыт первой мировой войны, допущен был просчет во времени и противник захватил многие из них раньше этого срока.

Для снабжения войск горючим и боеприпасами в ходе войны в западных приграничных военных округах были созданы большие запасы, которые размещались в 197 складах. В Ленинградском военном округе имелось 28 складов горючего и 11 складов боеприпасов, в Прибалтийском соответственно – 18 и 8, в Западном – 41 и 13, Киевском – 42 и 19, Одесском – 9 и 6²⁷.

Несмотря на значительные запасы горючего, боеприпасов и других видов довольствия снабжение частей в начале войны осложнялось тем, что сроки мобилизационного развертывания тыла были неоправданно растянуты: армейского – до 7 суток, фронтового – до 15. При крайне ограниченных возможностях войскового тыла, когда в кадровых соединениях и частях он был укомплектован всего на 20–25 проц., это неизбежно должно было отрицательно сказаться, и сказалось на обеспечении войск²⁸.

Расчеты строились на том, что с началом войны тыловые части и подразделения, располагая необходимым временем, получают людей и транспорт по мобилизации, но это ожидание в Прибалтийском, Западном и Киевском округах, вступивших с первого дня войны в жестокие сражения, не оправдалось. Более благоприятное положение

сложилось в Одесском и Ленинградском округах, где мобилизационные мероприятия были проведены в полном объеме.

Недостатки в снабжении войск в начале войны были обусловлены и тем, что практически не было единого органа управления оперативным тылом. Во фронте и армии управление было децентрализовано. «Во фронтах (военных округах) и армиях руководство и координацию действий многочисленных служб снабжения и обеспечения осуществляли общевойсковые штабы. Для решения этих задач в них были созданы отделы тыла. Начальники их являлись заместителями начальников общевойсковых штабов и отвечали за организацию тыла и планирование материально-технического обеспечения войск. Непосредственное же руководство снабжением и обеспечением войск материально-техническими средствами (артиллерийскими, автобронетанковыми, инженерными, интендантскими и др.) осуществляли соответствующие начальники родов войск и служб...»²⁹

Такая децентрализованная структура управления тылом себя не оправдала. Неудовлетворительное тыловое обеспечение отрицательно сказалось на ведении боевых действий, начиная с приграничных сражений. Войска испытывали трудности в снабжении горючим, боеприпасами, что вело порой к потере целых механизированных корпусов.

Бывший начальник Тыла Вооруженных Сил генерал армии А. В. Хрулев после войны заявил, что «Г. К. Жуков, будучи начальником Генштаба, недооценивал значение службы тыла в современной войне, что это явилось одной из главных причин полной его дезорганизации... Якобы противился и реорганизации всей системы тыловой службы летом 1941 года во время отступления советских войск»³⁰.

Г. К. Жуков, узнав об этом, не отрицал недооценки им тыла. Трудно ему было за короткое время пребывания на высокой должности вникнуть в детали сложной системы Вооруженных Сил, не имея высшего военного образования.

Полностью провести в жизнь все намеченные организационные мероприятия по подготовке Вооруженных Сил к войне не удалось из-за просчета в определении времени возможного нападения фашистской Германии.

§ 4. Активизация разведки вермахта на границе

Задолго до нападения на Советский Союз командование

вермахта развернуло на его западной границе широкие разведывательные действия на земле и в воздухе с целью разведки советских приграничных районов, оборонительных укреплений, аэродромов, дислокации войск, военно-морских баз, проводимых военных приготовлений. С этой целью на советскую территорию забрасывалось большое количество агентов для разведки и диверсий. Нашим пограничникам пришлось вступить в настоящую войну с гитлеровцами, стремившимся проникнуть на советскую территорию. Часть из них была уничтожена, многие взяты в плен, а некоторые проникли в расположение войск приграничных округов и делали свое черное дело.

О размахе борьбы с нарушителями границы свидетельствуют следующие данные. С октября 1939 по декабрь 1940 г. пограничники западных военных округов задержали около 5 тыс. вражеских агентов и уничтожили немало хорошо вооруженных банд³¹.

С приближением войны активность вражеской разведки резко возросла. В 1941 г. на нашу территорию засылались преимущественно высококвалифицированные агенты, снабженные оружием и портативными радиостанциями. Количество вражеских агентов, задержанных и уничтоженных пограничниками во втором квартале 1941 г. увеличилось по сравнению с таким же кварталом предыдущего года в 25-30 раз. В целях маскировки немецкие разведчики и группы переодевались в форму военнослужащих Красной Армии. Например, в апреле 1941 г. в районе города Августов Белоруссии границу перешли 16 человек одетых в форму инженерных войск Красной Армии, которые будто строили укрепленные районы. В завязавшемся бою 11 фашистов были убиты, а остальные взяты в плен³².

За неделю до начала войны германское командование приступило к переброске на территорию СССР большого числа банд, групп и диверсантов-одиночек, которые имели задание с началом боевых действий разрушать линии связи, взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных направлениях, вести разведку, сеять панику, распространять ложные слухи.

С большой интенсивностью велась разведка с воздуха. С октября 1939 г. до начала войны над территорией Западного и Киевского военных округов немецкие самолеты появлялись 500 раз. О нарушениях воздушного пространства советское правительство направляло протесты в министерство иностранных дел Германии, на что получало

извинения и стереотипные ответы, что молодой летчик сбился с курса или в условиях плохой видимости потерял ориентировку.

Впоследствии стало известно, что Берия еще в марте 1940 г. категорически запретил пограничным войскам, которыми командовал, открывать огонь по германским самолетам-нарушителям и того же добивался от частей Красной Армии и Военно-Морского Флота.

С Берия, действовавшим в угоду Сталину, стремившемуся не обострять отношения с Германией, были не согласны нарком обороны и начальник Генерального штаба. С. К. Тимошенко доложил И. В. Сталину, что немецкие самолеты слишком часто нарушают воздушное пространство с разведывательными целями и их самолеты необходимо сбивать. На это Сталин ответил: «Германский посол заверил нас от имени Гитлера, что у них сейчас в авиации очень много молодежи, которая профессионально слабо подготовлена. Молодые летчики плохо ориентируются в воздухе. Поэтому посол просил нас не обращать особого внимания на их блуждающие самолеты...»³³. И все осталось без изменения.

Заявление фон Шуленбурга явилось очередной правдоподобной фальшивкой германского руководства для людей, слабо представляющих функционирование авиации. В действительности в авиационных частях не ставятся экипажам непосильные задачи, которые могут привести к потере ориентировки, так как это связано с вынужденной посадкой самолета вне аэродрома, его поломкой или полным разрушением и гибелью людей на нем находящихся. Поэтому массовые полеты немецких самолетов над советской территорией были целевыми, связанными с ведением разведки. После войны стало известно, что для ведения разведки помимо экипажей строевых частей использовался летный состав специальной разведывательной эскадрильи.

Германия усиленно готовилась к войне. На границе Советского Союза она сосредоточивала пехоту, танки, авиацию, делалось это в больших масштабах. Возникает вопрос, какими данными об этом располагало политическое и военное руководство СССР?

§ 5. Сообщение ТАСС 14 июня, что войны не будет

Обстановка на советско-германской границе продолжала накаляться. Поступали новые неопровержимые данные о

подготовке Германии к войне. В этих условиях Советское правительство за неделю до начала войны опубликовало в центральных газетах «Сообщение ТАСС». Для его выработки И. В. Сталин пригласил к себе в кабинет В. М. Молотова, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, С. М. Буденного. Когда все собрались, Сталин сказал:

— Меры, которые мы принимаем, чтобы предотвратить военный конфликт с Германией, не дают нужных результатов. Война неотвратимо приближается. Трагическая развязка вот-вот наступит. Поэтому следует сделать еще одно сообщение в печати. Цель его: во-первых, дать понять Гитлеру, что нам известны его планы, во-вторых, предупредить мировую общественность, что Гитлер собирается развязать новую войну, в-третьих, вызвать Гитлера на откровенность.

— Он может и промолчать, — заметил Тимошенко.

— Тогда его молчание послужит красноречивым ответом, — возразил Калинин.

По завершении этой полемики Сталин попросил Молотова зачитать подготовленное «Сообщение ТАСС», которое было одобрено и опубликовано. Это сообщение ввиду его важности приведем полностью с нашими комментариями.

Сообщение ТАСС³⁴

«Еще до приезда английского посла в СССР г. Крипса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней».

В этой части сообщения, как следует из предыдущего материала, раскрыта действительная картина состояния отношений между двумя государствами и их действия по сосредоточению войск у границы. Далее в сообщении ТАСС говорилось:

«Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов,

ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны».

Да, дело шло к войне, а «ответственные круги» продолжали подавать ее на уровне «слухов».

Далее шло заявление Советского правительства якобы об истинном положении дел, далеким от действительности, которым и должны были руководствоваться должностные лица Вооруженных Сил в своей практической деятельности, так как истинные цели сообщения были известны указанному ограниченному кругу лиц.

«ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, **по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы** (выделено нами.— В. С.), а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связаны, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Здесь для руководства Германии четко сказано, что советской разведкой вскрыто сосредоточение войск на границе и районы их размещения. Для советского народа, командиров и бойцов Красной Армии было определено, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы», поэтому войны в ближайшее время не будет, чем и следует руководствоваться.

Вызывает удивление, как можно было так определенно утверждать о лояльности Германии — страны, запятнавшей себя вероломством и бесконечными актами агрессии? Заявление о том, что сосредоточение германских войск у границы СССР «связано, надо полагать, с другими мотивами», точно соответствовало версии по дезинформации, распространяемой агентами вермахта.

Далее в сообщении для руководства Германии сообщалось об ответных действиях СССР и политике его правительства.

«3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного транспорта, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии, как враждебные Германии, по меньшей мере, нелепо».

Текст «Сообщения ТАСС» накануне его опубликования в печати был передан германскому послу Ф. В. фон Шуленбургу. Но Берлин на это сообщение о вскрытии подготовки Германии к войне ни дал никакого ответа.

На первой пресс-конференции иностранных корреспондентов после начала войны 28 июня выступил заместитель начальника Советского информационного бюро С. А. Лозовский. Ему один из корреспондентов задал вопрос: «почему ТАСС сообщил недавно, что Германия выполняет свои обязательства по договору с СССР, когда весь мир знал, что Германия готовится к войне?» На это Лозовский, в частности, ответил, что «...сообщение ТАСС не было опубликовано ни в Германии, ни в ее вассальных государствах. Таким образом, само германское правительство, не опубликовав сообщения, в котором утверждалось, что оно выполняет договор, показало, что оно не желает этот договор выполнять»³⁵.

К сожалению, из этого факта советское руководство ни сделало каких-либо выводов и его политика практически не изменилась.

Для советского народа и воинов Вооруженных Сил заявление ТАСС, что Германия верна своим обязательствам по договору о ненападении, в той критической обстановке имело отрицательное значение, так как снизило напряженность, притупило бдительность, создало благодушное настроение. Народ верил правительству и считал, что оно располагает необходимыми данными и говорит ему правду. Никто не предполагал, что цель заявления — «вызвать Гитлера на откровенность», так как это можно было сделать по дипломатическим каналам. Поэтому ко-

мандиры различных инстанций приводили свои действия и мероприятия в войсках в соответствие с указаниями Советского правительства о том, что войны в скором времени не будет.

Несмотря на сообщение ТАСС, Германия продолжала готовиться к войне по всем направлениям. На границе шла концентрация немецких войск. Ее правительство отозвало из Советского Союза максимально возможное число своих граждан и оставило только 120 человек, главным образом сотрудников посольства в Москве.

С другой стороны советское посольство в Берлине не отправило в СССР даже женщин и детей, а посол разрешил прибытие новых сотрудников с многочисленными семьями. В результате в день начале войны в Германии и оккупированных ею странах было более 1000 наших граждан.

Непосредственно перед войной 20 июня германское правительство дало указания капитанам своих судов покинуть советские порты в Балтийском и Черном морях вне зависимости от состояния погрузки и выгрузки грузов. Все немецкие суда спешно снялись с якорей, и вышли в море.

Ответные меры СССР не были приняты. Советские суда остались в портах Германии и стали ее первыми военными трофеями. На эти явные признаки приближающегося нападения Германии не обратили внимания.

§ 6. Обстановка в западных округах

И. В. Сталин считал, что для сохранения мира достаточно не дать Германии повода для развязывания войны. Поэтому все мероприятия в Вооруженных Силах проводились с учетом этой его установки.

«Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие военными приграничными округами, — пишет Г. К. Жуков, — были предупреждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск. Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И. В. Сталина»³⁶.

Разведанные свидетельствовали, что германские войска занимают исходное положение для вторжения, пограничники на границе заменены полевыми войсками.

20 июня командующий Прибалтийским округом получил

от командующего Краснознаменным Балтийским флотом сообщение о том, что «части КБФ с 19 июня приведены в боевую готовность по плану № 2, развернуты КП, усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенского пролива»³⁷.

В сложных условиях неуклонно надвигающейся войны уверенно и эффективно действовало командование Военно-Морского Флота, чему способствовало его самостоятельное функционирование. Народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов подчинялся непосредственно И. В. Сталину и взаимодействовал с наркомом обороны и Генеральным штабом.

9-11 июня, пишет Н. Г. Кузнецов, он получил телеграмму от военно-морского атташе в Берлине М. А. Воронцова, который «не только сообщал о приготовлениях немцев, но и называл почти точную дату начала войны. Среди множества аналогичных материалов такое донесение уже не являлось чем-то исключительным.. По существующему тогда порядку подобные донесения автоматически направлялись в несколько адресов. Я приказал проверить, получил ли телеграмму И. В. Сталин. Мне доложили: да получил»³⁸.

Н. Г. Кузнецов сомневался в содержании телеграммы, поэтому приказал вызвать Воронцова в Москву для личного доклада по такому важному делу. Но вместе с тем решил принять меры предосторожности. В это время начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков выезжал на Черное море для руководства учением флота, которое проводилось совместно с войсками Одесского военного округа. Ему было разрешено на месте при осложнении обстановки дать командующему Черноморским флотом указание применять оружие.

В связи с ухудшением отношений с Германией Н. Г. Кузнецов своим решением заблаговременно привел в оперативную готовность № 2 три флота: 18 июня – Черноморский флот, вернувшийся с учений в Севастополь, а 19 июня – Балтийский и Северный. При этом ни у кого ничего не спрашивал, в чем проявились его умение, самостоятельность и дальновидность.

Введенная в Военно-Морском Флоте в 1939 г. трехступенчатая система оперативной готовности имела важное значение, так как позволяла подачей сигнала в короткое время приводить части и соединения в различные степени боевой готовности. Этих готовностей было три.

Оперативная готовность № 3 означала обычную повседневную готовность кораблей и частей, находящихся в строю. В этом случае они занимались боевой подготовкой, поддерживая в исправности и готовности к применению оружие и механизмы.

Оперативная готовность флота № 2 означала, что корабли принимают все необходимые запасы для действий в море, приводят в порядок материальную часть, устанавливается определенный порядок дежурства. Увольнение на берег сокращается до минимума.

Оперативная готовность № 1 является высшей. Она объявляется, когда обстановка становится опасной. При этой готовности весь личный состав обязан находиться на своих местах и в любой момент применить оружие и механизмы. Каждый корабль и каждая часть действует в соответствии с имеющейся инструкцией.

Инициативные и решительные действия Н. Г. Кузнецова, объявившего на флотах готовность № 2, а затем и № 1 в последние мирные дни и часы, характеризуют его как способного военачальника, осознавшего свою персональную ответственность за безопасность Родины. Принятые им меры позволили флотам и флотилиям организованно вступить в войну и встретить огнем первые нападения противника.

В условиях приближающейся войны командование Киевского и Прибалтийского военных округов, несмотря на полученные указания не спровоцировать немцев, под свою ответственность, принимало меры по повышению боевой готовности войск, но встречало противодействие из Наркомата обороны.

10 июня Г. К. Жуков направил командующему Киевским военным округом телеграмму: «Начальник погранвойск НКВД СССР генерал Хоменко донес, что начальники укрепрайонов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепрайонов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самоличное распоряжение»³⁹.

Для предупреждения подобных действий Генеральный штаб на следующий день направил командующим Западным, Ленинградским и Прибалтийским военными округами указа-

ние: «Полосу предполья без особого на то приказа полявыми и уровскими частями не занимать»⁴⁰.

18 июня командующий Прибалтийским округом отдал распоряжение о приведении системы ПВО в боевую готовность № 2 и возвращению частей из лагерей в пункты постоянной дислокации. Через три дня он получил указания начальника Генерального штаба: «Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении в действие положения № 2... Требую немедленно отменить незаконно отданное распоряжение и дать объяснение для доклада наркому»⁴¹.

Комментируя эти свои действия в 1966 г. Г. К. Жуков сказал, что о случае в Киевском округе Хоменко донес Берия, а тот сообщил Сталину о невыполнении его указаний.

«Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует... Этот удар спустился до меня. Что вы смотрите? Немедленно вызвать к телефону Кирпоноса, немедленно отвести, наказать виновных и прочее. Я, конечно, по этой части не отставал. Ну и пошло. А уж другие командующие не рискнули. Давайте приказ тогда...»⁴²

Но такие командующие были — это генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, командовавший Прибалтийским особым военным округом, давший 18 июня указания о выдвижении войск к границе; генерал-майор танковых войск М. И. Потапов, разрешивший И. И. Федюнинскому вывести корпус к границе. В Киевском округе генерал-майор Г. Н. Микушев также вывел 41-ю стрелковую дивизию на границу. Для этих войск внезапного нападения врага не было. Не было его, как увидим, и для войск Одесского, и Ленинградского военных округов. Это позволяет посмотреть, как проходили бои при внезапном нападении врага, отсутствии внезапности и наличии времени на подготовку.

Только в Западном особом военном округе, несмотря на тревожное положение на границе, никакие мероприятия по повышению готовности войск, кроме подтягивания корпусов из глубины, не проводилось. Войска прикрытия границы в соответствии с приказом оставались в местах их постоянной дислокации и лагерях, на сборах и полигонах. Позиции на границе занял только один стрелковый полк 3-й армии по указанию ее командующего, за несколько часов до начала войны.

Таково было положение войск Прибалтийского, Западного, Киевского, Одесского и Ленинградского военных

округов в момент начала войны.

§ 7. Силы и средства сторон

В условиях сосредоточения Германией войск на границе с СССР в приграничных округах к началу войны дислоцировались 174 расчетные дивизии (воздушно-десантный корпус приравнен к 0,75 стрелковой дивизии), из них: в Ленинградском - 21, Прибалтийском особом - 26, Западном особом - 45, Киевском особом - 59, Одесском - 23. Дивизий имелось 170, в их числе 96 стрелковых, 7 горнострелковых, 7 кавалерийских, 40 танковых и 20 моторизованных.

Группировка советских войск на западной границе на 22 июня включала: силы Красной Армии западных приграничных округов - 2 718 674 человека, 8 округов пограничных войск НКВД - 87 871, Военно-Морского Флота - 215 878. Она насчитывала 3 022 423 человека, 57 041 орудие и миномет⁴³, 12 386 танков, 9 917 самолетов.

Ранее показано, что прибывающая в состав Киевского округа 16-я армия в первый же день войны, не успев разгрузиться, по указанию Генштаба вновь начала грузиться в вагоны и убыла под Смоленск, куда поворачивали и ее эшелоны. За ней последовала на западное направление в состав Резервного фронта и 19-я армия. Поэтому включение 10 прибывших дивизий резерва Ставки в состав Киевского округа (Юго-Западного фронта), что делает М. И. Мельтюхов неправомерно и не соответствует действительности, искусственно завышая его силы⁴⁴.

Неправомерно и включение в состав Западного особого военного округа (фронта) трех дивизий 22-й армии резерва Ставки, прибывших в район Витебск, Идрица, а также 3 дивизий 21-го механизированного корпуса, находящегося в составе Московского военного округа. Этот корпус, как увидим, будет в критический момент введен в бой, но не в составе Западного; а Северо-Западного фронта⁴⁵.

Соотношение сил и средств войск СССР и Германии с ее союзниками Финляндией, Румынией и Венгрией на западной границе по состоянию на 22 июня 1941 г. показано в таблице.

Силы и средства	Советский Союз	Германия, Финляндия, Румыния, Венгрия	Соотношение сил и средств
Дивизии	174	190	1:1,1
Численность войск млн. чел.	3,022	5,343	1:1,8
Артиллерия и минометы	57041	49314	1,2:1
Танки:			
– всего	12386	4238	2,9:1
– средних и тяж.	1800	2500	1:1,4
– легких	10586	1738	7,1:1
– новых типов	1475	нет	–
Боевые самолеты:			
– всего	9917	4980	2:1
– новых типов	1375	нет	–

Из таблицы видно, что СССР превосходил Германию с ее союзниками по количеству танков в 2,9 раза, по самолетам в два раза и в 1,2 раза по артиллерии и минометам. Германия с союзниками в 1,8 раза превосходила численность войск СССР. Это превосходство на 2,321 миллиона человек имела страна, численность населения которой перед войной составляло 79 млн. человек, а СССР имел 203 млн. или в 2,6 раза больше. Поэтому СССР не представляло труда проведением мобилизации за 2–3 дня превзойти объединенные силы противника по численности войск, так как в запасе имелось достаточное количество подготовленных военнообязанных. За это же время Германия с союзниками не могли превзойти Советский Союз по числу танков и самолетов, так как для этого требуются годы.

В заключительном слове на декабрьском совещании С. К. Тимошенко сказал, что для наступления необходимо иметь двойное превосходство. И близкое к нему превосходство по численности войск руководство Германии создало на всем протяжении громадного советско-германского фронта. На направлениях главных ударов, за счет концентрации войск, превосходство противника было 5–7 кратным, что позволяло ему наступать в высоком темпе и применять в боях такие маневры как обход с одного

фланга и охват с обоих. Успеху немецких войск способствовало и то, что они имели до 1 тыс. противотанковых ружей. Это резко повышало стойкость пехоты в боях с нашими танками. Таких ружей у советских пехотинцев не было, так как они только начали поступать в войска, а поэтому, как увидим, воины стрелковых частей и соединений порой не имели средств борьбы с атакующими танками.

Следовательно, войска Германии с союзниками превосходили западные военные округа СССР лишь по численности личного состава и уступали им по трем важнейшим показателям боевой мощи. В результате соотношение сил и средств противоборствующих сторон было спорным, и успех будет иметь та из них, которая наиболее полно использует свое преимущество, а организацией боевых действий превосходство противника уменьшит или ликвидирует. Отметим, что приблизительно при таком соотношении сил и средств с японцами, как показано в первом томе, Г. К. Жуков окружил и разгромил их 6-ю армию на реке Халхин-Гол.

Уступать такой сравнительно небольшой стране как Германия по численности войск было недопустимо, и для устранения его требовалось несколько дней для проведения мобилизации. Тем более, что угрожаемый период длился долго и сложившаяся опасная обстановка на границе была хорошо известна правительству, что видно из сообщения ТАСС, в котором утверждалось, что войны не будет за восемь дней до ее начала. Положение усугубило опоздание с приведением войск в полную боевую готовность, и они вступили в войну неорганизованно. И. В. Сталин был в то время во главе правящей партии и правительства — на двух ключевых постах, и его называют виновником в сложившейся обстановке, а Г. К. Жуков добавляет:

«Надо признать также, что определенную (правильней главную.— В.С.) долю ответственности за недостатки в подготовке Вооруженных Сил к началу военных действий несут нарком обороны и ответственные работники наркомата обороны. Как бывший начальник Генерального штаба и ближайший помощник наркома, не могу снять с себя вины за эти недостатки и я»⁴⁶.

Приведенные данные о количестве войск сторон показывают, что упреждающий удар СССР по Германии с предварительным проведением мобилизации и изменением

соотношения сил по численности личного состава в свою пользу, имел бы большой успех. Но Сталин на его нанесение не решился, полагая, что конфликтную ситуацию можно разрешить мирным путем, и горько сожалел, когда узнал о нападении Германии и объявлении войны СССР.

Глава вторая

НАЧАЛО ВОЙНЫ

§ 1. Сообщения дипломатов, агентов и перебежчиков о сроках начала войны

По мере приближения дня начала Германией войны увеличивалось число публикаций в иностранной печати статей о предстоящей войне, о ней велись разговоры среди должностных лиц и военнослужащих, и разведчики получили доступ к некоторым разработанным документам.

В связи с этим в начале мая группе дипломатов советского посольства в Берлине было поручено обобщить данные о подготовке Германии к войне на Востоке. В конце мая доклад был готов. «Основной вывод этого доклада, — как пишет сотрудник посольства В. М. Бережков, — состоял в том, что практическая подготовка Германии к нападению на Советский Союз закончена и масштабы этой подготовки не оставляют сомнения в том, что вся концентрация войск и техники завершена. Советский посол, опасаясь, что слишком решительные выводы могут, не понравится Сталину, несколько смягчил текст доклада. Но все же из этого документа со всей определенностью следовало, что можно в любой момент ждать нападения Германии на Советский Союз»⁴⁷.

Информация о готовящемся нападении Германии на СССР поступали также от посла в Англии, из Бухареста, Белграда.

«Тексты почти всех документов и радиограмм, касающихся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались регулярно по следующему списку: Сталину (два экземпляра), Молотову, Берия, Ворошилову, наркому обороны и начальнику Генерального штаба»⁴⁸.

16 июня из Берлина поступило сообщение о нападении Германии на СССР 22–25 июня. Один из сотрудников посольства Германии в Москве 21 июня сообщил, что нападение назначено на 3–4 часа утра 22 июня.

Советский разведчик Л. Треппер в воспоминаниях пишет: «В начале 1941 года Шульце-Бойзен отправляет в Центр точные данные о намеченных операциях на Востоке: массированные бомбардировки Ленинграда, Киева, Вы-

борга, количество участвующих дивизий... В феврале я передаю дополнительную шифровку, где указываю точное число дивизий, выведенных из Франции и Бельгии и отправленных на Восток. В мае при содействии советского военного атташе в Виши Суслоперова сообщаю план предусмотренного нападения и указываю его изначальную фиксированную дату — 15 мая, потом дополнительно информирую об ее изменении и докладываю окончательный срок»⁴⁹.

22 июня как день начала войны Германией сообщается и Шульце-Бойзенем из Берлина. Но Сталин и его окружение спокойно относились к этим сообщениям, полагая, что войны до 1944 г. не будет. Вместе с тем сообщения продолжали поступать.

21 июня Максимович и Шульце-Бойзен подтвердили, что вторжение Германии на территорию СССР назначено на завтра. В этот же день Треппер с Гроссфогилем приехали срочно в Виши и попросили генерала И. А. Суслоперова послать шифровкой сообщение в Москву о том, что Германия 22 июня начнет боевые действия.

— Вы абсолютно заблуждаетесь, — сказал им Суслоперов. — Сегодня я беседовал с японским военным атташе, прибывшим из Берлина, который заверил, что Германия не готовится к войне. На него можно положиться.

Но Треппер продолжал настаивать и Суслоперов послал шифровку следующего содержания: «21 июня 1941 года, как утверждает наш резидент Жильбер (псевдоним Треппера. — В. С.), которому я, разумеется, нисколько не поверил, командование вермахта закончило переброску своих войск на советскую границу и завтра, 22 июня 1941 года, внезапно нападет на Советский Союз»⁵⁰.

На этой шифровке Сталин наложил резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации и накажите его». Такое отношение было к информации, которая добывалась с большим трудом. И виной тому была приписка генерала. Но Сталин в этот же день данной информацией воспользовался и принял решение на отпор врагу.

Известный советский разведчик Рихард Зорге, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, сообщил из Японии в 1941 г. много ценных сведений. 5 марта он переснял и отправил в СССР фотокопии телеграмм Риббентропа немецкому послу в Токио Отту о запланированном на вторую половину июня нападении Герма-

нии на СССР.

Первого мая Зорге радировал в Москву:

«Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР, чтобы использовать европейскую часть Союза в качестве сырьевой и зерновой базы. Критические сроки возможного начала войны: а) завершение разгрома Югославии, б) окончание сева, в) окончание переговоров Германии и Турции. Решение о начале войны будет принято Гитлером в мае»⁵¹.

Решение о сроке начала войны уже было принято накануне, но мало кто еще об этом знал.

19 мая Зорге радировал:

«Против Советского Союза будет сосредоточено 9 армий, 150 дивизий»⁵².

И 14 июня он послал последнее донесение перед войной:

«Нападение произойдет на широком фронте, на рассвете 22 июня 1941 года. Рамзай»⁵³.

В последних двух сообщениях Зорге дата и час вторжения, а также число дивизий Германии без союзников указаны точно. Сообщения чрезвычайно важные. Мы знаем об их достоверности на основании прошедших событий. А как было поверить этим, тщательно скрываемым немцами данным, поступившим из Японии? Легко восхищаться этими сведениями апостериорно, а как ими было руководствоваться для принятия ответственного решения в реальной обстановке? Это не так просто.

Г. К. Жуков вспоминает, что И. В. Сталин в разговоре с ним как-то сказал: «Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...

Возможно, речь шла о Рихарде Зорге, работавшем в аппарате германского посла в Японии, о котором я узнал лишь после войны»⁵⁴.

Не знал о Р. Зорге не только Г. К. Жуков, но и С. К. Тимошенко. В результате ценные данные, сообщаемые им в Москву, прошли мимо лиц, которые принимают решение на отпор врагу и докладывают предложения правительству. Причем Р. Зорге был военным разведчиком, и все данные сообщал в Разведуправление Генерального штаба, подчиненное Жукову, и почему он о них не знал неизвестно.

Возможно, здесь сыграло роль следующее обстоятельство. Берия в одном из докладов Сталину заявил, что Зорге — двойник, переведенный немцами и его сведения — дезинформация. Сталин об этом сказал Голикову, и все его телеграммы перестали приниматься во внимание. Рихарда Зорге вызвали в Москву на совещание, но он, зная об исчезновении некоторых разведчиков после таких «совещаний», не поехал.

В ночь с 18 на 19 июня в Киевском военном округе перебежчик немецкий солдат Альфред Лискоф первый сообщил нашему командованию день и час начала войны. Эти данные послужили для нашего высшего государственного и военного руководства спусковым крючком к началу приведения войск в боевую готовность.

Немецкий солдат Альфред Лискоф был уроженцем города Кольверк. До мобилизации в армию трудился рабочим на мебельной фабрике Вилли Тацика. Вот что он рассказал о победе в своей статье, опубликованной в газете «Красная Звезда» 27 июня 1941 г.

«Желание бежать из ненавистного мира гитлеровских ужасов зрела уже во мне давно. Но надо было ждать удобного случая. И вот эта удобная минута настала.

Я служил солдатом⁵⁵ на границе в местечке Тиляш, недалеко от советского города Сокаля. Еще до памятного дня 22 июня — мы все стали ясно ощущать, что готовится что-то большое. Но что?

— Неужели война с Советским Союзом? — спрашивал я себя.

— Неужели бездумный Гитлер бросится в эту дикую авантюру?

И я решил бежать в Советскую Россию. Я выждал пока был отдан приказ о наступлении, и ночью вплавь переправился через реку (выделено нами. — В. С.). На советском берегу я сразу же попал в руки пограничников. Меня встретили здесь дружелюбно. Мне дали одежду, обувь, накормили меня».

Этот подвиг солдата А. Лискофа во имя мира, счастья советского, германского и всех народов планеты будет славен в веках.

Лискоф сдался советским пограничникам и попросил доставить его к командиру для важного сообщения. Его привезли в штаб 90-го пограничного отряда, находив-

шийся во Владимир-Волыньском, и представили начальнику отряда майору М. С. Бычковскому. Лискоф сообщил ему дату и час нападения Германии на СССР. Бычковский немедленно связался по телефону с командиром 15-го стрелкового корпуса полковником И. И. Федюнинским, в пределах полосы которого действовал его отряд, и доложил:

— Товарищ полковник, только что на нашу сторону перешел немецкий солдат. Он сообщил очень важные данные. Не знаю можно ли ему верить, но то, что он говорит очень и очень важно.

— Ждите меня, — ответил Федюнинский и немедленно выехал из Ковеля, где располагался штаб корпуса, во Владимир-Волыньский.

Через час И. И. Федюнинский был в кабинете Бычковского и к нему ввели перебежчика, который сообщил, что в четыре часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы.

«Можно ли ему верить? — подумал Федюнинский. — Очень уж невероятным казалось сообщение гитлеровского солдата, да и личность его не внушала особого доверия. А если он говорит правду? Да и какой смысл ему врать, называя дату и даже час начала войны?»⁵⁶

Заметив, что к его сообщению относятся с сомнением, немец заявил: «Господин полковник, в пять часов утра двадцать второго июня вы меня можете расстрелять, если окажется, что я обманул вас»⁵⁷.

Вернувшись в штаб корпуса, И. И. Федюнинский немедленно доложил о полученных сведениях командующему 5-й армией генерал-майору танковых войск М. И. Потапову, на что тот сердито ответил: «Не нужно верить провокациям! Мало ли что может наболтать немец со страху»⁵⁸.

Майор М. С. Бычковокий имел двойное подчинение и о случившемся доложил начальнику пограничных войск округа генерал-майору В. А. Хоменко. Он в свою очередь сообщил об этом начальнику штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенанту М. А. Пуркаеву, но шли эти сведения до Генерального штаба очень долго.

В Прибалтийском округе начальник штаба 11-й армии генерал-майор И. П. Шлемин донес в штаб округа, что в

ночь на 20 июня задержан перебежчик 13-й роты 58-го пехотного полка. Он сообщил, что наблюдал в Сувалках большое количество войск, которые в данное время все переброшены к границе. Пехота располагается в 5 км от границы, артиллерия — на огневых позициях. Немецкие части окопы не копают, так как готовятся к наступлению. «По словам перебежчика, военные действия начнутся через 8—10 дней»⁵⁹.

Итак, два перебежчика — два срока перехода немецких войск в наступление. Кому из них верить? Некоторые историки, исходя из известных последующих событий, высказывают категорические суждения. А как было поступить тем, для кого эти события были впереди и то с определенной степенью достоверности? В этом случае в проведении мероприятий по повышению боеготовности войск следовало исходить из совокупности факторов, характеризующих подготовку Германии к войне, и ориентироваться на более ранний срок. Причем второй перебежчик указал такой поздний срок перехода немцев в наступление возможно с целью дезинформации.

§ 2. Приведение войск в боевую готовность

Вечером 21 июня Г. К. Жукову позвонил начальник штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и сообщил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий солдат и сообщил: германские войска на рассвете 22 июня перейдут в наступление. Г. К. Жуков об этом немедленно доложил И. В. Сталину, и по его указанию вместе с наркомом обороны поехали в Кремль⁶⁰.

И. В. Сталин был в кабинете один, когда к нему вошли С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков. Сталин был озабочен сообщением перебежчика и спросил:

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт с Германией?

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаю, что перебежчик говорит правду.

Уверенности полной, конечно, у наркома не было. Но лучше допустить перестраховку в такой критической ситуации, чем проявить пассивность. Другие сообщения из округов о положении на границе подтверждали сообщение перебежчика, поэтому Тимошенко и Жуков были едины во

мнении, что войска приграничных округов необходимо привести в боевую готовность и немедленно.

В кабинет вошли члены Политбюро. И. В. Сталин проинформировал их о сообщении перебежчика, а также предложение наркома обороны и начальника Генерального штаба о приведении войск в боевую готовность и спросил, обращаясь ко всем:

— Что будем делать?

Ответа не последовало. Тишину нарушил С. К. Тимошенко, сказавший:

— Надо немедленно давать приказ о приведении всех войск приграничных военных округов в боевую готовность.

— Читайте, что подготовили, — сказал Сталин.

Жуков прочитал проект приказа. Сталин сказал, что такой приказ давать преждевременно, так как все, возможно, удастся уладить мирным путем по дипломатическим каналам. Надо дать короткий приказ, в котором указать, что нападение может начаться с провокационных действий, на которые войска не должны поддаваться.

Жуков вышел в другую комнату и вместе с первым заместителем генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным, прибывшим вместе с ним в Кремль, на основании имеющегося приказа составили проект нового. С ним он вернулся в кабинет. Сталин заслушал содержание приказа, внес некоторые поправки и передал Тимошенко на подпись. Затем его подписал Жуков. Вот полное содержание этого важного приказа.

«Приказ Народного комиссара обороны СССР № 1

1. В течение 22–23.6.41 [года] возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗаОВО, КО-ВО, ОдВО. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) В течение ночи на 22.6.41 г[ода] скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.

б) Перед рассветом 22.6.41 [года] рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.

в) Все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко
Жуков»⁶¹.

Передача приказа № I из Генерального штаба в западные военные округа была начата в 00.30 минут 22 июня за 3,5 часа до нападения гитлеровской Германии. В округах приказ получили через час, пока его расшифровывали, а эта работа долгая, порой не было шифровальщика, и принимали решение, ушло дополнительное время и в штабы армий направили его в третьем часу утра⁶². В штабах армий проделали такую же работу, поэтому многие соединения до нападения врага его так и не получили.

Большая задержка с принятием решения на приведение войск в боевую готовность, недостаточность приказа № I, крайняя медлительность его оформления и доведения до войск имели трагические последствия.

В 23 часа ночи 21 июня Г. К. Жуков переговорил по телефону с руководством западных приграничных округов и не сообщил, что скоро они получают приказ. Этот же приказ медленно оформлялся и шифровался, и поступил на телеграф лишь в половине первого ночи следующих суток. Шло бесполезно драгоценное время. Немецкие войска спешно готовились к вторжению, а наши — безмятежно отдыхали. Командование Вооруженных Сил не нашло рационального варианта быстрого приведения войск в боевую готовность, а может, и не спешило, полагая, что все уладится по дипломатическим каналам.

Условия вступления приграничных военных округов в войну определялись положением их войск, содержанием приказа № 1 и сроками его доведения.

Выше показано, что приказ № 1 поступил в войска поздно. В связи с этим Маршал Советского Союза И. Х.

Баграмян в воспоминаниях пишет: «а не проще бы в целях экономии времени подать из Генерального штаба короткий условный сигнал, приняв который командование округа могло бы приказать войскам столь же коротко: ввести в действие «КОВО-41» (так назывался у нас план прикрытия государственной границы). Все это заняло бы не более 15-20 минут»⁶³.

В этом утверждении И. Х. Баграмяна, имеющим в определенных условиях смысл и об этом будет сказано, концентрированно выражены два широко распространенных в литературе неправильных мнения: во-первых, что приказ № 1 разрешал действия по плану прикрытия государственной границы, во-вторых, ускоренное его прохождение при данном содержании могло все коренным образом изменить.

Некоторые читатели могут возразить: как начальник оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа, кем был тогда полковник И. Х. Баграмян, мог ошибиться в этих вопросах, если принимал участие в управлении войсками. Но этого не было. Он, как сам свидетельствует в воспоминаниях, всю ночь на 22 июня с основной частью своего отдела следовал на автомашинах из Киева в Тернополь и во время начала войны находился в пути. Прибыл он на командный пункт округа в восьмом часу утра. Приказ № 1 и другие документы могли оказаться за пределами его внимания, учитывая напряженность обстановки, когда он приступил к управлению войсками и подготовке данных командующему фронтом для постановки задач армиям.

Рассмотрим сущность двух указанных неправильных утверждений и начало боевых действий на сухопутном участке границы.

Приказ № 1 Народного комиссара обороны Союза ССР и начальника Генерального штаба, санкционированный И. В. Сталиным, имеет особо важное значение в организации отпора врагу, поэтому произведем его анализ и определим, что он разрешал войскам с началом войны и их положение в момент начала врагом артиллерийской подготовки. Затем рассмотрим, что дало бы войскам сокращение времени доведения приказа № 1 до 15-20 мин., как предлагает Баграмян, и даже поступление его в приграничные округа за сутки и более до начала войны, например 14 июня, когда предлагали Сталину это сделать Тимошенко и Жуков.

Итак, вначале определим, что приказ № 1 разрешал командованию и войскам предпринять для отражения вторжения врага.

Первый пункт приказа требовал: «В течение ночи на 22.6.41 г[ода] скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе». Постоянными гарнизонами укрепленных районов являлись пулеметные батальоны, им и разрешено было занять огневые точки. Это значило, например, что в полосах, прикрытия границы 3-й и 6-й армиями свои позиции должны были занять в недостроенных и не сплошных укрепрайонах соответственно 2 и 5 пулеметных батальонов. В 3-й армии на один пулеметный батальон приходилось в среднем 60 км границы, а в 6-й армии — 30, что недостаточно для ее защиты. Аналогичное положение было и в других армиях прикрытия государственной границы. Причем, вследствие опоздания поступления приказа, не все даже эти гарнизоны успели занять свои огневые точки. Верховному ли командованию было заниматься такими мелкими подразделениями, когда вся западная граница открыта врагу?

Для всех других войск западных приграничных военных округов приказ № 1 требовал: «Все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава». Это значило, что все части необходимо было поднять по боевой тревоге, привести в боевую готовность, рассредоточить и замаскировать в районах постоянной дислокации или лагерей, где они находились. Как это делается, рассмотрено в томе 1. Войскам не разрешалось действовать по плану прикрытия государственной границы и выдвигаться на заданные участки. Чтобы предупредить проявление подобной инициативы, в приказе было сказано: «Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Из этого видно, что сигнал «КОВО-41» для введения в действие плана прикрытия границы, о котором говорит И. Х. Баграмян, не мог быть послан. Такие действия приказ № I не разрешал для сухопутных войск округов, кроме пулеметных батальонов. Кроме того, чтобы сигнал «КОВО-41» или другой заранее установленный послать в войска, необходимо было, как в Военно-Морском Флоте, это заблаговременно ввести приказом. Но этого не было сделано, хотя хороший пример имелся.

В соответствии с требованиями указанного пункта приказа стрелковые и кавалерийские дивизии прикрытия границы приводились в боевую готовность в местах постоянной или временной дислокации на удалении 10–50 км от нее, а до концов участков, выделенных им для обороны, было значительно дальше. Их частям, особенно фланговым, требовалось более суток, чтобы занять свои позиции у границы. И. Х. Баграмян пишет, что частям для занятия приграничных укреплений требовалось не менее 8–10 часов (2–3 часа на подъем по тревоге и сбор, 5–6 часов на марш и организацию обороны)⁶⁴. Время подхода к границе резервов исчислялось сутками.

Механизированные корпуса, приданные армиям прикрытия, располагались на широком фронте в 30–40 км от границы, а дивизии в корпусах находились одна от другой на расстоянии 50–100 км и более. Такое рассредоточение соединений с началом боевых действий требовало значительных перегруппировок и не позволяло в короткие сроки собрать основные силы корпусов для нанесения сосредоточенных ударов по врагу⁶⁵.

Следовательно, при получении приказа № 1 за 1–2 часа и несколько суток до начала войны, стрелковые и кавалерийские дивизии прикрытия границы оставались бы в районах своей дислокации. Граница оказалась открытой для врага. Более того, нашим войскам не разрешалось к ней двигаться впредь до особого распоряжения.

Военные советы округов, приказом № 1 были лишены права подготовки войск к отражению внезапного нападения врага. Они превратились в созерцателей событий на границе, где командующие армиями, командиры соединений и частей самостоятельно принимали решения на ответные действия с переходом немецко-фашистских войск в наступление, а в ряде случаев не знали, как им поступить.

Начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г. Блюментрит так описывает начало войны: «Наши танки почти сразу же прорвали полосу пограничных укреплений русских и по ровной местности устремились на восток». Это было, как увидим, под Брестом, где наступала 2-я танковая группа генерал-полковника Г. Гудериана. Укрепления вдоль Западного Буга не были заняты советскими войсками, и немцы беспрепятственно миновали границу и устремились в глубь Белоруссии. В это время, как пишет Блюментрит, немецкие радисты подслушали такой разговор

по радио русских: «По нас стреляют! Что делать?» Старший начальник, которому был адресован этот вопрос, ответил: «Да вы с ума сошли! Кроме того, почему вы не кодируете разговор...»⁶⁶

Вот как описывает создавшуюся обстановку с переходом немцев в наступление на рассвете 22 июня заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант И. В. Болдин:

«В моем кабинете один за другим раздаются телефонные звонки. За короткое время в четвертый раз вызывает нарком обороны. Докладываю новые данные. Выслушав меня, С. К. Тимошенко говорит:

— Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что тов а р и щ С т а л и н н е р а з р е ш а е т о т к р ы в а т ь а р т и л л е р и й с к и й о г о н ь п о н е м ц а м (разрядка наша.— В. С.).

— Как же так? — кричу в трубку. — Ведь наши войска вынуждены отступать. Горят города, гибнут люди...

— Разведку самолетами вести не далее шестидесяти километров, — говорит нарком»⁶⁷.

Так ничего и на этот раз не разрешил нарком, кроме ведения разведки с перелетом граница, а уже шла война. В каком тяжёлом положении продолжало находиться командование военных округов: нарком запрещал ответные действия, а подчиненные, атакованные вражескими войсками, перед лицом грозной опасности требовали указаний как им действовать, организации взаимодействия, помощи.

«Наконец, — пишет И. В. Болдин, — из Москвы поступил приказ немедленно ввести в действие «Красный пакет, содержащий план прикрытия государственной границы. Но было уже поздно»⁶⁸. Вот только когда войскам была разрешена свобода действий, а не при отдавании приказа № 1, который практически ничего не разрешал. Такого не встретим в истории войн.

Боязнь руководством «крупных осложнений» неаккуратными действиями проникла в приказ. Он предписывал войскам западных военных округов «быть в полной боевой готовности встретить внезапный возможный удар немцев или их союзников», но не представлял командованию необходимых прав для отражения агрессии. Предполагалось, что боевые действия будут развиваться как в первую ми-

ровую войну, и необходимые указания войскам будут своевременно даны, но этого не получилось, так как условия войны были другие.

Из-за несвоевременного приведения войск в боевую готовность и запрещения на занятие оборонительных позиций вдоль государственной границы, соединения и части находились на большом удалении от назначенных им рубежей и рассредоточены на территории округов. Это позволило немецко-фашистским войскам, внезапно перешедшим в наступление, добиться очень больших успехов, громить наши войска по частям, нанести тяжелые потери авиации на аэродромах, стремительно продвигаться в глубь страны на важнейших стратегических направлениях.

Какие действия приказ № 1 разрешал авиации? Он требовал привести авиационные части, как и другие, в боевую готовность. Аэродромы являются боевыми позициями авиации, с которых она ведет боевые действия. Следовательно, объявление в авиачастях боевой тревоги соответствовало приведению их в полную боевую готовность. Это обеспечивало эффективное применение истребителей для отражения налетов самолетов противника, прикрытие войск и важных объектов, а бомбардировщиков и штурмовиков — для нанесения ударов по врагу в пределах нашей территории, так как перелет государственной границы не был разрешен.

Авиация обладает высокой мобильностью и для приведения ее в полную боевую готовность достаточно подать условный сигнал, а оповещение шло по линии сухопутных войск, в состав которых входили соединения и части фронтовой, армейской и войсковой авиации. Это привело к запаздыванию поступления сигнала тревоги и немцам удалось застать наши самолеты на аэродромах, за небольшим исключением, не подготовленными к боевым вылетам.

Приказ № I специальным пунктом требовал: «Перед рассветом 22.6.41 [года] рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать». Составители этого пункта приказа, видимо, полагали, что самолет подобен коню или автомобилю и на нем каждый летчик может свободно летать как днем, так и ночью. К сожалению, это не так. Ночная подготовка очень сложная. Особенно трудно ночью произвести посадку, когда летчик должен видеть землю

и подвести к ней самолет на расстояние 30–50 сантиметров, а также полеты по приборам в облаках и ограниченной видимости. Поэтому ночью перед войной в простых метеорологических условиях могли летать 18,2 процента летчиков, а в сложных метеоусловиях — лишь 4 процента. Поэтому о рассредоточении ночью всей авиации не могло быть и речи, так как от 81,8 до 96 процентов экипажей в зависимости от погоды не могли подняться в воздух, а если бы им приказали лететь в соответствии с этим приказом — разбились. Поэтому, как увидим, в Одесском округе между начальником штаба и командующим ВВС состоялся крупный разговор, так как первый требовал выполнения приказа, а второй правильно утверждал, что это невозможно. В Киевском и Западном округах этот пункт приказа не вызвал споров, так как был получен после наступления рассвета.

Еще абстрактней это требование приказа звучало для авиации Ленинградского военного округа, где в районе Ленинграда в это время белые ночи, а севернее полярного круга — непрерывный день, то есть, нет рассвета, перед которым приказано было произвести рассредоточение самолетов.

Кроме указанного для рассредоточения авиации требовалось иметь свободные аэродромы, а вследствие реконструкции аэродромной сети, в большинстве округов их не было и авиационные части базировались скученно. И, наконец, для перелета самолетов ночью аэродромы взлета и посадки должны быть оборудованы светотехническими средствами обозначения и подсветки взлетно-посадочных полос. Для оборудования этими средствами аэродромов, на которые осуществлять перелет, требовалось значительное время, которым части не располагали. Не имели они и необходимых светотехнических средств. В связи с указанным, требование приказа № 1 о рассредоточении авиации ночью не было выполнено из-за его нереальности. Лишь в Одесском военном округе в этом направлении были предприняты некоторые действия.

Включение в приказ № I заведомо невыполнимого пункта о рассредоточении всей авиации ночью свидетельствовало о не компетенции по данному вопросу его составителей и подписавших. С таким вопиющим недостатком приказ и вошел в историю Великой Отечественной войны, но до сих пор этот его недостаток не отмечался.

Средства противовоздушной обороны включали в свой состав авиационные, пулеметные и артиллерийские части, систему ВНОС. По боевой тревоге, объявленной по приказу № 1 они были приведены в полную боевую готовность, так как им не требовалось менять мест своей дислокации, и они могли эффективно применяться для выполнения стоящих перед ними задач.

Проведенный анализ приказа № 1 показал, что он требовал привести в полную боевую готовность постоянные гарнизоны укрепленных районов, авиацию и средства противовоздушной обороны. Дежурные силы авиации и ПВО включались в боевые действия через 3–5 минут после получения приказа, а основные их силы в худшем случае с учетом времени на оповещение личного состава и его прибытие – через 2–2,5 часа. Постоянные гарнизоны укрепленных районов начинали занимать свои позиции через 2–2,5 часа и заканчивали через время, которое требовалось для движения к наиболее удаленным огневым точкам. В связи с запаздыванием приказа № 1 и эти ограниченные силы военных округов не были полностью использованы для отпора врагу при переходе его в наступление.

Сухопутные войска округов находились в местах постоянной дислокации и летних лагерях. На границе редкой цепочкой располагались наряды пограничников, а за ними гарнизоны застав, не представлявшие какого-либо препятствия для боевых порядков наступающих войск. Предполья укрепленных районов и оборонительные сооружения полевого типа в промежутках между ними не были заняты сухопутными войсками округов. Путь германским войскам через границу и приграничные укрепления в глубь нашей территории был открыт, кроме района Бреста, отдельных участков Рава-Русского укрепленного района и некоторых других мест.

Такие неблагоприятные условия для наших войск создал приказ № 1 к великой радости немецких генералов, которые готовили войска к боям на границе, а они беспрепятственно двинулись в глубь территории.

§ 3. Нападение Германии на СССР

На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия неожиданно напала на Советский Союз, вероломно нарушив

договоры о ненападении, дружбе и границе, которым не исполнилось и двух лет. Началась Великая Отечественная война, которая по охвату территории, количеству участвовавших в ней сил и средств, огромным человеческим жертвам и продолжительности является крупнейшей в истории и главным содержанием второй мировой войны, охватившей большую часть Земного шара.

С обращением к народу с вестью о большой начавшейся войне по радио выступил заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов. С этим обращением нужно было выступить И. В. Сталину, являвшемуся генеральным секретарем ЦК партии и с 6 мая 1941 г. Председателем СНК, но он длительное время утверждал, что войны с Германией не будет, а неделю назад это опубликовал на весь мир в сообщении ТАСС. Ему было неудобно. Вячеслав Михайлович же был хорошо известен в народе как глава правительства и мало еще кто знал о его смещении с этой должности.

Утреннее сообщение о том, что в 12 часов с правительственным заявлением выступит В. М. Молотов, было встречено, как должное и к указанному времени у репродукторов на площадях и улицах городов и поселков собрались толпы народа. Сам Вячеслав Михайлович чувствовал неловкость своего положения, но, как дипломат, нашел выход и обращение к народу начал словами:

«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление».

Голос Молотова был ровным и уверенным. Миллионы советских людей в полной тишине слушали необычное заявление. Такого ранее никогда не было. Автор находился в строю курсантов 1-й Вольской военной авиационной школы авиационных механиков, построенных у репродуктора пред служебной территорией. На площадке грузового автомобиля, служившей трибуной, находился начальник школы и его приближенные.

«Сегодня, — звучал голос Молотова, — в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежки со своих самолетов наши горо-

да Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие».

«Уже после совершения нападения, — говорил Молотов, — германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы».

Правительство фашистской Германии действовало по ранее отработанному шаблону. Оно, как и на Западе, сделало заявление правительству страны, на которое совершила нападение, после вторжения войск, чтобы полностью реализовать фактор внезапности для развития наступления. При этом нацисты не стеснялись в приведении основания для нападения заведомо ложных данных, так как это вскроется лишь потом, а для победившей страны, на что они надеялись, это не будет иметь значения.

Сосредоточения войск Красной Армии на германской границе для нападения, как документально показано выше, не было. Из глубины подтягивались дивизии ближе к границе для отражения вторжения развертываемых немецких полчищ. Дивизии армий прикрытия границы оставались на прежних своих местах. Имевшихся сил в западных приграничных округах было недостаточно для наступления. Эти силы мирного времени не были даже усилены и приведены в боевую готовность. В то же время Германия провела мобилизационные мероприятия, сосредоточила и развернула на границе с СССР мощную группировку войск своих и подготовленных союзников и в соответствии с планом «Барбаросса» в назначенный заранее день бросила их в наступление.

Далее Молотов выразил уверенность, что Красная Армия и советский народ поведут, как и ранее, победоносную отечественную войну и закончил выступление пророческими словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»⁶⁹.

После выступления В. М. Молотова был объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации в армию военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Севе-

рокавказскому и Закавказскому военным округам. Мобилизации подлежали военнообязанные рождения с 1905 по 1918 год включительно. Первым днем мобилизации было объявлено 23 июня. Не объявлялась мобилизация лишь в Дальневосточном, Забайкальском и Среднеазиатском военных округах⁷⁰.

По мобилизационному плану на отмобилизование войск второго эшелона приграничных военных округов, что усилило бы отпор врагу, отводилось от нескольких часов до одних суток. Но это не могло быть выполнено, так как мобилизация объявлялась не немедленно, а лишь на следующий день. Чем вызвана такая отсрочка мобилизации неизвестно, возможно надеждой на мирное решение данного конфликта.

22 июня боевыми действиями руководил Главный военный совет. На следующий день была создана Ставка Главного Командования Вооруженных Сил СССР в составе: С. К. Тимошенко (председатель), С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, В. М. Молотов, И. В. Сталин. В результате, как вспоминает Г. К. Жуков, имелись два главнокомандующих: С. К. Тимошенко — юридический, а И. В. Сталин — фактический, так как нарком обороны не мог самостоятельно принимать какие-нибудь принципиальные решения. Эта двойственность была устранена после приграничных сражений.

Начавшаяся война являлась вооруженной борьбой не двух стран и двух идеологий, а всех свободолюбивых народов против фашизма, который нес им тысячелетнее рабство и произвол. Единый фронт борьбы с фашизмом начал складываться с первого дня войны.

Вечером 22 июня по радио выступил премьер-министр Великобритании У. Черчилль, который, отметив вероломный характер нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, сказал:

«За последние 25 лет не было более последовательного противника коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которые я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, наши враги... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем»⁷¹.

Премьер-министр также сказал, что нападение немцев на Россию это лишь прелюдия к вторжению их на Британские острова. При этом Гитлер надеется, что и далее сможет успешно применять метод уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому так долго преуспевал.

«Поэтому опасность, угрожающая России, — в заключение сказал Черчилль, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках Земного шара (выделено нами. — В. С.)»⁷².

Еще 21 июня Крипс заявил Майскому, что уже договорился с начальником генштаба Диллом о направлении из Лондона в Москву в срочном порядке военной миссии для передачи опыта войны с Германией в случае ее нападения на СССР. Он также договорился с соответствующими инстанциями о столь же срочной посылке экономических экспертов в целях налаживания хозяйственной координации между обеими странами.

Советское правительство 22 июня согласилось с этими предложениями и через пять дней британские военная и экономическая миссии, а также посол Англии в СССР С. Крипс прибыли в Москву и были приняты В. М. Молотовым. В ходе беседы Крипс заверил Молотова в том, что Англия готова оказать помощь СССР, но не выдвинул конкретных предложений и заявил, что для политического соглашения время еще не созрело, так как накопилось немало недоверия в прошлом. На это Молотов ответил, что к прошлому лучше не возвращаться.

Великая Отечественная война, несмотря на непрерывную подготовку Вооруженных Сил к отражению агрессора, началась в крайне невыгодных условиях с оставлением противнику практически без сопротивления основных приграничных укрепленных районов и оборонительных сооружений полевого типа у границы. В соответствии с положениями проекта Полевого устава, что «Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью»⁷³, у командования и войск имелось горячее желание немедленно раз-

бить вторгшегося врага и выбросить его остатки с нашей территории. Но это желание оказалось далеким от реальности. Жестокая действительность вскоре развеяла, навеянную пропагандой, иллюзию легкой победы.

В ходе приграничных сражений воевавшая с Германией Англия не предприняла против нее значительных боевых действий даже в воздухе.

Крипс в беседе с Молотовым 27 июня, коснувшись военного сотрудничества, заявил, что «английские военные силы весьма малочисленны и полностью заняты в Англии, Африке и на Ближнем Востоке... и в интересах СССР могут лишь усилить воздушные налеты на Германию»⁷⁴. Но и этого не было сделано, и действия авиации против Германии были пока недостаточными. Это позволило немцам снять основные воздушные силы с западных территорий и бросить на Восток. «Там осталось, — как сообщил Майский в наркомат иностранных дел 28 июня, — лишь небольшое количество «Миссершмыттов-109» и совершенно зеленые летчики...»

Заключение соглашения между правительствами СССР и Великобритании продвигалось медленно, и только 12 июля оно было подписано. Вступало оно в силу немедленно и ратификации не подлежало. Вот его содержание:

«Правительство Союза ССР и правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее Соглашение и договорились о следующем:

1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, не заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»⁷⁵.

В ходе приграничных сражений, в связи с тяжелыми поражениями Красной Армии, встал вопрос не разбить и выбросить с нашей территории врага, а остановить его, выстоять, сохранить силы для продолжения борьбы.

§ 4. Начало приграничных сражений и организация отпора врагу

Началась Великая Отечественная война приграничными сражениями, которые были крупнейшими в истории войн. В

них с обеих сторон участвовало громадное количество войск, танков и самолетов, которые почти одновременно были введены в бой. От взрывов авиабомб и артиллерийских снарядов с треском рушились здания городов и населенных пунктов, танки и пехота в боевом порыве топтали созревшие хлеба, в небе в смертельной схватке вились самолеты.

Бои в ходе приграничных сражений носили исключительно напряженный характер и войска Юго-Западного, Западного и Северо-Западного фронтов в день теряли в среднем 43,5 тыс. человек убитыми и умершими от ран⁷⁶. Такие высокие людские потери были обусловлены большой численностью войск, участвовавших в сражениях, высокой их технической оснащенностью, большой огневой мощью и разрушительной силой оружия.

Боевые действия 22 июня развернулись на государственной границе СССР от Балтийского до Черного моря, протяженностью 2100 км, но на границе с Венгрией было тихо. Боевые действия против СССР вели войска Германии и Румынии. Было спокойно и на границе с Финляндией, которая вступила в войну 26, а Венгрия - 27 июня и с этого времени бои шли на границе от Баренцева до Черного моря, протяженностью 4500 км, из которых 1125 км приходилось на морское побережье.

Вторжение немецких и румынских войск началось 22 июня в 4 часа утра артиллерийской подготовкой. Одновременно в вышине над границей прошли группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей и нанесли удары по 66 аэродромам. Авиация округов, кроме Одесского и Прибалтийского, не была приведена в боевую готовность, и самолеты стояли на аэродромах крыло к крылу плотными стройными рядами. После удара авиации противника загорелись пораженные самолеты, от них пламя перебрасывалось на другие и над аэродромами взметнулись вверх дым и пламя пожаров. После первого налета удары по аэродромам продолжались весь день, при этом часть сил авиации была направлена для ударов по штабам, складам горючего и боеприпасов, механизированным корпусам в местах их сосредоточения и узлам сопротивления.

В результате авиация противника уничтожила в первый день войны в западных округах, исключая Ленинградский, 1200 самолетов, из них около 800 на земле и 400 в воз-

духе. При этом наибольшие потери понесли ВВС Западного особого военного округа, не приведенные в боевую готовность. Они потеряли 738 самолетов, из них 528 на земле. В то же время ВВС Одесского военного округа, приведенные в боевую готовность, потеряли всего 23 самолета, из них 6 на аэродромах, а сами сбили 30 машин противника. Вот так должны были воевать и ВВС других округов, но для этого не были созданы условия.

Общие потери ВВС западных округов в первый день были очень большие и с учетом дальнебомбардировочной авиации составили 12,1 проц. Германия и Румыния потеряли около 200 самолетов или 4 проц. от общего количества. Несмотря на такие большие потери самолетов, общее превосходство по ним над Германией с союзниками составляло 1,8:1 и обеспечивало успешное ведение боевых действий, чего добиться не удалось. Не всегда побеждает сильнейший. Превосходство — это условие достижения победы, а вторым условием является его реализация, чего не получилось по ряду обстоятельств.

После артиллерийской подготовки дивизии и корпуса противника двинулись на штурм приграничных укреплений, но в полосе Западного и большей части Киевского военных округов они не были заняты войсками, граница бала открыта и они, отбросив пограничников, беспрепятственно двинулись в глубь Белоруссии и Украины. Стрелковые и кавалерийские дивизии прикрытия границы находились на удалении 10–50 км от нее и даже не были приведены в боевую готовность.

В полосе Одесского военного округа положение было иным. Войска были приведены в полную боевую готовность, заняли заблаговременно оборонительные рубежи на границе, авиация приведена в боевую готовность и враг встречен во всеоружии. В таком положении должны были бы находиться войска Западного и Киевского военных округов, и враг не имел бы успеха. Но приказ № 1 запрещал занимать рубежи на границе. Генерал-майор М. В. Захаров дал распоряжение войскам округа на их занятие до получения приказа № 1, а когда его получил и увидел свою ошибку, то очень сожалел и не знал, что ему будет за невыполнение распоряжения наркома обороны. Однако войска округа, преобразованные в 9-ю армию, действовали успешно. В результате Матвей Васильевич был не наказан, а получил неслыханное повышение: с

должности начальника штаба армии был назначен начальником штаба Главного командования Северо-Западного направления.

В Прибалтийском военном округе войска также были приведены в полную боевую готовности, но из-за непрерывных указаний сверху «не спровоцировать немцев» им то выдавали боеприпасы, то отбирали. В результате некоторые части встретили войну без боеприпасов и выдавали их под артогнем.

В Ленинградском военном округе на границе было тихо, и войска приступили к точному выполнению требований приказа № 1, кроме рассредоточения авиации до рассвета, так как его здесь в это время года не бывает.

Донесения из штабов Западного, Киевского и Одесского военных округов наркому обороны и в Генеральный штаб свидетельствовали о вторжении на советскую территорию крупных группировок немецких и румынских войск и недостаточности приказа № 1 для их отражения. Эти данные были известны С. К. Тимошенко и Г. К. Жукову, но они ничего не могли предпринять, так как Сталин, веривший в непогрешимость своих суждений, что войны в этом году не будет, находился в полной растерянности.

Г. К. Жуков в 1965 году в беседе с Е. М. Ржевской об этом поведении Сталина сказал: «...Два часа был в полной растерянности. Два часа не принималось никаких решений. Ничего не предпринималось.

Два часа начавшейся войны, два часа неотданного приказа на ответный огонь, на борьбу, сопротивление. Два часа гибели войск, самолетов... Два часа полной растерянности, когда Сталин все еще не мог поверить в «вероломство» Гитлера, стоили неисчислимых жертв и обеспечили успех продвижения»⁷⁷. Этим Жуков признал полную несостоятельность приказа № 1 и подтвердил показанную выше тяжелую обстановку для наших войск, которая сложилась на границе.

Н. С. Хрущев так описал поведение Сталина в это время:

«Берия рассказал следующее. Когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро... Сталин был совершенно подавлен морально. Он сделал примерно такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин нам оставил пролетарское Советское госу-

дарстве, а мы его прошляпили... Я, — говорит, — отказываюсь от руководства». Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу».

Оставшиеся члены Политбюро Берия, Молотов, Коганович, Ворошилов были в недоумении. Что предпринять? «Посоветовались и решили поехать к Сталину и вернуть его к деятельности с тем, чтобы использовать его имя и его способности в организации обороны страны.

... Когда мы приехали, — вспоминает Берия, — то я по лицу видел, что Сталин очень испугался. Я считаю, он подумал, не приехали ли мы арестовать его, за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает по организации отпора немецкому нашествию.

Когда мы стали его убеждать, что страна наша огромная, что мы еще имеем возможность организовать, мобилизовать промышленность, людей... только тогда Сталин вроде опять немножко пришел в себя».

Вскоре Сталин с членами Политбюро прибыл в Кремль и принял Тимошенко с Жуковым, заслушал их доклад о положении на границе и спросил, обращаясь ко всем:

— Что будем делать?

Члены Политбюро молчали. Нарушил молчание Жуков. Он сказал:

— Отданный нами вчера приказ недостаточен для отпора врагу и нужно отдать новый, чтобы обрушиться на вторгнувшегося противника всеми имеющимися силами и выбросить его с нашей территории.

— Не выбросить, а уничтожить, — добавил Тимошенко.

— Читайте приказ, — сказал Сталин.

Жуков зачитал приказ, с ним все согласились, и за подписями наркома обороны и начальника Генерального штаба в 7 часов 15 минут в войска был направлен приказ № 2 следующего содержания:

«22 июня 1941 г. в 4 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в различных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Только с момента получения этого приказа, то есть более чем через четыре часа после начала войны командование западных военных округов получило разрешение на использование всех сил и средств для отпора врагу. С этого момента, а не в 4 часа утра советские войска всем составом вступили в войну, но они в основной массе не были развернуты на боевых рубежах и построены в боевые порядки от части до фронта включительно.

Стрелковые дивизии прикрытия границы с получением приказа № 2, а во многих местах по своей инициативе и ранее, двинулись на заданные им приграничные оборонительные рубежи, но немцы их уже миновали и встреча войск противоборствующих сторон происходила в случайных местах. Развернулись встречные бои и сражения. Немецкие войска вступали в них построенными в целесообразные боевые порядки с отработанным взаимодействием между различными родами войск, надежно прикрываемые и поддерживаемые авиацией. Советские же войска вступали в бои и сражения разрозненно, не имея порой необходимых боеприпасов, не ожидая полхода артиллерии, без поддержки авиации и отсутствии связи с вышестоящим командованием. Они не имели даже планов ведения боевых действий при внезапном нападении врага. Построить же войска в целесообразные боевые порядки в условиях дефицита времени под ударами врага с суши и воздуха при низкой их маневренности и отсутствии связи очень сложно.

Результаты встречных боев и сражений определялись стойкостью и уровнем боевой подготовки бойцов и командиров, знаниями и опытом руководства войсками в со-

временной войне командующими армиями и фронтами (группами армий).

Советские командиры и красноармейцы в этих боях проявили мужество и героизм. Вместе с тем имели место недостаточная стойкость у отдельных наших воинов, растерянность, подавленность большими успехами врага. В недостатках работы командующих «сказалось, — как пишет Г. К. Жуков, — отсутствие у всех нас тогда достаточного опыта руководства войсками в сложной обстановке больших ожесточенных сражений, разыгравшихся на огромном пространстве»⁷⁸.

Войска врага отличали стойкость солдат, имевших двухлетний опыт ведения боевых действий, высокая профессиональная подготовка офицеров и особенно высшего руководства. Командующие армиями, танковыми группами, группами армий длительное время занимали свои должности, хорошо знали подчиненных, имели большой опыт подготовки и проведения ширококомасштабных наступательных операций в современной войне. Эти операции, что важно для них, были успешными с разгромом противника в короткие сроки.

Советские войска в начале войны оказались в очень сложном положении и виновны в этом И. В. Сталин, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, которые при наличии времени не провели мобилизации для пополнения дивизий людьми и транспортом до штатной численности военного времени. Перед лицом неминуемого нападения не привели войска в полную боевую готовность с занятием оборонительных позиций у границы, а с началом войны около 4 часов не давали разрешения на ответные действия и открытие огня по противнику. Все это резко усилило ударную мощь войск противника. Эти ошибочные действия военно-политического руководства являются главной причиной поражения советских войск в приграничных сражениях, но не единственной.

Г. К. Жуков в воспоминаниях по этому вопросу пишет:

«Меня иногда спрашивают, почему к началу войны с фашистской Германией мы не в полной мере подготовились к руководству войной и управлению войсками фронтов.

Прежде всего, я думаю, справедливо будет сказать, что многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт

первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в том числе и руководство Генерального штаба, теоретически понимало изменения происшедшие в характере и способах ведения второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже только вступят в дело главные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил гитлеровской Германии...

Наконец, важную роль сыграло и то обстоятельство, что И. В. Сталина до последнего момента — начала гитлеровского нападения на Советский Союз — не покидала надежда, что войну удастся оттянуть»⁷⁹.

Ошибочное представление С. К. Тимошенко и Г. К. Жукова о современной войне, которая уже около двух лет шла на Западе, дорого стоило нашему народу и его Вооруженным Силам.

Начало войны совпало со следующим необычным явлением, о чем телевидение поведало 19.01.2004 г. В июне 1941 г. было решено в Узбекистане вскрыть гробницу полководца Тамерлана. Участникам экспедиции из священной книги стало известно: если потревожить прах Тамерлана, то начнется война. Предостережением пренебрегли, могилу вскрыли 21 июня, а на следующий день началась война.

РАЗДЕЛ 2

ПРИГРАНИЧНЫЕ СРАЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ И В МОЛДАВИИ

Глава третья

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ

§ 1. Силы и средства сторон, начало сражения

Государственную границу на юго-западном направлении в пределах Украины от Влодавы до Липканы, протяженностью 940 км, прикрывали войска Киевского особого военного округа. Командовал войсками округа генерал-полковник М. П. Кирпанос, членом Военного совета был корпусной комиссар Н. Н. Вашугин, начальником штаба — генерал-лейтенант М. А. Пуркаев. 22 июня военный округ был преобразован в Юго-Западный фронт. 25 июня в связи с созданием Южного фронта его правая граница не изменилась, а левая переместилась в Берегомет.

В состав Киевского особого военного округа входили 5, 6, 26-я и 12-я армии прикрытия границы, соединения окружного подчинения и Военно-воздушные силы. В подчинении округа находились 31, 36, 37, 49, 55-й стрелковые, 9, 15, 19, 24-й механизированные, 5-й кавалерийский и 1-й воздушно-десантный корпуса, 1-я и 2-я артиллерийские противотанковые бригады РК. Всего в составе округа насчитывалось 59 дивизий, в том числе 26 стрелковых, 6 горнострелковых, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские, 3 воздушно-десантные бригады, 2 артиллерийские противотанковые бригады РК, 14 укрепленных районов.

Бронетанковые силы округа имели в своем составе 8 механизированных корпусов, из них 4 входили в состав армий прикрытия границы и 4 окружного подчинения. 4-й и 8-й механизированные корпуса были сформированы осенью 1940 г., а остальные — в апреле 1941 г. В 4-м ме-

ханизированном корпусе имелось 892 танка, в их числе 414 новых типов Т-34, КВ, в 8-м соответственно 858 и 171, 15-м 733 и 131, 19-м 220 и 11, 22-м 647 и 31, в 9-м было 285 танков старых типов Т-26, Т-35, БТ-5, БТ-7, 16-м - 608, 24-м - 222. Наиболее мощными по количеству танков являлись 4,8,15,16,22-й и слабыми 9,19,24-й. Всего в составе механизированных корпусов насчитывалось 4525 танков, из них 758 новых типов. Это была мощная танковая группировка, которая имела на 287 танков больше, чем Германия, Румыния, Финляндия и Венгрия вместе взятые.

Военно-воздушные силы округа включали 10 авиационных дивизий, 2 отдельных разведывательных авиационных полка, 11 корпусных авиационных эскадрилий.

Киевский особый военный округ считался находящимся на главном стратегическом направлении и был наиболее насыщен войсками и боевой техникой по сравнению с другими приграничными военными округами. Его значительные силы располагались во Львовском выступе, далеко вдавшемся в глубь территории противника. Такое их расположение было благоприятным для проведения наступательной операции и опасным, если наступать будет противник.

В полосе Киевского особого военного округа немецкое командование развернуло главные силы группы армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал К. фон Рунштедт. На границе СССР с оккупированной немцами Польшей (Генерал-губернаторством) были развернуты 6-я и 17-я немецкие армии, а также 1-я танковая группа. 11-я немецкая армия из этой группы армий действовала в полосе Одесского военного округа. На южной части границы, прикрываемой войсками Киевского округа были развернуты 8-й подвижный корпус Венгрии и 3-я армия Румынии. Боевые действия этих войск поддерживал 4-й воздушный флот Германии, которым командовал генерал-полковник А. Лер, а также 48 самолетов Венгрии и до 200 самолетов Румынии.

В 6-ю армию Германии входили 17,29,44,55-й армейские корпуса (9,44,56,57,62,75,111,168,297,298, 299-я пехотные и 213-я охранная дивизии). Командовал армией генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау. В 17-ю армию входили 4,52-й армейские и 49-й горнострелковый корпуса (24,68,71,97,100,101,125,132,257,295-я пехотные, 1,4-я горнострелковые, 444,454-я охранные дивизии), командо-

вал ей генерал пехоты Г. фон Штюльпнагель. В 1-ю танковую группу генерал-полковника Э. фон Клейста входили 3-й (13,14-я танковые и 25-я моторизованная дивизии) 14-й (9-я танковая, СС «Викинг» и СС «Адольф Гитлер» моторизованные дивизии), 48-й (11,16-я танковые и 16-я моторизованная дивизии) моторизованные корпуса.

Всего в полосе Киевского округа противник имел 36 немецких дивизий, в их числе 27 пехотных, 5 танковых и 4 моторизованные; 4 венгерских бригады, 4 бригады 3-й армии Румынии; 799 немецких и 123 венгерских танков.

Соотношение сил и средств в полосе Киевского особого военного округа между советскими войсками и противником показано в таблице.

Наименование сил и средств	Советские войска	Противник	Соотношение сил и средств
Дивизии	59	38,5	1,5:1
Личный состав, тыс. человек	863,7	755	1,14:1
Орудия и минометы	13634	9700	1,4:1
Танки:			
средние и тяж.	758	210	3,6:1
легкие	4327	712	6:1
Всего танков	5085	922	5,5:1
Боевые самолеты	2165	969	2,2:1

Из таблицы видно, что войска Киевского особого военного округа по всем основным параметрам, определяющим успех боевых действий, значительно превосходили противника. По численности личного состава превосходили противника в 1,14 раза, орудиям и минометам — 1,4, по числу новых средних и тяжелых танков Т-34, КВ — 3,6, по легким танкам — 6, всего по танкам — 5,5 и по самолетам — 2,2 раза. То есть по танкам и самолетам — главным средствам ведения войны превосходство было подавляющим.

Советская стрелковая (горнострелковая) дивизия в среднем имела 9360 человек, а немецкая пехотная - 16 859 и превосходила советскую по численности в 1,8 раза. Это являлось следствием того, что Германия провела заблаговременно мобилизацию и пополнила войска людьми и транспортом до штатов военного времени, а советские находились на положении мирного времени в сокращенном составе. Мобилизация на Украине была объявлена 23 июня, когда уже шли боевые действия и командиры, красноармейцы запаса, прибывшие в военкоматы городов, не были востребованы, так как неизвестно где находились их части, и толпами ходили по улицам, вокзалам. Автомашины и тракторы из народного хозяйства также не поступили в части, и они испытывали недостаток транспортных средств, что снижало их маневренность, затрудняло подвоз боеприпасов и транспортировку артиллерийских орудий, что было следствием внезапного нападения врага и быстрого его продвижения на восток.

По оснащенности немецкая пехотная дивизия превосходила советскую стрелковую (горнострелковую) дивизию по наличию автомашин в 4 раза, тракторов в 1,8 раза, лошадей в 3 раза, но уступала по количеству минометов в 4,2 раза. По числу винтовок, автоматического оружия, пулеметов, пушек и гаубиц было примерное равенство. Не было только автоматических винтовок и пистолет-пулеметов в стрелковых дивизиях 5-й армии генерала Потапова⁸⁰.

Наличие в пехотных дивизиях противника большого количества транспортных средств и особенно автомобилей (902 в дивизии) приближало их по маневренности к мотострелковым, что повышало боеспособность.

Превосходство по транспортным средствам в маневренном периоде войны имело важное тактическое и оперативное значение, так как позволяло противнику быстро сосредоточивать силы в нужном районе, маневрировать резервами в зависимости от обстановки, что было не под силу советским соединениям.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Рунштедт при неблагоприятном соотношении сил и средств по важнейшим параметрам поставил войскам задачу: окружить и уничтожить противостоящие войска Киевского округа. При этом он имел преимуществ лишь по таким элементам: внезапность, рациональное построение войск, четкие и плановые их действия, активность, боевой опыт, напористость в наступлении и упорство в обороне. Эти элемен-

ты в сочетании с умелым руководством оказались определяющими для достижения победы над более сильным противником.

Немецкое командование, не имея достаточных сил для действий во всей 860 километровой полосе Киевского округа, сосредоточило главные силы группы армий «Юг» на левом ее фланге в полосе 390 км, а правый фланг, где проходят горы Восточные Карпаты, оставило для прикрытия малочисленным венгерским и румынским войскам. В результате оно достигло высокой плотности войск на направлениях главных и второстепенных ударов, а это уже является областью военного искусства и боевого опыта.

Главный удар группа армий «Юг» наносила из района Владимир-Волынский, Крыстынополь в направлении на Киев. Движение войск планировалось вдоль шоссейных дорог, облегчающих быстрое продвижение, подвоз продовольствия, горячего, боеприпасов. На этом направлении действовали 29, 55, 44-й армейские корпуса 6-й армии, 3-й и 48-й моторизованные корпуса 1-й танковой группы.

3-й моторизованный, 29-й и 55-й армейские корпуса наносили удар из района Владимир-Волынский на Луцк, Ровно, а 48-й моторизованный и 44-й армейский корпуса - из района Сокаль, Крыстынополь на Радехов, Дубно.

В составе этой группировки имелось 15 дивизий, из них 9 пехотных, 4 танковые и 2 моторизованные. Им противостояли две советские дивизии: 87-я и 124-я. По пехоте противник имел восьмикратное превосходство и дополнительно располагал четырьмя танковыми и двумя моторизованными дивизиями, которым у границы советские войска ничего не могли противопоставить, так как 41-я танковая дивизия по плану прикрытия с началом боевых действий уходила от Владимир-Волынского на север в район Ковеля.

Массирование сил и средств на направлении главного удара позволило немецкому командованию создать своим войскам благоприятные условия для наступления, достигнуть значительного превосходства, в то время как общее превосходство было на стороне советских войск.

Развернутые в северной части Румынии 3-я румынская и 11-я немецкая армии находились в готовности к нанесению удара в северном направлении для соединения с войсками 6-й армии и 1-й танковой группы с целью окружения советских войск во Львовском выступе.

Вспомогательные удары наносили 17-й армейский кор-

пус на Ковель и 17-я армия - на Львов. 17-я армия удар наносила в полосе Томашув, Перемышль в стык Рава-Русского и Перемышльского укрепленных районов. Львов предполагалось взять через двое суток.

На направлении главного удара в районах Владимир-Волынского и Крыстынополя немецкие войска были построены в два эшелона. В первом эшелоне наступали пехотные дивизии, во втором - танковые и моторизованные. Второй эшелон планировалось ввести в бой после того, как первый эшелон форсирует реку Западный Буг и прорвет приграничные оборонительные укрепления. Отметим, что танковые дивизии Гудериана действовали в первом эшелоне на самостоятельном участке.

Вследствие внезапного нападения противник захватил исправными мосты через Западный Буг, а советские войска не успели занять оборонительные позиции у границы и их немецкие войска миновали беспрепятственно. Поэтому боевое построение танковой группы Гудериана оказалось предпочтительным. С началом вторжения его танковые дивизии на большой скорости двинулись вперед, а у Клейста впереди них находилась пехота, которая запрудила дороги и задерживала движение танков, что оказалось благоприятным для советских войск, которые получили дополнительное время для движения к границе.

Боевые действия в полосе Киевского особого военного округа начались на рассвете 22 июня. Враг нанес удары заранее сосредоточенными силами на запланированных направлениях, преодолел сопротивление малочисленных застав пограничников и, не встретив основных сил прикрытия границы, находящихся на удалении 10-50 км от нее, вторгся на территорию Украины.

Войска Киевского особого военного округа были построены в два оперативных эшелона, первый эшелон составляли армии прикрытия границы, а второй, эшелон (резервы) - соединения окружного подчинения.

Армии прикрытия также были построены в два эшелона. Первый эшелон составляли дивизии, развернутые на границе, а второй - механизированные корпуса, кавалерийская дивизия и отдельные стрелковые дивизии, расположенные в глубине.

У противника не было второго оперативного эшелона, а все наличные силы сосредоточены в первом, что обеспечило массирование сил и средств и полное использование их боевых возможностей.

Командование Киевского округа имело достаточно войск, танков, самолетов для ведения активных боевых действий с переносом их на территорию противника. При таком благоприятном соотношении сил и средств в конце Великой Отечественной войны победа наших войск не вызвала бы сомнения, а как развернутся события в ее начале?

В соответствии с планом прикрытия границы стрелковые дивизии по приказу должны были из мест дислокации выдвинутся и занять оборудованные в инженерном отношении позиции у границы, а механизированные корпуса - выйти в назначенные районы и находиться в готовности к нанесению контрударов по прорвавшемуся противнику. На это требовалось много времени, в течение которого противник должен был находиться на месте, как в начале первой мировой войны, но этого не было. План прикрытия границы не учитывал новых способов ведения войны, примененных уже руководством вермахта в войнах с Польшей и Францией: внезапность нападения, массирование заранее отмобилизованных сил и средств на избранных направлениях, нанесение мощных ударов танковыми соединениями при поддержке авиации, скоротечность боевых действий.

Особенно большим недостатком плана было то, что он не был рассчитан на внезапное нападение врага. Командующий войсками округа генерал-полковник М. П. Кирпанос считал, что не как в первую мировую войну, но несколькими днями для подготовки к отражению нападения врага округ будет располагать. Поэтому он был против выделения большого числа стрелковых дивизии для прикрытия границы.

В начале мая, как вспоминает И. Х. Баргамян, военный совет округа получил оперативную директиву, которая «требовала от командования округа спешно подготовить в 30-35 километрах от границы тыловой оборонительный рубеж, на который вывести пять стрелковых и четыре механизированных корпуса, составлявших второй эшелон войск округа. Все эти перемещения войск должны были начаться по особому приказу наркома»⁸¹. Данное приближение второго эшелона войск округа к границе имело очень важное значение, но в полной мере не было реализовано.

В конце первой декады июня на заседании военного совета округа начальник разведывательного отдела полковник Г. И. Бондарев доложил данные, полученные раз-

ведкой о сосредоточении немецких войск у границы. Он сообщил, что сейчас ежедневно в приграничные с Украинской районы прибывает до двухсот эшелонов с войсками. Из приграничной зоны выселены все мирные жители. На территории Генерал-губернаторства введено военное положение.

В связи с этим военный совет наметил ряд мер по повышению боевой готовности войск и запросил разрешение у наркома на их проведение. В частности, командующий округом запросил разрешение не проводить запланированные на июнь и июль учения и сборы, но получил отказ.

12 июня нарком приказал военному совету округа перевести все глубинные дивизии с управлениями корпусов и корпусными частями ближе к государственной границе, то есть в соответствии с ранее отданным распоряжением. Приграничные дивизии оставить на месте. На основе этой директивы военный совет округа приказал стрелковым корпусам, расположенным в глубине, начать выдвижение в новые районы без мобилизационных запасов в 20 часов 18 июня. Марш в интересах скрытности совершать только ночью, каждый переход 40 км. В указанное время двинулись на запад 31, 36, 37, 49, 55-й стрелковые корпуса, но в назначенные районы у границы к началу боевых действий выйти не сумели. В этом сказался просчет командования, которое необоснованно задержало на несколько суток выдвижение корпусов и не использовало железнодорожный транспорт. В результате 15 дивизий этих корпусов в течение длительного времени не участвовали в боях, и войскам прикрытия границы по всему фронту пришлось сражаться с превосходящим противником, особенно на направлениях его главных и второстепенных ударов.

Планированием, организацией боевых действий и управлением ими занимаются в округе три человека: начальник оперативного отдела, начальник штаба и командующий. Их подготовка и опыт работы имеют первостепенное значение в ходе войны. Ознакомимся с их данными.

Начальник оперативного отдела — заместитель начальника штаба округа полковник И. Х. Баграмян участник первой мировой войны. В 1934 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, а в 1938 г. — Военную академию Генерального штаба, имел высокий уровень теоретической и практической подготовки, играл заметную роль в решении вопросов боевого применения соединений и объединений.

Начальник штаба округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев (в последующем генерал армии) в гражданскую войну командовал полком. В 1936 г. окончил военную академию имени М. В. Фрунзе. С 1938 г. находился на должности начальника штаба военного округа, с 1940 г. — Киевского. Являлся хорошо подготовленным начальником штаба округа.

Командующий войсками округа генерал-полковник М. П. Кирпанос участник первой мировой и гражданской войн. В гражданскую войну командовал полком. После войны в 1927 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и занимал должность помощника начальника и комиссара школы Червонных старшин. С 1934 по 1939 год был начальником Казанского пехотного училища. В войне с Финляндией командовал 70-й стрелковой дивизией, удостоен звания Героя Советского Союза. После окончания войны в апреле 1940 г. назначен командиром стрелкового корпуса, а через два месяца, минуя армейское звено и должность заместителя, — командующим Ленинградским военным округом, а в феврале 1941 г. переведен на такую же должность в Киевский особый военный округ. С ноября 1939 г. по июнь 1941 г. он прошел путь от начальника пехотного училища до командующего войсками округа. Не имея достаточного опыта командования корпусом, не проходя службу в армейском звене, он должен был командовать войсками крупнейшего фронта.

Г. К. Жуков так охарактеризовал подготовку Кирпаноса, которому сдал должность: «Конечно, у него, как и у многих других, еще не было необходимых знаний и опыта для руководства таким большим округом»⁸². До начала войны он этот пробел в своей подготовке не мог ликвидировать.

В середине июня в Киев прибыл командующий 16-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и доложил о движении эшелонов армии. С 27 мая все ее соединения и части, за исключением некоторых тыловых, находятся в эшелонах и движутся из Забайкалья в район Винница, Бердичев, Староконстантинов, Шепетовка. Первым следует 57-й механизированный корпус, за ним отдельная 57-я танковая дивизия и части артиллерии, 32-й стрелковый корпус. С их прибытием округ имел бы 9 механизированных корпусов и танковую дивизию, дополнительно 1600 танков. 21 июня начали прибывать части 5-го механизированного корпуса⁸³.

Вечером 18 июня стрелковые корпуса второго эшелона округа двинулись в путь. При этом 31-й стрелковый корпус к утру 28 июня должен был подойти к границе у Ковеля; 36-й к утру 27 июня сосредоточиться в районе Дубно, Козин, Кременец; 37-й к утру 25 июня — в районе Перемышляны, Брезжаны, Дунаев; 55-й стрелковый корпус (без одной дивизии) выйти к границе к утру 26, а 49-й — к утру 30 июня. Из этих данных видно, что корпуса до начала войны не успели прибыть в заданные районы. Им для этого требовалось еще от 4 до 8 суток, поэтому встречались они с врагом в случайных местах и включились в боевые действия. Если бы они выступили в путь 13 июня или на другой день, результат был бы иной.

Утром 19 июня из Генерального штаба поступила телеграмма о том, что нарком приказал создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тернополь. На следующий день вечером из Киева в Тернополь отправился железнодорожный эшелон с частью фронтового управления, а вторая часть его выехала на автомашинах утром 21 июня.

Оперативный отдел во главе с полковником Багрянном дорабатывал план прикрытия границы. Вечером 21 июня план был готов и отправлен в Москву, а оперативный отдел на автомашинах выехал в Тернополь, куда прибыл в 7 часов утра 22 июня, когда уже шла война. В критический момент получения приказа № 1 о приведении войск в боевую готовность и в начале войны, когда нужно было быстро доводить распоряжения до войск, получать и обобщать данные обстановки, оперативный отдел отсутствовал. В связи с этим, как увидим далее, попытки командиров корпусов и командующих армиями установить связь со штабом округа не давали результатов. В войсках не знали, что штаб из Киева убыл в Тернополь. Для оперативного управления войсками нужна связь, а она в большинстве случаев отсутствовала из-за смены штабом своего положения. Кроме того, ее нарушали диверсанты, авиация, да и имеющиеся средства обладали малой надежностью. Смена положения штаба была произведена в самый неподходящий момент, не предполагая, что начнется война.

Прием телеграммы с приказом № 1 наркома обороны от 21 июня в штабе округа была закончена в половине третьего ночи. Пока ее расшифровали подготовили распоряжения армиям гитлеровцы начали артиллерийскую

подготовку.

Огонь немецкой артиллерии явился полной неожиданностью для войск округа, которые находились в местах постоянной дислокации и лагерях. В зоне артиллерийского огня оказались части, которые находились вблизи границы из состава 87, 124, 45-й стрелковых и 41-й танковой дивизий. Одновременно авиация нанесла удары по аэродромам, штабам, складам горючего и боеприпасов, войскам в районах сосредоточения. В воздух поднялась истребительная авиация, и развернулись воздушные бои в районах аэродромов ее базирования и крупных городов.

Навстречу противнику к границе двинулись 45, 62, 87, 124-я стрелковые дивизии 5-й армии; 41, 97-я стрелковые и 3-я кавалерийская дивизии 6-й армии, а также 72-я и 99-я стрелковые дивизии 26-й армии. То есть 9 дивизий вступили в сражение со всей мощью 6-й и 17-й немецких армий и корпусами 1-й танковой группы.

Немцы для дезорганизации работы тыла, нарушения связи и распространения ложных слухов выбросили до десятка небольших парашютных десантов в районах городов Ковеля, Дубно, Радехова, Стрия, Черткова и других местах. На их ликвидацию были брошены главным образом подразделения 8, 15, 22-го механизированных корпусов.

С началом войны к границе двинулись 9-й и 19-й механизированные корпуса. В резерве округа остался 24-й мехкорпус.

В 13 часов дня 22 июня, когда обстановка на фронтах начала складываться неблагоприятно и необходимо было организовать нанесение мощных контрударов по врагу, И. В. Сталин позвонил Г. К. Жукову по телефону и сказал, чтобы он в соответствии с решением Политбюро, немедленно вылетал на Юго-Западный фронт для оказания помощи Кирпаносу, не имеющего опыта. На вопрос Жукова:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина. И с некоторым раздражением добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Жуков оставил Генеральный штаб и через 40 минут был в воздухе. К исходу дня прилетел в Киев, где встретился с первым секретарем ЦК КП(б)У Н. С. Хрущевым, являвшимся первым членом Военного совета Киевского военного округа (Юго-Западного фронта) по положению, и

вместе с ним отправился на автомашинах в Тернополь. Лететь на самолете было опасно, так как линия фронта недалеко и могли встретиться немецкие истребители.

Поздно вечером 22 июня Жуков и Хрущев прибыли на командный пункт Юго-Западного фронта. Встречать Жукова вышли Кирпанос с Вашугиным, к которым вскоре присоединился Пуркаев. Жуков с членами военного совета прошел на командный пункт фронта и заслушал доклад командующего о ходе боевых действий и решение на нанесение контрудара по прорвавшемуся противнику в районе Владимир-Волынский, Крыстынополь. Хорошо зная войска фронта, он быстро уяснил обстановку и стал рассматривать: как усилить ударную группировку для достижения успеха подобного тому, какой имел на реке Халхин-Гол. В это время его вызвал к телефону Ватутин и сказал:

— К исходу сегодняшнего дня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о потерях. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях авиации и наземных войск. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери в основном на земле.

Сообщив еще некоторые данные, Ватутин сказал, что Сталин одобрил проект приказа № 3 и потребовал поставить под ним и вашу подпись.

— Что это за приказ? — спросил Жуков.

— Приказ предусматривает нанесение фронтами контрударов с перенесением боевых действий на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары. Не лучше ли до утра разобратся в том, что происходит на фронтах, и уж тогда принять нужное решение?

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

— Хорошо, если Сталин требует под приказом мою подпись, ставьте.

Приказ № 3 поступил на командный пункт в Тернополе около 24 часов. В нем Юго-Западному фронту поставлена задача: «концентрированными ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов при поддержке авиации окружить и уничтожить группировку противника, наступающую

на фронте Владимир-Волынский — Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблин». Действия войск фронта было приказано поддержать корпусу дальнебомбардировочной авиации одним вылетом. Кроме того, фронту передавалась одна дальнебомбардировочная авиадивизия. Жуков ознакомил командование фронта с приказом и спросил:

— Есть ли сомнения в выполнении поставленной задачи?

Все ответили, что нет, и молчал лишь начальник штаба.

— Ваше мнение, генерал Пуркаев.

— Товарищ генерал армии, — сказал, встав Пуркаев, — фронт не готов к нанесению контрудара на Люблин теми силами, которые указаны в приказе.

— Когда он будет готов к выполнению этой задачи?

— Через неделю.

— Приказ требует взять Люблин 24 и этот срок можно выдержать, если приступить к выполнению задачи немедленно, а вы предлагаете начать ее выполнять только через семь дней. Вам хорошо известны последствия невыполнения приказа Ставки. Доложите обоснование.

— Это время требуется для того, чтобы воссоздать оборону, измотать врага, сосредоточить необходимые силы и средства, подтянуть тылы.

— Согласиться с вашим мнением не могу, — сказал Жуков. Пока будете сосредоточивать силы и подтягивать тылы, противник прорвется до реки Стырь, а возможно и далее. Поэтому, не лучше ли немедленно приступить к активному воздействию на противника в соответствии с требованиями приказа. Вы имеете 9 механизированных корпусов против 3 у противника.

— Сейчас фронт имеет 8 механизированных корпусов, так как перед вашим приездом из Генштаба пришла телеграмма, в которой нарком поставил задачу армии Лукина следовать в район Смоленска и она приступила к погрузке в эшелоны, а часть их поворачивается с маршрута.

— Восьми корпусов вполне достаточно для окружения и разгрома вклинившегося противника.

— Я с вами вполне согласен, но в районе нанесения контрудара мы имеем сейчас три корпуса, а не пять — шесть, как требует приказ. Корпуса Рокоссовского, Фекленко и Рябышева, как видно из обстановки на карте, подойдут к этому району форсированным маршем не ранее

25-го. В это время фронт и сможет приступить к выполнению поставленной задачи. Поэтому я прошу вас уточнить фронту время выполнения задачи.

— Обоснование убедительное, конечный срок выполнения задачи я согласую с Семеном Константиновичем. К нанесению удара по противнику тремя корпусами приступить немедленно, а контрудар пятью — шестью нанести с выходом в исходные районы корпусов Рябьшева, Рокоссовского, Фекленко. Какое ваше мнение Михаил Петрович?

— Будем выполнять поставленную задачу. Внесем изменения и уточнения в принятое решение и вам доложим.

С этим согласились Хрущев и Вашугин, пришлось подчиниться и Пуркаеву.

— Михаил Петрович, доклад решения через час, присутствовать всем членам военного совета.

Скорректированное Жуковым решение командующего фронтом на выполнение поставленной задачи предусматривало создание двух мощных танковых группировок в районах Ровно и Броды для ударов по сходящимся направлениям с севера и юга по корпусам группы армий «Юг», наступавшим в направлении на Дубно, Житомир с целью их окружения и разгрома.

Ровенская танковая группировка включала в свой состав 9,19-й и 22-й механизированные корпуса. Командовать ей было поручено М. И. Потапову. Для удара по врагу с юга создавалась мощная бродская группировка в составе 4,8-го и 15-го механизированных корпусов. Командование этой танковой группировкой возлагалось на руководство фронта, а фактически Г. К. Жукова. В результате создана была обстановка руководства войсками Жуковым и Потаповым, напоминавшая их действия при окружении и разгроме 6-й японской армии на реке Халхин-Гол. Силы в их распоряжении были значительные, положение мощных танковых группировок на флангах клина немецких войск благоприятное. Можно было рассчитывать, что немецкие войска, втягивающиеся в «мешок» между двумя танковыми группировками будут уничтожены.

К проведению операции дополнительно привлекались 31,36,37-й стрелковые корпуса, дальние бомбардировщики и авиация фронта. На основании этого решения командование и штаб фронта быстро разработали предварительные боевые распоряжения и передали их армиям, корпусам.

Автору хорошо знаком район, где развернутся боевых действий, его местность, аэродромы, так как часто был

здесь по службе, участвовал в учениях Прикарпатского военного округа. Эти знания будут использованы при рассмотрении хода боевых действий.

§ 2. Боевые действия 5-й армии

На правом фланге Киевского особого военного округа государственную границу в пределах Украины от Влодавы до Крыстынополя, протяженностью 170 км, прикрывала 5-я армия. Командовал армией генерал-майор танковых войск М. И. Потапов, членом Военного совета был дивизионный комиссар М. С. Никишев, начальником штаба — генерал-майор Д. С. Писаревский. В состав армии входили 15, 27-й стрелковые и 22-й механизированный корпуса, три артиллерийских зенитных дивизиона, Ковельский и Владимир-Волынский укрепленные районы, находящиеся в стадии строительства, две авиационные дивизии. Армии оперативно были подчинены 1-я артиллерийская противотанковая бригада РК и 9-й механизированный корпус. Первый эшелон армии составляли 15-й и 27-й стрелковые корпуса, а второй — 19-й и 22-й механизированные корпуса.

В полосе 5-й армии противник наносил главный удар на Киев из района Владимир-Волынский, Крыстынополь и вспомогательный удар от Хельма на Ковель. В связи с этим здесь действовали 29, 55, 44-й армейские корпуса 6-й армии и 3, 48-й моторизованные корпуса 1-й танковой группы Клейста. Из этого видно, что против 5-й армии действовали основные силы пехоты и танков группы армий «Юг».

На правом фланге 5-й армии от Влодавы в полосе 100 км был развернут 15-й стрелковый корпус, которым командовал полковник И. И. Федюнинский, а далее до Крыстынополя — 27-й стрелковый корпус генерал-майора П. Д. Артеменко.

В 15-м стрелковом корпусе на стыке с Западным фронтом располагалась его 45-я стрелковая дивизия генерал-майора Г. И. Шерстюка, в центре участка обороны — 62-я стрелковая дивизия полковника М. П. Тимошенко и на левом фланге — 87-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. Ф. Алябушева. Далее к югу располагались участки обороны 135-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф. И. Сметхотворова и 124-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф. Г. Сущего, входивших в состав 27-го стрелкового корпуса.

Части 15-го стрелкового корпуса располагались в лагерях и военных городках на удалении 40—110 км от границы. По одному полку от каждой дивизии были заняты на строительстве оборонительных укреплений у границы. Артиллерийские полки были на учебном сборе на Повурском полигоне.

Вечером 18 июня И. И. Федюнинский доложил командующему 5-й армией М. И. Потапову данные, сообщенные ему перебежчиком А. Лескофым о начале войны на рассвете 22 июня. Когда командующий не уделил сообщению должного внимания, он попросил Потапова, в порядке страховки, разрешить ему вывести по два полка 45-й и 62-й дивизий, не занятых на строительстве укреплений, из лагерей в густые леса на удалении восьми километров от границы, а артиллерийские полки вызвать с полигона. Командующий сердито ответил: «Напрасно бьете тревогу». Федюнинский настаивал на проведении их и он разрешил.

Действия полковника Федюнинского были исключительно целесообразными. Две его дивизии, расположенные в глубине, передислоцировались и находились у границы на расстоянии часового перехода, что позволяло им своевременно занять подготовленные оборонительные позиции и оказать врагу при внезапном нападении эффективное противодействие.

Полковник И. И. Федюнинский был единственным из командиров приграничных стрелковых корпусов, которому были известны день и час начала войны, и он привел подчиненные дивизии в положение, когда они успевали при вторжении врага занять свои позиции у границы. Для 15-го корпуса вторжение врага не было внезапным, так как он изготовился к его отражению. В связи с этим действия 15-го корпуса являются эталоном того, как должны были действовать все приграничные соединения первого эшелона при их своевременном приведении в полную боевую готовность с выведением на позиции у границы.

Оценим возможности противника по ведению наступления на ковельском направлении. Действовавший на этом направлении его 17-й армейский корпус имел в своем составе 213-ю охранную, 52-ю и 62-ю пехотные дивизии, им противостояли 45-я и 62-я стрелковые дивизии 15-го корпуса. Соотношение сил и средств сторон показано в таблице.

Силы и средства	Советские 45,62-я дивизии	Немецкие 213,52,62-я дивизии	Соотноше- ние сил и средств
Личный состав	17919	50577	1:2,8
Пулеметы ручные и станковые	1140	1902	1:1,7
Пушки	189	285	1:1,5
Гаубицы	98	162	1:1,7
Минометы	291	163	1,8:1
Винтовки	17835	32073	1:1,8
Автомашины	190	2706	1:14

Из таблицы видно, что противник превосходил две противостоящие советские дивизии по численности личного состава почти в три раза, по пулеметам в 1,7 раза, пушкам - 1,5, гаубицам - 1,7, винтовкам - 1,8 и автомашинам в 14 раз. Помимо этого он имел, не показанные в таблице, 11 600 автоматических винтовок, около 1600 пистолетов-пулеметов, чего не было в советских дивизиях. Уступал он только по численности минометов в 1,8 раза. Громадное преимущество по численности автомашин существенно повышало маневренность немецких дивизий.

Отсутствие на ковельском направлении у противника танков Рундштедт компенсировал увеличением действий авиации, которая наносила удары по боевым порядкам, тылам, транспорту на дорогах, срывая подвоз продовольствия, горючего, боеприпасов. Советская авиация не появлялась в воздухе, что ставило в тяжелое положение части 15-го корпуса.

В первый день войны из 41-й танковой дивизии были переданы 87-й дивизии два танковых батальона, 62-й дивизии - 30 танков, 45-й дивизии - мотострелковый полк, а через два дня еще две танковые роты, что повысило их возможности по обороне и нанесению контрударов.

Недостатком обороны 15-го корпуса был открытый правый фланг 45-й стрелковой дивизии, так как соседняя 75-я стрелковая дивизия Западного фронта сражалась се-

вернее, в районе Малориты. Это позволяло противнику обходить войска корпуса. Жуков советовал Федюнинскому вести боевые действия с загнутым правым флангом, что он и делал, но это не устраняло имевшегося недостатка.

В полосе действий 15-го стрелкового корпуса границу на правом фланге охранял 98-й (Любомольский) пограничный отряд, а на левом - 90-й (Владимир-Волынский). Их заставы первыми приняли удар врага. Для обороны на заставах имелось по 3-4 ДЗОТа, соединенных крытыми ходами сообщений. Естественным препятствием являлась река Западный Буг шириной 30-40 м, глубиной 1,5-3 м.

22 июня с получением указаний из штаба округа Потапов вызвал по телефону Федюнинского в штаб корпуса, так как ВЧ не работала, и приказал «поднять дивизии по тревоге, боеприпасы иметь при войсках, но на руки личному составу пока не выдавать и на провокации не поддаваться»⁸⁴.

В 4 часа 20 минут над Ковелем, Владимир-Волынским и другими городами появились немецкие самолеты и начали бомбить, а на границе артиллерия открыла огонь. Связь с армией прекратилась. В этих условиях Федюнинский отдал командирам дивизий приказ выводить полки к государственной границе и выдать личному составу боеприпасы. Зенитной артиллерии он приказал открывать огонь по самолетам.

С первыми выстрелами немецкой артиллерии в сражение вступили пограничники 98-го погранотряда, начальником которого был подполковник Г. Г. Сурженко. В отряде имелось 13 линейных и 3 резервные заставы, объединенные тремя комендатурами. Общая численность отряда составляла 1648 человек, на вооружении имелось 36 станковых и 42 ручных пулемета, винтовки, автоматы.

На участке 1-й заставы артиллерия врага открыла огонь на рассвете, и после артиллерийской подготовки немцы начали форсировать Западный Буг, но две их попытки были отбиты. Сосредоточив дополнительные силы, противник в 8 часов форсировал реку и занял села Орехово и Пища. К 15 часам в полутора километрах восточнее заставы занял оборону 3-й батальон 10-го стрелкового полка 45-й дивизии. Под натиском врага пограничники и стрелковые подразделения отошли от граница, а утром на следующий день перешли в контратаку и восстановили положение. Свои позиции они удерживали до утра 24 июня, когда поступил приказ об отходе⁸⁵.

На берегу Западного Буга между железнодорожным и шосейным мостами располагалась 8-я застава, которая насчитывала 49 человек, половина которых находилась на охране границы. В 3 часа 50 минут по заставе ударили артиллерия и минометы. Одновременно в районах шосейного и железнодорожного мостов противник начал форсировать реку. Под руководством начальника заставы старшего лейтенанта П. К. Старовойтова пограничники встретили врага дружным огнем и нанесли ощутимый урон. К 11 часам на заставе в живых осталось 10 человек, шесть из которых были ранены. Командовал ими младший политрук А. А. Бабенко, который ночью вывел их из окружения.

На помощь пограничникам, сражавшимся с врагом, по приказу И. И. Федюнинского двинулись дивизии 15-го стрелкового корпуса и за время артиллерийской подготовки, продолжавшейся час, они к пяти часам вышли к границе⁸⁶.

На заставах горели казармы, жилые дома. Пограничники стояли насмерть, но, где наступали значительные силы врага, их противодействие было несущественным.

Против 45-й и 62-й дивизий действовали три немецких, имевших значительное превосходство в численности, но добиться успеха не могли. Сдача пограничниками мостов в исправном состоянии способствовало противнику в наращивании сил для наступления, так как не требовалось форсировать широкий пограничный Западный Буг.

Немецкое командование вводило в бой все новые силы. Жаркий бой шел по всей линии фронта и особенно в полосе 45-й дивизии в направлении на Любомль, где противник наносил вспомогательный удар. Ее части, сдерживая противника, медленно отходили. Положение дивизии осложняло то, что у нее не было локтевой связи с 75-й стрелковой дивизией, и она сражалась с открытым правым флангом, чем пользовался противник. 62-я дивизия до исхода первого дня удерживала свои позиции на границе.

Из изложенного видно, что при заблаговременном занятии советскими дивизиями подготовленных оборонительных позиций по всей границе противник в первый день войны не добился бы существенного успеха, кроме отдельных мест, что могло изменить ход начавшейся войны.

На левом фланге 15-го стрелкового корпуса, оборонялась 87-я стрелковая дивизия. Перед ее частями у границы располагались заставы 90-го пограничного отря-

да. В направлении Устилуг, Владимир-Волынский противник наносил главный удар силами 29-го армейского и 3-го моторизованного корпусов.

С первыми выстрелами артиллерии в бой вступили ряды и гарнизон 4-й заставы, в пределах участка которой проходило шоссе Устилуг, Владимир-Волынский, по этому шоссе через некоторое время двинулись вперед пехота и за ней передовой отряд 13-й танковой дивизии. У моста через Западный Буг заняла спешно оборону группа пограничников 4-й заставы под командованием ее начальника старшего лейтенанта Чумовицкого. Рота пехоты противника пыталась с ходу захватить мост, но ее атака была отбита. Вскоре к мосту подошли 15 танков и подразделения пехоты. Танки на скорости прорвались по мосту, а пехота была остановлена пограничниками, которые оказались в окружении. Вскоре к мосту подошла новая группа танков и прорвалась. Продержавшись четыре часа и понеся большие потери, пограничники отошли, сдав мост противнику в исправном состоянии. По мосту хлынули на восточный берег пехота и танки.

87-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. ф. Алябушева еще 14 июня под видом учений была выдвинута к границе, где ее части заняли оборону и организовали взаимодействие. Но об этом стало известно в Москве и из Генштаба поступило указание: отвести дивизию от границы в лагерь, который находился восточнее Владимир-Волынского⁸⁷.

По донесению пограничников о начале немцами боевых действий в дивизии была объявлена боевая тревога, и ее полки двинулись к назначенным рубежам, но на переход требовалось значительное время, когда противник беспрепятственно продвигался на восток. С подходом к границе они выбили вклинившиеся части 44-й и 298-й пехотных дивизий противника и восстановили положение, но не везде. К полудню противник, накопив значительные силы на восточном берегу Западного Буга у Устилуга, перешел в наступление, взял его, затем Владимир-Волынский, и 13,14-я танковые дивизии двинулись по шоссейной дороге на Луцк.

Упорно сражались на границе бойцы 16,283,96-го стрелковых, 212 и 197-го артиллерийских полков 87-й дивизии. Артиллеристы 1-го дивизиона капитана В. А. Лебединцева и 3-го дивизиона капитана В. А. Скворнюка,

занимавшие оборону у Устилуга, подбили 16 танков и уничтожили сотни гитлеровцев.

Воины стрелковых полков одну за другой отбивали атаки противника. В 16 часов 87-я дивизия частью сил контратаковала врага в районе Лудзин. Удар был нанесен ощутимым, но преимущество противника было весьма значительным и успех развить не удалось. К тому же дивизия не имела соседа слева, так как 135-я стрелковая дивизия, находясь далеко в тылу, не заняла своего участка обороны на границе, и между 87-й и 124-й дивизиями образовался разрыв в 20 км, в который к устремились силы врага.

Под натиском превосходящих сил противника и угрозе окружения, вследствие открытого левого фланга, 87-я дивизия начала отходить. Ее 16-й полк отходил к Войнице; 283, 96-й стрелковые и артиллерийские полки — в укрепленный район в районе Седлец, где 23 июня они были окружены. Вне окружения остался 16-й стрелковый полк.

В центре боевого порядка 15-го корпуса 23 июня 62-я дивизия продолжала удерживать свой рубеж, а 45-я вела упорные бои за Любомль. В полдень к городу отошли десять застав 98-го погранотряда и заняли оборону на восточной окраине города. Противник непрерывно атаковал части 45-й дивизии.

На следующий день утром противник при поддержке авиации вновь повел наступление на город и, пользуясь численным превосходством, начал теснить части 45-й дивизии. Ей на помощь были направлены два танковых батальона 41-й танковой дивизии. Советские воины перешли в контратаку и после тяжелого боя отбросили немцев от города.

К исходу 24 июня части 45-й и 62-й стрелковых дивизий держали оборону в нескольких километрах от границы, и хваленые немецкие дивизии, имея большое превосходство в людях и эффективную поддержку с воздуха, ничего не могли сделать. На направлении вспомогательного удара войска группы армий «Юг» уже три дня не имели продвижения.

Так было и в других некоторых местах, что стало известно в Ставке Гитлера и один из его четырех адъютантов с русской фамилией фон Белов в воспоминаниях пи-

шет:

«Русские бьются повсюду хорошо... Но самое сильное сопротивление они оказывают на юге. Тут они имеют и хорошее командование. Рундштедт, командующий здесь нашими войсками, говорит, что еще ни разу за всю эту войну не имел перед собой такого хорошего противника»⁸⁸.

Отметим, что генерал-фельдмаршал Карл фон Рундштедт был наиболее прославленным полководцем третьего рейха. В войне с Польшей он командовал группой армий «Юг», а при разгроме англо-французских войск — группой армий «А» и добился больших успехов. Поэтому оценка 65-летним фельдмаршалом действий советских войск является как объективной, так и профессионально достоверной.

Вечером 23 июня Потапов получил предварительное боевое распоряжение, а утром 24 июня — приказ на нанесение контрудара в направлении на Владимир-Волынский с целью разгрома противостоящей группировки противника и восстановления положения на границе. Для нанесения контрудара он начал сосредоточивать силы. Южнее противотанковой бригады Москаленко, ведущей бой, он разворачивал 135-ю стрелковую дивизию. С ковельского шоссе повернул на Владимир-Волынский 19-ю танковую дивизию. Из района Турийска повернул на юг 215-ю моторизованную дивизию. Привлек к нанесению удара и 16-й стрелковый полк 87-й дивизии. 14-й смешанной авиадивизии полковника И. А. Зыканова приказал поддержать и прикрыть войска с воздуха. Руководить контрударом решил сам из Войницы, куда дал указание подать связь. Он считал, что двумя концентрическими ударами достаточно мощных сил нанесет поражение немецким дивизиям, прорвавшимся по луцкому шоссе, деблокирует полки 87-й дивизии, а затем и 124-ю.

Контрудар 135-й дивизии совместно с 19-й танковой и 16-м стрелковым полком вначале развивался успешно. В воздухе и на земле шли жаркие бои. Танки и пехота, поддержанные ударами бомбардировщиков по узлам сопротивления, двинулись вперед и на 7–10 км отбросили противника на запад. Немецкое командование срочно перебросило в район боев две пехотные и одну танковую дивизии, большое число противотанковой артиллерии, направило значительные силы авиации, которая непрерывно бомбила и обстреливала контратакующие войска, затрудняя подвоз горючего и боеприпасов. В результате про-

рвать кольцо окружения полков 87-й дивизии не удалось и к исходу дня наши части, понеся большие потери, вынуждены были отходить на Рожище. О напряженности боя свидетельствует то, что командир 19-й танковой дивизии был ранен, командиры двух танковых полков убиты, а мотострелкового скончался от полученных ран. Дивизия потеряла почти все 45 танков Т-26 к 12 бронемашин, участвовавших в контрударе.

Аналогично неблагоприятно закончился и контрудар с севера 215-й моторизованной дивизии, которая отошла к Ковелю.

С учетом указанного 45-я и 62-я стрелковые дивизии оказались далеко впереди, и был получен приказ на отход частей корпуса на рубеж Ковеля. Вечером части 45-й дивизии под прикрытием пограничников оставили Любомль и начали отход на заданный рубеж.

В штабе 5-й армии, да и фронта слабо знала силы врага. Об этом свидетельствует следующий разговор Жукова с Потаповым 24 июня по прямому проводу. Потапов доложил начальнику Генерального штаба, что **«На фронте Влодава — Устилуг действует до... двух тысяч танков (выделено нами.— В. С.)»⁸⁹**. И это в то время, когда на ковельском направлении противник танковых соединений не имел. Главный удар он наносил южнее. Так сколько же у него было танков? По данным Потапова их у него было около 3000, что не соответствует действительности. Причем Жуков его не поправил, но в воспоминаниях указал, что «Сведения о танках оказались сильно преувеличенными», а точнее сказать — ложными, сыгравшими большую отрицательную роль, так как командующий и начальник штаба фронта все время ожидали их удара.

При наличии таких данных о танках Потапов должен был ковельскому направлению уделить главное внимание и отвлечь силы от района, где действительно действовала главная группировка врага. Он так и поступал, так как далее Жукову докладывал: «Главное чего я опасаясь, это удара танковых частей противника с юга в направлении Луцка, что создаст угрозу борьбы на два фронта». Но фактически противник и наносил удар 3-м моторизованным корпусом на Луцк.

В связи с указанным Потапов просил «усилить помощь действиями бомбардировочной авиации, добиться недопущения переправы танковых частей на фронте Дубенка — Городло, задержать продвижение танковых частей с

брестского направления»⁹⁰. То есть он просил направить бомбардировочную авиацию для ударов по несуществующим 2000 танков — по пустому месту. На это Жуков ответил: «В отношении авиации меры будут приняты» и бомбардировщики вместо ударов по танкам под Луцком, где они фактически находились, пойдут в район, где их нет, и будут бить по второстепенным объектам, сетуя, что не могут обнаружить скопления громадного количества танков, которых и не было. Умело пущенная немцами дезинформация сработала и путала планы.

Этот случай показывает в каких тяжелых условиях работали командующие и их штабы из-за бездействия воздушной разведки, которая позволяла получить достоверные данные о противнике методами визуального наблюдения и фотографированием местности. По докладу Потапова он в это время имел 41 самолет, каждый из которых можно было применить для ведения воздушной разведки, но он этого не организовал.

Данные, полученные Жуковым от Потапова о 2000 танков в районе Городло, были нанесены на карты оперативного и разведывательного отделов штаба фронта и на долго опечалили командование, так как если в 1-й танковой группе имелось 750 танков, то командующий 5-й армией вскрыл сосредоточение еще 2-3 таких групп. Это сейчас известно, что там не было ни одного танка, а в то время сообщение командующего начальнику Генерального штаба о вскрытии крупной танковой группировки врага воспринималось как установленный факт. Потапов, не поверивший Лескофу о начале войны, воспринял эту дезинформацию немецкого командования и активно ее распространял.

На границе, прикрываемой 27-м стрелковым корпусом генерал-майора И. Д. Артеменко, противник сосредоточил силы, которые принимали участие в нанесении главного удара на Киев. Удар они наносили на участке Сокаль — Крыстынополь, захватывая стык с 6-й армией. В первом эшелоне у противника наступали пехотные дивизии 44-го армейского корпуса 6-й армии, а за ними во втором эшелоне следовали 11-я и 16-я танковые дивизии 48-го моторизованного корпуса. Пехота должна была форсировать Западный Буг и прорвать приграничные оборонительные позиции. После этого в прорыв должен был вводиться моторизованный корпус.

С началом боевых действий враг открыл артиллерий-

ский огонь по городу Сокаль, зданиям 4-й комендатуры и застав, погибло 25 человек. Пограничники 14-й линейной и 4-й резервной застав под командованием лейтенанта Сачкова заняли оборону у моста через Западный Буг. Противник после часовой артподготовки по уцелевшему мосту двинулся на восточный берег, но был остановлен ружейно-пулеметным огнем. Тогда противник возобновил артиллерийский огонь и под его прикрытием овладел мостом и по нему двинулись 50, а затем 150 танков. Немцы захватили также исправным железнодорожный мост на железной дороге Крыстынополь — Владимир-Волынский, который охраняло отделение 128-го стрелкового полка НКВД.

Мост у села Скоморохи был взорван группой подрывников 13-й заставы. Сражалась эта застава с врагом героически. Располагалась она в двухэтажном кирпичном здании на берегу реки Стасувка, недалеко от ее впадения в Западный Буг, и имела хорошо оборудованные оборонительные сооружения. Командовал заставой лейтенант А. В. Лапшин, его заместителем по политчасти был младший политрук Г. И. Погорельый. На рассвете 22 июня бойцы заставы вступили в бой с фашистами и, оказавшись в окружении, 11 дней умело оборонялись, нанеся врагу большой ущерб. Почта весь личный состав заставы погиб. Только три ее раненых защитника в ночь на 3 июля выбрались из развалин и добрались до своих. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1958 г. лейтенант А. В. Лапшин удостоен звания Героя Советского Союза.

За пограничниками располагались оборонительные позиции 124-й и 135-й стрелковых дивизий. Но эти позиции не были заняты. Поэтому упорных боев на границе, к чему вполне обоснованно готовилось немецкое командование и построило войска в два эшелона, не было. Немецкие войска хлынули по захваченному мосту на правый берег Буга беспрепятственно. Солдаты и офицеры как туристы осматривали подготовленные, но не занятые оборонительные позиции на берегу реки, что было следствием внезапного нападения немецкой армии.

Потапов не поверил Федюнинскому о начале войны и не принял никаких мер предосторожности. 135-ю стрелковую дивизию не подтянул к линии оборонительных позиций и она только на второй день войны в Киверцах была приведена в боевую готовность. В результате ее участок на

границе оказался не занятым, и 124-я дивизия сражалась с открытым правым флангом.

124-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. Г. Сущева прикрывала границу на 20-километровом участке к северу от Крыстынополя. С получением от пограничников сообщения о вторжении крупных сил противника дивизия была поднята по тревоге, и ее полки двинулись к своим участкам обороны на границе. Но до них дойти не успели, так как враг с большой скоростью двигался навстречу. Дивизия, совершив 8-километровый бросок, вступила в бой с врагом, который уже ворвался в Крыстынополь. Пехота часто применяла штыковые атаки, которых немцы не выдерживали. Бой шел с переменным успехом. Исход боя решили мощные бомбовые удары немецкой авиации, и советские пехотинцы вынуждены были отходить. Успеху противника способствовало и то, что у дивизии был открыт не только правый, но и левый фланг, так как разрыв с 3-й кавалерийской дивизией 6-й армии составлял 15 км.

В первый день войны из-за внезапного нападения немцев на границе не оказалось 135-й и 3-й кавалерийской дивизий, и они окружили 124-ю и 87-ю дивизии. В результате в полосе действий 5-й армии от Владимир-Волынского до Крыстынополя и на стыке с 6-й армией образовался разрыв шириной 50 км, в который хлынули шесть немецких пехотных и две танковые дивизии и продвинулись на отдельных участках до 30 км.

На следующий день действующие на сокальском направлении 11-я и 16-я танковые дивизии вышли на рубеж Порыцк, Стоянов. 124-я стрелковая дивизия продолжала сражаться в окружении.

Активное участие в боях на луцком направлении принимала 1-я артиллерийская противотанковая бригада РК, которая являлась мощным артиллерийским соединением, способным создавать основу противотанковой обороны на путях вторжения вражеских танков. Важным было то, что по штату вся тяга в бригаде была механической - ни одной лошади, а это обеспечивало высокую ее маневренность.

Командиром 1-й артиллерийской противотанковой бригады РК был генерал-майор К. С. Москаленко, вступивший в эту должность 8 мая 1941 г. Его заместителем по политической части был батальонный комиссар Н. П. Земцов, а начальником штаба - майор Н. И. Крылов.

Бригада заканчивала формирование, когда прибыл Москаленко. Дислоцировалась она у станции Киверцы в полевом лагере. В бригаде днем и ночью шла боевая учеба, ее бойцы и командиры совершенствовались свое боевое мастерство. Моральный уровень личного состава был высоким. Она была полностью укомплектована личным составом и боевой техникой, обеспечена снарядами, в том числе бронебойными. В бригаду входили два пушечных артиллерийских полка, минно-саперный и автотракторные батальоны. В каждом артиллерийском полку было по два дивизиона 76-мм пушек (24 орудия), по три дивизиона 88-мм пушек (36 орудий) и одному зенитному дивизиону (восемь 37-мм орудий и 36 пулеметов ДШК). Всего в бригаде имелось 48 орудий 76-мм, 72 орудия 85-мм, 16 орудий 37-мм и 72 пулемета ДШК. Прекрасное вооружение бригады, хорошая подготовка личного состава и командования обеспечили высокую эффективность ее боевого применения.

С началом боевых действий Москаленко вскрыл мобилизационный пакет и узнал, что бригада с началом войны должна форсированным маршем направиться по маршруту Луцк, Радехов, Рава-Русская, Немиров на львовское направление в район развертывания 6-й армии.

Москаленко доложил об этом генералу Потапову, который потребовал «выступить на Владимир-Волынский и совместно с 22-м механизированным корпусом уничтожить противника, перешедшего границу, и восстановить положение»⁹¹. Москаленко ответил, что бригада является резервом Главного командования и выполнять требование, противоречащее мобилизационному плану, не может. Тогда Потапов попросил подождать у телефона, пока он свяжется с Киевом или Москвой. Через минут 20 он сообщил, что связь с командованием округа и Москвой не действует, а поэтому подтверждает задачу бригаде и ответственность за нарушение мобплана берет на себя. Москаленко подтвердил поставленную задачу и приступил к ее выполнению.

Бригада после короткого митинга о нападении Германии в 10 часов выступила по направлению к границе. После того как она миновала Луцк, по ней нанесли дважды удары группы бомбардировщиков по 20-30 самолетов в каждой под прикрытием истребителей. Но колонны бригады шли рассредоточено на большой скорости, а поэтому потери были небольшие.

Под Владимир-Волынском показались танки врага.

Авангард бригады быстро развернулся и открыл огонь. Генерал С. М. Кондрусев, недавно встретившийся Москаленко и следовавший с бригадой к своей 41-й танковой дивизии, попросил прекратить огонь, так как это, возможно, отходят от города его подразделения. Огонь был прекращен, а когда на бортах танков в бинокль стали хорошо видны кресты, артиллеристы вновь его открыли.

На бригаду надвигались части 13-й 14-й танковых дивизий противника. Обнаружив это, Москаленко приказал бригаде развернуться на рубеже Владимировка, Подгайцы, Микуличи и встретить врага прямой наводкой. Вдали уже горело несколько немецких танков. Условия вступления в бой бригады были весьма неблагоприятными. Это был встречный бой артиллерийских частей против танков без пехотного и танкового прикрытия, что бывает редко.

Первыми вступили в бой с врагом дивизионы капитанов С. З. Глушенко и Ф. Д. Шишикова 712-го артиллерийского полка. Их батареи встретили огнем немецкие танки и остановили их движение на Луцк. Враг натолкнулся на такую стойкость артиллеристов, которой ему не доводилось встречать на Западе.

Противник, встретив отпор на шоссе, прорвался южнее и глубоко обошел левый фланг бригады.

Под вечер из штаба 5-й армии прибыл делегат связи и сообщил, что назначенный на утро 23 июня контрудар с участием бригады переносится на сутки из-за того, что 19-я танковая и 215-я моторизованная дивизии не успевают сосредоточиться на исходных позициях. В связи с этим Москаленко принял решение отойти на рубеж Затурцы, занять оборону и не допустить продвижения противника по шоссе на Луцк.

В 5 часов утра 23 июня появились танки противника. Москаленко, находясь на наблюдательном пункте на крыше дома, хорошо наблюдал обстановку и приказал подпустить танки противника и бить наверняка с дальности 300-400 м. Танки противника были построены в знаменитый клин: впереди шли танки Т-1У, за ними и на флангах уступом назад — Т-III и Т-II, далее мотоциклисты и за ними мотопехота с минометами и артиллерией. Расстояние до обороняющихся, которых противник не видел, быстро сокращалось и, когда составило 300-400 м, на врага обрушился шквал огня. Противник, ошеломленный большими потерями, стал отводить танки, а на их место выдвигать мотоциклистов и мотопехоту, которые также были отбиты

и отошли.

Часа через два по боевым порядкам бригады нанесла удар немецкая авиация и снова в атаку пошли танки с мотоциклистами и пехотой. Особенно успешно действовал по противнику дивизион капитана А. Н. Феоктистова. Понеся большие потери, враг вынужден был отойти, оставив на поле боя более 50 сожженных и подбитых танков и бронемашин.

Вскоре противник открыл артиллерийский и минометный огонь по правому флангу бригады и поставил дымовую завесу. Оказалось, что это был отвлекающий маневр, так как танки с мотопехотой показались на левом фланге. Для отражения противника Москаленко направил на угрожаемое направление свой резерв — три дивизиона, который отразил атаку врага. К 15 часам противник прекратил атаки, так и не прорвавшись по шоссе к Луцку. Второй день боев показал, насколько бригада вела эффективно борьбу с танками.

К вечеру выяснилось, что противник может обойти бригаду, и Москаленко решил ее отвести и создать три рубежа: первый на шоссе у западной окраины поселка Торчин, второй — у Усичи, где располагались главные силы бригады, и третий — на западной окраине Луцка. Рано утром 24 июня танки противника атаковали Торчин. Дивизионы бригады, занимавшие оборону на его окраине, встретили противника дружным плотным огнем. Один за другим замирали на месте подбитые танки. Боевой порядок противника дрогнул и он начал отходить. На поле боя осталось 18 разбитых и сожженных танков. Уцелевшие танки соединились с главными силами, пытавшимися прорваться к Луцку через Усичи. Но и там, встретив отпор, враг обошел оборону с юга, и вышел на окраину Луцка, где атаковал третий эшелон бригады. Потеряв здесь еще до 20 танков и бронемашин, враг прекратил атаки, и большая часть его танков ушла на юго-восток.

Около 14 часов противник начал обходить Луцк с юга и пытался форсировать реку Стырь, где его встретили части 131-й моторизованной дивизии 9-го механизированного корпуса. Танковые дивизии этого корпуса подходили к Луцку, и решением командующего 5-й армией 1-я артиллерийская бригада была направлена в район Рожиче, где противник активизировал свои действия и намеревался форсировать Стырь, чтобы овладеть Луцком, обойдя его с севера.

В район Рожиче бригада вышла около 4 часов утра 25 июня, но переправиться на восточный берег Стыри, чтобы занять оборону, не смогла, так как мост был взорван по распоряжению командира 27-го корпуса. По бригаде, подошедшей к мосту, ударила артиллерия и минометы врага, и ей спешно пришлось занимать оборону на западном берегу реки у железнодорожного моста и готовить его к переправе.

Около 6 часов утра пехота численностью до полка при поддержке 40—50 танков атаковала бригаду с целью ее окружения. Танкам удалось ворваться на ее огневые позиции и уничтожить три орудия. Но, потеряв до десяти танков, противник отошел, и вызвал авиацию. Часа через полтора он под ее прикрытием и огня артиллерии повторил атаку, но вновь успеха не добился.

По железнодорожному мосту бригада переправилась на восточный берег, после чего мост был взорван. С утра 26 июня ее атаковали немцы, которые накануне переправились южнее через реку Стырь и захватили плацдарм. В течение двух дней бригада с остатками 27-го корпуса вела тяжелые оборонительные бои. 28 июня им на помощь подошел полк 200-й стрелковой дивизии из состава 31-го стрелкового корпуса, и враг был отброшен на западный берег.

1-я артиллерийская противотанковая бригада РК сыграла значительную роль в боях с дивизиями 3-го моторизованного корпуса, наступавшими на Луцк. Она перекрыла шоссе, и корпус не имел такого ошеломляющего успеха, как подобные корпуса на западном направлении. Этот успех был обусловлен не только высокими боевыми возможностями бригады, но и умелым командованием генерал-майора Москаленко, массовым героизмом личного состава.

Под командованием Маршала Советского Союза К. С. Москаленко автор участвовал в двух крупных командно-штабных учениях в должности помощника главного штурмана воздушной армии. Одним из учений руководил Министр Обороны СССР Г. К. Жуков, а вторым он сам. И должен отметить, что спустя годы ему были свойственны дух новаторства, активности боевых действий и достижения победы над врагом. Поэтому под его руководством в начале войны бойцы бригады проявляли стойкость, мужество и самопожертвование. Приведем некоторые примеры.

Под Торчином заряжающий Авраменко, будучи ранен,

не ушел с поля боя, а заменил убитого наводчика и метким огнем уничтожил 7 немецких танков. За этот подвиг он был представлен к награждению орденом Ленина.

В том же бою наводчик В. А. Овечкин после разрыва снаряда остался с одним заряжающим из всего расчета. Они вдвоем продолжали вести огонь и уничтожили 5 немецких танков.

У поселка Затурцы подвиг совершил личный состав батареи младшего лейтенанта А. И. Логвиненко, в которой орудиями командовали сержанты Н. А. Москалев, И. М. Панфиленок, Г. К. Москвин и младший сержант В. П. Лазарев. Батарея уничтожила более сорока танков. Только орудийный расчет Н. А. Москалева в тот день, проявив стойкость и мужество, уничтожил 12 танков противника, но сам сержант погиб⁹².

К вечеру 28 июня части 45-й и 62-й стрелковых дивизий, а также 215-я моторизованная и 41-я танковая дивизии отошли и заняли оборону по реке Стоход. Противник в полосе 15-го стрелкового корпуса особой активности не проявлял.

Остатки двух стрелковых полков 87-й дивизии 25 июня прорвались из окружения на северо-восток. Командовал ими начальник штаба дивизии полковник М. И. Бланк, сменивший погибшего генерала Ф. Ф. Алябушева. В крайне сложной обстановке они пробивались на восток, нанося удары по гарнизонам противника. Восемь суток хорошо организованная разведка определяла наиболее целесообразные пути движения. Она же установила связь со штабом 62-й стрелковой дивизии. Согласованными ударами с двух сторон по противнику были созданы условия для перехода полками 87-й дивизии линии фронта и воссоединения с главными силами корпуса.

Окруженная 124-я стрелковая дивизия 26 июня внезапно атаковала врага, прорвала оборону и двинулась по тылам на восток, уничтожая гарнизоны, живую силу и боевую технику противника. В начале июля она соединилась с группой Попеля и вместе с ней вышла на соединение со своими войсками. При этом исключительное мужество проявил полковник Т. Я. Новиков, принявший командование 124-й дивизией после гибели генерала Ф. Г. Сущева, а также капитаны В. П. Повейчук, Г. П. Леонов, лейтенанты С. С. Мамзурин, В. Т. Гарманюк.

Рассмотрим участие в боевых действиях 22-го и 9-го механизированных корпусов.

22-й механизированный корпус включал в свой состав 19-ю и 41-ю танковые и 215-ю моторизованную дивизии. Штаб корпуса, 19-я и 215-я дивизии располагались в Ровно, а 41-я — на окраине Владимир-Волынского. Командовал корпусом генерал-майор С. М. Кондрусев, его заместителем по политической части был полковой комиссар И. А. Липодаев, начальником штаба — генерал-майор танковых войск В. С. Тамручи. После гибели Кондрусева в первый день войны командовал корпусом Тамручи. Всего в корпусе имелось 647 танков, из них 31 Т-34 и КВ⁹³.

В состав 41-й танковой дивизии входили 81, 82-й танковые, 41-й мотострелковый и 41-й гаубичный артиллерийский полки, 41-й зенитный артиллерийский дивизион. Мотострелковый полк размещался в Любомле, все остальные — в военном городке у Владимир-Волынского.

За пять дней до начала войны для 41-й дивизии на станцию Владимир-Волынский прибыл эшелон с 18 танками КВ-2. Ими был укомплектован батальон тяжелых танков. Прибыли танки без снарядов к их 152-мм орудиям и их невозможно было вначале применить, но снаряды вскоре подвезли и танки участвовали в боях. К концу приграничного сражения из 18 танков остался один.

22 июня противник открыл артиллерийский огонь по объектам у границы и военному городку танкистов у Владимир-Волынского, нанес удар авиацией. Для контратаки противника, ворвавшегося во Владимир-Волынский, совместно с частями 87-й дивизии был выделен один танковый батальон (50 танков) 82-го танкового полка. Контратака прошла успешно, противник был выбит из города, при этом танковый батальон потерял 30 Т-26, они горели от огня крупнокалиберных пулеметов, противотанковых ружей и артиллерии.

Начальник штаба 41-й танковой дивизии майор К. А. Малыгин вскрыл пакет, в котором был указаны маршрут и район сосредоточения дивизии и, в соответствии с указаниями командира дивизии полковника Павлова, повел танковые полки в этот район у Ковеля вдали от мест, где шли жаркие бои. Связи со штабами армии и корпуса не было и ничто не могло остановить дивизию, танки которой нужны были именно здесь.

Вечером немцы вновь взяли Владимир-Волынский. Обстановка резко осложнилась, так как против одной 87-й дивизии действовали армейский и моторизованный корпуса. Здесь нужны были силы 41-й танковой дивизии, а ее

части все дальше и дальше уходили от линии фронта.

19-я танковая и 215-я моторизованная дивизии из Ровно с началом войны двинулись, как и предписано в инструкции, также в район Ковеля и могли прибыть туда к исходу следующего дня.

В связи с вторжением вражеских войск генерал Потапов поставил задачу командиру 22-го механизированного корпуса нанести по ним контрудар в районе Владимир-Волынского, но он не имел в своем распоряжении дивизий и до исхода 23 июня не мог приступить к ее выполнению. Как рассмотрено выше корпус 24 июня нанес этот контрудар и в дальнейшем вел боевые действия совместно с 15-м и 27-м корпусами.

9-й механизированный корпус, оперативно подчиненный 5-й армии, дислоцировался глубоко в тылу у города Новгород-Волынский. С началом боевых действий его нужно вводить в бой, а это сделать не просто. Условия начала войны для войск резерва отличались от армий прикрытия границы и мы их рассмотрим на примере данного механизированного корпуса.

Командовал 9-м механизированным корпусом генерал-майор К. К. Рокоссовский в последующем Маршал Советского Союза. Назначен он командиром корпуса в конце 1940 года после освобождения из тюрьмы Кресты в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Немногим после репрессий 1937-1938 гг. довелось вернуться в строй, он был в их числе. Корпус находился в стадии формирования, в него входили 30-я танковая дивизия полковника М. Е. Катукова, 35-я танковая дивизия генерал-майора Н. А. Новикова и 131-я моторизованная дивизия полковника Н. В. Калинина. К началу войны корпус был укомплектован личным составом почти полностью и на одну треть боевыми машинами. Он имел 285 легких танков Т-26, БТ-5 и БТ-7. Автотранспортом моторизованная дивизия была укомплектована почти полностью, а танковые дивизии его не имели⁹⁴.

Мехкорпус находился в непосредственном подчинении Киевского особого военного округа, а с началом войны переходил в оперативное подчинение 5-й армии.

Около четырех часов утра 22 июня К. К. Рокоссовский получил телеграмму за подписью заместителя начальника оперативного отдела штаба 5-й армии, в которой было сказано вскрыть особый пакет, определяющий порядок действий корпуса с началом войны. Такое распоряжение

мог дать командующий округом или нарком обороны, поэтому он попытался установить связь с Киевом, Москвой, Луцком, но она была нарушена. В связи с этим Рокоссовский вскрыл конверт, объявил в дивизиях боевую тревогу и стал их готовить, как предписано, к выступлению. Через 10 часов после объявления тревоги корпус по трем маршрутам двинулся к Луцку. За весь первый день войны Рокоссовский связаться с командованием округа не сумел и никаких указаний от него не получил.

К исходу 22 июня 131-я моторизованная дивизия, имея хороший автотранспорт, совершила 100-километровый марш, достигла Ровно и остановилась на привал. На следующий день командующий 5-й армией поставил ей задачу: выйти на реку Стырь и к исходу дня занять оборону на ее восточном берегу на участке Жидичи, Луцк, Млинов и не допустить прорыва немцев.

Танковые дивизии автомашин не имели. Они их должны были получить из народного хозяйства с объявлением мобилизации, но она бала объявлена, когда дивизии находились в движении к границе. В результате танковые дивизии совершали марш со скоростью обычной пехоты. В первый день они прошли 50 км, а далее делали по 30-35 км в сутки. От Новград-Волынского до границы 230 км, на их преодоление требовалось 6-7 суток, но противник наступал, поэтому время до встречи сократилось, оставаясь достаточно большим.

23 июня Рокоссовскому на короткое время удалось установить связь с начальником штаба фронта, который сообщил ему, что корпус переходит в подчинение 5-й армии и ему необходимо сосредоточиться в районе Клевань, Олыка. На следующий день корпус вышел в этот район, и его штаб разместился в Клевани.

24 июня 131-я моторизованная дивизия, отбросив за реку Стырь форсировавшие ее передовые части противника, вела бой на рубеже Луцк и южнее, отражая попытки немцев вновь переправиться на восточный берег.

20-я танковая дивизия на рассвете с ходу атаковала расположившиеся на привале части 13-й танковой дивизии противника в районе Олыка. Основной огневой силой дивизии был артиллерийский полк майора С. Ю. Юрьева, состоявший из двух дивизионов, один из которых был вооружен 152-мм, другой — 122-мм гаубицами. Артиллеристы поставили орудия на прямую наводку и расстреливали танки и пехоту противника.

В этом тяжелом бою 20-я танковая дивизия потеряла 33 танка. Потери противника были выше, так как за каждый советский танк немцы заплатили несколькими своими. Закрепившись, дивизия весь день успешно отбивала атаки подходивших танковых частей противника.

35-я танковая дивизия вела бой с частями той же 13-й танковой дивизии юго-западнее Клевани.

На следующий день вновь разгорелись упорные бои дивизий корпуса с танками и мотопехотой 13-й и 14-й танковых дивизий противника на рубеже Луцк, Олыка, южнее Клевани. Противник стремился овладеть Луцком и перехватить дорогу Луцк—Ровно. Части 9-го мехкорпуса отбили все атаки врага. К вечеру бой начал затихать, так как ночью немцы тогда не наступали. Как только заходило солнце, они останавливались на ночлег⁹⁵.

§ 3. Боевые действия 6-й армии

Государственную границу от Крыстынополя до Радымно, протяженностью 140 км, прикрывала 6-я армия, которой командовал генерал-лейтенант И. Н. Музыченко, членом Военного совета был дивизионный комиссар К. Н. Попов, начальником штаба — комбриг Н. П. Иванов. В состав армии входили 6-й стрелковый (41, 97, 159-я стрелковые дивизии), 4-й механизированный (8, 32-я танковые и 81-я моторизованная дивизии) корпуса, 3-я кавалерийская дивизия, Рава-Русский и Струмиловский укрепленные районы, два артиллерийских полка, зенитный артиллерийский полк, две смешанные авиационные дивизии. Действовала армия на направлении возможных ударов противника.

На границе несли службу по ее охране от города Сокаль на юг, протяженностью 126 км, пограничники 91-го (Рава-Русского) пограничного отряда, а далее — заставы 92-го.

За пограничниками в первом эшелоне армии находились 41-я и 97-я стрелковые и 3-я кавалерийская дивизии, а во втором — 159-я стрелковая дивизия и 4-й механизированный корпус.

В полосе 6-й армии действовали главные силы 17-й армии противника, которая имела задачу, наступая с рубежа Томашув, Перемышль, прорвать оборону противостоящих войск, разгромить их в районе Львова и в дальнейшем выйти к Виннице. Главный удар 17-я армия наносила силами 4-го армейского (24, 71, 262, 295, 296-я пехотные

дивизии) корпуса от Томашува на Рава-Русскую, Львов. Левее удар наносил 14-й моторизованный корпус 1-й танковой группы. На участке Пархач, Великие Мосты удар наносил 44-й армейский корпус с задачей прорвать оборону советских войск, обеспечить ввод в бой 48-го моторизованного корпуса, а затем наступать на Радехов. Южнее на направлении Цеханов, Олещица, Любачув действовал 49-й горнострелковый корпус с задачей выйти ко Львову с северо-запада.

Генерал-лейтенант И. Н. Музыченко 20 июня, в связи с обострением обстановки, приказал командирам 4-го, 6-го корпусов и 3-й кавалерийской дивизии, чтобы штабы корпусов, дивизий, полков из районов их дислокации никуда не убывали; командиру 4-го корпуса срочно отозвать зенитные дивизионы с лагерного сбора в районе Львова. Одновременно начальник штаба армии запросил телеграммой разрешение у командования округа не проводить намеченные учения. Все другие мероприятия по боевой подготовке шли в соответствии с имевшимися планами.

«В момент внезапного нападения противника, — вспоминает комбриг Иванов, — проводились сборы артиллеристов, пулеметчиков, саперов. Из-за этого соединения были организационно раздроблены. Часть войск располагалась в лагерях, имея в пунктах постоянной дислокации запасы вооружения и материальных средств.

Части прикрытия по распоряжению командующего войсками Киевского особого военного округа к границе выдвигать было запрещено»⁹⁶.

Запрещение исходило из Генерального штаба. В связи с этим странным выглядит следующее заявление Жукова в его воспоминаниях:

«Войска и их командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовы выполнить боевую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указания свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц»⁹⁷.

И вот в этих условиях его же распоряжения требовали не обращать внимания на действия противника. Но некоторые командиры, несмотря на возможное наказание, при-

нимали меры в соответствии с обстановкой.

Война - категория особая, опасная, условия ее возникновения разнообразны, поэтому перестраховка на всех уровнях, чтобы не допустить ее возникновения, явление естественное. Вместе с тем верховное командование должно было принимать меры по обеспечению безопасности войск, созданию благоприятных условий для успешного выполнения ими своих задач и не считать нормальным, чтобы подчиненные нарушали ими же отданные распоряжения.

С переходом противника в наступление на правом фланге армии его встретили заставы и подразделения 91-го пограничного отряда, которые на второстепенных участках сражались с врагов 9-13 часов, на основных же направлениях его наступления их противодействие было непродолжительным, но оказало содействие войскам прикрытия.

Дивизии первого эшелона, застигнутые противником врасплох в местах дислокации, по тревоге собрались и двинулись к своим участкам обороны у границы, которые в большинстве своем были уже захвачены противником без противодействия.

Передовые подразделения 97-й стрелковой дивизии вышли к границе около 5 часов утра, главные силы 41-й - от 6 до 8 часов, а 3-й кавалерийской - к 12 часам. Сроки выхода определялись их удалением от границы. С подходом полевых войск заставы перешли в оперативное подчинение их командирам.

3-я кавалерийская дивизия с началом боевых действий совершила стремительный бросок и заняла оборону в Струмиловском укрепленном районе на фронте 40 км. Она имела в своем составе четыре кавалерийских и один танковый полк. К середине дня немцы захватили Пархач, окружив в нем отдельный пулеметный батальон и пограничников. Решительной атакой кавалерии противник был разбит и положение восстановлено.

На главном львовском направлении границу прикрывала 41-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Н. Г. Микушев, заместителем его по политчасти был полковой комиссар А. М. Антонов, начальником штаба - полковник Н. В. Еремин. Командование и личный состав дивизии показали образец стойкости и умелых действий в условиях начала войны в тесном взаимодействии с пограничниками и гарнизоном укрепленного района. В связи с

этим действия дивизии рассмотрим подробно.

В начале 1940 г. дивизия приступила к строительству оборонительного рубежа, достигавшего по фронту 50 км. На полковых участках создавались батальонные оборонительные районы с полным оборудованием сооружений. Все силы и транспорт дивизии были использованы для выполнения этих трудоемких работ. Весной следующего года развернулись работы по строительству дивизионного лагеря.

В границах полосы обороны дивизии строился укрепленный район, в котором шоссе Томашув — Львов прикрывал дот «Комсомолец». Он был единственным дотом, в котором было смонтировано полностью все вооружение и установлено необходимое оборудование.

С началом летнего периода дивизия с зимних квартир вышла в лагерь, который к этому времени был построен. В начале июня из лагеря убыли на сборы оба артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы. Часть стрелковых подразделений производила работы на оборонительных рубежах у границы.

«В лагерях, как вспоминает Н. В. Еремин, — оставались только штабы и стрелковые подразделения. По существу дивизия была расплывлена и не представляла боеспособного соединения»⁹⁸.

В середине июня по данным разведки было установлено сосредоточение в полосе ответственности дивизии более трех пехотных дивизий противника с артиллерией, минометами, автотранспортом. Обстановка на границе обострялась и за два дня до начала войны генерал-майор Н. Г. Микушев приказал командирам частей вернуть весь личный состав со сборов и полигонов, а также с работ на оборонительных рубежах. Это было важное и решительное мероприятие, вопреки полученным указаниям и сообщению ТАСС, что войны в ближайшее время не будет.

Помимо этого для повышения боеготовности дивизии генерал Микушев в 17 часов 21 июня собрал на совещание командиров частей и их заместителей по политической части, на котором оценил обстановку на границе и приказал: «Начальник штаба дивизии остается в лагере до утра. Командиры частей тоже. Начсоставу отпуска сегодня сократить до минимума — лучше всем быть в лагере. Командирам частей лично и особенно тщательно проверить готовность дежурных подразделений, выделяемых по известному вам плану»⁹⁹. Речь шла об усиленных пе-

редовых отрядах стрелковых полков, предусмотренных мобпланом. Они предназначались для быстрого выдвижения и занятия полковых участков на оборонительном рубеже дивизии.

К полуночи начальники штабов полков доложили о готовности дежурных подразделений. Около двух часов ночи командир 91-го погранотряда майор Я. Д. Малый доложил начальнику штаба дивизии: «Товарищ полковник, заставы моего участка на всем его протяжении по государственной границе отмечают необычное поведение немцев. С их стороны слышны звуки передвижения войск и боевой техники. Наши секреты обнаружили, что еще с наступлением сумерек к границе начала подходить и накапливаться пехота, устанавливая пулеметы и орудия в нашу сторону. Такого положения мы еще ни разу не наблюдали, и я решил по установленному от вас телефону доложить вам»¹⁰⁰.

Примерно через час волнами прошла немецкая авиация с курсом на восток, не видимая в темном небе.

Об этих случаях на границе и в воздухе начальник штаба дивизии доложил дежурному по штабу армии, но указаний не получил.

В это время начался бледный рассвет, часы показывали 4 часа утра, командир погранотряда сообщил, что немцы на всем фронте, прикрываемого отрядом участка, открыли огонь и перешли государственную границу, заставы ведут бой. От границы докатывались орудийные выстрелы. Полковник Еремин приказал поднять части по боевой тревоге и по телефону дал указания начальникам штабов полков немедленно выслать передовые отряды на оборонительные рубежи.

С прибывшими командирами штаба он вскрыл мобилизационные пакеты с боевыми задачами дивизии и полков. Прибыл командир дивизии. Он одобрил действия Еремина и приказал немедленно выдвигать полки на их участки и занять оборонительный рубеж, чтобы упредить выход к нему немцев. При этом не ожидать полного построения частей, а выдвигать по мере готовности подразделения. Расчет показал, что в случае беспрепятственного движения немцев встреча с ними передовых отрядов произойдет на линии оборонительного рубежа, а основные силы дивизии должны будут занимать его с боем. Надежда была на пограничников, что они задержат на несколько часов немцев, и они с этой задачей справились успешно, так как здесь не было у них танков, пехота воевала против

пехоты. Части дивизии успешно заняли оборонительный рубеж. К 11 часам дня выяснилось, что обстановка на всем фронте обороны дивизии стабилизировалась, продвижение немцев остановлено.

При выдвигении к границе 244-й стрелковый полк майора Еченко окружил у шоссе группу немцев, половина которой была взята в плен. На карте убитого офицера были показаны рубежи, на которые немецкие войска должны были выйти. В соответствии с этой обстановкой они должны были взять Рава-Русскую в первый день войны, но это им сделать не удалось.

В укрепленном Рава-Русском районе 21,36-й и 141-й отдельные пулеметные батальоны заняли дот «Комсомолец», прикрывавший шоссе на Рава-Русскую, а также несколько недостроенных дотов на ухнувском и верхратском направлениях. Это усилило оборону 41-й дивизии, которая дополнительно возросла в связи с прибытием на нее усиление 209-го корпусного артиллерийского полка. Его установили на позиции севернее Рава-Русской в районе высоты 270.

К вечеру 22 июня бой на всем фронте дивизии начал затихать. Дивизия удержала оборонительный рубеж. Ночью части пополнились боеприпасами, вооружением и снаряжением до норм военного времени. Связи с 3-й кавалерийской и 97-й стрелковой дивизиями не было. Ночью в тылу дивизии запускались ракеты, слышны были автоматные очереди. Как было установлено, это действовали диверсанты, имитируя окружение.

В 8 часов утра 23 июня противник открыл артиллерийский и минометный огонь по расположениям 102-го и 244-го стрелковых полков полковника Г. Г. Чумарина и майора Еченко. Через некоторое время он перешел в наступление и начал успешно продвигаться вдоль шоссе на Рава-Русскую, но был остановлен фланкирующим огнем из дота «Комсомолец». По приказу генерала Микушева 102-й и 244-й полки перешли в атаку, разбили вклинившегося противника, а остатки отбросили за государственную границу.

Противник, ожесточенный неудачей, бросил против дивизии авиацию. Девятки Ю-87 с пикирования наносили удары по оборонительным сооружениям, позициям артиллерии, пунктам управления. Это была длительная и чрезвычайно сильная бомбардировка. В борьбу с врагом вступил зенитный артиллерийский дивизион, сбивший три са-

молета, но сил его было недостаточно, чтобы прикрыть весь участок обороны дивизии, а свои истребители не появлялись.

Осложнилось положение на левом фланге, где части 49-го корпуса противника оттеснили правофланговый полк 97-й стрелковой дивизии, и овладели местечком Немиров. Введенная в бой 159-я стрелковая дивизия, находившаяся в стадии формирования, не смогла восстановить положение и создавалась угроза тылу 41-й дивизии. Батальон капитана Мартынова 139-го стрелкового полка майора Н. П. Коркина был окружен и сражался в окружении.

С утра 24 июня противник, имея значительное превосходство, перешел в наступление по всему фронту дивизии. Особенно ожесточенный бой разгорелся на участке 102-го полка, но противник успеха не добился.

Левифланговый 139-й полк, ведя тяжелые бои с превосходящими силами противника и подвергаясь ударам с воздуха, во второй половине дня вынужден был оставить основной оборонительный рубеж, и противник овладел Верхратой. К вечеру из окружения вышел батальон Мартынова и присоединился к своему полку.

Положение дивизии ухудшалось тем, что она не имела ни поддержки танков, ни авиации. В этой связи полковник Еремин вспоминает:

«Среди личного состава дивизии стали невольно возникать и распространяться настроения нетерпения, досады и даже недовольства из-за отсутствия поддержки со стороны нашей авиации и танков. Каждый думал, где же они и почему их так долго нет. Как было бы хорошо и своевременно на действия вражеских танков и самолетов ответить еще более мощными ударами нашей боевой техники. И было до боли обидно и мучительно сознавать, что по какой-то неведомой причине, а может быть по чьей-то вине мы не можем нанести ответных ударов»¹⁰¹.

Но Еремин не запрашивал помощи авиации в штабе армии, с которым была хорошая связь, а поэтому так и не узнал, почему на таком важном направлении не действовали имеющиеся две смешанные авиационные дивизии. Из этого видно, что он не знал методов боевого применения авиации. Смешанные дивизии были специально введены в состав полевых армий, чтобы улучшить взаимодействие авиации с войсками, а этого не получилось. Поэтому эти дивизии в последующем вывели из состава армий, но данная проверка новой штатной структуры стоила дорого.

Указанное положение было следствием того, что в ходе учений взаимодействие сухопутных войск с авиацией не отрабатывалось. Даже нарком Тимошенко, проверявший осенью 1940 г. дивизию, провел ее без привлечения авиации. Поэтому в первые дни войны такого взаимодействия наладить не удалось, и сидевшая на аэродромах авиация не оказала поддержки дивизии.

В ночь на 25 июня стало известно, что противник на рава-русском направлении в Любиче-Крылевской сосредоточивает мотострелковый полк, чтобы продолжить наступление. В связи с этим была подтянута артиллерия и по полку нанесен мощный удар, он понес большие потери и отведен в тыл.

Этой же ночью батальон 244-го полка скрытно вышел на назначенный исходный рубеж и на рассвете ударил во фланг и тыл группировки противника в районе Верхраты. Заслышав шум боя, частью сил перешел в атаку 139-й полк. Удар с двух сторон был настолько сильным, что немцы в панике бежали.

В результате указанных активных действий частей дивизии противник в оставшуюся часть дня наступательных действий не предпринимал.

Положение 159-й дивизии продолжало оставаться неустойчивым, и ее части отходили в восточном направлении. В результате оголился левый фланг 41-й дивизии и создались условия для ее окружения. Связь с командованием корпуса и армии была нарушена. Поэтому около 12 часов дня 26 июня командир дивизии послал своего заместителя по строевой части полковника Шалимова к командующему армией с докладом об обстановке. Во второй половине дня противник овладел станцией Потолыч и начал обходить Рава-Русскую с юга. Под вечер бой завязался уже на окраине города. В связи с угрозой окружения полковник Еремин предложил командиру дивизии начать отход от границы, но он отказался из-за отсутствия разрешения старшего начальника.

Ночью прибыл полковник Шалимов, который сообщил, что командующий армией приказал дивизии отходить вдоль Львовского шоссе на рубеж Добросин, река Двине.

В ночь на 27 июня дивизия оставила свои позиции и отошла в район Добросина. В дальнейшем она вела боевые действия на подступах к Львову, а 2 июля по приказу начала отход к старой границе.

Положение частей 159 стрелковой дивизии не было из-

вестно. 97-я дивизия вела сдерживающие бои с превосходящими силами противника и отходила вдоль шоссе Яворов — Львов. 3-я кавалерийская дивизия вела боевые действия в районе Великих Мостов.

На направлении главного удара противника у Крыстынополя 44-й армейский и 48-й моторизованный корпуса, сломив сопротивление противостоящих советских войск, быстро продвигались к Радехову. В связи с этим командующий фронтом приказал генералу Музыченко частями 4-го механизированного корпуса нанести сильный контрудар и совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации в районе Радехова авиадесанта, уничтожить противника. Для выполнения этой задачи командующий 6-й армией в 15 часов 22 июня приказал командиру 4-го корпуса выделить два батальона средних танков и батальон мотопехоты. От 15-го корпуса для ликвидации воздушного десанта были выделены танковый и мотострелковый батальоны. Такие малые силы не могли остановить мощную группировку противника, и положение на этом участке границы не было восстановлено.

32-я танковая дивизия 4-го корпуса успешно контратаковала части 14-го моторизованного корпуса и приостановила его движение вперед. Остальные силы корпуса находились в готовности к удару по противнику.

23 июня утром 10-я и 37-я танковые дивизии 15-го механизированного корпуса генерал-майора И. И. Карпезо совершали марш в район боевых действий. 10-я дивизия выдвигалась на Радехов, где были ее два батальона, уничтожившие накануне авиадесант противника. 37-я дивизия следовала правее. Лесисто-болотистая местность с малым количеством дорог затрудняла и замедляла движение.

48-й моторизованный корпус при поддержке авиации продвигался к Радехову. Около 8 часов утра его передовые части встретили два батальона 10-й танковой дивизии, занимавших оборону на западной окраине Радехова, и завязался танковый бой, который продолжался несколько часов. Силы сторон были слишком неравны, но наши танкисты смело вступили в бой и вели его с большим упорством и мужеством пока были боеприпасы, после чего отошли. Наши подразделения в этом бою уничтожили 20 танков противника, 16 противотанковых орудий и до взвода пехоты, потеряли 6 танков Т-34, 20 бронетранспортеров и 7 человек убитыми. Во второй половине дня

им на помощь пришли 20-й танковый и 10-й мотострелковый полки 10-й дивизии, но изменить положение уже не смогли¹⁰².

37-й танковой дивизии на марше генерал Карпезо поставил задачу: уничтожить противника в районе Адам, где имелось около 100 танков. Части дивизии изменили направление движения, вышли в заданный район и с ходу контратаковали наступавшие части противника. В завязавшемся бою они нанесли ему большой урон и отбросили на запад.

Два танковых и один мотострелковый батальоны от трех полков 32-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса под командованием подполковника Лысенко с 7 до 20 часов вели бой с противником на юго-западной окраине Радехова совместно с передовым отрядом 10-й танковой дивизии. В этом бою они уничтожили 18 танков, 15 орудий и до взвода мотопехоты, сами потеряли 11 танков.

На рассвете на помощь группе Лысенко в район Радехова двинулись главные силы 32-й танковой дивизии. На марше в 10 часов командир дивизии полковник Е. Г. Пушкин получил новую задачу — уничтожить противника в районе Великих Мостов. Часть сил дивизии было направлено на выполнение этой задачи. Прибыв в назначенный пункт, танкисты быстро уничтожили прорвавшиеся туда подразделения немцев, и вернулись к главным силам дивизии. При этом усиленный танковый батальон был оставлен для совместных действий с 3-й кавалерийской дивизией. Вечером командир 32-й дивизии получил новый приказ на уничтожение прорвавшейся пехоты и 300 танков в районе Каменки. Полки дивизии прибыли в этот район и вместе с стрелковыми частями вступили в бой с противником.

Главные силы 4-го механизированного корпуса были направлены в район Мостиски для удара по противнику, прорвавшемуся на стыке 6-й и 26-й армий.

23 июня части и подразделения 32-й танковой дивизии и 15-го механизированного корпуса вели активные боевые действия, но разрозненно с выполнением ряда дополнительных задач, поэтому сильного контрудара по врагу не нанесли. В результате соединения Клейста к исходу дня взяли Радехов и Берестечко и устремились на Броды. Это вызвало серьезное беспокойство в штабе Юго-Западного фронта. Учитывая, что части 4-го и 15-го мехкорпусов

ведут бой, командующий фронтом для разгрома глубоко вклинившейся танковой группировки противника, решил использовать 8-й механизированный корпус и дал указание начальнику штаба передать Д. И. Рябьшеву приказание: следовать в район Броды, организовать взаимодействие с Карпезо и с утра 24 июня атаковать и уничтожить прорвавшиеся танки противника¹⁰³.

К 12 часам 23 июня части 8-го корпуса, переданного из 26-й в 6-ю армию для усиления ее войск на львовском направлении, сосредоточилась восточнее Львова. Генерал Рябьшев доложил генерал-лейтенанту И. Н. Музыченко о прибытии корпуса в его распоряжение. Командующий решил ввести его в бой и поставил Рябьшеву задачу: утром 24 июня из района Яворова во взаимодействии с 6-м стрелковым корпусом перейти в наступление и разбить прорвавшегося противника. Для нанесения этого удара 8-й корпус немедленно двинулся в путь на Яворов.

К утру 24 июня корпус в основном сосредоточился и готов был двинуться на врага, но был получен приказ командующего фронтом, во исполнение которого он развернулся и двинулся через Львов в Броды. Идет третий день войны, а мощный корпус кантуется по фронтовым дорогам.

На марше от Львова к Бродам на исходе 24 июня, когда головная колонна корпуса миновала город Буск и остановилась на привал, подъехала легковая автомашина, из которой вышел генерал армии Г. К. Жуков¹⁰⁴. Рябьшев подошел к нему с рапортом о действиях корпуса. Жуков попросил доложить обстановку и решение на бой. Решение одобрил и через десять минут уехал.

24 июня 15-й механизированный корпус восточнее Радехова вел ожесточенный танковый бой с противником. Советские танкисты, проявляя храбрость и мужество, стремились разгромить наступающие части противника и отбросить их на запад. Но и противник, поддержанный артиллерией и авиацией, стремился развить успех и продвинуться возможно дальше на восток. Вражеская авиация систематически совершала налеты на боевые порядки частей корпуса, не встречая противодействия нашей истребительной авиации, что увеличивало эффективность ее действий.

На следующий день с утра бой с главной группировкой противника разгорелся с новой силой. Третьи сутки

участвовала в боях 10-я танковая дивизия генерал-майора С. Я. Огурцова. Несмотря на это 20-й танковый и 10-й мотострелковый полки при поддержке 10-го гаубичного артиллерийского полка с утра перешли в контратаку. Героически действовал в бою 1-й батальон 20-го полка под командованием майора Киселева. Многие экипажи в том числе Осипова и Шевченко остались в подбитых танках в окружении и вели огонь по противнику до окончания боеприпасов. В этот день дивизия уничтожила 5 танков, 56 орудий, сама потеряла 11 танков. За мужество и героизм, проявленные в боях под Радеховым, 109 красноармейцев и командиров были награждены орденами и медалями¹⁰⁵.

Недостатком в боевых действиях 15-го корпуса, как и других, было то, что авиационная разведка в его интересах не велась, а высылавшаяся войсковая разведка давала данные лишь о передовых частях врага. Это не позволяло определять расположения его сил и направления ударов.

Затрудняло действия корпуса и частое изменение ему боевых задач, что свидетельствовало о нервозности управления. Например, 24 июня штаб фронта поставил корпусу задачу, когда он начал ее выполнять прибыл Кирпанос и приказал вернуться на прежний рубеж.

На яворовском направлении 32-я танковая дивизия успешно контратаковала части 14-го немецкого моторизованного корпуса и уничтожила 16 танков, 12 орудий, свои потери составили 15 боевых машин.

Соединения 6-й армии успешно отражали атаки противника, но в связи с продвижением 1-й танковой группы и угрозой удара врага из Румынии ей навстречу, был получен приказ об отводе войск из Львовского выступа. Отход дивизии армии начали в ночь с 26 на 27 июня. К концу приграничного сражения они отошли на рубеж Стрый, Самбор, Львов, Кременец.

§ 4. Боевые действия 26-й армии

Государственную границу от Радымно до Творильно, протяженностью 130 км, прикрывала 26-я армия. Командовал армией генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, членом Военного совета был бригадный комиссар Д. Е. Колесников, начальником штаба — полковник И. С. Вареников. В

состав армии входили 8-й стрелковый (99,173-я стрелковые и 72-я горнострелковая дивизии) и 8-й механизированный (12,34-я танковые и 7-я моторизованная дивизии) корпуса, один артиллерийский полк, два зенитных артиллерийских дивизиона, Перемышльский укрепленный район, смешанная авиационная дивизия.

Перемышльский укрепленный район, протяженностью 120 км, проходил по реке Сан и прикрывал львовское направление. Гарнизон его составляли 52-й и 150-й пулеметные батальоны, три отдельные пулеметные роты и рота связи.

8-й механизированный корпус был одним из сильнейших в округе. Командовал корпусом генерал-лейтенант Д. И. Рябышев, его заместителем по политической части был бригадный комиссар Н. К. Попель, начальник штаба находился в отпуске и его обязанности исполнял подполковник А. В. Цинченко. В корпусе имелось 30 тыс. человек личного состава, 858 танков, из них 171 средних Т-34 и тяжелых КВ, остальные легкие старых конструкций, 141 орудие, 4 зенитных орудия 37-мм и 24 зенитных пулемета. Вся артиллерия транспортировалась тракторами, что резко снижало скорость движения¹⁰⁶.

Штаб корпуса, 7-я моторизованная дивизия и корпусные части дислоцировались в Дрогобыче, 12-я танковая дивизия — в Стрые и 34-я танковая — в Садовой Вишне, корпусная авиаэскадрилья базировалась на аэродроме Стрый и оперативно подчинялась командиру авиадивизии.

20 июня генерал Рябышев получил от командующего округом совершенно секретный пакет, в котором находилось предписание ему лично немедленно выехать к границе и произвести рекогносцировку района предстоящих боевых действий корпуса, обратив особое внимание на состояние дорог. Рябышев сейчас же выехал к границе у Перемышля. По ее завершении во второй половине дня 21 июня заехал в Самбор, где располагался штаб 26-й армии, чтобы доложить результаты командующему, но его не оказалось, так как была суббота, и принял его начальник штаба армии полковник И. С. Вареников. Он выслушал сообщение о тревожном положении на границе, наглых безнаказанных полетах немецких разведчиков над военными объектами и сказал: «Ваши опасения более чем несостоятельны. Если бы дело шло к войне, то нас официально поставили бы об этом в известность. Были бы запрещены отпуска командирам и вывод артчастей на полигоны. Войска находились

бы в состоянии повышенной боеготовности. А ведь приказов об этом нет. Что касается фашистских самолетов, то они и раньше летали. Быть может это делают безответственные летчики. Так что же, палить по ним? Пусть дипломаты разбирают такие дела»¹⁰⁷. Раздосадованный таким отношением к его сообщению, Рябышев убыл в Дрогобыч. В 4 часа утра его вызвали в штаб корпуса, и начальник оперативного отдела штаба 26-й армии от имени командующего сообщил, что немецкие войска во многих местах нарушили государственную границу, авиация бомбит города и аэродромы. Затем добавил: «Прошу без паники. Думаем, что это провокации, не поддаваться на них! Огня по немецким самолетам не открывать! Ждите дальнейших указаний».

Рябышев решил привести дивизии в боевую готовность и вывести немедленно из городков. Для этого сообщил их командирам сигналы тревоги заранее условленными с ними словами. Командиру 12-й танковой дивизии генерал-майору Т. А. Мишанину он сказал фразу со словом «молния», командиру 34-й танковой полковнику И. В. Васильеву - со словом «гром», 7-й моторизованной полковнику А. Г. Герасимову - со словом «лес». Это очень оперативно и скрытно.

Вскоре начался налет немецкой авиации на Дрогобыч. Рябышев, не имея разрешения из армии, вызвал к телефону начальника артиллерии корпуса полковника И. М. Чистякова и приказал открыть по ним огонь. К нему в кабинет вошел начальник связи корпуса С. Н. Кокорин и доложил, что проводная связь со штабом армии и 34-й дивизией нарушена и принимаются меры по ее восстановлению. Прибывший подполковник Цинченко сообщил, что между Дрогобычем и Стрыем выброшен немецкий парашютный десант. Для его уничтожения направлен батальон мотоциклистов, рота легких танков и рота мотопехоты. Вскоре выяснилось, что северо-восточное Дрогобыча тоже выброшена группа парашютистов, куда направлена мотопехота для ее ликвидации.

Налет вражеской авиации на Дрогобыч был отбит, сбиты 3 самолета противника. Налет на аэродром Стрый был внезапным и немцы, наряду с большим числом истребителей, сожгли все самолеты корпусной авиаэскадрильи, и корпус лишился самолетов связи и разведки.

В результате своевременно объявленной боевой тревоги налеты немецкой авиации на городки дислокации дивизи-

зий не дали результата, так как они своевременно вышли в районы сосредоточения и потерь не понесли. Только мотострелковый полк 7-й дивизии из-за плохой связи не получил сигнала тревоги, был застигнут немецкой авиацией в палатках и потерял 70 человек убитыми и 120 ранеными.

В 10 часов был получен приказ командующего 26-й армией, в котором была поставлена задача корпусу к исходу дня сосредоточиться в 10 км западнее Самбора. Во второй половине дня корпус двинулся к Самбору и к вечеру находился в заданном районе, имея 700 танков. Танкисты были готовы вступить в бой с противником, но в это время Рябышеву был вручен приказ генерала Кирпанося, который требовал совершить обратный марш ночью по той же разбитой дороге, к рассвету выйти в район восточное Львова и поступить в распоряжение командующего 6-й армией¹⁰⁸.

92-й (Перемышльский) пограничный отряд охранял границу на участке, протяженностью 115 км. В его состав входили 21 застава, объединенные в пять комендатур, и 4 резервные заставы. Командовал отрядом подполковник Я. И. Тарутин, его заместителем по политической части был батальонный комиссар Г. В. Уткин. Мост через реку Сан охраняли подразделения 66-го полка 10-й дивизии НКВД.

Границу у Перемышля прикрывала 99-я стрелковая дивизия, в которую входили 1,197,206-й стрелковые полки и два артиллерийских. Командовал дивизией полковник Н. И. Дементьев, начальником отдела политической пропаганды был полковой комиссар А. Т. Харитонов, начальником штаба — полковник С. Ф. Горохов. Части дивизии находились в лагере в 30 км восточное Перемышля, лишь артиллерийские полки по приказу командира 8-го стрелкового корпуса генерал-майора М. Г. Снегова были временно выдвинуты в леса около намеченных огневых позиций.

В 4 часа 10 минут артиллерия врага открыла огонь по городу Перемышлю. В правобережной его части размещались штабы 92-го погранотряда, 1-го батальона 66-го полка НКВД, 4-й комендатуры и подразделения 99-й стрелковой дивизии. Под огнем врага пограничники и воины других подразделений занимали оборону.

С получением от пограничников сообщения о начале немцами боевых действий командир 8-го стрелкового кор-

пуга приказал стрелковым полкам занять оборонительные рубежи, а артиллеристам огня не открывать до особого распоряжения, которое поступило только в 10 часов.

Бойцы и командиры 92-го погранотряда, 66-го полка НКВД и прибывшие им на помощь подразделения Перемышльского укрепленного района несколько часов сдерживали натиск 101-й немецкой легкой пехотной дивизии. Это позволило частям 99-й стрелковой дивизии собраться по тревоге, выдвинутся к границе и включиться в боевые действия.

Немцы в первую очередь хотели захватить Перемышль. Для овладения его правобережной частью они главный удар наносили у железнодорожного моста, где занимали оборону десять пограничников 14-й заставы и подразделения 66-го полка под общим командованием лейтенанта П. С. Нечаева. Эта группа отбила восемь атак двух пехотных рот. Потерпев неудачу и продолжая попытки захвата моста, немцы начали форсировать Сан на лодках. Ряды защитников моста редели. Вскоре остался один Нечаев. Он подпустил к себе группу противника и, взорвав связку гранат, уничтожил их и погиб сам смертью героя. В этот критический момент на помощь сводной группе подошли подразделения 66-го полка и 190 бойцов — добровольцев под командованием первого секретаря Перемышльского горкома П. В. Орленко. Им удалось некоторое время сдерживать натиск превосходящих сил противника, но к 14 часам 30 минутам немцы овладели мостом и ворвались в город. К исходу дня они взяли Перемышль.

Для сдерживания противника командир 92-го погранотряда сформировал из пограничников сводный батальон во главе со старшим лейтенантом Г. С. Поливодой. В это время к городу подошел 1-й стрелковый полк 99-й дивизии, который на рассвете 23 июня атаковал врага и ворвался на окраину города. В это время в тыл немцам ударил отряд Орленко. К вечеру Перемышль был освобожден от вторгнувшихся в него врагов.

На правом фланге участка обороны 99-й дивизии упорные бои у деревни Стубно вели бойцы 206-го стрелкового полка. Жаркие схватки здесь продолжались весь день. На левом фланге обороны дивизии 197-й стрелковый полк с выходом к границе контратаковал части 444-й охранной дивизии, потеснил к границе и затем непрерывно отбивал их атаки.

1-й и 197-й полки до 27 июня удерживали Перемышль и

позиции у границы. Хуже обстояло положение на участке обороны 206-го полка. Здесь противник 23 июня силами трет дивизий нанес удар с целью стремительного движения на Львов и окружения войск во Львовском выступе. Под их ударами 206-й полк начал отходить и 25 июня оборонялся у шоссе на Львов. На следующий день противник перерезал эту дорогу, и в бой была введена 173-я стрелковая дивизия, которая приостановила его продвижение на восток.

28 июня по приказу командования 99-я стрелковая дивизия совместно с 92-м пограничным отрядом оставили Перемышль, оборонительные позиции и начали отходить на восток. Отходили с 27 июня и другие соединения 26-й армии.

§ 5. Боевые действия 12-й армии

Государственную границу от Творильно до Липканы, протяженностью 500 км, прикрывала 12-я армия, которой командовал генерал-майор П. Г. Понеделин, членом Военного совета бил бригадный комиссар И. П. Куликов, начальником штаба — генерал-майор В. И. Ерушанян. В состав армии входили 13-й стрелковый (44, 60, 192-я горнострелковые дивизии) 17-й стрелковый (58, 96, 164-я горнострелковые дивизии), 16-й механизированный (15, 39-я танковые, 240-я моторизованная дивизии) корпуса, два укрепленных района, пять зенитных артиллерийских дивизионов, смешанная авиационная дивизия.

25 июня в связи с образованием Южного фронта левая граница 12-й армии сместилась из Липканы в Берегомет, и в состав 18-й армии 27 июня был передан 16-й механизированный корпус, имевший в своем составе 608 танков старых конструкций.

Южную часть границы с Генерал-губернаторством и Венгрией охранял 94-й (Сколенский) пограничный отряд, включавший в свой состав пять комендатур. Командовал отрядом майор П. И. Босой. Граница проходила в основном по центральному хребту Восточных Карпат. Техника в этом районе могла двигаться только по немногочисленным дорогам, что ограничивало ведение боевых действий.

Утром 22 июня враг бомбил правый фланг 1-й комендатуры, охранявшей границу с Генерал-губернаторством, и вначале взводом, а затем ротой атаковал 4-ю заставу. Атаки противника были отбиты с большими потерями для

него. На остальных заставах 1-й и 2-й комендатур противник до 26 июня активности не проявлял.

Заставы 3,4,5-й комендатур, охранявшие границу с Венгрией до утра 23 июня противник не атаковал. На границе было тихо, лишь активизировались разведчики. Утром 23 июня венгры атаковали 15-ю заставу. Четыре их атаки были успешно отбиты. На следующий день противник открыл артиллерийский и минометный огонь и под его прикрытием венгерский пехотный батальон перешел границу. После почти трехчасового боя противник, понеся значительные потери, отошел.

25 июня пехотный батальон, около 200 кавалеристов и саперный взвод атаковали гарнизон 3-й комендатуры. В ходе ожесточенного боя пограничники отбили атаки противника и отбросили за границу. Вели бои с врагом также 17-я и 18-я заставы.

26 июня в связи с глубоким вклиниванием противника по приказу начальника отряда оставила границу и начала отходить 1-я комендатура. На следующий день по приказу начали отход на новые рубежи 2,3,4-я комендатуры, 5-я комендатура оставалась на своем участке до 1 июля. Обнаружив отход пограничников, противник начал продвигаться по их следам.

95-й (Надворненский) пограничный отряд охранял границу с Венгрией. До вступления ее в войну на этом участке было спокойно, наблюдались лишь действия мелких подразделений и разведчиков. После 25 июня активность несколько увеличилась.

Утром 22 июня вражеский бомбардировщик сбросил несколько бомб на 5-ю заставу, но ущерба не причинил. В 13 часов 12-ю заставу атаковала пехотная рота, но, потеряв до взвода убитыми и ранеными, отошла. На следующий день 60 венгерских солдат перешли границу и атаковали 5-ю заставу. Пограничники встретили их ружейно-пулеметным огнем и гранатами. Противник отошел, но через некоторое время при поддержке танков вновь атаковал заставу и оттеснил ее в лес, а вскоре отошел на свою территорию. В последующие три дня обстановка на границе оставалась относительно спокойной.

27 июня батальон пехоты противника атаковал 5-ю заставу, но, понеся серьезные потери, отошел на исходные позиции. В этот же день на участке 13-й заставы венгерская пехотная рота вторглась на охраняемую территорию. Наряд встретил ее огнем. Вскоре к месту боя при-

было с заставы 30 человек и противник, не приняв боя, отошел. На следующий день венгры ввели в бой до батальона пехоты. Личный состав заставы более суток сдерживал натиск намного превосходящего противника. К середине дня 29 июня пограничники отошли на новый рубеж обороны в 3 километрах от заставы, где вели бой до исхода дня.

На других участках границы, охраняемой отрядом, противник до 29 июня боевых действий не вел. К этому времени создалась сложная обстановка и командование 12-й армии приняло решение на отступление. Воспользовавшись этим, в наступление перешел венгерский подвижный корпус. Одно из направлений его наступления проходило через участок 9-й заставы. Противник пытался внезапным ударом захватить заставу, но это ему не удалось. Начался бой. Вскоре начальник заставы получил приказ на отступление с уничтожением по пути важных объектов, что и было выполнено. При отходе с границы боевые действия вели также 11, 13, 15, 17-я заставы и личный состав штаба 4-й комендатуры.

30 июня комендатуры погранотряда вошли в подчинение 44-й и 58-й горнострелковых дивизий. Управление и штабные подразделения погранотряда были реформированы в сводную и автомобильную роты, поступившие в распоряжение командования 12-й армии¹⁰⁹.

Государственную границу с Румынией на стыке Юго-Западного и Южного фронтов охранял 97-й (Черновицкий) пограничный отряд, которым командовал подполковник М. Т. Крыловский. На этом участке действовали части 3-й армии Румынии.

На рассвете 22 июня румынские подразделения одновременно атаковали с 13-й по 30-ю заставы, которые приняли бой и контратакой отбросили врага за границу с большими для него потерями.

До 24 июня большинство застав сдерживали врага своими силами, затем к границе подошли армейские подразделения. Совместно с ними пограничники вели бои в дальнейшем. 29 июня по приказу заставы начали отход с границы.

В связи с отходом войск из Львовского выступа в ночь с 26 на 27 июня по приказу начали отходить и правофланговые соединения 12-й армии, которые еще не участвовали в сражениях. На левом фланге армии попытки румынских войск прорвать позиции были отражены.

§ 6. Танковое сражение в районе Луцк, Ровно, Дубно

В начале войны в районе Луцк, Ровно, Дубно произошло крупнейшее танковое сражение второй мировой войны между пятью механизированными корпусами Юго-Западного фронта и двумя моторизованными корпусами 1-й танковой группы немецких войск. В сражении с обеих сторон участвовало свыше 2500 танков, а также пять корпусов пехоты: три с немецкой и два с советской стороны. Рассмотрим, как оно проходило. Его описания нет.

На направлении главного удара группы армий «Юг» на Киев между 5-й и 6-й армиями Юго-Западного фронта образовался 50-километровый разрыв, в который устремились 1-я танковая группа Клейста в составе 3-го и 48-го моторизованных корпусов и поддерживающие ее 29,44,55-й армейские корпуса 6-й немецкой армии Рейхенау. К исходу 25 июня темп наступления противника резко снизился из-за возросшего сопротивления советских войск, и он продвинулся от границы на 120 км.

В это время командующий Юго-Западным фронтом Кирпанос отдал войскам приказ на наступление¹¹⁰. В нем было сказано: «Основная задача войск правого крыла Юго-Западного фронта — разгром в течение 26.6.41 г. радеховской группировки противника».

Для нанесения контрудара по противнику к исходу 25-го июня были созданы южная и северная танковые группировки. В состав южной группировки входили 8-й и 15-й механизированные корпуса, руководили ей Г. К. Жуков и командование фронта, а в северную — 9-й и 19-й механизированные корпуса, которую возглавлял М. И. Потанов. В конце танкового сражения в нем участвовали подошедшие 36-й и 37-й стрелковые и 22-й механизированный корпуса.

Главный удар по вражеской группировке из района Броды в северном направлении наносили 8-й и 15-й механизированные корпуса, глубина задачи дня — свыше 80 км. 9-й и 19-й механизированные корпуса наносили удар из района Клевань, Ровно в южном направлении, глубина задачи дня — около 70 км. Исходное положение для наступления было приказано занять в половине пятого. Военно-воздушным силам фронта была поставлена задача: с 4 часов мощными ударами с воздуха поддерживать атакующих.

15-й механизированный корпус к моменту отдания приказа вел боевые действия с вражеской группировкой на широком фронте, понес потери, поэтому с утра 26 июня во взаимодействии с 8-м корпусом могла наступать только его 212-я моторизованная дивизия.

К назначенному времени в исходных районах для наступления находились 8-й и 9-й механизированные корпуса. Хуже обстояло дело с прибытием 19-го мехкорпуса из-за большой глубины его дислокации от Ровно — места ввода его и бой. Однако, как увидим, он первый нанесет поражение 11-й танковой дивизии противника, ворвется в Дубно, а его передовой отряд совершит рейд по тылам 1-й танковой группы накануне и в день начала танкового сражения и только из-за несогласованных действий командования эти результаты не были использованы. А развивались события так.

В 19-й механизированный корпус входили 40-я и 43-я танковые и 213-я моторизованная дивизии, имел он 280 танков, из них 11 Т-34 и КВ. Командовал корпусом генерал-майор Н. В. Фекленко. Дислоцировался корпус в районе Бердичева на удалении 350 км от государственной границы.

Боевая тревога в корпусе была объявлена в четвертом часу утра 22 июня, а вскоре последовал налет вражеской авиации, которая нанесла удары в основном по складам. Соединения корпуса вышли в районы сбора, а затем по приказу двинулись к границе в район Сокаля.

В 43-й танковой дивизии, следовавшей в голове корпуса, ее командир полковник И. Г. Цибин немедленно по получении приказа выслал к границе усиленный разведывательный батальон в качестве передового отряда по маршруту: Бердичев, Шепетовка, Ровно, Дубно. Сутки спустя за ним по двум маршрутам выступили главные силы дивизии¹¹¹.

Разведывательным батальоном командовал Герой Советского Союза капитан В. С. Архипов, в последующем генерал-полковник танковых войск. В разведывательный батальон входили рота танков, в их числе 5 Т-34 и остальные Т-26, две роты бронемашин, одна из которых вооружена легкими броневиками с пулеметным вооружением, а другая — мощными машинами, вооруженными двумя пулеметами и 45-мм пушкой; рота мотоциклистов, зенитная рота (12 пулеметов ДШК и четыре 37-мм пушки); артиллерийская батарея; отдельные взводы — ранцевых от-

неметов, саперный, связи, комендантский. По боевой тревоге батальон усиливался дивизионом 122-мм гаубиц и саперной ротой. Этот достаточно сильный передовой отряд двинулся к границе. Скорость движения была небольшой, так как танки Т-26 были изношены и следовали даже по хорошей дороге со скоростью 20–25 км/час.

К вечеру 23 июня передовой отряд подошел к городу Острогу, но его в город через мост не пропускали какие-то военные на том основании, что он заминирован и подготовлен к взрыву, так как подходят немцы. Документы у командиров оказались в порядке, но по ряду признаков, в частности красноармеец на мосту на вопрос ответил на немецком языке, было установлено, что это диверсанты и их схватили. Переодетыми в форму бойцов Красной Армии оказались немцы из полка специального назначения «Бранденбург».

Мост не был заминирован и разведбат через Острог двинулся на Ровно. В Здолбунове около 20 человек гитлеровцев, переодетых в форму красноармейцев, встретили головную бронероту пулеметно-автоматным огнем, и на их ликвидацию ушло полтора часа времени.

На исходе 24 июня передовой отряд миновал Ровно и двинулся по дороге на Дубно. В ночь на 25 июня он обошел город Дубно с севера и вышел на дорогу Млинов — Берестечко. По дороге навстречу брели беженцы. У Демидовки дорога километра на два была забита автотранспортом и легкими танками немцев. Архипов пустил вперед танки Т-34, которые атаковали и разгромили колонну. В плен было взято 5 офицеров и около 80 солдат. Часть пленных была из 13-й, а часть — из 11-й танковой дивизии. Из этого видно, что передовой отряд 19-го механизированного корпуса действовал в тылу противника на стыке флангов 3-го и 48-го моторизованных корпусов.

Из показаний пленных стало известно, что во второй половине дня 25 июня 11-я танковая дивизия проследовала через Демидовку на Дубно. В Дубно мосты через Икву были взорваны, поэтому дивизия обошла город с юга и двинулась в направлении на Острог.

Утром 26 июня северная и южная группировки механизированных корпусов Юго-Западного фронта перешли в наступление и в районе Луцк, Ровно, Дубно развернулось грандиозное танковое сражение.

Главный удар по правому флангу 1-й танковой группы Клейста из района Броды наносил 8-й механизированный

корпус. Для нанесения удара генерал Рябышев построил дивизии корпуса в один эшелон. В центре боевого порядка наступала 12-я танковая дивизия генерал-майора Мишанина с задачей: прорвать оборону противника на участке река Сытенка, Лешнев. Слева, взаимодействуя с 212-й моторизованной дивизией 15-го корпуса, наступала 7-я моторизованная дивизия полковника Герасимова, а справа — 34-я танковая дивизия полковника Васильева. Артиллерия корпуса поддерживала действия наступающих, об участии в боях своей авиации ничего не было известно.

На рассвете 26 июня все дивизии корпуса перешли в наступление в общем направлении на Берестечко. Противник встретил их мощным артиллерийским и минометным огнем, в воздухе появилась немецкая авиация, которая группами по 50-60 самолетов наносила удары по нашим войскам. Зенитчики вступили в борьбу с врагом и действовали эффективно, но зенитных пушек и пулеметов было мало и не все части ими были прикрыты, особенно тылы, которые и понесли потери. Наша авиация в воздухе не появлялась.

Перед фронтом корпуса противник имел более четырех дивизий пехоты, из них одна моторизованная.

«Части 12-й танковой дивизии, — вспоминает Рябышев, — за день продвинулись на 10-12 километров. Берестечко занять не удалось. Уничтожено до батальона пехоты, мотоциклетный батальон, 20 танков, 24 орудия, захвачено в плен 20 солдат врага. От налетов неприятельской авиации понесли значительные потери тылы дивизии... 7-я моторизованная дивизия в течение дня продвинуться так и не смогла»¹¹².

Особенно успешно действовала 34-я танковая дивизия полковника Васильева. Она разгромила вражескую колонну, уничтожила два батальона мотоциклистов, 3 батареи артиллерии, захватила 4 вражеских танка, овладела Лешневым и продвинулась на 15 км.

Немецкие войска несли потери и отходили. Гитлеровские генералы не ожидали такого развития боевых действий. Генерал Гальдер на следующий день записал в дневнике: «На фронте группы армий «Юг» все еще продолжаютсь сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение»¹¹³.

15-й механизированный корпус действовал левее 8-го корпуса на фронте до 70 км, что затрудняло управление

дивизиями. 212-я его моторизованная дивизия действовала на правом фланге в отрыве от танковых дивизий. Это не позволяло удерживать рубежи, захваченные танкистами, достигнуть решительного успеха по разгрому противника.

Штабы фронта и 6-й армии, штаб 8-го корпуса о противнике «не информировали, данных авиаразведки за весь период действий корпус не имел»¹¹⁴. Все сведения о противнике штабы этого и 15-го корпуса добывали своими силами, но их было недостаточно для эффективного управления боевыми действиями, так как все, что находилось за пределами визуальной видимости, было скрыто для нашего командования, и это при наличии в составе авиации фронта двух отдельных разведывательных авиационных полков. Для немецкого командования в этом отношении проблем не было.

Особенно неудовлетворительно осуществлялось управление 15-м механизированным корпусом. В результате этого он мало использовался для ведения боевых действий, что создавало благоприятные условия для противника. Частое изменение задач корпусу и большая затрата времени на доставку приказов из штабов фронта и армии создавали неясную обстановку и приводили к длительным ненужным маршам, что изматывало личный состав и являлось причиной большого отхода боевой техники, так как ее ремонт практически не был налажен. «Например, 24 июня был получен приказ штаба фронта о выходе 15 мк с рубежа Колесники, Охладув, Холоув в район юго-западнее Броды для нанесения совместно с 8 мк удара в направлении Берестечко, Дубно.

Части корпуса приступили к выполнению этого приказа и были в пути следования, а некоторые уже достигли района своего сосредоточения. 25 июня последовал приказ на обратное возвращение частей корпуса на ранее занимаемый рубеж с целью подготовки наступления на Радехов, Сокаль»¹¹⁵. Эту задачу корпус и выполнял.

В связи с наступлением 8-го и 15-го механизированных корпусов, 48-й моторизованный корпус оказался в критическом положении. Чтобы отразить контрудар, враг начал сосредоточивать в этом районе крупные силы. Для прикрытия правого фланга 48-го корпуса подтягивался 44-й армейский корпус, в состав которого вошла 57-я пехотная дивизия, выдвигались 16-я моторизованная дивизия и противотанковый дивизион. Командование 48-го

корпуса по своей линии подтягивало к этому району несколько мотострелковых и танковых частей. По просьбе Клейста бомбардировочная авиация непрерывно бомбила части 8-го механизированного корпуса.

9-й и 19-й механизированные корпуса перешли в наступление 26 июня на Дубно. Механизированные корпуса наносили удар по левому флангу 3-го моторизованного корпуса.

20-я и 35-я танковые дивизии 9-го корпуса из района Клевани вначале продвинулись на несколько километров в южном направлении, но были остановлены частями 13-й и 14-й танковых дивизий противника, наступавших в этой полосе на Ровно. Немецкая авиация группами по 20 самолетов непрерывно бомбила боевые порядки частей корпуса. В районе Луцка стойко оборонялась 131-я моторизованная дивизия корпуса, которая отбила несколько танковых атак противника и не позволила ему форсировать реку Стырь.

Левее 9-го корпуса удар на Дубно должен был из района Ровно наносить 19-й механизированный корпус, но он, несмотря на настойчивые требования из штаба фронта, не успевал. На подходе была только его 49-я танковая дивизия, которая вскоре вступила в бой при следующих весьма необычных обстоятельствах.

Ее передовой отряд под командованием капитана В. С. Архипова, разгромив на рассвете в районе Демидовки колонну врага, двинулся за 11-й танковой дивизией к Дубно. Архипов поддерживал связь с полковником Цибиным, докладывал ему разведанные, получал указания. Попытка связаться по радио с 8-м корпусом не увенчалась успехом.

Передовой отряд Архипова обошел Дубно с запада на юго-запад и, следуя по следам 11-й танковой дивизии, пересек сначала шоссе Дубно-Львов, затем Дубно-Тернополь. Около 10 часов утра командир разведгруппы лейтенант Г. П. Губа доложил по радио: «Вижу танки». Передовой отряд, следуя по следу гусениц танков, через полчаса вышел к населенному пункту с костелом. Из верхнего окна костела Архипов увидел: «поля, холмы, перелески и повсюду танки, танки, танки. Они хорошо видны и без бинокля. А между танками стоят большие машины с белыми цистернами — бензозаправщики. Они даже не маскируются»¹²⁴.

Архипов с начальником штаба капитаном В. Г. Богаче-

вым насчитали около 120 танков 11 танковой дивизии. Эти данные Архипов доложил в штаб 43-й танковой дивизии, которая находилась в районе Здолбунов, Мизоч. Дивизия имела 79 танков. На удалении 10–15 км от нее находится немецкая дивизия, но она не может ее атаковать, так как танки 85-го и 86-го танковых полков стоят без горючего, а 43-й артиллерийский полк — без боеприпасов. Горючее и боеприпасы должны подвезти со складов у Ровно, но пока их нет. Атаку немецкой танковой дивизии полковник Цибин назначил на 14 часов, а затем на 17. Передовой отряд удар наносил на 15 минут раньше. Для этого Архипов разместил артдивизион 122-мм гаубиц за передовой в лесу, а бронемашину и танки выдвинул в непосредственную близость к противнику, на 500–700 метров от него, чего, увлеченные заправкой машин, немцы не заметили. В 16.45 по врагу ударила артиллерия передового отряда, а по ближайшим танкам также танки и бронемашину. Примерно через полчаса противник оправился от замешательства и открыл ответный прицельный огонь, вскоре в воздухе появилась немецкая авиация. Пришлось с боем отходить. Но в это время в атаку пошли 85-й танковый полк В. Г. Алябьева и 86-й полк С. П. Веретенникова, которые ударили по врагу с тыла и он начал панически отступать. За четыре часа боя и преследования противник был отброшен на 30 км к западу и в десятом часу вечера передовой отряд, 85-й и 86-й танковые полки вступили в город Дубно на северную его окраину. По данным разведки немцев и центральной части города было мало, но проникнуть туда войскам было трудно, так как мосты были взорваны. В этом бою дивизия уничтожила 21 танк врага и потеряла 17 своих.

Полковник Цибин приказал дать людям отдых с тем, чтобы ночью ворваться в центральную часть Дубно и продолжать наступление. Разведка донесла, что в 5–7 км западнее города немцев нет. Но в 23 часа 26 июня был получен приказ из штаба 5-й армии: 43-й танковой дивизии свернуть полки в колонны и отходить к Ровно. Этот приказ командирам был непонятен, так как не соответствовал обстановке и сводил на нет достигнутый успех.

По этому вопросу генерал-полковник танковых войск Архипов в воспоминаниях пишет: «Когда вечером 26 июня мы гнали фашистов к Дубно, это уже было не отступление, а самое настоящее бегство. Части 11-й танковой перемешались, их охватила паника. Подобное психологи-

ческое состояние гитлеровских войск, подавленность и панику наблюдать снова мне довелось очень и очень не скоро — только после Сталинграда и Курской битвы»¹¹⁷.

И в этих условиях был получен приказ на отступление к Ровно, чтобы на следующий день вновь наступать на Дубно. Лучшего подарка для бегущего в панике противника, чтобы он мог восстановить в частях порядок, нельзя было и придумать.

Архипов в этой связи пишет: «успех нашей дивизии еще не означал общий успех всего контрудара. Мало ли что могло в тот же день произойти на других участках фронта! И все же горький осадок остался. Да, откровенно говоря, остается и по сей день»¹¹⁸.

Обстановка и на других участках фронт требовала продолжения контрудара, но командование фронта необоснованно его приостановило.

Рассмотрим, как это произошло. На рассвете 27 июня дивизии 8-го механизированного корпуса, достигнув накануне определенного успеха, готовы были продолжать наступление. Наиболее мощный корпус фронта мог реализовать высокие боевые возможности. Однако около 4 часов утра на командный пункт приехал генерал В. П. Панюков и передал Рябьшеву приказ командующего фронтом, в котором корпусу приказывалось отойти в тыл за боевые порядки 36-го стрелкового корпуса, занимавшего оборону на рубеже Кременец, Подкамень и составить резерв фронта¹¹⁹.

Аналогичный приказ был направлен и в 15-й механизированный корпус, который также выводился в резерв фронта.

Почему это сделало командование фронта? В условиях, когда нужно было часть имевшегося резерва направить для удара по противнику, с фронта были сняты 8-й и 15-й механизированные корпуса и направлены в тыл. Этим немцам была предоставлена возможность беспрепятственного движения в глубь нашей территории.

Посмотрим, почему командование фронта в условиях, когда был достигнут успех и его нужно было развивать, не позволило 43-й танковой дивизии взять Дубно и далее преследовать противника, а 8-му и 15-му и другим механизированным корпусам продолжать наступать?

Г. К. Жуков с большим трудом создал две мощные танковые группировки, и они успешно начали громить прорвавшегося противника. И эти успешные действия были

прекращены. Почему? Ведь условия для наступления были благоприятные. А случилось следующее.

Сталин позвонил в Тернополь, попросил к телефону Г. К. Жукова и сказал:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпаносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выеде на аэродром.

Получив указания Сталина, Жуков пригласил к себе командующего фронтом, начальника штаба и члена Военного совета, информировал о сложившейся на Западном фронте обстановке и сказал, что Юго-Западному фронту необходимо продолжать нанесение контрудара механизированными корпусами. Однако среди руководителей фронта имеются другие настроения. Иначе как можно объяснить последнее решение поставить в оборону два стрелковых корпуса в тылу контратакующих механизированных корпусов вместо того, чтобы направить их им на помощь?

Кирпанос не нашелся, что ответить начальнику Генерального штаба. Тогда поднялся Пуркаев и сказал: «Думаю, ваш упрек касается только меня. Я считаю, что контрудары механизированных корпусов не имеют перспективы. Чтобы избежать выхода противника на оперативный простор, я и предложил развернуть в оборону подходящие к фронту корпуса»¹²⁰.

Затем выступил Вашугин, который заверил Жукова, что командование фронта исправит допущенные погрешности и сделает все для выполнения приказа Ставки. Хрущев в это время отсутствовал. Он находился в Киеве, где решал текущие дела.

Только самолет Жукова взлетел и взял курс на Москву, как Пуркаев позвонил туда же генералу Ватутину и сообщил ему свое и командующего мнение о нецелесообразности контрудара мехкорпусов и необходимости перехода к обороне. Тот пообещал доложить их мнение Тимошенко. Через некоторое время сообщил, что нарком согласен с их мнением, но без санкции Сталина ничего не может сделать.

Полагая, что решение командования фронта о переходе к обороне в Москве поддержат, Кирпанос отдал распоряжение о выводе в резерв 8-го и 15-го мехкорпусов и прекращении контрудара. Командирам этих корпусов и ко-

мандующему 5-й армией были направлены соответствующие приказы, которые как показано выше начали исполняться к великому удивлению и недоумению командного состава.

Вашугин, узнав об этих действиях Пуркаева и Кирпача, послал телеграмму своему начальнику Мехлису о несогласии с прекращением контрудара. Тот доложил ее Сталину, и вскоре пришла телеграмма с требованием продолжать нанесение контрудара.

Перед рассветом 27 июня командирам корпусов и командующему 5-й армией были направлены приказы о продолжении контрудара. Корпуса вышедшие из боя и еще выходящие из него, должны были вновь строить боевые порядки и переходить в наступление. Этот маневр сложно выполнить и требует он много времени, а главное без всякого смысла изматывал людей и приводил некоторые машины в неисправное состояние.

В 4 часа утра 27 июня командование 8-го мехкорпуса, как это было не тягостно, приступило к выполнению приказа о прекращении контрудара и отходе в тыл. Но дивизии сражались на широком фронте, и вывести их из боя было сложно. В 7-ю и 12-ю дивизии удалось своевременно передать приказ об отходе, а 34-я танковая уже атаковала врага севернее Берестечко и ее вывод из боя задерживался. Причем дивизии отходили, ведя тяжелые арьергардные бои с преследовавшим их противником, который праздновал победу, не имея сил задержать их наступление.

Около 7 часов утра в этот же день на командный пункт корпуса прибыл бригадный комиссар А. И. Михайлов и вручил Рябшеву новый приказ командующего фронтом, который требовал перейти в наступление на Дубно, взять город и занять круговую оборону в ожидании общего наступления войск фронта. Михайлов поехал далее на командный пункт 15-го мехкорпуса с приказом к исходу дня овладеть Берестечко и в дальнейшем наступать на Дубно. Корпусам предстояло взять два этих города, районы которых они несколько часов тому назад оставили противнику по приказу командования фронта. За эти действия Пуркаев был снят с должности.

В новом приказе не было сказано, где противник, его силы, какие соседи и их действия, а эти данные нужны для принятия решения на выполнение боевой задачи.

8-му корпусу для разведки противника в новом районе и сосредоточения дивизий для перехода в наступление

требовалось, как подсчитал начальник штаба, около 20 часов. Поэтому корпус мог начать наступление на рассвете 28 июня. С учетом этого был составлен короткий боевой приказ дивизиям.

Около 9 часов утра к командному пункту корпуса подъехала кавалькада легковых автомашин. Из головной автомашины вышел корпусной комиссар Н. Н. Вашугин, из других — командиры и комиссары штаба фронта. Рябышев поспешил к члену Военного совета с докладом о действиях корпуса. Но только он начал доклад, как Вашугин его прервал вопросом:

— Вы, почему не выполнили приказ о наступлении на Дубно?

Рябышев ответил, что приказ получен два часа назад, а дивизии связаны боем и находятся на большом удалении.

— Замолчите! Это предательство! — вскричал Вашугин. — Сейчас устроим суд и расстреляем.

— Товарищ корпусной комиссар, — вмешался, стоявший рядом, заместитель командира корпуса по политической части бригадный комиссар Н. К. Попель. — Вы можете требовать выполнения приказа. Однако надо и нас выслушать.

— А, это ты, штатный адвокат при изменнике, — и поток ругательств обрушился на Пополя, который, выбрав момент, заявил:

— Еще неизвестно, какими соображениями руководствуются те, кто приказом заставляет отдавать врагу с боем взятую территорию.

Вашугин остановился, вспоминает Попель, посмотрел мне в глаза. Мы одного с ним роста. Не то, что с Рябышевым, на которого он смотрел снизу вверх. С растерянностью в голосе спросил:

— Кто вам приказал отдавать территорию? Что вы мелете? Генерал Рябышев, докладывайте¹²¹.

— Мною выслана разведка с целью установления местонахождения, сил и группировки противника. Войска корпуса могут сосредоточиться на исходном рубеже к концу дня и начать наступление утром 28 июня.

— Что? — воскликнул член Военного совета. — Немедленно решение и вперед!

— С чем вперед?

— Приказываю немедленно начать наступление.

— В крайнем случае, войска не в полном составе

могут перейти в наступление сегодня не ранее 14 часов, другие двинутся за ними по мере подхода.

— Хорошо, — согласился Вашугин. — Выполняйте. Командовать подвижной группой будет Попель.

Повернулся к Попелю и добавил:

— Займите к вечеру Дубно — получите награду. Не займете — исключим из партии и расстреляем.

В состав группы Попеля были включены 34-я танковая дивизия, имевшая более 150 танков, 24-й танковый полк подполковника Л. И. Волкова составом более 50 машин из 12-й танковой дивизии и 6-й корпусной мотоциклетный полк. Группе была поставлена задача: захватить район Дубно, Сморгда, Пелча и перейти к обороне. Как только части группы двинулись по шоссе к Дубно, Вашугин уехал. Штаб корпуса от города Броды направился на новое положение у пункта Ситно.

Вскоре на командный пункт прибыл начальник автобронетанковых войск фронта генерал-майор Р. Н. Моргунов с задачей координировать действия 8-го и 15-го механизированных корпусов по разгрому противостоящей вражеской танковой группировки. Одновременно с севера по ней удары нанесут 9-й и 19-й механизированные корпуса.

К исходу 27 июня Н. К. Попель доложил, что его группа ворвалась в Дубно и вышла в тыл 3-му моторизованному корпусу врага. На пути к Дубно атаковала и разгромила танковый полк 11-й танковой дивизии противника и ее тыловые подразделения, а также несколько частей 16-й танковой дивизии 48-го корпуса.

В это время через Ситно проследовал на Дубно передовой отряд 7-й моторизованной дивизии, который, встретив на реке Пляшувке сопротивление немцев, нанес удар по противнику, прорвал оборону и двинулся далее. Главные силы 7-й дивизии подошли к реке с наступлением темноты. К этому времени части немецкой 16-й танковой дивизии заняли оборону на реке Пляшувке и преодолеть их сопротивление не удалось.

15-й механизированный корпус наступал в этот день по топкой местности неблагоприятной для действий танков. От исходного рубежа до Берестечко на его пути было пять рек с широкими болотистыми поймами, поэтому продвижение корпуса было небольшим.

8-й механизированный корпус нанес по противнику мощный удар, а действия группы Попеля были весьма успешными, что повергло в уныние немецкое командование.

Утром 27 июня перешел в наступление 19-й механизированный корпус. Его 43-я танковая дивизия наступала на Дубно, а 40-я танковая — на Млинов. 43-я дивизия, следуя на Дубно, встретила противника, который за ночь восстановил боеспособность и двигался на Ровно, разгорелся встречный бой. Войска противника охватила паника, так как всюду были русские танки, и они бежали с поля боя. Танкисты дивизии вновь прорвались к Дубно. С востока к Дубно подошла пехота 36-го стрелкового корпуса, а к вечеру, как, указано выше, с юга ворвалась в город 34-я танковая дивизия полковника Васильева из группы Попеля. Создалась благоприятная обстановка для взятия города и соединения северной и южной танковых группировок, чтобы отрезать передовые части 1-й танковой группы от ее главных сил. Но войска действовали разобщенно, без связи друг с другом и информации о взаимном положении, и овладеть Дубно не смогли.

«Таким образом, — пишет в воспоминаниях генерал Архипов, — 26 и 27 июня советские танковые клинья дважды и очень глубоко — до 30 км — врезались в оба фланга немецкого 48-го моторизованного корпуса. Однако отсутствие связи между клиньями и взаимная неосведомленность не позволили довести дело до логического конца — до окружения 48-го моторокорпуса между Бродами и Дубно»¹²².

К вечеру 27 июня 43-я танковая дивизия вновь отошла к Ровно, но уже под натиском противника.

Несмотря на несогласованные действия 8-го и 19-го мехкорпусов они нанесли врагу большие потери и продолжали угрожать действиям его главных сил. 9-й механизированный корпус в этот день вел упорные бои с противником на реке Стырь в районе Луцка.

Тяжелое положение 1-й танковой группы вызвало большое беспокойство Гитлера, и по его указанию Кейтель передал распоряжение главному командованию сухопутных войск о ликвидации угрозы со стороны советских корпусов группе Клейста. По приказу из Берлина фон Рундштедт на помощь танковым дивизиям срочно начал переброску 75,44-й и 111-й дивизий, а Клейст выдвигал к Дубно с северо-запада 16-ю моторизованную дивизию, а 16-й танковой дивизии приказал повернуть от Кременца назад и перерезать дорогу Броды—Дубно. Помимо этого Клейст готовил мощную сводную боевую группу для удара по 15-му и 8-му корпусам с запада.

Именно в это время Клейст издал следующий приказ:

«Слухи о прорвавшихся советских танках вызвали панику в тыловых службах.

Я приказываю: необходимыми поучениями, приказом и угрозой наказания указывать на последствия паники. Каждого зачинщика паники под полевой суд. Офицеры обязаны применять оружие.

Я запрещаю при тревоге употреблять слова «танки прорвались»¹²³.

11-й танковой дивизии даже в этих тяжелых условиях было приказано двигаться на восток, и ее части ворвались в город Острог, где вступили в бой с оперативной группой генерала Лукина. Во второй половине дня подчиненная ему 109-я моторизованная дивизия с ходу атаковала противника. Преодолев сопротивление гитлеровцев, в город ворвался ее 16-й танковый полк. Ему на помощь пришли подразделения 381-го и 602-го мотострелковых полков, и к вечеру 27 июня Острог был очищен от врага.

Группа генерала Лукина появилась следующим образом. На станциях Шепетовка и Бердичев шла погрузка в эшелоны только что прибывших частей 5-го механизированного корпуса и 57-й танковой дивизии для следования на Западный фронт.

В это время из Винницы в Шепетовку прибыл генерал-лейтенант М. Ф. Лукин с группой работников штаба и политотдела 16-й армии. На вокзале он увидел сотни мобилизованных командиров запаса, безуспешно разыскивающих свои части. В городе при наличии большого числа войск началась стрельба. Лукин из командиров запаса создал группы под командованием командиров мехкорпуса и организовал прочесывание улиц. При этом было выловлено 17 автоматчиков из числа националистов.

В Шепетовке и ее окрестностях находились склады боевого, материально-технического и продовольственного снабжения. Сил для их защиты в городе не было. Поэтому генерал Лукин по своей инициативе прекратил погрузку в эшелоны 109-й моторизованной дивизии полковника Н. П. Краснорецкого и 115-го танкового полка 57-й танковой дивизии. Он и возглавил эти оставленные им войска. С ним остались полковник Малинкин, два командира штаба и два политработника.

Генерал Лукин подчинил себе проходившую через город 213-ю стрелковую дивизию, направлявшуюся в состав 5-й армии, положение которой не было известно. Собрав во-

круг Шепетовки отходящие разрозненные подразделения, он создал из них два отдельных стрелковых полка и артиллерийскую группу в составе трех дивизионов. В результате была создана оперативная группа войск, которая фигурировала в сводках фронта. Ее штаб располагался на станции Шепетовка. Командующий группой поддерживал связь с заместителем командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенантом В. Ф. Яковлевым¹²⁴.

109-я моторизованная дивизия вела бой с 11-й танковой дивизией противника у города Острога. Такое глубокое проникновение противника на территорию Украины вызвало озабоченность у командования Юго-Западного фронта. В случае поворота этой дивизии на юг в направлении Староконстантинова и перехода в наступление войск из Румынии в северном направлении противник мог окружить основные силы Юго-Западного фронта. В связи с этим Военный совет фронта решил в течение ночи на 28 июня силами 24-го резервного механизированного корпуса, а также 2,3-й и 4-й артиллерийских противотанковых бригад создать противотанковый заслон на рубеже Староконстантинов, Базалия, Вишневец фронтом на север. 1-й воздушно-десантной бригаде было приказано занять и оборонять Остропольский укрепленный район.

Командование фронта приказало также 28 июня перейти в наступление и выйти 5-й армии на реку Стырь, 36-му стрелковому корпусу — в район Млинова, 37-му корпусу разбить противника южнее Кременца, 8-му механизированному корпусу наступать в направлении на Острог, а 15-му — вновь на Берестечко.

28 июня сражение в районе Луцк, Ровно, Дубно разгорелось с новой силой и шло с переменным успехом, но инициатива постепенно переходила к врагу, который ввел в бой крупные силы танков и авиации. Войскам 5-й армии вместо наступления пришлось вести тяжелые оборонительные бои, а 19-й механизированный корпус отошел от Ровно на восток за реку Горынь, где перекрыл шоссе на Новград-Волинский. О напряженности боев этого корпуса свидетельствует то, что только 43-я танковая дивизия за день уничтожила 14 танков, 67 автомашин, более 40 мотоциклистов и до полка пехоты¹²⁵.

Не смогли развить наступление в этот день также 36-й, 37-й стрелковые и 15-й механизированный корпуса. Это весьма осложнило положение 8-го механизированного корпуса, 34-я танковая дивизия, танковый и мотоциклет-

ный полки которого были отрезаны в районе Дубно. К этому городу подошла специальная группа немецких танков, насчитывавшая до 200 машин. Немецкая авиация непрерывно наносила удары по окруженным войскам.

Утром 28 июня генерал Рябышев повел части корпуса в наступление с целью прорвать оборону противника на реке Пляшувка вдоль шоссе на Дубно и соединиться с группой Попеля. В атаку пошли части 7-й мотодивизии, но были отбиты. В середине дня подошла 12-я танковая дивизия и совместно с 7-й пошла в наступление. Противник вызвал авиацию и отбил все их атаки. Прорвать оборону противника не удалось.

Противник подтягивал новые силы и к исходу дня против двух дивизий корпуса, одна из которых не имела одного полка, ввел в бой в дополнение к 16-й танковой и 16-й моторизованной еще 75-ю и 111-ю пехотные дивизии. Его превосходство было значительным, что дополнялось содействием крупных сил авиации.

Дивизии 8-го корпуса вынуждены были перейти к обороне. Противник после артиллерийской подготовки бросил в атаку большие силы пехоты при поддержке 40–50 танков. Атака противника была отбита. При этом особенно успешно действовали воины 12-го артиллерийского полка и танкисты.

«Наши Т-34 и КВ, — вспоминает генерал Рябышев, — вступали в бой с фашистскими танками даже при десятикратном превосходстве немцев и каждый раз выходили победителями. Вражеская противотанковая артиллерия оказалась малозффективной против брони средних танков, а против танков КВ была просто беспомощной»¹²⁶.

Если атаки пехоты и танков части 8-го корпуса отражали успешно, то против авиации из-за малого количества зенитных средств и отсутствия своих истребителей «были почти беззащитны. Группы по 40–50 самолетов, волна за волной, налетали на боевые порядки корпуса и подвергали их бомбежке»¹²⁷.

29 июня в районе Луцка, Ровно, Дубно войска фронта вели в основном оборонительные действия: 9-й механизированный корпус в районе Клевани, 19-й — на рубеже реки Горынь, прикрывая шоссе Ровно — Новград-Волынский, 15-й — в районе Лопатина. Наиболее неблагоприятное положение сложилось в 8-м мехкорпусе вследствие его разделения на две части.

Утром 29 июня противник, действующий против 8-го

мехкорпуса, подтянув за ночь свежие силы, перешел вновь к активным действиям. Особого успеха он достиг на левом фланге, где не оказалось соседа — 15-го мехкорпуса. В результате до 40 немецких танков прорвались в глубину обороны. Против них были брошены шесть КВ и четыре Т-34, которые уничтожили все немецкие танки, не потеряв ни одного своего. Экипаж танка Т-34, в котором механиком-водителем был сержант М. А. Шмаков, в этом бою, действуя бесстрашно и тактически грамотно, уничтожил около десяти вражеских танков¹²⁸.

Соотношение сил на этом участке фронта сложилось в пользу противника. Пользуясь этим, немцы начали глубоко обходить левый фланг 8-го корпуса и на исходе дня замкнули кольцо окружения. Горючее и боеприпасы в полках были на исходе, а тылы отрезаны противником. В создавшихся условиях командир корпуса пригласил командиров дивизий на совещание. В это время над ними загорелся советский самолет, подожженный немецким истребителем. Летчик выбросился с парашютом. Он сильно обгорел и, когда собрался с силами, сообщил, что вез приказ командующего фронтом, который утратил, содержания его не знает. Ему известно лишь, что общее наступление войск фронта отменено.

Посовещавшись с командирами дивизий, генерал Рябышев принял решение выходить из окружения ударом вдоль шоссе на Броды.

В 22 часа танки первого эшелона на большой скорости двинулись вперед. В голове первого эшелона по обе стороны шоссе с интервалом 100 м шли 20 танков КВ и Т-34. Их задача состояла в том, чтобы огнем и гусеницами пробить брешь в обороне противника. Следовавшие за ними танки и мотопехота должны были расширить фланги прорыва и закрепить их.

Противник открыл по танкам бешеный огонь и бросил в контратаку танки. Во встречном танковом бою танки противника были подожжены и подбиты. Пехота противника не могла долго сопротивляться, и оборона была прорвана. Подошедшая мотопехота расширила прорыв до четырех километров вправо и влево от шоссе. Во время атаки погиб командир 12-й танковой дивизии генерал-майор Т. А. Мишанин.

Через прорыв в обороне противника 7-я и 12-я дивизии вышли из окружения и сосредоточились в 7 км северо-восточнее Радзевилова. В это время была установлена

связь с командующим фронтом, который приказал корпусу поступить в резерв фронта и следовать в район северо-западнее Тернополя. В составе двух дивизий корпуса имелось более 19 тыс. человек, 207 танков, в том числе 43 — КВ, 31 — Т-34, 69 — БТ-7, 57 — Т-26, 7 — Т-40, а также 21 бронемашина. Этим силам было достаточно, чтобы атаковать противника и этим облегчить положение группы Попеля, а, возможно, и соединиться с ней при содействии других войск, а они выводились в резерв и в дальнейшем в боевых действиях не участвовали. Эти силы корпуса в дальнейшем отходили вместе с другими войсками, 8 июля миновали Киев и к исходу дня сосредоточились в Нежине, имея в своем составе 10 танков и 21 бронемашину. В ходе боев эти силы 8-го мехкорпуса, без группы Попеля, потеряли 96 танков, а при отступлении по тылам — 197 и корпус был расформирован¹²⁹.

4-й и 15-й механизированные корпуса также были выведены в резерв фронта для приведения в порядок боевой техники и отдыха. Это решение было опрометчивым. Немецкое командование вводило в бой новые силы, а не снимало с фронта такое большое количество танков.

Группа Н. К. Попеля в соответствии с приказом захватила район Дубно, Сморгда, Пелча, заняла круговую оборону и ожидала подхода главных сил корпуса для развития успеха. Вскоре она была окружена противником и вела с ним изнурительные бои. Связи со штабами корпуса и фронта не было. Встал вопрос: что делать? 30 июня на совещании командиров частей было принято решение: с наступлением ночи силами вспомогательной группы нанести удар в южном направлении, прорвать окружение и вывести тылы группы и раненых; на рассвете 1 июля главными силами атаковать сосредоточившиеся в лесах западнее Дубно части 16-й танковой дивизии и нанести им максимальные потери, не считаясь со своими.

С наступлением ночи 30 июня вспомогательная группа нанесла удар по противнику, прорвала окружение и через образовавшуюся брешь прошла колонна тыловых подразделений, которая присоединилась к основным силам корпуса у Хмельницкого.

Главные силы группы Попеля атаковали противника на рассвете 1 июля, и завязался тяжелый продолжительный бой. Группа Попеля имела 60 танков КВ и Т-34, а противник в четыре раза больше. Советские танкисты смело атаковали врага, расстреляв все снаряды, шли на таран.

Когда танки выходили из строя, экипажи покидали их и продолжали бой стрелковым оружием. Погиб в бою полковник И. В. Васильев. Под вечер против остатков группы немцы бросили бомбардировщиков, которые подбили последние танки и орудия. Попель дал команду отходить всем в лес. Немцы, утомленные боем, не преследовали. Отойдя километра три, Попель остановил людей, и на этом месте организовал лагерь, послав поисковые группы в разные стороны для сбора отставших. Через двое суток в лагерь пришли около двух тысяч человек. Из них были сформированы подразделения. 3 июля Попель повел сводный отряд на восток. В пути к нему присоединился отряд из состава остатков 124-й стрелковой дивизии под командованием полковника Т. Я. Новикова.

Пройдя по тылам врага 650 км и нанеся ему значительные потери, сводный отряд под командованием Н. К. Попеля и Т. Я. Новикова в количестве 1778 красноармейцев и командиров на исходе третьей недели у Белокоровичей соединился с частями Красной Армии,

Подвижная группа 8-го механизированного корпуса до конца и с честью выполнила свой воинский долг. С выходом из окружения корпусной комиссар Н. К. Попель был назначен членом Военного совета 38-й армии, командующим которой был генерал-лейтенант Д. И. Рябьшев.

Командующий фронтом в своем приказе от 29 июня задачу по разгрому танковой группировки противника, стремившейся прорваться к Новград-Волынскому, возложил на 5-й армию, которая должна была «из района Цумань, Ставок, Клевань нанести удар на юг с целью отрезать от своих баз и войск мотомеханизированную группу противника, перешедшую р. Горынь у Ровно, и ликвидировать прорыв»¹³⁰. 6-й армии приказывалось закрепиться на рубеже Дубно, Кременец, Золочев с выводом в резерв фронта 4, 8, 15-го механизированных корпусов.

30 июня 5-я армия в составе 22, 9, 19-го механизированных и 27-го стрелкового корпусов нанесла контрудар в направлении на Дубно и, преодолев сопротивление противника, осуществила глубокий прорыв на юг. Для ликвидации угрозы левому флангу 1-й танковой группы противник ввел в бой 13-ю танковую и 25-ю моторизованную дивизии, полк дивизии СС «Адольф Гитлер», из Дубно к Ровно выдвигались части 16-й танковой дивизии, в воздухе появились крупные силы авиации. В результате корпуса 5-й армии вынуждены были отойти на исходные пози-

ции.

Закончилось крупнейшее танковое сражение второй мировой войны по количеству участвовавших танков, продолжительности и размерам района боев.

Танковое сражение показало высокие боевые возможности советских механизированных корпусов, мужество и героизм советских танкистов, высокие боевые качества танков и при четком руководстве со стороны командования фронта могло закончиться победой.

1-я немецкая танковая группа и поддерживавшие ее армейские корпуса 6-й армии находились на грани поражения, но выстояли. Район сражения остался за немецкими корпусами, советские отошли, имея значительные силы. Это явилось следствием как высокой стойкости немецких войск, имевших опыт войны на Западе, рационального использования противотанковой артиллерии, высокой активности авиации, а также оперативности и компетенции руководства фельдмаршалов Рундштедта, Рейхенау и генерала Клейста.

В ходе танкового сражения немецкое командование с использованием данных воздушной разведки хорошо знало наземную обстановку и принимало меры по созданию благоприятных условий для своих войск, осуществляло маневр силами, широко использовало пехотные дивизии, имевших высокую подвижность и насыщенных противотанковыми средствами, в борьбе с танками. Всего этого не имели советские войска, что было дополнено низкой активностью авиации, и в результате механизированные корпуса сражались в худших по сравнению с противником условиях. Несмотря на это они нанесли ему большие потери, резко затормозили движение на восток, посеяли в войсках танкобоязнь, чего он не встречал на Западе и на других участках советско-германского фронта.

§ 7. Сражение в воздухе

Силы авиации сторон и начало сражения

Военно-воздушные силы Киевского особого военного округа имели в своем составе армейскую, войсковую и фронтовую авиацию. Командовал ВВС округа генерал-лейтенант авиации Е. С. Птухин, который 20 июня Главным военным советом был снят с должности, но до получения приказа продолжал исполнять обязанности коман-

дующего.

Армейская авиация округа (фронта) была достаточно мощной, так как в ее составе имелось пять смешанных и одна бомбардировочная дивизии. Эти дивизии входили в состав Военно-воздушных сил общевойсковых армий и подчинялись их командующим.

В состав ВВС 5-й армии, которыми командовал генерал-майор авиации Е. М. Николаенко, входили 14-я смешанная и 62-я бомбардировочная авиационные дивизии. В ВВС 6-й армии входили 15-я и 16-я смешанные авиадивизии. Командующим этими ВВС 23 июня 1941 г. был назначен генерал-майор авиации Ф. Я. Фалалеев, который, не вступив в должность, получил более высокий пост. В ВВС 26-й армии входила 63-я, а 12-й армии — 64-я смешанные авиадивизии. Всего в составе армейской авиации насчитывалось 24 авиационных полка, в их числе: 7 бомбардировочных, 2 штурмовых и 15 истребительных.

В войсковой авиации имелось 11 корпусных авиационных эскадрилий.

Непосредственно командующему ВВС округа (фронта) была подчинена фронтовая авиация, в которую входили 17-я смешанная, 19-я и 44-я бомбардировочные, 36-я истребительная авиационные дивизии, два отдельных разведывательных авиаполка. Два полка 36-й авиадивизии были задействованы на прикрытии Киева.

Всего в составе ВВС Киевского округа имелось 32 авиационных полка, в их числе 11 бомбардировочных, 17 истребительных, 2 штурмовых и 2 разведывательных. На новые типы самолетов перевооружались 4 бомбардировочных, 5 истребительных и один штурмовой авиаполки.

Новые типы истребителей, особенно МиГ-3, из-за позднего поступления в части были освоены летным составом слабо. Средний налет летчиков на них к началу войны составлял около четырех часов, что недостаточно для их эффективного боевого применения. Основную массу истребительной авиации составляли истребители И-16, И-153, которые были хорошо освоены летчиками, на них они и вступили в бой.

В ВВС Киевского особого военного округа имелось 1913 самолетов, в их числе 243 новых истребителя МиГ-1, МиГ-3, Як-1 и 50 новых бомбардировщиков Пе-2, Ар-2, Як-4. В полосе округа действовал 2-й дальнебомбардировочный авиационный корпус, имевший 252 самолета, в их числе 132 ДБ-3, 115 ДБ-3ф, 5 ТБ-3.

На стороне противника на киевском стратегическом направлении действовал 4-й воздушный флот Германии, включавший 4-й и 5-й авиационные корпуса и корпус ПВО. Он имел в своем составе 772 самолета. Командовал 4-м воздушным флотом генерал-полковник Лер.

Авиация группы армий «Юг» имела 197 самолетов. Всего авиация противника на юго-западном направлении насчитывала 969 самолетов. При этом до 200 самолетов привлекались для действий в полосе 11 немецкой армии против войск Одесского военного округа.

Соотношение сил ВВС Киевского особого военного округа и противостоящей немецкой авиации по состоянию на 22 июня показано в таблице¹³¹.

Самолеты	Бомбардировщики и штурмовики	Истребители	Разведчики и корректировщики	Всего
Без учета самолетов 3-го дбак				
ВВС КОВО	596	1238	79	1913
Немецкая авиация	360	366	243	969
Соотнош. сил	1,7:1	3,4:1	1:3,1	2:1
С учетом самолетов 3-го дбак				
ВВС КОВО	848	1238	79	2165
Немецкая авиация	360	366	243	969
Соотнош. сил	2,4:1	3,4:1	1:3,1	2,2:1

Соотношение сил ВВС Киевского особого военного округа и немецкой авиации без учета самолетов 2-го дальнебомбардировочного авиакорпуса было благоприятным для округа. По бомбардировщикам и штурмовикам оно было 1,7:1, по истребителям 3,4:1, общее по всем типам самолетов 2:1 в пользу советской авиации. Особенно большое превосходство было по истребительной авиации и только разведчиков у противника было больше, что несущественно, так как воздушную разведку эффективно могли вести все другие самолеты.

Почти на 1000 истребителей ВВС округа превышало 4-й немецкий воздушный флот. Их было в 3,4 раза больше чем у противника, который без труда завоевал господство в

воздухе над линией фронта, где советские истребители почти не появлялись.

В первый день войны с утра не могли подняться в воздух 342 самолета из-за отсутствия экипажей, которые находились в учебных центрах. Часть из них прибыла во второй половине дня, другие позже, что при низкой интенсивности боевых вылетов не имело значения. С началом боевых действий занятия на курсах командиров звеньев и эскадрилий прекратились и их переменный состав прибыл в свои части. Временное отсутствие этих экипажей не изменило соотношения сил.

С учетом самолетов 2-го дальнебомбардировочного авиакорпуса превосходство округа по ударным самолетам увеличилось до 2,4:1 и общее до 2,2:1.

В соответствии с приказом № 3 наркома обороны в 22 часа 22 июня в состав ВВС Юго-Западного фронта поступала 18-я дальнебомбардировочная авиационная дивизия. В ней имелось 168 самолетов, в их числе 121 ДБ-Зф, 9 ТБ-7, 38 ТБ-3.

С учетом самолетов 18-й авиадивизии количество бомбардировщиков в составе ВВС фронта увеличивалось до 1016 и превышало общее количество самолетов противника, соотношение сил по ударным самолетам составило 2,1:1, а с учетом 2-го авиакорпуса 2,8:1. То есть превосходство по ударным самолетам было почти тройным, а по истребителям и того больше. Это очень большое превосходство.

При таком благоприятном соотношении сил по авиации можно было рассчитывать на завоевание господства в воздухе, эффективное прикрытие и поддержку сухопутных войск, что обеспечило бы свободу их боевых действий, но этого не случилось. Вполне очевидно, что если самолеты будут сидеть на земле, а не выполнять боевых заданий это будет равносильно их отсутствию и превосходство перейдет к стороне, которая имеет меньше самолетов, но ведет боевые действия с большой интенсивностью. То есть благоприятное соотношение сил определяет только возможность достижения победы, а чтобы ее реализовать нужно, эффективно управлять авиацией, которая должна вести боевые действия с полным напряжением сил: наносить удары по противнику и барражировать над своими войсками. Поэтому эффективность боевого применения авиации оценивается боевой производительностью равной

произведению числа самолетов рода авиации на количество выполненных самолето-вылетов. Следовательно, чем больше каждый летчик сделает в день боевых вылетов, тем эффективней применение авиации. По этому элементу немцы превзошли авиацию округа и добились большого успеха при меньшем числе самолетов. Не случайно Рокоссовский, который все время участвовал в боях, не видел своих самолетов. И это в то время, когда две авиадивизии находились в подчинении командующего 5-й армией.

Базировалась авиация округа (фронта) в основном на грунтовых аэродромах, которые после дождей выходили из строя. Весной строительные организации приступили к ремонту и реконструкции основных аэродромов для новых типов самолетов и к началу войны эти работы не закончили. В результате авиаполки округа, — как пишет бывший заместитель командующего ВВС Юго-Западного фронта Н. С. Скрипко, — базировались скученно, преимущественно на лагерных аэродромах, не имея зенитного прикрытия»¹³².

Утром 21 июня на командный пункт фронта, развертываемый в Тернополе, вышла из Киева колонна автомашин штаба округа, в которой следовало и управление командующего ВВС. Возглавлял оперативную группу ВВС недавно прибывший генерал Я. С. Шкурин. В Киеве был развернут запасной командный пункт ВВС фронта, который возглавил заместитель начальника штаба ВВС генерал-майор авиации Мальцев.

Генерала Е. С. Птухина война застала в штабе ВВС в Киеве. Приказа о снятии его с должности еще не было, и он оставался командующим. Поэтому он позвонил своему заместителю по боевой подготовке полковнику С. В. Слюсареву, и они выехали на аэродром для отлета в Тернополь. Но в авиации имеется много причин для задержки вылета и прибыли они на командный пункт около 14 часов 22 июня. Война уже шла, а командующий еще не приступал к управлению подчиненными частями и соединениями. Но это не распространялось на армейскую и войсковую авиацию, которые действовали по указанию соответствующих общевойсковых командиров и командующих.

Командный пункт ВВС фронта в Тернополе имел проводную связь только с 14,16,17-й авиадивизиями. Со всеми другими дивизиями и полками связь поддерживалась через запасной командный пункт в Киеве. Данные об обстановке от всех частей и соединений поступали в Киев, где

обобщались оперативной группой и передавались на основной командный пункт в Тернополе, что резко усложняло управление, так как секретные сведения требовали кодирования и затем декодирования, на что уходило много времени. Значительное время уходило и на передачу данных по перегруженным каналам связи. В результате данные о обстановке устаревали. Через Киев передавалась также значительная часть приказов в части и соединения, что резко усложняло управление.

Боевые действия в воздухе в первый день войны

В период с 4 до 5 часов утра 22 июня 1941 г. немецкая авиация нанесла удары по 22 аэродромам Киевского военного округа. При этом она охватила воздействием с воздуха полосу базирования всей армейской авиации. Мощные бомбовые удары были нанесены по аэродромам всех смешанных и 62-й бомбардировочной авиадивизий. Наиболее сильной бомбардировке подверглись аэродромы Черновицы, где сгорел ангар и уничтожен 21 самолет, и Станислав, на котором уничтожено 36 самолетов. Всего на аэродромах в первый день войны было уничтожено 95 самолетов.

Хотя приказ о начале боевых действий в части не поступал, почти всюду самолеты противника были атакованы нашими истребителями и на всем протяжении границы развернулись воздушные бои.

На правом фланге Юго-Западного фронта, в полосе действий 5-й армии, где противник наносил главный удар, развернулись ожесточенные бои в воздухе. В бой с вражеской авиацией вступили летчики 14-й смешанной авиадивизии, штаб которой располагался в Луцке. На окраине города находился один из ее аэродромов, на котором автор бывал.

Летчики и техники всех полков дивизии находились в районах своих аэродромов в палатках, что обеспечивало быстрое их прибытие к самолетам. С получением от постов ВНОС данных о вторжении в наше воздушное пространство групп фашистских самолетов на их перехват были подняты дежурные звенья 17, 46, 69-го истребительных авиаполков, а затем по боевой тревоге взлетели и все летчики.

Истребители трех полков дерзко атаковали группы немецких самолетов и в завязавшихся воздушных боях нане-

сли им значительные потери. Всего за первый день войны они сбили 31 самолет противника.

Смело сражалось с врагом звено старшего лейтенанта Ивана Ивановича Иванова из 46-го истребительного авиационного полка. Защищая свой аэродром и только что севших летчиков, Иванов, израсходовав все боеприпасы, винтом своего И-16 отрубил хвостовое оперение у немецкого бомбардировщика Х-111, но и сам погиб. Таран был произведен в 4 часа 25 минут. Это был второй после Д. В. Кокорева воздушный таран в годы Великой Отечественной войны. Таран произведен в районе города Желкова (ныне Нестеров) недалеко от того места, где 26 августа (8 сентября) 1914 г. знаменитый русский летчик П. Н. Нестеров на самолете «Моран» впервые в истории авиации таранил двухместный австрийский самолет-разведчик «Альбатрос». Самолет был сбит, а Нестеров, как и Иванов, погиб. И. И. Иванову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, в городе Щелково его именем названа улица, по которой автору приходилось ходить.

Во второй половине дня 17-й и 89-й истребительные авиаполки сопровождали бомбардировщиков 62-й авиадивизии при нанесении ими ударов по живой силе и боевой технике противника. В сложных условиях первого дня войны генерал Николаенко сумел организовать прикрытие истребителями бомбардировщиков, что было редкостью в то время.

В 18 часов 40 минут четыре девятки 94-го и 52-го скоростных бомбардировочных авиаполков 62-й дивизии, сопровождаемые истребителями 14-й дивизии, успешно бомбили войска противника в районе Грубешув, Устилуг. Во время нанесения удара по танкам противника в районе Грубешува бомбардировщики были атакованы немецкими истребителями. В завязавшемся воздушном бою было сбито 14 советских и 8 немецких самолетов.

Во время полета истребителей на сопровождение немецкая авиация совершила налеты на аэродромы их базирования, на которых уничтожила и повредила в 17-м и 89-м истребительных полках 36 самолетов и 7 бомбардировщиков в 62-й авиадивизии. Потеря 43 самолетов была обусловлена тем, что не были выделены истребители для защиты самолетов на аэродромах, а зенитного прикрытия они не имели. Потеря 57 самолетов для ВВС армии это много, но сил было еще достаточно, чтобы успешно вести боевые действия.

15-я смешанная авиадивизия, штаб которой располагался на аэродроме у Львова, имела в своем составе три истребительных, штурмовой, бомбардировочный и ближнебомбардировочный авиаполки. 23-й и 28-и истребительные авиаполки базировались у города, а 164-й истребительный и 66-й штурмовой — на аэродроме в районе Куровец. Полки дивизии перед войной получили 236 истребителей МиГ-3. Дивизия считалась одной из сильнейших. Но позднее поступление самолетов не позволило всем летчикам хорошо их освоить и делать это пришлось в ходе боев.

28-м истребительным авиаполком временно командовал капитан И. В. Крупнин. В сложной обстановке он организовал эффективный отпор врагу. Полк не был застигнут врасплох. «По боевой тревоге на перехват бомбардировщиков, нарушивших государственную границу СССР, поднялось большинство самолетов полка. Сначала они дрались в районе Рава-Русской, затем отражали налет на Львов.

В первый день войны взлетать на задания им приходилось под непрерывными атаками «мессершмиттов». Группами от восьми до двадцати машин восемь раз немцы пытались блокировать аэродром. Но наши летчики на уцелевших «мигах» снова и снова поднимались навстречу врагу»¹³³. Боевой счет полка открыл лейтенант Н. Б. Тимохин, сбивший немецкий истребитель Me-109. Всего летчики 15-й авиадивизии в первый день войны провели 11 воздушных боев, сбили 9 самолетов, сами потеряли пять.

Активно участвовали в боях летчики 16-й смешанной авиационной дивизии, в которую входили 87-й и 92-й истребительные и 86-й ближнебомбардировочный авиаполки.

87-й истребительный полк базировался на аэродроме Бучач. Обычно в субботу часть личного состава отпускалась к семьям, а на этот раз отпуска командир дивизии, из-за тревожной обстановки, отменил. В 4 часа 30 минут утра из штаба дивизии в полк поступила телеграмма: «По имеющимся данным немецкая авиация бомбит города Перемишль, Рава-Русская и другие. Полк привести в боевую готовность». Личный состав, поднятый по боевой тревоге, прибыл на аэродром и занял свои места у самолетов. В полку имелось 60 И-16 различных серий и 4 МиГ-3. В 4 часа 50 минут с востока показался плохо видимый на восходе бомбардировщик, который приняли за свой СБ, самолетом же оказался немецкий Ю-88. Бомбар-

дивовщик шел на бреющем, с ходу сбросил мелкие осколочные бомбы и уничтожил 7 самолетов. На перехват бомбардировщика было поднято дежурное звено старшего лейтенанта Мельника, который на И-16 догнал и с первой же атаки сбил Ю-88.

Спешно прибывший на аэродром командир полка И. С. Сульдин организовал прикрытие аэродрома с воздуха. В 5 часов 30 минут в воздухе дежурило звено старшего лейтенанта В. Я. Дмитриева. Оно перехватило на подходе к аэродрому три Ю-88. Бомбардировщики, сбросив бомбы, стали уходить на запад. Один из них был поврежден Дмитриевым и произвел посадку у Тернополя, экипаж взят в плен. Командир эскадрильи старший лейтенант П. А. Михайлюк атаковал пролетающий у аэродрома До-217 и имитацией тарана заставил экипаж посадить подбитый самолет в районе Тербовли. Командиром экипажа оказалась немка. Открыл счет сбитых самолетов и заместитель командира эскадрильи Я. Л. Мороз, впоследствии Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации член Военного совета — начальник политуправления ВВС.

Активно действовали и летчики 92-го истребительного авиаполка, который, как и 87-й, был приведен в боевую готовность. Звено старшего лейтенанта Д. А. Медведева на истребителях И-153 смело атаковало появившуюся группу из 37 бомбардировщиков, летевших под прикрытием 6 Ме-109. В ходе боя Медведев сбил одного «юнкерса».

86-й ближнебомбардировочный авиационный полк в мае 1941 г. начал получать новый пикирующий бомбардировщик Пе-2 и к началу войны на этом самолете летало около 25 экипажей, а остальные были подготовлены к боевым действиям на СВ. В 6 часов 5 минут на аэродроме Тербовля, где базировался полк, была объявлена боевая тревога и личный состав прибыл к самолетам. Стрелки-радисты заняли свои места в самолетах и открыли пулеметный огонь по группе Ю-88, вышедшей на аэродром на малой высоте. В воздух было поднято дежурное звено бомбардировщиков СВ во главе с заместителем командира эскадрильи лейтенантом Малиенко, которое атаковало звено «юнкерсов». Завязался необычный воздушный бой бомбардировщиков с бомбардировщиками, в ходе которого огонь велся из всех огневых точек. В ходе боя самолет Малиенко получил серьезные повреждения и загорелся. Тогда он сблизился с немецким самолетом и таранил его огненной машиной. Самолеты перешли в беспорядочное

падение.

Во второй половине дня двадцать Пе-2 86-го полка нанесли удары по колоннам танков и моторизованным войскам противника в районах Перемышля и Равы-Русской, нанеся им значительный ущерб.

В состав 63-й смешанной авиадивизии входили 165, 20-й и 91-й истребительные и 62-й штурмовой авиаполки. 165-й полк самолетов не имел, так как старые оставил на аэродроме прежней дислокации, а новые не подучил и ему предстояло вернуться к применению оставленных машин. Истребительные и штурмовой авиаполки были вооружены самолетами И-153. Помимо этого 20-й истребительный авиаполк получил 61 Як-1, которые находились на основном аэродроме. На них успели переучиться и летали двадцать летчиков. В 91-м истребительном полку помимо 63 И-153 имелось 4 Як-1, которые осваивал летный состав. Внезапным ударом противник уничтожил и повредил 30 самолетов, часть из которых к следующему дню восстановили.

64-я смешанная авиадивизия базировалась в районе Станислава (Ивано-Франковск). Ее 12-й истребительный авиаполк был вооружен устаревшими самолетами, 149-й — новыми МиГ-3. При внезапном налете противник уничтожил и повредил в 12-м полку 36 самолетов, а в 149-м — 21 МиГ-3. Взлетевший на отражение налета младший лейтенант Л. Г. Бутелин на И-153 совершил над городом Галич воздушный таран. Всего летчики дивизии в первый день сбили 19 самолетов противника.

63-я и 64-я смешанные авиадивизии потеряли на аэродромах 87 самолетов, не проявив большой активности в борьбе с авиацией и живой силой противника.

33-й бомбардировочный авиационный полк, входивший в состав фронтовой авиации, базировался в районе Белой Церкви. Утром 22 июня полк был поднят по боевой тревоге. Летчики и штурманы, жившие в лагере у аэродрома, прибежали на стоянки и «получили указание, — как пишет в воспоминаниях командир звена этого полка В. С. Ефремов, — рассредоточить самолеты как можно дальше друг от друга, зарядить пулеметы, подвесить боевые бомбы, установить дежурство стрелков-радистов за турельными пулеметами». Вскоре полк получил боевую задачу: «нанести бомбовый удар по артиллерийским позициям противника западнее города Сокаль»¹³⁴.

Рассказ о действиях полка при выполнении этой зада-

чи ведет далее по просьбе автора его знакомый полковник Д. М. Чудненко, служивший штурманом в звене В. С. Ефремова.

Удар по заданной цели в районе Сокаль, где шли на прорыв корпуса 6-й армии и 1-й танковой группы, полк наносил в боевом порядке «колонна эскадрилий», включавшем пять эскадрилий, из них четыре были на СБ и пятая на Пе-2. Одна эскадрилья полка была вооружена этими новыми самолетами и летала на задания в общем строю, а следовательно, никаких преимуществ не имела. Полет на выполнение боевой задачи полк выполнял без прикрытия своими истребителями. Он точно вышел на цель, и штурманы произвели прицельное сбрасывание бомб, поразив артиллерийские батареи. Вернулись на аэродром без потерь.

ВВС Юго-Западного фронта в первый день войны потеряли 192 боевых самолета, из них 97 в воздухе, а остальные на земле. Для начала большой войны эти потери небольшие — около 10 процентов. Главный ущерб состоял в том, что авиация фронта не реализовала своих боевых возможностей. Она не прикрывала сухопутные войска от ударов с воздуха, не оказывала им существенной помощи в борьбе с рвущимися в глубь нашей территории танковыми и моторизованными полчищами, не наносила ударов по аэродромам.

В первый день войны особенно ярко проявились недостатки организационной структуры ВВС, их деления на армейскую и фронтовую авиацию с подчинением основной массы авиационных полков и дивизий непосредственно командующим общевойсковыми армиями, которые не полностью представляли методы их боевого применения.

На Украине смешанные авиадивизии вместе с армиями прикрытия были растянуты по всей границе, протяженностью 940 км, а боевые действия шли на трети ее. Поэтому авиадивизии, прикрывавшие две трети границы бездействовали, так как командующие армиями не отдавали их соседям.

Маневренная по своей природе авиации по подчиненности была уподоблена малоподвижной артиллерии и жестко привязана к армиям и вместе с ними ожидала противника в своих полосах действий. В результате активно участвовали в боях 14-я смешанная и 64-я бомбардировочная дивизии 5-й армии и 15-я смешанная авиадивизия 6-й армии, которые вели боевые действия на направлении глав-

ного ударе противника. Другие дивизии для оказания им помощи не привлекались и действовали весьма ограниченными силами истребительных полков по прикрытию аэродромов и объектов.

И если в полосах 5-й и 6-й армий действовали только указанные три авиадивизии, то против них воевали все силы немецкого 4-го воздушного флота. Поэтому, имея меньше самолетов, противник создал громадное превосходство в воздухе в районах боев, и красноармейцы видели над собой только немецкие самолеты.

Главный маршал авиации А. А. Новиков с апреля 1942 г. и до конца войны командовавший Военно-воздушными силами Красной Армии создавшееся неблагоприятное положение в авиации характеризует в воспоминаниях следующим образом:

«В армейской авиации оказалось сосредоточено очень много боевой техники. В начале войны с Германией на долю ее приходилось 55 % всех сил ВВС фронтов. Только фронтовая авиация или «фронтовая группа» находилась в прямом подчинении командующего ВВС округа. Такая двойственность в управлении чрезвычайно мешала концентрации ее усилий и массированному применению, а следовательно, значительно снижало ее ударную мощь и мобильность, что и проявилось в первые же дни войны»¹³⁵.

Истребительные полки смешанных авиадивизий вели преимущественно оборонительные бои в районах своих аэродромов по защите их от ударов с воздуха. Но этого недостаточно, так как истребительная авиация предназначена не только для собственной защиты, а для борьбы с авиацией противника, прикрытия сухопутных войск, важных объектов тыла и базирования бомбардировщиков, сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков при полетах их на выполнение боевых задач. И это все не выполнялось, так как истребители больше находились на земле.

Летчики ВВС Юго-Западного фронта 22 июня совершили 800 самолето-вылетов¹³⁶, из них большинство приходится на 14,15-ю смешанные и 62-ю бомбардировочную дивизии. При этом только летчики 15-й дивизии совершили более 370 самолето-вылетов. Так как многие летчики сделали по два и более самолето-вылетов, то более 1000 самолетов ВВС фронта в первый день войны простояли без боевого применения. Если принять, что при низком напряжении летчики-истребители должны были выполнить в день по два боевых вылета, а в бомбардировочной, штурмовой

и разведывательной авиации — по одному, то все ВВС фронта должны были сделать около 3200 самолето-вылетов, а выполнили в четыре раза меньше. Если бы авиация фронта выполнила это возможное количество самолето-вылетов, немецкие войска почувствовали бы мощь ударов бомбардировщиков и штурмовиков, а немецкая авиация не смогла безнаказанно наносить удары по нашим войскам. Но превосходство фронта над врагом по авиации не было реализовано и немецкая авиация без особого труда захватила господство в воздухе.

Нарком обороны в приказе № 2, отданным в 7 часов 15 минут 22 июня, требовал: «Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки наземные войска». Но это требование, служащее как бы напоминанием того, что нужно сделать, не было выполнено, хотя ВВС фронта имели для этого все возможности. Но быстрое развитие событий, не в стиле малых войн, к которым привыкли; плохая работа средств связи, ухудшенная несвоевременным переводом командного пункта из Киева в Тернополь, а также нераспорядительность не позволили командующему ВВС фронта организовать нанесение мощных ударов по врагу. Напомним, что он только в середине дня приступил к управлению боевыми действиями, но не по своей вине.

Низкая активность боевого применения бомбардировщиков и штурмовиков, особенно смешанных дивизий, помимо недостатков руководства была обусловлена отсутствием документа по организации взаимодействия авиации с сухопутными войсками и штабы не знали как это делать. Разработанная по этому вопросу инструкция в Ленинградском военном округе на основании опыта войны с Финляндией не была доведена до войска, так как для этого не хватило времени. Поэтому недостатки в осуществлении взаимодействия авиации с сухопутными войсками, отмеченные в ходе советско-финляндской войны, в полной мере сохранились. У противника эти вопросы были отработаны в ходе широкомасштабных войн на Западе.

Немецкие самолеты, наносящие удары по войскам на поле боя и объектам тыла, несли небольшие потери при наличии в ВВС фронта большого числа истребителей из-за недостатков руководства, а также таких объективных причин, как несовершенство систем оповещения и наведения, отсутствия на самолетах истребительной авиации радио-

станций для связи с землей и между летчиками в воздухе. На всех немецких истребителях были установлены приемо-передающие радиостанции, а в советских ВВС такие радиостанции устанавливались только на бомбардировщиках. Видимо здесь сказался отрицательный опыт малых войн, в которых не было особой необходимости в радиосвязи из-за ограниченного района боев и малой их напряженности.

Особенно неблагоприятное воздействие на боевую активность истребительной авиации оказывало отсутствие радиосвязи летчиков с наземными пунктами управления. В результате командиры полков управляли своими летчиками только на земле. После взлета самолетов летчикам ничего нельзя было сообщить. Нельзя было перенацелить их на более важную группу, наводить на появившуюся воздушную цель, направлять в заданный квадрат. Отсутствие радиосвязи между летчиками группы затрудняло взаимодействие в бою.

Недостатки в применении истребительной авиации были обусловлены также крайним несовершенством системы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), на которую возлагалась также задача наведения истребителей на воздушные цели. В этой системе данные о самолетах противника от визуальных постов наблюдения за воздушным пространством с использованием проводной связи в телефонном режиме передавались на ротные, затем батальонные пункты ВНОС и оттуда на командные пункты истребительной авиации и другие адреса. Эта многоступенчатость передачи данных приводила к запаздыванию сведений о воздушном противнике. Передача данных производилась по паролю «Воздух» вне очереди, что срывало управление войсками. С захватом противником территории, где располагались посты ВНОС, и нарушении проводной связи данные о полетах самолетов врага на командные пункты истребительной авиации не поступали и они не могли организовать эффективного им противодействия. При этом истребители были в состоянии атаковать только те самолеты, которые пролетали в пределах визуальной видимости с аэродромов их базирования. В связи с тем, что таких аэродромов на обширной территории фронта было мало, полеты немецких самолетов проходили практически без воздействия советских истребителей.

Эффективным способом прикрытия войск от ударов вражеской авиации является дежурство истребителей в воз-

духе над районами их расположения и у линии фронта. Но он применялся редко, и командиры сухопутных войск не видели над собой барражирующих истребителей, а их в составе фронта было, как показано выше, 1238 в 3,4 раза больше чем у противника. Тем не менее, немецкие войска прикрывались от ударов с воздуха, а советские — нет.

Командир 8-го мехкорпуса генерал Рябышев, с первого дня войны совершавший марши по прифронтовым дорогам и участвовавший в боях, только на десятый день увидел свои самолеты, а то только противника. Вот что он пишет:

«Во второй день нашего пребывания под Тернополем появилось восемь фашистских бомбардировщиков. И тут мы впервые с начала войны увидели в воздухе три истребителя И-16, которые смело ринулись в бой. С затаенным дыханием следили за происходящим. В результате короткого боя один фашистский стервятник, объятый пламенем, начал падать. Через некоторое время загорелся второй, третий... Танкисты, пехотинцы, наблюдавшие за воздушным боем, хлопали в ладоши, кричали «ура», их радости не было границ. Враг потерял пять бомбардировщиков, а три сбросили бомбы где-то за городом и ушли на запад. «Ишачки» благополучно возвратились на свой аэродром»¹³⁷.

Одной из важных причин низкой интенсивности применения бомбардировщиков и штурмовиков для поддержки сухопутных войск была плохая работа средств связи, что затрудняло получение от передовых наземных частей данных о объектах удара, а также постановку авиаполкам задач на вылет групп для их уничтожения.

Все основные недостатки, определившие низкую эффективность применения авиации в первый день войны, требовали много времени для их устранения.

Боевые действия 23 июня и последующие дни

Вследствие неэффективного применения авиации в первый день войны, генерал Птухин решил активизировать ее действия и в соответствии с требованиями приказа № 3 наркома обороны разработал боевой приказ, в котором поставил задачи частям и соединениям армейской и фронтовой авиации на 23 июня. Из-за большой важности этого приказа, показывающего причины малой эффективности действий авиации, приведем его полностью.

«Боевой приказ штаба ВВС Юго-Западного фронта
№ оп/1 23 июня 1941 г. 01.00

1. Противник, введя мех[анизированные] соединения в направлениях Устилуг, Владимир-Волынский и Крыстынополь, Радехов на фронте 5-й А создал угрозу разрыва наших обороняющихся частей.

На фронте 6,26,12 А атаки противника отбиты и войска удерживают рубеж гос[ударственной] границы.

ВВС противника 22.6 подвергли бомбардировке наши аэродромы, действуя мелкими группами с низких высот.

2. 23.6 подвижные части фронта 5 и 6 А наносят концентрированный удар с задачей уничтожения группировки противника в районе Сокаль, Грубешув.

3. ВВС фронта 23.6, поддерживая наступление войск фронта, действуют по мотомех[анизированным] частям противника в районе Сокаль, Грубешув.

4. ВВС 5 А (14,62 ад и 18 ад), взаимодействуя с 22 мк (22 мк к 11.00 23.6 сосредоточивается в районе станция Войница и Турийск), уничтожают мотомехчасти противника в районе Устилуг, Грубешув.

а) 18 ад с рассвета 23.6 эшелонированными последовательными ударами уничтожать скопления танков противника в районе Устилуг, Грубешув, Кoryтница.

Напряжение — один дивизия-вылет.

По выполнении указанной задачи быть в готовности № 2 для выполнения последующей задачи.

б) 62 ад (52 и 94 сбп только самолеты СБ), взаимодействуя с 22 мк, с 11.00 23.6 эшелонированно по высоте и времени последовательными налетами уничтожить мотомех[анизированные] части противника в районе Устилуг, Грубешув, Кoryтница, не допуская их выхода в район Владимир-Волынский.

Напряжение — один дивизия-вылет.

По выполнении поставленной задачи быть в готовности № 2 для действий по танковой группировке в том же направлении.

в) 14 ад прикрывать 22 мк в районе его сосредоточения (район Турийск и станция Войница) и патрулированием в том же районе обеспечить боевые действия 18 и 62 ад.

5. ВВС 6 А (15 и 16 ад) и 33 сбп 19 ад уничтожат группировку противника в районе Сокаль, Крыстынополь, Пархач.

а) 33 сбп с рассвета 23.6 последовательными эшелонированными действиями по времени и высоте уничтожат группировку противника в районе Сокаль, Крыстинополь, Пархач.

При возвращении на аэродром базирования посадка на аэродроме Романовка (Бердичев) на случай дозаправки с последующим перелетом на свой аэродром Городище.

Напряжение — полко-вылет (только Ар-2 и СБ).

По выполнении задачи быть в готовности № 2 для последующих действий в том же районе.

б) 16 ад, взаимодействуя с 4 мк, последовательными эшелонированными действиями уничтожать наземные войска противника в районе Крыстинополь, Сокаль.

Действия 86 сбп прикрыть истребителями 92 иап.

Напряжение бомбардировщиков — два полко-вылета.

в) 15 ад прикрывать район Львова и район сосредоточения 4 мк и 3 кд.

6. 17 ад (20 и 91 иап) прикрыть железнодорожные узлы Проскуров, Шепетовка, Новград-Волынский, не допуская проникновения ВВС противника в этот район.

48 сбп (самолеты Пе-2) рассредоточить на оперативных аэродромах с выводом за границу аэродромов и тщательно замаскировать.

7. 64 ад (12,149,166 иап) прикрывать от воздушного противника сосредоточение войск 12-й армии и район Станислав, Черновицы, уничтожая ВВС противника.

8. 44 ад передислоцировать 88 иап на аэродромы Кочубеев, Пудловцы и передать полк в распоряжение командира 64 ад.

9. 138 и 136 ббп в моем резерве в готовности № 2 для выполнения задач для действий по наземным войскам противника.

10. Я на КП — Тернополь.

Командующий ВВС фронта Врид начальника штаба
генерал-лейтенант Птухин ВВС фронта Тайтгреберт»¹³⁸

Приказ по виду хороший и мог обеспечить эффективное применение авиации для прикрытия и поддержки сухопутных войск. Этим приказом командующий ВВС фронта устранил разделение авиации на армейскую и фронтную и впервые всю ее подчинил себе. На такую структуру управления авиация перейдет в 1942 г., когда будут созданы воздушные армии. У немцев такая структура управления была сейчас.

Но этот приказ не дал ожидаемого эффекта применения авиации, так как Птухин получил от оперативного отдела штаба фронта данные о наземной обстановке не соответствующие действительности, где полагали, что бои идут в районе границы. Однако немецких войск там уже не было. Поэтому, зная наземную обстановку, рассмотренную ранее, посмотрим как действовала авиация.

В приказе правильно говорится, что механизированные соединения противника действуют на двух направлениях: на Владимир-Волынский и Радехов. По этим направлениям и были распределены силы авиации.

О первом направлении сказано, что «Противник, введя мех[анизированные] соединения в направлении Устилуг, Владимир-Водынекий... создал угрозу...» Из этого видно, что Птухин считал, что бои 23 июня на этом направлении развернутся у границы на подступах к Устилугу. Поэтому он поставил 62-й бомбардировочной дивизии задачу: с 11.00 23 июня «уничтожить мотомех[анизированные] части противника в районе Устилуг, Грубешув, Корытица, не допуская их выхода в район Владимир-Волынского». Но с рассвета 23 июня 1-я артиллерийская противотанковая бригада РК Москаленко, как показано выше, вела боевые действия с дивизиями 3-го моторизованного корпуса противника не на подступах к Владимир-Волынскому, а на рубеже Затурцы в 50 км от границы. Вот здесь и нужно было бить по танкам противника, а не по пустому месту и второстепенным объектам в районе границы. Здесь нужно было наносить удары по врагу, но на сутки раньше.

Удар по объектам в районе Устилуг, Грубешув, Корытица было приказано нанести не только 62-й, но и 18-й авиадивизии, имевшей 168 дальних бомбардировщиков высокой грузоподъемности. Две авиадивизии в такой ответственный момент наносили удары по каким-то второстепенным объектам, если их удалось обнаружить. Если бы эта армада бомбардировщиков ударила по танкам противника в районе Затурцы, где они реально находились, то артиллеристы противотанковой бригады смогли удержать свой рубеж, а противнику нанесен значительный ущерб. На помощь же бригаде Москаленко не было выделено, как он пишет в воспоминаниях, ни одного самолето-вылета. Причем командиры 62-й и 18-й дивизий не имели права изменить район удара и громадный бомбовый груз был сброшен на ничего не значащие объекты, а наши сражающиеся части не получили поддержки. Авиация же против-

ника была точно по позициям артиллерии, преградившей путь его 13-й и 14-й танковым дивизиям на Луцк.

В приказе Птухина также сказано, что в районе Войница, Турийск к 11.00 23 июня сосредоточатся части 22-го мехкорпуса. Но контрудар этого корпуса был перенесен на сутки, как показано ранее, а Войница взята противником. Поэтому район Войница, Турийск не представлял интереса для авиации и его не следовало прикрывать. Вместе с тем 14-й авиадивизии было приказано прикрыть этот район вместо того, чтобы прикрывать район Затурцы, где авиация противника наносила удары по позициям противотанковой бригады генерала Москаленко.

Помимо указанного истребителя, патрулируя в обширном районе Войница, Турийск, должны были этим обеспечить боевые действия 18-й и 62-й авиадивизий. Но этот метод обеспечения бомбардировщиков ничего им не давал, так как действия истребителей и бомбардировщиков не были согласованы по месту и времени. Поэтому бомбардировщики могли пролететь, когда истребители находились на аэродроме или далеко от их маршрута полета. Помимо этого район патрулирования истребителей находился на большом удалении от района целей, где атаки истребителей противника наиболее вероятны. Поэтому бомбардировщики действовали без обеспечения их истребителями.

На втором направлении действий противника: Крыстынополь, Радехов 15-й и 16-й смешанным авиадивизиям и 33-му скоростному бомбардировочному авиационному полку была поставлена задача: уничтожить «группировку противника в районе Сокаль, Крыстынополь, Пархач». С утра же главные силы противника находились в районе Радехова, поэтому удары с воздуха нужно было наносить по целям в районе этого города и на дороге Крыстынополь — Радехов, а не в 30 км от главной группировки 48-го моторизованного корпусам. Из этого следует, что наши войска и на этом направлении не имели поддержки с воздуха.

Из приведенных данных видно, что при выполнении поставленных задач бомбардировочная авиация 23 июня действовала по второстепенным объектам и практически была выведена из боя.

Истребительной авиации было приказано прикрывать тыловые объекты, а войска 5-й армии, ведущие боевые действия на направлении главного удара противника, как видно из приказа, были лишены прикрытия с воздуха,

и это при громадном количестве истребителей — 17 авиационных полков. Они не привлекались и для обеспечения бомбардировщиков методом сопровождения к цели и обратно в интересах их сохранности. Не удивительно, что красноармейцы и командиры не видели своих самолетов. Кружились непрерывно над ними в напряженные периоды боев немецкие истребители и беспрепятственно били бомбардировщики.

Автор на многих командно-штабных учениях в академии и войсках в должностях командующего ВВС фронта, главного штурмана воздушной армии, в том числе с реальными действиями войск и авиации в Забайкалье, разработал большое число боевых приказов на применение авиации во фронтовых операциях; в должности посредника оценивал приказы, разработанные другими, но такого приказа, как приведен выше, никогда не встречал. В данном случае бомбардировочная и истребительная авиация, из-за необоснованного решения, были устранены от поддержки и прикрытия войск. В таких условиях немецкой авиации не представляло труда захватить господство в воздухе и беспрепятственно наносить удары по нашим войскам. Это и породило миф о большой силе немецкой авиации и превосходстве ее самолетов над советскими, так как комплексного рассмотрения боевых действий сухопутных войск и авиации в начале войны не проводилось. В то же время нужно было как-то объяснить причины неэффективных действий советской авиации.

Нужно также отметить, что в приказе задачи ставятся смешанным авиадивизиям, которые командующему ВВС фронта в боевом отношении не подчинены. Поэтому он имел бы законную силу, если б его утвердил командующий фронтом.

Вследствие неэффективных действий авиации в начавшейся войне 24 июня генерал-лейтенант авиации Е. С. Птухин второй раз за короткий период был снят с должности с еще более грозной формулировкой¹³⁹. На его место Жуков просил Сталина, и уже вторично, назначить командующего ВВС Северного фронта генерал-майора авиации А. А. Новикова, но его вновь отстоял Жданов¹⁴⁰.

Командующим ВВС Юго-Западного фронта временно был назначен Герой Советского Союза полковник С. В. Слюсарев и занимал этот высокий пост до 1 июля, то есть оставшийся период приграничного сражения.

Ранее мы познакомились с должностными лицами руко-

водства фронта, рассмотрим и некоторые данные Слюсарева. Он воевал в Китае и удостоен звания Героя Советского Союза, окончил Военно-воздушную академию. В последующем на Курской дуге и Берлинской операции командовал штурмовым авиационным корпусом в составе 2-й воздушной армии, которой командовал генерал-полковник авиации С. А. Красовский. 225-я штурмовая авиационная дивизия, в рядах которой воевал автор, входила в состав этой армии при ее создании, а затем передана в 15-ю.

После войны в 60-е годы С. В. Слюсарев был начальником Командного факультета Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина, и автор его хорошо знал, так как входил в состав ученого совета факультета, на котором рассматривались учебные и научные вопросы.

Приведем связанный с ним случай, который едва ли когда повторится. Выйдя в запас, Сидор Васильевич взял, однажды, небольшой чемодан, поехал в Севастополь и, имея на руках паспорт, поступил рядовым матросом на траулер, который вскоре направился в Атлантический океан на промысел рыбы. Никто не знал кто он, поэтому жил и работал вместе с другими матросами. «Особенно трудно было,— рассказывал Сидор Васильевич,— при большом улове. Молодежь быстро перенесет в трюм свои ящики с рыбой и разложит на нижних полках, а мне остаются верхние. Ничего, говорят, старик, старайся и другой раз на корабль не нанимайся».

Настал день 23 февраля и вечером в кают-компании капитан поздравил экипаж с праздником Красной Армии и Военно-Морского Флота, как он тогда назывался, и сказал, что сейчас доклад об этом дне сделает Герой Советского Союза, кандидат военных наук, генерал-лейтенант авиации... Все замерли в недоумении. Откуда такой человек появится у них на корабле в океане? В это время дверь каюты открылась и вошел в военной форме с широкими голубыми лампасами, усыпанный орденами Слюсарев и прочитал прекрасный доклад. С этого момента ему уже не давали грузить ящики, а через некоторое время он был назначен заместителем капитана по политической части и долго вел промысел рыбы.

Как-то начальник академии маршал авиации Красовский на разборе командно-штабного учения профессорско-преподавательского состава сказал: «Когда во время войны на каком-то участке складывалась неблагоприятная

и опасная обстановка, я направлял туда Слюсарева, и он все исправлял».

С. В. Слюсарева отличали высокая эрудиция, активность, глубокое знание вопросов боевого применения авиации. В связи с этим очень важно, что в такое тяжелое время он возглавил ВВС Юго-Западного фронта и активизировал действия авиации, но не мог устранить объективные факторы, снижающие ее боевое применение.

24 июня 33-й и 52-й бомбардировочные авиаполки нанесли удары по механизированной колонне немцев в районе Дубно и уничтожили большое число живой силы и боевой техники врага. Отважно сражались летчики, штурманы и стрелки-радисты 52-го полка, которым командовал И. К. Косенко.

Для оказания помощи Юго-Западному фронту в соответствии с приказом № 3 наркома обороны 2-й дальнебомбардировочный авиакорпус нанес удары по объектам в районах Люблина и Катовиц.

Вследствие отхода сухопутных войск полки 14-й и 15-й смешанных авиадивизий начали перебазироваться на тыловые аэродромы. Так как технический состав и средства обслуживания самолетов следовали наземными эшелонами, полки до их прибытия боевые действия обычно прекращали.

Из состава фронтовой авиации продолжал наносить удары по врагу 33-й бомбардировочный полк. В ходе удара по живой силе, боевой технике и мосту в Бродах зенитная артиллерия подбила самолет летчика Хропай. Сбить пламя эволюциями самолета не удалось, и он направил свою огненную машину на боевую технику и живую силу врага и, жертвуя собой, нанес ему большой ущерб.

33-й авиаполк активно участвовал в боевых действиях, но даже он выполнял полеты для нанесения ударов по врагу с низкой интенсивностью. По записям в летной книжке Д. М. Чудненко видно, что с 22 по 30 июня он выполнил 7 боевых вылетов. Это менее одного вылета в день, что совершенно недостаточно для такого ответственного периода боевых действий. В других полках интенсивность полетов была примерно такой и еще ниже.

2-й дальнебомбардировочный корпус 26 июня нанес удары по танкам и пехоте противника в районе Луцка 65 самолетами, в районе Сокаля — 65 и Рава-Русской — 54. Действовали по противнику и смешанные дивизии 5-й и 6-й армий, но интенсивность полетов была невысокой.

О пассивности действий авиации в приграничном сражении свидетельствуют следующие заявления командиров сухопутных войск. К. А. Москаленко отмечает, что его бригада не имела ни прикрытия, ни поддержки с воздуха. Д. И. Рябышев указывает, что 8-й механизированный корпус ни на марше, ни в боях не получал помощи авиации. Командир 63-го танкового полка свидетельствует, что его полк вел боевые действия под Яворовом на львовском направлении удара врага. По боевым порядкам его полка и соседям 22 июня вражеская авиация нанесла три удара и 23-го — два. Всего за два дня нанесено пять ударов и ни одного ответного. 9-й механизированный корпус К. К. Рокоссовского вел активные боевые действия в составе 5-й армии, в которую входили две авиационные дивизии, и не получил от них ни прикрытия, ни поддержки с воздуха. Видел в небе только немецкие самолеты.

У немецкого командования самолетов было мало, но они вели боевые действия с предельной нагрузкой, четко взаимодействовали с сухопутными войсками и оказывали им большую помощь. Советская авиация больше отсиживалась на аэродромах. Многочисленная истребительная авиация к прикрытию войск на поле боя не привлекалась. Бомбардировщики и штурмовики взаимодействия с сухопутными войсками не отработали и поддержки их с воздуха практически не осуществляли. Отдельные удары по войскам противника не соответствовали тем возможностям, которыми обладали для этого армейская и фронтовая авиация.

Удары по самолетам противника на аэродромах, чтобы ослабить немецкую авиацию и снизить ее активность, не наносились, хотя по применению этого способа действий имелось прямое указание в приказе № 3 наркома обороны. Возможности для ударов по аэродромам противника в ВВС фронта имелись и они значительно расширились в связи с поступлением в их состав 18-й дальнебомбардировочной авиадивизии.

ВВС Юго-Западного фронта за период с 22 июня по 1 июля без учета 18-й авиадивизии потеряли 354 самолета, в том числе 180 на аэродромах, главным образом в первый день войны, 145 было сбито в воздушных боях и 25 — зенитной артиллерией. Помимо этого 225 самолетов было повреждено, из которых 135 восстановлено и продолжало участвовать в боях, а 90, в связи с отступлением,

были уничтожены своими техниками. Большие потери в воздухе несли бомбардировщики при выполнении полетов на боевые задания без истребителей сопровождения¹⁴¹.

Потери личного состава ВВС фронта убитыми и пропавшими без вести составили 309 человек. Многие летчики, штурманы и стрелки вернулись, поэтому кадры летного и технического состава в частях были, как правило, сохранены. Немецкая авиация потеряла в воздушных боях около 300 самолетов.

Приграничное сражение в воздухе было проиграно авиацией фронта. В воздухе господствовала немецкая авиация и оказывала активную поддержку своим наступающим войскам, причем при парадоксальном соотношении сил. В составе авиации фронта в конце приграничного сражения насчитывалось с учетом 18-й дивизии 1628 самолетов, а у группы армий «Юг» — всего 485 и соотношение сил было 3,4 в пользу советской авиации. И при таком громадном преимуществе сражение в воздухе было проиграно. Победила слабая немецкая авиация, хорошо освоившая методы боевого применения в современной войне и отработавшая четкое взаимодействие с сухопутными войсками, особенно с наступающими танковыми дивизиями.

В связи с отходом войск на старую границу авиация фронта лишилась всех передовых аэродромов и на некоторое время снизила и без того невысокую свою активность. Но силы авиации сохранились, и она могла вести активные боевые действия, вернуть господство в воздухе и оттеснить от линии фронта немецкую авиацию.

§ 8. Итоги приграничного сражения

В ходе приграничного сражения войска Юго-Западного фронта, имевшие больше танков и самолетов чем противник, из-за нерационального их использования не только не разгромили, а даже не остановили наступающую ударную группировку группы армий «Юг», которая вышла на рубеж Киверцы, река Горынь, Кременец, Львов. Вражеская авиация менее многочисленная, чем советская, завоевала и прочно удерживала господство в воздухе, проявляла высокую активность по поддержке наступающих войск.

Юго-Западный фронт понес тяжелые потери. Его механизированные корпуса потеряли 2648 танков и 25 проц. личного состава¹⁴². Главные потери танков не боевые.

Войска Юго-Западного фронта в ходе приграничного сражения отходили, но стойкой обороной и контрударами, особенно механизированных корпусов, они показали мужество советских воинов и мощь имеющегося вооружения. При более четком их использовании, особенно танков и авиации, враг мог потерпеть поражение, а ход войны измениться. Но имевшиеся возможности командованием не были реализованы.

К. К. Рокоссовский, назначенный командующим армией, при отъезде под Смоленск результат действий войск фронта охарактеризовал словами: «приграничное сражение нами проиграно»¹⁴³. Рассмотренный ход боевых действий подтверждает это мнение маршала.

К концу приграничного сражения 30 июня противник захватил города Ковель, Луцк, Ровно, Дубно, Львов и продвинулся от границы на глубину до 150 км. Но несмотря на глубокое вклинение вражеских танковых и моторизованных дивизий на главном киевском направлении, войска Юго-Западного фронта, как доложил о том генерал М. А. Пуркаев Г. К. Жукову, могли еще организовать и вести оборону на занимаемых позициях¹⁴⁴. Но, Ставка 30 июня без обоснования и видимых причин приказала фронту отвести войска на линию старых укрепленных районов, то есть на государственную границу 1939 г.

Укрепленные районы располагались на старой границе редкой цепочкой. Между ними имелись большие открытые участки, через которые немцы и продолжали наступление. То есть эта линия обороны ничем не отличалась от той, которую занимали войска, а их отход на 100–250 км был связан с потерей громадной территории с ее населением и ценностями народного хозяйства. Войскам наносился моральный ущерб, и возвеличивалась мощь немецкой армии. Отход был связан так же с потерей складов вооружения, горючего, продовольствия; аэродромов, парков, уничтожением или оставлением врагу неисправных самолетов и танков. Боевая техника в ходе длительных маршей по плохим дорогам выходила из строя. Это видно на примере 8-го механизированного корпуса. В район Тернополя от линии фронта в резерв он прибыл бреспособным и имел 207 танков (без группы Попеля), из них 43 КВ и 31 Т-34. В ходе отступления их терял и прибыл в Нежин с 10 танками, где и был расформирован. Если в боях он потерял 96 машин, то в ходе отступления — 197. Так нерационально командование фронта поступило с этим мощным

корпусом¹⁴⁵.

Если войска фронта в ходе приграничного сражения отошли от границы на расстояние значительно меньшее, чем Западного и Северо-Западного фронтов, то с учетом последующего отхода на старую границу в этом отношении сровнялись с ними. Но общие потери Юго-Западного фронта были меньше и важно то, что войска сохранили боеспособность и уверенно вели боевые действия на новых рубежах.

Войска группы армий «Юг» понесли в боях большие потери и задачу по окружению и уничтожению войск фронта не выполнили. Им удалось окружить лишь две стрелковые дивизии, танковую дивизию и два полка, личный состав которых прорвал окружение и вышел на соединение со своими войсками.

В ходе приграничного сражения немцы все время вынуждены были вести фронтальные кровопролитные бои. Моторизованные корпуса Клейста так и не смогли выйти на оперативный простор. Для обеспечения продвижения войск на киевском направлении немецкое командование вынуждено было непрерывно вводить в бой новые силы и в результате израсходовало значительную часть своих стратегических резервов.

Войска Юго-Западного фронта, как и Западного, и Северо-Западного, не смогли выполнить задач, которые поставил нарком обороны в приказе № 3 из-за их нереальности.

Нереальность требований приказа № 3 для Юго-Западного фронта состояла в том, что ему было приказано нанести удар силами не менее пяти механизированных корпусов «и к исходу 24 июня овладеть районом г. Люблин». В составе фронта имелось 8 механизированных корпусов, но до 24 числа включительно удар, как видно из рассмотренного хода боевых действий, могли нанести только 4, 15, 22-й механизированные корпуса. То есть, три, а не пять, шесть. Это является крупнейшим просчетом, что недопустимо для Верховного Командования.

В связи с этим приведем ту оценку приказу № 3, которую дал ему Жуков, подпись которого под ним имела:

«Ставя задачу на наступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное

Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты борьбы»¹⁴⁶.

В результате ни один из трех фронтов не разбил врага, не приблизился к границе и даже не остановил его движения вперед. Приказ только спутал планы фронтов.

На юго-западном направлении противник добился полной внезапности. На направлении главного удара он без противодействия захватил приграничные оборонительные сооружения, мосты через Западный Буг и начал быстро продвигаться по территории Украины на восток. Первый удар приняли на себя пограничники и только через несколько часов начали подходить дивизии прикрытия границы, дислоцировавшиеся в глубине и находившиеся на положении мирного времени, как того требовало Верховное Командование. Лишь 45, 62 и 41-я стрелковые дивизии находились в высокой степени боевой готовности и встретили врага на своих оборонительных рубежах.

Действия 15-го стрелкового корпуса является показательным для всего советско-германского фронта, где проходили активные боевые действия, так как для него отсутствовал фактор внезапности. Его командир полковник И. И. Федюнинский знал от перебежчика Лискофа день и час начала Германией войны и выдвинул к границе 45-ю и 62-ю стрелковые дивизии и противник не имел успеха. Подобным бы образом действовали и другие стрелковые дивизии по всей границе, если б они заранее были приведены в боевую готовность с занятием оборонительных позиций к началу вторжения противника и немцы в начале войны не имели большого успеха. Подтверждением этому служат и успешные действия 41-й стрелковой дивизии, командир которой держал части в повышенной готовности, в результате чего они успели занять оборонительные рубежи до подхода к ним немцев. При таких действиях всех дивизий первого эшелона ход приграничного сражения был иным. Но такие действия были запрещены приказом № 1 наркома обороны и были предприняты указанными командирами из-за его опоздания. Поэтому при наличии этого приказа иного хода приграничных сражений быть не могло, и для войск было лучше, если б его не было.

Для парирования прорыва противника, окружения и разгрома его ударной группировки, командование фронта

под руководством Г. К. Жукова, ввело в бой 8, 15, 9, 19-й и 22-й механизированные корпуса и 26 июня в районе Луцк, Ровно, Дубно развернулось крупнейшее танковое сражение второй мировой войны по количеству участвовавших сил, продолжительности и размеру района боев. Характерной особенностью танкового сражения является широкое участие в нем пехотных дивизий особенно со стороны противника. В результате недостатков управления и бездействия советской авиации поле боя осталось за немецкими моторизованными и армейскими корпусами.

В литературе утверждается, что крупнейшим танковым сражением второй мировой войны является сражение под Прохоровкой 12 июля 1943 г., в котором участвовало 1200 танков с обеих сторон. Это неправильно, так как в танковом сражении в районе Луцк, Ровно, Дубно проходившем с 26 по 30 июня, участвовало свыше 2500 танков семи моторизованных и механизированных корпусов и пять корпусов пехоты с их противотанковыми средствами.

Участвовавшие в танковом сражении 8, 9, 15, 19, 22-й механизированные советские корпуса, показали высокие боевые возможности новых типов танков Т-34, КВ, а также старых конструкций. В частности, успешно воевавший 9-й мехкорпус Рокоссовского не имел ни одного танка новых типов. Эти корпуса нанесли большие потери противнику и резко снизили темп его продвижения на Киев. Об их действиях Г. Гот написал следующее:

«Оперативный прорыв 1-й танковой группы до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контратаки противника из района южнее Припятских болот по войскам, продвигавшимся вдоль шоссе Луцк — Ровно — Житомир»¹⁴⁷.

Генерал Гот правильно указал, так как на участке этого шоссе от Владимир-Волынского до Ровно путь противнику преградили 1-я артиллерийская бригада РКК К. С. Москаленко и 9-й механизированный корпус. В результате 3-й моторизованный корпус противника вынужден был двигаться по второстепенным дорогам, что снижало скорость движения и маневренность. Сам Гот этого не испытал, так как его корпуса, кроме небольшого участка, двигались к Минску по хорошим шоссевым дорогам.

При благоприятном соотношении сил и средств в свою пользу войска фронта из-за недостатков руководства ни на одном участке не смогли достигнуть весомого успеха. Потерпев поражение у границы в первые два дня командо-

вание фронта стремилось добиться успеха с использованием больших сил танков. Но это приводило к спешке, атаке ограниченными силами и не давало результата.

Из-за незнания командованием обстановки, несовершенства управления и перебоев в работе средств связи механизированным корпусам до вступления в бой пришлось совершать длительные марши. 8-й механизированный корпус с 22 по 25 июня непрерывно находился в движении, теряя по техническим причинам боевую технику, изматывая личный состав. Такое же положение было в 15-м механизированном корпусе. В результате эти два наиболее мощных мехкорпуса мало участвовали в боях и их боевые возможности не были реализованы.

Особенно большим недостатком управления 8, 9, 15, 19, 22-м механизированными корпусами было прекращение на исходе 26 июня нанесения ими успешно развивавшегося контрудара по противнику. Воспользовавшись убитием Жукова в Москву, Пуркаев и Кирпанос не только прекратили нанесение контрудара, но и приказали 9-му и 19-му корпусам отойти на исходные позиции, прекратив преследование в панике отступающего противника, а 8-му и 15-му корпусам — убраться в тыл за оборонительные порядки стрелковых корпусов. Этот маневр на оставление без необходимости с боем взятой территории и прекращение огневого воздействия на противника, возможно, спасли 1-ю танковую группу Клейста от поражения и позволили ей в дальнейшем малыми силами добиться успеха в танковом сражении.

Указанный приказ Пуркаева и Кирпаноса через 3 часа был отменен Сталиным и контрудар корпусами возобновился, но их боевые порядки уже перемешались, 8-му и 15-му были изменены боевые задачи и на подготовку к их выполнению ушло около суток, когда противник беспрепятственно продвигался. 9-му и 19-му корпусам предстояло утром с боем двигаться к рубежам, которые они ночью без необходимости оставили.

Отдельные недостатки управления порой компенсируются в дельнейшем, но такие коренные устранить без тяжелых последствий не представлялось возможным. В данном случае для ускорения нанесения удара по противнику из 8-го корпуса бала выделена группа Попеля, которая нанесла удар на Дубно, где попала в окружение. Ее воины мужественно и упорно сражались, в боях потеряли все тяжелое вооружение, но прорвали окружение и по тылам

вышли на соединение со своими войсками. Член Военного совета фронта корпусной комиссар Н. Н. Вашугин, находясь на выделении группы Попеля, узнав о том тяжелом положении, в которое она попала, — застрелился.

Авиация фронта проявляла малую активность по прикрытию и поддержке сухопутных войск. Многочисленная истребительная авиация прикрывала в основном аэродромы своего базирования, крупные штабы и отдельные районы тыла. Войска, сражавшиеся с противником, не видели в небе своих истребителей. Бомбардировочная авиация нанесла ряд ударов по объектам тыла и войскам противника в районах сосредоточения, а больше находилась на земле в готовности к нанесению ударов, но задач от сухопутных войск не поступало, что было следствием плохой работы средств связи и не отработанности вопросов взаимодействия.

Вследствие малой активности авиации командующий Военно-воздушными силами фронта генерал-лейтенант авиации Е. С. Птухин на третий день войны был снят с должности. К исполнению обязанностей командующего ВВС приступил его заместитель полковник С. В. Слюсарев, который несколько повысил активность авиации, но она оставалась на низком уровне из-за недостатков связи и неотработанности вопросов взаимодействия с войсками.

ВВС фронта с 22 июня по 1 июля потеряли 354 самолета, в том числе: 180 на аэродромах, 25 было сбито зенитной артиллерией и 145 — в воздушных боях. Выведено из строя 225 самолетов, из которых 135 восстановлено и продолжали участвовать в боях. В авиационных частях фронта осталось 1628 самолетов, что более чем в три раза больше сил авиации противника, а это обеспечивало эффективное ведение боевых действий.

Командование Юго-Западного фронта, имея в своих руках мощную танковую группировку, значительно превосходящую противника, не смогло реализовать высоких ее боевых возможностей. Возможно, этому помешали отзыв Жукова в Москву в самом начале танкового сражения и сообщение ему М. И. Потаповым об обнаружении 2000 танков врага, которых фактически не было, но они как Дамоклов меч висели над командованием фронта, которое ожидало их удара и усиливало оборону и резервы.

Правильно говорили тогда, что немцы очень серьезный противник. Они используют любую погрешность другой стороны и малейшую свою возможность для достижения

успеха. Такой напористости действий, организованности, четкости взаимодействия всех родов войск, маневренности, особенно пехотных дивизий, наше руководство не ожидало и на начальном этапе войны ничего этому не могло противопоставить. Требовалось время, чтобы устранить имевшиеся недостатки и воспринять все положительное из того, что было в действиях немецких войск.

Успеху противника способствовали следующие недостатки оперативных планов прикрытия границы и действий руководства:

– слабый состав стрелковых войск прикрытия границы, особенно 5, 6, 26-й армий, что не позволило создать устойчивой обороны и наращивать силы дивизий первого эшелона;

– 31, 36, 37, 49, 55-й стрелковые корпуса дислоцировались на очень большом удалении от границы, а выдвигались с опозданием, только ночью без использования железнодорожного транспорта, что замедлило движение. В результате эти многочисленные и сильные корпуса не оказали содействия армиям прикрытия в боях у границы в первые дни войны;

– 135-я стрелковая дивизия из состава первого эшелона дислоцировалась на глубине 160 км от границы. В результате ее участок обороны оказался открытым для противника на направлении его главного удара, что способствовало его быстрому продвижению и окружению 124-й и двух полков 87-й стрелковых дивизий;

– не было предусмотрено уничтожение мостов через Западный Буг и другие многочисленные реки. Их противник захватил в исправном состоянии (кроме одного), что обеспечило быстрое продвижение его ударных группировок.

В энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» о действиях Юго-Западного фронта сказано: «В первые дни войны войска фронта отражали удары превосходящих сил немецко-фашистской группы армий «Юг» на юго-западных границах страны».

Это совершенно неправильно. По численности советские войска превосходили противника в 1,14 раза, по танкам – в 3,6 и самолетам – в 2,2. И при таком громадном превосходстве, особенно по танкам и самолетам, советские войска потерпели поражение от более слабого противника и были отброшены на границу 1939 г. Причем в ходе боев они отошли на глубину до 150 км, а далее

по неизвестной причине еще на 250 км отвела их Ставка.

Отметим, что по указанию Сталина, как показано в томе 1, юго-западное направление считалось главным в войне с Германией и здесь было сосредоточено большое число стрелковых, танковых и авиационных дивизий. Но командование вермахта главную группировку развернуло на московском стратегическом направлении. Поэтому Юго-Западный фронт по численности сил и средств имел большое превосходство над противостоящим противником и должен был наступать, но этого не получилось.

Приграничное сражение для войск Юго-Западного фронта закончилось поражением, но оно не носило катастрофического характера, как на Западном и Северо-Западном фронтах. Войска фронта были готовы продолжать боевые действия.

После приграничного сражения М. А. Пуркаев был снят с должности и до ноября находился в резерве, а затем успешно командовал 60-й армией, преобразованной в 3-ю Ударную; Калининским, Дальневосточным и 2-м Дальневосточным фронтами.

Генерал-полковник М. П. Кирпанос, член Военного совета М. А. Бурмистренко, начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков при выходе из окружения погибли 20 сентября 1941 г. близ города Лохвице Полтавской области.

Немецкие фельдмаршал Г. Рунштедт и генерал Э. Клейст, принесшие Германии много побед в войнах на Западе и приграничном сражении с СССР, в ходе войны были сняты Гитлером с своих постов.

Глава четвертая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ В МОЛДАВИИ И НА ЮГЕ УКРАИНЫ

§ 1. Силы и средства сторон, начало сражения

Государственную границу СССР с Румынией в пределах Молдавии и юга Украины от Липканы до устья Дуная, протяженностью 540 км, прикрывали войска Одесского военного округа и Дунайская военная флотилия.

Командовал Одесским военным округом генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, членом Военного совета был корпусной комиссар А. Ф. Колобьяков, начальником штаба — генерал-майор М. В. Захаров (в последующем Маршал Советского Союза).

В состав Одесского военного округа входили 14-й стрелковый (25,51-я стрелковые дивизии), 35-й стрелковый (95,176-я стрелковые дивизии), 48-й стрелковый (30-я горнострелковая, 74-я стрелковая дивизии), 9-й особый стрелковый (две стрелковые, кавалерийская дивизии), 2-й кавалерийский (5,9-я кавалерийские дивизии), 2-й механизированный (11,16-я танковые, 15-я моторизованная дивизии), 18-й механизированный (44,47-я танковые, 218-я моторизованная дивизии), 3-й воздушно-десантный корпуса, 150-я стрелковая дивизия, 80-й и 82-й укрепленные районы, шесть артиллерийских полков, 20,21,45-я смешанные и 61-я истребительная авиационные дивизии. Всего в округе без авиации имелось 22 дивизии, в их числе 12 стрелковых, 1 горнострелковая, 3 кавалерийские, 4 танковые, 2 моторизованные; 3 воздушно-десантные бригады.

Дунайская военная флотилия Черноморского флота оперативно была подчинена командиру 14-го стрелкового корпуса.

22 июня Одесский военный округ был преобразован в 9-ю армию, в которую вошли все указанные выше силы, кроме 9-го особого стрелкового корпуса, прикрывавшего Крым. В Одессе оставалось окружное управление во главе с заместителем командующего округом генералом Н. Е. Чибисовым, на которого возлагалось руководство войска-

ми в Крыму.

Государственная граница с Румынией в пределах округа проходила по реке Прут и Килийскому гирлу Дуная, являвшимися серьезными водными преградами. На восточном берегу Прута, как вспоминает Я. Т. Черевиченко, из оборонительных сооружений имелись только две линии окопов и то лишь на основных направлениях¹⁴⁸.

Охрану государственной границы несли пограничные отряды Молдавского пограничного округа: 23-й (Липканский), 24-й (Бельцкий), 25-й (Кагульский), 2-й (Каларашский), 79-й (Измаильский).

На старой государственной границе с Румынией вдоль Днестра тянулись 80-й (Рыбницкий) и 82-й (Тираспольский) укрепленные районы. Они могли быть использованы как тыловой рубеж обороны, поэтому в них в соответствии с директивой Генерального штаба проводились работы по восстановлению предполья, начатые за несколько дней до войны.

82-й и 80-й укрепленные районы протянулись вдоль Днестра от его устья до Могилев-Подольского и далее на Н. Ушица. Они имели оборонительные сооружения почти во всей полосе Одесского военного округа. Из них 82-й укрепрайон имел протяженность 150 км, где располагались 262 пулеметных и 22 артиллерийских долговременных сооружения. В его составе насчитывалось более 10 тыс. человек личного состава, около 100 орудий, 632 станковых и 285 ручных пулеметов¹⁴⁹.

В соответствии с директивой наркома обороны от 6 мая 1941 г. в Одесском военном округе был разработан план обороны государственной границы от Липканы до устья Килийского гирла Дуная и далее по побережью Черного моря до Керченского пролива и представлен в Генеральный штаб 20 июня.

На основании этого плана на правом фланге округа от Липканы до Унген разворачивались 176-я и 95-я стрелковые дивизии 35-го корпуса и одна стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне. От Унгены до Рени и далее по Дунаю до Черного моря и по побережью до Одессы оборона границы возлагалась на 25, 51-ю стрелковые и 9-ю кавалерийскую дивизии. Эти три дивизии были развернуты в один эшелон. От Одессы по побережью на восток оборонялись части береговой обороны и пограничный отряд, а в Крыму — 9-й корпус.

В среднем на каждую дивизию первого эшелона по реке

Прут и Килийскому гирлу проходило 100 км по фронту. Так как они занимали оборону в полосе 50—60 км, между ними имелись большие промежутки. Разрыв, например, между обороной 176-й и 95-й дивизий составлял 70 км. В этих промежутках располагались только пограничники, их наряды, заставы, штабы комендатур.

Во втором эшелоне округа находились: 2-й и 18-й механизированные, 48-й стрелковый корпуса, 5-я кавалерийская дивизия, 3-й воздушно-десантный корпус. Эти мобильные соединения предназначались для нанесения ударов по врагу во взаимодействии с войсками первого эшелона прикрытия границы.

Не ожидая утверждения плана прикрытия границы, направленного в Москву, штаб округа дал указания командирам корпусов по разработке на его основе частных планов действий дивизий с началом войны, многие из которых были частично проверены в ходе проведенных штабных тренировок.

План прикрытия государственной границы по побережью Черного моря от устья Дуная до Тендры совместными силами Одесского военного округа и Одесской военно-морской базы был составлен накануне войны. Для представления плана Военному совету Черноморского флота с ним вечером 21 июня отплыли на теплоходе «Армения» в Севастополь заместитель командующего округом генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов и заместитель начальника штаба военно-морской базы капитан 3 ранга К. И. Деревянко.

Вернулись они в Одессу, вследствие возникшей трудности передвижения с началом войны, лишь 24 июня.

21 июня Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании Южного фронта. Формирование полевого управления Южного фронта было возложено на штаб Московского военного округа. Командующий этим округом генерал армии И. В. Тюленев был назначен командующим Южным фронтом, членом Военного совета — армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец, начальником штаба — генерал-майор И. В. Шишенин. Вечером 22 июня железнодорожный состав с управлением Южного фронта убыл из Москвы в Винницу. В состав фронта были включены 9-я и 18-я армии, последнюю еще предстояло сформировать. Разграничительная линия с Юго-Западным фронтом проходила через Берегомет, Смотрич, Винницу.

В полосе действий Южного фронта противник имел развернутыми от Берегомета до Стефанешти горнострелковый,

4-й армейский и кавалерийский корпуса 3-й румынской армии. Южнее располагались на границе 11-й и 54-й армейские корпуса и во втором эшелоне 30-й армейский корпус 11-й немецкой армии, которой командовал генерал-полковник О. фон Штюльпнагель. 11-я армия входила в состав группы армий «Юг». Южнее этой армии до устья Дуная располагались последовательно 3,5,11,2-й армейские корпуса 4-й румынской армии.

Эта группировка немецко-румынских войск в начале войны обеспечивала правый фланг основных сил группы армий «Юг», а затем должна была перейти в наступление по одному из двух вариантов. Если советские войска начнут планомерный отход за реку Днестр, предстояло приступить к проведению операции «Нахштосс», чтобы воспрепятствовать их отходу. В случае стремления советских войск удержать рубеж обороны по реке Прут предстояло провести операцию «Мюнхен» по прорыву их обороны в верхнем течении реки Прут и наступать в направлении Могилев-Подольский, Винница для соединения с группировкой, наносящей главный удар на Киев.

В связи с этим в начале войны действия немецко-румынских войск носили разведывательный характер, чтобы определить по какому варианту действовать. Когда же они установили, что советские войска повсеместно стойко отстаивают занимаемые рубежи, приступили к подготовке операции «Мюнхен». Главным препятствием для ее проведения была река Прут, поэтому в период приграничного сражения действия противника сводились к захвату плацдармов на его восточном берегу.

Южный фронт начал действовать с 25 июня, а до этого в боях участвовала его 9-я армия.

На участке границы, прикрываемом войсками 9-й армии, немецко-румынские войска имели две основные группировки. Одна из них была нацелена на Бельцы, а вторая — на Кишинев. На этих двух направлениях и развернулись главные боевые действия.

Силы и средства противоборствующих сторон в полосе 9-й армии и их соотношение по состоянию на 22 июня 1941 г. приведены в таблице.

Из таблицы видно, что немецко-румынские войска в начале войны имели превосходство над 9-й армией только по численности личного состава в 1,5 раза, почти равные силы по самолетам, орудиям и минометам, а по коли-

честву танков уступали в 19 раз. По мере проведения мобилизации превосходство противника по личному составу сокращалось, а превосходство советских войск по танкам сохранялось, что позволяло им вести успешные боевые действия с переносом их на территорию Румынии.

Силы и средства	Советские войска	Немецкие и румынские войска	Соотношение сил и средств
Дивизии	23	24,5	1:1,1
Личный состав тыс. человек	325,7	500	1:1,5
Орудия и минометы	5554	6000	1:1,1
Танки	1149	60	19,2:1
Боевые самолеты	950	823	1,2:1

Однако в ходе приграничного сражения наступательные действия носили ограниченный характер, а больше наступал противник, располагая для этого крайне ограниченными силами и средствами. Причем благоприятного для противника фактора внезапности нападения не было, а румынские войска не имели опыта ведения боевых действий. То есть отсутствовали главные факторы будто определявшие успех действий войск противника.

Ударной силой 9-й армии были два механизированных корпуса: 2-й генерал-лейтенанта Ю. Ф. Новосельского, имевший 489 танков, в их числе 60 Т-34 и КВ; 18-й генерал-майора танковых войск П. В. Волоха, в котором насчитывалось 288 танков старых конструкций. Для данного направления, где только у румын имелось 60 танков старых конструкций, этих сил было достаточно для нанесения мощных ударов по врагу.

В связи с осложнением международной обстановки по разрешению Генерального штаба к границе в район восточнее Бельцы двинулись дивизии 48-го стрелкового корпуса генерал-майора Р. Я. Малиновского (в последующем Маршала Советского Союза) и прибыли в этот район 15 июня. В этот же день командование округа отменило отправку второй очереди артиллерийских полков и зенитной артиллерии на полигоны.

18 июня командующий войсками Одесского военного округа вернулся из Крыма, где принимал прибывающий 9-й

стрелковый корпус. Начальник штаба округа доложил ему, что полевую поездку со средствами связи, в которой должны участвовать командиры и штабы всех корпусов, авиационных дивизий и армейский аппарат, выделенный из окружного управления, следует отменить, так как обстановка требует постоянной боевой готовности войск. В случае проведения поездки с началом войны войска округа останутся без штабов и средств связи. Поэтому с командирами соединений следует провести рекогносцировку с решением задач-летучек на местности. В этом случае они при необходимости могут быстро вернуться к своим войскам.

Генерал Черевиченко с этим предложением вначале не согласился, так как опасался, что его обвинят в стремлении сорвать запланированное мероприятие, но затем поддержал и обратился к наркому обороны, который одобрил предложение и разрешил провести не учение, а рекогносцировку. Как покажут события это было целесообразно.

Для проведения рекогносцировки управление 9-й армии утром 20 июня было поднято по тревоге и на машинах тронулось в путь из Одессы в Тирасполь. С прибытием в этот город штаб армии разместился в здании педагогического института, где был подготовлен узел связи. Это было его место по планам прикрытия границы и предстоящей рекогносцировки.

Генерал М. В. Захаров прибыл в Тирасполь на поезде вечером 21 июня и вовремя, так как вскоре его вызвал к Бодо на переговоры командующий из Одессы и дал указание: «Ожидайте поступления из Москвы шифровки особой важности. Военный совет уполномочивает вас немедленно расшифровать ее и отдать соответствующие распоряжения. Я и член Военного совета будем в Тирасполе поездом 9.00 22 июня. Черевиченко»¹⁵⁰.

Получив это распоряжение Захаров вызвал по аппарату Бодо оперативного дежурного по Генеральному штабу и спросил, когда можно ожидать получение шифровки особой важности. Дежурный ответил, что это пока неизвестно. Тогда Захаров последовательно вызвал к аппарату СТ-35 командира 14-го стрелкового корпуса генерал-майора Д. Г. Егорова, командира 35-го стрелкового корпуса комбрига И. Ф. Дашичева, начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса полковника М. Д. Грецева, так как его командир генерал-майор П. А. Белов находился в отпус-

ке. Затем по аппарату Морзе передал распоряжение командиру 48-го стрелкового корпуса генерал-майору Р. Я. Малиновскому.

«Всем им были даны следующие указания: 1) штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов; 2) частям прикрытия занять свои районы; 3) установить связь с пограничными частями»¹⁵¹.

Вот это правильное содержание приказа для приведения частей и соединений в полную боевую готовность с занятием рубежей обороны. А содержание приказа № 1 наркома обороны сводилось к тому, чтобы не допустить занятия войсками рубежей обороны. Они должны были быть приведены в боевую готовность и находиться в районах постоянной дислокации и лагерей, а граница оставаться открытой. Генерал Захаров отдал не такой ничего не значащий приказ, больше всего для виду и обозначения какой-то деятельности, а действительно боевой, который позволял войскам реализовать при защите границы все свои возможности.

Во втором часу ночи оперативный дежурный Генерального штаба предупредил Захарова о передаче телеграммы особой важности и вскоре она была получена с содержанием приказа № 1 наркома обороны.

«Получив директиву (приказ № 1.— С. В.) Народного комиссара обороны, — вспоминает Захаров, — я был очень взволнован, так как отданное мною приказание о выводе войск округа в районы прикрытия на государственную границу находилось в противоречии с полученными указаниями из Москвы»¹⁵². Это заявление маршала Захарова в его воспоминаниях подтверждает сделанный ранее нами вывод о том, что приказ № 1 такие действия не разрешал, в чем был его коренной недостаток. Однако Захаров прежнее свое распоряжение не отменил, так как было уже поздно, и дополнительно передал командирам корпусов содержание приказа № 1 наркома для неуклонного исполнения и руководства. При этом как он вспоминает «Беспокойство о том, как бы выходящие в районы прикрытия войска не поддались на возможную провокацию, не покидало меня»¹⁵³. Последствия для него в этом случае были бы печальными.

С получением приказа № 1 М. В. Захаров дал указания: командиру 2-го механизированного корпуса генерал-лейтенанту Ю. В. Новосельскому — привести части в бое-

вую готовность и вывести в выжидательные районы, а командующему ВВС — к рассвету рассредоточить авиацию по оперативным аэродромам, на которых заранее были подготовлены запасы боеприпасов и горючего. Но генерал-майор авиации Ф. Г. Мичугин «высказал возражения, мотивируя их тем, что при посадке на оперативные аэродромы будет повреждено много самолетов. Только после отдачи письменного приказа командующий ВВС приступив к его исполнению»¹⁵⁴.

Генерал Мичугин правильно говорил о невозможности посадки ночью на оперативных аэродромах при отсутствии на них систем ночной посадки и неподготовленности летчиков к полетам ночью. И письменный приказ Захарова, не представлявшего возможностей полетов на самолетах ночью, ничего не мог изменить, но снимал с Мичугина ответственность за гибель летчиков и уничтожение самолетов. Однако для командующего ВВС и это не выход из положения. Поэтому был применен безопасный и эффективный вариант: взлет с началом рассвета, он достаточно прост, затем дежурство в воздухе до наступления хорошей видимости и посадка. В результате перелет авиации Одесского военного округа на оперативные аэродромы был произведен до налета вражеской авиации, которая нанесла удары по стационарным аэродромам, где не было самолетов или их было мало. Потери на земле оказались незначительными против того, что было в других трех западных военных округах. Немецкая авиация долго не могла вскрыть базирования авиации для воздействия на нее.

В 3 часа 45 минут 22 июня 1941 г. из штаба округа в Одессе Захарову сообщили, полученное от командира Одесской военно-морской базы известие, что в 3 часа 15 минут неизвестная авиация бомбила Севастополь и Очаков. В 4 часа генерал Д. Г. Егоров доложил, что в 3 часа 30 минут в районе Рени противник открыл артиллерийско-минометный и ружейный огонь и пытается форсировать реку. Части 25-й стрелковой дивизии заняли район прикрытия и ведут огонь, вражеская авиация бомбит Болград.

В это же время комбриг И. Ф. Дашичев доложил, что в районе Унгены и Скуляны противник ведет сильный артиллерийско-минометный огонь и пытается форсировать Прут. Части прикрытия заняли свои районы. Авиация врага бомбит Кишинев и расположенный у него аэродром.

Начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса полков-

ник М. Д. Грецев доложил, что противник в районе Леово ведет сильный огонь и пытается форсировать реку Прут. Части прикрытия заняли свои районы и отражают атаки врага¹⁵⁵.

Из приведенных данных видно, что боевые действия на южном направлении советские войска начали организованно, так как все соединения Одесского военного округа были своевременно приведены в боевую готовность и заняли свои районы обороны на границе. В результате противник, пытавшийся форсировать реку Прут и захватить плацдармы на его восточном берегу, был встречен огнем пограничников и войск прикрытия границы. Благодаря правильным действиям генерала Захарова, которые оказались не соответствующими требованиям приказа № 1, войска Одесского военного округа встретили врага при его вторжении на советскую территорию огнем в соответствии с планом прикрытия границы. Этого не было в Западном и Киевском особых военных округах, где противник в основном беспрепятственно перешел границу и продвигался на восток.

Для войск Одесского военного округа начало войны не было неожиданным и немецко-румынские войска не достигли внезапности нападения.

Вследствие ошибки Захарова, который посчитал, что приказ № 1 наркома о приведении войск в боевую готовность может быть только таким как он отдал, мы имеем возможность посмотреть как могли бы развиваться боевые действия на границе и в других военных округах при правильном руководстве Вооруженными Силами. Он горько переживал за возможные последствия, когда увидел, что приказ № 1 не разрешал тех действий войск, которые он приказал проводить.

Условия действий войск Одесского военного округа в начале войны позволили полностью реализовать их боевые возможности. Для создания таких условий всем войскам на западной границе приказ № 1 должен был быть отдан раньше и иметь иное содержание, как это показано ниже в специальном разделе. Но уточнение содержания приказа № 1 и срока его отдачи не гарантировали достижения победы, так как другие факторы, которые позволяли немецким войскам иметь успех, еще действовали, и пройдет много времени, когда Красная Армия при благоприятном соотношении сил будет громить врага. Автор в 1944 и 1945 гг. участвовал в таких сражениях, а пока этого

нет. Поэтому посмотрим как развивалось приграничное сражение, когда противник не имел внезапности.

На рассвете 22 июня командующий ВВС округа доложил Захарову, что основная часть авиации перебазировалась на оперативные аэродромы. Авиация врага с 3 часов 30 минут до 4 часов нанесла удары по стационарным аэродромам, но потери небольшие.

Утром в штаб прибыл командующий 9-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко и член Военного совета А. Ф. Колобьяков. На границе сражение с врагом вели пограничники и соединения первого эшелона армии.

Одновременно с началом боевых действий на границе большое число групп вражеских бомбардировщиков нанесли удары по Одессе, Кишиневу, Бельцам, Дубоссарам, Болграду, Тирасполю. Во время удара по тираспольскому аэродрому взорвался склад боеприпасов, в штабе армии были выбиты стекла. Для улучшения условий управления войсками штаб 9-й армии в ночь на 23 июня был перемещен в Красную Горку, расположенную в 15–18 км от Тирасполя на берегу Днестра.

В отличие от других фронтов за время приграничного сражения в полосе действий 9-й армии противник не выбросил ни одного воздушного десанта, хотя ложные слухи о их выброске часто поступали в штаб.

Утром 23 июня на территории Одесского военного округа в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета началась мобилизация. Войска по мобилизации получили пополнение личным составом и техникой, хотя и с опозданием на два-три дня из-за нарушения авиацией противника железнодорожного сообщения. В связи с этим доставка личного состава в части, действующие на фронте, производилась автотранспортом.

Если в других трех западных округах мобилизационные мероприятия были сорваны, в Одесском округе они были проведены. Это тоже является показателем эффективности руководства войсками округа.

§ 2. Ход приграничного сражения

На рассвете 22 июня на всем протяжении государственной границы в полосе Одесского военного округа противник открыл артиллерийский, минометный и ружейно-пулеметный огонь по заставам и комендатурам пограничных отрядов, а некоторые были атакованы и с воздуха.

Затем в атаку пошли мелкие подразделения, с использованием которых фашистское командование вело разведку положения советских войск и стремилось овладеть мостами через Прут и Дунай, форсировать их и создать плацдармы для последующего накопления сил и перехода в наступление. На большей части границы пограничники совместно с армейскими частями отбросили эти группы за рубеж.

На правом фланге 9-й армии границу охранял 23-й (Липканский) пограничный отряд. Пограничники этого отряда совместно с частями 176-й стрелковой дивизии успешно отразили все атаки мелких групп противника, пытавшихся форсировать Прут. Особенно ожесточенные бои проходили за железнодорожный мост через Прут в районе Липканы.

Наиболее мощная группировка немецко-румынских войск была сосредоточена в полосе действий 24-го (Бельцского) пограничного отряда. Против села Скуляны было сконцентрировано до двух армейских корпусов. На этом направлении противник имел целью с ходу форсировать Прут, уничтожить заставы и части прикрытия, выйти на железную дорогу Бельцы — Кишинев, отрезать войска у границы и уничтожить их.

Как и в других местах этого участка границы противник не наносил удара всеми силами. Поэтому первые бои пограничники вели с разведывательными группами, а иногда с частями прорыва. Им на помощь приходили части прикрытия.

Бельцским пограничным отрядом командовал подполковник С. Е. Капустин, который действовал весьма умело. С учетом концентрации вражеских войск он сводил отдельные заставы в один кулак, усиливал его резервами отряда и наносил удар по вражеским войскам, проникшим на советскую территорию. На некоторых участках границы заставы вели боевые действия совместно с частями 95-й стрелковой дивизии, поддержку им оказывала авиация.

На рассвете 22 июня до батальона вражеской пехоты переправилось через Прут и окружило 4-ю заставу. Ее начальник, младший лейтенант Колотов, умело организовал оборону, отразил натиск противника, который потерял около 20 человек и отошел на свою территорию. Вечером на участок 4-й заставы прибыли рота 404-го стрелкового полка и группа поддержки с 3-й заставы¹⁵⁶.

Одновременно с атакой на 4-ю заставу противник от-

крыл артиллерийский и минометный огонь по 1,2,5,7,8, 17,19,20-й заставам. После этого до двух пехотных батальонов атаковали 20-ю заставу и до батальона немецкой пехоты — 2-ю заставу. Усилиями этих застав и подошедшими силами пограничников противник был отброшен на румынскую территорию. Пограничники 17-й заставы сорвали переправу через Прут румынской роты.

На рассвете 23 июня после артиллерийской подготовки началось наступление крупных сил пехоты на позиции 16,17,20-й застав. 20-я и резервная заставы после трех часов упорного боя оставили местечко Скуляны. Противник ввел в бой дополнительно пехотный батальон и до 100 мотоциклистов. К полудню он прорвал оборону стрелковой роты 691-го полка, перерезал дорогу Фалешты — Скуляны. После этого, подтянув силы, 691-й стрелковый полк и пограничники контратаковали противника и овладели Скулянами. Но вскоре он ввел в бой свежие силы и потеснил наши части¹⁵⁷.

На участке 13-й заставы обстановка была сложной. Здесь противник намеревался прорваться на Бельцы. Его пехотный полк занял Домнянский лесной массив. В 8 часов начальник Бельцкого отряда приказал совместными силами 12,13,14-й и резервной застав отбросить противника за рубеж. Потеряв в боях около трех десятков солдат и офицеров, противник отошел на правый берег реки.

24 июня в 3 часа утра противник начал форсирование Прута на участках 16-й и 17-й застав. После ожесточенного боя у реки 16-я застава отошла на Фалешты, а 17-я — на Бакшу.

В это же время полк пехоты форсировал Прут на участке 8-й заставы. Ей на помощь были переброшены семь соседних застав с 1-й по 7-ю. Но противнику удалось потеснить 8-ю заставу и на рассвете она отошла на рубеж обороны 404-го стрелкового полка. К 10 часам утра полк и застава контратаковали противника и отбросили его за рубеж.

23 июня наиболее сильные бои разгорелись в районе Унгены, Скуляны. Действовавший здесь совместно с пограничниками стрелковый полк вынужден был отойти. Части 95-й стрелковой дивизии не сумели восстановить положение и дали возможность противнику расширить плацдарм. Для усиления войск на этом направлении в район Фундуры была выдвинута 30-я горнострелковая дивизия.

В бой в этом районе были втянуты 176-я стрелковая

дивизия полковника В. Н. Марцинкевича, 11-я танковая дивизия полковника Г. И. Кузьмина, подошедшая из Кишинева, и 16-я танковая дивизия полковника М. И. Мындра, прибывшая из Котовска, из состава 2-го механизированного корпуса. Но все попытки советских войск сбросить противника в реку и восстановить положение не увенчались успехом. Противник хотя и медленно, а расширял плацдарм. К концу июня с подходом главных сил немецких войск плацдарм в районе Скулян приобрел оперативное значение. С него 11-я немецкая и 3-я румынская армии начали затем наступление¹⁵⁸.

Для обороны 9-й армии большое значение имели реки Прут и Дунай. В связи с этим дивизиям было приказано в ночь на 25 июня взорвать все оставшиеся мосты на участках их обороны. Контроль за выполнением приказа командующий возложил на начальника оперативного отдела штаба армии полковника Ветошникова.

25-й (Кагульский) пограничный отряд охранял границу протяженностью 222 км по реке Прут. Боевые действия в его полосе 22 июня развернулись в различное время. Сначала артиллерийскому обстрелу подверглись, а затем были атакованы в 4 часа 4,5,10,13,15-я заставы, в 4 часа 20 минут — 3,8,11,12-я, в 5 часов — 19-я, в 10 часов — 6-я, к исходу дня — 1-я. Остальные заставы почти пять суток не вели боевых действий.

Упорные бои развернулись на участках 4,5,11,12-й застав, где наступали главные силы врага, стремившиеся захватить три моста через Прут. Особое внимание он уделил и участку 15-й заставы, где проходила железная дорога на Кагул и имелась возможность захватить плацдарм для развития наступления.

Около 4 часов утра в полукилометре от 5-й заставы наряд в составе рядовых Макарова и Теленкова услышал плеск воды, затем увидел несколько лодок, плывущих к восточному берегу. Противник хотел под покровом темноты до открытия артиллерийского огня внезапно захватить плацдарм у заставы и затем атаковать ее. Наряд подпустил лодки и забросал их гранатами. Уцелевшие солдаты врага вплавь добирались до румынского берега.

Противник открыл пулеметный огонь по наряду, и одновременно до двух взводов двинулись по деревянному мосту через реку. На помощь двум бойцам подошел соседний наряд. Вскоре до роты пехоты преодолели мост и стали окружать заставу. В шестом часу на помощь прибы-

ли бойцы с комендатуры и два эскадрона 72-го кавалерийского полка и к семи часам участок 5-й заставы был очищен от противника. Атака противника у железнодорожного моста была отбита.

23 июня в середине дня начальник войск Молдавского пограничного округа генерал-майор Н. А. Никольский приказал уничтожить оба моста на участке 5-й заставы. Но выполнить этот приказ немедленно не было возможности, так как мосты не были заминированы, а на заставе не оказалось взрывчатки.

За взрывчаткой послали машину в стрелковый полк. Вечером она вернулась и прибыл взвод саперов. На подрыв деревянного моста группу из пограничников и саперов повел старший политрук Войко, а железнодорожного моста — старший лейтенант Константинов. К мостам пришлось пробиваться с боем, и вскоре они были взорваны, но железнодорожный мост рухнул лишь после второго взрыва 400 кг взрывчатки.

Из этого эпизода видно, что мосты через Прут не только не были подготовлены к взрыву в критической ситуации, а даже в непосредственной близости не была подготовлена взрывчатка, хотя взрыв мостов был предусмотрен в плане прикрытия границы. То есть не все было сделано для практического осуществления этого плана. Но нужно отметить, что на южном направлении мосты в исправном состоянии противнику не сдали, в то время как на других направлениях он захватил их почти все без противодействия. В этом отношении Одесский округ и сформированная на его основе 9-я армия также выделяются в лучшую сторону.

На следующий день противник несколько раз пытался прорваться на советскую территорию, но успеха не имел.

В тылу Кагульского отряда на удалении до 15 км располагались 25-я стрелковая Чапаевская дивизия, которой в 1919 г. командовал В. И. Чапаев, а также 9-я кавалерийская. Части этих дивизий в критические моменты приходили на помощь пограничникам и вели вместе с ними бои по отражению атак противника.

Вторым направлением на участке Кагульского отряда, где разгорелись ожесточенные бои, был стык 11-й и 12-й застав. Здесь имелось четыре деревянных моста через Прут и мост с металлическими опорами. В этом районе и развернулись основные бои.

На рассвете 22 июня противник открыл артиллерийский

и минометный огонь по позициям пограничников у моста и по нему двинулся на восточный берег батальон пехоты, рядом на надувных лодках и плотках переправлялись мелкие подразделения. Эта попытка противника прорваться на советскую территорию была отбита. Тогда вновь ударила артиллерия и под ее прикрытием через Прут переправилась пехотная рота, мелкие подразделения двигались по занятому румынами мосту.

Около четырех часов пограничники не давали продвигаться двум пехотным батальонам. К 8 часам на помощь пограничникам прибила рота 54-го стрелкового полка. Общая численность сводного подразделения составляла 250 человек, что в семь раз меньше чем у противника. Несмотря на это в полдень противник был выбит с советской территории¹⁵⁹.

23 июня генерал Никольский приказал взорвать мост на металлических опорах через Прут. С наступлением темноты на выполнение задания вышла группа под командованием лейтенанта Н. П. Бондарева. Подходы к мосту ночью освещались прожекторами и простреливались. Группа Бондарева с боем прорвалась к мосту и взорвала его. Все участники этой операции получили государственные награды.

Третьим направлением, где противник осуществлял активные действия, был участок 15-й заставы. Здесь утром 22 июня под прикрытием артотня Прут форсировали около двух пехотных рот. Личный состав заставы отбил три атаки противника. В полдень подошло подкрепление от соседних застав и была отбита четвертая атака. К семнадцати часам противник ввел в бой до батальона пехоты, но вновь не добился успеха. К этому времени на помощь пограничникам прибыла рота 54-го стрелкового полка и противник, потеряв до 200 человек, отошел на румынскую территорию. На следующий день противник вновь форсировал Прут, но после часового боя отошел. В дальнейшем были еще попытки захватить плацдарм, но проводились малыми силами и все отбиты.

На участке границы, охраняемой 2-м (Каларашским) пограничным отрядом, противник сосредоточил 12 пехотных батальонов, кавалерийский полк. Главная группировка войск находилась в районе городов Яссы и Хуши.

Наиболее напряженные бои на этом участке границы развернулись в первый день войны. В 5 часов 45 минут группа вражеских самолетов бомбила город Калараш, где

находился штаб отряда. В 9 часов противник прорвался на восточный берег по железнодорожному и деревянному мостам, а также вброд и атаковал девять застав.

На стыке 11-й и 12-й застав Прут форсировало до батальона пехоты, и около двух рот готовились к переправе. После длительного боя противник отошел на свою территорию.

На участке 13-й заставы противник ввел в бой 220-й образцовый пехотный батальон, но и он не добился успеха в захвате приграничной территории.

Напряженные бои развернулись на участке 14-й заставы, где около полудня начала форсировать реку пехотная рота. Она была встречена огнем пограничников и не пробилась через их заслон. В это время армейские саперы взорвали мост через Прут.

Успешно действовали и другие заставы с помощью армейских подразделений. В результате на участке Калорашского отряда ни одному солдату противника не удалось закрепиться на советской территории.

На левом фланге 9-й армии границу охранял 79-й (Измаильский) пограничный отряд. Его участок охватывал 7 км границы по реке Прут и далее по Дунаю до Черного моря. Правым его соседом был Кагульский отряд, а левым — 3-й морской и Одесский пограничный отряды.

Пограничники этого участка совместно с армейскими частями отбили все атаки противника и сами провели несколько рейдов на румынскую территорию, овладели рядом населенных пунктов в том числе городом Старая Килия, чего не было на других фронтах в период приграничных сражений. Отметим отдельные моменты боевых действий.

В районе города Исакча противник сосредоточил до трех пехотных дивизий, 62 артиллерийские батареи и до 3 тыс. лодок. Противник готовился к форсированию Килийского гирла Дуная и нанесения удара на Аккерман (ныне Белгород-Днестровский) и далее на Одессу.

Перед рассветом 22 июня наряды 4-й заставы обнаружили несколько лодок с десантом, плывущих от города Исакча к советскому берегу. На требование пограничников сложить оружие десант ответил огнем. С румынского берега ударила артиллерия. В завязавшемся бою противник потерял до 45 человек и отошел.

Через несколько минут из порта Исакча к советскому берегу двинулся второй десант значительно большей численности, но и он был отбит пограничниками¹⁶⁰.

Участки 7-й и 8-й застав примыкали к городу Измаилу с разных сторон. В порту базировались корабли Дунайской военной флотилии и пограничные бронекатера. На участках этих застав, прикрываемых огнем береговых батарей, противник не пытался высаживать десанты, и бои шли на румынской территории. Пограничники этих застав участвовали в десантных операциях Дунайской флотилии.

9-я армия во взаимодействии с пограничниками и Дунайской военной флотилией надежно защищала границу, но все ее попытки ликвидировать плацдарм противника в районе Скулян с привлечением сил 35, 48-го стрелковых и 2-го механизированного корпусов не дали результата. В резерве армии имелся еще 18-й механизированный корпус, но его ввести в бой командование не решилось.

§ 3. Приграничное сражение в полосе Южного фронта

Вечером 24 июня поезд со штабом Южного фронта прибыл в Винницу. Штаб не имел ни телефонных, ни телеграфных аппаратов, ни одной радиостанции. Для связи с войсками использовались местные средства связи, что требовало дополнительной затраты времени и не давало хорошего результата. До прибытия из Москвы эшелона со средствами связи все необходимое было получено из 9-й армии, откуда была прислана и карта с обстановкой. В состав фронта вошли 9-я армия указанного выше состава, которая уже вела боевые действия, и 18-я армия, которую предстояло создать, а также 9-й особый стрелковый корпус в Крыму.

Управление 18-й армии создавалось на базе штаба Харьковского военного округа, а командующий войсками округа генерал-лейтенант А. К. Смирнов был назначен командующим армией. Штаб 18-й армии 26 июня прибыл в Каменец-Подольский, развернул командный пункт и на следующий день приступил к управлению соединениями.

В состав 18-й армии вошли 17-й стрелковый (60,96-я горнострелковые и 164-я стрелковая дивизии), 55-й стрелковый (130,169-я стрелковые дивизии), 16-й механизированный (15,39-я танковые и 240-я моторизованная дивизии) корпуса. 17-й и 16-й корпуса были переданы из состава 12-й армии Юго-Западного фронта, они еще не участвовали в боях. 17-й корпус был развернут на границе, а 16-й, имевший 608 танков, — во втором эшелоне.

Южный фронт имел в своем составе 27 дивизий, в их числе 15 стрелковых, 3 кавалерийские, 6 танковых, 3 моторизованные. В трех его механизированных корпусах насчитывалось около 1300 танков. Фронт вел боевые действия в полосе 700 км. Ему оперативно подчинялись Дунайская военная флотилия, Одесская военно-морская база, пограничные отряды НКВД¹⁶¹.

В состав войск противника, действующих против Южного фронта, входили 11-я армия Германии, 3-я и 4-я армии Румынии. Противник имел 7 немецких и 13 румынских дивизий, 9 румынских бригад, в том числе одну танковую. У него имелось всего 60 румынских танков. Немецких танков на этом направлении не было.

Соотношение сил по численности личного состава с учетом того, что советские войска пополнились в ходе мобилизации, составляло 1,2:1. По танкам советские войска превосходили противника почти в 20 раз, сохранилось значительное превосходство и по авиации. То есть Южный фронт имел превосходство над противником по всем параметрам, а по танкам оно было подавляющим.

Располагая значительными силами, командующий войсками Южного фронта генерал армии И. В. Тюленев 25 июня отдал приказ, в котором сказано:

«Задача армий Южного фронта: оборонять госграницу с Румынией. В случае перехода и перелета противника на нашу территорию — уничтожать его активными действиями наземных войск и авиации и быть готовым к решительным наступательным действиям»¹⁶².

Днем раньше командующий группой армий «Юг» отдал приказ группировке войск в Румынии готовиться к операции «Мюнхен», ко 2 июля занять исходное положение, а с утра приступить к прорыву обороны Южного фронта.

К исходу 25 июня штаб Южного фронта установил связь с подчиненными соединениями и приступил к управлению боевыми действиями. Но личный состав штаба еще много времени уделял изучению театра военных действий, обстановки, состава и дислокации подчиненных наземных и авиационных соединений и частей, группировки войск противника. В этом был недостаток формирования штаба фронта из личного состава тылового округа. Но когда принималось решение о создании этого фронта, считалось, что войны в ближайшее время не будет. В связи с этим, как сказано в приказе, главное внимание фронтом уделялось обороне госграницы с Румынией.

Пассивность командующего войсками фронта определялась и неблагоприятными данными разведки, на основании которых «И. В. Тюленев предполагал, что перед фронтом действуют до 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий. На самом деле пехотных соединений оказалось в два раза меньше, а танковых и моторизованных вообще не было»¹⁶³.

2 июля в наступление перешли немецко-румынские войска и имели успех. Из противоборствующих сторон наступать начала более слабая.

Противник, не имея внезапности, превосходства в танках и авиации, располагая преимущественно румынскими войсками, обладающими невысокой боеспособностью, перешел в наступление и теснил советские войска.

Генерал Тюленев, на основе указанного неправильного представления о силах противника, 5 июля принята решение об отводе 9-й и 18-й армий за Днестр на позиции 80-го и 82-го укрепленных районов на старой государственной границе. Началось отступление войск фронта.

§ 4. Сражение в воздухе

Силы авиации сторон и начало сражения

На южном крыле западной государственной границы были развернуты Военно-воздушные силы Одесского военного округа, преобразованные 22 июня в ВВС 9-й армии, а 25 июня – в ВВС Южного фронта. Командовал ВВС округа генерал-майор авиации Г. Ф. Мичугин, а с 27 июня – генерал-майор авиации П. С. Шелухин.

В состав Одесского военного округа входили 3 смешанные авиационные дивизии, отдельный разведывательный авиационный полк и 4 корпусные авиаэскадрильи, две истребительные авиадивизии находились в стадии формирования.

Всего в ВВС округа насчитывалось 950 самолетов, в их числе по состоянию на 1 июня имелось 172 истребителя МиГ-3, 232 И-16; 116 штурмовиков И-153 и И-15бис; бомбардировщиков: 155 СБ, 40 Пе-2, 24 Ар-2, 35 Су-2¹⁶⁴.

В первом эшелоне ВВС округа находились 20-я и 21-я смешанные авиадивизии, которые принимали активное участие в воздушном сражении, а во втором эшелоне – 45-я смешанная авиадивизия.

20-я смешанная авиационная дивизия базировалась на

аэродромах Котовск, Бельцы, Кишинев, Тирасполь, Григориополь, Маяк и полевых площадках. Командовал дивизией Герой Советского Союза генерал-майор авиации А. С. Осипенко. Штаб дивизии располагался в Котовске. В состав дивизии входили 4-й и 55-й истребительные, 45-й скоростной бомбардировочный и 211-й легкомобардировочный авиационные полки.

21-я смешанная авиационная дивизия базировалась на аэродромах Одесса, Аккерман, Болгарейка, а также на полевых площадках. Командовал дивизией полковник Д. П. Горюнов. Штаб дивизии располагался в Одессе. В состав дивизии входили 67-й и 69-й истребительные, 5-й скоростной бомбардировочный и 299-й легкомобардировочный авиационные полки.

45-я смешанная авиационная дивизия базировалась в районе Кировограда и из-за большого удаления от границы участия в боевых действиях в рассматриваемый период не принимала. Не участвовали в боях в это время и дивизии 4-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса, действовавшие на южном направлении.

Соотношение сил по авиации между ВВС Одесского военного округа (9-й армии) и ВВС Румынии, а также когда они усиливались 200 немецкими самолетами 4-го воздушного флота, показано в таблице.

Самолеты	Бомбардировщики и штурмовики	Истребители	Разведчики и корректировщики	Всего
ВВС Одесского ВО	271	637	42	950
ВВС Румынии	172	279	172	623
Соотношение сил	1,6:1	2,3:1	1:4,1	1,5:1
ВВС Румынии и 200 немецких самолетов	292	349	182	823
Соотношение сил	1:1,1	1,8:1	1:4,3	1,2:1

Из таблицы видно, что ВВС Одесского округа (9-й армии) превосходили ВВС Румынии в 1,5 раза, а когда они усиливались 200 немецкими самолетами - в 1,2 раза. По бомбардировщикам и штурмовикам округ и объединенная немецко-румынская авиация имели примерно равные силы, по количеству истребителей округ превосходил ее в 1,9 раза, а по разведчикам уступал ей в 4,3 раза. Последнее не столь существенно, так как разведку могли выполнять самолеты любого другого типа, особенно бомбардировщики.

Важным преимуществом ВВС округа было то, что его самолеты в качественном отношении превосходили противника, так как его 658 современным и новым типам самолетов соответствовали лишь 200 немецких, а румынские были в основном старых конструкций.

В Одесском военном округе за несколько дней до начала войны проверялась мобилизационная готовность войск, и часть авиационных полков была перебазирована на полевые аэродромы и оставлена на них на летний период. Оставшиеся полки были перебазированы на полевые аэродромы на рассвете. На всех аэродромах самолеты были рассредоточены и замаскированы. Вскрыть новое базирование авиации противник не сумел и первые удары нанес по стационарным аэродромам, на которых было мало самолетов или они отсутствовали.

На рассвете 22 июня, как только вражеские бомбардировщики перелетели границу, данные о них посты ВНОС сообщили на командные пункты истребительных полков и в воздух по боевой тревоге были подняты дежурные истребители, силы которых затем наращивались. Не ожидая, по опыту боев в Польше и Франции, серьезного противодействия, фашистские бомбардировщики шли большими группами на небольшой высоте в плотных боевых порядках, четко выдерживая строй. Советские летчики-истребители смело атаковали группы бомбардировщиков, рассеяли их. Противник в ходе ударов по аэродромам в первый день войны уничтожил 6 самолетов, а сам потерял 30 боевых машин, то есть потерял в 5 раз больше уничтоженных самолетов. Такие действия являются неэффективными. Благодаря правильным действиям командования округа, противнику не удалось достигнуть внезапности при ударе по аэродромам и застать на них самолеты, стоящие плотными рядами крыло к крылу, как на Западном фронте. В результате эффективность удара по аэродромам была очень

низкой и не оказала влияния на активность авиации 9-й армии.

**Боевые действия 20-й смешанной авиационной дивизии.
Начало боевого пути знаменитого аса А. И. Покрышкина.**

20-я смешанная авиационная дивизия дислоцировалась на правом фланге 9-й армии. В нее входил 55-й истребительный полк, единственный в истребительной авиации переучившийся на МиГ-3 и успешно воевавший на этом новом истребителе с первого дня войны. Командовал полком майор В. П. Иванов. Базировался полк на двух аэродромах: Бельцы и Маяк. На базовом аэродроме Бельцы находилась 1-я эскадрилья палка для его прикрытия, а другие силы базировались на полевом аэродроме Маяк.

1-й эскадрильей командовал капитан Ф. В. Атрашкевич, его заместителем был старший лейтенант Александр Иванович Покрышкин, будущий первый трижды Герой Советского Союза. На примере этой эскадрильи, первой вступившей в сражение с врагом и эффективно воевавшей, рассмотрим действия истребителей полка с указанием других характерных эпизодов.

Накануне войны 21 июня в субботу Покрышкин с летчиками своего звена находился на аэродроме Григориополь, где базировался 4-й истребительный авиаполк. Они перегоняли три «мига» на курсы командиров эскадрилий. Второе звено 1-й эскадрильи, которым командовал В. Фигачев, базировалось на засадном аэродроме Пырлица у границы недалеко от города Унгены с целью перехвата нарушителей. В результате на аэродроме Бельцы находилось семь летчиков эскадрильи.

В четверг звено Фмгачева, взлетев с передового аэродрома, перехватило немецкого разведчика, вторгнувшегося на советскую территорию. Летчики обстреляли разведчика и, увлекшись атакой, нарушили границу. Это противоречило указаниям, о том, что по нарушителям огня не открывать. Поэтому командир дивизии генерал Осипенко приказал вылететь в Пырлицу для расследования случившегося командиру полка Иванову и командиру 1-й эскадрильи Атрашкевичу, а также направил туда представителя прокуратуры. Кроме того, в Кишинев был вызван командир звена Селиверстов. На аэродроме Бельцы осталось пять рядовых летчиков, адъютант эскадрильи С. Я. Овчинников и командир звена К. Миронов. В этом прояви-

лось влияние внезапного нападения врага.

В результате, когда началась война, на месте не оказалось командира полка, командира и заместителя командира 1-й эскадрильи, командира звена. Майор Иванов немедленно из Пырлицы вылетел на аэродром Маяк на Ути-4, но горючего не хватило, и он произвел вынужденную посадку в поле.

Покрышкин в связи с началом войны прекратил выполнение перелета и вернулся со звеном на аэродром Маяк, где уже все самолеты были рассредоточены по границе аэродрома. Начальник штаба полка направил его на самолете У-2 за Ивановым. Вернувшись на аэродром Маяк, он выполнил полет на разведку наземных войск противника.

А. И. Покрышкин за годы войны лично сбил 59 немецких самолетов, а 60-м и первым сбитым в первый день войны был свой легкий бомбардировщик Су-2 из 211-го легкобомбардировочного полка своей же дивизии. Новые типы самолетов были так без необходимости засекречены, что их даже не знали летчики одной дивизии. Автор в начале войны кончил техническую школу по профилю бомбардировочной авиации, а об этом самолете даже не слышал. Вот как произошел этот печальный случай, который мог изменить ход службы известного затем аса.

После полета на разведку Покрышкин, как и другие летчики полка находился в готовности номер один к вылету на перехват самолетов противника. У самолета на земле находился его техник И. Вахненко. Отметим, что автор с Вахненко в одной группе переучивался на летчика во 2-м отдельном учебном истребительном полку.

С командного пункта полка поступило сообщение о подходе к аэродрому группы немецких бомбардировщиков. Вахненко обнаружил их визуально и сообщил Покрышкину, тот взлетел, набрал высоту и пошел на сближение с показавшимися вдали бомбардировщиками. Далее рассказывает Покрышкин:

«Решаю, что противник сейчас будет бомбить аэродром. Бросаю свой самолет в крутой разворот. Захожу в хвост левому крайнему и метров с пятидесяти открываю огонь. Но успел дать лишь короткую очередь, как мой самолет от струи атакowanego самопроизвольно делает бочку. Бомбардировщик, разворачиваясь влево, пошел вниз. «Этому достаточно», — подумал я. Развернул свой самолет на правый фланг группы. Делаю горку для атаки сверху... И тут оцепенел: на крыльях звезды.. Что я наде-

лал! Атаковал своего. Лечу рядом с группой и не соображу, что делать дальше. Увидев, как устремились на группу позже меня взлетевшие «миги», бросаю самолет наперерез. Покачиваю крыльями, подставляю себя под их прицелы, не даю никому стрелять»¹⁶⁵.

С чувством большой вины Покрышкин полетел с бомбардировщиками на боевое задание и обеспечил ее выполнение без дополнительных потерь.

После вылета летчики спрашивали командира полка: «Товарищ командир, почему не показали новые наши самолеты? По слухам, есть еще бомбардировщик Пе-2, похожий на Ме-110. Хотя бы альбом с фотографиями нам прислали для ознакомления»¹⁶⁶.

В группе Су-2, из которой Покрышкин сбил ведущего, следовал лейтенант И. И. Пстыго, будущий маршал авиации. После войны Покрышкин и Пстыго, два будущих маршала авиации, встретились вновь в академии Генерального штаба, где обучались в одной группе. И вот однажды Иван Иванович Пстыго рассказывал в перерыве однокурсникам: «Выполняя одно из заданий, мы вышли в место встречи с нашими истребителями и тут же опознали их — это были МиГ-3. На душе стало легче: есть истребители прикрытия! Они, как нам казалось, занимают свое место в общем боевом порядке, но вдруг, видим, один «миг» бросается на нашу эскадрилью и открывает огонь. В чем дело?

Самолет ведущего командира эскадрильи капитана Гудзенко задымил и пошел на снижение». Вскоре он произвел вынужденную посадку в поле. Капитан М. И. Гудзенко остался жив и невредим, а штурман эскадрильи Семенов был убит.

Среди слушателей оказался Покрышкин и как вспоминает Иван Иванович «Он попросил меня повторить рассказ.

Пересказал снова.

«Это был я», — смущенно и растерянно заявил он.

«Шутишь, Саша?».

«Да какое там шутишь! В начале войны я действительно сбил Су-2. Был со мной такой страшный случай, не знал самолеты Сухого...»¹⁶⁷

После этого печального случая Покрышкин воевал весьма успешно и вскоре стал командиром полка, а затем командиром дивизии. Немецкие летчики опасались встречи с ним. «Ахтунг, ахтунг, Покрышкин!» раздавалось по радио, когда он появлялся в воздухе.

В связи с указанным приведем следующий эпизод. В кремлевском Дворце Съездов отмечался «День защитника отечества». В антракте концерта мы с знакомым генералом подошли к одиноко стоявшему маршалу авиации И. И. Пстыго, поговорили и я спросил:

— Скажите, Иван Иванович, почему вы в своей книге, описав сбитие в первый день войны вашего командира эскадрильи, не указали, что сбил его Покрышкин?

Маршал, чувствуется, удивился такой осведомленности, много об этом думал и без паузы ответил:

— Мне это было сделать неудобно.

— Но Покрышкин в воспоминаниях описал этот случай и указал, что он сбил Гудзенко.

— Это ему было сделать проще.

— Однако ваш рассказ в академии Генштаба о сбитии Покрышкиным вашего ведущего описала Кузьмина в книге «Генеральный конструктор Павел Сухой».

В этот момент прозвучал третий звонок, и мы направились в зал. Общий гул заглушил ответ маршала.

Первый воздушный бой летчиков 1-й эскадрильи с самолетами противника разгорелся над аэродромом Бельцы. На рассвете 22 июня над ним появился разведчик Хеншель-126. На его перехват поднялось звено Миронова, которое догнало разведчика и сбilo. При возвращении летчики увидели, что большая группа бомбардировщиков Ю-88 под прикрытием истребителей наносит удар по аэродрому Бельцы, и с ними ведут бой взлетевшие четыре МиГ-3. Звено Миронова также вступило в бой.

При отражении налета противника был сбит и погиб С. Я. Овчинников, немцы потеряли три самолета, но взорвали бензосклад и аэродром остался без горючего.

Только летчики произвели посадку, как появились две группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей. Одна группа следовала на аэродром, а вторая — на город. Навстречу противнику поднялся летчик А. М. Суров и сбил Ю-88, но у него кончилось горючее, так как не успел заправиться, и его на планировании при заходе на посадку сбили два Ме-109.

Летчики 4-го истребительного авиаполка также успешно отразили налеты вражеской авиации на аэродромы Григориополь и Тирасполь. Они вели бои и над Кишиневом. В этих боях командир эскадрильи Морозов таранил Ме-109, капитан Кафтанов сбил три самолета, а командир полка майор Орлов — вражеский бомбардировщик «бленхейм»¹⁶⁸.

Для усиления эскадрильи Атрашкевича на аэродром Бельцы была посажена дополнительно 2-я эскадрилья. В первый день летчики 55-го истребительного полка сбили 10 самолетов противника, потеряв два своих. Кроме того, при перелете вечером с аэродрома Бельцы на аэродром Маяк погиб летчик в ходе вынужденной посадки из-за полной выработки горючего. Два летчика были посланы на разведку в район Плоешти и не вернулись. Они через несколько дней прибыли в полк и оказалось, что у них так же не хватило горючего для возвращения на свой аэродром, и они произвели вынужденную посадку.

23 июня летчики 55-го истребительного полка наносили удары по скоплениям войск и колоннам автомашин противника, отражали налеты немецкой авиации на тыловые объекты в полосе ответственности.

В этот день А. И. Покрышкин при полете парой на разведку переправ на реке Прут сбил Me-109. Это был первый вражеский самолет, сбитый прославленным летчиком. На следующий день он сбил второго Me-109.

25 июня 55-й и 4-й истребительные полки наносили удары по аэродрому противника Романы с целью сковать действия его авиации. Помимо этого наносили удары по войскам противника на марше¹⁶⁹.

Под вечер девять Ю-88 бомбили станцию в Котовске. На отражение этого налета взлетели три звена «мигов», которые догнали уходивших бомбардировщиков и всех сбили. При этом летчик Николай Яковлев уничтожил ведущего бомбардировщиков таранным ударом и сам погиб.

На следующий день началось наступление противника, и истребители были направлены на действия по наземным войскам. 55-й полк наносил штурмовые удары в районе Яссы-Унгены. Противник встречал группы истребителей мощным зенитным огнем.

В один из боевых вылетов в этот день группа капитана Атрашкевича, прорвавшись сквозь огонь зенитных батарей, вышла на заданную цель, встала в круг и начала методично бомбами и огнем пулеметов уничтожать автомашины с пехотой и боевую технику врага. На одном из заходов в самолет Атрашкевича попал зенитный снаряд и он загорелся. Маневрированием сбить огонь не удалось, пламя разгоралось. Тогда капитан Федор Васильевич Атрашкевич на глазах летчиков эскадрильи перевел самолет в пикирование и врезался в самую гущу вражеских войск и техники. Взрыв уничтожил большую их часть. Это был

таран на горящем истребителе живой силы и боевой техники врага. Покрышкин высказал мысль, что может он был убит в воздухе, но тогда бы самолет падал по произвольной траектории и не попал бы «в самую гущу» врага, о чем сам свидетельствует.

В последующие дни истребительные полки также нанесли штурмовые удары по наступающему противнику.

Вместо Атрашкевича командиром эскадрильи был назначен А. И. Покрышкин. С летчиками эскадрильи он действовал по войскам противника в районе Унгены и на дорогах от него на Кишинев. Полеты выполнялись с аэродрома подскока, что позволило увеличить число боевых вылетов. 30 июня в последнем вылете на штурмовку он последовательно сбил два разведчика Хеншель-126.

211-й легкий бомбардировочный авиационный полк базировался на полевом аэродроме Котовск. Командовал им майор В. Г. Редякин. Осенью 1940 г. полк начал получать и переучиваться на новый легкий бомбардировщик Су-2. С апреля 1941 г. летный и технический состав жил в палаточном лагере у границы аэродрома. В полку шли напряженные полеты по освоению нового самолета. В четвертой эскадрилье командиром звена служил лейтенант И. И. Пстыго¹⁷⁰.

В 3 часа 40 минут 22 июня, вспоминает И. И. Пстыго, летчики и техники были подняты по боевой тревоге и устремились на аэродром к своим самолетам, стоявшим в линейку, подвесили на них бомбы, зарядили пулеметы. Через полчаса поступила команда: «Разрулить самолеты!» Летчики запустили моторы и заняли заранее назначенные места по периметру аэродрома. После рассредоточения поступила команда: «Замаскировать самолеты!» Для этого срубили деревья, поставили к самолетам, и их не стало видно. Вся эта работа закончилась около 10 часов утра.

В этот день пришел приказ № 2 Наркома обороны, запрещающий перелетать границу с Румынией, что снизило активность нашей бомбардировочной авиации. Но вскоре этот запрет был снят и 211-й полк стал готовиться к боевому вылету. Была получена задача: нанести удар по скоплению войск противника на территории Румынии, готовившихся к форсированию реки Прут. Для нанесения удара командир полка выделил две девятки, укомплектованные руководящим составом, который должен был показать пример действий подчиненным. В 16 часов самолеты взлетели и взяли курс на цель. Задача была выполнена,

и они вернулись на аэродром без потерь. А могло быть хуже, и полк не досчитался бы многих ведущих групп, что снизило его боевые возможности.

Было выполнено еще несколько боевых вылетов. При этом одни экипажи летали на бомбометание по войскам противника, другие — на разведку.

На выполнение боевой задачи взлетела и девятка 4-й эскадрильи. В районе аэродрома Маяк ее атаковал А. И. Покрышкин и сбил ведущего группы командира эскадрильи капитана М. И. Гудзенко. Следовавший в группе лейтенант Пстыго заметил место вынужденной посадки его самолета. Группу далее повел на задание заместитель командира эскадрильи старший лейтенант И. А. Кузнецов. Группа успешно выполнила задачу.

После посадки группы командир полка дал указание И. И. Пстыго лететь на самолете У-2 на место посадки командира эскадрильи и выяснить обстановку, оказать помощь. Гудзенко оказался жив, а штурман эскадрильи Семенов убит, самолет сильно поврежден и не подлежал восстановлению. Гудзенко и Пстыго штурмана похоронили, самолет сожгли и вернулись в полк¹⁷¹.

В последующем группы 211-го полка ежедневно летали для нанесения ударов по подходящим к границе войскам противника, железнодорожным станциям и переправам. При этом резко возросло противодействие зенитной артиллерии.

Боевые действия 21-й смешанной авиационной дивизии

В 21-й смешанной авиадивизии перед войной шли полеты по планам боевой подготовки. При этом многие из руководящего летного состава находились на курсах.

Курсы по переподготовке командиров звеньев были созданы в Одессе в соответствии с приказом № 027 от 27 ноября 1940 г., срок обучения был установлен в 4 месяца. В связи с этим в начале войны на них доучивалась вторая очередь, которая немедленно была направлена на самолете Ли-2 в свои части. Этот самолет на аэродроме 67-го истребительного полка в полдень 22 июня высадил семь человек, в их числе были пять командиров звеньев и капитаны В. Забабурин, П. Савенко, руководившие этой группой на курсах. Подкрепление прибыло вовремя, так как звеньями командовали рядовые летчики. Так было и на многих других аэродромах.

5-й скоростной бомбардировочный авиационный полк с февраля до начала апреля был перевооружен на самолеты Пе-2. Эти новые бомбардировщики правительство хотело показать иностранцам на параде в Москве 1 мая, и полк усиленно к нему готовился. Однако в последний момент в целях скрытности решили Пе-2 не показывать, и полку было приказано лететь на свой полевой аэродром Аккерман. За время подготовки к параду летчики полка получили хорошую подготовку в полетах строем. К началу войны в полку имелось 65 самолетов Пе-2 и 28 СБ, которых не успели сдать.

Боевая тревога в этом полку, как рассказал автору служивший в нем, в последующем Герой Советского Союза полковник Н. Ф. Смирнов, была объявлена в час ночи и к рассвету все самолеты на аэродроме были рассредоточены по его периферии и замаскированы. В середине дня полк приступил к ведению боевых действий. Он наносил удары по скоплению войск и боевой техники противника, переправам, железнодорожным узлам, аэродромам и нефтехранилищам.

Главной особенностью действий немецко-румынской авиации на южном крыле советско-германского фронта, когда бои на земле велись ограниченно, было стремление уничтожить на аэродромах возможно большее число советских самолетов. В связи с этим противник ежедневно совершал налеты на аэродромы группами составом до 80 самолетов, и в районах базирования нашей авиации шли жаркие бои. Для скрытного выхода на аэродромы противник использовал обход визуальных постов ВНОС, предельно малые высоты, облачность. В налетах и боях участвовали немецкие и румынские самолеты.

Активное участие в борьбе с немецко-румынской авиацией принимал 67-й истребительный авиационный полк, вооруженный самолетами И-16 последних серий. Поэтому рассмотрим его действия более подробно. Базировался полк на полевом аэродроме Болгарейка. На аэродроме с весны шли работы по строительству бетонированной взлетно-посадочной полосы и условия для полетов были весьма стесненными. Кучи песка, гравия, бочки с цементом не только ухудшали условия взлета и посадки, но и демаскировали аэродром. В радиусе до 25 километров от него были подготовлены три летные площадки для рассредоточения полка при ведении боевых действий¹⁷².

Командовал полком майор Н. А. Рудаков, недавно на-

значенный на эту должность, его заместителем по политической части был батальонный комиссар Н. А. Батинов, начальником штаба полка - майор Д. Борисов. Часть руководящего и летного состава участвовала в боях в Испании, Китае, на Халхин-Голе, в Финляндии. Летный и технический состав размещался в соседних селах и сбор по тревоге был затруднен.

В 3 часа 22 июня в полку была объявлена боевая тревога. Самолеты были рассредоточены по периферии аэродрома и приведены в боевую готовность¹⁷³.

На рассвете с востока на высоте около 800 м появился самолет, который вначале приняли за СБ. Но начальник штаба майор Борисов, имевший бинокль, опознал в нем румынский бомбардировщик «Савойю» и дал приказ на взлет младшему лейтенанту Н. М. Ермакову, который произвел взлет прямо со стоянки и над аэродромом сбил самолет врага.

С наступлением рассвета две девятки «юнкерсов» пересекли Прут с курсом на Болгарейку на малой высоте. Находившийся со звеном в засаде у границы старший лейтенант А. И. Рогозин взлетел и устремился за вражескими самолетами. Они шли как на параде в плотном строю без прикрытия истребителями. Рогозин смело атаковал противника и на подходе к аэродрому сбил одного. На помощь ему поднялось шесть истребителей. В следующей атаке он сбил еще одного «юнкерса»¹⁷⁵.

В числе взлетевших был командир звена старший лейтенант А. И. Мокляк со своими ведомыми лейтенантом А. Мелентьевым и младшим лейтенантом Я. Курочкой. Мокляк набрал высоту и с ходу атаковал девятку Ю-88, находившуюся на боевом курсе и с малой дистанции сбил ведущего звена. Его ведомые сбросили бомбы куда попало. Лейтенант Мелентьев атаковал ближнего «юнкерса» и сбил его. В это время Мокляк сблизился с замыкающим звеном немцев и добился еще одной победы.

Техники, следившие за боем с земли, считали, что горячее у Мокляка на исходе, и он должен идти на посадку. Но он в это время заметил «юнкерса», который на малой высоте приближался к самолетам на земле, заправлявшихся бензином. В крутом пикировании он сблизился с врагом и нажал на гашетку, но выстрелов не последовало, так как боеприпасы кончились. Тогда старший лейтенант Александр Игнатьевич Мокляк, не задумываясь, сблизился с врагом и ударил его винтом. Самолеты пере-

шли в падение, и летчик погиб, выполнив свой долг. Это был один из первых таранов в начавшейся войне¹⁷⁵.

Налеты на аэродром 67-го полка были отбиты, ни одна бомба не была сброшена прицельно, враг потерял 7 самолетов. Смертью героя погиб А. И. Мокляк.

В 12 часов 25 минут по данным постов ВНОС стало известно, что на Болгарейку вновь идут две девятки бомбардировщиков, но уже под прикрытием девяти Me-109. Для отражения этого налета были подняты в воздух две девятки истребителей. В завязавшемся воздушном бою бомбардировщики вынуждены были сбросить бомбы на подходе к аэродрому и развернуться на запад. Четыре бомбардировщика загорелись и с дымными шлейфами пересекли линию фронта. Истребители врага от боя уклонились. И этот налет на аэродром был отбит.

Но врага это не устраивало. «И немецкое командование предприняло массированный налет, в котором участвовало 50 бомбардировщиков и 30 истребителей»¹⁷⁶. В 17 часов 30 минут эта армада вражеских самолетов пересекла Прут и шла с курсом на аэродром 67-го авиаполка. По данным постов ВНОС было известно, в каком боевом порядке они идут. Самолеты противника шли группами по 15 самолетов, включавших девять бомбардировщиков и шесть истребителей. Временной интервал между группами составлял 2-3 минуты.

План отражения такого массированного налета был отработан в предыдущем году, проверен в ходе полкового летно-тактического учения и его командир полка решил применить. На отражение налета он поднял 48 И-16 и только 2 оставил на земле в качестве резерва. Истребители были разделены на две ударные группы. Первая из них должна атаковать первую группу самолетов врага, вторая — вторую и так последовательно все группы. Действовали группы согласованно и сбили три бомбардировщика и два истребителя.

Враг и на этот раз не успокоился и за час до захода солнца предпринял четвертый налет. Он также был отбит, а противник потерял еще пять бомбардировщиков.

Всего за первый день войны летчики 67-го истребительного авиаполка на самолетах И-16, проявив высокую стойкость и мужество, отразили четыре налета самолетов противника на свой аэродром, совершили при этом 117 боевых вылетов и сбили 15 самолетов врага, потеряв одного своего. Это был второй результат среди истреби-

тельных полков четырех западных военных округов. Первенство принадлежало 127-му истребительному авиационному полку, летчики которого на самолетах И-153 («Чайка») сбили 20 самолетов, потеряв 14 своих. Но с учетом отношения числа сбитых к своим потерям первенство следует отдать 67-му полку, где противник не сбил ни одного самолета.

В связи с таким успехом 67-го полка генерал-майор авиации Мичугин прислал телеграмму, в которой поздравил летчиков с победой и указал: «О ваших подвигах будут знать не только части нашего округа, вся наша страна»¹⁷⁷. Эти слова были пророческими. О подвигах летчиков полка написал книгу «Будни войны» полковник К. Н. Мягков, служивший в то время в полку заместителем командира 4-й эскадрильи по политической части. Экземпляр книги он подарил автору этих строк. Благодаря нашей книге, об их подвиге будет известно не только в России, а и во всем мире.

Самолеты И-16 и И-153 («Чайка»), на которых указанные полки добились выдающихся результатов, многие авторы книг о Великой Отечественной войне относят к устаревшим, не достойным приниматься во внимание и учитываться при определении соотношения сил. Например, в книге «Начальный период войны» говорится, что главной причиной победы противника в начале войны было его превосходство в личном составе и боевой технике. В ней сказано: «Противник превосходил наши войска... по боевым самолетам новых типов - в 3,2 раза...»¹⁷⁸. Но это утверждение неправильное, так как у немцев не было новых типов самолетов, и сравнивать в этом отношении было не с чем. Советские самолеты, считавшиеся устаревшими, и немецкие, относившиеся отгульно к новым типам, уже встречались в небе Испании под теми же названиями. После этого те и другие модернизировались. И у немцев, и у нас были устаревшие самолеты. У нас к устаревшим, как показали расчеты, относился И-153, на котором, как видим, получен выдающийся результат. В немецко-румынской авиации на данном направлении к устаревшим относились немецкий Хеншель-126 и почти все 623 румынских самолета. Поэтому принимать в расчет соотношения сил только 271 наш новый самолет против всех 823 немецко-румынских в данном случае неправóмерно, как и по всей западной границе. Такой упрощенный подход в поисках превосходства противника для оправдания его побед,

в то время, когда превосходство было на стороне советских войск, не имеет никакого основания и смысла.

Одним из важных условий обеспечивших успешные действия 67-го полка была хорошая работа службы ВНОС, которая своевременно сообщала данные о самолетах противника. Это было обусловлено тем, что она не была нарушена, а наземные войска не вели широкомасштабных действий, в результате проводные средства связи, по которым передавались данные, не были перегружены.

23 июня боевые действия над аэродромом 67-го авиаполка развернулись с новой силой. Боевой счет дня открыло звено младшего лейтенанта Чватова, сбившее разведчика. Вскоре полк отражал очередной массированный налет на аэродром, в котором немецкое командование решило применить блокирование аэродрома, чтобы не допустить взлета с него истребителей до подхода ударной группы. Для этого пять Me-110 на бреющем полете подошли к аэродрому и горкой набрали высоту для атаки самолетов на стоянках. В этот момент они были атакованы оказавшимся в воздухе для проверки мотора младшим лейтенантом Н. Ермаковым, сбившим один самолет. Оставшиеся четыре атаковали его и в воздушном бою сбили, но свою задачу не выполнили, так как за время боя взлетели истребители и отбили их налет.

В это время к аэродрому подходили две группы самолетов противника общей численностью 35 машин. Впереди следовала группа истребителей расчистки воздушного пространства для следовавшей за ней группы бомбардировщиков. Этот налет был также отбит. В ходе боя М. Г. Буженков сбил два самолета врага.

В этот же день эскадрильи полка перелетели на полевые площадки, а одна осталась на базовом аэродроме. Активность авиации врага после неудачных налетов резко снизилась, в связи с этим полк, помимо дежурства в воздухе для прикрытия базирования, привлекался для ведения разведки и действий по наземным объектам.

27 июня в середине дня 12 Me-110 внезапно вышли на аэродром Болгарейка и летную площадку у села Кубей двумя группами. Взлетевшее звено сбило два самолета, а остальные, нанеся небольшой ущерб, удалились в сторону румынской территории.

На следующий день в районе аэродрома появился румынский четырехмоторный бомбардировщик под прикрытием пяти устаревших истребителей ПЗЛ-24. Поднятые на отра-

жение налета истребители сбили бомбардировщика и четыре истребителя. После этого боя враг почти прекратил налеты на аэродром и площадки базирования полка. Задачу по уничтожению самолетов полка он не выполнил, а сам потерял в районе аэродрома 28 самолетов¹⁷⁹.

Вместе с тем защита базирования требовала постоянного внимания. Так как постоянное дежурство в воздухе было невозможно, то отработали взлет из готовности номер один за 1-2 минуты, что обеспечивало своевременный перехват самолетов противника при их визуальном обнаружении с аэродрома.

Помимо указанного для защиты аэродрома с земли инженер полка по вооружению Е. Дорожко, воентехник 1 ранга В. Силин и воентехник 2 ранга И. Шкурко разработали пусковую установку для РС-82, которая была изготовлена и применялась для пуска реактивных снарядов по самолетам врага до конца войны.

По данным разведки в районе населенного пункта Оанча было установлено сосредоточение большого количества пехоты и артиллерии. Уничтожение этой группировки было приказано выполнить 299-му легкобомбардировочному авиационному полку, базировавшемуся на аэродроме Аккерман, под прикрытием истребителей 67-го полка. Несколько дней бомбардировщики действовали по ней под прикрытием истребителей, встреча с которыми происходила над аэродромом Болгарейка.

69-й истребительный авиационный полк был вооружен самолетами И-16 и базировался на аэродроме Школьный у Одессы. На рассвете 22 июня его самолеты были рассредоточены по окраине аэродрома и замаскированы. В результате в ходе первого налета на город и аэродром группа «хейнкелей» не причинила ущерба самолетам.

После налета противника звено во главе с заместителем командира полка по летной подготовке майором Л. Л. Шестаковым вылетело на разведку обстановки в район границы. В ходе полета звено встретило группу Ю-88 и атаковало ее. Шестаков сбил одного немецкого бомбардировщика, увеличив тем самым счет побед над немецкими летчиками, начатый им в небе Испании¹⁸⁰.

Летчики 69-го полка вели не только воздушные бои на подступах к Одессе, но и летали на поддержку легендарной 25-й Чапаевской стрелковой дивизии на плацдарме, захваченном на территории Румынии.

Бомбардировочные и истребительные полки 21-й сме-

шанной авиадивизии наносили удары по войскам противника в местах сосредоточения и на марше, за что уже в первые дни войны заслужили благодарность командования 9-й армии, которое 30 июня 1941 г. прислало следующую телеграмму: «Командование и бойцы приносят товарищескую благодарность летчикам 21-й смешанной авиадивизии и ночному бомбардировочному полку за активную помощь в уничтожении противника. Благодаря отличным действиям авиации противник, который вторгся в пределы нашей земли, был настолько деморализован, что вынужден был поспешно отойти, беспощадно уничтожаемый огнем летчиков».

Действовали активно истребители и в воздухе. За период с 22 по 26 июня истребители 20-й и 21-й смешанных авиадивизий уничтожили на аэродромах и сбили в воздушных боях 71 самолет противника, потеряв при этом 23 своих¹⁸¹.

Итоги воздушного сражения

На южном направлении немецко-румынская авиация не достигла внезапности нападения, и ее удары по аэродромам в первый день войны не дали результата, так как потери в несколько раз превзошли число уничтоженных самолетов на земле. Это было обусловлено тем, что командующий ВВС округа генерал Мичугин ночью 22 июня объявил боевую тревогу в авиационных частях и на рассвете рассредоточил их по аэродромам. На всех аэродромах самолеты были рассредоточены по их периферии и замаскированы. Авиация округа была приведена в полную боевую готовность и организованно встретила первые налеты групп самолетов противника; а с получением разрешения приступила к действиям по его наземным объектам. Этого не было достигнуто в первые часы войны ни в одном другом западном военном округе.

ВВС Одесского военного округа действовали так, как предполагалось до войны. Воздушные бои проходили на равной основе без каких-либо преимуществ той и другой стороны.

Большое преимущество ВВС Одесского округа в самолетах не было реализовано, так как в боях не участвовала 45-я смешанная авиационная дивизия из-за большой глубины базирования, а также 4-й дальнебомбардировочный авиационный корпус. В то же время у противника очень

активно действовала немецкая авиация. В результате силы сторон в воздухе были примерно равные.

Анализ боев в воздухе 55-го и 67-го авиаполков показывает, что новый истребитель МиГ-3 и И-16 с пушечным вооружением действовали против немецких истребителей и бомбардировщиков в равной степени эффективно. Это обусловлено тем, что И-16 превосходил МиГ-3 в вооружении, а последний его в скорости.

§ 5. Боевые действия Дунайской военной флотилии

Дунайская военная флотилия сформирована в июне 1940 г. Командовал флотилией контр-адмирал Н. О. Абрамов, военным комиссаром был бригадный комиссар И. И. Кузнецов, начальником штаба — капитан 2 ранга В. В. Григорьев. В состав флотилии входили 5 мониторов, 22 бронекатера, 7 катеров-тральщиков, 6 вооруженных глассеров, 6 береговых батарей и авиационная эскадрилья, имевшая 16 истребителей И-153 бис.

Главной базой флотилии был Измаил. Недостатком дислокации флотилии было то, что противоположный берег Прута и Килийского гирла Дуная принадлежал противнику, что затрудняло, а порой исключало свободу плавания по ним боевых и других кораблей.

В состав румынской Дунайской речной флотилии входили 5 мониторов, 3 плавучие батареи, 13 сторожевых кораблей.

Организационно Дунайская военная флотилия входила в состав Черноморского флота, а оперативно подчинялась командиру 14-го стрелкового корпуса.

В два часа ночи 22 июня Дунайская военная флотилия по приказу Военного совета Черноморского флота была приведена в оперативную готовность номер один и изготовилась к отражению возможного нападения противника. В 4 часа 15 минут корабельная и береговая артиллерия Дунайской речной флотилии румын и сухопутных частей открыли огонь по Измаилу, Рени, Килии, Вилкову, их военным объектам и кораблям. Одновременно в нескольких местах подразделения румын на лодках, которые буксировали моторные катера по четыре штуки каждый, начали форсировать Дунай и высаживаться на берег. Началось форсирование и реки Прут.

По приказу контр-адмирала Абрамова корабли и бере-

говые батареи открыли ответный огонь. Затем подразделения Дунайской флотилии и Измаильского пограничного отряда во взаимодействии с частями 14-го стрелкового корпуса отбили все попытки противника форсировать Дунай и Прут.

Одновременно с артиллерийским обстрелом над Измаилом и в других местах появились самолеты противника и начали бомбить. В воздух поднялись летчики 96-й отдельной истребительной авиационной эскадрильи и вступили в бой. При отражении налета на Измаил было сбито пять вражеских самолетов. Два самолета сбил лейтенант М. С. Максимов, по одному командир эскадрильи капитан А. И. Коробицин, старший лейтенант Л. П. Борисов и лейтенант Н. В. Черкасов¹⁸².

Для обеспечения свободы действий кораблей флотилии, обстреливаемых с противоположного берега, контр-адмирал Абрамов решил провести десантную операцию по захвату плацдарма на южном берегу Килийского гирла напротив Измаила, а затем совместно с пограничниками и частями 14-го стрелкового корпуса перейти в наступление с целью его расширения.

Операция по захвату плацдарма началась 23 июня в 2 часа 30 минут ночи. В это время по врагу открыли огонь мониторы, а бронекатера с десантом пошли на прорыв. На вражеский берег одним из первых высадился младший политрук Я. К. Жуков. К исходу 24 июня при огневой поддержке кораблей пограничники и сухопутные войска расширили плацдарм по фронту до 40 км. Боевые действия по его расширению продолжались.

25 июня бомбардировщики авиации Черноморского флота в порядке содействия боевым действиям флотилии нанесли три бомбовых удара по батареям в Старой Килии. На рассвете следующего дня мониторы, береговые и полевые батареи произвели двадцатиминутную артподготовку места высадки десанта в Старой Килии, после чего первый эшелон десанта на катерах устремился к противоположному берегу, завязался жаркий бой. Через два часа враг был разгромлен, город Старая Килия взят.

К 26 июня Дунайская флотилия совместно с Измаильским пограничным отрядом овладела полуостровом Сатуллоу и высадила на правый берег Килийского гирла подразделения и части 25-й и 51-й стрелковых дивизий. В результате южный берег Килийского гирла Дуная от Измаила до Вилково оказался в руках светских войск, что

обеспечивало свободу судоходства по этому важному водному пути.

Плацдарм на территории врага имел протяженность по фронту 75 км и 4 км в глубину. Это был единственный участок местности, захваченный нашими войсками на территории врага на всем протяжении советско-германского фронта от Баренцева до Черного моря за период приграничных сражений. Но успех наших войск на южном участке огромного фронта не получил развития, хотя возможности для этого были.

Моряки Дунайской флотилии совместно с частями 14-го стрелкового корпуса почти месяц удерживали плацдарм на территории противника и только по приказу переправились на левый берег Дуная и начали отход совместно с войсками Южного фронта.

За храбрость и мужество, проявленные при проведении этой операции, кнтр-адмирал Н. О. Абрамов, командир авиационной эскадрильи капитан А. И. Коробицин и командир морского погранотряда капитан-лейтенант И. К. Кубышкин были награждены орденами.

§ 6. Итоги приграничного сражения

Одесский военный округ является одним из четырех западных приграничных военных округов, все дивизии первого эшелона которого 22 июня были своевременно приведены в полную боевую готовность с занятием подготовленных оборонительных рубежей на границе, а остальные вышли в районы сосредоточения в готовности к отражению вторжения противника. Враг не имел здесь такого преимущества как внезапность нападения. Поэтому ни на одном участке он не миновал границу без активного противодействия пограничников и сухопутных войск 9-й армии, в которую был преобразован округ. Авиации округа была своевременно рассредоточена, и немецко-румынские воздушные силы не смогли нанести ей серьезных потерь.

Проведенная мобилизация, чего не было в других трех округах, позволила пополнить соединения людьми до штатной численности.

Из приведенных данных видно, что в полосе 9-й армии не было тех факторов, которые на других трех фронтах являлись главными, определившими победу немецких войск, а именно: внезапности, недостаточной численности дивизий, поражения авиации в первые дни, находжде-

ния войск вдали от рубежей обороны на границе и разбросанности их по территории округа.

Советские и немецко-румынские войска вступили в сражение в равных условиях, но последние при равной численности личного состава после мобилизации и артиллерии, уступали советским по танкам в 13 раз и самолетам - в 2 раза. С поступлением в состав Южного фронта 16-го механизированного корпуса превосходство советских войск по танкам было двадцати кратным или подавляющим.

Подобная обстановка могла иметь место и на других участках советско-германского фронта от Балтийского моря до Восточных Карпат, если бы Сталин и наркомат обороны правильно руководили Вооруженными Силами и не допустили значительных просчетов в определении сроков начала войны.

Благоприятная обстановка в полосе действий Одесского военного округа сложилась вследствие «ошибки» генерала М. В. Захарова. Оказавшись вечером на командном пункте в Тирасполе, он получил от командующего войсками округа Я. Т. Черевиченко из Одессы сообщение о том, что скоро придет важная телеграмма из Москвы, по которой Военный совет уполномочивает его принять необходимые меры. Захаров посчитал, что дело идет к войне, и в 21 час 21 июня отдал командирам корпусов приказ: «1) штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов; 2) частям прикрытия занять свои районы.» Это был приказ о приведении войск округа в полную боевую готовность с занятием подготовленных оборонительных рубежей. Когда он через несколько часов получил расшифрованную телеграмму с приказом № 1, то увидел, что нарком обороны и начальник Генерального штаба запрещали выводить части из районов дислокации и занимать оборонительные рубежи у границы. Он горько по этому поводу переживал, но уже ничего не мог изменить, так как войска подходили к своим рубежам. Он не стал передавать приказы: остановить, вернуть. В результате войска во всеоружии встретили противника, и он повсюду был отбит, так как внезапности его нападения не было.

«Ошибка» генерала Захарова была очень большой. Мы это слово взяли в кавычки, так как его действия были единственно правильными. Но нарушение приказа ему дорого могло стоить, однако все обошлось благополучно, и мы получили уникальную возможность увидеть, как должно

было действовать Верховное Командование.

На единственном направлении боевые действия развивались благоприятно и Захаров после приграничного сражения, минуя многие промежуточные должности фронтового звена, был назначен начальником штаба главного командования Северо-Западного направления. На его место был назначен генерал-майор П. И. Бодин.

Таким образом, в полосе Одесского округа сложилась классическая обстановка, когда войска заблаговременно были приведены в полную боевую готовность, имели превосходство над противником в самолетах и особенно в танках и должны были в соответствии с доктриной вести боевые действия на территории противника. Однако этого не получилось.

Главными причинами того, что советские войска на южном направлении не достигли успеха, является пассивность командования 9-й армии, а также формирование в ходе приграничного сражения управлений Южного фронта и 18-й армии из личного состава тыловых округов. Им требовалось время для организации управления и знакомства с театром военных действий, своими войсками, противником.

Лишь на левом фланге 9-й армии успешно действовала Дунайская военная флотилия, которая совместно с пограничниками и сухопутными войсками захватила плацдарм на южном берегу Килийского гирла Дуная от Измаила до Вилково, протяженностью 75 км. Только здесь на всем советско-германском фронте советские войска вышли на территорию противника за время приграничных сражений, но этот успех не был развит.

Авиация округа ночью и на рассвете 22 июня была приведена в боевую готовность и принимала активное участие в отражении налетов самолетов противника и нанесении ударов по его войскам в местах сосредоточения и на марше, пунктам сопротивления и железнодорожным узлам. Противник не достиг внезапности и нес большие потери при налетах на аэродромы, города, железнодорожные узлы и военные объекты.

Успешному отражению налетов самолетов противника способствовала хорошая работа системы ВНОС, которая своевременно передавала данные об их полетах на командные пункты истребительных авиаполков. Это было обусловлено тем, что линия фронта была стабильной и все ее элементы функционировали как в условиях мирного

времени по отлаженной схеме. Преимущество округа над противником по авиации не было реализовано, так как 45-я смешанная авиадивизия из-за большой глубины базирования в боях практически не участвовала.

У противника особенно активно действовали немецкие авиационные части из состава 4-го воздушного флота. Силы сторон в воздухе были примерно равными, и воздушные бои проходили на равной основе.

Анализ воздушных боев 67-го и 55-го авиационных полков, вооруженных соответственно истребителями И-16 и новыми МиГ-3, показал их равную эффективность действий против немецких истребителей и бомбардировщиков. Это опровергает утверждение некоторых авторов о якобы значительном превосходстве немецких истребителей над советскими И-16, которых поэтому не следует принимать в расчет.

Требование приказа № 1 о рассредоточении авиации по полевым аэродромам ночью до рассвета не было выполнено и в Одесском военном округе, несмотря на то, что Захаров отдал Мичугину по этому вопросу письменное распоряжение. Это требование приказа, направленное, будто на спасение авиации, при точном его выполнении привело бы почти к полному ее уничтожению. Поэтому Мичугин категорически и возражал. Ведь не может летчик, не летавший ночью, произвести перелет на другой аэродром, а подготовленный к полетам — сесть на неосвещенную и обозначенную огнями полосу. В то время авиация была новым видом Вооруженных Сил, и не все руководители представляли ограничений в применении самолетов по погоде и времени суток.

Выход в Одесском военном округе был найден. Перелет на аэродромы рассредоточения был произведен не ночью, а на рассвете до начала действий немецкой дневной авиации, причем большая часть полков была переведена на полевые аэродромы заблаговременно для полетов в летний период.

Южный фронт, имея значительное превосходство над противником в танках и самолетах, не смог не только вести наступательных действий, а даже ликвидировать плацдарм противника на восточном берегу Прута в районе Скулян.

К концу приграничного сражения, как и в его начале, войска противоборствующих сторон разделяла государственная граница. Каждая из них имела по плацдарму на

территории другого государства и не достигла успеха на земле и в воздухе.

Командующий войсками Южного фронта генерал армии И. В. Тюленев по дезинформации немецких спецслужб, вопреки реальному положению дел, считал, что противник превосходит фронт по личному составу и танкам. Как бы в подтверждение этому немецко-румынские войска 2 июля перешли в наступление, а 5 июля командующий вместо принятия решения на разгром противника приказал 9-й и 18-й армиям отходить за реку Днестр на старую государственную границу. Видимых причин для этого не было. Очень уж просто, как на военной игре на картах, командующий принял решение на отход, который связан с потерей территории, нанесением морального ущерба войскам и населению, уничтожением складов, а также танков и самолетов, находящихся в ремонте.

В ходе наступления немецко-румынских войск, продолжавшегося с перерывами около полутора лет, 3-я и 4-я румынские армии дошли до Сталинграда, где были окружены, а их солдаты и офицеры погибли или взяты в плен. Отметим, что окружение армий Германии и ее союзников под Сталинградом было осуществлено при равенстве сил сторон. Полтора года потребовалось советскому военному командованию, в том числе и Верховному, чтобы научиться воевать в современных условиях. Немецкое командование к моменту нападения на СССР таким опытом располагало.

Глава пятая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

§ 1. Силы флота и ход боевых действий на море

Черноморский флот в летописи Великой Отечественной войны известен не только славными боевыми делами, но и тем, что с его главной базы - Севастополя раздалось и понеслось по стране и миру печальное слово «война». Именно здесь прозвучали первые взрывы, выстрелы и появились жертвы большой войны, которая затем продолжалась около четырех лет.

Командовал Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, членом Военного совета был дивизионный комиссар Н. М. Кулаков, начальником штаба - контр-адмирал И. Д. Елисеев, командующим ВВС - генерал-майор авиации Н. А. Остряков.

В состав Черноморского флота входили: линейный корабль «Парижская коммуна», 6 крейсеров, 3 лидера, 14 эскадренных миноносцев, 78 торпедных катеров, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 2 сторожевых корабля, 12 тральщиков, 24 малых охотников за подводными лодками, 47 подводных лодок, Военно-воздушные силы в составе 673 самолетов¹⁸³.

Одесская военно-морская база после главной Севастопольской была самой крупной на Черном море. Ее операционная зона простиралась от Тендры до устья Дуная. Она имела два пункта базирования кораблей: Одесса и Очаков. В ее состав входили все рода морских сил: вспомогательный крейсер, бригада морских катеров, два эсминца, дивизион канонерских лодок, малые охотники за подводными лодками, тральщики, подводные лодки, 17 батарей береговой артиллерии, расположенных от Очакова до устья Дуная, 4 бомбардировочные и разведывательная эскадрильи.

Германия своего флота на Черном море не имела и рассчитывала на румынский, в состав которого входили 4 эскадренных миноносца, 3 миноносца, подводная лодка, 3 торпедных катера, 3 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 12 переоборудованных тральщиков, 10 катеров-тральщиков и вспомогательные суда. Корабли

румьинского флота базировались на Констанцу и Сулину.

Черноморский флот по численности боевых кораблей и авиации значительно превосходил военно-морские силы противника.

Первым в сражение с немцами и их союзниками в начавшейся большой войне вступил Военно-Морской Флот. Рассмотрим, как это произошло.

Около 23 часов 21 июня наркому ВМФ СССР Н. Г. Кузнецову позвонил С. К. Тимошенко и сказал, что есть важные сведения и попросил зайти к нему. Наркоматы располагались по соседству и через несколько минут Н. Г. Кузнецов и сопровождавший его заместитель начальника Главного морского штаба контр-адмирал В. А. Алафузов поднимались на второй этаж небольшого особняка, где временно находился кабинет Народного Комиссара Обороны СССР С. К. Тимошенко.

«Маршал, — как вспоминает Н. Г. Кузнецов, — шагая по комнате, диктовал... Г. К. Жуков сидел за столом и что-то писал...

Семен Константинович, заметив нас, остановился. Коротко не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну.

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов...

Непосредственно флотов эта телеграмма не касалась. Пробежав текст телеграммы, я спросил:

— Разрешено ли в случае нападения врага применять оружие?

— Разрешено.

Поворачиваясь к контр-адмиралу Адафузову:

— Бегите в штаб и дайте немедленно указания флотам о полной фактической готовности, то есть о готовности номер один. Бегите!»¹⁸⁴

Вскоре на флоты и флотилии полетела телеграмма: «СФ, КВФ, ЧФ, ПВФ, ДВФ. Оперативная готовность № 1 немедленно. Кузнецов».

На прохождение телеграммы даже короткой требуется время. Поэтому Кузнецов, не задерживаясь у Тимошенко, направился в свой штаб и по телефону позвонил в штабы Северного, Краснознаменного Балтийского, Черноморского флотов, Пинской и Дунайской военных флотилий и дал указание о занятии оперативной готовности № 1.

Разговор Н. Г. Кузнецова с В. Ф. Трибуцом был кратким и закончился в 23 часа 35 минут 21 июня, и в

журнале боевых действий Балтийского флота появилась запись: «23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1». Следовательно, только две минуты потребовалось, чтобы на флоте приступили к подготовке отражения нападения врага. В этом проявилась большая значимость введения в Военно-Морском Флоте трехступенчатой системы боевой готовности, каждая из которых четко определяла действия личного состава.

Северный флот получил телеграмму о переходе на оперативную готовность № 1 в 0 часов 56 минут 22 июня и занял ее в 4 часа 25 минут.

Первыми вступили в бой с врагом черноморцы. Первый удар враг нанес по Севастополю - главной базе Черноморского флота и получил достойный отпор.

Севастополь - это прекрасный город на берегу Черного моря. Издавна он привлекал захватчиков своим удобным расположением. Автору довелось дважды побывать в нем в конце двадцатых годов и третий раз - через пятьдесят лет, то есть до и после войны. Прекрасному городу предстояло рухнуть под ударами артиллерии и авиации врага в годы войны. Нетронутым остался лишь памятник Затопленным кораблям у Графской пристани, а все остальное построено заново. Реставрирована и знаменитая панорама Ф. А. Рубо «Оборона Севастополя» во время Крымской войны, а пока он сверкал под лучами южного солнца.

Черноморский флот с 14 по 18 июня проводил учения совместно с частями Одесского военного округа в северо-западном районе моря и прилегающих участках побережья. По окончании учения корабли вернулись в Севастополь. Разбор учения был назначен на 23 июня.

21 июня начальник разведотдела принес члену военного совета флота дивизионному комиссару Н. М. Кулакову «запись открытой передачи английского радио, где говорилось, что нападение Германии на Советский Союз ожидается в ночь на 22 июня». Кулаков об этом немедленно по ВЧ сообщил И. В. Рогову и спросил, как это понимать. Тот ответил, что «о сообщении английского радио в Москве известно, необходимые меры принимаются»¹⁸⁵.

Флот находился в оперативной готовности № 2. Корабли стояли в бухте затемненные, Севастополь сверкал огнями, его улицы заполнили горожане и уволенные на берег моряки. На ночь в штабе остался начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал И. Д. Елисеев, не-

сколько больше месяца назначенный на эту должность.

Около часа ночи 22 июня в штабе флота раздался телефонный звонок, к аппарату подошел И. Д. Елисеев. Звонил адмирал Н. Г. Кузнецов, который дал указание флоту перейти в оперативную готовность № 1. Немедленно началось оповещение подчиненных сил и средств, в штаб вызвано командование флота, информированы об обстановке горком и горисполком Севастополя. Город погрузился в темноту.

В 1 час 03 мин. И. Д. Елисеев получил указанную выше телеграмму, подтвердившую распоряжение, полученное по телефону¹⁸⁶.

В 2 час 30 мин. Черноморский флот перешел на оперативную готовность № 1. Средства ПВО подготовились к бою.

Около 3 часов ночи от постов службы наблюдения и связи, а также ВНОС в районах Евпатории и мыса Сарыч поступили в штаб флота сообщения о том, что слышен гул неизвестных самолетов, следующих в направлении Севастополя. По этим данным штаб Береговой обороны подал сигнал воздушной тревоги, а начальник штаба флота отдал приказ об открытии огня по подходящим самолетам¹⁸⁷.

В 3 часа 13 мин. с запада над Северной бухтой появилось несколько неизвестных самолетов на небольшой высоте и стали сбрасывать объемные предметы на парашютах. С постов наблюдения и из частей докладывали в штаб флота, что это парашютисты.

В ночное небо взметнулись лучи прожекторов, одновременно зенитная артиллерия и зенитные пулеметы береговых батарей и с кораблей открыли интенсивный огонь. В лучах прожекторов, скрестившихся на пойманных самолетах, угадывались силуэты немецких двухмоторных бомбардировщиков. На освещенных самолетах сосредоточивала огонь зенитная артиллерия, к ним тянулись и светящиеся разноцветные трассы пуль зенитных пулеметов. Появились сбитые самолеты, в городе и бухте прогремели три одиночных взрыва. Видимо, сбрасываются парашютисты, но посланные подразделения на их поиск никого не обнаружили.

Налет вражеских самолетов продолжался тридцать минут. По нашим оценкам, с учетом характера действий немцев, в налете участвовало от 15 до 20 самолетов. Зенитчики сбили два самолета. Это большая удача, так как зенитные средства в то время не имели прицельных-

устройств для стрельбы по визуально не наблюдаемым воздушным целям. Истребители флота в отражении налета участия не принимали. Они поднялись в воздух, когда налет закончился для отражения повторных налетов, но их не последовало.

Утром было установлено, что немецкие самолеты сбрасывали не парашютистов, а морские мины, чтобы заминировать единственный фарватер для выхода кораблей Черноморского флота из Северной бухты в море. Этот удар позволял закупорить в главной базе флот или резко ограничить его деятельность. Такой вариант действий немецкой авиации соответствовал доктрине «молниеносной войны», с тем, чтобы не тратить силы на разгром флота, когда есть возможность получить его целым после капитуляции страны, или он будет уничтожен своими экипажами, как это имело уже место на Западе. Удар непосредственно по кораблям был менее целесообразен и потому, что требовал выделения самолетов для их освещения с воздуха, а это резко увеличивало потребный наряд сил. Для минометания по площади Северной бухты не требовалось ее освещения, так как она хорошо видна.

Все мины, сброшенные противником, кроме трех, опустились на воду и скрылись в глубине, ожидая подхода кораблей. Две мины опустились в городе и одна на мелководье около батареи № 13. У них сработали самоликвидаторы и прогремели три мощных взрыва. Ими были разрушен дом; повреждены школа, здание санатория и несущественно — памятник Затопленным кораблям. Имелись убитые и раненые. Так началась Великая Отечественная война и содрогнулась страна от ее первых ударов.

Главный ущерб немецкое командование ожидало от мин, спустившихся на бухту и скрывшихся в воде. Где они находились и сколько их никто не знал¹⁸⁸.

С пяти часов утра бригада охраны водного района главной базы приступила к тралению в Северной и Южной бухтах и встретила с неприятной неожиданностью: «обычные тралы, предназначенные для подсеки якорных мин, нигде ничего не обнаружили. А в конце дня там, где было очень тщательно проведено контрольное траление, внезапно подорвался и затонул портовый буксир»¹⁸⁹.

Стало ясно, что фашисты применили новые донные неконтактные мины с неизвестным принципом действия, и с ними нет средств борьбы. Положение оказалось весьма серьезным. Единственное, что можно было сделать, это

фиксировать визуально места приводнения мин и их обходить. Командующий флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский приказал срочно развернуть сеть постов противоминного наблюдения, чтобы определять места приводнения мин. Эти места обозначали вехами. В районе Севастополя эти посты вступили в действие 23 июня, а через три-четыре дня – во всех базах флота. За первые десять дней войны на минах, поставленных в первый день, так как приводнение других в дальнейшем обозначалось, подорвались указанный буксир «СТЗ-12», плавучий кран и эсминец «Быстрый». Таков был печальный результат первого налета. Эсминец не затонул, так как его командир капитан 2 ранга С. М. Сергеев сумел посадить корабль на отмель, откуда после заделки пробоин он был отведен в док на ремонт. Но в строй не вернулся.

Описывая эти события, адмирал Н. Г. Кузнецов приукрашивает действительность. Он в мемуарах пишет, что 22 июня «Воздушный налет на Севастополь был отражен», а фактически все немецкие самолеты выполнили свою задачу. И далее: «Гитлеровцы хотели заблокировать Черноморский флот, поставив на фарватере самые современные (в тот период) электромагнитные мины. Однако им не удалось это сделать...»¹⁹⁰ Приведенные данные свидетельствуют, что немцы фарватер заминировали и с тяжелыми последствиями для флота. Результаты действия мин определяются не на момент их постановки, что делает Н. Г. Кузнецов, а за определенный период, который не закончился даже с войной. Одна из этих мин сработала 29 октября 1955 г. в бухте Севастополя под днищем линкора «Новороссийск», который вскоре перевернулся и затонул.

Флот к борьбе с электромагнитными минами был неподготовлен. Это вынужден признать Н. Г. Кузнецов, который пишет: «Теоретически мы ожидали этого, а практически к борьбе с вражескими минами не подготовились»¹⁹¹. Это было большим упущением наркомата флота.

Бытующее в военно-исторической литературе мнение, что своевременное доведение до флотов и флотилий команды о переходе на оперативную готовность номер один позволило избежать потерь в первый день войны, которые имели место в других видах Вооруженных Сил, не соответствует действительности. Потери в Севастополе от первого удара немецкой авиации были и значительные. Других потерь не было не из-за степени готовности, а потому, что противник в соответствии с планом «Барба-

росса» не наносил больше ударов по объектам на море.

В период приграничных сражений Черноморский флот также вел ограниченные боевые действия на море. При этом выполнялись постановки минных заграждений, подводные лодки несли боевое дежурство, наносились удары.

Главным объектом ударов надводных кораблей и авиации флота была Констанца — главная военно-морская база Румынии и порт, через который осуществлялся вывоз нефти для Германии и ее союзников.

По указанию Верховного командования для удара по Констанце были созданы ударная группа кораблей и группа поддержки. В ударную группу под командованием капитана 2 ранга М. Ф. Романова вошли лидеры «Харьков» и «Москва», а в группу поддержки — крейсер «Ворошилов» и эскадренные миноносцы «Сообразительный» и «Смышленный» под общим командованием контр-адмирала Т. А. Новикова.

Ударная группа кораблей вышла из Севастополя вечером 25 июня, а через два с половиной часа — группа поддержки. Переход морем они совершили без помех со стороны противника. В 5 часов утра 26 июня лидеры ударной группы с дальности около 24 км открыли огонь по нефтехранилищам и составам на железнодорожной станции. Обстрел продолжался 10 минут, за это время было выпущено 350 снарядов калибра 130-мм. В районах ударов возникли многочисленные пожары.

Противник открыл ответный артиллерийский огонь. Немецкая 280-мм береговая батарея «Тирпиц», о нахождении которой здесь не было известно, накрыла лидер «Москва» и командир ударной группы дал сигнал об отходе под прикрытием дымовой завесы. Лидеры отходили зигзагами для уклонения от огня береговых батарей. Когда корабли подходили к границе минного поля лидер «Москва» подорвался на mine, разломился и быстро затонул. Командир лидера «Харьков» капитан 2 ранга П. А. Мельников пытался оказать помощь экипажу погибшего корабля, но сам подвергся удару авиации и береговой артиллерии врага, получил повреждение котла, снизил ход до 6 узлов, что грозило ему гибелью, и ушел в сторону Севастополя.

Экипаж лидера «Москва» в количестве 60 человек вместе с контуженым командиром капитан-лейтенантом А. Б. Туховым подобрали румынские катера, и они оказались в плену.

Так неудачно закончился рейд кораблей флота к бере-

гам Румынии. Боевая задача удара по Констанце была выполнена, но дорогой ценой.

§ 2. Боевые действия в воздухе

В состав Военно-воздушных сил Черноморского флота входили истребительная и бомбардировочные авиационные бригады, отдельный разведывательный авиационный полк и 10 отдельных эскадрилий. В них насчитывалось 673 самолета, в том числе 362 истребителя, 145 бомбардировщиков, 166 разведчиков.

С первого дня войны авиация флота включилась в боевые действия, при этом особенно эффективно их вела эскадрилья Дунайской военной флотилии. В отражении первого налета немецких самолетов на Севастополь истребители не принимали участия, так как в одной зоне ночью с зенитной артиллерией они не могли действовать. С прекращением огня зенитной артиллерией они были подняты в воздух и барражировали над бухтой для предотвращения повторных налетов.

В ходе боевых действий истребительная авиация прикрывала от ударов с воздуха базы и корабли в море, разведчики выполняли полеты для вскрытия действий флота противника.

Бомбардировочная авиация флота в ночь на 23 июня совершила первый налет на Констанцу. В налете участвовало шесть самолетов СВ и ДБ-Зф 63-й бомбардировочной авиационной бригады. Бомбы, сброшенные на баки с нефтью, вызвали взрывы и большие пожары. В течение дня 23 июня бомбардировщики совершили еще три налета на Констанцу и два на Сулину — порт в устье Дуная¹⁹².

Эти удары вызвали беспокойство у немецкого командования, и генерал Гальдер записал в дневнике: «Налеты авиации противника на Констанцу усиливаются. Германские истребительные эскадрильи стянуты на защиту нефтепромыслов»¹⁹³.

Авиация флота бомбила также позиции артиллерии и войска противника в районах Галац, Тульча, Исакча, поддерживала действия подразделений и частей Дунайской флотилии и 9-й армии по расширению и удержанию плацдарма на южном берегу Килийского гирла Дуная.

РАЗДЕЛ 3

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ

Глава шестая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В БЕЛОРУССИИ

§1. Силы и средства сторон, начало сражения

Государственную границу в пределах Белоруссии от Копцово на границе с Литвой до Влодавы на границе с Украиной прикрывали войска Западного особого военного округа. Протяженность этой границы 470 км. Командовал войсками округа генерал армии Д. Г. Павлов, членом Военного совета был корпусной комиссар А. Ф. Фомин, начальником штаба — генерал-майор В. Е. Климовских. 22 июня округ был переименован в Западный фронт.

Большая часть государственной границы с Генерал-губернаторством и Восточной Пруссией проходила по Белостокской дуге, вытянутой в западном направлении. Образованный ею Белостокский выступ глубоко вдавался в территорию сопредельного государства и был удобен для проведения наступательных операций. Это соответствовало господствовавшим взглядам о ведении войны на чужой территории, и он был насыщен войсками в большей степени, чем другие участки границы. Для обороны этот выступ был не выгоден, так как позволял противнику ударам под основание окружить находящиеся в нем войска.

В состав войск Западного особого военного округа входили 3,4-я и 10-я армии прикрытия границы, резервное управление 13-й армии, восемь укрепленных районов (61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68); соединения окружного подчинения, Военно-воздушные силы.

Армии прикрытия границы составляли первый эшелон войск округа, а соединения окружного подчинения — второй. В подчинении округа находились: 2-й стрелковый

(100, 161-я стрелковые дивизии), 21-й стрелковый (17, 37-я стрелковые дивизии), 44-й стрелковый (64, 108-я стрелковые дивизии), 47-й стрелковый (55, 121, 143-я стрелковые дивизии), 17-й механизированный (27, 36-я танковые, 209-я моторизованная дивизии), 20-й механизированный (26, 38-я танковые, 210-я моторизованная дивизии), 4-й воздушно-десантный (7, 8, 214-я воздушно-десантные бригады) корпуса, 50-я стрелковая дивизия, 7-я и 8-я артиллерийские противотанковые бригады РКГ.

Бронетанковые войска округа включали шесть механизированных корпусов, четыре из которых 6, 11, 13, 14-й были приданы армиям прикрытия, а два — 17-й и 20-й находились в распоряжении округа. Последние два корпуса начали формироваться весной 1941 г. и имели 17-й 36, а 20-й 93 танка или от 3,5 до 9 проц. от штатной численности, то есть они еще не были механизированными корпусами, а от стрелковых отличались только тем, что не имели положенных им артиллерии, стрелкового вооружения и транспорта. Всего в механизированных корпусах округа насчитывалось 2201 танк, из них 383 новых типов.

В связи с недостаточной укомплектованностью механизированных корпусов танками и особенно 17-го и 20-го, начальник Главного автобронетанкового управления предложил для повышения их боеспособности вооружить танковые полки противотанковой артиллерией, которой было достаточно на складах вооружения, но это предложение не было принято¹⁹⁴. В результате, например, две танковые дивизии 17-го механизированного корпуса при встрече с моторизованными корпусами противника практически не имели средств борьбы с танками и пехотой, были не боеспособными.

В первые дни войны необходимое 17-му и 20-му корпусам артиллерийское и стрелковое вооружение могло быть подвезено со складов, которые вскоре были взорваны или оставлены противнику, но это не было сделано из-за недостатков управления.

4-й воздушно-десантный корпус трехбригадного состава начал формироваться в районе населенного пункта Птич в конце апреля 1941 г. и к началу войны имел невысокий уровень сколоченности.

На стыке Западного и Киевского военных округов базировалась Пинская военная флотилия, которой командовал контр-адмирал Д. Д. Рогачев. Флотилия оперативно подчинялась командующему 4-й армией. В ее состав вхо-

дили: 7 мониторов, 15 бронекатеров, 4 канонерские лодки, 4 тральщика, 8 сторожевых кораблей, 10 катеров. Главной базой флотилии был город Пинск.

Военно-воздушные силы округа включали армейскую и войсковую авиации, входившие в состав армий прикрытия, и фронтовую авиацию окружного подчинения. В армии прикрытия входили 9,10,11-я смешанные авиационные дивизии и 7 корпусных авиаэскадрилий. В окружном подчинении находились 12,13-я бомбардировочные и 43-я истребительная авиационные дивизии; 313,314-й отдельные разведывательные авиационные полки, одна корпусная авиаэскадрилья. Всего в ВВС округа насчитывалось 1789 самолетов. Округу оперативно был подчинен 3-й дальнебомбардировочный авиационный корпус, в котором имелось 295 самолетов. С учетом этого корпуса в Западном особом военном округе насчитывалось 2084 самолета. Командовал ВВС округа генерал-майор авиации И. И. Копец, а 3-м авиакорпусом – полковник Н. С. Скрипко.

В Западном округе на новой и старой государственных границах имелись мощные оборонительные сооружения, какие были еще в Киевском округе, так как он находился на московском стратегическом направлении.

На новой государственной границе в округе имелось четыре укрепленных района: 68 (Гродненский), протяженностью 80км; 66 (Осовецкий), протяженностью 90км; 64 (Замбровский), протяженностью 100 км; 62 (Брестский), протяженностью 180 км. Общая длина укрепленных районов, вытянувшихся вдоль границы, составляла 450 км, и между ними имелись большие разрывы. Кроме того, эти укрепленные районы не были еще полностью построены и вооружены. К июню 1941 г. из 1174 долговременных огневых сооружений было построено 505, а вооружено лишь 193. Такое малое количество боеготовых долговременных узлов обороны и опорных пунктов, составлявших основу укрепленных районов, не позволяло эффективно их использовать, а наличие больших разрывов между боеготовыми сооружениями позволяло противнику их обходить. Вместе с тем боеготовые сооружения укрепленных районов при занятии их гарнизонами придавали обороне отдельных участков границы устойчивость и непреодолимость.

На южной части границы условия для ее обороны были особенно благоприятны, так как она проходила по реке Западный Буг, форсировать которую для вторжения на территорию СССР представляло определенную сложность.

Постоянными гарнизонами укрепленных районов являлись: Гродненского — два отдельных пулеметно-артиллерийских батальона, Осовецкого — один, Замбровского — два, Брестского — три.

На удалении 200—300 км от первой линии УРов вдоль старой государственной границы располагались еще четыре укрепленных района, которые были законсервированы и в основном со снятым вооружением. Это 61 (Полоцкий), протяженностью 56 км, 63 (Минский), протяженностью 110 км; 67 (Слуцкий), протяженностью 60 км, 65 (Мозырьский), протяженностью 90 км. Постоянными гарнизонами УРов были: Полоцкого — один пулеметно-артиллерийский батальон, Минского — два, Мозырьского — один, в Слуцком гарнизона не было.

На строительстве укрепленных районов и полевых позиций для сухопутных войск у новой государственной границы работали специальные части, все саперные батальоны стрелковых корпусов и дивизий, а также по батальону от каждого полка дивизий первого эшелона. Работы не прекращались до начала войны и эти саперные и стрелковые батальоны не могли соединиться со своими соединениями и частями, что снизило их боеспособность.

Всего в составе войск Западного особого военного округа имелось 44 дивизии, в их числе 24 стрелковые, 12 танковые, 6 моторизованных, две кавалерийские; 3 воздушно-десантные бригады. Личного состава насчитывалось 671,9 тыс. человек, орудий и минометов (без 50-мм минометов) — 10 087, танков 2690 и самолетов 2084.

Развертывание войск Западного округа осуществлялось по плану прикрытия государственной границы, который 11 июня был направлен в Генеральный штаб на утверждение.

В соответствии с этим планом первый эшелон войск округа составляли 3, 4, 10-я армии прикрытия границы, а второй эшелон — соединения окружного подчинения, часть которых с началом войны были включены в состав 13-й армии.

Государственную границу в полосе Западного особого военного округа охраняли отряды Белорусского пограничного округа: 86-й (Августовский), 87-й (Ломжский), 88-й (Шепетовский) и 17-й (Брестский). Они имели около 9000 человек личного состава.

Штаб Западного округа находился в Минске. Командный пункт его фронтового управления был оборудован в Обуз-Лесна.

Московское направление верховное командование Германии считало главным и развернуло на нем свою самую мощную группу армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок. Это направление по кратчайшему расстоянию выводило к Москве. В этом направлении наступал в 1812 г. и Наполеон.

Группа армий «Центр» действовала в полосе от Голдапа до Влодавы, которая перекрывала полосу действий Западного военного округа и захватывала частично полосу Прибалтийского. На третий день войны соединения, действовавшие в полосе Прибалтийского округа, входили в полосу Западного и в дальнейшем в ней вели боевые действия. С учетом этих особенностей рассмотрим положение войск сторон в исходном положении и ход приграничного сражения.

В состав группы армий «Центр» входила 51 дивизия, в их числе 31 пехотная, 8 танковых, 6 моторизованных, две СС, три охранные, одна кавалерийская и один полк. Личного состава насчитывалось 1456 тыс. человек, 10 763 орудия и миномета (без 50-мм), 1967 танков, 1679 самолетов.

В полосе действий войск Западного округа от Влодавы до Остроленки была развернута 4-я армия генерал-полковника Г. фон Клюге и 2-я танковая группа генерал-полковника Г. Гудериана. От Остроленки до Копцово располагались главные силы 9-й армии генерал-полковника А. Штрауса. В полосе Прибалтийского округа от Копцово до Голдапа действовали 161-я пехотная дивизия, 5-й и 6-й армейские корпуса 9-й армии и 3-я танковая группа генерал-полковника Г. Гота.

Группу армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, которым командовал генерал-фельдмаршал А. фон Кессельринг. В состав флота входили 2-й и 8-й авиационные корпуса. 2-й авиационный корпус поддерживал 4-ю армию и 2-ю танковую группу, а 8-й – 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Следовательно, в полосе Западного округа действовали 2-й авиационный корпус и до половины 8-го, а в отдельные периоды – вся авиация группы армий «Центр».

Состав сил и средств Западного особого военного округа и войск группы армий «Центр», действовавших в его полосе, по состоянию на 22 июня показан в таблице¹⁹⁵.

Из таблицы видно, что противник имел на 5 дивизий меньше, а превосходил советские войска по численности

личного состава на 80 проц., так как его соединения были полностью укомплектованы, а советские находились на положении мирного времени и пополнение личным составом и транспортом должны были получить по мобилизации, но она ничего не дала из-за скоротечности боевых действий и объявления ее на день позже возможного. При проведении мобилизации противник не имел бы численного превосходства, что давало ему большое преимущество при ведении боевых действий.

При примерно равном количестве орудий и минометов (без 50-мм минометов) советские войска имели в 2 раза больше танковых и мотострелковых дивизий, а также превосходили противника по количеству танков в 2,8 раза и самолетам от 1,2 до 1,9 раза в зависимости от варианта их применения. То есть войска округа были более моторизованы и насыщены танками и самолетами. Устаревших образцов боевой техники у сторон было примерно равное количество.

Силы и средства	Советские войска	Противник	Соотношение сил и средств
Дивизии:	44,7	39,5	1,1:1
-пехотные, стр.	24	30,5	1:1,3
-танковые	12	5	2,4:1
-мотострелковые	6	3	2:1
-кавалерийские	2	1	2:1
Личный состав, тыс. человек:	671,9	1191	1:1,8
Орудия и мином.:			
-в полосе ЗапОВО	10087	8363	1,2:1
-всего	10087	10763	1:1,1
Танки:			
-в полосе ЗапОВО	2690	953	2,8:1
-всего	2690	1967	1,4:1
Самолеты:			
-в полосе ЗапОВО	2084	1079	1,9:1
-всего	2084	1679	1,2:1

В полосе Прибалтийского особого военного округа из состава группы армий «Центр» действовало 12 дивизий, в том числе 5 пехотных, 4 танковые и 3 моторизованные. В их составе насчитывалось около 265 тыс. человек личного состава и 1014 танков. Реально эти силы вошли в по-

лосу Западного фронта на третий день войны, а фельдмаршал Бок мог их повернуть и в первый день. Тогда бы соотношение сил и средств в полосе Западного фронта составило: по количеству личного состав 1:2,1 в пользу противника, а по танкам 1,4:1 и самолетам 1,2:1 в пользу советских войск. Следовательно, даже при этом неблагоприятном варианте действий противника превосходство по новым средствам вооруженной борьбы: танкам и самолетам было на стороне советских войск.

Группа армий «Центр» в соответствии с замыслом немецкого командования, используя охватывающее положение своих войск, наносила из районов Бреста и Сувалок два главных удара по сходящимся направлениям на Минск и два вспомогательных удара на Белосток. Это обеспечивало окружение между Минском и Белостоком главных сил Западного фронта.

Для реализации этого замысла в районах Сувалок и Бреста были созданы две мощные группировки войск для ударов на Минск. Сувалковская группировка включала в свой состав 3-ю танковую группу, 5-й и 6-й армейские корпуса и 161-ю пехотную дивизию, а Брестская — 2-ю танковую группу, 12-й армейский корпус и 265-ю пехотную дивизию. Направление ударов этих группировок совпадало с шоссейными дорогами Вильнюс—Минск и Брест—Минск, что позволяло им быстро продвигаться к Минску.

Вспомогательные удары из тех же районов на Белосток наносили: с севера — 20-й и частично 42-й армейские корпуса, а с юго-запада — 7-й и 8-й армейские корпуса.

Полевые армии имели задачу, используя успех танковых групп, замкнуть кольцо окружения и уничтожить в нем оставшиеся советские войска.

Было величайшим риском, имея почти в три раза меньше танков и в два раза самолетов, планировать глубокую наступательную операцию с целью окружения на громадном пространстве Белоруссии войск Западного фронта. Но немецкое командование пошло на это. При этом кажущийся авантюризм их плана базировался на точном расчете и использовании нового метода массированного применения всех имеющихся войск без выделения резерва, что и определило успех. Советское командование Западного фронта не было готово к таким действиям врага и планировало вести боевые действия по канонам 1 мировой войны, когда бои были начаты малыми силами с постепенным их наращиванием. Опыт войн Германии против Польши, а так

же Франции и Англии не учитывался.

Немецкое командование знало о большом преимуществе советских войск в танках и приняло меры к насыщению своих соединений, особенно пехотных, противотанковой артиллерией и противотанковыми ружьями. Истребительно-противотанковый дивизион пехотной дивизии стал моторизованным, что повысило его маневренность. К июню 1941 г. в немецких сухопутных войсках имелось 1047 50-мм и 14,5 тыс. 37-мм противотанковых пушек, 25,3 тыс. противотанковых ружей калибра 7,92-мм с пробиваемостью брони 20 мм и 183 тяжелых противотанковых ружья калибра 28-мм, пробивавших броню до 40 мм. Кроме того, на вооружении имелись чешские противотанковые пушки 37 и 47-мм. Для лишения советских танковых и моторизованных дивизий маневренности и применения вооружения немецкая авиация с началом боевых действий уничтожила все известные немецкому командованию склады горючего и боеприпасов, что имело очень важное значение.

Для достижения целей операции немецкое командование создало рациональные группировки войск и построило их в целесообразные боевые порядки. Этим оно обеспечило благоприятные условия для ведения наступательной операции в высоком темпе, в чем проявилось его военное искусство и опыт ведения современных войн.

На московском стратегическом направлении немецкое верховное командование решило реализовать теорию «блицкрига» или молниеносной войны, которая принесла громкие победы на Западе. На первый план при этом выдвигались внезапность, разлагающие морально-политические диверсии и новые методы применения войск, о которых Маршал Советского Союза М. В. Захаров пишет следующее:

«При сосредоточении и действии крупных группировок на главных направлениях наступления отвергалась необходимость иметь достаточно сильные резервы. Массированное применение танков и авиации мыслилось без серьезной поддержки общевойсковыми соединениями. Глубокие танковые удары, наносившиеся с целью окружения противника, не обеспечивались другими родами войск, и поэтому танковые соединения часто были представлены самим себе... При слабом, политически неустойчивом противнике это приносило успех»¹⁹⁶.

Эти методы принесли успех противнику и, на московском направлении, хотя считалось, что в войне с силь-

ным государством они не применимы.

Как Верховное советское командование и командование Западного фронта предполагало отражать вторжение войск Германии на московском стратегическом направлении? При ответе на этот вопрос отметим три момента.

Во-первых, Западный особый военный округ (фронт), как показано выше имел достаточно сил и средств для успешного ведения не только оборонительных, но и наступательных боевых действий.

Во-вторых, И. В. Сталин считал, что немецкое командование в соответствии со стратегией кружных путей главный удар будет наносить не на московском, а киевском направлении и, добившись успеха на Украине, повернет войска на Москву. Немецкое же командование решило двигаться на Москву по кратчайшему пути. В соответствии с этим мнением Сталина главная группировка войск была сосредоточена на Украине, но это не имело рокового значения, так как и на московском направлении было достаточно сил и средств.

Своего ошибочного мнения Сталин придерживался и в начале войны, поэтому 22 июня направил начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова представителем Ставки не на Западный, а Юго-Западный фронт. Предвидение событий, которым он гордился, на этот раз его подвело и не оставило в истории благоприятного следа.

В-третьих, действия войск Западного фронта в начале войны были отработаны на оперативно-стратегической военной игре в январе 1941 г., в которой участвовал весь руководящий состав западных и других военных округов. Руководил военной игрой нарком обороны С. К. Тимошенко, помощником его был начальник Генерального штаба К. А. Мерецков. Проводилась игра в Генеральном штабе, который разработал и все материалы для ее проведения.

Ход и исход каждой военной игры, из-за отсутствия реального противника, определяется ее руководством и отражает систему установившихся взглядов на ход вооруженной борьбы на данный момент. Поэтому в ходе игры обучаемым прививаются как положительные, так и отрицательные навыки. Чего было больше на январской игре трудно сказать. Игра привила вредные навыки сдачи без военной необходимости городов и территорий, отступления в надежде, что подойдут главные сила и враг будет разбит, а такие силы, как увидим, реально отсутство-

вали. Игра на картах дала также неправильные представления и о характере действий противника по опыту войн на Западе.

На январской военной игре командующим Северо-Восточным фронтом «западных», под которыми понималась Германия, выступал командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Г. К. Жуков, а противостоящим ему Северо-Западным фронтом «восточных» командовал генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов, в своей реальной должности. Это для него было очень важно, но имело и отрицательные последствия, так как он действия и решения на игре применял в реальной обстановке, которая не соответствовала игровой.

Это видно из следующего. «Западные» начинали боевые действия первыми 15 июля и наносили «главные удары из районов Сувалки и Брест-Литовск на Барановичи»¹⁹⁷. Взяли они Барановичи 15 августа. Все это не оправдалось, но укрепились в сознании Павлова и Климовских, на что они ориентировались.

Реально в ходе войны противник взял Барановичи на 4 день боевых действий, а не 30, как на игре. В результате была не та война, которую ожидали. За месяц к району боев можно было подтянуть новые силы, изменить план действий, а за 2-4 дня этого сделать нельзя.

Особенно опасным навыком, привитым обучаемым, было то, что главный удар немецкие войска наносили не на Барановичи, а на Минск. И если направление наступления немецких войск от Бреста вначале совпадало с направлением на Минск и было прикрыто войсками округа, то путь от Вильнюса на Минск по отличной шоссейной дороге был открыт.

Командование округа, ориентируясь на игру, не ожидало, что немецкие танковые и моторизованные дивизии двинутся по этому шоссе от Вильнюса на Минск, поэтому даже в начале войны сняло с него 24-ю стрелковую дивизию, которая надежно его седлала.

Павлов, считавшийся специалистом в применении танков и даже советским Гудерианом, не смог определить направления главного удара 3-й танковой группы Гота или не решался отступить от того направления, которое определил на игре Жуков, ставший к этому времени начальником Генерального штаба, с которым солидаризировался нарком обороны. В связи с этим все наличные силы он стягивал в район Лиды, где должно было проходить

направление главного удара противника от Сувалок на Барановичи. На прикрытие Лиды по реке Дзитва была развернута 8-я артиллерийская противотанковая бригада РГК, которая оказалась в стороне от путей движения танков противника и в отличие от таких же бригад соседних фронтов не реализовала своей боевой мощи. Прорывы командования в оценке возможных действий противника дорого стоили подчиненным и стране.

Войска Западного особого военного округа были построены в два оперативных эшелона: первый — армии прикрытия границы, а второй — соединения окружного подчинения. Эти эшелоны отстояли друг от друга на таком большом расстоянии, что первый эшелон не мог отступить под защиту второго, а второй — прийти на помощь первому и функций резерва не выполнял. В результате эти эшелоны представляли собой обособленные группы войск, которые противник мог громить по частям, имея каждый раз большое превосходство в силах и средствах, в то время как против войск всего Западного округа имел небольшое превосходство в пехоте и уступал им существенно в танках и самолетах.

Если бы противник построил войска как округ, то не имел бы успеха. Но у него не было второго эшелона, а следовательно, и деления войск на две группы. Вся наличная масса войск наступала в одном оперативном эшелоне, а поэтому появилось такое большое его превосходство, которое обнаруживается даже при первом взгляде на схему исходного положения войск перед началом войны, где массе немецких дивизий противостоят лишь не столько советских. Исходное построение советских войск было нерациональным. Вместе с тем Западный округ имел громадное превосходство над противником по танкам, и при их правильном применении имелась возможность вести боевые действия на территории противника, но этому не суждено было осуществиться.

Группировка сил Западного округа, как видно из схемы, была создана для проведения наступательной операции. Поэтому 10-я армия, располагавшаяся в Белостокском выступе, удобном для развития наступления на Варшаву, имела в своем составе больше сил, чем 3-я и 4-я армии вместе взятые, исключая авиацию. Вместе с тем эти армии оказались на направлениях главных ударов противника.

Аналогично сухопутным войскам и авиация округа была

максимально приближена к границе, чтобы принять активное участие в наступательной операции, а так как пришлось обороняться, то ее положение оказалось не соответствующим обстановке. Приближение авиации к границе позволило противнику нанести ей непоправимый урон в первые часы войны.

В первом эшелоне войск Западного округа, включавшем 3,4,10-ю армии, имелось 27 дивизий и две бригады, из них 10 стрелковых дивизий входили в состав первого эшелона, а остальные соединения - во второй.

Стрелковые дивизии первого эшелона армий прикрытия в угрожаемый период или с началом войны должны были развернуться вдоль границы на заранее подготовленных позициях и совместно с гарнизонами четырех укрепленных районов ее защищать.

Во втором эшелоне армий прикрытия границы находились 17 дивизий, в том числе 12 танковых и моторизованных, три стрелковые, две кавалерийские и две бригады. Задача этого эшелона состояла в уничтожении вклинившегося противника и нанесении контрударов.

Во втором эшелоне (резерве) Западного военного округа имелось 15 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных и три воздушно-десантные бригады. Эти дивизии находились от границы на удалении до 300 км и своим ходом, делая 30-35 км в сутки, не могли успеть на помощь войскам армий прикрытия в ходе приграничного сражения, даже если бы двинулись в путь с началом войны, а такое решение принимается через несколько суток после начала сражения.

Немецкое командование для вторжения в первом эшелоне развернуло на границе 30 дивизии против 10 советских, соотношение сил по дивизиям 3:1. Это по всей границе, что позволило немцам иметь на участках главных ударов, до пяти дивизий против одной советской. Такое превосходство немецкое командование создало, имея меньше дивизий, а это уже военное искусство. К этому нужно добавить, что отобилизованная немецкая дивизия в среднем имела личного состава в 1,8 раза больше советской. Поэтому на отдельных участках превосходство немцев было десятикратным, а для надежной обороны допускается трехкратное превосходство противника. Причем немецкие дивизии были построены в целесообразные боевые порядки, а советские действовали разобщенно, неполным составом сил, в случайных местах,

без устойчивой связи и поддержки с воздуха.

Немецкие войска имели подавляющее превосходство над советскими дивизиями первого эшелона не только на направлениях главных ударов, а на всем протяжении границы Белостокского выступа и прилегающих районов. Это позволило им одновременно перейти в наступление на всем протяжении государственной границы и вести его весьма успешно, так как почти трехкратное превосходство в танках советское командование реализовать не сумело, а преимущество в авиации было ликвидировано немцами в первый день войны. При этом немецкая авиация захватила господство в воздухе и активно поддерживала свои войска.

Успеху немецких войск, внезапно вторгнувшимся огромной массой на территорию Белоруссии, способствовало и то, что войска Западного особого военного округа находились на положении мирного времени, дислоцировались в военных городках и летних лагерях вдали от границы и занимались боевой подготовкой. Государственная граница была открыта для немецких войск, так как охранялась лишь редкими нарядами пограничников. В округе не проводилось никаких мероприятий по повышению боевой готовности армий прикрытия границы. Все делалось так, будто сосредоточения немецких войск на границе, о чем было известно, не происходит. Командование округа строго выполняло указания сверху, чтобы не спровоцировать немцев на выступление. При этом руководствовалось указаниями ТАСС, что войны в ближайшее время не будет, и соблюдало олимпийское спокойствие перед лицом грозной опасности.

В соответствии с директивой Генерального штаба от 15 июня 1941 г. командование округа приняло решение о выдвигении соединений резерва, дислоцирующихся на большом удалении от границы (до 400 км), на новые передовые рубежи обороны, создаваемые вдоль старой границы на предполагаемых направлениях главных ударов противника. В соответствии с этим решением 64-я и 108-я стрелковые дивизии 44-го стрелкового корпуса из Смоленска по железной дороге следовали в укрепленный район западнее Минска, а 161-я стрелковая дивизия 2-го стрелкового корпуса — в район севернее города. В район Слонима на рубеж реки Щара комбинированным маршем следовали 55, 121, 143-я стрелковые дивизии 47-го стрелкового корпуса, управление которого временно осталось в

Бобруйске, а также 155-я стрелковая дивизия. 17-я и 37-я стрелковые дивизии 21-го стрелкового корпуса выводились в район Лиды, а 50-я стрелковая дивизия из Полоцка — в район Гайновки. На рубеж Минск-Слуцк выводились 26, 38-я танковые и 210-я моторизованная дивизия 20-го механизированного корпуса.

Эти большие перемещения войск в глубине обороны с занятием позиций свидетельствовало о том, что внезапности нападения врага в оперативно-стратегическом плане для командования округа не было.

Перемещения войск на новые позиции производилось поэтапно, медленно и до начала войны большинство дивизий передислокацию не завершили. Управление 47-го стрелкового корпуса не успело прибыть к своим дивизиям даже до подхода к ним немцев, и сражались они самостоятельно, действия их не были согласованы.

Порядок передислокации покажем на примере 37-й стрелковой дивизии. 17 июня командир корпуса генерал-майор Ф. Д. Рубцов, командир дивизии полковник А. Е. Чахарин и начальник штаба дивизии Г. В. Ревуненков были вызваны в штаб округа, где им была поставлена задача о передислокации 37-й стрелковой дивизии в полевой лагерь под Лиду. Для выполнения этой задачи два полка из Лепеля выступали в назначенный район походным порядком, а остальные части и штаб дивизии следовали из Витебска эшелонами по железной дороге. В 12 часов 22 июня на станции Бодунов командование дивизии узнало о начале войны. Части дивизии находились в пути, где неизвестно, связи с ними не было.

Во втором эшелоне войск округа, непосредственно подчиненного командующему, находилось 15 дивизий, в том числе 9 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные и 3 воздушно-десантные бригады. Если учесть, что танковые дивизии 17-го мехкорпуса из-за малого количества танков практически не отличались от стрелковых, то во втором эшелоне или резерве округа (фронта) имелось 11 стрелковых, 2 слабые танковые, 2 моторизованные дивизии и 3 воздушно-десантные бригады, то есть в основном стрелковые войска.

После передислокации войска второго эшелона были размещены следующим образом. Минск обороняли две дивизии с севера и две с запада. Южнее Дзержинска на линии Минск-Слуцк располагались три дивизии 20-го механизированного корпуса. В результате по старой государст-

венной границе был создан тыловой рубеж обороны. 21-й стрелковый корпус перекрывал рубеж Молодечно—Лида, где по опыту войн на Западе, по шоссе на дорогах могли прорываться к Минску моторизованные корпуса врага. Шоссе на Минск и Бобруйск блокировали шесть дивизий в районе Слоним—Барановичи и одна у Слуцка. В глубине располагались бригады 4-го воздушно-десантного корпуса.

Недостатком расположения войск второго эшелона (резерва) округа являлось большое удаление от первого эшелона и его соединения, обладая малой маневренностью, не могли прийти к нему на помощь. В результате образовались две обособленные группы войск весьма слабые против всей группы армий «Центр», которая с ними последовательно сражалась, имея большое превосходство.

Развернув войска на основных путях движения танковых групп врага, командование округа не приняло мер по выводу из строя шоссе и мостов для снижения скорости их движения, не предусмотрело использование для борьбы с танками противотанковых мин, которых в округе имелось около 100 тыс., но они находились на складах. Минирование дорог и подрыв мостов начали применяться только после приграничных сражений. В результате Гот уже 13 июля донес Гитлеру:

«Если противник будет применять минирование дорог и мостов в тех же масштабах... то преимущество в скорости, которое обеспечивает мотор, сведется на нет»¹⁹⁸.

Но это было только потом, а в начале войны командование округа и армий не обратили на это внимания, что недопустимо.

Положение Западного округа было осложнено тем, что являясь главным, он по воле Сталина, считался второстепенным и не получил на усиление перед войной ни одной дивизии, в то время как Юго-Западному округу была передана 16-я армия и в его полосе размещена 19-я. Эти армии с началом войны начали перемещаться в полосу действий Западного фронта, а это требует большого времени, поэтому в приграничном сражении они не участвовали.

Войска первого эшелона округа или армии прикрытия границы не были приведены в полную боевую готовность и отмобилизованы, находились в местах постоянной дислокации и летних лагерях на удалении 10–50 км от своих участков обороны. Особенно в неблагоприятном положении

находились 6-я и 42-я стрелковые дивизии 4-й армии, которые дислоцировались в Брестской крепости у границы, выход из которой противник мог блокировать с началом войны артиллерией и не выпустить их из каменного мешка, улучшив этим соотношение сил по пехоте в свою пользу. При этом граница, которую они должны были защищать, оказалась бы открытой. На эту роковую опасность для двух дивизий и 4-й армии в целом командование не реагировало.

Несмотря на тревожную обстановку перед войной и сообщения агентурной разведки о концентрации немецких войск на границе и подготовке к вторжению, командование округа пунктуально выполняло планы боевой подготовки. Оно организовывало и проводило сборы подразделений и частей различных родов войск.

«Накануне войны в нашей армии, — пишет воевавший здесь генерал армии К. Н. Галицкий, — существовала не совсем удачная система обучения частей в летний период. Стрелковые дивизии рассредоточивались, их части обучались отдельно по родам войск в так называемых специализированных лагерях, находившихся, как правило, на большом расстоянии один от другого. В одном из них вели боевую подготовку артиллерийские полки всех или большей части дивизий округа, в другом — зенитные дивизионы, в третьем — инженерные части и т. д. Отдельные лагеря были для стрелковых, танковых войск. Возможно, обучение частей от этого и выигрывало, но **на боевую готовность дивизий такой порядок, безусловно, влиял отрицательно** (выделено нами. — В. С.)¹⁹⁹.

В угрожаемый период командование округа, проводившее сосредоточение войск из глубины ближе к границе, не отменило намеченные планы сборов, не перенесло сроки их проведения и не ограничило количество участников, что было в его власти. Поэтому накануне войны на окружных сборах находились саперы, артиллеристы, зенитчики.

Самым недопустимым и опасным было то, что на окружном полигоне в районе Крупки (115 км восточнее Минска) для совершенствования в стрельбе по воздушным целям «были сосредоточены зенитные дивизионы всех дивизий Западного особого военного округа»²⁰⁰.

С началом войны зенитные дивизионы не имели возможности вернуться в дивизии 3, 4, 10, 13-й армий, а это не что иное, как лишение этих армий зенитных средств. Не

вернулись зенитные дивизионы даже во многие дивизии окружного подчинения. Большею услуги для немецкой авиации сделать было невозможно. В результате при атаке советских войск немецкие летчики не имели никакого противодействия, что порождало у красноармейцев и командиров самолетобоязнь.

Организовал указанные сборы полевой и зенитной артиллерии за Минском по плану боевой подготовки начальник артиллерии округа генерал-лейтенант артиллерии Н. А. Клич.

На решение о снятии зенитной артиллерии с боевого дежурства и увод ее на полигон, и создание ослабленного первого эшелона войск округа оказал влияние отрицательный опыт 1 мировой войны, когда от ее начала до развертывания активных боевых действий проходило до 15 суток. За это время можно было всех участников сборов вернуть в свои соединения. Сказался и опыт боев на реке Халхин-Гол и войны с Финляндией, когда месячные перерывы в боевых действиях позволяли подтянуть необходимые силы, разработать новые планы операций. На внезапное нападение врага и «молниеносную войну» окружной план прикрытия границы не был рассчитан.

§ 2. Начало приграничного сражения

Обстановка на границе осложнялась, на ней сосредоточивались немецкие войска. Об этом в штаб округа поступали данные от агентуры, пограничников и командиров передовых частей. Для уточнения обстановки в середине последней предвоенной недели по заданию командующего ВВС округа командир 43-й истребительной авиационной дивизии генерал Г. Н. Захаров на самолете У-2 пролетел вдоль границы Белостокской дуги на нашей территории около 400 км. Он увидел, что районы у границы на той стороне забиты немецкими войсками, готовыми к вторжению. Эти важные данные он доложил командующему войсками округа.

«Слушая, генерал армии Д. Г. Павлов, – вспоминает Захаров, – поглядывал на меня так, словно видел впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяло слово «преувеличивать» на «паниковать» – он явно не принял до конца всего того, что я гово-

рил»²⁰¹.

Положение у границы на нашей территории не изменилось. 10 советских дивизий первого эшелона армий прикрытия продолжали находиться в местах постоянной дислокации и лагерях. В предполье, укрепленных районах и у границы войск не было.

Через несколько дней, в связи с обострением обстановки, командующий Военно-воздушными силами округа генерал-майор авиации И. И. Копец с вновь назначенным своим заместителем полковником Н. Ф. Науменко, как вспоминает последний²⁰², пришли к недоступному и властному командующему округом и попросили:

– Разрешите рассредоточить авиацию по запасным аэродромам.

– Недальновидные вы люди, – ответил Павлов. – Нельзя давать никаких поводов для провокаций! Выполняйте как лучше мои указания по подготовке к учению. Займитесь настоящим делом!

Павлов не отрицал целесообразности рассредоточения авиации, но указания наркома «не спровоцировать» и «старания» Г. К. Жукова по наказанию за подобные самовольные действия, не позволили ему санкционировать предложения командования ВВС округа. Приказ наркома от 19 июня о рассредоточении самолетов на аэродромах и в парках танков и артиллерии, а также проведении маскировочных работ с целью повышения их живучести еще не дошел до округа. Поэтому самолеты, танки, артиллерия так и продолжали стоять по-парадному плотными рядами, что позволило немецкой авиации и артиллерии с началом войны уничтожать их в больших количествах.

На воскресенье 22 июня на Брестском полигоне было назначено опытное учение, на котором приказано было присутствовать командирам всех соединений и частей. Учение начиналось в 8 часов утра. Поэтому с началом войны в войсках не было бы командиров. Но учение накануне вечером было отменено. Это улучшило, но не исправило положение, так как кому ехать было далеко, выехали до этого времени и неизвестно, где они встретили войну.

На рассвете 22 июня 1941 г. началась война. Условия вступления Западного фронта в войну характеризует следующая запись в его журнале боевых действий, сделанная в этот день:

«Около часа ночи из Москвы была получена шифровка с

приказом (а не директивой как указывается во многих трудах. — В. С.) о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии.

Примерно в 2–2.30 аналогичное приказание было сделано шифром армиям, частям УР, им предписывалось немедленно занять УРы. По сигналу «Гроза» вводился в действие «Красный пакет», содержащий в себе план прикрытия границы.

Шифровка штаба округа штабами армий были получены, как оказалось, слишком поздно. 3-я и 4-я армии успели расшифровать приказание и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала предупреждение уже после начала боевых действий»²⁰³.

В соответствии с упомянутым выше приказом наркома обороны № 1 в боевую готовность приводились все части и соединения без изменения положения мест дислокации, и только постоянным гарнизонам укрепленных районов разрешалось занять огневые позиции, но и они не успели этого сделать до начала боевых действий.

Немецкая артиллерия в 4 часа утра, когда еще не рассеялись сумерки, открыла огонь по советской территории, нанося удары по оборонительным рубежам, заставам и штабам комендатур пограничников, а также войскам, положение которых было известно. В 5 часов, по завершении артиллерийской подготовки, войска Германии перешли государственную границу, смяли наряды пограничников, быстро миновали не занятые войсками укрепленные районы и полевые оборонительные позиции сухопутных войск и стали продвигаться вперед, не встречая какого-либо сопротивления. Лишь в районе Брестской крепости и некоторых других местах враг встретил упорное сопротивление стрелковых частей и пограничников.

Для уничтожения застав и штабов комендатур противник выделял от взвода до батальона пехоты, которые действовали в отдельных случаях при поддержке артиллерии и танков. Силы были не равные и пограничники с боем отходили на соединение со стрелковыми войсками. Отдельные заставы сражались с врагом до 12–13 часов дня, а резервная застава и подразделения штаба 2-й комендатуры Августовского пограничного отряда сдерживали натиск немецких войск до 21 часа; пограничники 10-й заставы Брестского отряда вели бой четверо суток.

С началом артиллерийской подготовки границу миновали группы авиации противника и нанесли удары по аэродромам и городам: Бресту, Гродно, Волковыску, Лиде. На аэродромах удар был нанесен по самолетам, стоящим длинными плотными рядами крыло к крылу. Поэтому с загоранием одного самолета вспыхивали соседние, и огонь быстро распространялся по стоянкам, чему способствовали взрывы бензиновых баков. За короткий срок на земле было уничтожено большое число самолетов. В результате повторных налетов авиации противника потери возросли.

В воздух на отражение вторгнувшегося воздушного противника были подняты дежурные истребители, а затем другие самолеты по мере готовности и в районах Бреста, Гродно и над некоторыми аэродромами развернулись жаркие воздушные бои. Потери на земле сказались на ответных действиях авиации Западного фронта, которые не носили планового и целеустремленного характера. Инициатива постепенно переходила к противнику, и он вскоре захватил господство в воздухе, чему способствовало отсутствие зенитной артиллерии в войсках и на аэродромах.

Нанесенный врагом неожиданный удар огромной силы и продвижение его ударных группировок в глубь страны не смутили наших войск. Части и соединения, поднятые по боевой тревоге, двинулись в сторону границы к назначенным им рубежам обороны и вступали в бой с врагом там, где с ним встречались. Вдоль границы развернулись встречные бои.

Характер боевых действий 4-й и 9-й немецких армий в первые часы раскрыт в следующем донесении начальника штаба группы армий «Центр» в генеральный штаб сухопутных войск в 8 часов утра:

«4-я армия:

1. Наступление развивается успешно. Противник оказывает в основном слабое сопротивление. Создается впечатление, что он застигнут врасплох.

Мосты через р. Буг: овладели мостами под Кодень, железнодорожным мостом под Брестом и мостом Фронолов.

К 6.00 передовые наступающие части продвинулись в основном на глубину от 4 до 5 км восточнее р. Буг. Занят Дрогичин. В Бресте, прежде всего в крепости, сопротивление усиливается. Все корпуса ведут наводку мостов.

2. Внезапность используется усилением натиска.
3. Действия вражеской авиации пока слабое. Сбит один наш самолет-разведчик.

9-я армия:

1. Наступление началось планомерно и по всему фронту развивается успешно. 800 полк «Осназ», введенный в бой до начала наступления на Августов, получил отпор.

2. Общее впечатление о противнике: на всем протяжении фронта сопротивление пока слабое»²⁰⁴.

Из донесения видно, что боев на границе, к чему готовился противник, не произошло, так как дивизии, выделенные для ее прикрытия, находились в местах дислокации и лагерях. Сопротивление врагу нарастало по мере приведения их в боевую готовность и выдвигения к границе. Но участок границы, выделенный для прикрытия 6-й и 42-й стрелковым дивизиям, блокированным противником в Брестской крепости, протяженностью 60 км, остался открытым, и ударная группировка под командованием Гудериана беспрепятственно продвигалась в глубь Белоруссии до середины дня. Такого не было нигде. Как это произошло, рассмотрим ниже.

С началом боевых действий активизировалась вражеская агентура, заблаговременно заброшенная на территорию округа. Диверсанты иногда были одеты в форму командиров и бойцов Красной Армии, пограничников и милиционеров и их трудно было разоблачить. Они скрывались в лесах и населенных пунктах. Диверсанты имели задачу нарушать связь, взрывать склады, уничтожать командиров и политработников, делегатов связи, распространять ложные слухи о продвижении немецких войск, высадке воздушных десантов. Поэтому о воздушных десантах больше говорилось, чем их было на самом деле.

Связь, как важнейший элемент управления войсками, организована была в округе очень слабо, в прочем, как и в других округах. Главный упор делался на использование проводных средств Наркомата связи. Звонить нужно абоненту в войсках из штаба округа и наоборот приходилось через многочисленные коммутаторы, имеющими низкую пропускную способность. Поэтому установить связь даже в условиях мирного времени было чрезвычайно сложно. При этом переговоры прерывались по паролю «Воздух» для передачи данных о полетах самолетов от постов ВНОС на командные пункты.

Автор после войны проходил стажировку в должности заместителя командующего 26-й воздушной армией Белорусского военного округа в Минске, пользовался этими средствами связи и должен сказать, что требовалось порой несколько часов, чтобы дозвониться до нужного должностного лица полка или дивизии.

В ходе войны условия применения проводной связи для управления войсками усложнялись уничтожением диверсантами линий связи, а авиацией ее узлов. При этом связь прекращалась на неопределенное время.

Для восстановления линий связи требовались строительные материалы, а их запас в округе мог удовлетворить лишь 10-20 проц. потребностей фронтовой операции начального периода войны²⁰⁵.

Связь могла осуществляться так же с использованием радиосредств, но их применение ограничивалось малым количеством аппаратуры и недостаточным освоением ее работниками штабов вследствие сложности кодирования и декодирования сообщений. Войска округа были обеспечены армейскими и аэродромными радиостанциями на 26 проц., корпусными и дивизионными – на 7, полковыми – на 41, батальонными – на 58 и ротными – на 50. Из этих данных видно, что особенно мало было радиостанций в авиации и высших штабах от дивизии до округа²⁰⁶. Вследствие неудовлетворительной работы проводных-и радиосредств связи приказы не доходили своевременно до подчиненных, а последние не могли доложить командованию обстановку и свои действия. Поэтому управление осуществлялось преимущественно с использованием делегатов связи, которое при больших расстояниях между штабами армий и фронта было совершенно неэффективно из-за большой продолжительности доставки данных и гибели делегатов в пути от авиации и диверсантов. Штаб округа находился в Минске. От него до штабов армий было 250-300 км, а до дивизий у границы – 400. Управлять войсками на таком удалении очень сложно. Даже Гитлер имел свою ставку «Волчье логово» у Растенбурга ближе к границе, чем штаб генерала Павлова. 19 июня Военный совет Западного округа получил указание из Москвы выделить полевое управление Западного фронта и вывести его на полевой командный пункт, который заранее был подготовлен в Обуз-Лесна. Но это указание почему-то не было выполнено. С объявлением боевой тревоги штаб из Минска переехал в Красное урочище у города, что не

приблизило его к войскам, но повысило защищенность от ударов авиации противника.

Историческая справка. Из Минска в 1920 г. также управлял войсками Западного фронта, которые вели бои под Варшавой, командующий М. Н. Тухачевский. В результате прекращения связи в критический момент войска не получали приказов и были разбиты. Павлов не знал этого, так как труды Тухачевского и где упоминалось его имя, после осуждения и расстрела, были изъяты из обращения. Посмотрим, какое будет управление в этой войне.

Вследствие действий диверсантов и авиации противника связь штаба округа со штабами всех армий в 4 часа 30 мин. 22 июня прекратилась, а с ней и управление войсками. В этих условиях генерал Д. Г. Павлов начал собираться для убытия из штаба к линии фронта, но против этого выступил его заместитель генерал-лейтенант И. В. Болдин, который сообщил о намерениях командующего наркомом обороны, который запретил выезд. Для установления связи и управления войсками у границы в 10-ю армию вскоре вылетел на двух самолетах СБ И. В. Болдин с двумя командирами штаба и адъютантом. Это показывает насколько неудачно и на недопустимо большом удалении от войск находился штаб Западного фронта.

На разборе с руководящим составом командно-штабного учения на местности Московского военного округа летом 1958 г., на котором присутствовал автор, Маршал Советского Союза К. С. Москаленко отметил недопустимость большого отрыва командных пунктов от войск, так как это приводит к потере управления и сказал: «Семен Константинович Тимошенко пусть возьмет на себя большую часть ответственности за неудачное начало Великой Отечественной войны, в том числе и по расположению пунктов управления».

Все округа выполнили требование о выводе управлений фронтов на полевые командные пункты, кроме Западного. Причем даже его положение в Обуз-Лесна (у Барановичей) было выбрано на очень большом удалении от границы.

Вскоре после отлета Болдина засобирались и уехал из штаба неизвестно куда на автомашине генерал Павлов. Поздно вечером Н. Ф. Ватутин сообщил по телефону Г. К. Жукову, находившемуся на Юго-Западном фронте, что «Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами Кузнецовым и Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов

не знают, где в данный момент находятся их командующие»²⁰⁷.

В первый день войны, когда нужно было весь свой опыт и знания, а также авторитет использовать для отпора врагу командующие двух важнейших фронтов отсутствовали в своих штабах, и не принимали участия в управлении подчиненными войсками. Кузнецов отсутствовал в штабе с утра и не поставил начальника штаба в известность, где он находится, что недопустимо. Предположительно он не знал о начале войны. Павлов же был в штабе, знал о тяжелом положении войск и, уехав неизвестно куда, самоустранился от выполнения своих обязанностей. Под вечер его разыскал мотоциклист, так как из-за удаленности линии фронта, он в район боев не поехал и находился поблизости от Минска. Мотоциклист вручил Павлову записку начальника штаба фронта, в которой было сказано, что нарком обороны просит его вернуться в штаб. Когда он прибыл в штаб, то встретил Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, прилетевшего на самолете ему на помощь, в которой он не особенно нуждался, так как и для себя не видел работы. Вскоре для оказания ему помощи дополнительно прибыл Маршал Советского Союза Г. И. Кулик.

Прибытие двух маршалов не привело к изменению обстановки. Связь с армиями была неустойчивой или отсутствовала, войска продолжали отступать, в штабе фронта не имели точных данных об их положении и характере боевых действий.

Еще меньшими данными располагал Генеральный штаб. К исходу первого дня войны противник продвинулся в некоторых местах до 35 км, а на отдельных участках и более. В сводке же Генерального штаба говорилось, что продвижение врага незначительное, а «с подходом передовых частей Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»²⁰⁸.

С учетом этих неточных данных о положении на фронте в наркомате обороны был разработан приказ № 3, в котором Северо-Западному и Западному фронтам ставилась задача за 23 и 24 июня концентрическими сосредоточенными ударами «окружить и уничтожить сувалковскую группировку противника». Замысел прост, заманчив, эффектен, так как оба фронта имеют мощные танковые группировки и значительные силы авиации. Но то, что Западный фронт

потерял значительные силы авиации в Генеральном штабе не знали и поставили задачу:

«в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мех[анизированных] корпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалковской группировке противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки...»

Приказ предусматривал выход механизированных корпусов на территорию противника, но его требование ни один из фронтов не выполнил, войска не только не вышли в назначенный район и не уничтожили противника, а даже не приблизились к государственной границе и сами терпели поражение.

После войны Г. К. Жуков об этом приказе, под которым стояла его подпись, напишет:

«В сложившейся обстановке к исходу 22 июня единственно правильным могли быть только удары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника»²⁰⁹.

С этим следует согласиться. Обстановка, как увидим, не обеспечивала нанесения контрударов.

Приказ № 3 наркома обороны был получен на исходе первого дня войны, а утром должно было начаться наступление. Поэтому в штабе фронта быстро было разработано распоряжение по выполнению поставленной задачи и, воспользовавшись установлением связи с 10-й армией, генерал Павлов передал его Болдину. С его содержанием по созданию конно-механизированной группы и ее действиях познакомимся позже.

Маршал Г. И. Кулик считал себя специалистом в области боевого применения артиллерии, поэтому на следующий день убыл в 10-ю армию, где намечалось нанесение контрудара. Больше он в штабе фронта не появлялся, а через три дня никто не знал, где он находится.

Одним из важных элементов, определяющих успех действий войск, является компетентность руководства. В связи с этим оценим уровень подготовки командования противоборствующих группировок войск.

Командующий войсками Западного особого военного округа (фронта) генерал армии Д. Г. Павлов по опыту работы был танкистом, что четко определяло его звание, которое он имел за пять месяцев до начала войны — генерал-полковник танковых войск. Он участник 1 мировой

и гражданской войн. В 1928 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Затем командовал кавалерийским полком, механизированной бригадой. Участник войны в Испании, где командовал танковой бригадой и был советником в республиканской армии по применению танковых и механизированных войск. По возвращении в 1937 г. Героем Советского Союза был назначен начальником Автобронетанкового управления РККА и членом Главного военного совета. Участвовал в советско-финляндской войне. В 1940 г. назначен командующим войсками Белорусского особого военного округа, который 11 июля того же года переименован в Западный особый военный округ.

Из приведенных данных видно, что Павлов не имел опыта, чтобы командовать войсками крупнейшего военного округа, а во время войны – фронта. Поэтому с началом войны Сталин и направил к нему на помощь двух маршалов, но было поздно, положения войск уже было не изменить, а следовательно, и результата боевых действий.

Военно-воздушными силами Западного округа командовал генерал-майор авиации И. И. Копец. Он в 1929 г. окончил Качинское летное училище, а в 1935 г. – курсы усовершенствования. В следующем году командиром звена убыл в Испанию, где некоторое время командовал группой летчиков-истребителей. По возвращении в 1937 г. Героем Советского Союза в звании старшего лейтенанта сразу был произведен в полковники и, минуя не менее четырех должностей, никогда не командуя полком и дивизией, назначен заместителем командующего ВВС Ленинградского военного округа. Участвовал в войне с Финляндией, после чего в возрасте 34 лет назначен командующим ВВС Западного особого военного округа.

Личные успехи Копца в воздушных боях не давали права на такое продвижение по службе, так как для исполнения обязанностей на высоких должностях он не имел ни знаний, ни опыта. Это было следствием репрессий и неправильной кадровой политики, переоценивавшей опыт войны в Испании. В ходе Великой Отечественной войны этого уже не было. Даже трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин, воевавший с первого дня войны, закончил ее полковником, командиром дивизии.

В мирных условиях И. И. Копец еще справлялся с обязанностями и за несколько дней до начала войны продемонстрировал генералу армии К. А. Мерецкову действия авиации по тревоге. Недостатки руководства и неподго-

товленность командующего вскрывает только война, когда из-за его неподготовленности гибнут подчиненные, а порой и он сам.

Теперь рассмотрим подготовку и опыт командующих войск Германии.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок участник 1 мировой войны. В войне с Польшей имел звание генерал-полковника и командовал группой армий «Север», в которую, как и на Восточном фронте, входила 4-я армия генерала артиллерии фон Клюге. Опыт и сработанность имеют большое значение. Во время войны с Францией командовал группой армий «Б». В обеих войнах достиг выдающихся успехов и удостоен звания фельдмаршала.

Генерал-полковники Г. Гудериан и Г. Гот - командующие двумя танковыми группами являлись участниками 1 мировой войны, в войнах с Польшей и Францией командовали танковыми соединениями. Гудериан был признанным теоретиком применения танковых войск.

Командующий 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал А. фон Кессельринг успешно командовал этим воздушным флотом в войне с Францией, а затем в воздушной войне с Англией. С этим флотом прибыл на Восточный фронт для участия в войне против Светского Союз. Он имел большой опыт руководства подчиненными корпусами при ведении боевых действий в современной войне.

Из сравнения командующих войсками и авиацией противостоящих группировок видно явное преимущество противника по опыту успешного ведения боевых действий в современных условиях и руководству подчиненными войсками. Противопоставить Гудериану и Готу с советской стороны некого, так как подобных формирований в то время в Красной Армии не было.

Боевые действия в Белоруссии с началом войны развернулись одновременно в полосах действий всех трех армий прикрытия границы, в которые вскоре включилась и вновь сформированная 13-я армия. Бои шли на земле и в воздухе, быстро смещаясь на восток.

§ 3. Боевые действия 3-й армии

3-я армия прикрывала государственную границу на правом фланге округа от Копцово до Щучина в полосе 120 км. Командовал армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов.

цов, членом Военного совета был армейский комиссар 2 ранга Н. И. Бирюков, начальником штаба – генерал-майор А. К. Кондратьев. В ее состав входили 4-й стрелковый (27, 56, 85-я стрелковые дивизии) и 11-й механизированный (29, 33-я танковые и 204-я моторизованная дивизии) корпуса, 24-я стрелковая дивизия, 8-я артиллерийская противотанковая бригада РК, 68-й (Гродненский) укрепленный район и 11-я смешанная авиационная дивизия. Штаб армии дислоцировался в Гродно.

В первом эшелоне 3-й армии находился 4-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор Е. А. Егоров. 56-я стрелковая дивизия корпуса, которой командовал генерал-майор С. П. Сахнов, прикрывала границу на правом фланге армии и располагалась перед войной в районе Поречье, Сопоткин и Августовском лесу. Рубеж ее обороны был оборудован у границы и включал Гродненский укрепленный район. От Августова до Щучина границу прикрывала 27-я Омская дважды Краснознаменная стрелковая дивизия генерал-майора А. М. Степанова. 85-я стрелковая дивизия генерал-майора А. В. Бондаревского находилась во втором эшелоне корпуса и дислоцировалась в районе Гродно, Новы-Двур²¹⁰.

Во втором эшелоне 3-й армии находился 11-й механизированный корпус, которым командовал генерал-майор танковых войск Д. К. Мостовенко, его заместителем по политической части был полковой комиссар А. П. Андреев. В корпусе насчитывалось 305 танков, в их числе 242 легких БТ-5, БТ-7, Т-26; 19 легких огнеметных, 34 средних Т-34 и 10 тяжелых КВ²¹¹.

Наиболее боеспособной в корпусе была 29-я танковая дивизия полковника Н. П. Студнева. В ней имелось около 200 легких танков, а также 22 Т-34 и 6 КВ. Дислоцировалась она в районе Гродно.

33-я танковая дивизия полковника М. Ф. Панова и 204-я моторизованная полковника А. М. Пирогова находились в стадии формирования и имели в своем составе 77 танков. 33-я танковая дивизия дислоцировалась в 40 км от района предстоящих боевых действий, а 204-я моторизованная и штаб корпуса – в Волковыске.

В резерве 3-й армии находились 24-я стрелковая дивизия генерал-майора К. Н. Галицкого, дислоцировавшаяся глубоко в тылу в районе Молодечно, Сморгонь, Воложин и 8-я артиллерийская противотанковая бригада РК полковника И. С. Стрельбицкого – в районе Ружанисток.

Оборонительные сооружения 68-го укрепленного района должны были занять 9-й и 10-й отдельные артиллерийско-пулеметные батальоны, дислоцировавшиеся соответственно в Сопоткине и Липске.

11-я смешанная авиационная дивизия полковника П. Я. Ганичева имела в своем составе три истребительные и один бомбардировочный авиационные полки.

Несмотря на тревожную обстановку, командование округа не отменило сборов артиллерии. В результате этого в момент начала войны зенитная артиллерия 3-й армии оказалась на окружном полигоне восточнее Минска, и войска не имели средств для защиты от ударов немецкой авиации. Командование округа не должно было разрешать начальнику артиллерии проводить сборы с уводом из войск всей зенитной артиллерии и фактическим их разоружением от нападений самолетов врага.

В район Лиды в полосу 3-й армии выдвигался находившийся в резерве округа 21-й стрелковый корпус генерал-майора В. Б. Борисова, заместителем которого по политической части был бригадный комиссар В. П. Соломин. В состав корпуса входили 17, 37-я и 50-я стрелковые дивизии. К началу войны в район Лиды прибыли командир корпуса с оперативной группой и подходили части 17-й стрелковой дивизии генерал-майора Т. К. Вацанова. 50-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. П. Евдокимова, совершавшая марш из Полоцка в район Сморгонь, Крево, была в районе Дуниловичи. 37-я стрелковая дивизия полковника А. Е. Чехарина, следовавшая из Лепеля и Витебска, находилась в пути, в район Лиды прибыли ее головные части²¹².

В первой половине июня 1941 г. командование 3-й армии разработало план прикрытия государственной границы. В соответствии с этим пленом 56-я и 27-я стрелковые дивизии по боевой тревоге и наличии разрешения должны были занять подготовленные оборонительные позиции у границы; 85-я стрелковая дивизия и 11-й механизированный корпус — выйти из лагерей и казарм и сосредоточиться в районах дислокации. Затем в случае необходимости они выдвигались и сосредоточивались в районе Домброва. Наступательными действиями им предстояло ликвидировать возможное вторжение врага и восстановить положение на границе. Задачи на наступление они должны были получить по достижении районов сосредоточения, ориентировочно к исходу первого дня войны. 24-я дивизи-

зия и 8-я бригада по тревоге рассредоточивались и действовали по полученным указаниям.

На строительстве оборонительных сооружений у границы находились по одному батальону от каждого полка стрелковых дивизий первого и второго эшелонов.

Война застала войска 3-й армии в группировке довоенного времени, занимающихся боевой подготовкой, артиллерия ряда дивизий находилась на специальных артиллерийских сборах на полигонах. «Несмотря на то, что война назревала и войска к ней непрерывно готовились, время начала наступления немецко-фашистских войск явилось в тактическом отношении достаточно внезапным...»²¹³

Противник в полосе действий 3-й армии развернул три армейских корпуса 8, 20, 42-й из состава 9-й армии генерал-полковника Штрауса. Он имел 8 дивизий против 7 советских и превосходил их по численности личного состава в два раза. В первом эшелоне он поставил 7 дивизий против 2 советских и создал 5-7 кратное превосходство, что обеспечивало переход в наступление, успешный прорыв приграничных оборонительных линий и развитие успеха в глубине обороны.

8-й армейский (8,28,161-я пехотные дивизии) корпус, усиленный 14 дивизионами крупнокалиберной артиллерии, имел задачу прорвать приграничные оборонительные позиции и Гродненский укрепленный район, овладеть Гродно и развивать наступление на Лиду, Новогрудок. 20-й армейский (162,256-я пехотные дивизии) и 42-й армейский (87,129-я пехотные дивизии) корпуса наносили удар на Белосток и должны были совместно с 9-м армейским корпусом 4-й армии Клюге замкнуть с запада кольцо окружения советских войск между Белостоком и Минском.

Советские войска имели абсолютное превосходство над противником по танкам, так как немецкие армейские корпуса танков не имели, поэтому двум танковым и одной моторизованной дивизиям противник ничего не мог противопоставить. Это обеспечивало нанесение эффективных контрударов по прорвавшемуся противнику и его разгром. Положение улучшалось тем, что на второй день войны в полосе 3-й армии на Гродно контрудар наносила конномеханизированная группа Болдина, в составе двух танковых, механизированной и кавалерийской дивизий 10-й армии, которой содействовал 21-й резервный стрелковый корпус. Состав советских войск с большим числом танковых и моторизованных дивизий обеспечивал разгром про-

тивника на этом направлении, что вызывало беспокойство у верховного немецкого командования, а как будут развиваться боевые действия, увидим ниже.

Поздно ночью 21 июня генерал-лейтенант В. И. Кузнецов прибыл в штаб, его вызвал по телефону ВЧ командующий округом Д. Г. Павлов и дал указание находиться у аппарата в ожидании особо важного распоряжения. Командующий армией тут же вызвал в штаб весь командный и начальствующий состав полевого управления и политического отдела.

Около 2 часов утра 22 июня В. И. Кузнецов получил по ВЧ от командующего войсками округа короткий приказ: поднять все войска по боевой тревоге, частям укрепленного района немедленно занять долговременные огневые точки, по сигналу «Гроза» ввести в действие «Красный пакет», содержащий план прикрытия государственной границы и действия войск по нему. Павлов также сказал, что, возможно, немцы готовят провокацию²¹⁴.

Работники штаба немедленно приступили к передаче сигнала боевой тревоги командирам корпусов, дивизий и авиации. Однако диверсанты ночью на десятках километров повалили столбы и нарушили проводную связь. Поэтому сигнал тревоги в штабы 11-го механизированного корпуса, 11-й смешанной авиационной дивизии и многие другие передать не удалось. Приходится сожалеть, что штаб армии не использовал делегатов связи для доведения сигнала тревоги, особенно до авиации, что повлекло тяжелые последствия.

Артиллерийским полкам и зенитным дивизионам, находящимся на окружных сборах, были посланы приказания о немедленном возвращении, но было поздно, вернуться в свои соединения они не успели.

В 2 часа 25 минут из Минска начал поступать в штаб армии приказ № 1 наркома обороны без изменения, но за подписями членов Военного совета Западного особого военного округа. Этот приказ информировал и практически ничего не разрешал. Он требовал занять огневые позиции только двум артиллерийско-пулеметным батальонам, а все другие войска привести в боевую готовность в местах их дислокации, чего перед лицом изготавившегося к вторжению врага было явно недостаточно.

Приказ о боевой тревоге поступил в дивизии за один-два часа до начала войны, а многие его не успели и получить. В связи с этим части дивизий выходили из го-

родков и лагерей уже под ударами немецкой артиллерии и авиации.

Одним из первых около 2 часов ночи приказ о боевой тревоге получил командир 85-й стрелковой дивизии и к половине четвертого он был выполнен. Поднятые по тревоге части дивизии находились в 5-6 км юго-восточнее Гродно в готовности действовать по плану прикрытия границы, но сигнал «Гроза» не поступал. К этому времени связь со штабом дивизии в Гродно и армией была прервана, в воздухе появились немецкие самолеты, и заместитель командира дивизии полковник К. Ф. Скоробогаткин принял решение выдвинуть дивизию на рубеж реки Лососьны для обороны, как того требовал план прикрытия. Это решение было принято своевременно.

Начало светать. В 3 часа 50 минут 22 июня немецкая артиллерия открыла массированный огонь по полкам дивизий первого эшелона и огневым точкам укрепленного района. Одновременно в воздухе появилось около двухсот немецких самолетов, которые нанесли бомбовые удары по аэродромам базирования авиации, городам Гродно, Волковыск, Сокулка, Лида и другим объектам.

С 4 до 8 часов утра Гродно немецкая авиация бомбила шесть раз. В каждом налете участвовало от 30 до 60 самолетов. Штабы 3-й армии, 85-й дивизии и войска, расположенные в городе, понесли большие потери.

Кузнецов по ВЧ доложил генералу армии Д. Г. Павлову, что немцы начали боевые действия от Сопоткина до Августова и попросил разрешения действовать по плану прикрытия границы. На это Павлов ответил: «Не поддавайтесь на провокации»²¹⁵. В штабе округа не верили, что началась война.

Лишь около 6 часов утра появилась по радио связь с Минском, и Кузнецов получил из штаба фронта от Павлова приказ: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массированных военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому». Вот только когда было разрешено вскрыть «Красный пакет» и ответить на удар немецких захватчиков всеми силами армии, но время во многом было уже упущено.

В 4 часа утра немецкая авиация начала бомбить аэродромы 11-й смешанной авиадивизии, что послужило командиром дивизии основанием объявить тревогу и поднять самолеты в воздух, но было поздно, так как много самолетов было уничтожено на земле. Истребители дивизии

вступили с врагом в бой²¹⁶.

Командир 11-го механизированного корпуса в 4 часа утра во время удара немецкой авиации по Волковыску, не имея связи со штабом армии и округом, принял решение поднять дивизии по боевой тревоге и действовать по плану прикрытия границы.

Ввиду необеспеченности автотранспортом 204-я моторизованная дивизия первый эшелон в район сосредоточения перебросила на автомашинах, а последующие - комбинированным маршем. В район сосредоточения прибыли: 29-я танковая дивизия через 3 часа, 33-я - через 4 часа и 204-я - через 7 часов. С выходом их в этот район они вводились в бой. В связи с отходом частей 4-го стрелкового корпуса от границы под давлением превосходящих сил противника, вся тяжесть борьбы с немецкими соединениями легла на 11-й механизированный корпус. Мотострелковый полк 29-й танковой дивизии был выведен в резерв командующего армией для борьбы с авиадесантами, поэтому вела она бой без пехоты и артиллерии, что резко снизило ее боевую мощь. Эту дивизию ослаблять не следовало²¹⁷.

24-я стрелковая дивизия приказ о боевой тревоге не получила. В 4 часа утра немецкая авиация нанесла удар по городу Лида, что послужило командиру дивизии генерал-майору К. Н. Галицкому, видевшему это, основанием для подъема частей по тревоге. Утвердило его в правильности принятого решения выступление В. М. Молотова по радио в 12 часов, возвестившего о начале войны. В 15 часов, когда части дивизии были готовы, в соответствии с ранее полученными указаниями, к выступлению в район Гродно, была установлена связь с Минском и из штаба фронта поступило приказание: «24-й стрелковой дивизии немедленно выступить в район Лиды в распоряжение командира 21-го стрелкового корпуса по маршруту Молодечно, Вишнево, Ивье, Лида»²¹⁸.

Этим приказом с шоссейной дороги Вильнюс-Минск снималось единственное соединение на пути движения танковых дивизий Гота к столице Белоруссии. В этом недостаток управления войсками со стороны командующего фронтом. Дивизия имела подготовленные позиции и могла остановить 3-ю танковую группу противника, но она снята и направлена в район Лиды, где на последних двух военных играх проходили направления главных ударов немцев. Путь противнику по отличной дороге к Минску был от-

крыт.

До Лиды 24-й стрелковой дивизии предстояло пройти 160 км. В условиях господства немецкой авиации в воздухе генерал Галицкий принял решение двигаться только ночью, чтобы устранить ее противодействие. Поэтому на весь марш требовалось четыре ночи. Части выступали в поход в 21 час и утром его заканчивали.

Проводная связь 3-й армии со штабом фронта не действовала с 4 часов 30 мин утра. Две радиостанции из-за открытого расположения были уничтожены немецкой авиацией. Поэтому была сделана попытка связаться с Минском и соседними армиями с использованием самолетов связи. Для этого сразу после нападения немецких войск и прекращения связи в штаб фронта были посланы работники оперативного отдела с донесениями на трех самолетах У-2, но ни один из этих тихоходных самолетов не достиг цели. Вскоре в штаб армии вернулся окровавленный капитан М. Г. Горбунов и сообщил, что его самолет был сбит истребителями. Что стало с другими неизвестно. Не вернулись и два самолета, направленные для связи в 10-ю и 11-ю армии.

В чем причина потери пяти самолетов У-2 над своей территорией? Это обусловлено тем, что в зоне возможного появления истребителей противника полет выполнялся на высотах 300-400 м как в условиях мирного времени. Поэтому У-2 быстро обнаруживались и уничтожались рейдирующими истребителями противника. Полеты на этих самолетах в прифронтовой полосе нужно было выполнять на высотах 15-20 м над рельефом, где их обнаружить истребителям почти невозможно.

Самолет У-2 до конца войны успешно применялся не только для связи над своей территорией, но и для ударов по противнику ночью. В 1943 г. автор был подготовлен к таким действиям и воевал бы, но фронту потребовались летчики-штурмовики, поэтому переучился на легендарный бронированный штурмовик Ил-2 и воевал на нем полтора года, совершил 92 боевых вылета, представлялся к присвоению звания Героя Советского Союза. По приказу наркома обороны № 294 для представления к этому званию требовалось выполнить на штурмовике 80 боевых вылетов.

Боевые действия 3-й армии по отражению вторжения врага носили ожесточенный характер и протекали следующим образом.

На правом фланге полосы прикрытия границы армией в

районе Сапоцкина находился в лагерях 213-й стрелковый полк 56-й стрелковой дивизии, который участвовал в строительстве участка Гродненского укрепленного района. Здесь же работали 1-й батальон 23-го отдельного саперного полка и подразделения 9-го артиллерийско-пулеметного батальона. В 3 часа 45 мин, за 15 мин до начала немцами артиллерийской подготовки, 213-й полк и другие были подняты по боевой тревоге и заняли недостроенные и готовые доты, а также полевые оборонительные позиции. Отметим, что полк и другие подразделения, кроме 9-го батальона, действовали с нарушением требований приказа № 1.

После часовой артиллерийской подготовки немцы густыми цепями пошли в атаку и были встречены губительным огнем советских подразделений. Понеся большие потери, немецкая пехота откатилась на исходные позиции. Подтянув подкрепления, гитлеровцы вновь пошли в атаку. В это время в Сапоцкин с учебного сбора прибыл 213-й артиллерийский полк. Быстро развернувшись, батареи открыли беглый огонь по противнику, и его атака вновь была отбита. Только к исходу первого дня войны немецкая 28-я пехотная дивизия прорвала оборону укрепленного района и, обойдя с севера и юга Сапоцкин, вышла к Неману.

Трое суток героически сражались бойцы 213-го стрелкового полка в окружении превосходящих сил противника, без связи со штабом дивизии, а когда они прорвали окружение и отошли, многие гарнизоны дотов продолжали сражаться.

Ожесточенные бои проходили также в районе Августова, где 162-я пехотная дивизия немцев атаковала выдвинувшийся накануне на передовые оборонительные позиции 345-й стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии. При поддержке авиации враг многократно атаковал Августов, но был отбит. В этих боях бойцы полка уничтожили около тысячи гитлеровцев. Только в 16 часов, когда немцы глубоко обошли Августов с двух сторон, полк по приказу командира дивизии отошел на рубеж укрепленного района по реке Бобр. Успеху противника способствовало то, что 53-й артиллерийский полк, входивший в состав гарнизона Августова, так и не прибыл с учебного сбора.

На левом фланге полосы обороны 3-й армии 239-й стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии в течение нескольких часов сдерживал наступление 129-й немецкой пехотной дивизии и только в 6 часов утра под давлением

многократно превосходящих сил противника начал отходить.

Не имея устойчивой связи с 27-й и 56-й дивизиями, генерал В. И. Кузнецов лишь в общих чертах представлял сложившуюся обстановку. Из отрывочных данных их командиров ему стало ясно, что на всем фронте армии наступают крупные силы пехоты противника при мощной поддержке артиллерии и авиации. В ряде мест враг прорвал оборону наших частей и наступает в направлении на Гродно и Белосток. Севернее Сопецкина передовые немецкие части к 7 часам 30 мин достигли реки Неман. Развернувшиеся на фронте армии бои носят очаговый характер. В воздухе господствует немецкая авиация.

С началом боевых действий в состав 3-й армии был передан 21-й стрелковый корпус в составе 17, 24, 37, 50-й стрелковых дивизий. Число дивизий в армии увеличилось до 10 и превосходило их количество у противника, но эти четыре дивизии находились далеко в тылу, и им требовалось много суток для выхода в район боев. Поэтому реальное преимущество по численности войск в районе боевых действий продолжало оставаться на стороне противника.

56-я и 27-я стрелковые дивизии оборонялись в полосе 50–75 км каждая, в то время как по существовавшим нормам стрелковой дивизии в обороне выделялась полоса 10–12 км. Низкая плотность расположения советских войск способствовала достижению немцами большого успеха и широкого применения, с учетом своего численного превосходства, таких маневров как обход, охват, окружение.

Помимо благоприятных условий по соотношению сил, немецкое командование в полную меру использовало агентов и диверсантов для нарушения проводной связи, что резко затрудняло, а иногда и срывало взаимодействие советских войск и управление ими. Принимаемые меры по восстановлению связи из-за больших повреждений почти не давали результатов. Охрана линий связи не была своевременно организована, и последствия не замедлили сказаться. Особенности местных условий не были учтены командованием.

На восстановление связи были брошены почти все связисты штаба армии, но установить связь с частями по-прежнему удавалось редко. Чтобы сохранить возможность управления в этих условиях, командующий решил не пере-

ходить на полевой командный пункт и остаться в штабе, расположенном в Гродно. Штаб в городе надежно прикрыл от ударов немецкой авиации 346-й зенитный артиллерийский дивизион 85-й стрелковой дивизии, расположенный на окраине. За первый день войны он сбил пять бомбардировщиков врага. В защите города от ударов авиации противника ему содействовал 127-й истребительный авиационный полк.

В 6 часов утра, получив вышеуказанный приказ командующего фронтом о, организации отпора врагу, генерал Кузнецов дал указание начальнику штаба подготовить данные о положении 11-го механизированного и 21-го стрелкового корпусов, 85-й стрелковой дивизии. Через некоторое время генерал Кондратьев доложил, что части 11-го мехкорпуса выдвигаются в район Гродно, Сокулка, Индура; 85-я дивизия заняла оборону по реке Лососьна; головные части 17-й и 37-й дивизий 21-го корпуса прибыли в район Лиды. Получив эти данные, командующий отдал следующий приказ: дивизиям первого эшелона продолжать оборону на занимаемых рубежах; 11-му механизированному корпусу ликвидировать вражеский прорыв на участке Сопоцкин, Августов, нанеся контрудар во фланг немецкой группировке, наступающей на Гродно, уничтожить вклинившегося противника и выйти на рубеж Сопоцкин, Липск, река Бобр. 85-й стрелковой дивизии организовать оборону на рубеже реки Лососьны. Гродно прикрыть с севера восточнее Немана 59-м стрелковым полком и 74-м разведывательным батальоном, с северо-запада западнее Немана — шестью школами младших командиров пограничных войск.

Выполняя приказ, части 85-й стрелковой дивизии под непрерывной бомбежкой немецкой авиации заняли оборону по реке Лососьна от устья до пункта Колбасино.

Танковые дивизии 11-го мехкорпуса к 7-8 часам вышли в заданные районы сосредоточения, где получили следующие боевые задачи: 29-й танковой дивизии ударом в направлении Сопоцкин-Калеты уничтожить противника, границу не переходить, 33-й танковой дивизии из района Индуры наступать в направлении Августова с выходом на фронт Липск, Штабин; 204-й моторизованной дивизии, еще не вышедшей в район сосредоточения, находится во втором эшелоне.

Танковые дивизии в 10 км западнее Гродно контрата-

ковали наступающего противника и развернулось крупное встречное сражение. Первой в 11 часов удар по врагу нанесла 29-я танковая дивизия. Ее полки атаковали части противника, обошедшие 56-ю стрелковую дивизию, на рубеже Лойки, Липск. Завязался ожесточенный бой. Поле боя покрылось сплошным дымом. Советские танковые подразделения смяли боевые порядки врага, уничтожая его огнем и гусеницами, и отбросили к северу от Сопочкина. Танкисты продвинулись вперед на 7-9 км и остановили наступление врага на этом направлении²¹⁹.

Во второй половине дня противник, подтянув свежие части и бросив в бой значительные силы авиации, вновь перешел в наступление и трижды атаковал полки танковой дивизии, но и эти атаки были отбиты с большими потерями для него.

Так же успешно действовала и 33-я танковая дивизия. Однако контрудар танковых дивизий не получил развития. Пехота мотострелкового полка 33-й дивизии, не имея автотранспорта, не поспевала за танками, а в 29-й ее не было. Артиллерии было мало. Бой без поддержки пехоты стало трудно продолжать. Вражеская авиация господствовала в воздухе и непрерывно наносила мощные удары по атакующим подразделениям, а зенитных средств для отражения атак самолетов не было.

11-я смешанная авиационная дивизия, получившая задачу поддержать контрудар 11-го мехкорпуса, ее не выполнила. Истребители дивизии не защитили мехкорпус от ударов с воздуха, а эпизодические удары бомбардировщиков не обеспечили поддержки его наступления. Главной причиной было неотработанность взаимодействия авиации с сухопутными войсками.

Контрудар, несмотря на героические усилия танкистов, не привел к перелому в положении 3-й армии. Но он дал немалые результаты в изменении положения войск и нанесении ущерба противнику.

О мощи удара 11-го мехкорпуса командир 8-го немецкого армейского корпуса в донесении писал: «Русские в полдень 22 июня приступили к планомерному контрнаступлению танками по всей первой линии. Они пытались смять наступающий клин 8-го корпуса, вводя все новые атакующие эшелоны (всего более 500 танков в 13-14 эшелонах)»²²⁰. Количество танков немецкий генерал завысил в два раза.

Контрудар 11-го мехкорпуса имел бы большее значение

и результат при вводе в бой его второго эшелона - 204-й моторизованной дивизии, но этого не было сделано.

В чем причина неэффективных боевых действий 11-й смешанной авиационной дивизии? Почему немецкая авиация захватила господство в воздухе? Для ответа на эти вопросы необходимо вернуться к началу войны. Как было сказано, командующий 3-й армией в 2 часа ночи получил из штаба округа приказ: поднять все войска по боевой тревоге. Но этот приказ до командира 11-й авиадивизии, входившей в состав армии, не был доведен. Командир этой дивизии полковник П. И. Ганичев находился в это время на своем командном пункте в Лиде и руководил командно-штабным учением. О начале войны он узнал по действиям немецкой авиации. Работники штаба армии не проявили настойчивости в доведении приказа вышестоящего начальника до подчиненных, в чем их большая вина. При получении сигнала тревоги в 2-3 часа Ганичев успел бы привести в боевую готовность полки дивизии, рассредоточить самолеты на аэродромах и организовать отражение первого и последующих налетов авиации противника. Прорвавшиеся к аэродромам его самолеты нанесли бы удары, но ущерб был небольшим.

В результате же того, что тревога была объявлена после начала войны, немецкая авиация застала самолеты дивизии на аэродромах выстроенных рядами крыло к крылу и удар нанесла при небольшом противодействии двух дежурных звеньев истребителей. Значительное количество самолетов дивизии было уничтожено бомбовыми ударами и сгорело в распространявшемся огне от поврежденных машин. Над аэродромами клубились дым и пламя.

Оставшиеся силы дивизии были небольшие, но и они могли бы эффективно прикрывать и поддерживать 11-й мехкорпус, но связь взаимодействия бездействовала и авиационные полки не получали боевых задач. Они находились в боевой готовности на аэродромах и не поднимались в воздух.

Для удара авиация по врагу необходимо, чтобы из передовой части сухопутных войск были переданы в штаб армии координаты и характеристика цели, по которой необходимо нанести удар. Эти данные с приказом на вылет должны поступить в авиационный полк, откуда и будет направлена группа самолетов на выполнение боевой задачи. Но связь отсутствовала, и летчики в ожидании приказа на выполнение боевой задачи бездействовали на аэ-

дромах. В этом проявились упущения боевой подготовки мирного времени, так как такой наиболее сложный вариант взаимодействия авиации с танками и пехотой в ходе наступления, как вызов групп самолетов для прикрытия и ударов по вновь выявленным объектам врага не был отработан. Вариант непосредственного подчинения смешанных авиационных дивизий командующим общевойсковыми армиями, призванный решить проблему взаимодействия авиации с сухопутными войсками, не дал нужного результата.

На основании этого горького опыта позднее была отработана четкая методика взаимодействия авиации с сухопутными войсками, вызов групп самолетов для прикрытия объектов или ударов по врагу. У немцев этой проблемы не было, так как методы взаимодействия авиации с сухопутными войсками были не только разработаны, но и отработаны в ходе современных войн на Западе, поэтому действия ее были весьма эффективны и она господствовала в воздухе.

Во второй половине дня 22 июня перед обороняющимися частями 85-й стрелковой дивизии появились передовые части противника со стороны Осовца. Они проделали большой путь от границы, прорвали оборонительный рубеж Гродненского укрепленного района на реке Бобр и с ходу атаковали оборонительные позиции на реке Лососьна. Бой принял затяжной характер.

За первый день войны немецкие войска в центре полосы действий 3-й армии продвинулись на 30 км. Хуже дело обстояло на флангах, особенно на правом, где реку Неман форсировали 161-я и 28-я немецкие пехотные дивизии севернее пункта Гожа и развивали наступление на Озерки и Гродно. Части 56-й стрелковой дивизии, кроме 213-го стрелкового и 213-го артиллерийского полков, были отеснены на восточный берег Немана и вели сдерживающие бои с противником севернее Гродно. Враг угрожал отрезать войска армии, сражающиеся западнее Гродно. Вместе с тем они имели выгодное положение на западном берегу Немана для ударов по врагу в северном и южном направлениях. В резерве у командующего армией находилась 204-я моторизованная дивизия, и к району боев двигались четыре дивизии 21-го стрелкового корпуса. Сил было достаточно.

Создавшиеся условия были благоприятными для ведения обороны на занимаемых рубежах, нанесения контрударов по вклинившемуся противнику, имевшимися силами, и раз-

грома его с подходом 21-го стрелкового корпуса. Но генерал В. И. Кузнецов принял поспешное роковое для войск армии, а возможно и фронта решение: в ночь с 22 на 23 июня оставить Гродно и отвести войска на рубеж рек Котра и Свислочь. Прикрытие отхода войск он возложил на 29-ю танковую дивизию, 85-й стрелковой дивизии приказал в 0 часов 30 мин 23 июня взорвать три моста через Неман и склады горючего и боеприпасов на окраине Гродно²²¹.

Войска 3-й армии в соответствии с решением командующего, в ночь на 23 июня оставили без сопротивления и военной необходимости оборонительные рубежи и начали отходить на новые позиции. В установленное время прогремели взрывы и рухнули в Неман мосты, взлетели в воздух важные для войск склады горючего и боеприпасов. В эту же ночь командный пункт армии двинулся на новое положение в районе Лунно.

Вследствие уничтожения своими руками складов горючего и боеприпасов два механизированных корпуса – главная ударная сила фронта вскоре лишатся этих необходимых элементов для ведения боя и прекратят свое существование с трагическими последствиями для приграничного сражения на этом направлении. В этом нельзя увидеть влияния внезапности нападения врага, его преимущества в технике, так как танков на этом направлении он вообще не имел, ни ошибок Сталина и верховного командования, то есть тех причин, которыми традиционно оправдывают поражения советских войск. Главной причиной лишения советских войск горючего и боеприпасов под Гродно и оставления территории, которую через несколько часов наши войска, перешедшие в контрнаступление, будут снова брать, истекая кровью, явилось роковое решение В. И. Кузнецова.

Неправильность действий Кузнецова настолько очевидна, что через много лет генерал армии К. Н. Галицкий при написании воспоминаний спросил его, почему он сдал Гродно? На это Кузнецов ответил, что осенью 1940 г. на военной игре он принял такое же решение. Игрой той руководил заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. На ней все армии Западного фронта отступали до старой границы, где подошли резервы из глубины, они перешли в наступление и разбили врага²²². Здесь же в реальной обстановке резерв в виде 21 стрелкового корпуса, увеличивший силы пехоты

армии с 4 до 7 стрелковых дивизий, был представлен под Гродно и не было военной необходимости оставлять территорию, уничтожать склады горючего и боеприпасов, необходимых войскам для ведения боевых действий. Это было сделано без разрешения штаба фронта, который отдал приказ о нанесении контрудара из района Гродно.

Жертвой этого поспешного решения командующего стал и 127-й истребительный полк, аэродром которого оказался на оставляемой войсками ночью территории. В результате успешно воевавший в первый день войны полк на второй день оказался без самолетов, а армия лишилась важного звена прикрытия войск от ударов с воздуха. За такие действия положено отвечать по законам военного времени. Но Кузнецова это не коснулось.

Если на военной игре решение Кузнецова не обернулось трагедией, так как этого не видно на картах, то при наличии реального противника он вскоре, как увидим, потеряет все войска и с горсткой штабных работников окажется в лесу под Минском. Практика - критерий правильности решений, а она показала всю несостоятельность его действий.

Именно тогда, когда генерал-лейтенант В. И. Кузнецов при отсутствии связи со штабом фронта начал отвод войск с западного берега Немана, оставляя Гродно, уничтожал мосты и склады, генерал армии Д. Г. Павлов в соответствии с приказом наркома обороны № 3 передавал распоряжение своему заместителю И. В. Болдину на переход в наступление из района Гродно конно-механизированной группы, в состав которой входил и 11-й механизированный корпус, отводимый из района, откуда он должен был нанести удар по противнику. Из этого видно, что при наличии связи штаб фронта не разрешил бы Кузнецову сдать Гродно и контрудар конно-механизированной группы мог серьезно потрясти немецкие войска в этом районе, а, возможно, и привести к их частичному поражению. Войск для этого было достаточно. Направление удара на Сувалки обеспечивал выход в тыл 3-й танковой группы противника и поддерживающим ее 5-му и 6-му армейским корпусам, разгром баз снабжения, срыв их наступления. Но этого из-за неправильных действий Кузнецова не произошло.

Вместе со штабом 3-й армии отступал из Гродно начальник кафедры академии Генерального штаба доктор военных наук, профессор, генерал-лейтенант инженерных

войск Д. М. Карбышев - известный ученый фортификатор, автор десятков трудов по различным отраслям военно-инженерного искусства. Прибыл он для знакомства с ходом строительства укрепленных районов на западной границе. Сопровождал его начальник инженерного управления округа генерал-майор инженерных войск П. М. Васильев. С началом боевых действий Карбышев консультировал В. И. Кузнецова по вопросам организации устойчивой обороны на намеченных рубежах²²³.

23 июня танковые дивизии 11-го механизированного корпуса, оставив ранее занимаемые позиции, вели ожесточенные бои с противником юго-западнее Гродно; на рубеже Сидра, Янув отбивали атаки противника части 27-й стрелковой дивизии; 56-я стрелковая дивизия и курсанты школ младших командиров пограничников заняли оборону на рубеже реки Котра севернее Скидель, а на реке Сви-слочь от ее устья до Иодичи - 85-я стрелковая дивизия.

В ночь на 24 июня В. И. Кузнецов в соответствии с указаниями генерала армии Д. Г. Павлова принял решение перейти в наступление на Гродно, который только что оставил, 11-м механизированным корпусом, вошедшим в состав конно-механизированной группы И. В. Болдина. Действия этой группы затруднялось отсутствием связи между 6-м и 11-и механизированными корпусами, а также между генералами Болдиным и Кузнецовым. 85-я стрелковая дивизия должна была наступать вместе с 11-м мехкорпусом на Гродно, а 27-я дивизия - в направлении Домброва. Остальным войскам армии приказывалось держать оборону на рубеже реки Котра, а 8-й артиллерийской противотанковой бригаде РКК - прикрывать район Лиды с запада.

К этому времени, вследствие наступления немцев, левофланговая 128-я стрелковая дивизия соседнего Северо-Западного фронта отходила на северо-восток, а правофланговая 56-я стрелковая дивизия 3-й армян - на юго-восток. В результате между Северо-Западным и Западным фронтами образовался разрыв в 100-120 км, который враг использовал для наступления на минском направлении.

В 13 часов 24 июня 11-й механизированный корпус и 85-я стрелковая дивизии перешли в наступление на Гродно, который полтора суток назад оставили без всякой необходимости, левее них уже сутки наступал в направлении на Гродно 6-й механизированный корпус и кавалерийская дивизия. На этом направлении под Гродно против

пяти пехотных дивизий немцев действовали восемь советских, в их числе четыре танковые, две моторизованные, одна стрелковая и одна кавалерийская. Имелись условия для нанесения поражения противнику.

Во время перехода корпуса и дивизий 3-й армии в наступление из штаба в Минск уезжал генерал-майор инженерных войск П. М. Васильев и его В. И. Кузнецов попросил организовать доставку армии боеприпасов и горючего со складов в районе Волковыска. Но когда Васильев прибыл в Волковыск, то увидел, что эти важные склады уничтожены немецкой авиацией²²⁴. В районе Гродно подобные склады уничтожены по указанию Кузнецова и остались его войска без запаса боеприпасов и горючего, которые были на исходе.

25 июня 11-й механизированный корпус и 85-я стрелковая дивизия вышли на рубеж реки Лососьны и на подступы к городу Гродно. Так же успешно действовал 6-й мехкорпус, но продвижение замедлилось из-за недостатка боеприпасов и горючего, а вскоре и остановилось. Взять их было негде.

26 июня по указанию генерала В. И. Кузнецова от Гродно начали вторично отходить 11-й мехкорпус и 85-я стрелковая дивизия. Рубеж, с которого конно-механизированная группа должна была перейти в наступление, явился рубежом отступления и гибели войск.

О напряженности боев свидетельствуют следующие данные. 11-й мехкорпус с 22 по 26 июня потерял большое количество как личного состава, так и танков в основном от противотанковой артиллерии врага. В танковых дивизиях осталось по 300–400 человек, а в моторизованной — по неполному батальону в полку, танков до 30 единиц и до 20 бронемашин²²⁵.

Корпус отходил вначале на рубеж реки Свислочь, далее на реку Щара, Новогрудок, Рубежковичи. Часть боевой техники было уничтожено из-за отсутствия горючего в начале отступления, а остальная — в лесах Нолибокской пуши. Части в лесах разделились на группы и пробивались из окружения самостоятельно. Корпус — главная сила 3-й армии прекратил свое существование.

Севернее мехкорпуса параллельным маршрутом отходили части 85-й стрелковой дивизии под командованием полковника К. Ф. Скоробогаткина — старшего преподавателя Военной академии имени М. В. Фрунзе, проходившего войсковую стажировку в должности заместителя командира

дивизии. При встрече в окружении 3 июля у Рубежковичей с 24-й стрелковой дивизией Скоробогаткин сообщил генералу Галицкому, что в составе его отряда имеется четыре стрелковых батальона, артиллерийский дивизион и кавалерийский эскадрон.

Это все, что осталось от 3-й армии в конце приграничного сражения. Всего за 8 дней не стало этой мощной армии, и главная вина в этом ложится на ее командующего генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, сдавшего Гродно и уничтожившего склады горючего и боеприпасов.

§ 4. Боевые действия 13-й армии

К вечеру 23 июня немецкие танковые соединения 3-й танковой группы генерал-полковника Г. Гота двинулись в разрыв между флангами Северо-Западного и Западного фронтов в направлении на Минск. Для закрытия этого разрыва доходившего до 120 км Военный совет Западного фронта решил развернуть здесь 13-ю армию.

Управление 13-й армии формировалось в Могилеве с 5 мая 1941 г. Занимался формированием армии начальник штаба генерал-лейтенант А. В. Петрушевский. В первых числах июня ее командующим был назначен генерал-лейтенант П. М. Филатов, а 16 июня прибыли член Военного совета бригадный комиссар П. С. Фурт и начальник оперативного отдела — заместитель начальника штаба подполковник С. П. Иванов. К этому времени управление армии было укомплектовано командным и начальствующим составом на 43 проц., автотранспортом на 20 проц.; личного оружия не было, неблагоприятно обстояло дело и со средствами связи.

17 июня С. П. Иванов с оперативной группой был направлен в Новогрудок для оборудования командного пункта армии, в которую предполагалось войдут 2-й и 44-й стрелковые и 20-й механизированный корпуса.

22 июня в 5 часов 30 мин соединения 17-го механизированного корпуса, в механизированной дивизии которого находился Иванов, были подняты по боевой тревоге. В этот день Иванов не мог связаться ни со штабом округа, ни армии. На следующий день он узнал, что во изменение прежнего решения 13-я армия будет разворачиваться на правом крыле Западного фронта с размещением командного пункта в Молодечно, куда он и направился с оперативной группой.

Командный пункт 13-й армии был оборудован в фольварке Заблоце северо-западнее Молодечно на месте располагавшегося здесь запасного командного пункта 24-й стрелковой дивизии.

К исходу 23 июня командный пункт армии был готов к действию, но не было связи со штабом фронта и не известно какие войска ей подчинены.

Утром 24 июня к генералу Филатову прибыл командир 5-й танковой дивизия 11-й армии полковник Ф. Ф. Федоров и доложил, что он привел остатки своей дивизии в составе 15 танков, 20 бронемашин и 9 орудий. Вскоре подошли подразделения Вильнюсского пехотного училища и 84-го стрелкового полка НКВД. Эти силы были использованы для обороны шоссе и Молодечно, от которого до Минска всего 72 км. Увод из этого города 24-й стрелковой дивизии открыл противнику путь от Вильнюса на Минск по хорошей шоссейной дороге в тыл войскам Западного фронта, чем он неприменно воспользовался. Сил Филатова, чтобы остановить движение 39-го моторизованного корпуса генерала танковых войск Шмидта, о котором его известили прибывшие с запада командиры, было явно недостаточно.

В 21 час 24 июня из Минска прибыл в штаб армии помощник начальника оперативного отдела штаба Западного фронта майор В. В. Петров с директивой, подписанной генералом армии Д. Г. Павловым, членом Военного совета и начальником штаба фронта, следующего содержания:

«Командующему 13-й армией. Объедините управления 21-го стрелкового корпуса (штаб корпуса 23.6.41 г. - в Лиде), 8-й противотанковой бригады, 24-й и 50-й стрелковых дивизий и все части, которые окажутся в вашем районе, в том числе и отходящие со стороны Северо-Западного фронта; последние приводите в порядок и подчиняйте себе»²²⁶.

На основании указаний Военного совета фронта в 13-й армии был разработан приказ, в котором соединениям ставились следующие боевые задачи: 24-й стрелковой дивизии выйти к Ошмянам, где организовать оборону и обеспечить армию от возможных ударов врага с вильнюсского направления; 37-й стрелковой дивизии наступать левее в направлении Бенякони, а 17-й - на Радунь, Варены в целях взаимодействия о группой генерала Болдина; 8-й артиллерийской противотанковой бригаде, поступающей в состав 21-го стрелкового корпуса, развернуть-

ся на рубеже реки Дзитвы с целью обороны Лиды. 50-й стрелковой дивизии вместе с боевой группой 5-й танковой дивизии, батальоном курсантов Вильнюсского училища и 84-м полком НКВД прикрыть город Молодечно с северо-запада.

Содержание приказа было передано в 24-ю дивизию по телефону начальнику ее штаба майору З. Д. Подорванову и двумя делегатами связи: командиру 21-го стрелкового корпуса и командиру 50-й стрелковой дивизии.

Отдав приказ, штаб 13-й армии, в связи с подходом частей 3-й танковой группы Гота, снялся и направился в лес севернее населенного пункта Городок, что в 20 км от Молодечно.

Генерал Филатов приказал все боевые машины 5-й танковой дивизии свести в один отряд и ему совместно с курсантами Вильнюсского училища и 84-м стрелковым полком НКВД остановить немецкую танковую колонну у Молодечно. Части 50-й стрелковой дивизии подойти на оборону города и шоссе не успели. Сводная группа заняла оборону, и утром 25 июня встретила появившуюся колонну немецких танков огнем, но силы были очень малые, и немцы взяли Молодечно с ходу. Вскоре к Молодечно подошла 50-я стрелковая дивизия и с остатками сводной группы вступила в бой с частями 39-го моторизованного корпуса. Советские воины действовали бесстрашно. В бою бойцы 49-го стрелкового полка под командованием полковника А. Т. Павлыго подбили восемь немецких танков. Сержант И. И. Варькин, поставив орудие для стрельбы прямой наводкой, уничтожил шесть танков врага, а наводчик М. Ибрагимов — три танка. Отважно сражались и воины 5-й танковой дивизии. Экипаж старшего лейтенанта М. И. Виденева подбил пять танков и четыре противотанковых орудия врага. Упорный бой у Молодечно продолжался и весь следующий день и лишь в ночь на 27 июня 50-я стрелковая дивизия и сводная группа отошли на рубеж Ковали, Стажинки северо-западнее Минска²²⁷.

На командный пункт 13-й армии в районе Городка в 20 часов 25 июня прорвалось одно из подразделений 20-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Штумпфа с десантом пехоты на броне. Завязался жаркий бой, в ходе которого погибла половина личного состава штаба. Во время отражения нападения штаб и политотдел спешно подготовились к передислокации. С. П. Иванов и член Военного совета П. С. Фурт по указанию командующего повели колонну в

район Воложина. В пути узнали, что Воложин занят немцами. Решено было двигаться на Раков, но вскоре от пленного узнали, что в Ракове авангардные подразделения 20-й танковой дивизии. Решили обойти Раков с юга и здесь в полночь встретили майора Я. В. Чумакова, разведывательный батальон которого только что разгромил немецкую боевую группу. Он и вывел колонну штаба армии на командный пункт 64-й стрелковой дивизии, располагавшийся в деревне Марковичи под Минском. Сведений о местонахождении командующего генерала Филатова, начальника штаба Петрушевского и их спутников не было.

37-я стрелковая дивизия полковника А. Е. Чахарина, двигаясь в направлении Варены, северо-восточнее Воронова встретила передовые части 18-й немецкой моторизованной дивизии 57-го моторизованного корпуса генерала танковых войск Кунтцена. Во встречном бою она нанесла им поражение и отбросила на запад. Но успех развить не удалось, так как в составе 37-й дивизии имелось лишь два стрелковых и артиллерийский полки. Остальные ее силы и 17-я стрелковая дивизия только что подошли походным порядком из районов дислокации, бойцы и командиры были утомлены 8-10 суточным маршем, тыловые части не прибыли.

Развернулись тяжелые бои с противником, который непрерывно наращивал силы, и его активно поддерживала авиация. После упорных боев утром 27 июня противник захватил Лиду. Части 37-й и включившейся в бои 17-й дивизии отошли и заняли оборону на рубеже рек Габья, Неман, испытывая недостаток боеприпасов.

Упорно сражались у Лиды и воины 8-й артиллерийской противотанковой бригады. Оборудовав прочный противотанковый рубеж обороны по реке Дзитва, бригада полковника И. С. Стрельбицкого до 28 июня сдерживала натиск 18-й моторизованной дивизии и уничтожила до 60 немецких танков. Когда пала Лида и создалась угроза окружения, артиллеристы оставили позиции, и двинулись под ударами авиации на восток.

Положение этой бригады — мощного противотанкового соединения выбрано было неудачно, вдали от основных путей движения моторизованных корпусов врага. Она должна была располагаться на шоссе Вильнюс—Минск или Брест—Минск на пути движения танковых колонн, а не прикрывать такой маленький пункт как Лида. На соседних фронтах подобные бригады сыграли важную роль, а на За-

падном — оказалась на второстепенном направлении, но на январской военной игре здесь проходил главный удар врага на Барановичи и Павлов с Климовских так неудачно реализовали свои знания.

24-я Железная Самаро-Ульяновская дважды Краснознаменная стрелковая дивизия являлась одной из немногих, вступивших в борьбу с немецкими захватчиками организованно и полным составом.

В условиях напряженной предвоенной обстановки командир дивизии генерал-майор К. Н. Галицкий уговорил начальника артиллерии округа генерала Н. А. Клича не отправлять два ее артиллерийских полка и зенитный дивизион на сборы и стрельбы. Благодаря этому 24-я стрелковая дивизия в начале войны имела в наличии все боевые средства, поэтому представляет интерес посмотреть на что способно такое соединение в борьбе с пехотой и танками противника. Ее огневую мощь усилил приданный танковый батальон.

Утром 25 июня 24-я стрелковая дивизия южнее рубежа Трабы, Субботники встретила передовые части 19-й немецкой танковой дивизии и во встречном бою нанесла им поражение. На поле боя осталось около трех десятков немецких танков, более пятидесяти сторевавших автомашин. Противник отошел за реку Клева²²⁸.

Для перехода в наступление на рассвете 26 июня генерал Галицкий обсудил сложившуюся обстановку и стоящие задачи с начальником штаба дивизии майором З. Д. Подорвановым и заместителем по политической части батальонным комиссаром М. С. Корпяком. С учетом их мнения принял решение: главный удар по противнику нанести на правом фланге дивизии с участка Трабы, Мотюки в полосе 6–8 км, для чего создать ударную группу в составе 168-го и 7-го стрелковых, 160-го и 246-го (без одного дивизиона) артиллерийских полков. На остальном участке фронта дивизии (шириной до 12 км) находиться в обороне 274-му стрелковому полку с одним дивизионом 246-го гаубичного артиллерийского полка, усиленному саперным и разведывательным батальонами; в резерве иметь 52-й противотанковый дивизион, расположив его на правом фланге дивизии за ударной группой²²⁹.

В течение ночи 168-й стрелковый и 160-й пушечный артиллерийский полки с левого фланга дивизии были переброшены на правый. Все части заняли исходное положение. К. Н. Галицкий с начальником артиллерии дивизии

полковником В. В. Добронравовым и оперативной группой штаба выехали на наблюдательный пункт, оборудованный на командной высоте юго-западнее Трабы. С наблюдательного пункта хорошо просматривалось расположение противника и местность перед войсками дивизии.

Светало. Около пяти часов утра 26 июня показались немецкие танки. Перед передним краем стрелковых полков взвились красные ракеты - сигнал «танки врага». Генерал Галицкий приказал выдвинуть три-четыре батареи для стрельбы прямой наводкой в направлении Трабы. В это время показались боевые порядки немецких бомбардировщиков Ю-87, которые поочередно полупереворотом переходили почти в отвесное пикирование и на выводе из него бросали бомбы. Около двадцати минут продолжался налет. Зенитчики дивизии сбили один самолет. Как только закончился налет авиации, ураганный огонь открыла вражеская артиллерия.

После огневых налетов авиации и артиллерии в развернутом строю на большой скорости двинулись в атаку немецкие танки, за ними ускоренным шагом, а иногда бегом двинулась пехота. С дальности около 1000 метров от переднего края танки открыли огонь из орудий, а приблизившись - и из пулеметов, подняла беспорядочную стрельбу и пехота. Этот огонь имел психологический эффект, не причиняя ущерба войскам.

Подпустив танки поближе, открыли по ним огонь противотанковая батарея лейтенанта В. А. Корзуна и полковая 76-мм батарея лейтенанта И. П. Якушина. Первыми же залпами они уничтожили десять танков противника.

На батарею 122-мм гаубиц старшего лейтенанта В. С. Попова, находившуюся западнее Трабы у деревни Ноздраки, двигалось 20-25 танков. Когда батарея открыла огонь прямой наводкой, часть танков загорелась, некоторые прорвались к огневой позиции, а другие обходили ее слева. Артиллеристы, часть которых была ранена, били по танкам в упор, поворачивая орудия. Когда атака была отбита, вокруг батареи дымилось восемнадцать вражеских танков. Так умело и храбро сражались советские артиллеристы. В этом бою беспрецедентную храбрость проявил наводчик Шишков, который подбил пять танков и каждого с первого выстрела.

Артиллеристы, не участвовавшие в бою с танками, и пулеметчики обрушили свой огонь на пехоту врага, скашивая ее цепи. Атака и пехоты была отбита.

Вторая волна немецких танков, потеряв много машин, прорвалась через передний край обороны 168-го стрелкового полка юго-восточнее Трабы и атаковала огневые позиции дивизиона 160-го пушечного артиллерийского полка. Обстановка сложилась тревожная. Тогда генерал Галицкий ввел в бой противотанковый резерв. По его указанию противотанковый дивизион капитана П. М. Иванова на большой скорости выдвинулся на заданный рубеж, артиллеристы с ходу развернули 45-мм орудия и открыли ураганный огонь. Гитлеровцы, не ожидавшие такой стойкости пехоты и мощного противотанкового огня, дрогнули, отступили и укрылись в кустарнике вдоль реки Клева. На поле боя осталось несколько десятков немецких танков, сотни убитых и раненых. Не встречали захватчики подобного в своих походах на Западе.

На следующий день дивизионная газета «Красноармеец» на первой странице поместила крупный заголовок «Вчера наши подразделения уничтожили 97 танков противника». Это был большой успех стрелковой дивизии в бою с танковой дивизией врага.

С наступлением темноты бой затих, и командование дивизии начало производить перегруппировку сил для перехода на рассвете следующего дня в ранее намеченное наступление.

27 июня, когда начало светать, ударная группировка в составе двух стрелковых полков, усиленных прибывшим ночью танковым батальоном под командованием майора Егорова, заняла исходное положение для наступления. После 20-минутной артиллерийской подготовки части дивизии двинулись на врага и вскоре прорвали его оборону. Особое смятение в танковых подразделениях врага вызвал удар новых советских танков КВ. В этом бою командир танка КВ старший сержант Колосов уничтожил три танка Т-III.

Во второй половине дня командир 168-го стрелкового полка подполковник С. И. Портнов доложил, что его 2-й батальон под командованием капитана В. С. Иванченко совместно с 1-й танковой ротой капитана Н. Сизова продвинулись вперед на 8-10 км²³⁰.

В то время как 168-й стрелковый полк на правом фланге ударной группы продвинулся вперед, 7-й стрелковый полк на левом ее фланге встретил ожесточенное сопротивление. Оказалось, что на помощь противнику подошли части 18-й моторизованной дивизии и с ходу ата-

ковали 7-й полк. С целью отражения контратаки врага были привлечены батареи 246-го артиллерийского гаубичного полка. Огонь 152-мм гаубиц-пушек прямой наводкой был губителен для танков врага. Их снаряды разворачивали борта танков, срывали башни, пробивали лобовую часть. Вскоре командир 7-го полка полковник А. В. Пасюков доложил, что с боем занято селение Сурвелишки и наступление продолжается.

24-я стрелковая дивизия стеной стояла на пути движения 57-го моторизованного корпуса на Минск, что вынужден был признать генерал Гот в своих воспоминаниях: «19-й танковой дивизии... пришлось прокладывать себе дорогу через массы войск противника... Правый фланг 19-й дивизии, где находился командир корпуса, постоянно подвергался атакам противника при поддержке 50-тонных танков. Поэтому была вынуждена из длинной походной колонны развернуться фронтом на юг. До 28 июня она отражала атаки противника с южного направления»²³¹.

Гот точен. Действительно, 28 июня в штабе 21-го стрелкового корпуса была получена радиogramма Военного совета фронта с приказом отходить на Любчу, Столбцы. В связи с этим генерал Борисов принял решение вывести корпус из боя и, прикрываясь сильными арьергардами, отвести его на линию старой государственной границы.

На командный пункт 24-й дивизии прибыл начальник оперативного отдела корпуса подполковник Г. Н. Регблат и передал приказ: 24-й стрелковой дивизии совершить марш и сосредоточиться за линией старой границы в районе Бакиново, Рабцевшизна (10 км юго-западнее Дзержинска). Было также сообщено, что отход совершать вместе с 8-й противотанковой бригадой И. С. Стрельбицкого²³².

С немецких самолетов непрерывно сбрасывались листовки. В одной из них было сказано: «Вы окружены со всех сторон. Ваше положение безнадежно. Сдавайтесь в плен». На ней же была напечатана схема окружения советских войск западнее Минска и положение немецких войск. Положение немецких войск совпадало со сведениями, полученными из штаба фронта. Поэтому эту схему Галицкий использовал для вывода дивизии из окружения.

Перед началом отхода генерал Галицкий собрал на командном пункте командиров частей, их заместителей по политической части и работников штабов, сообщил, что сегодня немцы ворвались в Минск, дивизия находится в окружении почти в 200 км от линии фронта, получен при-

каз на отход. Далее он сказал:

«Мы будем с боями отходить в сторону фронта на соединение с Красной Армией... Отныне мы будем действовать партизанскими методами, вредить фашистам, не давать им покоя ни днем, ни ночью, изматывать и бить нещадно. Никакой паники! Примером для всех будут коммунисты и комсомольцы! 29 июня продолжать удерживать занимаемые позиции, вести огонь, скрытно готовиться к отходу. Отход на восток начать в час ночи 30 июня через Нолибокскую Пушу»²³³.

В назначенное время 24-я Железная Самаро-Ульяновская дважды Краснознаменная стрелковая дивизия двинулась в свой славный беспримерный поход по тылам врага на соединение с Красной Армией, которая с боями отходила на восток, что удлиняло путь до встречи. Героизм и мужество, проявленные бойцами и командирами дивизии и ее командиром генералом К. Н. Галицким, являются примером самоотверженного служения Родине во имя победы над ненавистным врагом. Их подвиг навечно будет запечатлен в памяти народа и истории войн.

После тяжелых боев с советскими дивизиями, уходившими на восток, командир немецкого 57-го моторизованного корпуса предусмотрел пополнение своих соединений личным составом и танками пред продолжением наступления. Этим он восстановил боеспособность своих потрепанных частей и соединений, и они с новой энергией развернули наступление.

24 стрелковая дивизия для уменьшения противодействия авиации противника совершала марш ночью и отдыхала днем. Она прошла с боями по маршруту: Юратишки, Налибоки, Рубежовичи, Уза, обошла с запада и востока Слуцк и 14 июля вышла в район населенных пунктов Озаричи, Карпиловка в 80 км севернее Мозыря. Это уже была территория, контролируемая партизанами и советскими войсками. Позади остался почти 500-километровый путь по лесным тропам и болотам в тылу врага²³⁴.

Средний суточный переход дивизии составлял 30-35 км, что соответствовало переходам по дорогам при отсутствии противодействия. Это свидетельствует о тех тяготах, которые пришлось преодолеть воинам дивизии.

Вот что писала 10 августа о подвиге дивизии «Правда»: «Дни и ночи шли храбрецы по лесам и болотам Советской Белоруссии, уничтожая немецкие обозы, сея панику, нападая с тыла на вражеские части и штабы. Когда

бойцы израсходовали боеприпасы, они «перевороужились» отбитым германским оружием. Две трети личного состава своего соединения вывел генерал-майор Галицкий из окружения, нанеся противнику значительно большие потери, чем понес сам»²³⁵.

Действительно, дивизия вышла из окружения почти не изменив своей начальной численности, так как непрерывно пополнялась крупными и мелкими группами бойцов и командиров, выходивших из окружения самостоятельно. В нее влилась, в частности, большая группа командиров и красноармейцев частей 11-го механизированного корпуса во главе с его командиром К. Д. Мостовенко. Но танки и артиллерию дивизия при входе в леса, когда кончились боеприпасы и горючее, вынуждена была уничтожить.

Большой подвиг и военное дарование проявил Кузьма Никитович Галицкий, выведя дивизию из окружения при полном господстве авиации противника в воздухе и активном противодействии его наземных войск. С учетом этого он через пять дней был назначен командиром 67-го стрелкового корпуса, полковник В. В. Добронравов – начальником артиллерии, а подполковник А. И. Плохов – заместителем командира корпуса по тылу. Так формировались кадры победителей.

Все другие соединения и части 13-й армии оказались в окружении, и мало кому удалось из него выйти. Ее командующий генерал-лейтенант П. М. Филатов со штабом вырвался из окружения и руководил войсками второго формирования 13-й армии при обороне Минска и последующих боевых действиях. 8 июля он попал под удар авиации, был тяжело ранен и скончался. На его место назначен генерал-лейтенант Н. Ф. Ремизов.

§ 5. Боевые действия 10-й армии

Государственную границу в центральной части Белостокской дуги от Щучина до Дрохочина прикрывала 10-я армия, которой командовал генерал-майор К. Д. Голубев, членом Военного совета был бригадный комиссар Д. Г. Дубровский, начальником штаба – генерал-майор П. И. Ляпин.

В состав 10-й армии входили 1-й стрелковый (2,8-я стрелковые дивизии), 5-й стрелковый (13,86,113-я стрелковые дивизии), 6-й кавалерийский (6,36-я кавалерийские дивизии), 6-й механизированный (4,7-я танко-

вые, 29-я моторизованная дивизии) и 13-й механизированный (25,31-я танковые и 208-я моторизованная дивизии) корпуса, 155-я стрелковая дивизия, 7-я артиллерийская противотанковая бригада РКК, 66-й (Осовецкий) укрепленный район, 9-я смешанная авиационная дивизия. Всего в армии имелось 14 дивизий сухопутных войск, в их числе 6 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные, 2 кавалерийские.

6-й механизированный корпус имел высокий уровень боевой подготовки и был единственным в западных военных округах полностью укомплектованным танками. В его составе имелся 1021 танк, из них 352 Т-34 и КВ. Это было мощное механизированное соединение — главная ударная сила 10-й армии, да и всего округа. В 13-м механизированном корпусе насчитывалось 294 легких танка. Всего в этих двух корпусах насчитывалось 1315 танков. В качестве маневренного средства армия имела дополнительно кавалерийский корпус, в каждой дивизии которого имелись четыре кавалерийские и танковый полки.

Расположение 10-й армии в Белостокском выступе обеспечивало ведение наступательных действий на варшавском направлении, а также нанесение контрударов под основания группировок врага, наносящих удары на Минск из районов Сувалок и Бреста. Поэтому армия была насыщена таким большим количеством мощных подвижных соединений, танками, самолетами.

Командующий армией генерал-майор К. Д. Голубев имел высокий уровень теоретической подготовки, так как окончил две академии: Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1926 г. и академию Генерального штаба в 1938 г., чем, видимо, и было оправдано его назначение на такую высокую должность, так как ранее он командовал только стрелковой дивизией и работал старшим преподавателем в академии имени М. В. Фрунзе. В 10-ю армию он прибыл в июне 1941 г. и еще не успел познакомиться с войсками, освоить обязанности по должности.

Немецкое командование в полосе 10-й армии развернуло войска 4-й и 9-й армий, но не полностью, а в следующем составе: 9-й армейский (292,137,263-я пехотные дивизии), 13-й армейский (78,17,268-я пехотные дивизии), 7-й армейский (7,23,258-я пехотные дивизии), 42-й армейский (102-я пехотная и два полка 87-й пехотной дивизий).

9 армейский корпус 4-й немецкой армии наносил глав-

ный удар на Белосток и совместно с 20-м армейским корпусом 9-й армии образовывал западную границу окружения советских войск между Минском и Белостоком. Остальные корпуса действовали на второстепенных направлениях и имели задачу сковать силы 10-й армии и не допустить их переброску на направления, где немецкие войска наносили главные удары.

Противник превосходил войска 10-й армии (без учета ее 155-й дивизии дислоцировавшейся на удалении 170-280 км от границы) по пехоте в 4 раза, что создавало благоприятные условия для наступления. В то же время 10-я армия имела подавляющее превосходство над противником в танках и подвижных соединениях, так как 4 танковым и 2 моторизованным дивизиям он ничего не мог противопоставить. Это позволяло войскам армии разгромить вторгнувшегося противника и перейти в наступление с переносом боевых действий на территорию Генерал-губернаторства (Польша).

В первом эшелоне 10-й армии находились четыре стрелковые дивизии (8, 13, 86, 113-я), имея участки обороны на границе, остальные силы составляли второй эшелон и располагались в глубине. Немецкое же командование имело в первом эшелоне 10 дивизий и около 2 - во втором. В результате оно создало значительное превосходство в силах по всей линии фронта. Немцы на рассвете 22 июня после часовой артиллерийской подготовки перешли в наступление, сбили пограничные заставы, беспрепятственно преодолели не занятые приграничные оборонительные сооружения и только в глубине территории встретили разрозненные советские дивизии. Они в начале войны были подняты по боевой тревоге и из мест дислокации мирного времени выдвигались к границе. Вступали дивизии в бой в случайных местах, не имея порой артиллерии, которая находилась на сборах или отстала.

1-й стрелковый корпус, как указал в оперативной сводке начальник штаба полковник Соколов, связи со штабом 10-й армии в течение первого дня войны не имел ни телеграфной, ни по радио²³⁶. То есть корпус действовал самостоятельно по фактической обстановке, не получая приказов и не докладывая о своих действиях. Это свидетельствует о потере управления корпусом со стороны Военного совета 10-й армии.

В полосе 1-го стрелкового корпуса противник после артиллерийской подготовки в 5 часов перешел государст-

венную границу и беспрепятственно двигался в восточном и юго-восточном направлениях. С подходом дивизий первого эшелона границы развернулись жаркие бои.

«Части 8 сд, — как сказано в оперативной сводке штаба корпуса, — упрежденные противником в захвате передовой позиции УР, поднятые по тревоге, заняли оборону на рубеже: Щучин, Грабово, Кольно, Ворково, Конты. Вели сдерживающие упорные бои»²³⁷.

Левее 8-й стрелковой дивизии действовала 6-я кавалерийская дивизия, 2-я стрелковая дивизия вела бои в районе Руда.

6-й и 13-й механизированные корпуса, находившиеся во втором эшелоне, были подняты по боевой тревоге в третьем часу ночи и выведены из городков и населенных пунктов. В результате удары немецкой авиации по местам их дислокации не нанесли существенных потерь.

В 4 часа утра немецкая авиация нанесла также удары по штабу 10-й армии в Белостоке, штабам 13-го механизированного и 5-го стрелкового корпусов в Бельске..

Для усиления обороны командующий 10-й армией приказал 6-му корпусу занять оборону по восточному берегу реки Нарев на участке протяженностью 35 км, а 13-му — по реке Нужец. Весь первый день войны эти мощные механизированные корпуса, особенно 6-й, имевший на 200 танков больше, чем в танковой группе Гудериана, простояли в обороне и не использовались для ударов по прорвавшемуся противнику в полосах действий 1-го и 5-го стрелковых корпусов. Помимо этого рядом у Бреста 4-я армия вела жаркие бои с дивизиями 2-й танковой группы Гудериана, а наши мощные механизированные корпуса бездействовали, находясь в непосредственной близости. Этим они способствовали противнику в разгроме советских войск по частям, имея превосходство в танках, в то время как общее превосходство по ним было на стороне советских войск. В этом сказались недостатки управления из-за отсутствия устойчивой связи между штабами, а также фактор внезапного нападения.

С самого начала войны связь штаба фронта с 10-й армией прекратилась, и принятые меры не привели к ее восстановлению. В связи с этим в 10-ю армию, как сказано выше, на самолете вылетел заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант И. В. Болдин с задачей установить состояние армии и по обстановке нанести контрудар силами 6-го механизированного корпуса

на брестском или гродненском направлении. Решение было целесообразным.

Миссия Болдина станет известной в истории войн, поэтому с использованием его воспоминаний последуем за ним, чтобы глазами очевидца увидеть условия начала войны на важнейшем стратегическом направлении, а также организацию и ход контрудара по противнику с использованием танковых соединений.

Генерал Болдин с порученцем и двумя командирами штаба вылетел из Минска утром 22 июня на двух самолетах СВ. Состав его оперативной группы был явно недостаточен для организации и нанесения контрудара. В воздухе безраздельно господствовала немецкая авиация. 9-я смешанная авиационная дивизия бездействовала, так как большая часть ее самолетов была уничтожена на аэродромах и еще ночью нарушена связь, а следовательно, и управление ее силами.

Самолеты Болдина при подлете к району Белостока были обнаружены «мессершмиттами» и атакованы. Они получили около двадцати пробоин, но сохранили летные свойства и произвели посадку на аэродроме в 35 км восточнее Белостока. Не успели самолеты зарулить на стоянку, как начался налет немецкой авиации. «Показались девять гитлеровских пиратов, — вспоминает Болдин. — А на аэродроме, нет никаких зенитных средств, чтобы отогнать их.

Вражеские самолеты снижаются и без помех сбрасывают бомбы. Горят машины. Огненные языки лижут и наши два самолета». Но он не сказал, как первый заместитель командующего фронтом, почему на этом и других аэродромах нет зенитных средств? Почему все зенитные дивизионы за малым исключением оказались в такой ответственный момент на сборе за Минском и не принимают участия в боевых действиях.

После налета немецких самолетов И. В. Болдин на грузовой автомашине направился в штаб армии, который находился в Белостоке. На шоссе он встретил сутолку «совершенно растерянных людей, не знающих, куда и зачем они идут или едут». Вскоре Болдин увидел «как с запада приближаются полтора десятка немецких бомбардировщиков. Летят низко, с вызывающей дерзостью, точно полновластные хозяева нашего неба. На фюзеляжах четко видны пауки фашистской свастики.

Жестокая война началась. Но разве это война? Нет,

пока что это безнаказанный бандитизм»²³⁸. Это правильно, но кто повинен в этом? Неужели командование фронта, имеющее в своем подчинении столько авиации, не имеет к этому отношения?

Через некоторое время, пишет Болдин, «В небе снова шум моторов. Показались три бомбардировщика. Они снились почти до двухсот метров и начали в упор расстреливать идущих и едущих по шоссе. Люди бегут. Но куда? Где найти спасение, когда наглые гитлеровцы, сея смерть, гоняются чуть ли не за каждым человеком?

И нашу полуторку прошла пулеметная очередь, за ней другая, третья. Шофер убит. Я уцелел, едва успев выскочить из кабины»²³⁹.

В этом налете был убит и один из командиров, сопровождавших Болдина. Около 19 часов он прибыл на командный пункт 10-й армии, который с трудом разыскал в двенадцати километрах юго-западнее Белостока. Размещался командный пункт в двух палатках. Командующий армией генерал-майор К. Д. Голубев на вопрос Болдина почему сведений о обстановке не передаются в штаб фронта ответил, что проводная связь нарушена диверсантами, а армейские радиостанции работают плохо, вражеские их забивают.

Обстановка в полосе армии по докладу Голубева была тяжелой. На рассвете немцы при поддержке авиации атаковали 1-й и 5-й стрелковые корпуса, дивизии понесли большие потери, но сдерживают противника. 6-я кавалерийская дивизия южнее Ломжи вступила в бой с немцами и сражалась весьма успешно. Но противник бросил на дивизию авиацию, которая растрепала ее: что конники сделают против самолетов при отсутствии зенитных средств и прикрытия с воздуха. Остатки дивизии сосредоточиваются в лесу северо-восточнее Белостока. 36-я кавдивизия 6-го корпуса в бою не участвовала, так как дислоцируется в районе Волковыска. Для прикрытия от охвата армии с юга по реке Нужец развернут 13-й мехкорпус генерал-майора П. Н. Ахлюстина, а в центре по реке Нарев поставлен в оборону 6-й механизированный корпус генерал-майора М. Г. Хацкилевича. Услышав, что 6-й мехкорпус обороняется, Болдин с горечью сказал:

«Что вы делаете генерал? Ведь вам известно, что механизированный корпус предназначен для контратак по наступающему противнику, а не для того, чтобы затыкать прорехи в обороне.

Командующий склоняется над картой, тяжело вздыхает, потом говорит:

— Это справедливо, но с чем воевать? Почти вся наша авиация и зенитная артиллерия разбиты. Боелприпасов мало. На исходе горючее для танков.

— Насколько мне известно, товарищ Голубев, в вашей армии было достаточно горючего. Куда же оно делось?

— Тут видимо вражеская агентура поработала. Уже в первые часы нападения авиация противника произвела налеты на наши склады с горючим. Они и до сих пор горят. На железнодорожных магистралях цистерны с горючим тоже уничтожены. Ясно, что это не случайно, вражеская авиация действовала по хорошо известным ей объектам»²⁴⁰.

На исходе 22 июня генерал Павлов приказал Голубеву в течение ночи занять Осовец, Бобр, Визну, Сокулку, Бельск. Но его армия выполнить эту задачу не смогла, так как 6-й механизированный корпус и 36-я кавалерийская дивизия были изъяты из ее состава и переданы в конно-механизированную группу.

Войска армии еле сдерживали натиск противника. В связи с этим на следующий день командующий фронтом дал указание Голубеву отвести их за реку Нарев.

24 июня во второй половине дня на командный пункт 10-й армии прибыл генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев. Вечером генерал Голубев собрал командно-начальствующий состав штаба, чтобы заслушать их сообщения об отводе войск из Белостокского выступа. На этом совещании выступил Карбышев, предложивший использовать как промежуточные рубежи реки Бебжу и Нарев. При этом заметил, что если бы удалось отвести войска на реку Щара, то можно было бы организовать настолько прочную оборону, что немцам не удалось бы преодолеть ее с ходу,

После совещания командный пункт армии снялся с позиции и двинулся на новое положение. К рассвету он расположился южнее станции Валилы в 35 км от Белостока. Обстановка в районе командного пункта сложилась тяжелая. С фронта отходили разрозненные, нередко деморализованные группы бойцов разных частей, в районе командного пункта армии скопилось большое количество раненых. Пользуясь этим, к штабу армии проникли переодетые диверсанты, они убивали советских командиров, распространяли ложные слухи, сеяли панику²⁴¹.

Карбышеву для следования в Минск для охраны был вы-

делен небольшой отряд, но пробиться он уже не смог и вскоре вернулся на командный пункт. Далее он следовал с войсками армии.

25 июня в связи с угрозой окружения войск в Белостокском выступе командующий фронтом с разрешения наркома обороны дал приказ 3-й и 10-й армиям в ночь на 26 июня отходить на восток. Из-за отсутствия связи некоторые соединения приказ на отступление получили спустя сутки и отход проходил неорганизованно.

Для отхода войск 10-й армии к этому времени оставался узкий коридор от Белостока на Волковыск с малым количеством грунтовых дорог. Авиация противника непрерывно наносила удары. Его соединения с севера и юга двигались вперед, чтобы перекрыть этот коридор. Отходящим войскам приходилось вести непрерывные арьергардные бои с преследующими немецкими частями.

С целью оказания содействия войскам фронта, нарком обороны в 15 часов 26 июня приказал командирам 1-го и 3-го дальнебомбардировочных корпусов непрерывно днем и ночью бомбить войска противника. Удары по врагу нанесли и бомбардировочные авиационные дивизии фронта.

В районе Белостока вместе с другими соединениями отходила с боями и 7-я артиллерийская противотанковая бригада РК. Она находилась в стадии формирования, за 2-4 дня до начала войны прибыло молодое пополнение. В полку подполковника Зайцева имелось только 1835 человек личного состава, 28 орудий, 350 винтовок, 80 карабинов и совершенно не было транспорта. Такое же положение было и в других полках. Тем не менее, бойцы и командиры бригады сражались мужественно, на руках вытаскивали пушки на огневые позиции и на себе тянули их на восток. Вскоре кончились боеприпасы. Не имея базы для их пополнения, бойцы и командиры собирали снаряды, брошенные другими частями, и этим вели бой с врагом. Во время отхода бригада подвергалась ударам с воздуха, понесла большие потери и рассредоточилась по полкам, а через четыре дня вновь собралась вместе.

На рассвете 26 июня во время переезда командного пункта армии на новую позицию в Замковый лес северовосточнее Волковыска переодетые в советскую форму диверсанты напали на укрытие, где находился генерал Голубев с командирами оперативного отдела, но были отбиты. Налет на командный пункт призвала немецкая авиация. Днем остатки различных частей и соединений вели

тяжелые сдерживающие бди вдоль магистрали Белосток-Волковыск. Этим обеспечивался отход войск из Белостокского выступа. К вечеру завязался бой на западной окраине Волковыска. Наши бойцы почти не имели боеприпасов, вспоминает начальник оперативного отдела С. А. Маркушевич, и наименее стойкие группы начали самовольно отходить.

27 июня штаб 10-й армии оказался в окружении, бои шли в Волковыске. Командиры штаба формировали отдельные боевые группы из скопившихся в лесу бойцов и тут же отправлялись с ними в бой. Вечером командующий принял решение на дальнейший отход, и колонна штаба двинулась по полевой дороге в направлении местечка Деречин. Утром она несколько раз подвергалась обстрелу с немецких самолетов. Разведка установила, что все переправы через реку Щара заняты врагом и возникла проблема переправы на восточный берег. Перед вечером полковник П. Ф. Сухаревич доложил командующему, что в устье реки Щара имеется якобы старый заброшенный мост, который не показан на карте, поэтому о нем немцы не знают, но это требует проверки. На разведку была послана группа. Вскоре, не дождавшись ее возвращения, в том же направлении двинулась колонна штаба и прибыла к предполагаемой переправе. Оказалось, что мост действительно есть, но старый, полустгнивший. По нему уже несколько дней проходили части 10-й и 3-й армий. В районе моста скопилось несколько сот машин, подошли войска. Силами последних была организована оборона. Мост был отремонтирован и по нему всю ночь под руководством генералов Голубева, Карбышева на восточный берег Щары переправлялись люди и боевая техника.

На следующий день немецкие войска, наступающие от Гродно на юг и из района Белостока на северо-восток, соединились в районе пункта Крынки, отрезав пути отхода советских войск из района Белостока.

29 июня командный пункт 10-й армии находился в лесу 16 км юго-западнее Дятлово. Через этот пункт еще 27 июня проследовала немецкая колонна на Новогрудок, и теперь по всем основным дорогам непрерывно двигались вражеские войска.

Вечером командный пункт армии выступил в путь в направлении станций Выгода, Городея. Впереди на удалении 8-10 км двигался головной отряд под руководством генерала Ляпина. Перед рассветом отряд пересек дорогу

Столбцы – Несвиж и подошел к поселку Соловичи. Вдруг далеко позади раздались выстрелы, пулеметные очереди, взрывы оружейных снарядов. Ляпин остановил отряд и для выяснения обстановки послал к колонне командного пункта на мотоциклах вначале старшину-пограничника, а затем лейтенанта. Последний вскоре вернулся и доложил, что на месте боя обнаружил разбитую грузовую машину и подбитый танк из людей никого не оказалось. На рассвете передовой отряд догнали несколько машин из основной колонны. В числе прибывших были временно исполняющий обязанности члена Военного совета армии бригадный комиссар Иванов и инструктор политотдела подполковник Ухаров. Иванов передал приказание командующего армией следовать по намеченному ранее маршруту, а в случае необходимости действовать самостоятельно.

Генерал-лейтенант Д. М. Карбышев далее на восток двигался вдвоем с полковником П. Ф. Сухаревичем. Шли они по лесам и болотам, так как по дорогам двигались немецкие части. Вышли к Днепру в районе Могилева. О дальнейшем Д. М. Карбышев рассказал следующее: «Видим, идет стихийная переправа мелких разрозненных подразделений и отдельных групп. Переправляются кто на чем. Каша невообразимая. Порядка никакого. Вот мы и взялись с Сухаревичем, как старшие начальники, наводить порядок. Конечно, немцы засекли скопление людей и начали нещадно бомбить. Во время одной из таких бомбежек я был контужен и ранен. Как меня захватили в плен – не знаю. Если бы был в сознании, то живым не дался бы»²⁴². Был пленен и П. Ф. Сухаревич.

Три с половиной года провел Д. М. Карбышев в немецких лагерях. Немцы хотели заставить его изменить Родине и работать на них. Но советский патриот не склонил головы перед врагом, не пошел на предательство. Тогда фашисты его заморозили в лагере смерти Маутхаузине, обливая водой морозной ночью в феврале 1945 г. Генерал-лейтенанту инженерных войск Д. М. Карбышеву 16 августа 1946 г. «За исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне» было присвоено звание Героя Советского Союза.

Действия Д. М. Карбышева и П. Ф. Сухаревича при выходе из окружения, закончившиеся пленом, характерны для многих, другие перешли к партизанским действиям, погибли. Мало что сохранилось от войск мощной 10-й ар-

мии. Ее управление вышло из окружения в июле 1941 г. и было расформировано.

§ 6. Контрудар конно-механизированной группы

В двенадцатом часу ночи 22 июня командующий Западным фронтом установил связь со штабом 10-й армии, вызвал к телефону своего заместителя генерал-лейтенанта И. В. Болдина и передал ему следующий приказ, разработанный в соответствии с требованиями приказа № 3 наркома обороны: «Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса генерала Хацкелевича, тридцать шестой кавалерийской дивизии, частей Мостовенко и контратаковать наступающего противника в направлении Белосток — южнее Гродно с задачей уничтожить вражеские части на левом берегу Немана и не допустить выхода немцев в район Волковыска. После этого вся группа перейдет в подчинение Кузнецова. Это ваша ближайшая задача и за ее решение отвечаете лично вы»²⁴³.

Состав конно-механизированной группы и ее задача были определены, и Болдин немедленно приступил к организации контрудара. Для этого он вызвал на командный пункт 10-й армии командиров 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов генерал-майоров М. Г. Хацкилевича и И. С. Никитина и поставил им следующую задачу: к утру 23 июня сосредоточить соединения корпусов в лесу 10 км северо-восточнее Белостока, а с рассветом нанести контрудар в направлении на Гродно и во взаимодействии с 11-м механизированным корпусом, который уже ведет бой под Гродно, разгромить группировку противника, наступающую на Кринки.

На рассвете 23 июня командный пункт конно-механизированной группы И. В. Болдина, а также штабы 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов развернулись в 15 километрах северо-восточнее Белостока. Части 6-го мехкорпуса, кроме 7-й танковой дивизии, выдвигались к рубежу развертывания, а 36-я кавдивизия находилась на марше из-за большого удаления места ее дислокации. Связь с командиром 11-го мехкорпуса генерал-майором танковых войск Д. К. Мостовенко и штабом 3-й армии отсутствовала, посланные на розыск корпуса командиры не вернулись.

Утром 23 июня 36-я кавалерийская дивизия плотными

колоннами, как в мирное время, следовала к району сосредоточения. Она была обнаружена немецкой воздушной разведкой и вскоре над ней появилась группа самолетов, которые с ходу нанесли бомбовый удар по колоннам конницы, затем расстреливали скачущих в разные стороны кавалеристов из пушек и пулеметов, опускаясь до бреющего полета. В результате большая часть дивизии была уничтожена, а оставшиеся рассеяны. Так бесславно погибло большое число людей, не вступив в сражение с врагом из-за неправильной организации марша дивизии в условиях возможного нападения самолетов противника. Прибыла дивизия в район сосредоточения не утром, а ночью и малым составом.

В непосредственной близости от района трагедии находился генерал Д. М. Карбышев, следовавший в Минск. Он отыскал командира кавдивизии генерал-майора Зыбина и порекомендовал метод совершения марша в современных условиях. Это была вторая дивизия 6-го кавалерийского корпуса, которая понесла большие потери от ударов авиации противника, что свидетельствовало о недостатках руководства и боевой подготовки конницы.

Конница относилась к устаревшему роду войск, но при умелом командовании успешно применялась до конца войны. Примечательно, что первыми вышли на Эльбу в 1945 г. и встретились с американцами бойцы передового отряда 6-й гвардейской Гродненской кавалерийской дивизии имени А. Пархоменко. Почетное наименование дивизии говорит, что именно в этих местах она добыла в боях часть своей славы. Это наглядно свидетельствует, что соединения конницы могли успешно воевать, а не бесславно гибнуть из-за нераспорядительности и слабой подготовки командиров.

Погибнуть и быть разбитым на войне не сложно, гораздо труднее добиться победы. Для этого нужны знания, опыт, предвидение, талант и мудрость. Без одного из этих элементов надеяться на победу и благоприятный исход боя не приходится. Кто пытается добитой успеха без учета этих элементов, тот тешит себя и других несбыточными иллюзиями и не имеет ясного представления о вооруженной борьбе, в которой побеждает сильнейший, рационально использовавший свои силы в конкретных условиях обстановки.

Где находилась 7-я танковая дивизия 6-го мехкорпуса? Почему она не прибыла в район сосредоточения? Эти

и другие вопросы, связанные с дивизией рассмотрим с использованием доклада ее командира генерал-майора танковых войск С. В. Борзилова, направленного им в Главное бронетанковое управление.

К началу войны 7-я танковая дивизия была укомплектована командным составом на 80 проц. и рядовым на 98 проц. В ней имелось 368 танков, из них: 51 КВ, 150 Т-34, 125 БТ-5, -7 и 42 Т-26. Дивизия очень мощная, достаточно оснащенная новыми типами танков, обеспеченная горючим и боеприпасами. Но ее единственный зенитный артиллерийский дивизион находился на сборах в Крупках за Минском, ручные и станковые пулеметы с расчетами 7-го мотострелкового полка – на сборах в районе Кнышен, а 2-й батальон 13-го танкового полка – на стрельбище, так как дивизия готовилась к учению, назначенному на 23 июня²⁴⁴.

Указанные недостатки, снизившими боевую мощь дивизии, являлись следствием внезапного нападения врага и давали ему существенное преимущество.

В 2 часа ночи 22 июня в дивизию прибыл делегат связи и передал приказ об объявлении боевой тревоги с вскрытием «Красного пакета». Через 10 мин была объявлена боевая тревога, а в 4 часа 30 мин части дивизии сосредоточились на сборном пункте. В 4 часа авиация противника нанесла удар по пунктам дислокации дивизии, но застала там только остатки 13-го полка, в котором было убито 4, ранено 26 человек, материальная часть не пострадала. Из приведенных данных видно, что благодаря четким действиям штаба 10-й армии дивизия своевременно была выведена из-под удара и сохранила полную боеспособность.

Весь день дивизия простояла в районе сосредоточения, не имея боевой задачи, лишь вела разведку силами разведывательного батальона по Варшавскому шоссе на запад до района боев.

«В 22 часа 22 июня дивизия получила приказ о переходе в новый район сосредоточения – ст. Волпа (вост. Белостока) и последующую задачу: уничтожить танковую дивизию, прорвавшуюся в районе Бельска»²⁴⁵.

В 4 часа утра 23 июня дивизия двинулась в новый район сосредоточения, а затем в район Бельска. На всех дорогах были пробки из-за беспорядочного отступления тылов армии из Белостока, так как регулирование дорожного движения еще не было налажено. За время марша и

нахождения в районе сосредоточения дивизия до 14 часов почти все время находилась под ударами авиации, которая уничтожила 63 танка и разбила все тылы полков.

Танковой дивизии противника в районе Бельска не оказалось, и дивизия не была использована. Однако основание для направления 7-й танковой дивизии в район Бельска было, так как 17-я танковая дивизия противника из 2-й танковой группы Гудериана, после переправы через Западный Буг некоторое время двигалась на этот город, а затем повернула на Пружаны. Поэтому, если бы 7-я танковая продолжила движение на юг, то нанесла удар в тыл 47-му моторизованному корпусу противника с серьезными последствиями для него, но в 14 часов она получила приказ развернуться и двинуться на север в состав конно-механизированной группы Болдина.

6-й механизированный корпус М. Г. Хацкилевича на марше понес потери от ударов авиации и утром 23 июня организованно перейти в наступление не смог. Ночью к нему присоединилась 36-я кавалерийская дивизия, а в конце следующего дня - 7-я танковая. Связь с 11-м мехкорпусом Болдин установить так и не смог и конно-механизированную группу в заданном составе не создал.

11-й корпус и содействующая ему 85-я стрелковая дивизия вели боевые действия, как показано выше, под руководством генерала В. И. Кузнецова.

Подчиненные генералу Болдину 6-й мехкорпус и 36-я кавалерийская дивизия в полдень 24 июня вышли на рубеж развертывания и дружно атаковали врага. Обстановка для немецких войск сложилась опасная, так как 6-му и 11-му механизированным корпусам они ничего не могли противопоставить кроме пехотных дивизий, так как 39-й и 57-й моторизованные корпуса Гота находились далеко. Советские войска, имея подавляющее превосходство в танках, начали быстро продвигаться вперед. В связи с этим в район Гродно немецкое командование спешно направило генерал-инспектора пехоты Е. Отта для выяснения обстановки и оказания помощи войскам. По его докладу было решено на помощь 20-му армейскому корпусу направить 8-й и 42-й, а отсутствие танков компенсировать авиацией, которую в больших количествах бросить в бой. Поэтому в этот и последующие дни усилия 2-го немецкого воздушно-го флота, как сказано в его журнале боевых действий, были сосредоточены под Гродно. Советских истребителей и бомбардировщиков в небе не было. Зенитная артиллерия

в наземных войсках отсутствовала, так как не прибыла со сборов, поэтому немецкая авиация противодействия не имела и безнаказанно уничтожала танки и живую силу, нанося большие потери наступающим советским войскам.

Командующий фронтом в тот же день приказал командующему ВВС поддержать группу Болдина не менее как 80 самолетами-бомбардировщиками. Выполнение этой задачи было поручено 12-й и 13-й бомбардировочным авиационным дивизиям. Данные о целях от группы Болдина, из-за отсутствия связи, бомбардировщикам не поступали и они нанесли удары по колоннам врага вдали от переднего края, чтобы не ударить по своим. Мощные удары по войскам противника нанесли также группы 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса.

24 июня вскоре после перехода войск в наступление на командный пункт Болдина прибыл маршал Г. Н. Кулик, заслушал доклад об обстановке, дал указания и вскоре ушел неизвестно куда. До конца приграничного сражения никто не знал, где он находится.

Под Гродно против пяти пехотных дивизий врага, не имеющих танков, сражались восемь советских, в их числе четыре танковые, две моторизованные, одна стрелковая и одна кавалерийская. И при таких благоприятных условиях противник не был разбит. Это явилось следствием того, что в механизированных корпусах ощущался острый недостаток горючего и боеприпасов, без чего их боевые машины теряли подвижность и боеспособность. Их негде было взять, так как все склады были уничтожены противником и своими руками на окраине Гродно при сдаче его без всякой необходимости командующим 3-й армией в первый день войны. Конно-механизированная группа могла начать действовать из района этого города, имея рядом склады горючего и боеприпасов, на что и надеялись в Москве при разработке контрудара, а сейчас вела боевые действия по его взятию.

В самый разгар боя, вспоминает Болдин, позвонил ему Хацкилевич:

— Товарищ генерал, кончаются горючее и боеприпасы. Танкисты держатся отважно. Но без снарядов и горючего наши машины становятся беспомощными. Дайте только все необходимое и мы расправимся с фашистами.

— Держитесь! Немедленно приму все меры для оказания помощи²⁴⁶

Эта проблема известна была и ранее, но почему-то ни

Хацкилевич, ни Болдин ей не занимались, хотя время было. Сейчас же поиски горючего и боеприпасов были тщетны. Складов горючего и боеприпасов обнаружить не удалось. В 10-й и 3-й армиях их не было, а 4-я армия уже далеко отошла на восток.

Подвоз горючего и боеприпасов от Минска был длителен и уже невозможен, так как все основные дороги захватил противник. Связи со штабом фронта не было, поэтому Болдин послал в Минск письмо самолетом с просьбой срочно организовать переброску горючего и боеприпасов по воздуху. Это в принципе было возможно, так как фронт имел самолеты ТБ-3. За первым самолетом был послан второй, но оба были сбиты противником²⁴⁷.

20-й и 8-й немецкие армейские корпуса, насыщенные противотанковой артиллерией и противотанковыми ружьями, вели активную борьбу с механизированными корпусами. 25 июня, пользуясь малой подвижностью и боеспособностью танков, противник начал расчленять танковые дивизии на части и те вели бои не связанные единым замыслом, что снижало их боевую мощь.

Командир 4-й танковой дивизии генерал-майор А. Г. Потатурчев донес в середине дня, что в частях нет боеприпасов, а потери танков достигают 50 проц.

На поддержку 6-го и 11-го механизированных корпусов были брошены 12-я и 13-я бомбардировочные авиадивизии, полки 43-й истребительной дивизии и 3-го дадьнебомбардировочного авиакорпуса. Авиаторы совершили 760 самолето-вылетов и уничтожили большое количество живой силы и боевой техники врага, но помощь запоздала²⁴⁸.

Под Гродно шли ожесточенные бои. Боеприпасов у советских войск осталось мало и полностью отсутствовало горючее.

Около 17 часов 25 июня генерал Павлов, не сумев установить связь с Болдиным, через штабы 3-й и 10-й армий направил командиру 6-го мехкорпуса распоряжение:

«Немедленно прервите бой и форсированным маршем, следуя ночью и днем, сосредоточьтесь в Слоним. Свяжитесь по радио с Голубевым и непосредственно со мной. О начале движения утром 26 июня и об окончании марша донесите. Радируйте о состоянии горючего и боеприпасов»²⁴⁹.

Это было правильное, но запоздалое решение. Павлов полагал, что даже, если в корпусе сохранится и половина танков, а это 500 машин, то положение в районе Сло-

нима резко улучшится. Но он не получил от Хацкилевича сообщений, так как корпус к этому времени прекратил существование. Некому было выполнять распоряжение.

Создавшееся положение Болдин описал так: «Противник все насаждает. Мы ведем бой в окружении. А сил у нас все меньше. Танкисты заняли оборону в десятикилометровой полосе. В трех километрах за ними наш командный пункт.

На КП прибыл Хацкилевич. Он явно нервничает:

— У нас последние снаряды. Выпустим их и придется уничтожать танки.

— Да, пожалуй, иного выхода нет, — ответил я. — Если машины нельзя сохранить, их лучше уничтожить.

Глядя тогда в глаза этому мужественному человеку, разве мог я подумать, что в тот день мы лишимся не только танкового корпуса, но и этого чудесного человека»²⁵⁰.

Оставшиеся танки 6-го мехкорпуса танкисты сожгли своими руками, не, реализовав их боевую мощь в борьбе с врагом.

Утром 26 июня конно-механизированная группа Болдина в районе Белостока, как он пишет в воспоминаниях, прекратила свое существование, так как «не имея боеприпасов, войска вынуждены были отступить и разрозненными группами разбрелись по лесам...»²⁵¹. Сам Болдин с оставшимся при нем адъютантом зашагал «налегке строго на восток».

В пути к Болдину примыкали встречные бойцы и командиры, отставшие от частей и выходявшие из окружения самостоятельно. К вечеру у него было около тридцати человек, а на следующий день — около пятидесяти. Вот чем он располагал реально, а оставленные им войска продолжали сражаться. Но он этого не знал даже при написании воспоминаний.

Фактическую обстановку, ход боевых действий 26 июня и отступление описал генерал С. В. Борзилов в докладе начальнику Главного бронетанкового управления о действиях 7-й танковой дивизии. В целях документальности мы процитируем значительную его часть. В докладе сказано, что «25–26 июня до 21 часа дивизия вела оборонительные бои во взаимодействии с 29 мсд и 36 кд, наносила удары перед фронтом 128 мсп 29 мсд и 36 кд.

9. В частях дивизии ГСМ были на исходе, заправку производить не представлялось никакой возможности из-

за отсутствия тары и головных складов, правда, удалось заполучить одну заправку из сторевших складов Кузница и м. Кринки (вообще ГСМ добывали кто как сумел). К исходу дня 25 июня был получен приказ командира корпуса на отход за р. Свислочь, но выполняли его только по особому сигналу. По предварительным данным, 4-я тд 6-го мехкорпуса в ночь на 26 июня отошла за р. Свислочь, в результате чего был открыт фланг 36-й кавалерийской дивизии.

К исходу 26 июня противник, использовав резерв, перешел в наступление. В 21 час части 36-й кд и 128 мсп 29 мсд беспорядочно начали отход, — вот только когда начался отход основной массы конно-механизированной группы, а командующего и след простыл. Борзилов далее указывает. — Мною были приняты меры для восстановления положения, но это успеха не имело. Я отдал приказ прикрывать отходящие части 29 мсд и 36 кд, в районе м. Кринки сделал вторую попытку задержать отходящие части, где удалось задержать 128 мсп, и в ночь на 27 июня переправился через р. Свислочь восточное м. Кринки (это было начало общего беспорядочного отступления), в это время нарушилась связь со штабом корпуса. Связь удалось восстановить к исходу 27 на переправе у Волковыска.

Части дивизии все время от Кузницы, Сокулки и до Слонома вели бои с преследующими десантными частями противника. 29 июня в 11 часов с остатками матчасти (3 машины Т-34) и отрядом пехоты и конницы подошел в леса восточнее Слонома, где вел бой 29 и 30 июня. 30 июня в 22 часа двинулся в леса и далее Пинские болота по маршруту Вулька, Величковичи, Постола, ст. Старушка, Гомель, Вязьма.

10. Материальная часть вся оставлена на территории, занятой противником от Белостока до Слонома. Оставляемая матчасть приводилась в негодность»²⁵².

Далее Борзилов указывает, что «Материальная часть оставлена по причине отсутствия ГСМ и ремфонда», что явилось следствием несовершенства тылового обеспечения. Это подтверждает прославленный полководец Четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который в воспоминаниях пишет: «из-за отсутствия должного материально-технического снабжения войска контрударной группировки не смогли эффективно вести наступательное сражение. В ходе боев они понесли

значительные потери и начали отход. Танкистам не удалось полностью вывести из боя материальную часть из-за отсутствия горючего»²⁵³.

Немцы на чужой территории на удалении 300 км от границы бесперебойно снабжали свои танковые и моторизованные дивизии горючим и боеприпасами, а командующие 3-й и 10-й армиями не могли этого сделать даже в районах их постоянной дислокации. Каким же образом группа Болдина вышла бы в район Сувалок, когда у Кузницы у нее кончились горючее и боеприпасы? Главная вина в несостоявшемся контрударе в тыл 3-й танковой группы противника ложится на генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, сдавшего без всякой военной необходимости немцам Гродно и взорвавшему в его районе склады горючего и боеприпасов. Этим он лишил группу Болдина рационального исходного района для наступления на Сувалки и материальных средств для его ведения.

Командир 7-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск С. В. Борзилов, проявив мужество и стойкость, много сделал для спасения и организованного отхода своей, а так же 29-й моторизованной и 36-й кавалерийской дивизий, но этого оказалось недостаточно. Основные силы 6-го мехкорпуса, отходившие к Слониму по приказу Павлова, подошли к нему ослабленными, вели у него бой и прекратили свое существование. Здесь же не стало и конно-механизированной группы, которая, имея превосходство над противником, поставленной задачи не выполнила и потеряла весь свой состав, главным образом из-за отсутствия горючего и боеприпасов.

Об условиях действий и последних часах конно-механизированной группы вот что написал Н. А. Вольф-туб, сражавшийся в составе 124-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования:

«Рано утром 22 июня полк был поднят по тревоге. Боевой порядок 124-й гап РКГ занял у г. Замбрув. Затем полк снялся с огневой позиции и совершил марш в район северо-восточнее Белостока, где... участвовал в артобеспечении контрудара по вклинившейся группировке противника с направления Гродно... Мы оказались без прикрытия с воздуха, и немецкие самолеты буквально ходили по головам с рассвета и до темноты... Вскоре мы оказались в окружении, бросили технику... До сих пор с болью и горечью вспоминаю о том, сколько было брошено на дорогах и полях орудий, танков, автомашин и другой техники»²⁵⁴.

Остатки личного состава конно-механизированной группы по лесам и болотам шли на соединение с войсками Красной Армии, в их числе был и ее командующий генерал-лейтенант И. В. Болдин, с которым еще встретимся на свою территорию вышел лишь небольшой сводный отряд 7-й танковой и 36-й кавалерийской дивизий под руководством генерала С. В. Борзилова.

§ 7. Боевые действия 4-й армии

Государственную границу на левом крыле Западного особого военного округа от Дрохочина до Влодавы, протяженностью 150 км, прикрывала 4-я армия. Командовал армией генерал-майор А. А. Коробков, членом Военного совета был дивизионный комиссар Ф. И. Шлыков, начальником штаба — полковник Л. М. Сандалов.

В состав 4-й армии входили 28-й стрелковый (6,42, 49,75-я стрелковые дивизии) и 14-й механизированный (22,30-я танковые, 205-я моторизованная дивизии) корпуса, 62-й (Брестский) укрепленный район, 10-я смешанная авиационная дивизия. Всего в армии из сухопутных войск имелось 7 дивизий, в их числе 4 стрелковые, 2 танковые и одна моторизованная. В 14-м механизированном корпусе насчитывалось 520 легких танков BT-5, -7 и T-26.

Немецкое командование в полосе действий 4-й армии развернуло 12-й и 43-й армейские корпуса; 293,265,267-ю и две резервные пехотные дивизии немецкой 4-й армии фельдмаршала фон Клюге и 2-ю танковую группу генерал-полковника Г. Гудериана. Во 2-ю танковую группу входили 24,46,47-й моторизованные корпуса. В ее составе имелось 5 танковых, 3 моторизованные, 1 кавалерийская дивизии и отдельный пехотный полк и насчитывалось 953 танка.

Соотношение сил и средств 4-й армии и противостоящего противника на 22 июня 1941 г. показано в таблице²⁵⁵.

Из таблицы видно, что противник против 7 советских дивизий развернул на направлении главного удара на Москву 20,5 немецких и превосходил их по личному составу в 6,5 раз по всей границе, а на участках прорыва обороны — в 7-8 раз. По численности орудий и минометов превосходил войска 4-й армии в 3,6 раза, а по танкам — 1,6, причем у него имелось 400 средних танков, которых

в советских войсках не было. Следовательно, противник имел подавляющее превосходство по численности личного состава и значительное по танкам, что обеспечивало ему ведение эффективных наступательных боевых действий.

Силы и средства	4-я армия (советская)	2-я танковая группа и 12 див. 4-й армии	Соотношение сил и средств
Дивизии	7	20,5	1:2,9
Личный состав	71349	416680	1:6,5
Орудия и минометы (без 50-мм минометов)	1657	5953	1:3,6
Танки	580	953	1:1,6

Противник из района Бреста наносил главный удар на Минск и вспомогательные - на Белосток и Бобруйск. Это обеспечивало с учетом ударов 9-й армии и 3-й танковой группы из района Сувалок окружение между Минском и Белостоком основных сил Западного фронта.

На время прорыва приграничных оборонительных сооружений советских войск 2-й танковой группе оперативно были подчинены 12-й армейский корпус и 265-я пехотная дивизия, а сама танковая группа - 4-й армии. Это двойное подчинение позволяло достигнуть четкого взаимодействия танковых и пехотных соединений на этом важнейшем этапе наступательной операции.

На город Брест и Брестскую крепость наступал 12-й армейский (31,34-я и 45-я пехотные дивизии) корпус. Севернее Бреста удар на Минск наносил 47-й моторизованный корпус генерала танковых войск Лемельзена. В первом его эшелоне находились 17-я и 18-я танковые дивизии, во втором - 29-я моторизованная. Южнее Бреста удар на Бобруйск наносил 24-й моторизованный корпус генерала танковых войск барона Г. фон Швеппенбурга. В первом его эшелоне находились 3-я и 4-я танковые, 1-я кавалерийская дивизии, во втором - 10-я моторизованная. 265-я и 267-я пехотные дивизии наносили удар на Малориту, Пинск.

46-й моторизованный (10-я танковая дивизия, мотоди-

визия СС «Рейх» и пехотный полк «Великая Германия») корпус генерала танковых войск барона фон Фитингофа составлял второй эшелон танковой группы и находился в районе Родзинь, Луков, Демблин. После того как войска танковой группы форсируют Западный Буг, он должен следовать за 47-м моторизованным корпусом в качестве резерва и приходить ему на помощь для преодоления узлов сопротивления советских войск на направлении главного удара на Минск и далее на Москву.

Государственная граница в полосе действий 4-й армии на всем своем протяжении проходила по реке Западный Буг, что создавало благоприятные условия для обороны. Вдоль реки тянулись оборонительные позиции стрелковых дивизий и сооружения недостроенного Брестского укрепленного района.

На строительстве дотов укрепленного района работали специальные части, а оборонительные позиции полевого типа на своих участках обороны возводили дивизии своими силами. На этих работах было задействовано по одному батальону от каждого стрелкового палка, которые выполняли попутно оборону границы. Главные же силы дивизий прикрытия границы располагались в глубине.

Государственную границу от Дрохочина на протяжении 40 км прикрывала 49-я стрелковая дивизия, далее в центре 30-километровый участок обороняла 42-я дивизия, за ней южнее Бреста такой же участок обороняла 6-я и на левом фланге полосу шириной 50 км защищала 75-я стрелковая дивизия. Эти четыре дивизии составляли первый эшелон 4-й армии, во втором ее эшелоне находился 14-й механизированный корпус. Сил было крайне мало против того, что имел противник, а поэтому большие надежды возлагались на оборонительные сооружения и прикрывавшую их водную преграду – реку Западный Буг. План прикрытия границы не предусматривал внезапного нападения врага.

Штаб 4-й армии находился в двух километрах от Кобрина. В одном с ним здании размещался штаб 10-й смешанной авиационной дивизии, что обеспечивало оперативную постановку задач авиации на поддержку и прикрытие сухопутных войск в ходе боевых действий. Штаб 28-го стрелкового корпуса располагался в Жабинке, а 14-го механизированного корпуса – в Тавли.

Стрелковые дивизии армии дислоцировались следующим образом. Штаб 49-й дивизии и один ее полк располага-

лись в Высоком, а два других стрелковых полка – у границы. Штаб 75-й дивизии размещался в Малорите, в двух километрах восточнее ее в лесу находился 115-й стрелковый полк, а 28-й и 34-й полки – у границы.

Наиболее неблагоприятно дислоцировались 6-я и 42-я стрелковые дивизии. Из-за нехватки жилого фонда они размещались в Брестской крепости на берегу пограничной реки. Лишь 202-й гаубичный артиллерийский полк 6-й дивизии находился на Брестском артиллерийском полигоне; 459-й стрелковый и 472-й артиллерийский полки 42-й дивизии дислоцировались в Жабинке, а 17-й гаубичный артполк – на окраине Бреста. Пять батальонов дивизий находились на строительстве оборонительных укреплений у границы.

Главное неудобство и опасность размещения дивизий в крепости состояло в том, что она имела трое ворот для выхода из нее. Поэтому стоит противнику огнем закрыть ворота, что и произойдет, и выйти из крепости 6-я и 42-я дивизии не смогут, граница на протяжении 60 км, по 30 км к северу и югу от Бреста, останется открытой для противника.

О ненормальной скученной дислокации 6-й и 42-й дивизий в каменном мешке, из которого нет выхода, и всего в 150 метрах от противника под дулами его орудий, минометов и пулеметов, знало командование 28-го стрелкового корпуса и 4-й армии, докладывали об этом в штаб округа, но безрезультатно. Все они ответственны за такое размещение дивизий.

За несколько дней до начала войны, в связи с концентрацией немецких войск на границе, начальник отдала политической пропаганды 6-й стрелковой дивизии полковой комиссар Г. Пименов послал в Военный совет округа письмо с предложением вывести дивизии из крепости и занять оборонительные позиции, а семьи из Бреста отправить на восток, но был заклеямен как паникер²⁵⁶.

Командование округа стремилось без указаний свыше ничего не делать, чтобы не спровоцировать немцев на выступление. В то же время вывод дивизий в лагеря в летний период находилось в полной его компетенции и разрешения никакого не требовалось. Пименову же и другим командирам и политработникам, предлагавшим принять меры предосторожности по изменению дислокации дивизий, советовали внимательно изучить только что опубликованное заявление ТАСС, в котором от имени правительства

четко сказано, что войны с Германией в ближайшее время не будет.

В крепости на вечерней прогулке в субботу красноармейцы под ритмичные удары сотен сапог громко пели:

Нас не трогай, мы не тронем,
А затронешь спуску не дадим
И в воде мы не утонем,
И в огне мы не сторим.

А через несколько часов и в воде тонули, так как крепость окружали реки, их рукова и рвы, заполненные водой, и горели в огне пожаров, гибли под огнем противника.

Генерал армии Д. Г. Павлов на такое опасное размещение двух дивизий реагировал спокойно: не он их там поместил. В январе прошла военная игра под руководством наркома обороны, на которой одобрено такое их положение. Менее недели назад боевую готовность округа проверил заместитель наркома обороны К. А. Мерецков и признал все нормальным. Так зачем беспокоиться?

Разместил соединения в Брестской крепости командующий войсками Белорусского военного округа комкор М. П. Ковалев после освободительного похода в 1939 г. Был октябрь, холод, грязь. Разместил временно, но говорят: нет ничего более постоянного, чем временное. И с тех пор дивизии там находятся, в этом каменном мешке, а командование, будто не видит грозящей им опасности с началом войны.

Накануне вторжения немцы, не понимая слов русских песен, доносящихся из-за Буга, подтягивали к берегу артиллерию и пехоту, с вышек вдоль берега наблюдали за происходившем в крепости.

Предрешенная гибель двух дивизий без оказания противодействия врагу была опасна не только ослаблением сил 4-й армии и Западного округа, но и тем, что граница на участке 60 км лишалась войск прикрытия и как раз на направлении главного удара врага. На его пути только в глубине обороны находился второй эшелон армии — 14-й мехкорпус. Но он был неполного состава, так как 22-я танковая дивизия так же располагалась на недопустимо близком расстоянии от границы и в первый же час войны ее танки, установленные плотными рядами в парках, артиллерией противника и огнем вспыхнувших пожаров были в большей части превращены в бесформенные груды металла, погибло много и личного состава.

Если такого недопустимого расположения трех дивизий не замечало командование корпусов, армии и военного округа, а немцы видели, то мало от него можно было ожидать в ходе боевых действий. За подобные упущения по службе виновные привлекаются к ответственности. Не минует она их и в этом случае.

При внезапном нападении врага, вследствие огневого воздействия, из трех дивизий (6,42,22-я) можно считать останется одна, поэтому только 5 дивизий 4-й армии будут противостоять 20,5 дивизиям противника при его полуторном превосходстве в танках. По численности личного состава превосходство будет семикратным, так как немецкая дивизия в 1,8 раза больше советской. При таком громадном превосходстве противника возможности советских войск по защите границы были призрачны.

10-я смешанная авиационная дивизия имела четыре полка: 123-й и 33-й истребительные, 74-й штурмовой, 39-й бомбардировочный. Для дивизии строилось десять аэродромов, которые должны были вступить в строй через месяц, а пока она базировалась скученно: по одному полку на аэродроме.

Самолеты на аэродромах стояли рядами крыло к крылу, зачехленные. Так же плотными рядами располагались танки, артиллерия, автомашины 22-й танковой дивизии и войска в Брестской крепости, что позволило противнику с применением артиллерии и авиации уничтожить их в больших количествах. Если бы, как в первую мировую войну, активным боевым действиям предшествовал длительный период сосредоточения, то этого не было. Но война началась после скрытого сосредоточения войск немцами с вводом всех их в сражение при нахождении соединений 4-й армии на положении мирного времени.

Прикрытие войск 4-й армии и аэродромов от ударов авиации противника могли осуществлять лишь два полка истребителей, так как вся зенитная артиллерия сухопутных войск за малым исключением находилась на сборе за Минском. Для прикрытия штабов армии и мехкорпуса, а так же важнейших аэродромов имелся Кобринский бригадный район ПВО, оперативно подчиненный армии. Но его зенитные дивизионы, как и всего округа, находились на сборе и оттуда не прибыли с началом войны. В результате указанного вне зон прикрытых советскими истребителями немецкая авиация действовала как на полигоне без

какого-либо противодействия, что резко повышало ее активность и эффективность ударов.

О сосредоточении немецких войск на границе командованию армии было известно по сообщениям агентуры, пограничников и командиров батальонов, работавших на постройке оборонительных позиций у границы. Но мер для повышения боевой готовности войск не принималось.

Неудачное начало войны часто связывают с недостаточной подготовкой и опытом работы руководящего состава объединений вследствие репрессий. В связи с этим познакомимся с руководством 4-й армии. Командующий армией генерал-майор А. А. Коробков в 1938 г. командовал стрелковой дивизией, затем корпусом, а весной 1941 г. назначен командующим 4-й армией. Член Военного совета армии дивизионный комиссар полковник Ф.И. Шлыков – опытный политработник. Начальник штаба армии полковник Л. М. Сандалов окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и один год учился в академии Генерального штаба. В связи с репрессиями он после окончания первого курса в 1937 г. был назначен начальником оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, а в августе 1940 г. – начальником штаба 4-й армии. Из этих данных видно, что уровень подготовки командования армии был достаточно высокий, кроме командующего, который находился на должности менее полугода и не имел опыта работы.

Начало войны

Напряженность на границе нарастала и командующий 4-й армией в ночь с 21 на 22 июня, после просмотра оперетты в исполнении московских артистов, прибыл в штаб и вызвал всех его работников. В 3 часа 30 мин А. А. Коробкова «вызвал к телефонному аппарату командующий округом и сообщил, что в эту ночь ожидается провокационный налет фашистских банд на нашу территорию. Но категорически предупредил, что на провокации мы не должны поддаваться. Наша задача – только пленить банды. Государственную границу переходить запрещается»²⁵⁷.

Постановка задачи на «пленение банд» не нацеливала на ведение боевых действия против сильного противника.

«На вопрос командующего армией, какие конкретные мероприятия разрешается провести, Павлов ответил:

– Все части армии привести в боевую готовность. Немедленно начинайте выдвигать из крепости 42-ю дивизию

для занятия подготовленных позиций. Частями Брестского укрепрайона скрытно займите доты. Полки авиадивизии перебазируйте на полевые аэродромы.

До 4 часов командарм успел лично передать по телефону распоряжение начальнику штаба 42-й дивизии и коменданту укрепрайона»²⁵⁸.

Л. М. Сандалов, описывая действия командующего, не сообщает, что делал он, как начальник штаба армии, и почему 6-я дивизия была оставлена в крепости. Было еще 30 мин до начала войны, и это время не было рационально использовано. Сигнал тревоги не сообщили даже командиру 10-й смешанной авиационной дивизии полковнику Н. Г. Белову, который находился в том же здании. Всего 5-10 мин было достаточно, чтобы авиадивизию привести в боевую готовность и она во всеоружии встретила бы противника, но этого времени ей не было предоставлено. Отданные Коробковым распоряжения в 42-ю дивизию и коменданту укрепрайона не могли ничего изменить, так как только закончился разговор, вздрогнула земля и загремела артиллерия врага, возвестившая начало войны.

Распоряжение о начале артиллерийской подготовки вторжения отдал генерал-полковник Г. Гудериан, прибывший на командный пункт у Буга напротив Бреста в 4 часа 15 мин. Было темно. Ему доложили, что на противоположном берегу советских войск нет, поэтому следует отменить запланированную часовую артиллерийскую подготовку. Гудериан с этим не согласился. «Только из осторожности, — как он пишет в воспоминаниях, — чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение указанного времени»²⁵⁹.

За 5-10 мин до открытия огня артиллерией немцы предприняли действия по захвату мостов. В результате к моменту открытия артиллерией огня все 6 мостов, имевшиеся в полосе действий 4-й армии, были в руках немцев. Из этих мостов через Буг лишь один железнодорожный у Бреста был заранее заминирован, но не взорван. Остальные мосты даже не готовились к взрыву в чрезвычайных обстоятельствах. Их стеснялись минировать, так как с Германией был договор о ненападении.

Л. М. Сандалов эту преступную халатность в своей книге описал так: «Оправдать это трудно, но объяснить

можно...» Но его объяснение не заслуживает внимания. Такие действия нужно не объяснять, а за них положено отвечать. Ему, как бывшему начальнику оперативного отдела штаба округа и настоящему начальнику штаба 4-й армии, было положено предусмотреть уничтожение этих мостов в критической ситуации, но он этого не сделал.

В 4 часа 15 мин 22 июня 1941 г. ударила немецкая артиллерия и началась артиллерийская подготовка. В этот момент над Бугом прошла немецкая авиация, которая нанесла удары по аэродромам, на которых базировалась армейская авиация и в том числе 10-я смешанная авиационная дивизия.

После окончания артиллерийской подготовки немецкие войска, готовившиеся с боем форсировать такую мощную водную преграду как Западный Буг, без какого-либо противодействия как в мирное время двинулась по мостам на другой берег. Через 30 мин, как вспоминает Гудериан, передовой отряд 18-й танковой дивизии был на северном берегу. За ним последовали остальные.

По мосту у Мотыкалы переходили Буг 18-я и 17-я танковые и 29-я моторизованная дивизии 47-го моторизованного корпуса. За ними последовали 10-я танковая дивизия, моторизованная дивизия СС «Рейх» и пехотный полк «Великая Германия» 46-го моторизованного корпуса. 3-я и 4-я танковые и 10-я моторизованная дивизии 24-го моторизованного корпуса переправлялись на восточный берег Буга по мосту у Коденя. 31-я и частично 45-я пехотные дивизии переправлялись по мосту у Бреста, а 34-й пехотной дивизии пришлось форсировать реку, но беспрепятственно.

На другом берегу Буга 45-я пехотная дивизия атаковала Брестскую крепость и окружила в ней 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии. Другие немецкие соединения двинулись на штурм приграничных укреплений, но они тоже не состоялись, так как огневые точки укрепленного района и позиции 6-й и 42-й дивизий оказались пустыми.

На полевых позициях, указанных двух дивизий, работали по их совершенствованию пять батальонов от полков, находящихся в крепости. Они не имели тяжелого вооружения и моментально были рассеяны. Если такие батальоны 49-й и 75-й дивизий отошли на соединение с основными силами, то этим отходить было некуда.

Вследствие окружения в Брестской крепости 6-й и 42-й стрелковых дивизий, фронт обороны 4-й армии был про-

рван на участке 60 км и в него ринулись корпуса 2-й танковой группы Гудериана, наносившей главный удар на московском стратегическом направлении. До середины дня они продвигались на восток по земле Белоруссии без какого-либо противодействия.

Такое редко встречается на войне и виновны в этом Верховное командование, не сумевшее привести войска в полную боевую готовность, а также командование 4-й армии и округа, разместившие в Брестской крепости две дивизии, чем обрекли их на гибель и создали противнику идеальные условия для вторжения. Это предопределило катастрофу войск Западного фронта и в первую очередь 4-й армии.

Сдача немцам мостов через Западный Буг в исправном состоянии не случайность, так как и позже на шоссе от Кобрина до Бобруйска, по которому впереди своих войск мчался штаб 4-й армии, из 10 мостов через реки не был взорван ни один, что позволило противнику наступать в высоком темпе. Эти действия Сандалов объяснил отсутствием взрывчатки при наличии большого числа складов боеприпасов и воинских частей, что не соответствовало действительности. Отсутствовала не взрывчатка, а ответственность за порученное дело.

Неблагоприятное соотношение сил и средств на московском направлении сложилось из-за нерационального расположения войск Западного фронта, который имел лишь на 20 проц. меньше личного состава, чем группа армий «Центр» и в два раза превосходил ее по количеству танков.

В создавшихся условиях необходимо было командующему фронтом с началом войны изъять из состава 10-й армии 6-й и 13-й механизированные корпуса, имевшие 1315 танков, и направить их для удара по 2-й танковой группе Гудериана с севера. При этом советские войска с учетом 14-го мехкорпуса имели бы в 2,2 раза больше танков, чем противник. Они смяли бы вначале его 47-й и 46-й моторизованные корпуса, а затем и 26-й, восстановили положение на границе. Но такое решение мог принять только генерал армии Д. Г. Павлов, а он утром уехал из штаба фронта неизвестно куда, самоустранившись от исполнения должностных обязанностей. Когда же ночью его нашли у Минска и по указанию наркома обороны он вернулся в штаб, то там уже был приказ № 3 из Москвы о направлении 6-го мехкорпуса для удара на Сувалки. Удар

на север был менее целесообразным, чем на юг, и даже при его удачном завершении приводил к разрушению у Бреста левого крыла Западного фронта в том варианте как это и произошло.

Для достижения победы требуются знания, опыт и талант по руководству войсками, а этого у советского командования пока не было. Они появятся, но на последующих этапах войны, которая отберет достойных, а пока по этим элементам превосходство на данном направлении было на стороне Бока, Клюге, Гудериана.

Превосходство немцев в силах и средствах наглядно видно из схемы плотного расположения вдоль границы их дивизий по сравнению с редко разбросанными советскими, а это уже относится к области военного искусства. При меньшем количестве танков они на этом направлении имели их превосходство. При меньшем количестве самолетов добились их более эффективного боевого применения и в первые же часы завоевали господство в воздухе.

Обычно считается, что главной причиной успеха немцев является их внезапное нападение. И если бы приказ № 1 был отдан С. К. Тимошенко и Г. К. Жуковым часов на 5 или сутки раньше, то такого успеха они не имели. Это утверждение не соответствует действительности. Покажем это для данного направления.

Предположим, что приказ № 1 поступил на 5 часов или сутки раньше. При этом все дивизии 4-й армии были приведены в боевую готовность и остались в районах своей дислокации, так как приказ не разрешал занимать подготовленные позиции на границе. Поэтому 6-я и 42-я стрелковые дивизии вышли из Брестской крепости и находились в районах сосредоточения на окраине Бреста. С началом немцами артиллерийской подготовки и получением разрешения двинулись к своим участкам на границе, до крайних точек которых было 30 км и на их преодоление потребовалось до суток. То есть, моторизованные корпуса 2-й танковой группы, как и реально, практически без противодействия переправились по мостам на другой берег Буга и устремились к Минску и Бобруйску. Из этого, видно, что для оказания сопротивления противнику с началом войны на передовых рубежах требовалось не только упреждение в получении приказа № 1 не менее чем на сутки, но и изменение его содержания с введением разрешения войскам по боевой тревоге занимать подготовленные позиции у границы, а это могло сделать только

другое военно-политическое руководство страны, что не реально. Поэтому данный реальный вариант развития событий в полосе 4-й армии был предрешен и не зависел от срока поступления приказа № 1. Тоже было бы и при его отсутствии.

Главными причинами успеха немцев явились неправильное расположение 6-й и 42-й стрелковых дивизий, сдача им исправных мостов через Буг, слабый состав 4-й армии, оказавшейся на направлении главного удара противника, нерациональное использование командованием фронта громадного количества танков.

Д. Г. Павлов и его начальник штаба В. Е. Климовских участвовали в январской военной игре этого года в Генеральном штабе, на которой разыгрывался начальный этап войны с Германией, но так и не осознали важности района Бреста для нанесения противником ударов на Минск и Бобруйск вдоль прекрасных шоссежных дорог, что важно для быстрого движения его моторизованных корпусов.

Брестская крепость перед войной широко использовалась для размещения войск, не имеющих отношения к ее обороне. В числе таких войск в ней находились 6-я Краснознаменная и 42-я стрелковые дивизии.

Захват Брестской крепости, которую от территории противника отделял лишь Западный Буг, шириной 150 м, был поручен 45-й немецкой пехотной дивизии, левее нее наступала 31-я, а правее — 34-я пехотные дивизии. 31-я дивизия должна была способствовать захвату крепости. Командир 45-й пехотной дивизии для артиллерийской подготовки привлек девять легких и три тяжелых батареи, батарею артиллерии большой мощности и дивизион мортир. Для удара по крепости распоряжением командира корпуса были дополнительно выделены по дивизиону мортир от 31-й и 34-й дивизий, хотя в их полосах были также важные цели. Это было обусловлено тем, что возможность уничтожения основных сил двух советских стрелковых дивизий была крайне заманчивой перспективой. Тем более все объекты удара были известны, располагались открыто и хорошо наблюдались. На помощь артиллерии намечено было направить авиацию после нанесения ею ударов по аэродромам.

С началом войны противник сосредоточил артиллерийский и минометный огонь на казармах, где жил личный состав, боевой технике в парках и выходным воротам, и

мало кому из Брестской крепости удалось выйти. 98-й отдельный противотанковый дивизион при попытке прорваться из крепости был почти полностью уничтожен. Не смог вырваться из крепости даже 75-й разведывательный батальон, вооруженный танками и бронемашинами. Личному составу выйти из крепости через высокий земляной вал и рвы с водой было так же сложно, как и войти в нее.

Артиллерия 6-й и 42-й стрелковых дивизий в крепости находилась в артиллерийских парках, лошади артиллерийских и минометных частей располагались у коновязей, автомашины автобатальонов и других частей обеих дивизий стояли в объединенных открытых автопарках. Все это располагалось открыто, линейно, плотными рядами и уничтожено артиллерией и минометами противника на месте.

В отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии в сложившейся трагической ситуации, характерной для 42-й дивизии и других частей в крепости, сказано следующее:

«В 4 часа 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня, поставленного на мосту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и поодиночке, выходили из крепости, преодолевая обводной канал, реку Муховец и вал крепости под артиллерийским, минометном и пулеметном огнем»²⁶⁰.

Из крепости мало кому суждено было выйти. Даже Л. М. Сандалов, который несет прямую ответственность за бесславную гибель двух дивизий, пишет, что Брестская крепость оказалась ловушкой и сыграла роковую роль для войск 28-го стрелкового корпуса и всей 4-й армии²⁶¹.

Заместитель командира 6-й стрелковой дивизии по политической части полковой комиссар М. Н. Бутин о тех, кому довелось выйти из крепости, пишет:

«Части в район сосредоточения компактно выведены быть не могли. Бойцы прибывали поодиночке в полураздетом виде. Из сосредоточившихся можно было создать мак-

симум до двух батальонов. Первые бои осуществляли под руководством командиров полков товарищей Дородных (84-й стрелковый полк), Матвеева (333-й стрелковый полк), Ковтуненко (125-й стрелковый полк).

Материальную часть артиллерии стрелковых полков вывести не удалось, так как все было уничтожено на месте. 131-й артиллерийский полк вывел 8 орудий 2-го дивизиона и одно орудие полковой школы²⁶².

Из двух стрелковых дивизий вышло на сборный пункт из крепости и ее окрестностей около трех батальонов без тяжелого вооружения, средств усиления и транспорта. К 9 часам утра части 45-й пехотной дивизии противника окружили Брестскую крепость, и все кто в ней остался погибнет в ходе ее знаменитой защиты или будет взят немцами в плен.

В военном городке на северной окраине города Бреста размещались 17-й гаубичный артиллерийский полк 42-й стрелковой дивизии и 447-й корпусной артиллерийский полк. В ходе артиллерийской подготовки 31-й немецкой пехотной дивизии они понесли большие потери из-за скудного расположения артиллерийских орудий и транспортных средств и, не сделав ни одного выстрела, вышли из города и направились на север. В составе 17-го полка осталось два дивизиона, а в 447-м – 19 орудий с небольшим количеством боеприпасов. В Бресте остались только подразделения штаба 17-го пограничного отряда (начальник майор А. П. Кузнецов) общей численностью более 70 человек.

Около 4 часов утра к железнодорожному мосту через Западный Буг подошел немецкий бронепоезд, и открыл огонь по вокзалу и Брестской крепости, дополнив арт-огонь 31-й дивизии. После артиллерийской подготовки немцы в нескольких местах начали форсировать реку. По железнодорожному мосту двинулись танки, а затем составы с техникой и войсками. Пограничники отряда встретили первый десант ружейно-пулеметным огнем, забросали гранатами, но силы были слишком неравные и противник продолжал движение²⁶³.

К 5 часам штабные подразделения пограничного отряда с присоединившимися группами милиции заняли оборону на северо-восточной окраине Бреста. Через два часа на 30 мотоциклах появилась разведгруппа противника и завязался бой. Через полчаса подошла более крупная группа врага. Продержавшись около часа, пограничники начали

отходить, и к 14 часам соединились с подразделениями 28-го стрелкового корпуса.

На Брестском артиллерийском полигоне 21 июня были сосредоточены значительные силы для проведения опытного учения, которое было назначено на воскресенье. На полигоне находились два батальона 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии, подразделения 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков 42-й стрелковой дивизии, танки, артиллерия и другая боевая техника для показа участникам учения, а также 455-й корпусной артиллерийский полк, прибывший для проведения плановых стрельб.

Первые разрывы артиллерийских снарядов противника были восприняты войсками на полигоне как начало учения с боевой стрельбой. И только, когда понесли потери, поняли, что началась война. Подразделения 6-й и 42-й дивизий начали отходить через Радваничи на Жабинку. 455-й корпусной артиллерийский полк открыл огонь по противнику и приостановил его продвижение. Это был единственный артиллерийский полк, который не стал отходить, а ударил по врагу из своих орудий.

Между артиллерийским полигоном и южным городком Бреста располагался 204-й гаубичный артиллерийский полк 6-й стрелковой дивизии. Внезапным артиллерийским огнем противник уничтожил в полку две батареи и большую часть автотранспорта. По боевой тревоге полк вышел в район сосредоточения, имея 33 орудия, и направился к мостам через Муховец, чтобы следовать к своему участку обороны границы, который должен был защищать совместно с 84-м стрелковым полком. Но переправиться через Муховец не смог, так как мосты были забиты отходящими частями 22-й танковой дивизии, и командир 204-го полка повернул подразделения на Радваничи.

22-я танковая дивизия генерал-майора В. П. Пуганова дислоцировалась в южном военном городке Бреста всего в 2,5–3,5 км от границы, чего трудно встретить в мировой практике. Военный городок располагался на ровной местности, и все его элементы хорошо просматривались с территории противника. Личный состав трех полков располагался в домах и казармах на виду у противника, а их боевая техника – открыто или в парках. Танки, бронемашины, артиллерия, тягачи, автомашины стояли ровными, плотными рядами. Все это обеспечивало быстрое и эффективное их поражение противником. Он это знал и

воспользовался предоставленной возможностью. А вот этого почему-то не знало советское командование, ответственное за сохранность и эффективное боевое применение подчиненных войск.

Во время мощной артиллерийской подготовки 34-й немецкой пехотной дивизии и последовавших затем ударов авиации погибло до 20 проц. личного состава дивизии; танки и артиллерия, не выведенные из парков, оказались под развалинами и разбитые, уничтожено было также большое число автомобилей. Городок потряс мощный взрыв, это взлетел на воздух склад боеприпасов, черные клубы дыма поднимались над объятм пламенем складом.

Такие большие потери без нанесения ущерба врагу, за счет нерациональной дислокации 22-й дивизии, явились следствием недостатков руководства. Повинен в этом в первую очередь Сандалов, который при разработке плана дислокации соединений не должен был допустить такого размещения 22-й дивизии, а при разработке инструкции ее действий по тревоге предусмотреть отражение внезапного нападения врага без предварительного отхода к Жабинке. Ведь не всегда это целесообразно.

С первыми залпами вражеской артиллерии командир 22-й танковой дивизии генерал Пуганов объявил в частях боевую тревогу. Как только артиллерийская подготовка начала затихать командиры полков стали собирать оставшихся людей, уцелевшие танки, автомашины и дивизия двинулась в тыл от границы, оставив врагу свой городок и затем громадную территорию. Танковая дивизия отходила перед пехотной дивизией, которая беспрепятственно форсировала реку. Отход производился в соответствии с инструкцией действий по боевой тревоге в район сосредоточения у Жабинки без противодействия врагу.

Семь артиллерийских полков или половина артиллерии 4-й армии дислоцировалось у границы в районе Бреста. Они могли бы при соответствующей организации нанести значительные потери 12-му армейскому корпусу врага, но, не сделав ни одного выстрела, кроме 455-го артполка, они двинулись на север в районы сосредоточения, определенные инструкциями действий по тревоге. В условиях войны такие действия воспринимаются, как нежелание сражаться с врагом, чему они объективно и соответствовали. Виновны в этом составители инструкций от начальников штабов и командиров дивизий до армии.

Подобные действия 41-й танковой дивизии, ушедшей из района боев, как показано выше, было и на Украине.

О недопустимой указанной пассивности войск армии вот что пишет начальник штаба 4-й немецкой армии Г. Блюментрит:

«Как мы предполагали к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит, но на другом берегу Буга перед фронтом 4-й армии и 2-й танковой группы, то есть между Брестом и Ломжей, все было тихо. Пограничная охрана русских вела себя как обычно. Вскоре после полуночи, когда вся артиллерия пехотных дивизий первого и второго эшелонов готова была открыть огонь, международный поезд Москва-Берлин беспрепятственно проследовал через Брест. Это был роковой момент... В 3 часа 30 минут вся наша артиллерия открыла огонь. И затем случилось то, что показалось чудом: русская артиллерия не ответила. Только изредка какое-нибудь орудие с того берега открывало огонь. Через несколько часов дивизии первого эшелона были на том берегу. **Переправлялись танки, наводились понтонные мосты и все это почти без сопротивления противника** (выделено нами. — В. С.)»²⁶⁴.

Повинны в таком поведении войск и больших потерях Л. М. Сандалов, длительное время работавший в округе и армии, бывший командующий 4-й армией В. И. Чуйков и недавно вступивши в эту должность А. А. Коробков, под руководством которых разработаны план дислокации войск и инструкции их действий по тревоге.

С подобными действиями Сандалова автор столкнулся в 1944 г. в ходе боев на 2-м Прибалтийском фронте, где он был начальником штаба фронта. Войска фронта в феврале предприняли наступление под Идрицей, а затем всю весну вели изнурительные боевые действия по прорыву обороны противника на плацдарме реки Великой и безрезультатно. Все фронты наступают, а наш стоит. Ставка сняла командующего фронтом и назначала на его место А. И. Еременко, прославившегося под Сталинградом. Он имел с Сандаловым крупный неприятный разговор, который приводит в воспоминаниях, о недопустимости применявшихся методов работы, и фронт пошел вперед. Во взаимодействии с 1-м и 3-м Прибалтийскими фронтами окружил группу армий «Север» в составе 33 дивизий. И в дальнейшем Еременко и Сандалов эффективно руководили фронтами. Но это было потом.

В начале войны не понесли потерь 30-я танковая и 205-я моторизованная дивизии 14-го механизированного корпуса. 30-я дивизия, поднятая по тревоге, двинулась из Пружан к Бресту навстречу врагу, в отличие от 22-й, двигавшейся от него.

В 6-й стрелковой дивизии сохранились, находившиеся вне крепости, 204-й гаубичный артиллерийский полк и часть 84-го стрелкового. В 42-й дивизии не понесли потерь 459-й стрелковый и 472-й артиллерийский полки в районе Жабинки, где они приступили к подготовке оборонительных позиций в связи с продвижением противника. К этому рубежу подходили два дивизиона ее 17-го гаубичного артиллерийского полка и подразделения с Брестского полигона.

С началом артиллерийской подготовки немецкие самолеты нанесли удары по аэродромам 10-й смешанной авиадивизии и в 4 часа 20 мин начали бомбить Брест. Вскоре получено было сообщение, что штурмовой авиационный полк в Высоком почти полностью уничтожен на земле.

«В 4 часа 30 мин, — как вспоминает Сандалов, — к командующему ворвался взволнованный командир авиационной дивизии и доложил:

Сейчас мне звонили из Пружан, из штаба танковой дивизии. Там на наш аэродром налетело свыше 60 немецких бомбардировщиков. Много наших самолетов уничтожено. Уцелевшие перекачываются на руках в перелески и кустарники за черту аэродрома. Я приказал поднять в воздух кобринский истребительный полк. Направляю его в Пружаны»²⁶⁵.

Авиадивизия не была приведена в боевую готовность. Самолеты на аэродромах стояли по-эскадрильно крыло к крылу вдоль широких белых линий. За эту парадность пришлось заплатить большую цену людьми, мечущимися по аэродрому под ударами с воздуха, и самолетами в обилии загоравшимися от соседних, пораженных бомбами.

Не успел полковник Белов доложить командующему, как начался налет немецкой авиации на аэродром Кобрин, где сторела также большая часть самолетов.

Затем был нанесен авиационный удар по зданию штаба 4-й армии, которое рухнуло, погибло четыре человека, остальные успели его покинуть и направились в Буховичи, где был подготовлен полевой командный пункт. Одновременно удары были нанесены по штабам 14-го мехкорпуса в Тавли и 28-го стрелкового корпуса в Жабинке. В

районе Кобрина авиация врага сожгла крупную нефтебазу, а в Бронна Гура взорвала окружной артиллерийский склад.

Удивительно как точно противник знал местонахождения штабов и складов, что свидетельствовало об успешной работе агентуры врага, которая могла проникнуть в них под видом вольнонаемных из местного населения. Такое допускалось в порядке «экономии» штатных единиц.

Например, в штабе 28-го стрелкового корпуса по вольному найму работали машинистка, уборщица и несколько шоферов²⁶⁶, которые все видели, а машинистка имела доступ к секретным и совершенно секретным материалам, с которыми вольно обращалась. В приказе от 14 января 1941 г. по результатам проверки секретного делопроизводства в штабе сказано: «стол машинистки открыт и в нем имеются проект приказа с грифом «сов. секретно, секретный документ»²⁶⁷. При таких условиях материалы по дислокации частей корпуса и других объектов могли стать достоянием германской разведки. Подобное было и в других штабах. Экономия на нескольких должностях в многотысячном корпусе ничего не давала, а оборачивалась громадными потерями с началом войны.

На правом фланге 4-й армии государственную границу прикрывала 49-я стрелковая дивизия. В ее полосе после артиллерийской подготовки начали наводить мосты и форсировать Западный Буг 131, 132-я и 134-я пехотные дивизии 43-го армейского корпуса противника. Им на границе противостояли только пограничники и разрозненные подразделения стрелковых полков, работавшие на строительстве оборонительных сооружений. Из-за малочисленности и отсутствия тяжелого вооружения они не могли оказать серьезного сопротивления врагу и отошли.

К 7 часам противник форсировал реку, миновал не занятые приграничные оборонительные сооружения и продвинулся вперед от 3 до 5 км. Только в районах станций Семятичи и Орля противник не имел успеха. Здесь 16-й и 17-й пулеметно-артиллерийские батальоны успели занять построенные и вооруженные доты и огнем пулеметов и артиллерии остановили движение противника. Севернее Немирув в бой с частями 132-й и 134-й пехотных дивизий вступили 15-й стрелковый полк 49-й дивизии, а западнее Семятичи - 772-й стрелковый полк соседней 113-й стрелковой дивизии. Бои в этих районах приняли затяжной характер.

Центральный участок государственной границы в полосе 4-й армии, протяженностью 60 км, прикрывали 6-я и 42-я стрелковые дивизии. Но эти дивизии были окружены противником в Брестской крепости и важнейший участок границы, где наступала самая мощная ударная группировка немцев на московском стратегическом направлении, был открыт врагу. Здесь беспрепятственно, переправившись, преимущественно по мостам, через Западный Буг, отбросив немногочисленных пограничников, оставив в тылу Брестскую крепость и незанятые сооружения Брестского укрепленного района, как на учениях в мирное время, двигались на восток 24, 46-й и 47-й моторизованные корпуса и две дивизии 12-го армейского корпуса. Такого бездарного отношения к защите государственной границы мы не встретим в истории войн, и руководителям от командиров этих дивизий до наркома обороны нет оправдания. Им достаточно было предположить:

«А если Германия начнет войну внезапно как многократно на Западе?» И стало бы ясно недопустимость таких действий войск, поставленных на защиту границы, когда 2 из 4 дивизий первого эшелона 4-й армии противник выводит из строя, не дав им даже приступить к выполнению поставленных боевых задач.

На левом фланге 4-й армии государственную границу прикрывала 75-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор С. И. Недвигин. Приказа о приведении частей в боевую готовность он не получал. С началом противником артиллерийской подготовки поднял части по тревоге самостоятельно и направил 34-й и 28-й стрелковые полки к границе, а 115-й — для прикрытия Малориты с северо-запада. В полосе прикрытия границы дивизией наступали немецкие части 1-й кавалерийской, 267-й и 265-й пехотных дивизий и, несмотря на многократный перевес в силах, их атаки были отбиты и они отброшены на западный берег Буга. Положение на этом участке фронта длительное время оставалось неизменным. Это один из немногих примеров большой стойкости войск и умелого руководства ими генералом Недвигиным в период приграничных сражений.

Правый фланг 75-й дивизии был открыт, так как части 6-й стрелковой дивизии на границе южнее Бреста не появились. Поэтому к 7 часам утра дивизии 24-го моторизованного корпуса беспрепятственно переправились на восточный берег Буга по мосту у Кодень. Для ускорения пе-

репавы использовались понтоны и танки с приспособлениями для форсирования рек под водой. После переправы 3,4-я танковые и 10-я моторизованная дивизии двинулись к Кобрину, а моторизованный полк — на Малориту, но был отбит 115-м стрелковым полком и отошел к Радваничам.

Около 10 часов командующий армией отдал приказ: «14 мк в составе 22 и 30 тд, сосредоточившись в районе Видомля, Жабинка, атаковать противника в брестском направлении и уничтожить вместе с 28 ск и 10 сад и восстановить положение»²⁶⁸.

Из приказа видно, что командующий не знал соотношения сил и средств, а также сложившейся обстановки. Для разведки противника не использовались самолеты авиадивизии и 47-й корпусной эскадрильи. Восстановить положение было уже невозможно без привлечения дополнительных дивизий. Тем не менее, танковые дивизии 14-го механизированного корпуса генерал-майора И. С. Оборина немедленно приступили к выполнению приказа.

22-я танковая дивизия вела бой с танковыми дивизиями 24-го моторизованного корпуса противника, отходя на север к Жабинке.

30-я танковая дивизия, имевшая около 120 танков, в полдень у населенного пункта Пилищи атаковала 18-ю танковую дивизию врага, и завязался жаркий танковый бой. На поле горели немецкие и советские танки. Удар советских танкистов был стремителен и противник, несмотря на поддержку авиации, отошел к Видомлю. Далее развить наступление не удалось, так как на помощь 18-й подошли части 17-й танковой дивизии.

В донесении 4-й немецкой армии за первый день войны об этом бое сказано: «18-я тд: В районе Пилищи (15 км северо-западнее Жабинка) и севернее отразила сильную танковую атаку русских»²⁶⁹.

Из состава 28-го стрелкового корпуса генерал-майора В. С. Попова в контрударе должны были участвовать 6-я и 42-я стрелковые дивизии, но из них сохранились лишь части, оказавшиеся вне Брестской крепости, расположенные разрозненно. Поэтому на центральном участке фронта вели бой с противником лишь три сводных батальона, вышедшие из крепости. Они заняли оборону в 6-7 км от крепости и в тяжелых боях сдерживали противника. К вечеру большая часть личного состава была выведена из строя, а командиры полков полковник Матвеев и майор Дородных убиты. Остальные отошли к главным силам.

На правом фланге армии 49-я стрелковая дивизия вела бой с семью пехотными дивизиями противника, из которых пять (292, 132, 134, 131, 167-я) находились в первом эшелоне и две — во втором (78-я и 293-я). Имея подавляющее превосходство, противник продвинулся на 5 км. Связи с дивизией не было.

На левом фланге 75-я стрелковая дивизия сдерживала натиск 1-й кавалерийской, 267-й и 255-й пехотных дивизий. Имея пятикратное превосходство, противник не имел успеха. Воины дивизии генерал-майора С. И. Недвижина сражались стойко, умело и лишь на отдельных участках враг сумел потеснить его части на 2–3 км. Воины этой дивизии оказались наиболее стойкими, а руководство наиболее умелом на Западном фронте.

На центральном участке полосы действий 4-й армии противник, преодолев сопротивление 30-й и 22-й танковых дивизий, вышел на рубеж Пилищи, Жабинка, Радваничи. Он имел значительное превосходство и его следовало удержать на этом рубеже, используя подготовленные оборонительные позиции. Однако в 18 часов из штаба фронта прибыл делегат связи и вручил генерал-майору А. А. Коробкову приказ генерала армии Д. Г. Павлова, отданный им еще утром после получения приказа № 2 наркома обороны. В нем командующий фронтом без учета обстановки требовал:

«Прорвавшиеся и прорывающиеся банды решительно уничтожать, для чего в первую очередь использовать корпус Оборина. В отношении действий руководствуйтесь красным пакетом... Передаю для руководства выписку из приказа НКО № 2...»

Из информации было известно, что в помощь 4-й армии из полосы 10-й армии с рубежа Бельск-Подляски, Гайновка должен нанести удар на Брест 13-й механизированный корпус. В этом случае количество танков у сторон стало бы равным, но противник сохранял преимущество по количеству средних танков, что не было так существенно. Удар 13-го корпуса по открытым флангам 47-го и 46-го моторизованных корпусов противника приостановил бы их движение вперед. Но удар не состоялся, так как дороги были перерезаны, и делегат связи не мог доставить приказ командующему 10-й армией.

Обстановка в полосе 4-й армии к исходу 22 июня, перед переходом ее на следующее утро в наступление, была сложной. На ее флангах стойко обороняли свои участки у

границы 49-я и 75-я стрелковые дивизии. На центральном участке 2-я танковая группа Гудериана, без 1-й кавалерийской дивизии и подчиненного ему временно 12-го армейского корпуса, продвинулась на 30 км. 45-я пехотная дивизия окружила в Брестской крепости основные силы 6-й и 42-й стрелковых дивизий и приступила к их уничтожению.

Для перехода в наступление 4-я армия развернула на рубеже Пилищи, Жабинка, Радваничи на правом фланге мотострелковый полк 205-й моторизованной дивизии, далее — 30-ю танковую дивизию, сводные отряды 42-й и 6-й стрелковых дивизий, состоявших из подразделений и частей, оказавшихся вне Брестской крепости, и 22-ю танковую дивизию. До перехода в наступление на центральный участок должны были подойти мотострелковый и танковый полки 205-й моторизованной дивизии.

В состав сводного отряда 6-й стрелковой дивизии входили два батальона 84-го стрелкового полка, прибывшие с полигона, два сводных батальона, вышедшие из крепости, и 204-й гаубичный артиллерийский полк, имевший 33 орудия. Сводный отряд 42-й стрелковой дивизии включал 459-й стрелковый и 472-й артиллерийский полки, два дивизиона 17-го гаубичного артиллерийского полка и сводный батальон, вышедший из крепости. Эти отряды поддерживали корпусные 455-й и 447-й артиллерийские полки, понесшие значительные потери.

Противник на этом рубеже против советских войск развернул 17-ю и 18-ю танковые и 29-ю моторизованную дивизии 47-го корпуса; 31-ю и 34-ю пехотные дивизии 12-го корпуса; 3-ю и 4-ю танковые и 10-ю моторизованную дивизии 26-го корпуса. Во втором эшелоне находился 46-й корпус. Имея значительное превосходство перед противостоящими войсками 4-й армии, противник с утра так же предполагал перейти в наступление.

На основании полученного приказа Военный совет 4-й армии в 18 часов 30 мин отдал боевой приказ № 2 о переходе соединений в наступление «с задачей уничтожить противника, прорвавшегося через р. Западный Буг». Для выполнения этой задачи Военный совет требовал:

«3. 14 мк (22 и 30 тд и 205 мсд) с утра 23 июня нанести удар с рубежа Крывляны, Пилищи, Хмелево в общем направлении Высоке-Литовски с задачей к исходу дня уничтожить противника восточнее р. З[ападный] Буг.

На правом заходящем фланге иметь роту для развития успеха и прикрытия правого фланга 205 мсд.

Атаку танков поддерживает сбп (скоростной бомбардировочный полк. – В. С.) 10 сад.

4. 28 ск наносит удар своим правым флангом: 6, 42 сд и батальоном танков 205 мсд – в общем направлении на Брест, имея задачу к исходу дня занять Брест.

5. Атаку начать в 5.00 23 июня после 15-минутного огневого налета.

6. Границу до особого распоряжения не переходить.

7. КП – Запруды...»²⁷⁰

49-й и 75-й стрелковым дивизиям приказывалось сдерживать противника на своих рубежах.

Командиру 10-й смешанной авиадивизии было послано в Пинск приказание: поддержать наступающие войска всеми имеющимися самолетами.

Обстановка в воздухе была следующей. Летчики 33-го и 123-го истребительных полков 10-й авиадивизии весь первый день войны вели изнурительные воздушные бои. В этот день летчики 123-го (кобринского) полка сбили 12 немецких самолетов. В неравном бою погиб командир полка майор Б. Н. Сурин, который провел четыре воздушных боя и сбил три самолета противника. Следуя примеру командира полка, отважно сражались на устаревших истребителях И-153 «Чайка» и другие летчики. Как сказано в истории полка «четыре истребителя – капитан Можаяев, лейтенанты Жидов, Рябцев и Назаров – вступили в бой с восьмью Ме-109. В конце боя у лейтенанта Рябцева был израсходован весь боекомплект, но Рябцев, не считаясь с опасностью для жизни, повел свой самолет на противника и таранным ударом заставил его обломки рухнуть на землю. В этом бою было сбито три фашистских машины, а с нашей стороны потеряна одна».

Летчики-истребители вели воздушные бои у Бреста и в районах аэродромов базирования. К исходу первого дня в 33-м и 123-м истребительных полках осталось по десять-двенадцать исправных самолетов²⁷¹.

Аэродром Высокое, на котором базировался 74-й штурмовой авиационный полк, находился всего в 14 км от границы. Такое близкое базирование допускается при подготовке к наступательной операции, чтобы дольше поддерживать войска без перебазирования. Перелет на аэродром производится скрытно перед операцией. На аэродроме же Высокое полк базировался длительное время,

и об этом знало немецкое командование. Поэтому в первые минуты войны самолеты полка, выстроенные линиями, были обстреляны немецкой артиллерией, и большая часть их сторе́ла или была повреждена. Около полудня на аэродром ворвались немецкие танки. В это время небольшое число самолетов в спешке взлетело и улетело на другие аэродромы до Минска включительно, а остальные были захвачены врагом.

С выходом из строя полка штурмовиков и практически двух полков истребителей сухопутные войска лишились поддержки и прикрытия с воздуха. Они не имели и зенитных средств, не вернувшихся с полигона за Минском. Поэтому немецкая авиация безраздельно господствовала в воздухе. Такое встречается редко.

Танковая группа Гудериана имела налаженные и проверенные в войнах поддержку авиации и ее прикрытие с воздуха, для этого в нее входили: «авиагруппа бомбардировщиков ближнего действия генерала Фибига, зенитный артиллерийский полк «Герман Геринг» генерала фон Акстельма... Район наступления танковой группы прикрывали истребители полковника Мельдера»²⁷². Разработанная методика взаимодействия авиации с танковыми дивизиями обеспечивала быстрый вызов бомбардировщиков для нанесения ударов по встретившимся узлами сопротивления.

В полдень немецкая авиация разбомбила артиллерийские склады в районах Березы и Пинска и возникла проблема снабжения войск боеприпасами.

Через два часа полковник Белов доложил командующему: «Только что поступили сведения о бомбардировке аэродрома в Пинске. Большая часть базировавшихся на него наших бомбардировщиков сторе́ла. Командующий авиацией фронта приказал посадить на этот аэродром все уцелевшие самолеты кобринского и пружанского авиаполков после их очередного вылета к Бресту. Туда же я перехожу и сам со штабом дивизии»²⁷³.

Вопреки укоренившемуся мнению, что противник уничтожил большое число самолетов в первом внезапном налете, следует указать, что для этого он сделал еще несколько налетов днем и это уже нельзя объяснить внезапностью действий. Главной причиной эффективных действий немцев по самолетам на аэродромах после первого налета явилось отсутствие на них зенитных средств прикрытия, и они оказались беззащитными. Немецкие самолеты, не имея противодействия, порой до часа вились

над аэродромами, методически уничтожая истребителей, бомбардировщиков, склады горючего и боеприпасов, личный состав. При этом особенно эффективно действовали двухместные истребители Me-110, имевшие кроме бомб мощное пулеметно-пушечное вооружение, позволявшее уничтожать малоразмерные объекты.

Штаб 10-й авиадивизии, направившийся в Пинск, задержался в пути из-за ударов авиации и забитости дороги отступающими. В связи с этим было потеряно управление авиацией, и те немногочисленные силы не использовались для прикрытия и поддержки войск в наступлении. Сложившаяся обстановка раскрыта в сохранившейся записке заместителя командира 123-го истребительного авиаполка, ставшего его командиром после гибели Сурина, капитана Савченко, направленной командующему ВВС фронта: «Штаб 10-й сад эвакуировался, не знаю куда. Сажу в Пинске, возглавляю группу истребителей сборных. Вчера 22.6.41 г. провели восемь воздушных боев, сбили 7 бомбардировщиков, 3 Me-109 и 1 разведчика... Сегодня группа сделала 3 боевых вылета. Жду указаний как быть дальше». Вскоре штаб 10-й авиадивизии прибыл в Пинск, и управление авиацией восстановилось.

Итоги боевых действий 22 июня подведены в донесении 4-й немецкой армии, в котором сказано:

«Внезапность наступления через р. Буг и через сухопутную границу удалась полностью. Пограничные укрепления прорваны на всех участках корпусов (вернее преодолены, так как не были заняты войсками. - В. С.). Действия артиллерии и авиации слабые. Более крупные силы пока не появлялись... все мосты попали в наши руки не разрушенными»²⁷⁴.

Контрудар и боевые действия 23 июня

Войска 4-й армии изготовились и 23 июня в 6 часов утра перешли в наступление. Противник не ожидал контрудара советских войск, и они на некоторых участках, особенно в районе Жабенки, достигли успеха. Немцы встретили атакующих мощным огнем артиллерии и вызвали на помощь эскадры пикирующих бомбардировщиков генерала Фибига. Советских самолетов в воздухе не было. Вскоре противник пришел в себя и сам перешел в наступление. Один удар он наносил на Пружаны и второй — на Кобрин. Разгорелись жаркие встречные бои. Противник, имея

большое превосходство в силах и средствах и поддержку с воздуха, начал теснить войска армии.

30-я танковая дивизия, имея за счет подошедших сил около 130 танков, совместно с приданным мотополком 205-й моторизованной дивизии атаковали противника и продвинулись несколько вперед, но понесли большие потери от огня артиллерии и непрерывных ударов авиации. 17-я танковая дивизия немцев обошла их с севера и они начали отходить к Пружанам. На подступах к городу они вступили в бой с 17-й и 18-й немецкими танковыми дивизиями. В ходе боя главные силы 17-й дивизии обошли Пружаны с севера, ударили в тыл советским войскам и ворвались в город. После короткого боя в городе 30-я танковая начала отходить и к 9 час 30 мин вышла на рубеж Куклин, Минево.

22-я танковая дивизия перед началом контрудара имела около 100 танков. В ходе наступления понесла большие потери и при угрозе окружения начала отходить. К указанному времени дивизия находилась северо-западнее Кобрин в районе Гудки, Полятичи, Андроново.

Части 28-го стрелкового корпуса и действовавшие совместно с ними танковый и мотострелковый палки 205-й моторизованной дивизии под ударами превосходящих сил противника отошли на рубеж Шитовичи, Мазичи, Кобрин. При этом подразделения и части 6-й и 42-й дивизий перепутались и управлялись командирами дивизий и корпуса весьма слабо.

Контрудар 4-й армии не дал результата, враг не был разбит, а ее соединения вместо движения к границе спешно отходили на восток, и об их состоянии генерал А. А. Коробков в 9 час 30 мин донес командующему фронтом следующее: «Слабоуправляемые части, напуганные атаками с низких бреющих полетов авиацией противника, отходят в беспорядке, не представляя собой силы, могущей сдерживать противника»²⁷⁵. Это донесение он послал Д. Г. Павлову, приказавшему взять Брест и «пленив банды». Насколько действительность отличалась от его мнения, сложившегося в кабинетной тиши. Не по тем законам шла война, которые ему представлялись. Не было перерыва в боевых действиях как на Халхин-Голе и в Финляндии, чтобы все заново продумать, подтянуть войска, изменить их дислокацию. Оказывается, все это нужно было сделать и продумать заранее, до начала войны. Сейчас же сложилась странная ситуация: резервы у фронта есть и очень

большие, а их нельзя использовать, так как они расположены далеко в тылу и вследствие малой подвижности не могут подойти к полю боя. Даже присутствие в штабе фронта Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова ничего не могло изменить.

Контрудар 4-й армии мог дать некоторый результат, если бы одновременно с ней удар во фланг группы Гудериана нанес 13-й механизированный корпус 10-й армии как планировалось. Но он весь день простоял в обороне, в то время когда рядом войска 4-й армии громил Гудериана и они спешно отходили на восток.

Победа в этом районе могла быть достигнута, если бы удар во фланг группе Гудериана нанесли 13-й и 6-й механизированные корпуса при активной поддержке авиации. Но это возможно было лишь при четком управлении, наличии разведанных о противнике и бесперебойной работе средств связи, а эти важнейшие слагаемые победы отсутствовали.

Генерал-майор А. А. Коробков в создавшихся условиях решил перейти к обороне на рубеже река Ясельда, Дрогичин, Кублик, где привести части в порядок и остановить противника. Для содействия армии он просил командующего фронтом «активизировать действия нашей авиации в борьбе с авиацией противника; задержать авиацией продвижение танков на пружанском и березовском направлениях»²⁷⁶.

Первая просьба была невыполнимой, так как в распоряжении командующего войсками фронта не было резервных сил истребительной авиации. Помощь армии мог оказать только истребительный полк в Барановичах, но с ним не было связи.

Для ударов по противнику с воздуха имелись четыре дивизии бомбардировщиков и их группы могли бы немедленно приступить к поддержке армии, но объекты ударов не были указаны. В запросе были определены пружанское и березовское направления, а это значит нужно выслать воздушных разведчиков, по их данным определить объекты ударов и затем после подготовки экипажи могли лететь на выполнение боевых задач. Все это в условиях плохой работы средств связи требовало много времени. В результате удары по противнику были нанесены под вечер и не изменили обстановку к лучшему.

С целью реализации своего решения командующий 4-й армией в 10 час отдал боевой приказ, в котором поставил корпусам задачи:

«14-му механизированному корпусу обеспечить пружанское направление, не допуская противника восточнее р. Муховец (канала Муховец).

28-му стрелковому корпусу занять и упорно оборонять рубеж р. Муховец от Лушки до Муховлоки (устья канала Муховец).

В случае наступления явно превосходящих сил противника отходить по рубежам, предельный рубеж отхода - р. Ясельда»²⁷⁷.

В соответствии с этим приказом командир 14-го мехкорпуса генерал-майор И. С. Оборин подтягивал к Пружанам свои части. К городу подходили и остатки 205-й моторизованной дивизии. 30-я танковая дивизия неоднократно пыталась выбить из Пружан части 47-го моторизованного корпуса, но успеха не добилась. 22-ю танковую дивизию вывести из боя не было возможности. Перед отходом она имела 67 танков, горючим заправилась на кобринском складе, а боеприпасы пополнить было негде.

Отряды 6-й и 42-й стрелковых и части 22-й танковой дивизий вели бои на подступах к Кобрину, на который наступали 3-я и 4-я танковые 31-я и 34-я пехотные дивизии врага. При этом остатки 42-й дивизии обороняли рубеж северо-западнее Кобрина, а 6-й стрелковой с 459-м стрелковым полком 42-й, отрядом полковника Маневича и 22-й дивизией - непосредственно Кобрин.

24-й немецкий моторизованный и 12-й армейский корпуса в 16 часов после кратковременного артиллерийского налета и удара авиации повели наступление на Кобрин. 22-я танковая дивизия и отряд 6-й дивизии под командованием полковника Остошенко, понеся большие потери, особенно от авиации, не выдержали натиска врага и начали отходить севернее Кобрина. В боях за Именинский аэродром 22-я дивизия понесла новые потери и у нее осталось 40 танков. Здесь в одной из атак погиб командир дивизии генерал-майор танковых войск В. П. Пуганов. В командование 22-й дивизией вступил полковник И. В. Кононов. Отряд 42-й дивизии отходил на восток через Стрыгово.

В Кобрин ворвались части 3-й танковой дивизии, захватили исправный мост через Муховец и устремились по Варшавскому шоссе к Березе.

Отряд 6-й стрелковой дивизий при отступлении оказался разделенным на две части, одна из которых под командованием заместителя командира дивизии по полити-

ческой части полкового комиссара М. Н. Бутина отходила по Варшавскому шоссе, а вторая во главе с командиром дивизии – по шоссе на Пинск. На Пинском шоссе в районе Антополь оборонялся мотоциклетный полк 14-го мехкорпуса. В направлении на Пинск отходило много подразделений и отдельных бойцов, оторвавшихся от своих частей. Из них создавались отряды, которые на задержанных автомашинах отправлялись в район Березы.

Остатки частей 28-го стрелкового корпуса и 22-й танковой дивизии заняли оборону у канала Муховец по обе стороны Варшавского шоссе. На этом рубеже остановили немцев, но продержались недолго.

Около 18 часов противник возобновил наступление в районе Пружан и вдоль Варшавского шоссе. К исходу дня 47-й моторизованный корпус подошел к Ружанам, а 24-й – взял Березу и вышел к реке Ясельда, на восточном берегу которой заняли оборону отряды 6-й и 42-й стрелковых дивизий, за ними расположились остатки 22-й танковой.

Войска 4-й армии к концу второго дня войны отошли от границы на 100–120 км. Немецкие корпуса успешно двигались вперед. В Брестской крепости вели бой с 45-й пехотной дивизией противника главные силы 6-й и 42-й дивизий. На флангах продолжали удерживать свои позиции у границы 49-я и 75-я стрелковые дивизии.

«Одной из главных причин неудач армии, как и в первый день, – пишет Л. М. Сандалов, – являлась беззащитность наших войск от ударов фашистской авиации...

Успех немецких войск под Пружанами и в районе Кобрина были обеспечены... надежной артиллерийской поддержкой танковых атак, превосходством немецких танковых войск в сколоченности и в боевом опыте, лучшей организацией связи и службы тылового обеспечения»²⁷⁸.

Крупные танковые бои в Белоруссии вела только 4-я армия. Ее 14-й механизированный корпус, имевший легкие танки, 23 июня вел бои с тремя моторизованными корпусами противника, имевшими половину средних танков. Тем не менее, начальник штаба 4-й армии, как указано выше, отметил превосходство танковых войск противника только в «сколоченности и боевом опыте». О техническом превосходстве нет и речи, так как его не было, о чем свидетельствует и характер боев. Превосходство средних танков перед легкими сохранялось, но советские танкисты несли потери в основном от ударов авиации и артиллерии.

Вечером начальник штаба 10-й смешенной авиационной дивизии сообщил командованию армии, что Пинский аэродром в течение дня немецкая авиация бомбила несколько раз, разрушила взлетно-посадочную полосу и взорвала склад авиабомб, а поэтому оставшимися самолетами дивизия участвовать в боевых действиях 24 июня не сможет.

До исхода дня 47-й и 46-й моторизованные корпуса наступали по шоссейной дороге Пружаны — Слоним и далее на Минск, а 24-й — через Березу на Бобруйск. Многие советские подразделения и части, сбитые ими с шоссейных дорог, двигались параллельно по лесам и болотам.

В донесении штаба 4-й немецкой армии в этот день сказано: «При слабых действиях артиллерии противник сражается местами упорно и отчаянно. Донесений о перебежчиках или сдавшихся в плен русских солдат пока не было»²⁷⁹.

Боевые действия 24 июня

Утром 24 июня упорные бои с врагом развернулись в районах Ружан и Березы. Несмотря на заявление начальника штаба 10-й дивизии, ее бомбардировщики СБ оказали поддержку советским войскам у Березы. Их атаковали истребители полковника Мельдера, прикрывавшие район наступления 2-й танковой группы. Командование этой группы данными о расположении и движении советских войск обеспечивала разведывательная авиация, которую возглавлял полковник фон Герлих, сбитый в этот день. Его заменил полковник Берзевиц.

Преодолев сопротивление советских войск в районе Ружан, 47-й моторизованный корпус противника двинулся к Слониму. На подходе к нему арьергардные бои с танковыми дивизиями немцев вели танкисты 14-го механизированного корпуса. Упорно сражались с врагом воины 30-й танковой дивизии полковника С. И. Богданова. В боях особо отличились командир танкового батальона капитан М. А. Бандурко, командиры экипажей старшина Матюхин, старший сержант Спинченков. Экипаж Спинченкова уничтожил пять танков врага и сам командир погиб.

Во время боя Гудериан находился на командном пункте 17-й танковой дивизии и мог попасть в плен при следующих обстоятельствах. «Обсуждая сложившуюся обстановку, — вспоминает он, — мы услышали в нашем тылу интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь... обстановка была

неясной, пока из дыма не показались два русских танка. Ведя интенсивный огонь из пушек и пулеметов, они пытались пробиться на Слоним... русские танки обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов; мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас же бросились на землю»²⁸⁰.

Отразив атаки советских танковых дивизий, 47-й моторизованный корпус вышел к Слониму, где был остановлен развернувшимися на восточном берегу реки Щара 121-й и 143-й стрелковыми дивизиями 47-го стрелкового корпуса фронтового подчинения и 155-й стрелковой дивизией 10-й армии, оказавшейся в этом районе. Попытка противника с ходу прорвать оборону на реке Щара не увенчалась успехом. Тогда он подтянул артиллерию, вызвал авиацию и после их ударов вновь пошел в атаку, но вновь был отбит.

Боевые действия на минском направлении

25 июня 47-й моторизованный корпус после упорного и продолжительного боя прорвал оборону советских войск на реке Щара и взял Слоним. Это поражение было обусловлено, в частности, тем, что три советские дивизии заняли оборону поспешно, имели различную подчиненность и никем не управлялись. Штаб 47-го корпуса задержался с отъездом из Бобруйска и, вследствие внезапности нападения врага и поспешного отступления советских войск, прибыть в район Слонима не успел. В этот день 47-й стрелковый корпус и 155-я стрелковая дивизия были переданы в состав 4-й армии, а ее 49-я стрелковая дивизия – в 10-ю армию. Переданные 4-й армии три дивизии, находящиеся в окружении, сил ее не увеличили. Они отходили на восток на соединение с 17-м механизированным корпусом, но не успели, оказались в тылу противника и выходили из окружения по лесам мелкими группами.

47-й немецкий моторизованный корпус, миновав Слоним, вышел на Варшавское шоссе и по нему к исходу дня подошел к Барановичам, где вступил в бой с 17-м механизированным корпусом. За 47-м на некотором удалении следовали 46-й моторизованный и 12-й армейский корпуса. Причем пахотные дивизии были насыщены автотранспортом и по подвижности не отличались от моторизованных.

Танковый клин из двух моторизованных корпусов, поддержанных пехотой и авиацией, имел мощную ударную силу. Следовавший впереди 47-й корпус имел задачу разгрома противостоящих сил. 46-й и 12-й корпуса при необходимости приходили ему на помощь, а главное закрепляли достигнутый успех и наносили поражение крупным и мелким группам окруженных войск, питавшимся перерезать пути снабжения и громить тылы танковой группы.

Около 16 часов 25 июня из Пинска в штаб 4-й армии прибыл делегат связи и сообщил, что личный состав 10-й смешанной авиационной дивизии убыл железнодорожным эшелонам в Гомель и далее в тыл за самолетами. С этого времени 4-я армия своих самолетов не имела. Ее войска должны были поддерживать части фронтовой авиации.

На аэродроме Барановичи в непосредственной близости от районов боев 4-й армии базировался 162-й истребительный авиационный полк, которым командовал подполковник Резник. Полк входил в состав 43-й истребительной авиадивизии. На его вооружении имелось 54 истребителя И-16. Автор летал на этих прекрасных миниатюрных и мощных по вооружению самолетах. Полк на этом аэродроме базировался с 22 июня и не понес потерь. Летчики полка сбили 4 самолета противника и могли успешно прикрывать не только Барановичи, но и войска, на что имели поставленную задачу²⁸¹.

С подходом подвижных войск противника к Слолиму и нанесением авиацией ударов по аэродрому его летное поле было повреждено, но на нем можно было подобрать или восстановить небольшую площадку для взлета самолетов и ухода на другие аэродромы. Однако командир полка 25 июня приказал техникам сжечь все самолеты, затем построил личный состав в походную колонну и вывел на шоссе, где посадил на попутные машины и через Слуцк поехал с полком на восток.

Это уникальный случай уничтожения собственными руками самолетов полнокровного полка без всякой необходимости «по слухам о подходе врага». Автору в 1944 г. на Ил-2 пришлось взлетать с раскисшего в распутицу аэродрома, когда трактором самолеты вытаскивали на небольшой сухой участок. Так весь полк вышел из под удара врага, а здесь в панике сожгли самолеты и пошли пешком, оставив без прикрытия войска.

Виновен в этом и командир дивизии генерал-майор

авиации Г. Н. Захаров, который вину за уничтожение самолетов в мемуарах возложил на полковника Татанашвили, который в Барановичах формировал новую авиадивизию и к этому полку не имел никакого отношения. Для восстановления связи с полком и управления им ему достаточно было затратить полчаса, чтобы долететь до Барановичей. Он же узнал об истории гибели полка лишь после войны.

Три других полка 43-й истребительной авиадивизии, базировавшиеся у Минска и Пуховичей, также не привлекались к прикрытию войск 4-й армии, хотя имели для этого возможности. Поэтому советские красноармейцы и командиры видели над собой только самолеты врага, не имея зенитных средств для отражения их атак. В результате немецкая авиация действовала как на полигоне.

17-й механизированный корпус генерал-майора М. П. Петрова находился на стадии формирования и имел всего 36 танков в составе учебного парка. В районе Барановичей дислоцировались 27-я и 36-я танковые дивизии, а у Новогрудка — 209-я моторизованная. Танковые дивизии не имели танков и тяжелого вооружения, слабо вооружены винтовками.

О бое с противником 27-й танковой дивизии вот что сообщил в донесении заместитель начальника политуправления Западного фронта. В 27-й дивизии «материальной части не было, личный состав был вооружен винтовками на 30-35 проц. Небоееспособной и невооруженной дивизии было приказано занять оборону в районе Барановичей. На линию обороны вышло всего 3000 человек, а остальные, до 6000 человек, были сконцентрированы в лесу в 18 километрах от Барановичей, все 6000 бойцов не имели оружия...

Дивизия натиска мехчастей противника не выдержала и начала отступать. Невооруженные толпы красноармейцев подвергались нападению со стороны мотомехчастей противника. В результате часть была уничтожена, а большая часть красноармейцев была рассеяна по лесу».

В аналогичном положении находилась и 36-я танковая дивизия, которая так же, потерпев поражение, начала отходить.

Прорвав оборону слабovoоруженных танковых дивизий у Барановичей, 47-й моторизованный корпус 26 июня захватил город и двинулся по шоссе к Минску, не имея на своем пути советских войск до старой государственной границы. За короткий срок он разгромил две группировки

советских войск: у Слонима и Барановичей. Раздельное их расположение позволило громить их по частям, понести малые потери и на большой скорости двигаться к Минску.

В центре полосы боевых действий 4-й армии в лесах между Березой и Барановичами находились части 205-й моторизованной, 30-й танковой, 121, 155, 143-й стрелковых дивизий, которые громили тылы противника.

Обстановка под Минском, вследствие приближения к нему 2-й и 3-й танковых групп противника, сложилась опасная и ей стали заниматься и искать выход в Москве. Вот что об этом пишет в воспоминаниях начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков, которого Сталин срочно вызвал с Юго-Западного фронта.

«Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навтыяжку С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком головы, он сказал:

— Не могу понять путаных предложений. Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — и бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок пять, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок пять минут доложите, — отрывисто бросил И. В. Сталин.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте.

Обстановка там сложилась действительно исключительно тяжелая. Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, сковывая значительные силы противника. Остатки 4-й армии частично отошли в Припятские леса. С линии Докшицы-Смолевичи-Слуцк-Пинск отходили на реку Березину разрозненные части войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти войска фронта преследовались мощными группировками противника.

Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже реки Западная Двина-Полоцк-Витебск-Орша-Могилев-Мозырь, и для обороны использовать 13, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того, следовало срочно приступить к подготовке

обороны на тыловом рубеже по линии озеро Селижарово-Смоленск-Рославль-Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2-3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И. В. Сталиным были утверждены и тотчас оформлены соответствующими распоряжениями.

В своих предложениях мы исходили из главной задачи — создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и главным образом новых формирований.

Где будет остановлен противник, что взять за выгодный исходный рубеж для контрнаступления, какие будут собраны для этого силы, мы тогда еще не знали. Пока это был всего лишь замысел.

27 июня в 10 часов 05 минут мною по «Бодо» был передан приказ Ставки Главного Командования начальнику штаба Западного фронта генерал-майору В. Е. Климовских следующего содержания.

ЖУКОВ. Слушайте приказ Ставки Главного Командования.

Ваша задача:

Первое. Срочно разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда просочились передовые мехчасти врага. Указать, где остались наши базы горючего, боеприпасов и продфуража, чтобы с этих баз части снабдили себя всем необходимым для боя.

Поставить частям задачу, вести ли бои или сосредоточиваться в лесных районах, в последнем случае — по каким дорогам и в какой группировке.

Второе. Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Третье. Оставшиеся войска выводить в трех направлениях:

- через Докшицы и Полоцк, собирая их за Лепельским и Полоцким УРами;
- направление Минск, собирать части за Минским

УРом;

– третье направление – Глусские леса и на Бобруйск.

Четвертое. Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты, движущейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, можно нанести уничтожающий удар и для разгрома первого эшелона, и для разгрома пехоты, движущейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, движущего на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты.

Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного фронта. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Пятое. Конницу отвести в Пинские леса и опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под командованием преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах»²⁸².

Из приказа следует, что никакие войска Западному фронту не выделяются и перехода главных сил в контрнаступление, как на военных играх, не будет. Основное внимание в нем уделено выводу частей из окружения и отводу имеющихся войск по трем направлениям. Рекомендация по организации уничтожающего удара в тылу противника для разгрома его первого эшелона, движущегося на Минск и Бобруйск, с последующим поворотом против пехоты не имела реальной основы. Здесь и далее в разговорах с командованием фронта Жуков много внимания уделял поиску конницы и организации ее боевых действий в тылу противника, которой уже не существовало. Вскоре и командир 6-го кавкорпуса генерал-майор И. С. Никитин попадет в плен, где и погибнет, а Жуков и 30 июня спрашивал у Павлова: «Где кавкорпус? Не может быть, чтобы авиация не видела конницу»²⁸³. Ему не верилось, что погиб корпус, которым он командовал лишь 2,5 года тому назад.

Теперь стало понятно, почему был раздражен Сталин. Даже после дополнительной проработки вопроса Ставка не приняла решения, которое улучшило бы положение советских войск под Минском. Все имеющиеся резервы она со-

средоточила на большом удалении от Западного фронта и не могла их использовать для помощи ему. Она передаст их фронту, но поздно, когда его силы будут разбиты. На военной игре было проще.

Боевые действия на бобруйском направлении

Утром 24 июня 24-й немецкий моторизованный корпус прорвал оборону советских войск у Березы. На его пути впереди находилась лишь 55-я стрелковая дивизия неполным составом, которая и вступила в борьбу с ним. Дислоцировалась дивизия в районе Слуцка. В ее состав входили 107, 111, 228-й стрелковые, 84-й пушечный и 141-й гаубичный артиллерийские полки. Единственный ее отдельный зенитный артиллерийский дивизион находился на полигоне и в дивизию не вернулся. Средств для борьбы с авиацией противника не было.

22 июня командир 55-й стрелковой дивизии полковник Д. И. Иванюк получил приказ о передислокации в район Березы. Стрелковые полки к месту их развертывания отправлялись автотранспортом округа с прибытием к исходу 24 июня, а артиллерия на конной тяге должна была совершить 200-километровый марш и сосредоточится к исходу 26 июня²⁸⁴.

Два полка дивизии 107-й стрелковый и 84-й артиллерийский следовали в назначенный район по северному маршруту через Барановичи. Связи с ними не было, и в бой с 24-м моторизованным корпусом врага дивизия вступила, имея в своем составе два стрелковых полка и гаубичный артиллерийский.

В середине дня 24 июня командованию дивизии стало известно, что накануне вечером противник прорвался к Березе, а утром его передовые части наблюдались на подходе к реке Щара. В связи с этим 111-му полку было приказано занять оборону перед рекой Мышанкой, 228-му стрелковому полку находиться во втором эшелоне. Он будет вводиться в бой, где потребует обстановка. В соответствии с этим приказом исполняющий обязанности командира 111-го полка капитан А. С. Белов развернул батальоны на высотах по обе стороны шоссе Брест — Бобруйск. Рубеж был выгоден для обороны, местность хорошо просматривалась и простреливалась. В боевых порядках полка развернулся 129-й противотанковый дивизион капи-

тана П. П. Остащенко, а у дороги – третий дивизион 141-го гаубичного артиллерийского полка, два других его дивизиона находились на марше²⁸⁵.

Вскоре на шоссе появились три немецкие бронемшины – разведка. Через несколько минут подошли десять грузовиков с пехотой, которая немедленно пошла в атаку. По немцам ударили 50-и 82-мм минометы, а затем им навстречу бросилась группа бойцов. Противник не принял рукопашного боя и отошел на исходную позицию.

На шоссе появилась новая колонна немцев, в голове которой шли танки. По танкам ударила артиллерия. Для скрытного приближения в полукилometре от переднего края советских войск немцы поставили дымовую завесу, которую ветер перемещал к позициям стрелкового полка. Из дымовой завесы показались танки, стреляя на ходу, за ними двигалась цепь автоматчиков. По танкам ударила артиллерия. В первую же минуту загорелись два танка и подбит третий. Первая волна атакующих повернула обратно, а им на смену показалась вторая волна танков. Вновь заработала артиллерия. Оставив на поле боя десять танков, противник начал отходить.

На помощь атакующим немцы вызвали авиацию. В небе появилось около тридцати Ю-87, которые с пикирования бомбили позиции пехоты и артиллерии. Немецкие летчики действовали расчетливо, не спешили, так как противодействия не было никакого.

После налета авиации немцы открыли артиллерийский огонь и только затем в атаку пошло около 50 танков. Некоторые подразделения стрелкового полка, не выдержав комбинированного удара, начали отходить к лесу. В этих условиях начальник штаба дивизии подполковник Г. А. Тер-Гаспарян приказал полку отойти к реке Щара. Его отход было приказано прикрыть противотанковому дивизиону, который открыл огонь по атакующим танкам.

Бой длился уже около двух часов. Противник потерял около двадцати танков и до двух батальонов пехоты. 55-я дивизия также понесла большие потери: перестали существовать третий дивизион артполка, противотанковый дивизион и разведывательный батальон, заметно поредели подразделения 111-го стрелкового полка, в дивизионе Остащенко осталось только два орудия.

Особо отличилась в бою 2-я батарея противотанкового дивизиона лейтенанта С. П. Утешева. При отражении второй атаки она уничтожила четыре танка и пять, когда

отражала третью. В живых остался только Утешев и стал действовать за весь расчет пушки. Он подбил два танка, а третий раздавил его и пушку.

На восточном берегу реки Щара развернулся 228-й стрелковый полк подполковника Г. К. Чаганова и батареи 122-мм гаубиц 1-го и 2-го дивизионов 141-го гаубичного артиллерийского полка. Артиллерия была сосредоточена по сторонам шоссе на отрезке около километра, так как густой лес и заболоченная пойма реки на флангах были почти непроходимы для танков. Это позволяло создать прочную противотанковую оборону²⁸⁶.

В районе штаба дивизии, расположенном в лесу километрах в трех от реки Щара, был организован пункт сбора отбившихся от своих подразделений 111-го стрелкового полка и частей 28-го стрелкового корпуса. Из них формировались сводные отряды и под руководством командиров направлялись на рубеж обороны у реки Щара, подготовка которого закончилась к 17 часам. Но деревянный мост через реку не взорван.

Вскоре на шоссе появились два немецких бронетранспортера, которые остановились у моста. Из них высыпали солдаты и намеревались захватить мост. По ним ударила артиллерия и открыт ружейно-пулеметный огонь. Один бронетранспортер был уничтожен, а второй помчался обратно. На буграх показалась вражеская пехота, которая стремительно двинулась вперед. Под огнем ее цепи редили и от реки она повернула обратно.

Потерпев неудачу, противник открыл артиллерийский и минометный огонь по позициям у реки. В воздухе появились немецкие самолеты группами по шесть-девять Ю-87. Как только, отбомбившись, уходила одна группа, ей на смену приходила другая. Они не имели противодействия, что повышало эффективность ударов и морального воздействия на советских воинов, у которых не было такого оружия, хотя численность авиации перед началом войны у противоборствующих сторон была примерно одинаковой.

Как только стих грохот от разрывов авиационных бомб, с бугров в атаку устремились танки, стреляя на ходу, больше для устрашения, чем поражения. По ним ударили гаубицы 141-го артиллерийского полка. Огонь они вели с дистанции пятьсот-шестьсот метров, и промахов почти не было.

Создалась угроза захвата моста. К нему пополз красноармеец С. Пахомов, который поджег его, и танки противника не смогли по нему перейти через реку Щару. Но, проявив выдержку и мужество, он погиб у моста.

Вражеские автоматчики под прикрытием огня танков форсировали реку и закрепились на восточном берегу. Советские бойцы рванулись в штыковую атаку, которой немцы не выдержали, и начали отходить. На поле боя осталось большое число убитых и около десяти танков. Потери советских войск были также большие. В стрелковых подразделениях сохранилось не более половины личного состава, а артиллеристы потеряли половину орудий.

Вечером враг вновь нанес удар авиацией и открыл артиллерийский и минометный огонь. Пехота под прикрытием танков пыталась форсировать Щару и развить успех, но и эта атака была отбита. Превосходство противника над усиленным стрелковым полком было многократным, и он вынужден был начать отход по шоссе на Слуцк. Оставленный отряд прикрытия сдерживал врага на этом рубеже до двух часов ночи.

Отступавшие части к утру 25 июня заняли оборону перед железной дорогой Барановичи—Лунинец между Русиничами и Тальмановичами, сосредоточив основные силы для блокирования шоссе Брест—Бобруйск. Средств для борьбы с танками было мало: 129-й противотанковый дивизион пушек не имел, а в 141-м артполку осталось десять гаубиц. В связи с этим в ротах сформировали группы истребителей танков, которые должны были с дальности 8-10 метров забрасывать боевые машины гранатами.

107-й стрелковый и 84-й артиллерийский полки 55-й дивизии в этот день вели бой с частями 47-го моторизованного корпуса западнее Барановичей.

Во второй половине дня на шоссе, перед позициями частей дивизии, появились немцы. После разведки боем, ударов авиации и артиллерии пехота и танки пошли в атаку, которая была отбита. Под вечер немцы возобновили атаку и, пользуясь значительным превосходством в пехоте и танках, начали теснить части дивизии.

Около старой советско-польской границы на контрольно-пропускном пункте останавливали и проверяли всех едущих. Здесь находился командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор В. С. Попов, который задерживал все подразделения и направлял в Слуцкий укрепленный район. На этот укрепленный район возлагались большие надежды,

но он их не оправдал. Вот что пишет о нем участник боев полковник Д. А. Морозов: «осмотрев несколько дотов, мы сразу разочаровались. Оружие с них было снято, они давно уже заросли травой. Мы недоумевали: кому и зачем понадобилось перед самой войной демонтировать эти мощные укрепления?»²⁸⁷ Отметим, что снятое вооружение было установлено в дотах на границе.

В этот день в Слуцк прибыл командир 47-го стрелкового корпуса генерал-майор С. И. Поветкин, который со штабом следовал на соединение со своими дивизиями, но опоздал. Корпус был передан в состав 4-й армии и генерал Коробков приказал Поветкину вернуться в Бобруйск и организовать его оборону, а мосты через Березину подготовить к взрыву. Вот только когда начинает применяться этот эффективный метод задержки движения подвижных соединений противника.

26 июня немцы вслед за отступающими быстро подошли к Слуцкому укрепленному району и прорвали его с ходу. В штабе 55-й стрелковой дивизии, расположенном в городе, царила растерянность. От частей остались только малочисленные подразделения без артиллерии и станковых пулеметов, в 141-м артполку было только четыре орудия.

Командир дивизии полковник Д. И. Иванюк принял решение организовать оборону перед Слуцком. На этот рубеж направлялись отходившие по шоссе остатки подразделений. Вскоре противник нанес по этому участку обороны бомбовый удар и бросил в наступление полсотни танков, которые прорвали наскоро организованную оборону. Более сильное сопротивление немцы встретили на западной окраине города, где оборонялся мотострелковый полк 30-й танковой дивизии. Не добившись успеха с фронта, они обошли его с севера и юга, и ворвались в город. Вечером этого дня пропал полковник Д. И. Иванюк. Поиски не дали результата и в командование дивизией вступил подполковник Г. А. Тер-Гаспарян.

27 июня остатки 111-го и 228-го стрелковых полков с подразделениями, влившимися в состав дивизии, заняли оборону в 17 километрах восточнее Слуцка, седлая шоссе на Бобруйск. Здесь же развернулись сводные подразделения 14-го механизированного корпуса и 161-й запасной полк.

В середине дня противник начал артиллерийский и минометный обстрел позиций, в воздухе появились вражеские Ю-87, нанешие удар с пикирования, затем в атаку пошли около двадцати танков. Разгорелся жаркий бой.

Пользуясь значительным превосходством в танках и пехоте, через час немцы прорвали оборону и в образовавшуюся брешь хлынули на Бобруйск главные силы 24-го моторизованного корпуса.

Оставшиеся небольшие силы 55-й стрелковой дивизии, оттесненные врагом с шоссе на Бобруйск и примкнувшие к ним подразделения других частей, начали отходить на Глуск, а после его прохода двинулись на Рогачев. Вскоре был получен приказ командующего 4-й армией, по которому дивизия должна следовать в лагерь западнее Черчерска для укомплектования, куда и прибыла 1 июля.

В течение трех дней 55-я стрелковая дивизия составом 2/3 сил вела упорные бои с 24-м моторизованным корпусом врага, сдерживая его движение к Бобруйску. Такого массового героизма, стойкости и отваги личного состава и умелого руководства командования дивизии не было ни на одном из фронтов в период приграничных сражений. Под Молодечно, например, 50-я стрелковая дивизия с частями усиления сутки сдерживала моторизованный корпус, а 55-я стрелковая меньшим составом — три дня. Отходя от рубежа к рубежу, дивизия не позволила одному из трех танковых клиньев на большой скорости двигаться на восток. Противнику нанесла большие потери, но и сама потеряла почти весь личный состав на рубежах от реки Мышанки до 17 километра восточнее Слуцка.

В конце первой недели июля в дивизию вернулись 107-й стрелковый и 84-й артиллерийский полки. Стрелковый полк имел около половины состава, а 84-й понес значительные потери. После боя с немцами западнее Барановичей они с боями отошли к Березине.

Боевые действия на левом фланге 4-й армии

На левом фланге 4-й армии оставшийся отряд 6-й стрелковой дивизии сдерживал у Городца противника, наступавшего на Пинск. Бойцы и командиры отряда действовали умело, и противник на этом направлении успеха не имел.

Выдающимся примером мужества и героизма здесь были действия воинов 75-й стрелковой дивизии генерал-майора С. И. Недвигина. До 26 июня, когда немцы подошли к Минску и взяли Слуцк, они продолжала удерживать свой участок обороны на границе. Воины дивизии вели непрерывные бои с 267-й и 255-й пехотными и 1-й кавалерий-

ской дивизиями противника, имевшими пятикратное превосходство. Немцы бросали в атаки большие массы войск при поддержке авиации, но безрезультатно, сбить дивизию с занимаемых ею позиций не удалось. Это был после 55-й дивизии второй пример выдающейся стойкости, массового мужества и героизма красноармейцев и командиров целой дивизии за время приграничных сражений.

Дивизия сражалась с открытыми флангами, так как соседей справа и слева не было. Силы ее непрерывно таяли, в боях были израсходованы боеприпасы, что снизило ее боеспособность. Пользуясь открытыми флангами и своим превосходством в численности, противник в ночь на 27 июня окружил дивизию. Положение было опасным, и командир дивизии принял решение выходить из окружения тремя группами с последующим движением на Сарны. После тяжелых боев группы прорвали окружение и их оставшиеся силы прибыли в Сарны, откуда по железной дороге были перевезены в Пинск. Дивизия заняла оборону у города и защищала его далеко в тылу врага так же стойко, как свой участок на границе. Но подвиг ее воинов не нашел освещения в литературе.

Бои за Бобруйск

После прорыва обороны остатков 55-й стрелковой дивизии и других частей на 17 километре за Слуцком, 24-й моторизованный корпус на полной скорости устремился вперед и вечером 27 июня подошел к Бобруйску. Оборону города возглавил командир 47-го стрелкового корпуса генерал-майор С. И. Понеделин. Для защиты города он привлек оставшиеся в нем корпусные части, некоторые подразделения 121-й стрелковой дивизии, автотракторного училища и дорожно-эксплуатационного полка. Сил оказалось мало, но они остановили врага на подступах к городу.

Командующий фронтом поставил 4-й армии задачу: «Обороной на реке Березине как можно дольше задержать противника. Выдвигаемые к Днепру свежие войска еще не полностью сосредоточились и не подготовили оборону»²⁸⁸.

На помощь защитникам города 27 июня на аэродром Старый Выхов был посажен 4-й штурмовой авиационный полк, вооруженный бронированными штурмовиками Ил-2, имеющими мощное бомбовое и стрелково-пушечное вооружение, что позволяло эффективно их применять для уничто-

жения живой силы и боевой техники противника. Полк был передан в состав Западного фронта из Харьковского военного округа и являлся единственной частью, которой фронт был усилен. Полк недавно получил эти штурмовики, только что поступившие на вооружение, и до вылета на фронт летчики еще строем не летали, на полигоне не стреляли и не бомбили²⁸⁹.

Обстановка была сложной и полку в таком состоянии было приказано лететь на фронт. За время перелета на фронтовой аэродром летчики отработали полет строем, а обучение в стрельбе и бомбометании пришлось совместить с ударами по реальным целям, а не мишеням на полигоне.

На аэродром Старый Быхов вскоре прилетел заместитель командующего ВВС фронта Н. Ф. Науменко, поставил полку боевую задачу и он в день прилета приступил к ведению боевых действий. Штурмовики шестерками с малых высот наносили удары по колоннам танков и мотопехоты врага на подступах к Бобруйску. Удары были весьма эффективны, и немцы впервые почувствовали мощь ударов крылатых танков. Подобных самолетов они не имели до конца войны.

В штурмовом полку имелось пять эскадрилий по 12 самолетов в каждой и с учетом управления насчитывалось 65 штурмовиков. Одновременно с боевыми самолетами на двух транспортных Ли-2 прилетело около 50 человек технического состава и работников штаба. Остальные около 500 человек прибыли по железной дороге лишь 10 июля, когда полк базировался у Гомеля. В результате каждый техник обслуживал пять самолетов, что задерживало их подготовку к боевым вылетам.

На следующий день 28 июня противник после артиллерийской подготовки и мощного удара пикирующих бомбардировщиков бросил в наступление до 70 танков с автоматчиками и начал теснить защитников. Им на помощь были направлены группы штурмовиков, которые с пикирования бомбили и били пулеметно-пушечным огнем по атакующим танкам и пехоте врага. Над полем боя шли воздушные бои Ил-2 с атакующими их истребителями Ме-109. В полдень 24-й корпус ворвался в город. Не задерживаясь в нем, он вышел к Березине, но перед ним рухнули в воду два моста, взорванные защитниками города. Корпус остановился и стал готовиться к форсированию серьезной водной преграды. Так нужно было поступать с мостами на

границе и на промежуточных реках, и такого быстрого продвижения противника не было.

После оставления Бобруйска сводный отряд генерала Понеделина занял оборону на восточном берегу Березины. 28 и 29 июня он отбил несколько попыток частей 24-го моторизованного корпуса форсировать реку, его активно при этом поддерживали с воздуха штурмовики 4-го полка, которые наносили удары по наведенным понтонным переправам и атакующим. 30 июня отряд при поддержке штурмовиков форсировал Березину и овладел старой бобруйской крепостью, но удержать ее не смог. Противник отбил атаку отряда, затем сам форсировал Березину крупными силами и стал продвигаться на восток.

Танки врага угрожали Старому Быхову, и 4-й штурмовой авиаполк 1 июля был перебазирован в район Климовичей и включен в состав 11-й смешанной авиационной дивизии, которой в это время командовал дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г. П. Кравченко. В ходе боев полк уничтожал колонны врага, препятствовал форсировать Березину и поддерживал в боях защитников города. При этом уничтожил большое число живой силы и боевой техники врага, а также девять его понтонных переправ, за что командующий Западным фронтом объявил личному составу полка благодарность²⁹⁰.

За 4 дня 4-й полк потерял двадцать летчиков, летавших на бронированных штурмовиках. Для характеристики условий боевых действий авиации в приграничных сражениях укажем, что этот же полк в войне с Финляндией совершил более двух тысяч боевых вылетов на незащищенных броней самолетах Р-З и не потерял ни одного летчика²⁹¹. Боевой опыт таких малых войн порождал лишь благодушие, которым в развернувшихся сражениях противник умело пользовался. Надежда на войну «малой кровью» не оправдалась и вводила только в заблуждение.

Итоги боев 4-й армии

В ходе приграничного сражения за семь дней 24-й моторизованный корпус противника продвинулся от границы на 350 км, имея средний темп наступления 50 км в сутки. Этот танковый клин как «шило» проткнул оборону 4-й армии на узком участке, примыкавшем к шоссе Брест-Бобруйск, справа и слева от которого двигались на восток дивизии, отряды, группы и одиночные бойцы совет-

ских войск. Справа от этого клина южнее Дзержинска отходили с боями 123, 143, 155-я стрелковые дивизии, впереди них двигались дивизии 20-го механизированного корпуса, переданного в состав 4-й армии. Слева от клина отходили остатки 55-й стрелковой и отряд 42-й дивизий.

За семь дней боев все войска 4-й армии, входившие в ее состав перед войной и переданные ей в ходе боевых действий, кроме ее штаба, 75-й стрелковой, главных сил 55-й стрелковой и отряда 6-й стрелковой дивизий, оказались в окружении. Армия потеряла все танки, артиллерию, самолеты, склады горючего и боеприпасов. Из этого следует, что в ходе приграничного сражения она потерпела полное поражение, причины которого следующие.

Главная причина поражения - внезапное нападение врага. К ведению боевых действий в таких условиях, которые были типичны для войн на Западе, командование дивизий, корпусов и армии не были готовы. Вследствие внезапного нападения в Брестской крепости были блокированы и уничтожены 6-я и 42-я стрелковые дивизии, за исключением нескольких частей, оказавшихся вне ее стен. Они не смогли занять свои участки обороны на границе, и она на протяжении 60 км оказалась открытой для противника, где наступала главная его ударная группировка. Из-за недопустимо близкого расположения городка 22-й танковой дивизии к границе она потеряла большую часть танков от артиллерии врага в первые минуты войны. Инструкции приведения частей в боевую готовность не предусматривали немедленных ответных действий при внезапном вторжении противника.

Вторая причина - большое преимущество противника в пехоте и танках, усиленное нераспорядительностью окружного и армейского руководства, разместивших скученно в недопустимой близости к границе 6,42,22-ю дивизии. В результате уничтожения значительной части их личного состава и боевой техники армия в начале войны имела 5 дивизий против 20,5 противника и он обладал семикратным превосходством в численности войск.

В ходе сражения армии последовательно были переданы 47-й стрелковый и 20-й механизированный корпуса, когда они уже находились в окружении и не представляли реальной силы. Передавались, очевидно, чтобы снять ответственность с командования фронта, в чем подчинении они находились.

Третья причина - недостатки в работе штаба армии. По этой причине не были взорваны шесть мостов через Западный Буг, что позволяло противнику быстро его форсировать, а также десять мостов на пути движения моторизованных корпусов, позволившее им наступать с максимально возможной скоростью.

Штаб не использовал имевшееся время для приведения в боевую готовность 10-ю смешанную авиационную дивизию, которая не смогла организовано встретить первый налет авиации врага и потеряла на аэродромах большое число самолетов в первые минуты войны. Причем штаб дивизии и армии находились в одном здании.

Четвертая причина - проведение в угрожаемый период сборов саперов, артиллеристов и зенитчиков. Для проведения стрельб на полигон в 115 км восточнее Минска были вызваны все зенитные дивизионы армии, откуда они прибыть не смогли и все соединения и штабы оказались без средств защиты от ударов с воздуха. Это было равносильно их разоружению в отношении противовоздушной обороны. Отменить и сократить число участников сбора было в праве командование округа, но оно этого не сделало. В связи с большими потерями истребителей на земле на третий день войны их не стало и авиация противника не имела никакого противодействия, что резко повысило эффективность ее действий.

Пятая причина - высокий уровень подготовки немецких войск, их стойкость, выдержка, упорство в достижении победы, наличие опыта войны и четкое взаимодействие авиации с пехотой и танками.

§ 8. Оборона Минска

Оборону Минска Военный совет Западного фронта возложил на 2-й и 44-й стрелковые корпуса с использованием сооружений Минского укрепленного района, для чего они выводились на старую государственную границу.

В состав 2-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор А. Н. Ермаков, входили 100-я и 161-я стрелковые дивизии. 100-я дивизия дислоцировалась в Уречье северо-восточнее Минска и передана в состав корпуса 25 июня, а 161-я дивизия - на следующий день, она прибывала железнодорожными эшелонами из-под Могилева.

44-м стрелковым корпусом командовал комдив В. А.

Юшкевич. В состав корпуса входили 64-я и 108-я стрелковые дивизии, которые с 15 июня железнодорожными эшелонами прибывали из Смоленска и Вязьмы и занимали назначенные позиции в Минском укрепленном районе. К началу сражения под Минском их артиллерийские полки не успели прибыть, и дивизиям нечем было отражать атаки танков. В связи с этим 44-му корпусу, действующему на главном направлении, решением командования фронта, были переданы артиллерийские полки 100-й стрелковой дивизии. С прибытием своих полков они были возвращены, но уже в ходе боя.

На правом фланге 44-го корпуса полосу Минского укрепленного района шириной 50 км обороняла 64-я стрелковая дивизия. На правом фланге этой дивизии от Стайки до Скаревичи располагался 288-й стрелковый полк подполковника Г. П. Кучмистого, далее до Хмелевки — 30-й стрелковый полк полковника А. И. Ефремова и на левом фланге в районе Заславля и южнее до Красное — 159-й стрелковый полк А. И. Белова.

108-я стрелковая дивизия генерал-майора А. И. Мавричева (затем Н. И. Орлова) обороняла полосу шириной 40 км левее 64-й дивизии. На правом ее фланге от Красное до Мартыновичи занимал оборону 407-й стрелковый полк полковника Мудреца и далее до Мямлево — 444-й стрелковый полк полковника Петухова.

Надежда командиров 64-й и 108-й стрелковых дивизий на организацию обороны с использованием дотов Минского укрепленного района не оправдалась. Очевидец этих событий полковник Г. С. Бурназян об этом вспоминает: «В полосе обороны 64-й дивизии было обнаружено много дотов... Но наша радость была преждевременной. Отсутствие специальных войск, обученным действиям в укрепленном районе, оружия, приборов наблюдения, связи, света, вентиляции и другого технического оборудования сделало невозможным использовать доты по их прямому назначению. Однако стараниями командиров рот и батальонов некоторые доты ожили. Туда были поставлены станковые пулеметы, а в некоторые доты — даже пушки...»²⁹²

В укрепленном районе находился 101-й отдельный батальон под командованием капитана А. В. Сугакова, который его охранял и содержал в исправном состоянии лишь артиллерийский дот № 06.

Из-за почти полного выхода Минского укрепленного района из строя, вспоминает Бурназян, части 64-й и

108-й дивизий спешно зарывались в землю: «рыли окопы, ходы сообщений, готовили основные и запасные позиции для артиллеристов, уточняли все детали взаимодействия артиллеристов со стрелковыми подразделениями»²⁹³. Но времени на проведение этих работ было крайне мало, поэтому не все удалось сделать.

Правее 44-го корпуса располагались позиции 100-й и 161-й стрелковых дивизий 2-го стрелкового корпуса, а левее, вдоль шоссе Минск—Слуцк, был развернут 20-й механизированный (26,38-я танковые, 210-я моторизованная дивизии) корпус.

К Дзержинску и южнее его под ударами 47-го и 46-го моторизованных корпусов противника отходили 121,143, 155-я стрелковые дивизии и остатки 17-го механизированного корпуса, которые должны были усилить оборону советских войск у Минска. Но они отстали от немецких моторизованных корпусов, и этого не произошло.

Минск от ударов вражеской авиации прикрывали 160-й и 163-й истребительные авиационные полки 43-й истребительной авиационной дивизии и 7-я бригада ПВО.

С 23 июня немецкая авиация, несмотря на противодействие и большие потери, начала яростно бомбить Минск и его окрестности. Город окутал дым пожаров. По дорогам, ведущим из города на восток, бесконечными вереницами тянулись беженцы. Распространилась паника среди некоторой части работников местных органов власти, торговых организаций, а также мобилизационных пунктов военных комиссариатов.

Паническая бездеятельность отдельных лиц военных комиссариатов привела к скоплению в городе большого количества военнообязанных. Тыловые органы фронта не имели возможности, из-за неподготовленности, снабдить сформированные части оружием и боеприпасами и их отправили в Смоленск, хотя они были нужны здесь для обороны города.

25 июня в 8 часов утра авиационная разведка донесла о движении по шоссе от Вильнюса на Минск громадных колонн немецких танков и их близости к городу. По указанию командующего фронтом 12-я бомбардировочная авиационная дивизия нанесла бомбовый удар по ним в районе Замбжек. Затем удары по колоннам танков нанесли полки 3-го дальнебомбардировочного корпуса. Эти удары несколько задержали движение противника, но он продолжал приближаться к городу.

Эти данные подтвердили результаты наземной разведки. Ее на рассвете организовал командир 64-й стрелковой дивизии полковник С. И. Иовлев, который поставил задачу командиру 73-го отдельного разведывательного батальона майору Я. В. Чумакову: силами батальона, усиленного ротой разведчиков 108-й дивизии, произвести разведывательный рейд в направлении Родошковичи-Красное-Молодечно с целью вскрытия группировки и планов противника на подступах к позициям корпуса.

Отряд разведчиков выступил на рассвете 25 июня и двигался по проселочным дорогам параллельно шоссе Вильнюс-Минск, просматривая ее. В районе Родошковичей отряд обнаружил скопление немецких танков, которые производили заправку горючим. Чумаков решил, что в бой вступать нецелесообразно и, направив в штаб дивизии донесение о танках, двинулся с отрядом далее вдоль дороги к местечку Красное.

У деревни Шелухи разведчики заметили, что с шоссе съезжают в лес легковые автомашины, автобусы и несколько автомашин автоматчиков. Чумаков с командирами рот и несколькими разведчиками отправился в разведку и установил, что немцев человек семьдесят и чувствуют себя в безопасности. Офицеры, раздевшись до трусов, умываются. На шоссе в непосредственной близости патрулируют три легких танка.

Чумаков решил уничтожить отряд немцев. Для этого направил шесть человек уничтожить танки гранатами, а остальными силами окружил отряд. По условному сигналу, которым служил взрыв гранат при уничтожении танков, разведчики открыли огонь, и за несколько минут все было кончено. В плен было взято три офицера, пять солдат, захвачено несколько мешков штабных документов, оружие.

По документам было установлено, что разведчики разгромили часть штаба 39-го моторизованного корпуса, которым командовал генерал танковых войск Шмидт. Среди захваченных документов оказалась карта с нанесенным на ней планом боевых действий группы армий «Центр» с указанием сил и сроков взятия городов и крупных населенных пунктов. Стрелы на карте от Вильнюса через Молодечно и от Слонима через Дзержинск показывали направления наступления танковых групп Гота и Гудериана на Минск и сходились у него 27 июня, а затем тянулись к Борису, Смоленску. Вследствие большой важности за-

хваченных документов они были направлены в штаб Западного фронта и далее – в Генеральный штаб²⁹⁴.

Маршал Шапошников, ознакомившись с этими документами, доложил сложившуюся обстановку наркому обороны и добился разрешения на отвод войск 3-й и 10-й армий из-за угрозы окружения. В результате, как показано выше, это не улучшило их положения, а успешное наступление войск под Гродно превратилось в неорганизованное отступление.

Для отражения атак подходящих танков противника в 64-й стрелковой дивизии, вследствие малого количества артиллерии, было решено использовать метод испанских республиканцев – бутылки с бензином. 25 июня распоряжением начальника штаба дивизии полковника В. Ф. Бельшева из каждого батальона были выделены красноармейцы, которые собрали в окрестных деревнях бутылки и подготовили их к применению. В батальонах были проведены занятия, на которых изучен метод применения нового вида оружия.

К вечеру 25 июня появились передовые части 7-й танковой дивизии генерал-майора барона фон Функа и 20-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Штумпфа 39-го моторизованного корпуса и на подходе были 14-я и 29-я моторизованные дивизии. Далее следовали 12-я и 19-я танковые и 18-я моторизованная дивизии 57-го моторизованного корпуса.

Передовые части противника с ходу атаковали позиции 64-й стрелковой дивизии. 25-й танковый полк 20-й танковой дивизии атаковал 30-й стрелковый полк, а мотополк 7-й танковой дивизии – 159-й полк. Потеряв в бою несколько танков и оставив несколько десятков убитых и раненых, немцы отошли. Спустя несколько часов на позиции полков они обрушили массированный огонь артиллерии и минометов, после чего пошли в атаку автоматчики, поддержанные танками. Но и эта атака была отбита.

26 июня на позиции роты лейтенанта Афанасьева 1-го батальона 30-го стрелкового полка в районе деревни Рогово, поддержанной несколькими орудиями 219-го гаубичного полка, пошли в атаку шесть танков в сопровождении автоматчиков. Четыре танка были подбиты артиллеристами, а два подожжены бутылками с бензином. Оставшись без танков, автоматчики бежали, оставив на поле боя убитых и раненных²⁹⁵.

Боле сотни автоматчиков при поддержке четырех танков атаковали позиции 5-й роты лейтенанта Омелькина у

деревни Крыницы. Вскоре два танка загорелись, а два других повернули назад, атака врага была отбита с большими для него потерями.

После длительной артиллерийской подготовки на позиции роты Омелькина двинулись два батальона пехоты и около двадцати танков. Роту поддерживали артиллеристы 163-го легкого, 219-го гаубичного и 49-го корпусного артиллерийских полков. Разгорелся жаркий бой, 7 танков были подбиты, а остальные прорвались и устремились к Минску. Немецкие танки вскоре заметили наблюдатели четырехпушечного артиллерийского дота № 06, расположенного на высотке у деревни Мацки. Тяжелые бетонные плиты отодвинулись, открылась амбразура. После первого залпа замерли на месте два танка, после второго - еще два, остальные повернули назад.

Четыре дня сражался гарнизон дота, преграждая путь немцам на Минск. Как только немцы появлялись в зоне обстрела, их тут же накрывали снаряды орудий дота 06. Немцы пытались уничтожить его, но ни мины, ни снаряды, ни авиационные бомбы не причиняли ему вреда, насколько мощные стены имело это сооружение. Только когда кончились снаряды, мужественные защитники дота, вывели из строя пушки и двинулись на восток, уничтожая на своем пути мелкие группы противника.

Тяжелый бой 26 июня разгорелся и у города Заславля в полосе обороны 159-го стрелкового полка подполковника А. И. Белова, который поддерживали 1-й дивизион 163-го, 2-й дивизион 219-го гаубичного, 2-й дивизион 46-го корпусного артиллерийских полков и два орудия 170-го отдельного противотанкового дивизиона.

В этот день перед рассветом по указанию подполковника Белова вся, поддерживающая полк артиллерия нанесла удар по скоплению вражеских войск, готовящихся к атаке, и вывела из строя более ста офицеров и солдат, около десяти танков и двадцати автомашин. Поэтому только часов в одиннадцать утра немцы пошли в атаку у деревни Хмелевка. Танки шли тремя волнами по семь машин в каждой, за ними цепи автоматчиков. Артиллерия встретила атакующих огнем. Потеряв семь танков и до сотни солдат, враг откатился на исходные позиции. В отражении этой атаки принимали участие и пулеметчики 101-го отдельного пулеметного батальона, засевшие в доте Минского укрепрайона.

После нескольких атак немцы, пользуясь своим превосходством в численности, при поддержке танков, по-

теснили полк и ворвались в Заславль. Их танки рванулись к Симкову Городку. Белов обратился к командиру дивизии за помощью и тот выделил ему из резерва его же третий батальон и разведывательный батальон Чумакова. В ходе контратаки Заславль был очищен от врага, но в бою погиб А. И. Белов. На следующий день противник подтянул свежие силы и вновь взял город.

Справа от 64-й стрелковой дивизии располагались позиции 100-й стрелковой дивизии. Но она их к 5.00 26 июня, как было определено в приказе, не заняла, и прорвавшаяся группа танков 25-го танкового полка соединилась с воздушным десантом у Остошицкого Городка. Начались боевые действия на подступах к Минску, а 100-й дивизии все нет, что ставило в тяжелое положение 64-ю дивизию и позволяло немцам беспрепятственно выйти к столице Белоруссии. В связи с этим член Военного совета 13-й армии бригадный комиссар П. С. Фурт и начальник оперативного отдела полковник С. П. Иванов, прибывшие на командный пункт 64-й дивизии 25 июня с отрядом Чумакова, связались по телефону с командиром 2-го стрелкового корпуса генерал-майором А. Н. Ермаковым, который находился в 50 км от Минска и, по его словам, был занят срочным выдвиганием на позиции 161-й стрелковой дивизии полковника Михайлова. На вопрос, почему 100-й дивизии нет на позициях, ответил, что еще накануне поздно вечером его нарочный вручил начальнику штаба дивизии полковнику П. И. Груздеву приказ о немедленном выдвигании соединения на рубеж Остошицкий Городок, Ошмянцы. Однако связаться с командиром дивизии генерал-майором И. Н. Руссияновым не удалось, он находился в Минске, исполняя по совместительству обязанности начальника гарнизона. Для выяснения обстановки на командный пункт 100-й дивизии выехал полковник С. П. Иванов.

На командном пункте дивизии в районе урочища Белое Болото он узнал у полковника Груздева, что перед рассветом 26 июня, как и определено приказом, дивизия во главе с Руссияновым, вернувшимся из Минска, выступила в направлении Остошицкого Городка без артиллерии, переданной 44-му корпусу. С подходом к нему разведка установила, что он занят немцами, поэтому было принято решение развернуть полки для обороны на рубеже между деревнями Караси и Усбрье, фронт обороны составил 25 км. На правом фланге развернулся 85-й стрелковый полк подполковника М. В. Якимовича, на левом — 355-й под

командованием Н. А. Шварева и во втором эшелоне остался 331-й полковник И. В. Бушуева. Положительным элементом оказалось то, что 7-я танковая дивизия совместно с пехотой и десантом начали атаку лишь в 15 часов, что позволило полкам подготовиться к ее отражению.

В середине дня 26 июня на командный пункт 44-го стрелкового корпуса прибыл из окружения отряд штаба 13-й армии во главе с командующим П. М. Филатовым и начальником штаба А. В. Петрушевским.

С. П. Иванов доложил командующему обстановку и положение в 100-й дивизии. Филатов приказал вернуть Руссианову артиллерию из 44-го корпуса и подвезти боеприпасы, дал указание Петрушевскому выехать на командный пункт фронта и просить подкрепления, полагая, что для такого святого дела, как оборона Минска, они найдутся²⁹⁶.

На следующий день рано утром А. В. Петрушевский вернулся и сообщил, что фронтовое командование резервов не имеет. Оно приказало армии удерживать Минск до последней возможности, даже сражаться в окружении. Генерал Филатов приказал это требование довести до войск, составляющих второе формирование армии. В приказе № 1, отданном в 8 часов 30 мин 27 июня сказано:

«Войскам армии

1. Народный комиссар обороны приказал: Минск ни в коем случае не сдавать, даже при условии полного окружения войск, его обороняющих.

2. С сего числа вступаю в командование войсками на Минском направлении и подчиняю себе 2-й и 44-й СК, Минский УР, все части и соединения, действующие в этом направлении...»

На вопрос Филатова о том, что известно о соседнем 20-м механизированном корпусе, Петрушевский ответил: он находится в стадии формирования и имеет около 90 танков, десятка полтора орудий, 7–8 тыс. человек личного состава, так что на его помощь в борьбе с подходящими танками Гудериана рассчитывать не приходится²⁹⁷.

Он также сообщил, что в штабе фронта находятся Маршалы Светского Союза К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников. Последний указал, что резервы, выдвигаемые Ставкой из глубины, сосредоточиваются на рубеже рек Западная Двина, Днепр и появление их в районе Минска не ожидается.

Данное решение Верховного Командования о размещении стратегических резервов на рубеже указанных рек отличалось от того, что отрабатывалось на военных играх. Это, возможно, сыграло отрицательную роль в отражении наступления немцев на старой государственной границе, так как из-за большого удаления они не могли прийти на помощь войскам фронта, которые в этом нуждались, в частности, защитники Минска.

Рано утром 27 июня позиции 1-го батальона в течение получаса обстреливали артиллерия и минометы, затем пошли в атаку танки и два батальона пехоты. Около двух часов шел жаркий бой, и противнику удалось взять деревню Рогово. Но подошло подкрепление, и бойцы во главе с капитаном Новиковым стремительной контратакой отбросили немцев и очистили деревню. Однако противник, подтянув резервы, вновь непрерывно атаковал.

К исходу дня 27 июня немцы прорвали оборону 30-го стрелкового полка, потерявшего более двух третей личного состава, и устремились одной группой к Острошицкому Городку, а второй — к Семкову Городку. Полк был расчленен на две части. Одна часть вместе со штабом была окружена, а вторая (в основном батальон капитана Новикова) — отошла к населенному пункту Городок, где продолжала сражаться.

Окруженная часть полка во главе с полковником Ефремовым прорвалась из окружения на Логойск и к 7 июля вышла к своим.

28 июля бой на правом фланге 44-го стрелкового корпуса развернулся с новой силой. Немцы ввели в бой подошедшую 12-ю танковую дивизию генерал-майора Харпе 57-го моторизованного корпуса генерала танковых войск Кунтцена. Дивизия при поддержке авиации в ходе упорных боев прорвала оборону 44-го корпуса и в 17 часов вошла в Минск.

Обстановка обострилась. Командиры дивизий запрашивали помощи и докладывали о трудности удержания занимаемых рубежей, а оказать ее не было возможности. Немецкое командование подтягивало свежие войска и наращивало мощь ударов. Напрашивалось решение об отводе корпусов на рубеж восточнее Минска, с тем, чтобы с городом не потерять армию. В связи с этим генерал Филатов запросил у Военного совета фронта разрешение на отвод войск, но подучил отказ, письменный текст которого позже доставил делегат связи. Он характеризует

слабое знания штабом фронта обстановки и мы его приводим полностью:

«13-й армии Наркомом и Военным советом Западного фронта подтверждено, что Минский укрепленный район должен быть, во что бы то ни стало, удержан, хотя бы пришлось драться в окружении. Но этого случится не должно, так как части 3-й армии собираются в районе Столбцы и будут выведены в район Минска, Ратомка. 6-й мехкорпус выводится через Столбцы, Пуховичи для последнего удара по тылам врага»²⁹⁸.

Подписал документ генерал Климовских. Из него следовало, что командование фронта планировало боевое применение отходящих сил 3-й армии и 6-го мехкорпуса, которых в действительности не было. Это было показано ранее, а в отсутствии частей 3-й армии, которые должны выйти в укрепрайон и повысить его стойкость, мы убедимся несколько позже.

На совещании членов Военного совета 13-й армии было установлено, что полученное приказание невыполнимо и генерал Филатов приказал 44-му стрелковому корпусу продолжать удерживать свои позиции и особенно станцию Ратомку, куда предполагается выход частей 3-й армии, а 2-му стрелковому корпусу разрешил отойти на рубеж реки Волма²⁹⁹.

28 июня в полосе 108-й стрелковой дивизии 17-я танковая дивизия 47-го моторизованного корпуса генерала танковых войск Лемельзена прорвала оборону 444-го стрелкового полка и устремилась по шоссе к Минску.

На исходе дня в район расположения штабов 13-й армии и 44-го корпуса вышли немецкие танки численностью до батальона в сопровождении пехоты на бронетранспортерах. Зная с кем они имеют дело, немцы через громкоговорящую установку объявили:

- Сдавайтесь, господа офицеры, на почетных условиях! Вам будет сохранена жизнь и офицерские знаки отличия³⁰⁰.

И предоставили двадцать минут на размышление. Воспользовавшись этой паузой, командующий приказал штабам армии и корпуса отходить, а наличные силы собрать для отпора врагу. Быстро была сформирована колонна, которая рванула на север, а затем северо-восток на Волму.

Для отражения налета врага были привлечены батальон 159-го стрелкового полка, батарея противотанкового дивизиона и все работники штаба 44-го корпуса. Налет был отбит.

Большая группа танков 17-й танковой дивизии, прорвавшаяся через линию обороны 108-й стрелковой дивизии во второй половине дня вышла в район Минска, где была атакована частями 26-й танковой дивизии.

29 июня 39-й и 47-й моторизованные корпуса танковых групп Гота и Гудериана соединились восточнее Минска и замкнули кольцо окружения войск Западного фронта. На восьмой день войны немцы окружили 3, 4, 10, 13-ю армии, то есть все силы Западного фронта, за исключением отдельных соединений и отрядов, оказавшихся вне этого кольца.

Рассмотрим теперь ход боевых действий в полосе 2-го стрелкового корпуса. 100-я его стрелковая ордена Ленина дивизия генерал-майора И. Н. Руссиянова заняла оборону за 1-2 км до заданного рубежа и стала готовиться к отражению атак противника. Наличие у него танков при отсутствии в дивизии артиллерийских полков ставило ее в очень тяжелое положение, так как стальные машины нечем было уничтожать. В связи с этим подготовили бутылки с бензином, создали специальные группы бойцов, которые быстро освоили их применение.

Около 15 часов 26 июня противник силой двух полков пехоты при поддержке 40-50 танков перешел в наступление. Казалось, что все поле боя пришло в движение. Основная масса танков двигалась на батальон капитана Ф. Ф. Коврижко. Он, а затем и начальник штаба батальона, подожгли фитили бутылок с бензином и бросили их в подошедшие танки, которые вспыхнули и остановились. Их примеру последовали и другие. Вскоре в районе обороны батальона горело более двадцати танков. Эта весть облетела дивизию. Танкисты врага стали бояться зажигательных бутылок³⁰¹.

Понесли потери и два полка 29-й моторизованной дивизии генерал-майора Церна. Оставив на поле боя большое число убитых и раненых, они откатились на исходные позиции.

Ночью из 44-го корпуса вернулись в дивизию 34-й и 46-й артиллерийские полки. Начальник артиллерии 2-го корпуса дополнительно усилил дивизию 115-м корпусным артполком.

Утром 100-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 603-м стрелковым полком перешли в наступление и начали стремительно продвигаться вперед. Враг бросил против них танки, бронетранспортеры, которые успешно поражались артиллерией и бутылками с бензином. С воздуха на-

несла удар авиация врага, и части дивизии остановились. К 13 часам подвезли артснаряды и дивизия, после короткой артиллерийской подготовки, вновь перешла в наступление и отбросила противника на 12-14 км.

В этот день борьбу с самолетами успешно вели средства противовоздушной обороны. Во время налета вражеской авиации на боевые порядки дивизии сержант И. П. Кадомский из взвода ПВО 34-го артиллерийского полка из зенитного пулемета сбил три немецких самолета³⁰².

Утром 28 июня 100-я дивизия удерживала свои позиции, но слева 30-й стрелковый полк был расчленен противником, справа отошел 603-й полк. Противник бросил на дивизию свежие силы и большое число танков. Она вынуждена была перейти к обороне, а затем оказалась обойденной с флангов. Под угрозой окружения во второй половине дня дивизия по приказу командующего 13-й армией начала отходить за реку Волму. Два ее батальона оказались в окружении, но под руководством капитана В. Р. Вабий вышли из него и, совершив длительный путь по тылам противника, 18 июля соединились со своими войсками.

За 26-28 июня 100-я стрелковая дивизия уничтожила 101 танк, а также большое число личного состава и боевой техники противника³⁰³.

39-й и 47-й моторизованные корпуса, замкнув кольцо окружения, двинулись к Борису. Бомбардировщики противника бомбили железнодорожные узлы, воинские эшелоны, отступающие войска. Советские истребители в воздухе для прикрытия войск не появлялись.

2-й стрелковый корпус 28-30 июня сдерживал противника на реке Волме на участке Клиники, Червень, но силы были далеко не равные и его 100-я и 161-я дивизии отошли к Березине. После этих боев противник боялся против 100-й дивизии применять танки, так как ее пехота научилась эффективно их сжигать бутылками с бензином.

100-я и 161-я стрелковые дивизии за массовый героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, приказом Народного комиссара обороны 18 сентября 1941 г. первыми были преобразованы в гвардейские: 100-я стала 1-й гвардейской стрелковой дивизией, а 161-я - 7-й.

Командующий Западным фронтом 28 июня приказал командире 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-

майору А. С. Жадову занять оборону на восточном берегу Березины у Свислочи 8-й бригадой, а у Березино — 7-й.

Воздушно-десантные бригады, заняв оборону вдоль реки, отразили попытки частей 24-го моторизованного корпуса форсировать ее на их участке. В этих боях особо отличились части 7-й бригады полковника М. Ф. Тихонова, а так же разведывательный отряд 8-й бригады, который в течение шести часов сдерживал превосходящие силы противника в боях за местечко Свислочь.

64-я и 108-я стрелковые дивизии 13-й армии, оказавшись в окружении западнее Минска, построили круговую оборону и продолжали сражаться. При этом штаб 64-й дивизии спешно формировал из выходящих из окружения подразделений и отрядов 3, 10-й и 13-й (первого состава) армий сводные полки численностью по 1500 человек. Два таких полка пополнили силы дивизии.

Вечером 30 июня с запада послышался гул моторов танков Т-34, которые сопровождали несколько легковых автомашин. Это прибыл командующий 3-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, с ним член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Н. И. Бирюков и до двадцати генералов и командиров его штаба. Обещанных генерал-майором Климовских частей 3-й армии не оказалось.

Генерала В. И. Кузнецова встретил, оказавшийся старшим, помощник начальника оперативного отдела штаба 44-го корпуса подполковник Кузин, который доложил ему обстановку и имеющиеся силы. Кузнецов подчинил себе 64-ю и 108-ю стрелковые дивизии и в ночь на 2 июля повел их на прорыв из окружения, который наметил в районе станции Фаниполь. Дивизии прорвали оборону врага и под руководством командиров Иовлева и Орлова двинулись по тылам немцев к Гомелю на соединение с основными силами фронта.

Генерал Кузнецов и член Военного совета Бирюков вывели из окружения 498 вооруженных командиров и красноармейцев преимущественно из состава 13-й армии, Войска их 3-й армии остались в окружении и к этому времени прекратили свое существование или мелкими группами шли на соединение с силами фронта. Вся боевая техника: танки, самолеты, артиллерия, стрелковое оружие — уничтожены или захвачены противником. 3-я армия потерпела полное поражение.

Когда последние части 44-го стрелкового корпуса оставили позиции на старой государственной границе, в этом районе начали группироваться выходящие из окруже-

ния одиночные красноармейцы и отряды. Вышел сюда с небольшой группой и генерал-лейтенант И. В. Болдин, пройдя пешком по лесам и болотам около 300 км. В районе Минска он встретил отряд И. С. Стрельбицкого, насчитывавший несколько тысяч человек, из частей всех армий. Здесь же находились командиры 21-го стрелкового корпуса и 27-й стрелковой дивизии.

И. В. Болдин принял на себя командование отрядом Стрельбицкого, а его назначил своим заместителем. 3 июля он повел отряд на прорыв для выхода из окружения южнее Минска, но бой сложился неудачно, противник имел крупные силы и пришлось отойти. На следующий день из оставшихся и пришедших из лесов красноармейцев и командиров Болдин сформировал сводную дивизию составом более 5 тыс. человек. Вскоре он повел дивизию на прорыв, но прорвать вражескую оборону вновь не удалось.

Немцы бросили в атаку 80 танков, расчленили боевые порядки, и оставшиеся силы вновь отошли в лес. На третий раз дивизия прорвала кольцо окружения и, совершив длительный рейд по тылам врага, вышла к линии обороны 19-й армии Западного фронта, которой командовал генерал-лейтенант И. С. Конев. 11 августа ударом с двух сторон фронт был прорван и дивизия вышла из окружения, имея в своем составе 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых. За мужество и героизм, проявленные в тылу врага, старшему политруку К. Н. Осипову и лейтенанту А. П. Дубенцу было присвоено звание Героя Советского Союза, а многие десятки бойцов и командиров удостоены правительственных наград³⁰⁴.

Войска 3, 4, 10-й и 13-й армий Западного фронта, оказавшиеся в окружении между Минском и Белостоком в лесах Нолибокской Пуши, вели ожесточенные бои с захватчиками и приковали к себе около 25 дивизий противника, резко ослабив его ударную мощь и скорость движения на восток. Штаб Западного фронта передислоцировался в район Гомеля, где располагался в палатках. Управлять ему было не кем. Сюда вскоре прибыл новый командующий фронтом А. И. Еременко.

§ 9. Оборона Брестской крепости

Брестская крепость и миф Смирнова о ее «маленьком гарнизоне»

Брестская крепость была введена в строй в 1842 г. и совершенствовалась до первой мировой войны. К началу Великой Отечественной войны она не имела большого военного значения и являлась одним из элементов 62-го (Брестского) укрепленного района, протянувшегося вдоль границы, проходившей по Западному Бугу.

В историческом плане крепость знаменита тем, что 3 марта 1918 г. в здании ее Белого дворца был заключен Брестский мир Советской России с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, аннулированный Россией 13 ноября того же года после революции в Германии.

Располагалась Брестская крепость на четырех островах: Центральном, Западном, Южном и Северном, образованных реками Западный Буг, Муховец, их рукавами и широкими рвами, заполненными водой рек. На этих островах и были расположены четыре ее укрепления соответственно Цитадель, Тереспольское, Волынское и Кобринское.

По Рижскому мирному договору 1921 г., завершившему советско-польскую войну, к Польше отошла Западная Белоруссия и в ее составе Брестская крепость. В 1939 г. в ходе освободительного похода Красной Армии по согласованию правительств Германии и СССР эти земли и крепость были возвращены. 22 сентября войска 4-й армии приняли у немцев город Брест и крепость. В городе состоялся парад советских и немецких войск, которые парадным маршем прошли перед трибуной, на которой стояли комбриг С. М. Кривошеин и генерал Г. Гудериан.

2 октября 1939 г. на переговорах в Москве Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и командарма 1 ранга Б. М. Шапошникова с представителями германского военного командования в лице военного атташе генерала Кестринга, полковника Ашенбрэннера, подполковника Кребса была установлена граница между СССР и Германией, которая в районе Бреста проходила по реке Западный Буг³⁰⁵.

В этот же день командующий Белорусским фронтом М. П. Ковалев послал в Москву телеграмму: «Установленная граница по р. Буг у г. Брест-Литовска крайне невыгодна для нас по следующим причинам: город Брест границей делится на две части (не город, а крепость.— В.С.), западный обвод фортов (Тереспольское укрепление.— В.С.) достается немцам; при близости границы невозможно использовать полностью богатейший казарменный фонд г. Бреста (не города, где нет казарм, а крепости.— В.С.), железнодорожный узел и сам город будут находиться в сфере пулеметного огня; переправы на р. Буг не будут

прикрыты необходимой территорией... Командующий фронтом просит пересмотреть границу в районе Брест-Литовска»³⁰⁶. На следующий день пришел ответ, что границу у Бреста отодвинуть нельзя.

Тогда советское командование, чтобы сохранить за собой всю Брестскую крепость, распорядилось запрудить Буг и взорвать перемычки крепостного рва в результате вода пошла по обводному каналу за Тереспольским укреплением. Этот канал советский представитель выдал немцам за русло Западного Буга и по нему была установлена граница³⁰⁷.

Основу Брестской крепости составляла Цитадель, расположенная на Центральном острове. По границе Цитадели тянулась непрерывная двухэтажная казарма, в которой имелось 500 казематов для размещения 12 000 войск. Об использовании этого «богатейшего казарменного фонда» и беспокоился Ковалев, а поэтому просил отодвинуть границу. Но ее не отодвинули, а людей поселили с видом на территорию противника, чего никогда не делалось.

Ниже казематов тянулись сеть подземных ходов, подвалы. Стены казармы имели полутораметровую толщину. Их прорезали тоннели трех ворот: Тереспольские вели на мост через Буг на Тереспольское укрепление, Холмские – к мосту в Волынское укрепление, трехарочные Брестские – к мосту через рукав Мухавца в Кобринское укрепление и далее к Северным, Западным и восточным Кобринским воротам для выхода из крепости.

Вертикальные стены двухэтажной казармы, реки Буг, Мухавец и его рукав, омывающие Центральный остров, являлись мощными защитными элементами Цитадели. Кроме того, чтобы к ней подойти необходимо было преодолеть Тереспольское, Волынское или Кобринское укрепление. По их границам тянулись земляные валы высотой 10 метров, в толщи которых имелись казематы для размещения войск, лошадей, складов. Там где эти валы проходили не вдоль рек и их рукавов перед ними тянулись широкие рвы, заполненные водой Муховца и Буга.

Недостатком Цитадели, когда она использовалась в качестве жилого фонда для размещения войск, как в данном случае, было наличие лишь одних Брестских ворот для выхода из нее и далее из крепости. Стоит противнику артиллерийским и минометным огнем закрыть их и выйти из Цитадели будет нельзя, а если дополнительно закрыть еще Северные, Западные и Кобринские ворота, то и из крепости. Она превращалась при этом в каменный

мешок, из которого нет выхода для техники, транспорта, да и личного состава и все, что в ней находилось обрекалось на гибель, так как артиллерия, минометы и пулеметы противника находились за границей на удалении всего 150-500 м.

Разве можно было на таком близком расстоянии от границы размещать в крепости 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии, а красноармейцам и командирам беспечно жить, нести службу под жерлами орудий и минометов противника? Безусловно, нет. Об этом знали те, кто их здесь размещал и удерживал только из-за наличия большого числа жилых и служебных помещений, пренебрегая элементарными мерами безопасности. Причем 42-я дивизия была переведена в крепость из Березы всего за два месяца до начала войны.

В военно-исторической и художественной литературе, чтобы затушевать неправильные действия командования и не рассматривать гибель в Брестской крепости двух дивизий, обычно пишут о героических действиях в ней горстки ее защитников. Этому посвящены книги С.С. Смирнова, Н. А. Шахова и др. Об этом же говорится в словарях и энциклопедиях о Великой Отечественной войне.

В «Военном энциклопедическом словаре» издания 1983 г., подводящим как бы итог ранее написанному, говорится, что Брестскую крепость героически обороняли «подразделения 6 сд и 42 сд, 17-го погранотряда и 132-го отд. б-на войск НКВД... В течение месяца небольшой гарнизон, находясь в глубоком тылу врага, самоотверженно отстаивал крепость (выделено нами.— В. С.)»³⁰⁸.

Это же повторено в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945», изданной в 1985 г. и др.

Приведенные данные об обороне Брестской крепости не соответствуют действительности. В ней, как увидим ниже, было 5 стрелковых, артиллерийский и инженерный полки, 8 отдельных батальонов и дивизионов, пограничники и другие подразделения. Разве это «небольшой гарнизон»? Штурмующий крепость противник имел примерно такие же силы, хотя наступающий для достижения успеха должен иметь тройное превосходство. Кроме того полки именовались частями, а не подразделениями. Следовательно, авторы статей о Брестской крепости в «Военном энциклопедическом словаре» и энциклопедии не знали состава сил в крепости и вели речь о героизме «небольшого гарнизона», опуская гибель в ней основных сил двух дивизий с тяжелыми последствиями для войск Западного

фронта. Не было и месячного срока обороны крепости. Он, как увидим, завышен в 3 раза.

Книга С. С. Смирнова «Брестская крепость» является основной по ее обороне. Ее данные использованы при разработке статей в указанных официальных изданиях, что видно из перечня литературы в энциклопедии и сопоставления содержания. Но Смирнов, являясь гражданским писателем, допустил в книге большое число ошибок в военном отношении. Поэтому мы рассмотрим их, чтобы читатель знал о степени фальсификации этого важного исторического события и его действительное содержание.

Смирнов в книге пишет, что в Брестской крепости были расквартированы 6-я и 42-я стрелковые дивизии.

«Но если еще весной, — указывает он, — крепость была довольно густо населена, то уже в начале лета 1941 года полки обеих дивизий, артиллерийские и танковые части были, как всегда, выведены в лагеря, расположенные в окрестностях Бреста».

Неправильное утверждение. В окрестностях Бреста, как документально показано выше, лагерей полков не было. Кроме стрелкового и трех артиллерийских полков, основные силы дивизий находились в крепости. Поэтому Д. Г. Павлов на рассвете 22 июня, вопреки утверждениям Смирнова, и дал команду о выводе из крепости первой 42-й дивизии.

Далее Смирнов пишет, что «В крепости остались лишь штабы да дежурные подразделения от полков большей частью одна-две роты... Таким образом, — продолжает он, — в ночь на 22 июня 1941 года, когда началась война, гарнизон Брестской крепости был очень небольшим и насчитывал в общей сложности около двух полков пехоты... Что же касается артиллерии и танков, то их осталось в крепости совсем мало (выделено нами. — В. С.)»³⁰⁹.

Два полка пехоты, по 3200 человек каждый, или в сумме 6400 личного состава разве это «небольшой гарнизон», расположенный в мощной крепости?

Фактически из 18 стрелковых батальонов 6-й и 42-й дивизий вне крепости находилось 10: 3 у Жабинки, 5 на строительстве дивизионных оборонительных позиций у границы, 2 на Брестском полигоне для участия 22 июня в учениях, отмененных накануне вечером. Таким образом, в крепости осталось 8 стрелковых батальонов — почти полнокровная дивизия по пехоте.

Из четырех артиллерийских полков двух дивизий в крепости находился 131-й и дополнительно 198-й отдель-

ный артиллерийский и 98-й отдельный противотанковый дивизионы, два отдельных артиллерийских зенитных дивизиона, 88-мм зенитные орудия которых эффективно применялись по танкам и пехоте, а в 95-м отдельном разведывательном батальоне имелось около 30 танков и бронемашин. Поэтому утверждение Смирнова о малом количестве в крепости артиллерии и танков также не соответствует действительности.

Н. А. Шахов в своей книге показал, что защитников крепости было 7–8 тыс. человек, которые превышают данные Смирнова.

Только эти неполные данные о численности защитников крепости полностью опровергают миф Смирнова о «маленьком гарнизоне», перешедшим в официальную литературу о Великой Отечественной войне. Причем у Шахова многие данные о численности защитников не учтены. Фактически, как показано ниже, в крепости было 11–13 тыс. человек.

Создав миф о «маленьком гарнизоне» Смирнов, чтобы показать его небывалый героизм, хотя героизм и был, решил резко усилить противника, наступавшего на крепость, а поэтому пишет: «В приграничную полосу напротив Брестской крепости был выдвинут целый армейский корпус генерала Шрота – три свежие пополненные пехотные дивизии»³¹⁰.

Фактически, по данным немецкого командования, против Брестской крепости действовала одна 45-я пехотная дивизия 12-го армейского корпуса. Левее Брестской крепости наступала его 31-я дивизия, а правее – 34-я, что хорошо видно из данных о ходе боевых действий 4-й армии 22 и 23 июня.

Указанное утверждение Смирнова о силах противника не оговорка, а убеждение, так как далее он пишет: «Упорное, героическое сопротивление маленького гарнизона, его умелые, решительные действия заставили целый корпус германской армии остановиться перед крепостью в первый же день войны (выделено нами. – В. С.)»³¹¹.

Но этого не было. В конце 22 июня 31-я и 34-я пехотные дивизии находились в 30 километрах от крепости, а ее окружила одна 45-я дивизия.

Однако указанного Смирнову показалось мало и он бездоказательно пишет: «У противника было более чем десятикратное превосходство в силах (выделено нами. – В. С.)»³¹².

Это дополнительное искажение событий превзошло все возможные границы. Действительно, если у противника

сил было в 10 раз больше, то по Смирнову он должен был иметь войск численностью равной 20 советским полкам пехоты или 64 тыс. человек, что соответствует четырем немецким пехотным дивизиям.

С этим не согласился даже автор статьи «Брестская крепость» в энциклопедии, в которой сказано, что на крепость наступала одна 45-я пехотная дивизия³¹³.

Это соответствовало действительности. Да и сам Смирнов в книге рассматривает борьбу защитников крепости только с 45-й дивизией. По данным штаба этой дивизии, как увидим далее, на крепость с утра 22 июня наступали 134-й и 135-й пехотные полки, а 133-й находился в резерве и введен в бой в середине дня.

Таким образом, миф Смирнова о действиях в Брестской крепости «маленького гарнизона» против противника, превосходившего его в 10 раз, развеян и прекратил свое существование. Подобный гиперболизм применяется некоторыми авторами в конъюнктурных целях или по незнанию. Вместе с тем весь остальной материал книги С. С. Смирнова хороший, имеет историческую ценность, так как содержит рассказы о боях в крепости ее защитников.

Рассмотрим фактическое соотношение сил сторон в боях за крепость, их ход и причины поражения советских войск.

Силы сторон

Брестская крепость являлась одним из элементов 62-го укрепленного района, и по плану прикрытия государственной границы на ее оборону выделялись стрелковый батальон и артиллерийский дивизион. В ней должны были находиться также пограничники для охраны государственной границы, на которой она располагалась. Вместе с тем ее огромные казармы и многочисленные строения использовались в качестве жилого фонда, кабинетов и служебных помещений. Поэтому перед войной она была буквально забита войсками, боевой техникой и транспортом, хотя располагать их здесь было не положено из-за возможности быстрого уничтожения противником, особенно при внезапном нападении.

6-я и 42-я стрелковые дивизии не являлись постоянным гарнизоном Брестской крепости и к ее защите не имели отношения. Им по плану прикрытия границы были выделены участки ее обороны по 30 км вдоль Западного Буга: 6-й дивизии южнее города Бреста, а 42-й - север-

нее его. В крепости они были только расквартированы. В угрожаемый период они должны были выйти из крепости, занять свои участки обороны и стойко защищать границу на московском стратегическом направлении. Этот участок обороны был важнейшим в полосе действий 4-й армии и всего Западного фронта. Посмотрим, как обеспечена была командованием оборона этого участка, где наносила главный удар на Минск и Москву крупнейшая на всем советско-германском фронте ударная группировка немецких войск под командованием генерал-полковника Г. Гудериана в составе 24, 46-го и 47-го моторизованных и 12-го армейского корпусов.

В ночь на 22 июня 1941 г. в Брестской крепости находились:

– 6-я и 42-я стрелковые дивизии в составе 44,84, 125,333,455-го стрелковых и 131-го артиллерийского полков, 31-го и 158-го отдельных автомобильных и 75-го отдельного разведывательного батальонов, 198-го отдельного артиллерийского, 98-го отдельного противотанкового, 218-го и 393-го отдельных зенитных артиллерийских дивизионов, полковых школ и подразделений тыла;

– 33-й отдельный инженерный полк, 132-й отдельный конвойный батальон войск НКВД, сборы приписного состава, полевая армейская хлебопекарня, окружной госпиталь, подразделения 17-го пограничного отряда (штаб 3-й комендатуры, 9-я застава, автотранспортная рота и саперный взвод) и школа шоферов Белорусского пограничного округа.

В двухэтажных каменных домах на территории Кобринского укрепления проживало около трехсот семей командного состава. Остальной командный состав жил в городе Бресте и его окрестностях³¹⁴.

Ночью в крепости находились красноармейцы, сержанты, старшины и небольшое число дежурных командиров. Остальной командный и начальствующий состав жил на квартирах и прибывал к подчиненным по тревоге. Определим численность войск, которые находились в крепости в момент начала войны.

В Западном особом военном округе стрелковая дивизия имел в среднем 9,3 тыс. человек личного состава. Поэтому в 6-й и 42-й дивизиях было около 18,6 тыс. человек.

Вне крепости у них находились стрелковый и три артиллерийских полка, 7 стрелковых батальонов (5 на строительстве оборонительных сооружений у границы на

своих участках обороны, 2 - на Брестском полигоне), 2 саперные роты.

В крепости находились 5 стрелковых и один артиллерийский полки, 8 отдельных батальонов и дивизионов усиления и подразделения тыла, всего около 9 тыс. человек. В ней также находились 2-4 тыс. человек личного состава частей и подразделений окружного и армейского подчинения, НКВД, и пограничников. Всего в крепости насчитывалось 11-13 тыс. человек, а не 3,5 как сказано в словаре и энциклопедии. Сил и средств двух дивизий было достаточно, чтобы отразить наступлений одной пехотной дивизии противника, но они к этому не готовились, так как имели участки обороны на границе.

По боевой тревоге красноармейцы стрелковых полков 6-й и 42-й дивизий должны были быстро одеться, разобрать винтовки из пирамид, получить патроны, надеть на спины скатки шинелей, выбежать на площадь, построиться и под руководством дежурных командиров колоннами двинутся через Брестские и Северные ворота из крепости в районы сосредоточения. Старшие и средние командиры по мере прибытия занимали свои места. Личный состав артиллерийского полка, батальонов, дивизионов и батарей обеспечения действовал аналогично и выводил из крепости боевую технику, транспорт.

По опыту учений, как пишет в воспоминаниях генерал-полковник Л. М. Сандалов, на выход дивизий из крепости требовалось 3 часа. По дополнительному приказу они из районов сосредоточения следовали на свои участки обороны у границы.

Инструкции дивизий по боевой тревоге не предусматривали возможности внезапного нападения противника и их действий, если он не позволит им выйти из крепости. В результате личный состав, боевая техника и транспорт дивизий в крепости располагались скученно и понесли громадные потери в первые минуты и часы войны, командиров было мало, противодействие врагу носило неорганизованный характер.

Особенно тяжелые последствия для войск в крепости оказала сдача немцам моста у Тереспольских ворот в исправном состоянии. Он и ныне стоит, как видно на фотографии, а должен был взлететь на воздух, как только немцы начали артиллерийскую подготовку. В результате сдачи этого моста Цитадель лишилась защитных свойств и немцам, чтобы ворваться в нее, не требовалось под ог-

нем защитников форсировать Западный Буг и преодолевать вертикальные стены двухэтажной казармы.

К такому штурму крепости они готовились и на отдельных участках применяли, но безрезультатно. Возможно, что при взрыве моста им и не удалось бы ворваться в Цитадель, а если и проникли в нее, то не так скоро и командование дивизий имело достаточно времени для организации обороны с использованием имевшихся в громадных количествах оружия, боеприпасов, продовольствия и воды. Судьба защитников крепости могла быть иной, а противник понес значительно больше потерь.

Сдача немцам исправного моста у Тереспольских ворот свидетельствует об отсутствии подготовки крепости к обороне и организованности в действиях ее защитников, хотя здесь располагались штабы пяти полков. Штабы двух дивизий находились в Бресте. Боевые действия по отражению нападения противника в начале не имели централизованного управления.

Если бы приказ наркома обороны № 1 о приведении войск в боевую готовность был отдан на 3 и более часов ранее, дивизии вышли бы из крепости и в борьбе с противником полностью реализовали свою боевую мощь. Реально приказ на вывод из крепости 42-й дивизии был получен, но поздно, немцы начали артиллерийскую подготовку и его выполнить не удалось.

В это время стояла прекрасная летняя погода, и полки дивизий из крепости могли быть выведены в летние лагеря, что было во власти местного командования, но и это не было сделано.

Две дивизии в момент начала противником артиллерийской подготовки находились в крепости и он их из нее не выпустил, кроме 3 батальонов, которым удалось покинуть ее стены до того, как в 9 часов утра замкнулось кольцо окружения. В результате центральный участок границы, шириной 60 км, оказался открытым. На нем не оказалось войск. Если на правом фланге армии стойко стояла 49-я стрелковая дивизия, а на левом - 75-я, то центр обороны 4-й армии, где наступала брестская ударная группировка противника, оказался открытым. Его танки беспрепятственно миновали Буг, приграничные укрепления и устремились к Минску для окружения войск в Белоруссии. Это явилось причиной быстрого поражения 4-й армии, потерявшей сразу две из четырех стрелковых дивизий, и слагаемым трагедии войск Западного фронта.

Кроме войск в крепости располагались крупные склады

боеприпасов, продовольствия и горючего. Боеприпасов было настолько много, что 21 июня из штаба округа в штаб армии пришла телеграмма:

«Командующему 4-й армией. В неприкосновенном запасе 6-й и 42-й стрелковых дивизий помимо 1,5 б/к (боекомплект. - В. С.) имеется еще 34 вагона боеприпасов в 6-й и 9 вагонов - в 42-й стрелковых дивизиях. Этот излишек немедленно вывезти из Бреста не менее чем на 30 км на восток».

Это указание опоздало, и вывезти 43 вагона боеприпасов на восток не удалось. Из телеграммы видно, что в штабе округа знали, что не только боеприпасы, а и личный состав следует располагать в 30 км и далее от границы, а ближе - рассредоточено и в укрытиях.

Красноармейцы в крепости располагались в душных помещениях на двухэтажных койках, а в южной части Цитадели с видом через Буг на артиллерийские позиции врага и его пограничников, которые с вышек наблюдали за происходящим в крепости.

Вечером 21 июня в Цитадели, как обычно, вся свободная площадь была забита боевой техникой и транспортом: рядами стояли автомашины, танки, бронетранспортеры, артиллерия, кони. За несколько часов до нападения врага под звуки духового оркестра торжественно проведен развод караулов, а во время вечерней прогулки под удары тысяч сапог разносились по окрестностям громкоголосые строевые песни о высокой боевой готовности и неминуемом разгроме агрессора.

В последний момент штаб округа решил боеприпасы вывезти в безопасное место, а две дивизии оставил в крепости, в то время как их еще можно было вывести, на что требовалось 3 часа времени, но о них забыли. Немцы все помнили и готовились к их уничтожению, а командование армии и округа будто не замечали опасности, хотя сигналы поступали. На войне положено рассчитывать на худший вариант действий противника, а не благоприятный для своих войск.

Одной из причин, не вызывавшей у командования особой тревоги за судьбу двух дивизий в крепости и участок их обороны на границе, явилось ориентирование на начало первой мировой войны. Тогда стратегическое сосредоточение и развертывание войск производилось после объявления войны и осуществлялось Германией 12 дней, а Россией 20 без существенного воздействия противника. Но это ушло в прошлое. В начавшейся войне Германия эти

мероприятия провела до ее начала и не предоставила советским войскам не только несколько дней и желанных 3 часов для вывода дивизий из крепости, а даже минуты на размышление. Именно к таким действиям и должны были готовиться войска Западного округа по опыту войн в Европе, где Германия 1 сентября 1939 г. всеми имеющимися заранее сосредоточенными силами внезапно вторглась в Польшу, а 10 мая 1940 г. – в Бельгию и Голландию с последующим поворотом на Фракцию. Но командование округа рассчитывало на более благоприятное начало войны и просчиталось с трагическими последствиями для войск в Брестской крепости, армии и фронта. Получилось как в песне: «И пала грозная в боях, не обнажив мечей, дружина». Бесславная гибель двух дивизий войдет в учебники по истории войн, как пример недопустимого расположения войск.

Было ли что подобное во вторую мировую войну? Да, было. Это внезапный удар японцев по главной военно-морской базе Тихоокеанского флота США Перл-Харбор, расположенной в центральной части Тихого океана на удалении 5500 км от берегов Японии. Корабли в базе находились в полной безопасности от надводных кораблей и подводных лодок, а у Японии не было самолетов, которые могли бы нанести удар на таком удалении. Японцы же решили такой удар нанести. Для этого от острова Итуруп (Курильские острова) 26 ноября 1941 г. вышло ударное авианосное соединение, с которого 7 декабря стартовали самолеты и нанесли внезапный удар по Перл-Харбору и причинили американскому Тихоокеанскому флоту огромный урон. Они уничтожили 8 линкоров, 6 крейсеров, 1 эсминец, 272 самолета, убили и ранили 3430 человек. Япония захватила господство на море. На следующий день США и Англия объявили войну Японии, а 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. С этого времени СССР, США и Англия являлись главными державами антигитлеровской коалиции.

Если для флота в Перл-Харборе была видимая безопасность, то для двух дивизий в Брестской крепости этого нельзя было сказать. Говорят, что ошибки одних вызывают героические действия других. Так оно и произошло в Брестской крепости. Рассмотрим развитие событий.

Генерал-полковник Г. Гудериан взятие Брестской крепости считал одной из важнейших задач своей 2-й танковой группы и оперативно подчиненного 12-го армейского корпуса, так как при этом захватывался важный узел

обороны и наносилось поражение двум советским дивизи-ям. В воспоминаниях он пишет, что за короткий срок ему предстояло второй раз брать Брестскую крепость. Первый раз он взял ее во время войны с Польшей. Для овладения крепостью на этот раз он выделил 45-ю пехотную дивизию, которой в начале должна была содействовать 31-я пехотная дивизия, наступавшая своим правым флангом на город Брест. На их поддержку были выделены значительные силы артиллерии и авиации.

Ход боев

22 июня в воскресенье около 4-х часов утра ударили немецкие артиллерия и минометы по Брестской крепости. Массированный огонь велся по Цитадели, Кобринскому и другим укреплениям с последовательным его сосредоточением на важнейших объектах: казармах, штабах, стоянках артиллерии, танков, автомашин, лошадей и скоплениях красноармейцев. В крепости рушились и некоторые загорались каменные здания, горели парки боевой техники, вверх взмывали клубы черного дыма и пламени. Под обломками казарм и зданий и от разрывов снарядов и мин сотнями гибли люди, метавшиеся по территории крепости.

С особой интенсивностью и непрерывно огонь велся по Брестским и Северным воротам, чтобы не допустить выхода из Цитадели и крепости людей и боевой техники. С рассветом начались налеты авиации. Самолеты сбрасывали бомбы и обстреливали защитников из пулеметов. В одном из налетов были сброшены бочки с бензином, которые, упав на землю, воспламенились от пожаров, усилив их интенсивность. Появились советские истребители и над крепостью завязались воздушные бои, которые с небольшими перерывами шли весь день. Летчики уверенно прикрывали крепость от ударов с воздуха, и противнику лишь иногда удавалось прорваться к объектам удара. Но это было только в первый день войны, а далее истребители здесь не появлялись, и немецкие бомбардировщики не имели противодействия.

С началом артиллерийского обстрела крепости, как писал в донесении полковник комиссар Г. Пименов, «Противник первыми артиллерийскими снарядами вывел из строя в большинстве своем начальствующий состав, живущий внутри крепости и около нее. Одновременно все остальное как-то: артиллерийские парки, конюшни, гаражи, склады, штабы — явились первыми объектами бомбардиро-

вок»³¹⁵.

В результате ударов артиллерии, минометов и авиации, пишет Пименов, было уничтожено 75 проц. личного состава и свыше 90 проц. материальной части артиллерии 6-й стрелковой дивизии³¹⁶. Аналогичное положение было в 42-й дивизии и других частях, находившихся в одинаковых условиях.

Из приведенных данных о потерях личного состава видно, что в первый день в крепости погибло 8,2 - 9,7 тыс. человек. Война есть война. На ней всегда гибнут люди, но не в таком количестве и в равном бою, а не так, как в этих двух дивизиях и других частях и подразделениях, оказавшихся в безвыходном положении и скученно подставленных под удары всех средств поражения противника. Такое громадное количество убитых и погребенных под развалинами зданий воинов, по докладу должностного лица, является следствием бездарного руководства командования и повлечет жестокое наказание.

Вот только когда в крепости осталось около 3500 защитников, а не в начале войны, как сказано в энциклопедии. При этом уже погибло в три раза больше воинов. Уничтожены были также почти все артиллерийские орудия, автомашины, бронемшины и танки. Весь двор Цитадели был завален разбитой и сгоревшей боевой техникой и транспортом, стоявших только что плотными четкими рядами. Это явилось следствием внезапного нападения врага и недальновидной политики местного военного командования.

Когда еще артиллерия врага вела огонь по Цитадели и Кобринскому укреплению, немецкая пехота на резиновых лодках начала переправляться через Буг и его рукав на Западный и Южный острова. Их встретили огнем дозоры пограничников.

На небольшом Западном острове в Тереспольском укреплении находились только пограничники: их школа шоферов, автотранспортная рота, сборы кавалеристов, дозоры. Сил было мало, хотя укрепление имело важное значение в системе защиты крепости, так как через него проходил кратчайший сухопутный путь к мосту через Буг для прорыва в Цитадель. Здесь и наступали основные силы 134-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии.

С началом артиллерийской подготовки пограничники заняли оборону и встретили противника огнем. Пятнадцать пограничников под командованием Масленникова оборонялись на берегу Буга и в дотах у северных ка-

зарм, две другие группы заняли позиции восточнее. Противник, пользуясь значительным численным превосходством, прорвался по мосту через ров в укрепление, окружил группы и вышел к мосту через Буг в Цитадель. У моста залег в ожидании прекращения артогня.

На территории Южного острова в Волынском укреплении располагались пограничники, окружной госпиталь, хлебопекарня и полковая школа. С началом артиллерийского обстрела начали рушиться здания госпиталя, и начальник госпиталя перевел больных в казематы вала. Одновременно пограничники, курсанты полковой школы и медицинские работники вступили в бой с ворвавшимися в укрепление немцами. Руководил сопротивлением раненый в голову заместитель начальника госпиталя по политической части батальонный комиссар Богатеев. Но сопротивление противником было быстро сломлено, Богатеев убит. Лишь немногим защитникам и больным госпиталя удалось пробежать по мосту и через Холмские ворота в Цитадель. Но на острове вскоре ожило несколько очагов сопротивления.

За защитниками к Холмским воротам по мосту через Муховец двинулись и немцы, но их встретили массированным огнем бойцы 84-го стрелкового полка и они откатились в прибрежные кусты. После нескольких неудачных попыток проникнуть в Цитадель, немцы пошли в атаку по мосту, гоня перед собой пленных медицинских сестер. Над рекой воцарилась тишина, красноармейцы прекратили огонь. Медицинские сестры на середине моста остановились, несмотря на удары, и одна из них крикнула: «Стреляйте, товарищи!». Сверху казармы застрочил пулемет по дальним рядам немцев, и они покатались назад, увлекая за собой сестер, которых тут же на берегу Муховца расстреляли.

Только артиллерия прекратила обстрел, как немцы на Тереспольском укреплении бросились к мосту, пробежали по нему над Бугом и через Тереспольские ворота ворвались в Цитадель, не встретив сопротивления. В ее дворе одна группа автоматчиков укрепилась у ворот, а вторая, пробежав между горящими домом пограничников и казармой 333-го полка, захватила церковь, превращенную в клуб. В окнах верхнего этажа церкви немцы установили пулеметы и взяли под обстрел всю видимую территорию. Захват немцами этой ключевой позиции лишил защитников Цитадели маневра и организации планомерных действий. Им

пришлось укрыться в казематах казарм и развалинах зданий.

131-й артиллерийский полк, располагавшийся в крепости у берега Западного Буга, в первый час потерял почти все свои орудия и значительную часть личного состава. Попытка вырваться из крепости для выполнения задачи по обороне заданного участка на границе, как показано ранее, увенчалась успехом лишь для части сил 8-го дивизиона.

Гаубичная батарея старшего лейтенанта Чемезова непосредственно с места своего нахождения вела огонь по переправлявшемуся противнику, препятствуя ему форсировать реку.

Дежурная зенитная батарея лейтенанта Леонтьева вела прицельный огонь по самолетам противника и семь из них подбила, которые, задымив, ушли в сторону своей территории.

Командир пулеметной роты 333-го полка старший лейтенант Д. К. Беломоин был дежурным и находился в казарме. С началом войны он собрал небольшую группу бойцов различных подразделений, многие из которых не имели винтовок, повел их в разрушенный склад боепитания, вооружил, снабдил боеприпасами и повел на помощь защитникам западной части казармы. Вместе с ними группа отбита десант немцев, форсировавших Буг на резиновых лодках. Пробитые пулями лодки тонули, а с ними и большинство десантников.

В ответ ударила вражеская артиллерия и минометы. Группе Беломоина пришлось отойти и укрыться в развалинах казармы 333-го полка. Вскоре отряд пополнился пограничниками, бойцами и вышел на линию обороны, где упорно сражался с врагом. Когда иссякли силы и на исходе были боеприпасы, оставшиеся в живых, забрав раненых, ушли в обнаруженный подземный ход, заложив его изнутри кирпичами.

Помощник дежурного по 333-му полку командир взвода полковой школы лейтенант А. Ф. Наганов возглавил группу бойцов численностью около двух рот и повел их в атаку, чтобы овладеть Тереопольскими воротами и отсечь ворвавшихся немцев. Но они уже на колокольне посадили снайперов, которые мешали атаке, их нужно было оттуда выбить, с чем хорошо справились минометчики. Подтянув бойцов, лейтенант с криком «ура» первым бросился на врагов и завязался рукопашный бой, в котором особенно умело действовали штыком и прикладом курсанты полковой

школы, которых этому только что научили. Положение у ворот было восстановлено. Немцы во время обороны крепости особо опасались рукопашных боев и обычно отступали, имея даже численное превосходство.

Вскоре большая группа автоматчиков вновь захватила Тереспольские ворота и начала теснить защитников крепости. Полагая, что ударами артиллерии, авиации и пулеметов с церкви, сопротивление сломлено, они бросились бежать вдоль южной части казармы к Холмским воротам. Когда они миновали ограду бывшего польского штаба, двери казематов казармы 84-го стрелкового полка одновременно открылись и красноармейцы с винтовками наперевес и криками «ура!» бросились в штыковую атаку. Группа немцев оказалась разделенной на две части. Восточная группа вскоре была уничтожена, а западная отступила под прикрытие автоматчиков, засевших в церкви, которые по радио запросили помощь у артиллеристов и те открыли огонь по Цитадели.

Руководил боевыми действиями красноармейцев и командиров 84-го стрелкового полка заместитель командира полка по политической части полковой комиссар Е. М. Фомин. Он недавно прибыл в полк, не имел квартиры и жил в своем служебном кабинете. Накануне хотел поехать за семьей, но не купил билета на поезд. Так оказался в крепости один из организаторов ее обороны.

Фомин пытался установить связь по телефону со штабом дивизии в Бресте, чтобы доложить обстановку и получить указания, но провода диверсанты перерезали. Не удалось установить связь также по радио и с помощью делегатов связи, которым не удалось выбраться из крепости.

Штабы 6-й и 42-й дивизий из Бреста с началом артиллерийской подготовки противником двинулись в районы сосредоточения по боевой тревоге и затем отходили на восток вместе с прибывшими туда из крепости батальонами.

В доме пограничников у Тереопольских ворот размещались 3-я комендатура, 9-я застава и жили командиры с семьями. С началом артиллерийского обстрела крепости дом начал рушиться и загорелся. Начальник 9-й заставы лейтенант А. М. Кижеватов занял с пограничниками оборону в развалинах южной части дома, и весь день они препятствовали проникновению автоматчиков в крепость, участвовали вместе с группой лейтенанта А. Ф. Наганова в контратаках.

Ночью Кижеватов вместе с остатками пограничников и семьями перешли в подвал казармы 333-го стрелкового полка и присоединились к группе лейтенанта А. Е. Потапова, который возглавил оборону на этом участке. Вскоре по его указанию Кижеватов с группой пограничников пошел на задание по уничтожению немецкой понтонной переправы и не вернулся. Отважно сражался А. М. Кижеватов, и ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

В домах комсостава на территории Кобринского укрепления из состава 44-го стрелкового полка жили с семьями его командир майор П. М. Гаврилов, заместитель командира полка по политической части батальонный комиссар Н. Р. Артамонов, заместитель командира полка по хозяйственной части И. Н. Зубачев, начальник школы младших командиров старший лейтенант В. И. Бытко. С первыми выстрелами немецкой артиллерии они выбежали из домов и направились: Артамонов к Северным воротам, а все остальные в Цитадель, где в юго-западной части казармы располагались штаб и личный состав 44-го полка.

Н. Р. Артамонов, как он рассказывал, «поднял по тревоге одно из подразделений полка, располагавшееся у главных крепостных ворот. Он знал, что по расписанию 44-й полк должен был выйти из крепости и занять оборону на заранее назначенном рубеже — севернее Бреста. Во главе этого подразделения Артамонов поспешил туда на рубеж и ждал, что вот-вот к ним присоединится командир полка с другими ротами, но Гаврилов так и не вышел из крепости»³¹⁷.

Вскоре в район сосредоточения прибыл лейтенант В. И. Бытко с ротой курсантов своей школы, но, обнаружив отсутствие многих подчиненных, передал командование своему заместителю, а сам отправился назад за остальными. Пробился он в Цитадель лишь на следующий день, где принял командование над оставшимися курсантами и бойцами и стал главным руководителем обороны в районе казармы 44-го полка³¹⁸.

Еще в ходе артиллерийской подготовки майор П. М. Гаврилов прибыл в штаб полка для спасения знамени и вывода из крепости личного состава. Помещение штаба было разрушено, знамя полка сохранено, и он принялся собирать бойцов, но в сумерках и дыму под обстрелом трудно было отличить своих от чужих. Он собрал 20-30 человек и повел их под огнем ворвавшихся в Цитадель немцев к Северным воротам. На преодоление небольшого

расстояния до них потребовалось четыре часа.

Капитан И. Н. Зубачев недавно с должности командира батальона был назначен заместителем командира полка по хозяйственной части. Он прибыл в расположение своего хозяйственного подразделения, провел работу по спасению имущества, а выйти из Цитадели уже не смог, где возглавил группу бойцов и сражался в расположении 44-го и 455-го полков.

Из Бреста и его окрестностей прибыл в крепость лишь один командир, а все остальные направились со своих квартир на участки сбора по боевой тревоге. Поэтому командиров в крепости было мало, и группами бойцов порой командовали сержанты и старшины, а иногда рядовые.

В восточной части Цитадели отважно сражались воины 84-го стрелкового, 151-го артиллерийского и 33-ю инженерного полков, а также 75-го разведывательного батальона и 18-го зенитного артиллерийского дивизиона. Скрываясь в развалинах зданий и казематах казарм, они непрерывно наносили удары по врагу, ходили в штыковые атаки.

Около 11 часов Фомину доложили, что в разведывательном батальоне восстановили пять подбитых броневых автомобилей. Он в это время закончил допрос пленного подполковника, офицера разведки 45-й пехотной дивизии, у которого оказались ценные документы. Фомин решил эти документы и донесение направить в штаб дивизии, для чего выделил три броневика. Отрядом поручил командовать комсору полка С. М. Матевосяну. Броневики под огнем пулеметов противника, отвечая тем же, прорвались через Брестские ворота и направились к Северным, но там шел бой, а в тоннели ворот горела машина. Отряд броневиков напирался к Западным воротам, где было то же самое. По пути он оказал содействие группе красноармейцев у домов комсостава. Не смог он пообитися и через Кобринские ворота и вернулся в Цитадель.

Около середины дня по Цитадели ударили артиллерия и минометы, а затем после бомбардировки ее самолетами немцы вновь пошли в атаку через Тереспольские ворота и внутри двора развернулись ожесточенные бои. Через Холмские ворота немцы не могли проникнуть во двор, так как их надежно прикрывали пулеметчики 84-го полка.

Кроме Цитадели ожесточенные бои развернулись на всей территории Кобринского укрепления. Они шли у казарм 125-го стрелкового полка, домов комсостава, у Западных, Северных и Кобринских ворот.

Казармы 125-го полка находились на небольшом расстоянии от Западного Буга, поэтому с началом немцами артиллерийской подготовки огонь здесь был особенно сильным. Всюду рвались снаряды, мины, проносились пули пулеметных очередей.

Дома казарм рушились и загорались. Из них выскакивали полуодетые красноармейцы и бежали к земляному валу, где в казематах находился склад оружия и боеприпасов. По ним ударили автоматы и пулеметы диверсантов, заблаговременно пробравшихся в крепость. Вскоре появились передовые отряды 135-го пехотного полка немцев, переправившиеся через Буг. Они через Западные ворота и вал ворвались в расположение полка. Усилия немногочисленных командиров организовать единую оборону не дали результата. Группы бойцов, засевшие в казематах и на валу, вели бой с противником самостоятельно.

В это время прибежал сюда капитан В. В. Шабловский из домов комсостава. Его батальон находился на строительстве укреплений у границы, а он приехал к семье на воскресенье. Шабловский возглавил группу бойцов и долго с ними удерживал занимаемый рубеж, но под натиском превосходящего противника вынужден был с ними отходить к домам комсостава. Здесь отряд укрепился в доме, где он жил и находилась семья. Их окружили автоматчики.

Как указано ранее, на южной окраине Бреста из вышедших в район сосредоточения воинов 6-й стрелковой дивизии общей численностью около двух батальонов были образованы три отряда, которыми командовали командиры полков: 84-го Дородных, 125-го Ковтуненко, 333-го Матвеев. 131-й артиллерийский полк вывел 8 орудий. Возглавил организацию их боевых действий подошедший штаб дивизии.

Аналогично был организован отряд численностью около батальона из воинов 42-й стрелковой дивизии под руководством командиров ее штаба. Силы отряда усилил подошедший из Бреста 17-й артиллерийский полк, который в ходе обстрела немцами города понес потери и имел два дивизиона.

Эти отряды, слабо вооруженные винтовками и пулеметами, вскоре вступили в бой с подразделениями 135-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии, подошедшими с юго-запада от Буга, и правофлангового полка 31-й дивизии, который взял Брест и атаковал с северо-запада. Встречный бой был ожесточенным и шел с переменным успехом. Вскоре погибли все три указанные командиры пол-

ков. С подходом подкреплений немцы начали теснить советские отряды, которые начали отходить на Кобрин. В 9 часов утра 135-й полк немцев взял Северные ворота и через них ворвался в Кобримское укрепление с севера. Окружение Брестской крепости было завершено и все основные силы 6-й и 42-й стрелковых дивизий, которые в ней остались, включились в ее защиту, так как свою боевую задачу они выполнить уже не могли.

В это время от Цитадели к Северным воротам подошел майор П. М. Гаврилов со своим небольшим отрядом, но выйти из крепости не смог. В туннели ворот и перед ними шел бой. Разрозненные группы красноармейцев, которые так же не успели выйти из крепости, залегли у ворот и не давали немцам войти в крепость. Здесь Гаврилов встретил капитана К. Ф. Касаткина, который командовал батальоном связи той же 42-й дивизии, стоявшем в нескольких километрах от крепости. Прибыл он в крепость к семье на воскресенье, сделал некоторые дела в штабе и теперь не мог из нее выйти.

Гаврилов с помощью Касаткина под огнем противника сформировал из бойцов роту, назначил ее командиром лейтенанта и поставил ему задачу по обороне Северных ворот.

Скоре прибежал красноармеец и сообщил Гаврилову, что в Восточном форте собралось несколько сот человек различных полков, прорвавшихся из Цитадели, но не сумевших выйти из крепости для следования в свои районы сосредоточения. Гаврилов с Касаткиным сейчас же направились туда.

У Северных ворот располагались два форта одинакового устройства по сторонам дороги, ведущей к ним от Цитадели. Они предназначались для защиты ворот и прикрытия северного участка крепости.

Восточный форт имел форму подковы с двумя валами, между которыми был двор шириной 5 метров. В валах размещались казематы. В центре форта находилось двухэтажное здание. Располагался здесь 393-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, имевший одну батарею, остальные находились на полигоне за Минском. Четырехствольный зенитный пулемет дивизиона располагался на крыше здания, а два 88-мм зенитных орудия — у внешнего вала.

В форте было около 300 человек, и подходили все новые группы бойцов. Из них Гаврилов сформировал две роты. С учетом сражающейся у ворот стало три роты. Гав-

рилов поставил ротам задачи: первой оборонять Западный форт, второй – Восточный, третьей – Северные ворота. Свой штаб разместил в Восточном форте, начальником штаба отряда назначил капитана К. Ф. Касаткина, а заместителем по политчасти – политрука из 333-го полка С. Скрипника. С ротами была установлена телефонная связь, что позволяло управлять их боем.

В этот день роты в тяжелых боях удерживали свои позиции. В худшем положении находилась рота, защищавшая ворота, но и другие вели бой, так как немцы в ряде мест преодолели вал.

Восточные или Кобринские ворота защищал располагавшийся здесь 98-й противотанковый артиллерийский дивизион, которым командовал майор Никитин. Еще в ходе артиллерийской подготовки к этим воротам подошли немцы, обойдя крепость с юго-востока. Не имея возможности из-за разрывов снарядов подойти к артиллерийскому парку, личный состав дивизиона бросился в штыковую атаку на ворвавшихся в крепость немцев и в большом числе погиб во главе о командиром. В командование дивизионом вступил заместитель Никитина по политической части старший политрук Н. В. Нестерчук. Он приказал установить на валу уцелевшие орудия и пулеметы. Оборона резко усилилась, что позволило отбить последовавшие атаки немцев и удержать ворота.

Немцы так описали ход боев в крепости в первый день в «Боевом донесении о взятии Брест-Литовска» штаба 45-й пехотной дивизии, представленной в штаб корпуса:

«Все же вскоре (около 5.30 – 7.30) стало ясно, что позади нашей, пробившейся вперед пехоты, русские начали упорно и настойчиво защищаться в пехотном бою, используя стоящие в крепости 35-40 танков и бронемашин. При быстром огне они применяли мастерство снайперов, кукушек, стрелков из слуховых окон чердаков, из подвалов и причинили нам вскоре большие потери в офицерском и унтер-офицерском составе.

Перед обедом стало ясно, что артиллерийская поддержка при ближнем бое в крепости невозможна, так как наша пехота соприкасалась очень близко с русской, и нашу линию нельзя было установить в путанице построек, кустарников, обломков, частично она была отрезана или блокирована русскими гнездами сопротивления...

По тем же самым причинам проходящая мимо батарея штурмовых орудий, которую командир 135-го пехотного полка по собственному решению подчинил себе после обе-

да, не оказала никакого действия.

Введение в действие новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерва корпуса) на Южном и Западном островах с 13.15 не принесло также изменений в положении: там, где русские были изгнаны или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов домов, труб и других укрытий появлялись новые силы. Стреляли превосходно, так что потери значительно увеличились.

Личным наблюдением командир дивизии в 13.15 в 135-м пехотном полку (Северный остров) убедился, что ближнем боем пехоты крепости не взять, а около 14.30 решил оттянуть собственные силы так, чтобы они окружили крепость со всех сторон, а потом (предположительно после ночного отступления с раннего утра 23.6) вести тщательно наблюдаемый огонь на поражение, который бы уничтожал и изматывал русских. В 18.30 это решение было одобрено командующим 4-й армией, он не хотел ненужных потерь...

Проникшие в крепость части ночью были, согласно приказу, отведены обратно на блокадную линию. При этом было весьма неприятно то, что русские тотчас же продолжали атаку на оставленные районы, кроме того группа немецких солдат (количество их потом так и не удалось установить) оказалась запертой в церкви крепости (Центральный остров). Временами с этими запертыми была радио связь»³¹⁹.

23 июня немцы начали с мощной артиллерийской подготовки, вновь рушились уцелевшие здания, крепость заволочло черным дымом. После налета авиации автоматчики пошли в атаку от Тереспольских ворот в Цитадель и от Северных ворот – в Кобринское укрепление. Наиболее настойчиво они атаквали с севера.

Автоматчики противника в церкви ночью были уничтожены и ее занял отряд защитников крепости. Двор Цитадели был завален обломками зданий, разбитой и створенной боевой техникой, телами убитых.

В районе казармы 333-го стрелкового полка руководил боевыми действиями старший адъютант батальона лейтенант А. Е. Потапов. Его группа отбила несколько атак немцев, пытавшихся проникнуть во двор Цитадели через Тереспольские ворота. В середине дня у ее бойцов подходили к концу боеприпасы, атаки немцев прекратились, но неясна была обстановка. В связи с этим Потапов послал воспитанников музыкального взвода полка П. Клыпа и Н. Новикова выяснить: заняты ли Тереспольские ворота. Когда Клыпа прошел больше половины расстояния от

окна подвала до ворот с их башни ударил пулемет. Новиков нырнул в окно подвала, а Клыпа побежал к каземату крепости. Пробираясь затем из одного каземата в другой он достиг западной оконечности казармы, где обнаружил нетронутый склад вооружения и боеприпасов. Посмотрев в верхнее окно, увидел наведенную немцами понтонную переправу, по которой двигались войска.

Разведданные П. Клыпа доложил Потапову, который организовал доставку вооружения и боеприпасов в подвал. Вскоре новые минометы, взятые со склада, ударили по переправе немцев и прекратили по ней движение.

В этот день противник особенно стремился проникнуть в Цитадель с севера. Для этого его пехота заняла позиции на валу, тянущемся вдоль рукава Мухавца, и непрерывно атаковала по мосту к Брестским воротам и по воде вброд.

Поэтому отряд И. Н. Зубачева занял оборону в казарме 455-го полка слева от Брестских ворот, а отряд Е. М. Фомина – справа в казарме инженерного полка. Отряд В. И. Бытко занимал оборону в северной части казармы 44-го полка. Таким образом, надежно бала прикрыта северная часть Цитадели, где весь день шли напряженные бой. В южной и юго-восточной частях казармы и церкви располагались отряды прикрытия.

С утра жаркий бой разгорелся у Северных ворот. Рота, защищавшая их, под натиском значительных сил противника вынуждена была отойти к Восточному форту и скрыться в нем, а вскоре и сам форт был окружен, и началась знаменитая его защита. Окружен был и Западный форт. Попытки немцев ворваться в форты не дали результатов.

Положение обороняющихся в Цитадели и фортах непрерывно ухудшалось, так как кончились медикаменты и вода, заканчивались продовольствие и боеприпасы. Это было обусловлено тем, что склады вооружения и продовольствия в Цитадели сторели или были разрушены, а водопровод прекратил работать еще накануне, колодцев не было. Отсутствие воды особенно тяжело переносили раненые, дети и женщины. Кругом реки, каналы, рвы, а воды не взять, так как подходы к ним бдительно охраняли немцы даже ночью, стреляя периодически осветительными ракетами. Операция по доставке воды была самой опасной. Вырыли колодцы. В 84-м полку он оказался мелким и в нем собиралось очень мало воды, а в Восточном форте располагался на участке бывшей конюшни и его вода была

почти непригодна к употреблению.

В районе домов комсостава шел бой. Развернулся он у дома, в котором закрепилась группа капитана В. В. Шабловского. Но у обороняющихся вскоре кончились боеприпасы, подошло несколько немецких танков и они сдались в плен вместе с женщинами и детьми, которые здесь оказались. Шабловский это очень переживал и, когда колонна пленных проходила по мосту, он с несколькими бойцами бросился в воду, чтобы бежать, но были застрелены охраной.

На Западном острове пограничники вели упорные бои с наступающим противником. С наступлением темноты переплыл Буг и прибыл в расположение группы Массленникова руководитель сборов кавалеристов лейтенант Г. С. Жданов, который объединил все группы в одну и руководил боевыми действиями до 29 июня.

Для достижения организованности в ведении боевых действий 24 июня в казарме инженерного полка было собрано совещание командиров, возглавлявших участки обороны на территории Цитадели. На совещании было принято решение: объединить все отряды в одну сводную группу, командиром ее назначить капитана И. Н. Зубачева, его заместителем по политической части — полкового комиссара Е. М. Фомина, начальником штаба — старшего лейтенанта А. И. Семененко, в штаб обороны включить А. А. Виноградова.

Созданный штаб обороны во главе с Зубачевым и Фоминым с этого времени руководил боевыми действиями всех отрядов на территории Цитадели. С командирами отрядов на других территориях он связи не имели и те действовали самостоятельно. Командир и его заместитель по политической части все время были вместе, что обеспечивало принятие согласованных решений.

26 июня штаб обороны, оценив обстановку, принял решение прорываться из крепости на север. Для этого были созданы два отряда: головной в составе ста человек под командованием А. А. Виноградова и основных сил под командованием И. Н. Зубачева. Головной отряд должен был форсировать рукав Муховца, захватить плацдарм и за ним последовать основные силы.

Было еще светло, как рассказал Виноградов, когда его отряд по сигналу неожиданно форсировал рукав Муховца, взобрался на вал, подавил гранатами пулеметные гнезда, миновал Кобринское укрепление, пробился через внешний крепостной вал и к концу дня оказался южнее

Бреста. Здесь на открытой местности отряд был окружен немцами и после часового боя прекратил свое существование, а оставшиеся в живых и раненый Виноградов оказались в плену³²⁰.

Основные силы за головным отрядом последовать не смогли, так как немцы быстро подтянули к участку прорыва большие силы и отбили все его атаки с большими потерями.

Следующий раз уже ночью 27 июня была сделана вторая попытка прорыва из крепости, но немцы ее ожидали и отбили с особенно большими потерями для атакующих. Стало ясно, что дальнейшие прорывы приведут только к полному истреблению отряда и их прекратили, чтобы как можно дольше продержаться и сковать силы противника в Брестской крепости.

Через четверо суток пребывания в подземелье отряд старшего лейтенанта Д. К. Беломоина одновременно с отрядом А. А. Виноградова прорвался из крепости и скрылся в лесу у Романовских хуторов. В начале сентября его отряд соединился с войсками Красной Армии,

После второй попытки прорваться из крепости ее защитников, немцы усилили штурмовые действия. С применением тяжелых артиллерийских снарядов и бомбовыми ударами с воздуха они разрушили почти все наземные сооружения. В их развалинах ютились сотни людей, испытывая все более и более недостаток в оружии, боеприпасах, продовольствии и особенно в воде. Стояла очень жаркая погода, и ее недостаток был невыносим.

На Западном острове пограничники продолжали упорно сражаться под руководством лейтенанта Г. С. Жданова. В ночь на 30 июня вся эта группа в составе 18 человек переправилась в Цитадель западнее моста и заняла оборону в западной части казармы.

В Восточном форте его защитники под руководством майора П. М. Гаврилова упорно отстаивали свои позиции. Тогда немцы бросили на форт танки, один из которых был подбит связкой гранат. Поэтому другие близко не подходили и вели огонь издалека. Подтянута была артиллерия, которая вела непрерывно огонь. Брошена была на форт авиация, но форт продолжал защищаться. Кончались запасы пищи и воды, тогда по приказу Гаврилова были отправлены в плен женщины и дети. Отказались лишь уйти военфельдшер Р. И. Абакумова и ее мать, которые продолжали ухаживать за ранеными и через два дня со всеми были взяты в плен.

В приведенном ранее донесении 45-й пехотной дивизии о взятии Брестской крепости вот что сказано о защитниках этого форта:

«26 июня. Гнездом сопротивления остался Восточный форт, — то есть к этому времени других участков сопротивления на Кобринском укреплении не было. — Сюда нельзя было подступиться со средствами пехоты, так как превосходный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и из подковообразного двора скашивал каждого приближающегося.

27 июня. От одного пленного узнали, что в Восточном форту обороняется около 20 командиров и 390 бойцов с достаточным количеством боеприпасов и продовольствия. Воды недостаточно, но ее достают из вырытых ям. В форту находятся также женщины и дети. Душой сопротивления являются будто бы один майор и один комиссар.

28 июня. Продолжался обстрел Восточного форта из танков и штурмовых орудий, но успеха не было видно. Обстрел из 88-миллиметрового зенитного орудия также остался без результата. Поэтому командир дивизии дал распоряжение об установлении связи с летчиками, чтобы выяснить возможности бомбежки»³²¹.

Утром 29 июня немцы предъявили ультиматум защитникам Цитадели и Восточного форта о сдаче и предоставили час на размышление. Не получив ответа, они открыли ураганный огонь из артиллерийских орудий и минометов, затем нанесла удар авиация и начался генеральный штурм крепости, который продолжался и 30 июня. На штурм пошли крупные силы пехоты, поддержанные артиллерией, завязались кровопролитные бои в северо-восточной части Цитадели и в Восточном форту. В эти два дня погибло большинство из оставшихся защитников крепости, а живые были взяты в плен.

В Цитадели в числе пленный оказались раненные Фомин и Зубачев. Фомин стоял в строю пленных в красноармейской гимнастерке и ничем от других не отличался, но его выдал немцам предатель, которые сейчас же комиссара расстреляли на берегу Муховца у Холмских ворот. Зубачев умер в плену от туберкулеза. За проявленный героизм С. М. Фомин посмертно был награжден орденом Ленина, а И. Н. Зубачев — Отечественной войны I степени. В Бресте именем Зубачева названа улица, примыкающая к крепости.

Среди пленных Восточного форта не оказалось Гаврилова. Он и его адъютант спрятались в земляной норе и изнутри закопались песком. Там они провели несколько суток, а когда вышли, встретили двенадцать бойцов с тремя пулеметами. 3 июля эта группа была обнаружена противником и атакована превосходящими силами. На этот раз Гаврилов уже с двумя оставшимися в живых бойцами спрятался в той же норе. С наступлением ночи они вышли из укрытия, забросали немцев, расположившихся у форта, гранатами и бросились бежать, как договорились, в трех разных направлениях.

Гаврилов бежал на запад. Выйти из крепости он не смог, никого из защитников не встретил и спрятался в каземате вала под кучей навоза. Искудальный и обессиливший он здесь и был случайно обнаружен немцами 23 июля, вступил с ними в бой, нескольких убил тремя гранатами и из пистолета, но и сам был ранен гранатой и в бессознательном состоянии доставлен в лагерь военнопленных в южном военном городке Бреста³²².

Вскоре в лагерь прибыл немецкий генерал, который, обратившись к пленным, сказал:

— Сейчас в лагерь доставлен герой Красной Армии майор Гаврилов. Немецкое командование уважает героизм даже противника. Поэтому мы приказали поместить его в отдельную комнату и доставлять ему пищу из нашей офицерской столовой.

Когда Гаврилов очнулся, ему действительно принесли какой-то обед, но он так исхудал, что не мог есть и требовалось искусственное питание. На этом уважение к нему и закончилось. Вскоре эсэсовец при допросе ударил его кулаком по лицу.

Освобожден он был из плена в мае 1945 г., а осенью назначен начальником лагеря военнопленных японцев. В 1957 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

После общего штурма боевые действия в крепости носили очаговый характер. Небольшие группы бойцов, укрывшись в руинах оборонительных сооружений и зданий, продолжали сопротивляться. В Цитадели к таким группам относились Поталова и Жданова.

В начале июля, когда защитников в крепости почти не осталось, лейтенант А. Е. Поталов решил вести группу на прорыв из крепости, но не на север, а на юг. По сигналу сосредоточившаяся группа побежала по мосту через Буг, а когда достигла берега Западного острова,

ударили немецкие пулеметы, многие погибли, а оставшиеся в живых были взяты в плен, в том числе и Потапов.

30 июня во время штурма крепости немцы несколько раз атаковали и группу пограничников под руководством лейтенанта Г. О. Жданова. После этого в живых осталось 12 человек. Боеприпасы кончились, и лейтенант решил вести группу в южные казематы крепости, откуда днем слышалась стрельба. Но когда туда прибыли, то обнаружили лишь трупы убитых. 5 июля группа насчитывала 6 человек, из них двое были ранены. В ночь на 6 июля Жданов повел группу к церкви и далее на прорыв в направлении Бреста. В церкви к группе присоединились три пограничника, один из которых был тяжело ранен. Из крепости удалось вырваться лишь четверым, раненый на рассвете скончался, а трое М. И. Мясников, Сухоруков и Никулин 24 июля соединились с советскими войсками.

Таким образом, с момента окружения крепости из нее удалось выйти только мелким группам Д. К. Беломоина и Г. С. Жданова, а до этого с момента начала войны — трем батальонам. Весь остальной личный состав 6-й и 42-й стрелковых дивизий и других частей и подразделений общей численностью 9—11 тыс. человек погиб или взят в плен. Это имело роковые последствия для войск 4-й армии и Западного фронта. Виновны в этом командование от 28-го стрелкового корпуса до Генерального штаба, так как на картах общей обстановки во всех этих инстанциях было видно опасное положение 6-й и 42-й дивизий, но мер по исправлению положения не принималось. Главными же виновниками являются командующие 4-й армией и Западным фронтом и их начальники штабов.

Личный же состав этих дивизий, оказавшись в тяжелом положении, совместно с пограничниками и другими частями и подразделениями упорно защищали Брестскую крепость. После штурма 30 июня противник взял крепость.

За мужество и героизм, проявленные защитниками Брестской крепости в борьбе с немецкими захватчиками, ей 8 мая 1965 г. присвоено почетное звание «крепость-герой».

После взятия немцами крепости 30 июня в ее развалинах и подвалах до 5 июля скрывались и наносили удары по врагу три малочисленные группы, до 20-го прятались в разных местах девять человек, до 23 — шесть, до 29 — пять и до 1 августа — один старшина Звонков.

6 июля в Цитадель для уборки трупов приводились пленные защитники крепости и в их числе Ребзуев, кото-

рый не видел никаких признаков ее защиты³²⁴.

Из этих данных видно, что командование 45-й пехотной дивизии вполне справедливо донесло 1 июля в штаб 12-го армейского корпуса о взятии Брестской крепости. С этого момента считалось, что она выполнила боевую задачу и направлена на фронт, а в крепость прибыла рота охранных войск для подавления скрывающихся одиночек и мелких групп. Поэтому неправильно в «Военном энциклопедическом словаре» сказано, что «В течение месяца небольшой гарнизон... самоотверженно отстаивал крепость», а в энциклопедии – «Почти месяц защитники Б. К. сковывали целую нем.-фашистскую дивизию»³²⁵.

45-я немецкая пехотная дивизия 9 дней вела боевые действия против защитников Брестской крепости. Но и эти дни обороны были настолько неожиданными для немецкого командования, не встречавшего такого сопротивления на Западе, что Гитлер и Муссолини, прибыв осенью 1941 г. на Восточный фронт, в первую очередь посетили Брестскую крепость. Вошли они в Цитадель по Тереспольскому мосту через Западный Буг, для осмотра мест жестоких и продолжительных боев.

Мост и ныне стоит над Бугом и служит немым упреком тем, кто разместил в крепости две дивизии и не взорвал его с началом боев, чем способствовал их героической гибели и открытию границы врагу.

Глава седьмая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ АВИАЦИИ В БЕЛОРУССИИ

§ 1. Силы авиации сторон и начало сражения

В состав Военно-воздушных сил Западного особого военного округа входили 9,10,11-я смешанные, 12,13-я бомбардировочные, 43-я истребительная авиационные дивизии; 313,314-й отдельные разведывательные авиационные полки и восемь корпусных авиационных эскадрилий. Смешанные авиационные дивизии составляли армейскую авиацию; две бомбардировочные и истребительная авиационные дивизии, два разведывательных авиационных полка — фронтовую, а корпусные эскадрильи — войсковую. Всего имелось 29 авиационных полков, в их числе 13 бомбардировочных, 12 истребительных, 2 штурмовых и два разведывательных. На новые типы самолетов переучивались летный и технический состав 2 бомбардировочных, 5 истребительных и одного штурмового авиационных полков. В стадии формирования находились одна бомбардировочная и две истребительные авиационные дивизии, которые самолетов не имели. Командующему Военно-воздушными силами округа оперативно был подчинен 3-й дальнебомбардировочный авиационный корпус. Всего в ВВС округа имелось 1789 самолетов, а с учетом 3-го авиакорпуса — 2084.

11-я смешанная авиационная дивизия входила в состав 3-й армии и дислоцировалась на правом крыле округа, командовал ей полковник П. И. Ганичев, штаб находился в Лиде. В дивизию входили 122,127,128-й истребительные авиационные полки, вооруженные самолетами И-16 и И-153, и 16-й скоростной бомбардировочный на самолетах СБ.

В Белостокском выступе дислоцировалась 9-я смешанная авиационная дивизия, входившая в состав 10-й армии, командовал ей Герой Советского Союза генерал-майор авиации С. А. Черных, штаб находился в Белостоке. В дивизию входили 124,125,129-й истребительные, 41-й ближний и 13-й скоростной бомбардировочные авиационные полки. Истребительные полки были вооружены новыми истребителями МиГ-3, ближний бомбардировочный — Су-2 и скоростной бомбардировочный — Ар-2. Это была единственная на западной границе мощная дивизия, во-

оруженная только новыми типами самолетов. В дивизии насчитывалось 439 истребителей и бомбардировщиков.

В истребительных полках дивизии на МиГ-3 переучились 140 летчиков, но освоить их боевое применение не успели. Наряду с «мигами» в полках имелось 127 истребителей И-16 и И-153 в боеготовом состоянии и именно на них, за малым исключением, летчики и приступили к ведению боевых действий. Новые истребители были уничтожены противником на аэродромах и своими техниками при отступлении.

10-я смешанная авиационная дивизия входила в состав 4-й армии и дислоцировалась на левом крыле округа, командовал ей полковник Н. Г. Белов, штаб размещался в Кобрине. В дивизию входили 33-й и 123-й истребительные авиационные полки, вооруженные самолетами И-16 и И-153, 74-й штурмовой на И-153 и 39-й скоростной бомбардировочный на СБ.

На рубеже Витебск-Калинковичи базировались 12-я и 13-я бомбардировочные и 43-я истребительная авиационные дивизии, а на аэродромах Минск и Барановичи - 313,314-й отдельные разведывательные авиационные полки фронтовой авиации.

3-й дальнебомбардировочный авиационный корпус имел в своем составе 42-ю и 52-ю дальнебомбардировочные авиационные дивизии. В 42-ю дивизию входили 1-й тяжелый и 98-й дальний бомбардировочные полки, в 52-ю - 2-й тяжелобомбардировочный, 96-й и 207-й дальнебомбардировочные авиаполки. 96,98,207-й полки были вооружены дальними бомбардировщиками ДБ-3ф, а 1-й и 2-й - тяжелыми бомбардировщиками ТБ-3. Дислоцировались дивизии корпуса в районах Великих Лук и Смоленск-Рославль. Командовал корпусом полковник Н. С. Скрипко.

В первые дни войны в состав 3-го корпуса прибыли два дальнебомбардировочных авиаполка: 6-й в 42-ю дивизию и 55-й в 52-ю.

Боевой состав ВВС Западного округа был целесообразным и достаточным для выполнения задач в наступательной и оборонительной операциях. Но, чтобы реализовать боевые возможности частей и соединений, необходимо было определить им задачи в операциях, организовать подготовку к боевым действиям и управлять ими в ходе войны. Для этого требовался высокий уровень подготовки и наличие опыта работы у командования ВВС округа. Поэтому познакомимся с командующим и начальником штаба

объединения, одного из крупнейших на западной границе.

Командующий ВВС Западного особого военного округа генерал-майор авиации И. И. Копец окончил школу летчиков и в течение семи лет летал в строевой части. Затем летчиком-добровольцем совместно с Г. Н. Захаровым воевал в Испании, где командовал эскадрильей. За личную храбрость удостоен звания Героя Советского Союза. После прибытия из Испании в звании старшего лейтенанта был назначен сразу, минуя многие промежуточные инстанции, заместителем командующего ВВС Ленинградского военного округа, а вскоре – командующим ВВС Западного особого военного округа, прикрывающих границу на главном стратегическом направлении. При таком быстром продвижении по службе в возрасте 34 лет не имел необходимой теоретической подготовки и не успел приобрести практического опыта для командования таким крупным объединением.

Генерал армии К. А. Мерецков, проверявший ВВС округа непосредственно перед войной, в воспоминаниях о нем пишет: «Копец был замечательным летчиком, но оказался неспособным руководить окружной авиацией на должном уровне»³²⁶. Это вскрылось в начале войны, которая знания, опыт и способности проверяет комплексно. Он этой проверки не выдержал и во второй половине первого дня войны, видя гибель подчиненной авиации, – застрелился. Что это было – протест против того положения, в которое была поставлена авиация, или влияние действительности, превзошедшей ожидаемое, неизвестно. В командование ВВС фронта в критический момент вступил его заместитель генерал-майор авиации А. И. Таюрский, не имевший опыта работы на этой должности.

Начальник штаба ВВС Западного особого военного округа полковник С. А. Худяков (Ханферянец) в авиации с 1931 г., когда он с должности начальника штаба кавалерийского полка был направлен учиться на командный факультет Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского, где прошел обучение и сдал экзамен на штурмана. После окончания академии назначен на должность начальника штаба 5-й тяжелой бомбардировочной авиабригады, а в 1939 г. – начальником тыла ВВС Белорусского особого военного округа. Работая на этой должности, переучился на летчика. В 1940 г. назначен начальником штаба ВВС того же округа вскоре переименованного в Западный. Перед войной был госпитализирован и перенес операцию. В

первый день войны, несмотря на плохое еще самочувствие, прибыл в штаб и сменил замещавшего его полковника П. М. Тараненко.

Полковник С. А. Худяков имел высокий уровень подготовки и обладал хорошими организаторскими способностями, поэтому в дальнейшем командовал ВВС фронта, воздушной армией, а с апреля по июль 1942 г. и с мая 1943 г. до конца войны был начальником штаба Военно-воздушных сил Красной армии. В августе 1944 г. ему присвоено звание маршала авиации.

Таким образом, в ответственный момент развернувшегося сражения в воздухе Военно-воздушными силами фронта руководили осваивавший свои обязанности А. И. Таурский и ослабленный С. А. Худяков. Это было неблагоприятным фактором, что сказалось на действиях фронтовой авиации и подчиненного 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса, в частности, на неудовлетворительном обеспечении их истребителями сопровождения.

На боевое применение авиации и ее живучесть большое влияние оказывает ее базирование. В связи с этим автор, имея большой опыт решения вопросов боевого применения ВВС фронтов, произвел анализ базирования авиационных частей и соединений Западного военного округа перед началом войны, который показал, во-первых, что базирование авиации, из-за строительства на аэродромах взлетно-посадочных полос для новых типов самолетов, было скученным: по авиационному полку на аэродроме. Во-вторых, на аэродромах отсутствовали зенитные средства защиты от ударов с воздуха. В-третьих, аэродромы базирования полков 9-й и частично 10-й и 11-й смешанных авиадивизий были приближены к государственной границе на очень малые 12-40 км расстояния, что делается лишь при подготовке к наступательной операции. Для оборонительной операции, которая и имела место, базирование армейской авиации оказалось полностью нецелесообразным и послужило одной из главных причин ее быстрой гибели и слабого противодействия противнику.

Против авиации Западного особого военного округа действовали 2-й немецкий воздушный флот, войсковая и армейская авиация группы армий «Центр». 2-м воздушным флотом командовал фельдмаршал А. фон Кессельринг. В состав флота входили 2-й и 8-й авиационные корпуса. При этом 2-й корпус поддерживал 2-ю танковую группу Гудериана, а 8-й – 3-ю танковую группу Гота. 8-м кор-

пусом пикирующих бомбардировщиков Ю-87 командовал генерал фон Рихтгофен. Всего в составе немецкой авиации насчитывалось 1679 самолетов, в том числе 211 армейской авиации.

Состав и соотношение сил ВВС Западного особого военного округа с учетом самолетов 3-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса и противостоящей немецкой авиации по состоянию на 22 июня 1941 г. показано в таблице.

Самолеты	Бомбардировщики и штурмовики	Истребители	Разведчики и корректировщики	Всего
ВВС Зап. округа и 3-го дбак	1060	870	154	2084
Немецкая авиация	980	530	169	1679
Соотношение сил	1,1;1	1,64:1	1:1,1	1,2:1

Из таблицы видно, что ВВС Западного округа с учетом подчиненного им командующему 3-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса превосходили немецкую авиацию по бомбардировщикам и штурмовикам в 1,1 раза, истребителям в 1,64 и общему числу самолетов в 1,2 раза; уступали ей только по числу разведчиков на 13 самолетов, что несущественно, так как их роль эффективно могли выполнять бомбардировщики и штурмовики, а иногда и истребители.

А. фон Кессельринг был одним из выдающихся фельдмаршалов Германии. Он успешно командовал 2-м воздушным флотом в войнах против Польши, Франции и Англии и имел большой опыт планирования, подготовки и ведения широкомасштабных боевых действий в современных условиях. Летный состав флота до мая участвовал в воздушной войне против Англии и имел большой боевой опыт нанесения бомбовых и штурмовых ударов во взаимодействии с сухопутными войсками.

После участия в боях в России Кессельринг руководил боевыми действиями авиации в Северной Африке. За удачные действия его очень уважал Гитлер и назначил командующим группой армий «Ц» в Италии против англо-американцев, а в конце войны — командующим главной группы

армий «Запад», прикрывавшей Берлин, где он сидел в бункере имперской канцелярии. 15 апреля 1945 г., в предвидении скорой встречи русских и американцев на Эльбе и расчленения территории рейха на северную и южную половины, Гитлер издал приказ о передаче командования войсками в северной части гросс-адмиралу Дёницу, а в южной – фельдмаршалу Кессельрингу. Из этого видно, насколько серьезный противник был у ВВС фронта, и в этом мы вскоре убедимся³²⁷.

Кессельринг, имея меньше сил, чем противостоящая авиация Западного Фронта, решил уничтожить ее в два этапа. На первом этапе уничтожить армейскую авиацию с тем, чтобы обеспечить свободу действие наступающих танковых групп, а на втором – фронтовую. Армейскую авиацию уничтожить в основном на аэродромах, а бомбардировщиков фронтовой авиации – в воздухе, так как с гибелью истребительных полков смешанных авиадивизий они будут действовать без прикрытия истребителей и станут легкой добычей немецких летчиков.

Этот замысел был исключительно смелым, новым и показал высокое дарование фельдмаршала по организации и ведению боевых действий. При любом другом варианте действий немецкой авиации он бы не достиг поставленной цели.

В соответствии с замыслом воздушной операции, проводимой в рамках наступательной операции группы армий «Центр», на рассвете 22 июня 1941г. бомбардировщики и истребители 2-го воздушного флота внезапно вторглись в воздушное пространство Западного военного округа и нанесли одновременно удары по 26 аэродромам, которые заранее были разведаны. В первом массированном налете ударам с воздуха были подвергнуты решительно все аэродромы армейской авиации, кроме неизвестного одного, и три аэродрома, на которых базировались два разведывательных и бомбардировочный полки фронтовой авиации. В последующих налетах, следовавших один за другим, продолжалось уничтожение самолетов на аэродромах, а также наносились удары по штабам, складам горючего и боеприпасов, железнодорожным узлам, войскам в районах сосредоточения и на марше, крепости Брест, городам Пружаны, Лида, Барановичи, Минск.

Авиация Западного военного округа не была приведена в боевую готовность и застигнута противником на аэродромах. На отражение первого налета противника в воз-

дух были подняты дежурные звенья истребителей, но их атаки успешно отразили истребители сопровождения бомбардировщиков. Лишь там, где в воздух удалось поднять значительные силы истребителей, что было в 11-й авиадивизии, разгорелись жаркие бои.

Самолеты на аэродромах Западного округа были зачехлены и выстроены вдоль широких белых линий длинными рядами крыло к крылу. Это обеспечивало их массовое уничтожение ограниченными силами, так как при поражении и загорании одного самолета огонь перебрасывался на соседние, взрывы бензиновых баков ускоряли этот процесс и образовались крупные очаги пожаров, поглощавшие боевые машины, которым не довелось подняться в воздух. Летчики и техники, прибежавшие к самолетам по тревоге из палаточных лагерей на окраинах аэродромов, мало уж, что могли сделать. Трагедией обернулось такое беспечное расположение самолетов на аэродромах в угрожаемый период. Успеху немецкой авиации способствовало и отсутствие на аэродромах зенитных средств защиты. Поэтому немецкие летчики действовали по самолетам на аэродромах, не спеша до полного их уничтожения или расхода боезапаса.

§2. Боевые действия армейской авиации

Смешанные авиационные дивизии не были приведены в боевую готовность и находились на положении мирного времени. Приказа об открытии огня по самолетам противника не было, а имелись указания принуждать иностранные самолеты к посадке. Данные о полетах самолетов противника на командные пункты авиационных полков и дивизий поступали по телефону от визуальных постов ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи). По этим данным командиры могли поднять самолеты в воздух на отражение налета. Но еще в 23 часа 21 июня прекратилась телефонная связь. Позднее стало известно, что это сделали диверсионные группы гитлеровцев, переодетых в красноармейскую форму, которые были сброшены на парашютах, а также просочились иными путями на нашу территорию. В ряде мест они перерезали провода и нарушили линии связи, проложенные к аэродромам армейской авиации, постам ВНОС, к штабам частей и соединений и управлению ВВС округа³²⁸.

В этих условиях самолеты противника могли быть об-

наружены только с аэродромов визуально на дальности 4-6 км, что позволяло поднять на их отражение истребителей дежурных звеньев. Все другие самолеты находились на стоянках, закрытые чехлами, и могли взлететь под ударами бомбардировщиков противников.

Для удара по аэродромам армейской авиации командование 2-го воздушного флота в первом налете выделило по 30 и более бомбардировщиков и истребителей сопровождения на каждый. В последующих налетах состав групп определялся важностью объектов удара.

В ночь на 22 июня 1941 г. командир 11-й смешанной авиационной дивизии полковник П. И. Ганичев проводил командно-штабное учение с личным составом штаба на командном пункте аэродрома Лида. На рассвете 22 июня начальник штаба 122-го истребительного авиаполка сообщил ему по телефону, что слышен нарастающий гул большой группы самолетов, в полку объявлена боевая тревога и летчики вырываются для взлета на перехват противника.

Полковник П. И. Ганичев объявил боевую тревогу всем другим полкам дивизии, и на самолете И-16 вылетел на аэродром 122-го полка, который находился западнее Гродно, для отражения воздушного нападения. 53 летчика этого полка на И-16 и И-153 своевременно взлетели и атаковали бомбардировщиков противника, летевших под прикрытием истребителей. В развернувшемся воздушном бою летчики полка сбили четыре бомбардировщика Do-215 и несколько истребителей Me-109. Немецкие бомбардировщики не смогли нанести организованного удара по аэродрому, на котором находились 15 неисправных самолетов. Они беспорядочно сбросили бомбы, не причинив ущерба, и удалились. Это был один из немногих примеров организованного отпора врагу.

Летчики после боя произвели посадку, техники дозаправили самолеты горючим и боеприпасами, после чего 122-й авиаполк по указанию полковника Ганичева перелетел на аэродром Лида, так как близкое его базирование к границе, где шли бои, было опасным.

Вскоре над аэродромом Лида появилась группа немецких бомбардировщиков, их атаковали взлетевшие истребители, но малыми силами и некоторым удалось нанести удар. Осколком бомбы был смертельно ранен полковник П. И. Ганичев, которого заменил подполковник Юзеев, но и он был ранен и в командование дивизией вступил командир 127-го истребительного полка подполковник А. В.

Гордиенко.

На всем советско-германском фронте в первый день войны наиболее успешно воевал 127-й истребительный авиаполк, вооруженный устаревшими самолетами И-153 («Чайка»). Три летчика этого полка знакомы по службе автору. Это командир звена 1-й эскадрильи лейтенант И. Ф. Дружков, впоследствии полковник, командир дивизии; и заместители командиров 2-й и 3-й эскадрилий лейтенанты С. Я. Жуковский, в дальнейшем генерал-полковник авиации, и И. Ф. Каркан, в дальнейшем полковник. Ниже мы приведем рассказ о действиях полка в начале войны только И. Ф. Дружкова, так как Каркан в это время находился на курсах в Полтаве, в чем проявилась внезапность нападения врага, а Жуковского к моменту написания книги уже не было.

Вот что рассказал Иван Федорович.

«На И-153, которым был вооружен полк, были установлены четыре пулемета ШКАС и под нижними крыльями — направляющие балки для 8 реактивных снарядов РС-82. Но эрессов, которых в дальнейшем очень боялись немцы, в начале войны не было, не завезли. По маневренности в горизонтальной плоскости и ракетному вооружению И-153 превосходил Me-109, а уступал ему в бою на вертикалях, стрелково-пушечном вооружении и максимальной скорости полета. При встрече с немецкими истребителями наши летчики на вираже моментально заходили им в хвост, и они уходили на вертикаль, когда успевали. С бомбардировщиками летчики на И-153 вели бои более успешно, но равенство в скорости полета затрудняло их догон для атаки.

Летный состав полка имел хороший уровень подготовки, молодых летчиков не было, сержанты еще не прибывали.

Базировался полк на аэродром Скидель, но за две недели до начала войны, в связи с развернувшимся строительством бетонной взлетно-посадочной полосы, перебазировался на полевой аэродром Лесище в 30 км восточнее Гродно. С трех сторон к летному полю подступал лес. Об аэродроме немцы не знали».

Первым рассказ Ивана Федоровича и обратимся к истории полка, в которой сказано, что перед рассветом 22 июня прозвучал сигнал боевой тревоги. «Командир 127-го истребительного авиационного полка подполковник А. В. Гордиенко, проверявший посты на стоянках самолетов,

немедленно направился на командный пункт части. Оперативный дежурный доложил, что получено сообщение о бомбардировке немецкими самолетами города Гродно.

Уточнив причину тревоги, подполковник А. В. Гордиенко приказал дежурному звену вылететь в район нападения и уточнить обстановку.

Один за другим самолеты И-153, пилотируемые лейтенантом И. Е. Комаровым, младшими лейтенантами А. Н. Данилиным и К. М. Трещевым в 3 часа 30 мин ушли в разведывательный полет.

«Не провокация ли это?» – подумал командир полка. И такие мысли были не только у него. Всего неделю назад в части внимательно изучалось заявление ТАСС от 14 июня. Весь командный и политическим состав понимал, что неосмотрительные действия в приграничном районе могут привести к серьезным последствиям.

Даже когда дежурное звено возвратилось и подтвердило данные о начале боевых действий на границе, подполковник Гордиенко еще сомневался, что началась война. Получив задание на боевой вылет для прикрытия города от последующих налетов, один из летчиков 1-й эскадрильи спросил его:

- Сбивать или не сбивать немецкие самолеты?

Командир полка дал неопределенный ответ:

- Соображать на месте надо.

Стоявший рядом начальник штаба полка майор И. С. Клемят произнес:

- Там будет поздно соображать. Их надо сбивать до подхода к Гродно»³²⁹.

Летчики и техники полка жили в палаточном лагере у границы аэродрома и появились на стоянках самолетов после объявления тревоги через 3–5 минут. Техники под руководством старшего инженера полка капитана В. С. Кубарева быстро рассредоточили самолеты по опушке леса и оборудовали для них стоянки. В целях маскировки аэродрома летчикам было приказано отходить от него и подходить к нему на брешом. Благодаря этим мерам немцы только в конце дня обнаружили аэродром Лесище³³⁰.

«После возвращения с разведки дежурного звена, – продолжал рассказ Дружков, – в 3 часа 55 минут взлетела наша 1-я эскадрилья и взяла курс на Гродно. По плану в случае начала войны она должна была прикрывать этот город. Земля внизу еще была скрыта плотными сумерками, а на высоте полета было светло, вскоре пока-

залось солнце, небо было ясное, видимость отличная. Командир эскадрильи находился в отпуске и его обязанности исполнял заместитель командира эскадрильи по политической части старший политрук А. С. Данилов, который и шел в голове боевого порядка.

Подходим к Гродно. Город горит. Немецкие самолеты отбомбились и ушли, а над городом осталось три Ю-88. На них и устремилась в атаку наша эскадрилья. Данилов атаковал ведущего бомбардировщика и сбил его, а я третьего подбил и погнался за ним, он за линией фронта упал».

«Это был большой успех, – сказано в истории полка. – Проведенный бой показал, что и на «Чайках» можно эффективно драться с немецкими самолетами. Вернувшиеся с заданий лейтенанты Р. И. Варакин, С. Я. Жуковский, старший политрук А. А. Артемов доложили так же о новых победах»³³¹. Шесть сбитых самолетов врага при отсутствии своих потерь – обнадеживающее начало воздушных боев.

После боевого вылета 1-я эскадрилья заправились горючим и вновь поднялась в воздух на прикрытие войск у Гродно. Об этом в истории полка сказано:

«Вскоре высокое мастерство вновь показал летчик старший политрук А. С. Данилов. Возглавляемая им восьмерка рассеяла группу вражеских самолетов над Гродно, а западнее города Данилов сбил самолет, второй за утро, который упал на окраине деревни Крапивно.

Возвращаясь в зону патрулирования, летчики увидели, что более 40 фашистских самолетов готовятся штурмовать аэродром Черлене, на котором базировался 16-й скоростной бомбардировочный авиационный полк. С востока к вражеским бомбардировщикам стремительно приближались в боевом строю советские истребители»³³². Это шли в атаку две эскадрильи, поднятые командиром полка по данным поста ВНОС. На помощь им устремился А. С. Данилов с ведомым С. С. Дерюгиным, передав управление группой своему заместителю.

Противник совершал второй налет на аэродром Черлене. 16-й скоростной бомбардировочный авиаполк был вооружен самолетами СБ, а перед войной получил новые Пе-2. Летчики новый бомбардировщик не освоили и летали на боевые задания на СБ. После первого удара на аэродроме сплошь стояли разбитые бомбардировщики старых и новых конструкций. Немцы решили довершить разгром полка, но

были атакованы советскими истребителями, силы которых наращивались, и в воздухе развернулось крупное воздушное сражение. В нем с обеих сторон участвовало до 70 самолетов.

А. С. Данилов с С. С. Дерюгиным вступили в бой с врагом над аэродромом Черлене. Им встретились девятка бомбардировщиков До-217. Дерюгин отстал, так как его самолет в предыдущей схватке получил повреждение. Данилов один с ходу на встречных курсах атаковал противника и вражеский бомбардировщик, объятый пламенем, рухнул вниз. Развернувшись, он вновь устремился в атаку и сбил еще один самолет. Появились вражеские истребители. Данилов вступил с ними в бой, боеприпасы были на исходе. Несмотря на виртуозную маневренность, его самолет попал под огонь врага. Один снаряд попал в верхнее крыло И-153, и осколками ранило Данилова, который еле удерживал подбитый самолет. Один из истребителей Ме-109 пристроился к нему так близко, что было видно лицо летчика, считавшего советский истребитель уже безопасным. Но ошибся. Данилов резко бросил свой самолет на немецкий и винтом таранил его правое крыло. Оба самолета перешли в падение. На высоте около 100 м истекающий кровью Данилов вывел машину в горизонтальный полет и с убранными шасси сел на площадке³³³.

Воины наземной части, видевшие воздушный бой и падение самолетов, посчитали, что летчик погиб и сообщили об этом в полк. В газете «Красная звезда» 9 июля 1941 г. был описан этот бой и сказано, что «Андрей Данилов погиб смертью храбрых». В ней же опубликован Указ о награждении его посмертно орденом Ленина.

Данилов после посадки потерял сознание, и его в таком состоянии подобрали колхозники и направили в госпиталь, где ему, когда он пришел в сознание, представили майора с тараненного им самолета. Немец был награжден двумя железными крестами за бои в Бельгии и Греции, а на советско-германском фронте это был его первый и последний вылет. Данилов после госпиталя вернулся в полк и продолжал воевать, стал в последующем командиром истребительного авиационного полка. После войны ему было присвоено звание почетного гражданина Гродно.

Великий подвиг совершил Андрей Степанович Данилов. В первый день войны он уничтожил на устаревшем истребителе И-153 пять вражеских самолетов, один из которых

тараном. Большого числа самолетов в первый день не уничтожил ни один советский летчик, а в сочетании с тараном этот результат не был превзойден до конца Отечественной войны.

Во второй половине 22 июня отличилась группа летчиков во главе с лейтенантом С. Я. Жуковским. Вылетев на прикрытие наземных войск в районе Гродно, Скидель, они встретили немецких бомбардировщиков, под прикрытием истребителей, которые выполняли перестроение перед атакой. В скоротечном бою С. Я. Жуковский и младший лейтенант Б. А. Фокин сбили по одному самолету, а третьего уничтожили группой. Атака немецких самолетов была сорвана.

В первый день войны лейтенант С. Я. Жуковский участвовал в девяти воздушных боях и сбил четыре самолета противника, а его заместитель по политической части старший политрук А. А. Артемов в тех же боях сбил три самолета. Они выполнили по 9 боевых вылетов, что близко к предельной нагрузке летчика.

С. Я. Жуковский в дальнейшем был командующим 26-й воздушной армией со штабом в Минске, то есть в этих местах. В 1978 г. автор проходил стажировку в должности заместителя командующего этой воздушной армией, а ранее в течение года руководил выполнением исследовательских полетов на новых реактивных истребителях-бомбардировщиках по оценке эффективности их действий.

Около 19 часов немцы обнаружили аэродром Лесище, и перед заходом солнца на него вышла группа около 30 бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием Ме-109. В это время с задания вернулась 4-я эскадрилья, и над аэродромом на глазах всего личного состава полка разгорелся жаркий воздушный бой. На помощь своим летчикам взлетел командир звена Н. П. Ерошин и совершил воздушный таран. «Он прямо с взлета пошел в лобовую атаку. Немецкий летчик на Ме-109 имел явное преимущество в скорости и маневренности, мог без труда сбить взлетающий самолет. Однако Ерошин не дрогнул и не свернул с курса. При сближении одновременно прозвучали две длинные пулеметные очереди. Ценой своей жизни советский летчик сбил фашистского стервятника. Товарищи похоронили лейтенанта Н. П. Ерошина рядом с аэродромом»³³⁴.

В ходе налета немцы повредили 3 самолета. Безвозвратных потерь на земле полк в первый день войны не понес. Когда бои в воздухе закончились, и летчики го-

товились убыть на ночной отдых, начались главные неприятности для полка.

По решению командующего 3-й армией генерала В. И. Кузнецова без всякого на то основания, как показано выше, в ночь на 23 июня войска должны были сдать врагу Гродно и территорию, на которой находился аэродром Лесище. Пришел приказ: срочно перебазировать полк на тыловые аэродромы, а времени до наступления темноты осталось мало. Поэтому далее события развивались быстро и неорганизованно.

«После отражения налета майор П. А. Богданов, вступивший в командование полком, — как сказано в истории полка, — приказал эскадрильям перебазироваться на аэродромы Щучин, Желудок и Новогрудок. Перелет осуществлялся поздно вечером, почти в темноте, но все летчики благополучно приземлились на новые точки базирования»³³⁵. Но перелет производился в спешке, без техников и средств обслуживания самолетов, что исключало ведение боевых действий с новых аэродромов до их прибытия.

Вот что о перелете и его последствиях рассказал И. Ф. Дружков:

«После налета немцев солнце было уже у горизонта, и в это время поступила команда: «Выход из-под удара». Летчикам было разрешено вылетать по готовности и садиться на любом из трех указанных аэродромов.

Мой самолет во время налета немцев был поврежден, на крыльях висела перкаль. Я побежал искать другой самолет, нашел, вернулся за парашютом, а его уже нет, кто-то взял. Пришлось искать другой, нашел, дождался автостартера, запустил мотор и порулил к полосе взлета. Передо мной пошла на взлет «Чайка» и перевернулась вверх колесами, так как попала одним колесом в воронку от мелкой бомбы, которую летчик не заметил. Я взлетел мимо нее благополучно и взял курс на аэродром Желудок. Этот аэродром, как и наш базовый, был весь перекопан, шло строительство бетонной взлетной полосы, но в стороне обнаружил площадку пригодную для посадки. Сел, подрулил к стоявшим вдали самолетам, оказались наши. Всего набралось нас 15 человек. Командование принял капитан И. Н. Дроздов, который дозвонился до штаба дивизии в Лиде и сообщил, что 15 летчиков боеспособны, самолеты исправны, но нет техников, бензозаправщиков, боеприпасов и автостартеров для запуска моторов. Получил приказ: ждать технический состав, который выехал с

аэродрома Лесище наземным эшелонем и имеет средства обслуживания. Мы рассредоточили самолеты на небольшой площадке, так как другой не было, и убыли на отдых.

На следующий день утром прибыли на аэродром. На высоте прошел Ю-88, видимо разведчик, и нужно ждать «гостей», действительно, через приблизительно час внезапно на малой высоте на аэродром выскочили 12 Ме-110, горкой набрали высоту, встали в круг и, не имея никакого противодействия, начали последовательно пикировать и уничтожать наши самолеты. Когда израсходовали все боеприпасы, скрылись в западном направлении. Из наших 15 самолетов 14 было уничтожено. На оставшейся «Чайке» ее хозяин младший лейтенант А. Н. Данилин улетел в Минск. Мы же пошли на дорогу ожидать технический состав.

По дороге Гродно-Лида, имевшей щебенчатое покрытие, шли колонны отступающих войск. Вскоре показалась небольшая колонна автомашин наших техников. Они рассказали, что на аэродроме Лесище перед отъездом уничтожили 15 неисправных «Чаяк». Мы сели на машины и вместе с ними поехали в Лиду. В город нас не пустили, он был забит войсками. Вскоре из штаба дивизии прибыл командир полка подполковник А. В. Гордиенко, и мы на автобусе и трех машинах направились в Могилев. В тылу получили снова «Чайки» и вернулись на фронт под Ярцево и приняли участие в Смоленском сражении».

Так успешно начавший боевые действия с врагом 127-й истребительный авиационный полк, так бесславно потерял все оставшиеся самолеты по вине генерала В. И. Кузнецова, сдавшего обширную территорию врагу.

В первый день войны летчики 127-го истребительного авиаполка совершили 180 боевых вылетов, сбили 20 самолетов врага, выполнили три воздушных тарана, сами потеряли 14 машин. Это был высший результат по числу сбитых самолетов, и добились его летчики, воевавшие на устаревших истребителях, которых некоторые авторы предлагают не учитывать при расчете соотношения сил по авиации.

Родина высоко оценила подвиги летчиков 127-го авиаполка. В первом с начала войны Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении личного состава ВВС из 83 человек было 9 летчиков полка. Орденом Ленина были награждены А. С. Данилов, С. С. Дерюгин, И. Н. Дроздов; орденом Красного Знамени — А. А. Артемов, Р.

И. Варакин, Н. П. Ерошин, С. Я. Жуковский; орденом Красной звезды – О. И. Сенчугов, И. И. Шустов.

Подвиг совершил и командир эскадрильи 16-го скоростного бомбардировочного авиаполка капитан А. С. Протасов. Во время налета немецких самолетов на аэродром Черлене он взлетел на бомбардировщике СБ и атаковал головное звено истребителей Ме-110. Штурман и стрелок открыли огонь и сбили одного. Когда в ходе боя кончились боеприпасы, капитан А. С. Протасов таранил своим самолетом второй истребитель и погиб вместе с экипажем. Это был первый воздушный таран на бомбардировщике самолета врага.

Летчики 122-го и 127-го истребительных авиаполков в первый день войны сбили 35 самолетов врага, в их числе 28 истребителей и 7 бомбардировщиков³³⁶, а вся 11-я авиадивизия, с учетом сбитых А. С. Протасовым, уничтожила 37 самолетов. Сама из 199 самолетов потеряла 127, в основном на земле, и осталось 72 самолета или 37 проц. исходного состава.

В наиболее тяжелом положении в первый день войны оказалась 9-я смешанная авиационная дивизия, входившая в состав 10-й армии. Ее истребительные авиационные полки были перевооружены на новые истребители МиГ-3, а бомбардировочные – на новые бомбардировщики Су-2 и Ар-2. Это была самая мощная на западной границе смешанная авиадивизия пятиполкового состава, вооруженная только новыми типами самолетов.

На аэродроме Тарново в 12 километрах от границы базировался 129-й истребительный авиаполк, в котором имелось более ста самолетов, из них около половины МиГ-3. На аэродроме Долбуново в 22 км от границы базировался 125-й истребительный авиаполк, имевший 77 самолетов, из них 56 МиГ-3. На аэродроме Высоке-Мозовецк в 40 км от границы базировался 124-й истребительный авиаполк, в котором насчитывалось 99 истребителей, в том числе 70 МиГ-3 и остальные старых конструкций³³⁷.

В истребительных полках имелся полтора-двойной комплект самолетов, что при наличии резервных летчиков существенно расширяло их боевые возможности. Поэтому не правы авторы многих трудов, утверждающие, что ВВС Западного и других фронтов вступили в войну из-за неисправных машин с меньшим числом самолетов, чем имели по боевому расписанию.

В дивизии имелись два полка бомбардировщиков: 41-й

ближний бомбардировочный полк базировался на аэродроме Себурчин у границы и был вооружен Су-2, а 13-й скоростной бомбардировочный на Ар-2 базировался в тылу на аэродроме Борисовщина.

129-й истребительный авиаполк, которым командовал капитан Ю. М. Беркаль, весной 1941 г. получил новые самолеты МиГ-3. Переучивание на этот истребитель проходило ускоренно, но до начала войны не все летчики освоили его боевое применение. Поэтому летчики полка вступили в бои на МиГ-3 и И-153, которым хорошо владели.

В 4 часа 5 мин 22 июня капитан Беркаль услышал сильный гул начатой противником артиллерийской подготовки и объявил боевую тревогу. Летный и технический состав, живший в палаточном лагере на окраине аэродрома, стремглав бросился к своим самолетам. Две эскадрильи были подняты в воздух, и в соответствии с планом прикрытия границы эскадрилья на МиГ-3 была направлена прикрывать город Острув-Мозовецка, а на И-153 – в район Ломжи. Свой аэродром оказался не прикрытым, чем и воспользовались немцы. Как только эскадрилья удалилась, к аэродрому подошла группа немецких самолетов и с пикирования атаковала истребителей еще двух эскадрилий на земле. Зенитной артиллерии и укрытий для личного состава не было.

«В результате этого первого внезапного налета врага, – вспоминает младший воентехник С. П. Ивлев, – полк понес потери как в живой силе, так и в технике.

По стоянкам эскадрилий метался старший инженер полка и охрипшим от напряжения голосом кричал:

– Рассредоточивайте машины!... маскируйте кустарником!...

А в это время на нас навалилась вторая волна гитлеровских самолетов, затем последовала третья, четвертая... Как видно, враг решил полностью вывести из строя летное поле и уничтожить оставшиеся на земле самолеты»³³⁸.

Немецкие войска перешли границу и, встречая слабое противодействие, быстро продвигались вперед, бои шли уже на подступах к аэродрому Тарново. Враг мог его вскоре захватить. Связи со штабом дивизии не было, и капитан Ю. М. Беркаль решил перебазировать полк на базовый аэродром у Белостока. Летчики улетели, а технический состав, стартеры и другое имущество следовали к

базовому аэродрому наземным эшелонам по дорогам, забитым войсками, под ударами авиации врага и очень долго. За это время полк не мог вести боевых действий, что для начала войны недопустимо. Если бы летчики полка сделали по 3-5 боевых вылетов, то обстановка в воздухе была другой. Вот что значит неправильное базирование полка. В результате этого, как увидим далее, он, практически не участвуя в боях, прекратит свое существование.

«Едва мы прибыли и обосновались на новом месте, — вспоминает С. П. Ивлев, — как налетела фашистская авиация и нанесла штурмовой удар по этому аэродрому. И вновь вокруг — воронки, поврежденные на земле самолеты...»³³⁹. Для отражения налета взлетело несколько летчиков. Спустя некоторое время немцы нанесли повторный удар.

Немецкая авиация действовала по аэродромам весьма напористо. Налеты следовали один за другим. Это позволило им уничтожить на земле большое число самолетов. Истребители взлетали на отражение налетов противника после обнаружения его самолетов с аэродрома визуально и в воздух могли подняться ограниченные силы. В этих условиях нужно было организовать прикрытие аэродромов с воздуха, но это не практиковалось.

С приближением немцев к Белостоку 129-й авиаполк перебазировался на аэродром Квартеры. На аэродроме осталось пять неисправных самолетов, для их восстановления оставлена группа техников со средствами обслуживания и летчики для их перегонки. На следующий день летчики улетели, а техники догоняли полк... около трех недель³⁴⁰. Это пример того, как осуществлялось порой перебазирование полков на тыловые аэродромы.

Перебазирование истребительных полков при подходе немецких войск приводило не только к временному прекращению ими боевых действий, но и уничтожению неисправных, а в перевооружаемых полках и лишних, по сравнению с наличием летчиков, самолетов. Для перебазирования одновременно с летчиками и техников на другие аэродромы полкам необходимо было выделять транспортные самолеты, а их в ВВС Западного фронта не было.

124-й истребительный авиационный полк на рассвете 22 июня был поднят по боевой тревоге. От границы доносился гул огня артиллерии. Командир звена младший лейтенант Д. В. Кокарев взлетел на МиГ-3 на разведку на-

земной обстановки в районе границы. Только он скрылся, как над аэродромом появились немецкие самолеты и нанесли бомбовый удар. Минут через пять после их ухода на высоте 7000 м появился разведчик До-215 для фотографирования результатов удара. В это время с задания вернулся Д. В. Кокарев и с ходу атаковал разведчика, но пулеметы отказали. Тогда Дмитрий Васильевич Кокарев, чтобы не дать немцу уйти, на глазах всего личного состава полка в 4 часа 15 минут таранным ударом сбил его. До-215 упал около аэродрома, а раненый Д. В. Кокарев на поврежденном МиГ-3 произвел посадку на фюзеляж³⁴¹.

«Младший лейтенант Д. В. Кокарев совершил первый в истории Великой Отечественной войны таран»³⁴². В дальнейшем он сбил еще пять немецких самолетов и погиб под Ленинградом 12 октября 1941 г.

В 4 часа 30 мин на отражение нового налета немецких бомбардировщиков под прикрытием истребителей в воздух поднялось 28 МиГ-3 124-го истребительного авиаполка, и разгорелся бой, который шел с переменным успехом. Удар по аэродрому немцам нанести не удалось. Бомбардировщики беспорядочно сбросили бомбы и удалились. В полдень в связи с приближением немецких войск полк был перебазируется на тыловой аэродром.

13-й скоростной бомбардировочный авиационный полк имел в качестве базового аэродром Россь, но в марте на нем начали строить бетонную взлетно-посадочную полосу, и полк был переведен на полевой аэродром Борисовщина. На этом аэродроме ежедневно с рассвета и до темноты три эскадрильи Ар-2 с подвешенными бомбами находились в готовности к вылету на боевое задание, а две эскадрильи производили учебные полеты или занимались по плану наземной подготовки. Через сутки эскадрильи менялись. Боевая готовность для удара по вторгнувшемуся врагу была высокой, а самолеты стояли плотными рядами вдоль белых линий³⁴³.

На воскресенье 22 июня командование авиаполка, а также многие летчики уехали в Россь к семьям.

Начало светать и в это время на аэродром на малой высоте вышли немецкие самолеты и с трех заходов нанесли удар по самолетам. Зенитных средств на аэродроме не было, и вражеские летчики атаковали беспрепятственно. Лишь летчик четвертой эскадрильи ударил по немецким

самолетам из носовых пулеметов СБ, но на самолет посыпались бомбы и противодействие прекратилось. В полку на СБ можно было организовать дежурство штурманов и стрелков для отражения налетов немецких самолетов с использованием их пулеметов, но это не делалось,

Дежурный по лагерному сбору младший лейтенант К. С. Усенко с появлением немецких самолетов объявил боевую тревогу. Прибывшие на стоянки летчики и техники приступили к рассредоточению самолетов. В первом налете немцы уничтожили два СБ и У-2.

Авиационный полк быстро подготовился к вылету на боевое задание, но связи со штабом дивизии не было, и он остался на земле. Посланный в штаб дивизии, находящийся в Белостоке, самолет связи не вернулся.

Командир полка капитан Гаврильченко для выяснения обстановки выслал на разведку к границе три экипажа на самолетах Ар-2. После разведки они должны были сесть на аэродроме Белосток, доложить в штаб дивизии разведданные и получить указания о действиях. Но, когда они прибыли на этот аэродром, он оказался захваченным немецким десантом. Поэтому они полетели на свой аэродром Борисовщина и увидели на нем печальную картину: на земле догорало не менее трех десятков самолетов полка, уничтоженных немецкими бомбардировщиками во время их отсутствия.

Связь со штабом дивизии установить не удалось. В связи с этим командир полка своим решением подготовил оставшиеся самолеты для налета на аэродром врага. Но на аэродром вышла третья группа немецких бомбардировщиков и совершила уничтожение самолетов 13-го скоростного бомбардировочного полка, который, практически не поднявшись в воздух, потерял все свои новые пикирующие бомбардировщики Ар-2. Летчики и техники на автомашинах, кто пешком направился в Бобруйск, но немцы их опередили и они повернули на Могилев³⁴⁴.

9-я смешанная авиационная дивизия в первый день войны из 409 самолетов потеряла преимущественно на земле 347 или 85 проц. и осталось 62. На следующий день дивизия понесла дополнительные потери, и ее командир генерал-майор авиации С. А. Черных послал на имя командующего ВВС фронта в Минск телеграмму: «Все самолеты разбиты. Прошу указаний»³⁴⁵. И это на второй день войны самая мощная авиационная дивизия, вооруженная новыми типами самолётов, прекратила существование.

В 10-й смешенной авиационной дивизии 33-й истребительный авиаполк базировался на аэродроме в Пружанах, 123-й истребительный – в Кобрине, 74-й штурмовой – в Высоком, 39-й скоростной бомбардировочный – в Пинске. На рассвете 22 июня противник внезапно нанес удары по аэродромам Пружаны, Пинск, Высокое. Командир дивизии полковник Н. Г. Белов поднял в воздух 123-й полк для деблокирования аэродрома Пружаны. После его посадки во время заправки самолетов на аэродром Кобрин вышла группа немецких бомбардировщиков и уничтожила большое число истребителей.

С наступлением утра враг бросил на Брестскую крепость несколько групп бомбардировщиков под прикрытием истребителей. На отражение налета был поднят 33-й истребительный полк майора Н. В. Акулина. Потеряв несколько самолетов, противник удалился, и затем долго не появлялся над городом и крепостью.

Едва самолеты полка произвели посадку и заправились, как вновь поступил приказ на взлет для отражения налета вражеских самолетов на аэродром Кобрин. В этом вылете совершил подвиг заместитель командира эскадрильи С. М. Гудимов, который «в 5 часов 20 минут, отражая налет врага в районе Пружан, сбил один Хе-111, а второй бомбардировщик уничтожил тараном. Сам погиб.. Награжден орденом Отечественной войны II степени. В г. Пружаны Брестской области установлен памятник герою»³⁴⁶.

Только самолеты вернулись после боя у Кобрина и начали посадку, как над аэродромом появились Ю-87. Истребители, у которых остаюсь еще горючее, тут же вступили в бой и сбили шесть из 21. Вслед за «юнкерсами» пришли «мессершмитты», встали в круг и начали штурмовать. Они не давали поднять головы, а когда отштурмовали и ушли оказалось, что двадцать самолетов сожжено и выведено из строя. Средств противовоздушной обороны на аэродроме не было, и нападение противника продолжалось около часа.

В первые дни войны 33-й истребительный авиаполк потерял только одного летчика – С. М. Гудимова.

Особой организованностью в первые часы войны отличались действия 123-го истребительного авиационного полка. Командир полка майор В. Н. Сурин лично сбил три немецких самолета. В последнем бою был тяжело ранен, вышел на свой аэродром, но потерял сознание и неуправ-

ляемый самолет перешел в беспорядочное падение.

В 10 часов утра четверка этого полка на И-153 во главе с капитаном Можаяевым прикрывала наземные войска у Бреста. Появилось 8 немецких истребителей Me-109. Четверка Можаяева вступила с ними в бой, в ходе которого лейтенант Жидов сбил одного, но и его самолет получил повреждение и летчик со снижением стал уходить в сторону своего аэродрома. Три немецких истребителя погнались за ним, чтобы добить. На помощь Жидову устремился Можаяев, надежно его прикрыл и сбил одного из преследователей. Лейтенант П. С. Рябцев вел неравный бой, израсходовав все боеприпасы, он таранным ударом сбил Me-109. Сам выбросился с парашютом из поврежденного самолета и удачно приземлился. Оставшиеся немецкие истребители поспешно скрылись.

Особенно успешно из летчиков 123-го полка вел боевые действия на И-153 командир звена лейтенант Иван Калабушкин. В первом вылете в первый час войны он сбил два Ю-87. После посадки и заправки самолета горючим и боеприпасами вновь взлетел на перехват бомбардировщиков и сбил «Хейнкель-111». Под вечер в бою с восьмеркой «мессершмиттов» сбил два из них. Через некоторое время под сидением разорвался снаряд, и острая боль резанула но ногам. Превозмогая боль, летчик привел самолет на аэродром Кобрин и произвел посадку, но вылезти из кабины не смог. Его вытащили друзья и направили в госпиталь³⁴⁷.

За день на считавшемся устаревшем истребителе И-153 И. Калабушкин сбил пять самолетов врага, в том числе двух истребителей. Столько же на этом истребителе сбил А. С. Данилов. Такого количества не сбил ни один летчик на МиГ-3 и Як-1. Это опровергает утверждение многих авторов о том, что причиной поражения советской авиации в начале войны явилось малое количество в частях новых типов самолетов.

После очередного налета немцев на аэродром Кобрин 123-й полк потерял большое число самолетов и вместе с остатками 33-го полка по указанию командира дивизии перелетел на аэродром Пинск, где находились сохранившиеся силы 39-го скоростного бомбардировочного авиаполка.

74-а штурмовой авиационный полк базировался на полевом аэродроме Высокое в 14 км от границы. В первые же минуты войны его самолеты были обстреляны немецкой

артиллерией, а вскоре на летное поле ворвались танки и больше данных из полка не поступало.

В первый день войны летчики 10-й смешанной авиационной дивизии в воздушных боях сбили 24 самолета противника, а дивизия из 231 самолета потеряла, в основном на земле, 180 или 78 проц. и осталось у нее 51 самолет.

К концу первого дня войны в трех смешанных авиадивизиях ВВС Западного фронта осталось 185 самолетов. В связи с этим на второй и третий день войны, понеся дополнительные потери, эти авиадивизии оказались небоеспособными и были направлены в тыл для получения самолетов. Армейская авиация ВВС Западного фронта на третий день войны прекратила свое существование.

Два истребительных полка 9-й авиадивизии имели небольшие потери летчиков и при их пополнении МиГ-3 могли продолжать боевые действия. Возможность для этого имела, так как «утром 22 июня 1941 г. в адрес командующего ВВС Западного особого округа за подписью генерала П. Ф. Жигарева было направлено распоряжение о приеме 99 самолетов МиГ-3 на аэродроме Орша для пополнения частей и соединений...». Но эта возможность не была реализована.

Противнику в первые три дня войны удалось добиться выполнения первой задачи воздушной операции – уничтожения армейской авиации и он основные силы бросил на ликвидацию фронтовой. Соотношение сил по самолетам стало 1:2 в пользу противника, а по количеству истребителей превосходство немцев стало подавляющим. Сухопутные войска лишились прикрытия истребителями от ударов с воздуха, и не имели зенитных средств для стрельбы по воздушным целям. Немецкая авиация безраздельно господствовала в воздухе и действовала по наземным объектам как на полигоне без какого-либо противодействия. Исключение составляли три небольших района, прикрытые истребителями 43-й истребительной авиационной дивизии фронтового подчинения. Это была большая победа немецкой авиации и ее командующего фон Кессельринга.

§ 3. Боевые действия фронтовой авиации

В состав фронтовой авиации ВВС Западного фронта входили 43-я истребительная, 12-я и 13-я бомбардировочные авиационные дивизии, 313-й и 314-й разведыва-

тельные авиаполки и находившийся в оперативном подчинении 3-й дальнебомбардировочный авиационный корпус.

43-я истребительная авиационная дивизия имела в своем составе четыре истребительных полка: 160-й, вооруженный самолетами И-153; 161, 162, 163-й – И-16. В каждом полку было около 60 самолетов и 70 летчиков. Базировалась дивизия в районе Орша–Могилев на удалении более 400 км от границы. Поэтому она в первые часы войны не подвергалась ударам немецкой авиации. Командовал ей генерал-майор авиации Г. Н. Захаров, который так описал вступление дивизии в войну:

«Уже давно рассвело, когда раздался звонок из штаба авиации округа. Это было, по памяти, между пятью и шестью часами утра. Звонил командующий ВВС округа:

– Нас бомбят. С Черных и Ганичевым связи нет... Это было первое сообщение о начале войны, которое я услышал. Копец говорил ровным голосом, и мне казалось, что говорил он слишком неторопливо. Я молчал.

– Прикрой двумя полками Минск. Одним – Барановичи. Еще одним – Пуховичи.

Это был приказ»³⁴⁸.

В соответствии с этим распоряжением Г. Н. Захаров «отдал приказ командиру 160-го полка майору Костромину и командиру 163-го полка майору Логутину перебазироваться в Минск с задачей прикрыть город и войска в районе Минска». Командиру 161-го полка капитану Кулиничу было приказано перебазироваться в Пуховичи, а 162-го полка подполковнику Резник – в Барановичи с выполнением той же задачи относительно своих городов.

Летчики 160-го и 163-го истребительных авиационных полков после посадки на аэродроме Минск немедленно включились в борьбу с немецкими самолетами, рвущимися к столице Белоруссии. Сюда же прилетел и Г. Н. Захаров, сбивший над Минском двух бомбардировщиков.

В первый день войны летчики этих полков сбили около десяти самолетов врага, но и свои потери были ощутимые, в основном на земле, так как аэродром не имел зенитного прикрытия. В результате успешных действий полков уже через два дня немецкие бомбардировщики совершали налеты на Минск под сильным прикрытием истребителей, так как без них несли большие потери. Над Минском и подступах к нему часто шли воздушные бои. «Ежедневный итог побед и потерь в воздушных боях, – пишет Г. Н. Захаров, – складывался в нашу пользу. Молодые лет-

чики дивизии, многие из которых еще год назад были выпускниками летных школ, демонстрировали в боях не только отвагу и мужество, но и высокое профессиональное мастерство»³⁴⁹.

За первые несколько дней боев над Минском летчики 160-го полка сбили более 20 немецких самолетов, а 163-го только 24 июня уничтожили 21. В небе было черно от немецких самолетов. Приведем несколько примеров.

«Один И-16 из 163-го полка разогнал 15 бомбардировщиков и не дал им прицельно сбросить бомбы. Этим истребителем был младший лейтенант Ахметов. Командир эскадрильи из этого же полка старший лейтенант Платонов во главе шестерки И-16 вступил в бой с 26 истребителями противника. Враг в этой схватке потерял 6 самолетов, наши потери не имели»³⁵⁰.

В боях за Минск стойко сражались воины двух стрелковых корпусов, но истребители 43-й авиадивизии им не оказывали содействия. Начальник политической пропаганды 2-го стрелкового корпуса донес в штаб фронта:

«С 27 по 30 июня на фронте в районе Минска ни одного раза не появлялась наша авиация»³⁵¹. Это было следствием недостатка управления. Истребители не участвовали в прикрытии как сухопутных войск, так и бомбардировщиков при полетах их на выполнение боевых задач.

«В те дни наши бомбардировщики, — пишет Г. Н. Захаров, — чаще всего летали без сопровождения и свои задачи они выполняли ценой больших потерь. И тогда и позже мне приходилось слышать горькие упреки в адрес истребителей, относящиеся к тем тяжелым первым неделям войны»³⁵².

Эти упреки и не прекратятся. Если 160-й и 163-й полки вели напряженные боевые действия по прикрытию Минска, то 161-й и 162-й прикрывали мелкие города и практически бездействовали, так как им немцы уделяли мало внимания. В этом вина командира дивизии не организовавшего их эффективное боевое применение и это стоило сухопутным войскам и бомбардировщикам очень больших потерь.

Дивизия с третьего дня войны вела боевые действия в составе трех полков, так как судьба 162-го истребительного полка и его летчиков, как вспоминает Захаров, долгое время была ему неизвестна³⁵³. Почему же командиру дивизии не было известно: где полк и что он делает?

25 июня в связи с приближением немецких механизированных войск по указанию командира 162-го полка подполковника Резник были уничтожены 54 исправных истребителя И-16, и личный состав отправился в тыл за новыми. Г. Н. Захаров, как и командир полка, ответственный за бессмысленное уничтожение этих самолетов, в воспоминаниях пишет:

«За первые три дня полк не потерял в боях ни одного летчика. Однако исковерканный, находящийся двое суток под непрерывными бомбежками аэродром стал непригоден к боевой работе. Взлетать с него было невозможно. Уцелевшие истребители предстояло уничтожить и в пешем строю оставить город»³⁵⁴.

То, что аэродром до засыпки воронок был «непригоден к боевой работе», то есть для взлета и посадки это верно. Но эту обычную на войне работу нужно было произвести. Кроме того, для взлета самолетов и ухода на тыловую аэродром первоначального базирования требовалась небольшая площадка, так как длина разбега И-16 в зависимости от типа составляла всего 220–320 м. Такую небольшую площадку на сухом обширном аэродроме Барановичи выбрать не представляло затруднения. Автор был на этом аэродроме, летал на И-16 и знает его высокие качества по взлету. Это был в то время самый маленький самолет, который при мощном моторе моментально отрывался от земли. Поэтому приведенное оправдание уничтожения исправных самолетов не выдерживает никакой критики. Боевая техника имеет большую ценность, и нужно было принять все меры для ее сохранения, а не жечь боеготовые самолеты.

Захарову, чтобы долететь на И-16 от Минск до Барановичей и вернуться обратно требовалось час–полтора. Но этот метод управления он не применял, связь отсутствовала, что и привело к паническим действиям в полку.

27 июня в связи с подходом немцев к Минску 43-я истребительная авиадивизия перебазировалась на аэродром Могилев. Здесь вскрылось отсутствие 162-го полка с неприятностями по службе для Захарова. В ходе дальнейшего отступления за новые недостатки в командовании дивизией он был снят с должности.

Испанцы Павлов, Копец, Захаров и Черных, выдвинутые на высокие должности не справились с их исполнением в боевой обстановке. Не случайно поэтому дважды Герой

Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г. П. Кравченко, так же испанец, направленный на курсы усовершенствования при академии Генерального штаба с должности командующего ВВС Прибалтийского особого военного округа, после их окончания отказался от высоких постов и был назначен командиром 11-й смешанной авиационной дивизии.

Боевые действия фронтовой бомбардировочной авиации рассмотрим на примере 13-й бомбардировочной авиационной дивизии. Командовал дивизией Герой Советского Союза генерал-майор авиации Ф. П. Польшин, начальником штаба был К. И. Тельнов.

В 13-й авиадивизии имелось пять бомбардировочных авиационных полков: 24, 125, 130, 121, 97-й, четыре из них были вооружены самолетами СБ, а пятый — Су-2. Полки состояли из пяти эскадрилий по 12 самолетов в каждой. Большинство экипажей дивизии летало ночью.

Утром 22 июня в дивизию из штаба ВВС округа поступил сигнал боевой тревоги. Дежурный по штабу сообщил об этом Польшину, находившемуся на квартире, и по его указанию передал сигнал боевой тревоги в полки. Польшин прибыл в штаб, где дежурный вручил ему телефонограмму из штаба ВВС округа: «Вскрыть пакет, действовать как предписано». В соответствии с этим указанием он передал в полки шифром боевые приказы на выполнение бомбардировочных ударов с указанием целей и мест их встречи с истребителями сопровождения. Далее события, как вспоминает Ф. П. Польшин, развивались следующим образом:

«Звоню в штаб ВВС округа, чтобы доложить о готовности. Его начальника полковника С. А. Худякова на месте нет, командующего ВВС И. И. Копца — тоже. На наш запрос: «Готовы ли к боевой работе истребители, как предусмотрено планом?» получили ответ: «Их не будет. Лететь на задание без сопровождения»... На всякий случай делаем еще один запрос. Нам отвечают: «Выполняйте задачу самостоятельно. Прикрытия не будет».

— Побьют нас, — высказал опасение Тельнов.

Я не хуже его понимаю, чем грезит полет бомбардировщиков без истребителей, но не поддержал этот разговор. Это не учение, а война. Раз поставлена боевая задача, ее надо выполнять»³⁵⁵.

Полки полетели на выполнение боевых задач. После возвращения на аэродромы в штаб дивизии начали посту-

пять донесения. 24-й полк донес, что боевую задачу выполнил без потерь, сбил два из четырех атакующих «мессершмиттов». Из других полков доносили – у одних сбито десять, у других пять. Одну из групп атаквало 18 истребителей, и на аэродром вернулся лишь один экипаж.

«К ночи, – пишет Полюнин, – начали возвращаться на аэродромы летчики, штурманы, стрелки со сбитых самолетов – злые, угрюмые. Вопрос один: почему их не обеспечили истребителями прикрытия? Кто тут виновен? Началась большая война, и так для нас неудачно. В первый же день мы так нелепо потеряли десятки бомбардировщиков»³⁵⁶.

К сожалению, так было не только в первый день, но и в последующие. Для пополнения убыли самолетов генерал Полюнин включил в состав дивизии около тридцати новых бомбардировщиков Пе-2, случайно оказавшихся на ее аэродромах. Новые бомбардировщики Пе-2 и Су-2 при полетах на выполнение боевых задач также нуждались в прикрытии истребителями и особых преимуществ против СВ не имели. В ряде случаев летчики на СВ и Пе-2 летали на выполнение боевых задач в составе одной группы и в равной степени подвергались воздействию огневых средств противника.

После того как бомбардировщики вернулись с боевого задания и произвели посадку, начался налет на аэродромы дивизии вражеской авиации. Аэродром 24-го авиаполка атаковали семь «юнкерсов». Два из них были сбиты воздушными стрелками огнем из пулеметов турельных установок и два поджег И-153, оказавшийся в воздухе³⁵⁷.

Использование пулеметов самолетов СВ позволило прикрыть аэродромы базирования бомбардировщиков от ударов авиации противника с малых высот. Немцы были вынуждены увеличить высоту бомбометания, чтобы уйти за пределы действительного огня пулеметов, а это снизило точность попадания бомб. В результате эффективность ударов по рассредоточенным самолетам на аэродромах была невысокой.

Быстрое и глубокое вклинение механизированных войск противника в пределы Белоруссии и отсутствие в ряде случаев на их пути войск вынудило командование фронта направить против них основные силы фронтовых и дальних бомбардировщиков. В результате 24 июня 12-я и 13-я бомбардировочные авиадивизии наносили удары по танкам

моторизованных корпусов Гота в районах Молодечно, Ошмяны, а на следующий день – по колоннам боевой техники и живой силы на подступах к Минску.

Бомбардировщики летали на выполнение боевых задач в основном без прикрытия истребителями. С использованием своего оборонительного вооружения они наносили ущерб атаковавшим истребителям, но свои потери были несравненно больше. Силы бомбардировщиков быстро таяли.

«В конце июля, – пишет Полюнин, – когда самолетов в дивизии осталось мало, мы получили приказ: летный состав отправить на переформирование». Всего месяц вела боевые действия дивизия и потеряла почти все свои самолеты и около тридцати Пе-2 в основном в воздухе из-за отсутствия истребителей прикрытия, которых было много, но командование не сумело организовать их применение, вследствие царившей общей растерянности.

§ 4. Боевые действия 3-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса

В 4 часа 40 мин 22 июня генерал-майор авиации И. И. Копец вызвал к аппарату ВЧ командира 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса полковника Н. С. Скрипко, находящегося в Смоленске, и сообщил:

«Немецкая авиация бомбит аэродромы Лида, Белосток, Гродно, Пружаны, Барановичи и другие. На аэродромах горят наши самолеты. Немедленно приведите все части авиакорпуса и Смоленского авиагарнизона в боевую готовность. Если не получите боевую задачу из Москвы, вам ее поставит округ»³⁵⁸.

По этому приказу полковник Скрипко объявил боевую тревогу в авиадивизиях, полки которых дислоцировались: в Великих Луках 1-й, в Шайковке 3-й тяжелобомбардировочные; в Шаталово 98-й, Боровское 94-й и 207-й дальнебомбардировочные авиационные полки. К 6 часам утра командиры 42-й (из Боровское) и 52-й (из Шаталово) дальнебомбардировочных авиадивизий доложили о приведении авиаполков в боевую готовность. Авиакорпус был в готовности к нанесению ударов по врагу, но боевой задачи не было. Немецкие самолеты в районах аэродромов базирования корпуса не появлялись.

В 10 часов командир корпуса получил боевую задачу в общем виде от начальника Главного управления ВВС Крас-

ной Армии генерал-лейтенанта авиации П. Ф. Жигарева, которую уточнил генерал-майор авиации И. И. Копец. В соответствии с этой задачей командир корпуса приказал дальнебомбардировочным полкам, вооруженным самолетами ДБ-3Ф, по готовности нанести удары по мотомехвойскам противника в двух районах – Сувалки, Сейны, Августов, Квитемотис и Седлец, Янов, Луков; а ночью 1-му тяжелому авиаполку уничтожить самолеты на аэродромах Соколов, Седлец, Луков, Бяла Подляска, а 3-му – склады в районе Сувалки³⁵⁹.

Ранее показано, что мотомехчастей в указанных районах в это время не было, но командующий ВВС округа не располагал необходимыми разведданными, и дальние бомбардировщики нанесли удар по случайным колоннам войск, в то время как моторизованные корпуса 2-й и 3-й танковых групп находились несколько восточнее и беспрепятственно двигались вперед.

«Дальние бомбардировщики, – пишет маршал авиации Н. С. Скрипко, – предназначены, разумеется, для выполнения иных задач. Но если авиакорпусу приказывают уничтожить прорвавшиеся подвижные войска противника на нашей территории, то это, конечно, мера вынужденная и вызвана тревожным положением.. Когда я запросил прикрытие, генерал И. И. Копец категорически заявил:

– Истребителями прикрыть не можем..

Я тогда был удивлен и даже возмущен подобным заявлением. Но я еще не знал, в каком тяжелом положении оказалась истребительная авиация ВВС фронта»³⁶⁰.

Возмущение командира корпуса было обоснованным, так как из 70 ДБ-3Ф двух подков, совершивших первый боевой вылет, на аэродромы не вернулось 22. Потери составили 31 проц. При таких потерях 70 самолетов хватает всего на 6 боевых вылетов, чтобы осталось всего шесть машин. Так оно и произойдет. Вот чем обернулась потеря истребителей армейской авиации и нерациональное использование двух подков 43-й истребительной дивизии.

Отметим, что немецкие бомбардировщики в районах действий советских истребительных частей удары наносили под прикрытием истребителей, наряд которых определялся в зависимости от ожидаемого противодействия.

На 23 июня 3-му авиакорпусу было приказано находиться в готовности к вылету в район Сувалки. Все части весь день простояли в 30-минутной готовности, а боевая задача так и не поступила. В этот день конно-механизи-

рованная группа Болдина наносила контрудар под Гродно и нуждалась в авиационной поддержке, но из-за плохой работы средств связи данные о наземных целях от нее в штаб ВВС фронта не поступали.

В этот день вечером три звена отдельного 212-го дальнебомбардировочного авиационного полка (командир подполковник А. Е. Голованов) нанесли удар по железнодорожному узлу Прага в районе Варшавы. На обратном пути их атаковали пять своих истребителей И-16 и повредили два самолета. Были, к сожалению, и такие случаи во время войны.

24 июня авиачасти 3-го авиакорпуса наносили удары по танковым колоннам Гудериана на Брестском шоссе и войскам противника в районе Гродно.

Отдельный 212-й дальнебомбардировочный полк действовал по скоплениям войск противника в районе Гродно, Малюверы. Под вечер эскадрилья этого полка вылетела для удара по колонне противника в районе Березы. На подходе к цели она была перехвачена истребителями противника, сбившими восемь самолетов из девяти. Всего в этот день 212-й полк потерял 14 самолетов.

В 207-м авиаполку, бомбившим танки и войска противника на шоссе на дорогах в районах Кобрин и Пружан, из 18 самолетов истребители сбили 10. 96-й дальнебомбардировочный авиаполк при ударе по аэродрому Вильно из 9 потерял 5 от атак истребителей³⁶¹.

Большие потери дальних бомбардировщиков ДБ-3Ф днем при полетах на выполнение боевых задач без сопровождения истребителями были обусловлены не их низкими тактико-техническими данными, а нерациональными условиями боевого применения. Этот самолет имел хорошие боевые свойства и до конца войны успешно применялся, в том числе днем. Приведем несколько примеров.

В битве на Курской дуге успешно действовала днем 313-я дальнебомбардировочная авиадивизия, вооруженная такими же самолетами, но под прикрытием истребителей.

Во время Кёнигсбергской операции использовалась днем не одна дивизия, а вся 18-я воздушная армия. «7 апреля 1945 г. 516 самолетов ее под сильным истребительным прикрытием нанесли мощный бомбовый удар по вражеским объектам и войскам в Кёнигсберге».

«Мы ежедневно теряли десятки экипажей, — пишет мэрал Скрипка, — только потому, что летали днем без сопровождения истребителей. Очевидно, использование

дальних бомбардировщиков преимущественно ночью будет наиболее правильным решением»³⁶³.

Действительно, в тех условиях при отсутствии истребителей сопровождения немедленно нужно было перейти к применению дальних бомбардировщиков ночью по тем же целям с освещением их с воздуха. При этом они не несли бы потерь от истребителей, а противодействие зенитной артиллерии, из-за отсутствия видимости самолетов, было несущественным. В последующем дальние бомбардировщики были переведены на действия ночью, но когда их почти не осталось. Устаревшие тяжелые бомбардировщики ТБ-3, действовавшие ночью, потерь почти не несли.

Исправных самолетов ДБ-3ф в 3-м авиакорпусе из-за потерь становилось все меньше, а боевая задача оставалась прежней - уничтожать днем немецкие танковые и моторизованные войска на марше и местах скопления. Эта боевая задача не свойственна дальней авиации, предназначенной для действий по крупным военно-промышленным объектам, но не было иных средств для воздействия на врага, рвущегося на восток.

25 июня 207-й дальнебомбардировочный авиаполк в середине дня совершил успешный налет на аэродром Вильно. В результате удара было уничтожено около 40 немецких истребителей. Это был один из успешных боевых вылетов. К моменту возвращения самолетов на аэродром Боровское на него совершила налет немецкая авиация. Три девятки До-17 подошли к аэродрому в плотном строю как на параде на высоте 1200-1400 м. По ним открыли огонь взвод зенитных пулеметов и стрелки с турельных установок самолетов, находящихся на аэродроме. Но немцы летели за пределами досягаемости огня пулеметов и бомбили без противодействия. Противник сжег один ТБ-3 и повредил два самолета.

Из приведенных данных видно, что эффективность удара советских летчиков по аэродрому в условиях сильного противодействия оказалась значительно выше, чем немецких. Это говорит о том, что чаще нужно было практиковать действия по аэродромам врага, а они носили эпизодический характер.

26 июня 3-й авиакорпус с рассвета наносил удары по танковым и моторизованным частям Гота на подступах к столице Белоруссии Минску. За день корпус совершил 254 самолето-вылета для ударов по врагу.

В этот день в 207-м дальнебомбардировочном авиаци-

онном полку, как написано в обширной литературе, совершил подвиг Гастелло, который впервые на горящем самолете таранил боевую технику врага³⁶⁴. Фактически этот подвиг совершил Маслов, и вот как это было.

На выполнение удара по моторизованной колонне немцев на шоссе Молодечно—Минск у Родошковичей с аэродрома Боровское взлетело звено ДБ-3ф 207-го полка в составе трех командиров эскадрилий: капитанов Н. Ф. Гастелло, А. С. Маслова и старшего лейтенанта Ф. Воробьева. Ведущим был назначен Гастелло. На шоссе южнее Родошковичей он обнаружил большую колонну танков и мотопехоты и повернул на нее группу. Штурманы точно сбросили бомбы, и они разорвались среди танков и автомашин, нанеся им значительные потери. Зенитная артиллерия вела интенсивный огонь по самолетам. Снаряды попали в машины Гастелло и Маслова, и они загорелись.

На аэродром вернулся только старший лейтенант Ф. Воробьев, который вместе со штурманом лейтенантом Рибас доложили, что загоревшийся самолет капитана Гастелло развернулся, перешел в пикирование и врезался в колонну танков и цистерн, а второй дымящийся самолет Маслова ушел в сторону леса и куда делся неизвестно³⁶⁵.

В воздухе при маневрировании над целью легко спутать самолеты. Пикировал на технику врага Маслов, а не Гастелло, но очевидцы показали наоборот.

Весть о подвиге Гастелло 6 июня узнала вся страна из сообщения по радио из Москвы, а 26 июля ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Позже все члены его экипажа были награждены орденами Отечественной войны 1 степени.

О Гастелло писались книги, статьи, пелись песни, родные были окружены почестями. В то же время жена Маслова получила из полка сообщение, что ее муж «пропал без вести», а это считалось почти предательством. В результате ее лишили пособий и жила она с дочкой в бедности. Девочку не брали даже в детский сад.

Жители деревни Декшняны ночью тайком от немцев похоронили всех четырех погибших членов экипажа самолета, который фактически таранил не танки и цистерны, а зенитную батарею, что более важно.

В 1951 г. в связи в 10-летием подвига Гастелло руководство Белоруссии решило перезахоронить его и членов экипажа в Родошковичах и поставить памятник. И в день его гибели 26 июня под руководством родошкович-

ского райвоенкома, при огромном скоплении народа, могла была вскрыта и в ней вместо Гастелло с экипажем, оказался Маслов со штурманом и двумя стрелками своего самолета. Из этого видно, что подвиг совершил не Гастелло, а Александр Спиридонович Маслов.

Нашли место падения и второго подбитого самолета. В нем обнаружено неотправленное письмо лейтенанта Г. Н. Скоробогатова и медальон второго стрелка старшего сержанта А. А. Калинина из экипажа Гастелло. Местный житель видел, как из горящего самолета выбросился парашютист, которого подоспевшие немцы ранили и взяли в плен. Этим парашютистом наиболее вероятно был Гастелло³⁶⁶.

У бомбардировщика капитана А. С. Маслова и истребителя лейтенанта Д. В. Кокорева было много последователей. Всего в годы Великой Отечественной войны летные экипажи совершили на самолетах 327 огненных таранов боевой техники на земле и 321 таран самолетов противника в воздухе. Удивительное совпадение количеств наземных и воздушных таранов свидетельствует, что героизм и самопожертвование во имя победы были свойственны летчикам всех родов авиации.

207-й дальнебомбардировочный полк из-за больших потерь 26 июня мог выделить на выполнение боевых задач лишь два звена, в одном из которых и летал Маслов. В связи с этим, решением полковника Н. С. Скрипка полк был пополнен десятком новых фронтовых бомбардировщиков Як-4, случайно оказавшихся на аэродроме Смоленск и не имевших хозяина, что случилось в той обстановке.

Самолеты Як-4 имели максимальную скорость полета 540 километров в час, то есть как у немецкого истребителя Ме-109, а несли такие же большие потери при полетах на боевые задания без прикрытия истребителями, как и другие самолеты фронта. Это обусловлено тем, что полет строем на большие расстояния производится на скорости 0,7-0,8 максимальной. Следовательно, Як-4 по маршруту следовали на скоростях 380-430 километров в час, а ДБ-ЗФ и СБ - на 310-350. Такое отличие в скоростях этих самолетов для истребителей противника было не ощутимо.

Для снижения потерь бомбардировщиков нужно было организовать их прикрытия истребителями или переводить на действия ночью. Но этого не было сделано.

29 июня в составе общей колонны 207 авиаполка на

выполнение боевой задачи шли три звена Як-4. Удар наносился по переправе через Березину и скоплению войск у нее. В результате удара переправа была разрушена и уничтожено большое количество живой силы и боевой техники врага. Вслед за 207-м в воздух поднялись 96-й и 51-й дальнебомбардировочные полки для нанесения ударов по войскам и боевой технике юго-западнее Бобруйска.

В результате воздушных боёв с истребителями противника полки потеряли 8 самолетов и сбили 10 немецких Me-109. Несколько самолетов повредила зенитная артиллерия.

Главным противником дальних бомбардировщиков в ходе приграничного сражения была истребительная авиация врага, так как они летали на выполнение боевых задач днем без прикрытия истребителями. О недостатках обеспечения истребителями 3-го авиакорпуса полковник Н. С. Скрипко 27 июля, то есть более чем через месяц после начала войны, в донесении командующему ВВС Западного фронта писал:

«За все время работы частей по вашему заданию прикрывались истребителями только четыре раза, и это прикрытие не было в достаточной степени организовано из-за позднего получения задачи»³⁶⁷.

Глава восьмая

ИТОГИ И УРОКИ ПРИГРАНИЧНОГО СРАЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ

§ 1. Итоги приграничного сражения и анализ боев

Итоги приграничного сражения в Белоруссии для советских войск были плачевны. Немцы добились выполнения всех своих, казалось, фантастических планов. 28 июня на шестой день войны они взяли Минск и Бобруйск на удалении 300–350 км от государственной границы и окружили основные силы Западного фронта.

В официальной литературе, в частности «Атласе офицера» издания 1974 г., чтобы снизить масштабы катастрофы, в окружении между Минском и Белостоком показаны соединения 3-й и 10-й армий. Фактически в этом районе в окружении находились соединения 3,4,10-й и 13-й армий, то есть всех армий Западного фронта. С взятием Минска немецкие войска окружили 35 дивизий, в том числе между Минском и Белостоком – 22.

2-я и 3-я танковые группы немцев продолжали движение вперед и к концу приграничного сражения к 29 июня вышли на реку Березину и в окружении оказались практически все силы Западного фронта. Западнее Березины были окружены 41 дивизия из 44, которые имел Западный фронт в начале войны. Перед соединениями врага находились и отходили на восток лишь штабы Западного фронта, 4-й и 13-й армий, три стрелковые дивизии (75,100,161), потрепанные в боях, и воздушно-десантный корпус, не имеющий тяжелого вооружения.

В боях и в основном при выходе из окружения по лесам и болотам были потеряны все танки шести механизированных корпусов, вся артиллерия и автотранспорт. Сохранилось лишь небольшое количество орудий на конной тяге. На аэродромах и в воздухе потеряны почти все 2084 самолета и осталось лишь 120 машин всех типов.

2650 танков были в основном уничтожены самими танкистами при отступлении из-за отсутствия горючего и боеприпасов. И это в то время, когда в полосе Западного фронта до 29 июня было потеряно 10 артиллерийских складов, на которых хранилось 25 тыс. вагонов боеприпа-

сов или 50 проп. всех запасов в западных округах, а также 25 складов и баз, где имелось 50 тыс. тонн горючего – 50 проц. запасов³⁶⁸.

На нет, говорят, и суда нет. А когда из-за отсутствия горючего и боеприпасов гибнут 6-й и 11-й механизированные корпуса при наличии их в изобилии на складах, то это на совести руководства, которое в создавшихся условиях не смогло обеспечить их эффективное боевое применение в районах постоянной дислокации. В то же время немецкое командование на чужой территории обеспечило бесперебойное снабжение своих пяти моторизованных корпусов на дальности 400 км и более от исходного положения перед вторжением.

Утром 27 июня Г. К. Жуков передал в штаб фронта приказ Ставки, который требовал сообщить командирам, «где остались базы горючего, боеприпасов и продфуража, чтобы с этих баз части снабдили себя всем необходимым для боя...

Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию»³⁶⁹.

Но уже не было войск, которые нуждались в горючем и боеприпасах. Сам же метод их доставки по воздуху мыслился лишь теоретически, так как в ВВС фронта не было для этого сил и средств.

Немецкая группа армий «Центр» выполнила стоящую перед ней задачу по окружению и уничтожению советских войск в Белоруссии, и ее соединения продолжали движение на восток на самом опасном московском направлении. Западный же фронт потерпел полное поражение, не стало громадного количества хорошо обученных, подготовленных и вооруженных войск, потеряна громадная территория. Около 80 проц. Белоруссии с ее населением, заводами, фабриками, пашнями, культурными ценностями попали под ярмо оккупантов на долгие годы.

Тяжелая и кровопролитная война только началась, миновали лишь восемь дней боев и сражений, а сердца советских людей, особенно на оккупированной немцами земле, содрогнулись от смертельной опасности, нависшей над ними и страной.

Окружение основных сил Западного фронта и последующее их уничтожение явилось главной катастрофой приграничных сражений Великой Отечественной войны, которая

могла привести к печальным последствиям, так как произошла на московском стратегическом направлении.

Главными причинами катастрофы Западного фронта являлись:

- внезапное нападение врага;
- плохая работа средств связи;
- нерациональное построение войск фронта;
- малая активность авиации;
- неэффективное боевое применение мощных бронетанковых войск;
- отсутствие в войсках зенитной артиллерии, вызванной на сбор в район 115 км восточнее Минска, откуда не вернулась;
- сдача противнику исправных мостов через многочисленные реки;
- размещение 6-й и 42-й стрелковых дивизий в Брестской крепости;
- недостатки руководства войсками Д. Г. Павловым, В. И. Кузнецовым, А. А. Коробковым.

Прибывшие в штаб Западного фронта для оказания помощи командованию Маршалы Советского Союза Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик из-за указанных недостатков, последствия от которых были не обратимы, изменить обстановку к лучшему не смогли. При этом маршал Кулик через два дня уехал и неизвестно где находился.

Части и соединения Западного фронта, оказавшиеся в окружении, продолжали сражаться, приковывая к себе 25 дивизий противника, снижая этим его ударную мощь и скорость движения на восток.

В связи с этим начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер 30 июня записал в дневнике: «Ликвидация окруженной группировки противника сковывает значительные силы.. Сосредоточение достаточных сил пехоты в ударную группировку на северном крыле группы армий для продолжения наступления к рубежу Могилев, Орша, Витебск, Полоцк является важнейшей проблемой, стоящей перед командованием группы армий «Центр»³⁷⁰.

Верховное командование требовало ускорить ликвидацию окруженных войск у Новогрудка, но до 8 июля здесь гремели бои. Советские воины выполнили многое из того, чего не по своей вине не смогли сделать у границы.

Впоследствии часть бойцов и командиров дивизий, ок-

руженных западнее Березины, пройдя с боями по тылам противника, группами и одиночно вышли на соединение с войсками фронта, другая часть перешла к партизанским действиям, а многие погибли и попали в плен.

Командующий войсками группы армий «Центр» фельдмаршал фон Бок в приказе от 8 июля подвел итоги боевым действиям с начала войны и указал: «Сражение в районе Белосток–Минск завершено». В ходе его разгромлено 39 дивизий. Далее в приказе сказано:

«Боевая мощь остальных соединений, которым удалось избежать окружения, также значительно ослаблена. Потери противника в живой силе очень велики.

Подсчет пленных и трофеев к сегодняшнему дню выявил:

287 704 пленных, в том числе несколько командиров корпусов и дивизий;

2585 захваченных и уничтоженных танков;

1449 орудий;

246 самолетов;

множество ручного оружия, боеприпасов, транспортных средств, склады продовольствия и горючего.

Наши потери были не выше, чем те, которые готовы понести мужественные войска.

Этим крупным успехом, достигнутым в битве с сильным, отчаянно сражающимся противником, мы обязаны вашей вере в мужество. Всем войскам и штабам, а также всем транспортным частям и рабочим формированиям группы армий я выражаю признательность за неустанное выполнение своего долга и выдающиеся достижения. Наша особая благодарность нашим товарищам по оружию – военно-воздушным войскам...»³⁷¹.

Особую благодарность немецкая авиация получила вполне заслуженно. Даже танковые группы Бок не выделил, а отметил лишь авиацию, действия которой определили успех, достигнутый сухопутными войсками. Стоило войскам в ходе наступления остановиться, как вызывалась авиация, которая изменяла обстановку к лучшему. Для этого она разгромила Военно-воздушные силы Западного фронта, сохранив практически все свои силы, и с первого дня завоевала господство в воздухе.

Внезапное нападение Германии на Советский Союз при наличии пакта о ненападении, заключенного всего два года назад, считается важнейшей причиной поражения войск Западного фронта, рассмотрим, как она повлияла

на ход боевых действий, а также случай, если б ее не было.

Стратегической внезапности нападения Германии не было. Верховное командование по донесениям разведчиков, дипломатов и сообщениям западной печати знало о ее военных приготовлениях и проводило большое число мероприятий по подготовке Вооруженных Сил к войне. При этом оно подтягивало войска с Дальнего Востока и внутренних округов к западным районам, а в западных округах корпуса и дивизии, дислоцировавшиеся в глубине, подводило ближе к границе. 13 и 15 июня С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков обращались к Председателю Совета Народных Комиссаров и генеральному секретарю Коммунистической партии И. В. Сталину с просьбой разрешить привести в полную боевую готовность войска западных военных округов, но получили отказ. Сталин считал, что в ближайшее время войны с Германией не будет, так как Гитлер, ведущий войну с Англией, не решится открыть второй фронт на востоке против такого мощного государства, как Советский Союз. Это его убеждение нашло отражение в сообщении ТАСС, опубликованном 14 июня, о том, что войны не будет, сыгравшем резко отрицательную роль, так как дезинформировало общественность и военных, которые привыкли верить правительству. Поэтому Сталин запретил проведение каких-либо мероприятий, чтобы не спровоцировать немцев на выступление. Эти указания нарком обороны и начальник Генерального штаба строго проводили в жизнь и запрещали проведение в округах мероприятий по повышению боевой готовности войск, отменяли все, что делалось в этом направлении, и наказывали виновных.

Только вечером 21 июня 1941 г. с получением данных от перебежчика, что война начнется в ближайшее время, Сталин дал разрешение на приведение войск в боевую готовность, и в западные военные округа в 00.30 минут 22 июня был направлен приказ № 1. Он мало что разрешал. В связи с опозданием его передачи лишь отдельные дивизии получили приказ о приведении в боевую готовность, а остальные узнали о начале войны по военным действиям немцев.

В соответствии с этим приказом все части приводились в боевую готовность. Это значило, что в авиации объявлялась боевая тревога, самолеты рассредоточивались на аэродромах, и у них находился летный и техни-

ческий состав в готовности к выполнению боевых задач. То же самое было в частях противовоздушной обороны. Для них приведение частей в боевую и полную боевую готовность не имело отличия.

Иное дело было со стрелковыми дивизиями прикрытия границы. По боевой тревоге они выводились из мест дислокации в рядом расположенные районы сосредоточения. Им не разрешалось выдвигаться и занимать подготовленные позиции у границы. Для их занятия должно было поступить дополнительное распоряжение или сигнал.

На границе разрешено было занять только огневые точки укрепленных районов их постоянным гарнизонам, которыми являлись отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны. Таких батальонов было в Гродненском укрепленном районе — 2, Осветском — 1, Замбровском — 2, Брестском — 3. Всего 8 батальонов в округе было разрешено выставить на границу, протяженностью 470 км, что явно недостаточно, и Генеральному ли штабу заниматься такими мелкими подразделениями. Причем в Одесском и Прибалтийском округах таких батальонов не было.

Вследствие позднего получения приказа № 1 в Западном военном округе никакие его требования выполнены не были и немцы достигли оперативно-тактической внезапности. Поэтому дивизии находились в местах дислокации, самолеты на аэродромах стояли зачехленными и не готовыми к боевым действиям, зенитная артиллерия была на полигоне за Минском, а 6-я и 42-я стрелковые дивизии располагались в Брестской крепости.

Дивизии сигнала боевой тревоги не получили и требований приказа не знали. Поэтому командиры дивизий прикрытия границы, получив от пограничников сообщение о начале немцами боевых действия или установив это по ударам их авиации и артиллерии, поднимали части по боевой тревоге и направляли к границе. На сбор по тревоге дивизиям требовалось три часа, двигались они со скоростью 30–40 километров в сутки и при глубине дислокации 10–50 км им для выхода к границе требовалось от 5 часов до 1,5 суток. В связи с этим противник упредил дивизии с выходом на границу, захватил беспрепятственно укрепленные районы, их полевые позиции и двинулся в глубь Белоруссии. Встречались советские дивизии с противником в случайных местах, часто без артиллерии, и разгорались жаркие встречные бои.

«Наступление германских войск, — записал в дневнике

22 июня генерал Гальдер, — застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне»³⁷². Такова суровая действительность. Самый опасный вариант действий немцев — внезапное нападение, широко применявшийся ими в войнах на Западе, по вине Сталина, реализован был и на Востоке.

Что было бы, если б приказ № 1 пришел в войска раньше на 3 часа, сутки и более? Это могло быть при нападении Германии днем 22 и в течение 23 июня, а также отдании его 13 или 15 июня, когда Тимошенко и Жуков обращались по этому вопросу к Сталину. Все эти варианты поступления приказа приводили к одинаковым действиям войск, поэтому рассмотрим случай, когда он поступил в войска, как и было на рассвете 22 июня, а боевые действия начались через сутки, что предусматривалось приказом.

В данном случае внезапности нападения немцев не было бы. Все соединения и части округа были своевременно приведены в боевую готовности и находились в районах своей дислокации, в авиационных частях самолеты рассредоточены и замаскированы, 6-я и 42-я стрелковые дивизии выведены из Брестской крепости и ее известная защита не состоялась. Постоянные гарнизоны укрепленных районов заняли построены и вооруженные огневые точки, но их было 9 проц. от 1174 запланированных к строительству, поэтому имелись большие незащищенные участки границы, через которые немцы могли беспрепятственно двигаться. Проведение других мероприятий было приказом запрещено.

С началом немцами боевых действий все должны были оставаться на своих местах и не открывать ответного огня до получения разрешения. Военный совет Западного военного округа, несмотря на запрет, принял решение на ответные действия в 5 часов 15 минут, а в 6 часов оно было доведено до войск.

С этого времени, то есть на 1 час раньше реального, стрелковые дивизии двинулись бы к границе и встреча с немцами произошла на 5 км ближе или почти на тех же рубежах и выигрыша от такого приведения войск в боевую готовность не было. 6-я и 42-я стрелковые дивизии также не смогли воспрепятствовать 2-й танковой группе Гудериана действовать, как рассмотрено ранее, так как им для следования из районов сосредоточения под Брестом к

мостам у Мотыкалы и Коденя требовалось около суток. Авиация понесла бы меньше потерь в первом внезапном налете немцев, и до суток увеличилась продолжительность ее существования, что не существенно.

Следовательно, при отсутствии внезапности нападения Германии и заблаговременном до нескольких суток (срок не ограничен) поступлении приказа № 1 в округа ход приграничного сражения в Белоруссии не имел бы существенного отличия от того, который реализован реально. Поэтому неправильны утверждения в военно-исторической литературе, что если бы приказ № 1 поступил раньше и не было внезапного нападения, то немцы не получили того преимущества, которое им позволило успешно вести боевые действия.

Все дело в неправильном содержании приказа № 1, который не разрешал войскам с приведением в боевую готовность выходить на границу и занимать подготовленные оборонительные позиции. Приведение же войск в боевую готовность с оставлением их в местах дислокации с любым упреждением, из-за малой их подвижности, ничего не давало.

Попытка Г. К. Жукова возложить ответственность за неудачное начало войны на И. В. Сталина не имеет основания. Если бы он разрешил отдать приказ № 1 в его настоящем виде 13 или 15 июня, как его о том просили Тимошенко и Жуков, результат был бы тот же самый, следовательно, виноваты военные. Зачем было издавать такой приказ? Кому он нужен? Если он при любых упреждениях поступления в войска и опоздании, позволял немцам беспрепятственно захватить приграничные оборонительные позиции и вторгнуться на территорию страны.

Верховное командование, имея достоверные данные от перебежчика о нападении Германии на рассвете 22 июня, не нашло метода привести войска в полную боевую готовность. Для этого достаточно было дать в округа краткую телеграмму: «Привести войска в полную боевую готовность и действовать по плану прикрытия границы». Она бы поступила в войска около 23 часов 21 июня, и они встретили немцев хотя бы на части границы во всеоружии. Для занятия укреплений по всей границе такую телеграмму нужно было дать за сутки до начала войны. Но Тимошенко и Жуков боялись спровоцировать немцев на выступление, что видно и из приказа № 1, поэтому такую телеграмму дать не могли. Даже когда началась война и

шли бои, Тимошенко, как показано ранее, запрещал стрелять в немцев. Только в 7 часов 15 минут 22 июня Верховное командование отдало приказ № 2, который разрешал вести полномасштабные ответные боевые действия.

Основой внезапного нападения немцев, как видим, были не целесообразные действия командования вермахта, а недостатки руководства страной и Вооруженными Силами со стороны И. В. Сталина, С. К. Тимошенко и Г. К. Жукова.

Большой ущерб войскам нанес также приказ № 3, разработанный С. К. Тимошенко и Н. Ф. Ватутиным в стиле военной игры, так как на картах все решается просто. В нем были поставлены невыполнимые задачи механизированным корпусам Юго-Западного, Западного и Северо-Западного фронтов. Ни один фронт их не выполнил. Приказ не учитывал боевой обстановки и времени на сосредоточение войск для нанесения ударов. В результате группа Болдина 24 июня должна была взять Сувалки, а она в этот день только начала наступление, аналогично было и на других фронтах. Помимо этого приказ не позволял Военным советам фронтов более целесообразно использовать корпуса. В частности, конно-механизированной группе Болдина следовало настлать не на Сувалки, где не было никаких войск и сам пункт не представлял военной ценности, а нанести удар в обратном направлении на Брест, по 2-й танковой группе Гудериана и разбить ее совместно с 4-й армией.

Вскоре, как увидим, С. К. Тимошенко и Н. Ф. Ватутин будут освобождены от их должностей, а Г. К. Жуков несколько позже. Тимошенко и Жуков отказывались от их назначения на должности соответственно Народного комиссара обороны СССР и начальника Генерального штаба Красной Армии, но с их доводами о неготовности к исполнению таких обязанностей не считались. Некого было просто назначать, так как наиболее подготовленные кандидаты на эти должности Маршалы Советского Союза М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, В. К. Блюхер были репрессированы и погибли в 1937–1939 гг.

Негативная обстановка, сложившаяся в первые часы войны у границы, из-за неправильных действий руководства страны и Вооруженных сил, не носила рокового характера. Силы Западного фронта в основном были сохранены, и их было достаточно для ведения эффективных боевых действий против вторгнувшихся войск Германии.

Поэтому за дальнейший ход приграничного сражения ответственность несет местное командование.

Отметим беспрецедентное требование приказа № 1 относительно авиации, которое по своей некомпетентности, может быть, никогда не будет превзойдено, а так как оно издано в миллионах книг воспоминаний Жукова, то сотни и тысячи лет будет служить примером того, как не должно было поступать Верховное командование. Приказ требовал:

«б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать».

Из этих требований видна военная целесообразность мероприятий – к рассвету, когда начнет действовать немецкая авиация, все полки будут рассредоточены по полевым аэродромам, а их самолеты замаскированы. Как это звучало для Сталина, давшего разрешение на такие действия. Но эта целесообразность была только на бумаге, так как приказ нельзя было выполнить, что видно из следующего.

Во-первых, в Западном военном округе, как и во всех других, шло строительство полевых аэродромов, а стационарные реконструировались для новых типов самолетов и тоже были непригодны для полетов ночью. Авиация базировалась скученно по полку на аэродроме, и аэродромов для ее рассредоточения ночью не было. Условия для выполнения требований приказа отсутствовали. Как можно было отдавать такой приказ? Неужели в Генеральном штабе не знали этого? А ведь подчиненные обязаны были выполнить требование приказа наркома и доложить о выполнении.

Во-вторых, приказ требовал перед рассветом рассредоточить по полевым аэродромам «всю авиацию», а ночью могли летать только 15 проц. экипажей. Следовательно, 85 проц. экипажей при перелете должны были погибнуть. Разве можно было ставить такую задачу?

В-третьих, приказ требовал рассредоточить авиацию «перед рассветом», а поступил в войска после его наступления. В Ленинградском же округе от Ленинграда к северу рассвета в это время нет и сумерки переходят в полярный день. Разве можно такой приказ отдавать?

Приказ № 1 вскрыл всю неподготовленность руководства Вооруженными Силами к управлению войсками в ходе войны. Тимошенко и Жуков не имели высшего военного об-

разования и это сказалось в первые же часы грозных событий.

Недостатки в работе средств связи являлись важнейшей причиной поражения войск Западного фронта. Без связи нет управления и согласованных действий частей и соединений. Только из-за отсутствия связи и, не имея разрешения штаба фронта, генерал-лейтенант В. И. Кузнецов в первый день войны, без военной необходимости, сдал немцам Гродно и уничтожил склады горючего и боеприпасов, необходимых своим войскам и созданной в этот момент конно-механизированной группе. Командующий этой группой генерал И. В. Болдин так и не смог установить связь с подчиненным ему командиром 11-го механизированного корпуса. В то время, когда подчиненные Болдину войска вели бой, он, из-за отсутствия связи, посчитал их разбитыми и вдвоем с адъютантом ушел пешком на восток. Войска ведут бой, а командующего и след простыл.

Примерами недопустимо плохой работы средств связи является и то, что 1-й стрелковый корпус весь первый день войны вел боевые действия, не имея связи со штабом 10-й армии, не получая никаких распоряжений и указаний.

Значительное влияние на отсутствие устойчивой связи оказал большой отрыв от войск штаба фронта. По указанию Генерального штаба в Западном военном округе был создан полевой командный пункт в Обуз-Лесне (25 км юго-западнее Барановичей). 19 июня был получен приказ занять его фронтовым управлением, но он не был выполнен. Во всех округах штабы перешли на подготовленные командные пункты, а в Западном - нет. Штаб фронта остался в пригороде Минска на удалении до 400 км от границы, что резко затруднило управление, а порой делало его невозможным.

Проводная и радиосвязь работали неустойчиво и часто нарушались диверсантами и авиацией противника, а управление с применением делегатов связи на таком большом удалении неэффективно. К тому же 25 июня танковые группы Гудериана и Гота перерезали все пути движения делегатов связи к штабам 3, 10-й и 13-й армий и связь с ними практически прекратилась.

Где должен был находиться командный пункт Западного фронта? По опыту боев на Курской дуге, имевшей почти полное сходство с Белостокской, Д. Г. Павлову, по примеру своего бывшего начальника К. К. Рокоссовского,

следовало иметь командный пункт не у Минска, а у Белостока, то есть приближенному к войскам на 300 км. Тогда бы В. И. Кузнецов не сдал Гродно, а действия мощной конно-механизированной группы Болдина могли привести к победе на правом крыле фронта. Но этого не было, и конно-механизированная группа погибла, не выполнив поставленной боевой задачи, а армии не имели четкого и устойчивого управления.

Особенно большое влияние на поражение войск Западного фронта оказало неправильное их оперативное построение. Войска фронта были построены в два оперативных эшелона. Первый эшелон составляли 3,4-я и 10-я армии прикрытия границы, а второй эшелон — соединения и части окружного подчинения. Из-за большого расстояния между этими эшелонами и малой маневренности войск, они представляли не единое боевое построение, а две обособленные группы войск. Второй эшелон, являвшийся резервом, не мог прийти на помощь первому, а он отойти под защиту второго. В результате немцы имели большое превосходство над каждым эшелоном в отдельности и громили их по частям.

У немецкой группы армий «Центр» не было второго эшелона. Вся масса наличных войск компактными группировками была брошена в бой, и по всей линии фронта немцы имели численное превосходство, которое было особенно значительным на направлении главного удара. Некоторые военные специалисты считают такие действия опрометчивыми, но они были наиболее целесообразными в тех условиях и обеспечили достижение победы. Если бы фельдмаршал Бок построил войска, как генерал армии Павлов, с выделением половины сил во второй эшелон, то бои носили бы затяжной характер с неизвестным результатом.

Успех ведения боевых действий в приграничном сражении советское командование связывало с превосходством Западного фронта над группой армий «Центр» в самолетах и танках — этих современных средств ведения войны. Но применялись они крайне неэффективно и не дали ожидаемого результата. Это видно из следующего.

2-й немецкий воздушный флот только что прибыл из Франции, где участвовал в воздушной войне против Англии. Ранее он участвовал в войнах с Польшей, Англией и Францией. Свой большой боевой опыт летчики этого флота использовали в начавшейся войне под руководством ко-

мандующего А. фон Кессельринга и добились выдающихся результатов.

В начале войны ВВС Западного фронта и подчиненный им 3-й дальнебомбардировочный авиационный корпус имели 2084 самолета, а группа армий "Центр" — 1679, то есть на 20 проц. меньше, а через неделю в ВВС фронта осталось 50, а 3-м корпусе — 70 самолетов, всего 120 машин. 2-й же воздушный флот потери имел ничтожные и приобрел 10-кратное превосходство.

Авиацию Западного фронта 2-й воздушный флот уничтожил в два этапа. В ходе первого этапа уничтожил армейскую авиацию, а на втором этапе — фронтовую.

В первый день войны 2-й флот уничтожил, преимущественно на аэродромах, 654 самолета армейской авиации, потеряв при этом 144 своих. Во 2 и 3 день уничтожил оставшиеся у нее 181 самолет, и армейская авиация прекратила свое существование. С 25 июня войска Западного фронта не имели прикрытия и поддержки своей авиации, а лишённые по вине командования фронта и зенитных средств были беззащитны от ударов самолетов 2-го воздушного флота. Войска были спокойны только ночью и при нахождении в лесу. Днём их движение по дорогам вскрывала воздушная разведка немцев, а узлы сопротивления — наступающие войска, вызывалась по радио авиация, которая, не имея никакого противодействия, наносила удары бомбами и обстреливала пулеметно-пушечным огнём. Группы самолетов сменялись в воздухе и наносили удары до тех пор, пока не были уничтожены или подавлены советские войска. Вести боевые действия войскам в таких условиях было чрезвычайно сложно, и у части красноармейцев появилась самолетобоязнь.

Эти условия были следствием выдающихся действий 2-го воздушного флота, которым советское командование ничего не могло противопоставить. Нужно было освоить такие как у немцев методы действий авиации во взаимодействии с сухопутными войсками, а для этого требовалось время и широкое внедрение в систему управления радиосредств, которых было крайне мало. В то время как противник непрерывно бил по аэродромам, бомбардировщики армейской и фронтовой авиации не нанесли ни одного такого удара, для чего имели большие возможности. Они действовали по объектам и колоннам врага вдали от поля боя с больших высот бомбами крупного калибра, что малоэффективно. Не зарегистрировано ни одного удара по

войскам противника на поле боя, что у немцев было правилом.

В литературе неправильно утверждается, что советская авиация понесла большие потери только в первом внезапном налете противника, а также вследствие превосходства немецких самолетов.

Налеты на аэродромы немецкая авиация проводила непрерывно в течение первых трех дней, пока не уничтожила всех самолетов армейской авиации, а затем наносила удары периодически по самолетам фронтовой авиации. Аэродромы не имели зенитного прикрытия и немецкие летчики, выйдя на них, наносили удары до часа, пока не уничтожали всех самолетов или расходовали боезапас.

В первый день войны прекратили свое существование три авиационных полка: 13-й бомбардировочный — был уничтожен на аэродроме в середине дня; 78-й штурмовой — захвачен танками из-за близкого расположения к границе, 127-й истребительный лишился своих самолетов, так как его аэродром находился на территории, которую командующий 3-й армией решил сдать врагу.

Исследование, проведенное нами в томе 1, показало, что летно-технические данные советских самолетов не уступали немецким, а устаревшие типы были как у тех, так и других в примерно равном соотношении. В составе авиации Западного фронта наиболее успешно воевали 127, 33, 123, 160, 163-й истребительные авиационные полки, вооруженные самолетами И-153 и И-16, а не новых конструкций. Последнее подчеркнем особо, так как в основных военно-исторических трудах о Великой Отечественной войне при определении соотношения сил сторон по авиации с советской стороны учитываются только новые типы самолетов, а с немецкой — все, что неправомерно. А распространенное мнение о превосходстве немецких самолетов над советскими не имеет основания.

С уничтожением армейской авиации ВВС Западного фронта лишились основных сил истребительной авиации. Осталась только 43-я истребительная авиационная дивизия, два полка которой прикрывали Минск, а другие два — Пуховичи и Барановичи. Причем в 162-м истребительном полку, прикрывавшем Барановичи, с приближением танковых дивизий противника, вместо перелета на тыловые аэродромы по указанию командира полка были уничтожены все самолеты. Вина в этом и командира дивизии генерал-майора авиации Г. Н. Захарова, не имевшего связи с

полком и не управлявшего его действиями, хотя ему требовались минуты, чтобы долететь от Минска до Барановичей.

Истребители 43-й авиадивизии прикрытия сухопутных войск не осуществляли, хотя имели на то боевую задачу, и почти не привлекались к сопровождению фронтовых и дальних бомбардировщиков, в результате бомбардировочные полки несли очень большие потери и их ряды быстро таяли. В этих условиях нужно было перейти бомбардировщикам к ведению боевых действий ночью, когда истребители противника не могли оказать противодействия, но это не было сделано и к концу приграничного сражения в бомбардировочных полках почти не осталось самолетов.

Бронетанковые войска Западного фронта применялись также крайне неэффективно. Перед войной в составе его 6 механизированных корпусов имело 2201 танк, а у противника — 1410, на 57 проц. меньше. Но в первые три дня танковая группа Гота действовала в полосе Северо-Западного фронта, и им противостояли всего 810 танков, то есть в 2,7 раза меньше. Тем не менее, немцы именно с применением танков нанесли основное поражение войскам фронта, а это уже военное искусство. Танковые группы Гудериана и Гота за семь дней окружили почти все силы Западного фронта и, не оглядываясь назад, продолжали двигаться к Москве.

Очень большой ущерб действиям конно-механизированной группе И. В. Болдина, включавшей 6-й и 11-й механизированные корпуса и 36-ю кавалерийскую дивизию, то есть основные бронетанковые силы фронта, нанесло необоснованное решение командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова сдать в ночь на 23 июня Гродно и его район, взорвать склады горючего и боеприпасов. Сделал он это не из-за военной необходимости, а повторил свои действия на прошедшем осенью учении на картах. В результате этого рокового решения конно-механизированная группа начала наступление не от Гродно на Сувалки, а на Гродно и из-за отсутствия горючего и боеприпасов, уничтоженных Кузнецовым, не разгромила противостоящие армейские корпуса, не имевших танков, а сама потерпела поражение и не выполнила боевой задачи. 6-й и 11-й мехкорпуса имели 1326 танков, в том числе 396 новых Т-34 и КВ, то есть столько, сколько Гудериан и Гот вместе взятые, но не нанесли противостоящему слабому противнику поражения, а сами через

семь дней потеряли все танки и прекратили свое существование.

Начальник автобронетанкового управления Западного фронта полковник Ивакин свидетельствует, что «на территории Западной Белоруссии только 6,11,13-й и 14-й механизированные корпуса оставили по различным причинам около 2100 танков (100 проц.), в том числе 383 КВ и Т-34»³⁷³.

Из этих корпусов «14 мк в течение трех дней выведен из строя по причине неполной готовности, недостаточно умелых действий, отсутствия поддержки авиации, отсутствия противотанковых и зенитных средств, слабого взаимодействия с пехотой, плохой организации тыла и обеспечения, а также внезапности нападения противника и сильного воздействия его авиации»³⁷⁴.

В этих обобщенных данных полковника Ивакина и воспоминаниях командиров, воевавших в то время, нет замечаний о недостатках советских танков по сравнению с немецкими. Появились такие высказывания в литературе для оправдания тяжелых поражений в приграничных сражениях без установления фактических причин, которые тянутся к высшему руководству, снискавшему после войны славу победителей.

Не соответствует действительности и утверждение в военно-исторической литературе, что немцы достигли успеха за счет подавляющего превосходства по количеству самолетов и танков. Их в начале войны они имели существенно меньше, но умелыми действиями к концу приграничного сражения достигли этого превосходства. При правильном руководстве войсками со стороны командования Западного фронта и армий все могло быть прямо наоборот и преимущество в самолетах и танках могло сохраниться или возрасти. Для этого требовалось, чтобы войска и руководство фронта, армий воевали как немцы, которые имели двухлетний боевой опыт. И, действительно, через два года после разгрома немцев под Сталинградом и на Курской дуге при таком соотношении сил и средств побеждали советские войска, а немцы отступали так же стремительно, как наступали в начале войны.

На пути немецких моторизованных корпусов Гудериана и Гота было много мостов через реки, текущие в меридиональном направлении, и все они были сданы им в исправном состоянии, что позволило корпусам двигаться по шоссейным дорогам с предельной скоростью. Только в

Бобруйске 28 июня были взорваны мосты через Березину, и 26-й корпус сразу остановился. В дальнейшем мосты взрывались, и Гот донес Гитлеру, что в таких условиях он не может реализовать техническую скорость танков. В ходе же приграничного сражения его моторизованные корпуса подошли к Минску на четвертый день войны, преодолев 300 км, почти как в условиях мирного времени. В этом большая вина командующих фронтом, 3,4-й и 10-й армиями, а также их начальников штабов. Нельзя создавать противнику такие благоприятные условия. Трудно организовать оборону, сосредоточить войска, а для взрыва мостов требовалось создать три небольших отряда. Но и это не было сделано. Один только мост у Бреста был заминирован в мирное время, но не взорван. То есть такой метод борьбы не был новым. Так почему командование его не использовало? Генерал-полковник Л. М. Сандалов в воспоминаниях пишет, что не было взрывчатки, с чем нельзя согласиться. Если начальник штаба 4-й армии не знал, где взять взрывчатку, имея в своем распоряжении склады боеприпасов, то как в этих местах ее находили партизаны?

Эпопея Брестской крепости вошла в военную историю массовым героизмом ее защитников, а вторая ее сторона — трагическая, приведшая к тяжелым военным поражениям до сих пор не была освещена и неизвестна. Писатель С. С. Смирнов, много сделал для воссоздания событий в крепости по рассказам защитников. Но как гражданский писатель осветил события односторонне без связи с боями 4-й армии, в которую входили 6-я и 42-я стрелковые дивизии, расквартированные в Брестской крепости. Он резко искажил силы противоборствующих сторон и продолжительность защиты крепости. Для придания остроты сюжету создал миф о борьбе «маленького гарнизона» с многократно превосходящим противником — армейским корпусом, численностью до 64 тыс. человек и эти данные вошли в официальную историю Великой Отечественной войны, что неправильно.

Даже Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, первый разместивший в Брестской крепости войска, обобщив опубликованные материалы, пишет: «Четыре недели героически оборонялся малочисленный гарнизон Брестской крепости против многократно превосходящих сил врага»³⁷⁵.

Комплексное исследование боев в крепости и вне ее показало, что не четыре недели продолжалась оборона

крепости, а в три раза меньше. Силы противоборствующих сторон были примерно равные и не было «маленького гарнизона», сражающегося с армейским корпусом. Но были руководители, разместившие на постоянное жительство в крепости в 150 метрах от территории врага скученно две дивизии в каменном мешке, из которого нет выхода с началом войны. Это привело к их уничтожению, быстрому разгрому 4-й армии и окружению войск в Белоруссии, что детально рассмотрено ранее.

Размещение в Брестской крепости у границы 6-й и 42-й стрелковых дивизий в угрожаемый период противоречило элементарным требованиям обеспечения безопасного расположения войск, что привело их к гибели. В результате и без того малые силы 4-й армии по пехоте сократились в два раза, и она не смогла оказать серьезного противодействия танковой группе Гудериана на главном московском стратегическом направлении. Об опасном размещении двух дивизий в каменном мешке под дулами пулеметов, минометов и артиллерии противника было известно и поступали предложения о выводе их из крепости в штабы 4-й армии и округа, но оставлены без внимания. Стояла прекрасная летняя погода, и дивизии можно было расположить в лагерях, на что не требовалось разрешения из Москвы, но и это не было реализовано. Генерал армии Д. Г. Павлов, получив приказ наркома № 1, дал разрешение на вывод из крепости только 42-й дивизии, но было уже поздно, так как в этот момент немцы начали артиллерийскую подготовку вторжения.

Эти дивизии не имели отношения к защите Брестской крепости и не являлись ее гарнизоном, как неправильно утверждается в литературе, где их превратили в «маленький» гарнизон. Они имели боевые задачи и использовали казематы крепости в качестве жилого фонда. 42-я дивизия имела задачу защищать государственную границу на участке 30 км севернее Бреста, а 6-я – такого же участка южнее города. Немцы увидели это их опасное положение и выделили для их окружения и уничтожения только одну 45-ю пехотную дивизию, которая с началом артиллерийской подготовки на рассвете 22 июня огнем артиллерии и минометов закрыла выходные ворота, и две дивизии оказались запертыми в крепости. Этим немцы осуществили прорыв обороны 4-й армии на границе шириной в 60 км. В эту громадную брешь устремилась самая мощная ударная группировка противника – 2-я танковая

группа генерал-полковника Г. Гудериана с оперативно подчиненным ему 12-м армейским корпусом. В 5 часов 15 минут 22 июня с окончанием артиллерийской подготовки дивизии Гудериана по захваченным исправным мостам беспрепятственно двинулись через Западный Буг, форсировать который под огнем было весьма сложно и долго. На восточном берегу, они без боя миновали не занятые долговременные оборонительные сооружения Брестского укрепленного района, затем полевые позиции 6-й и 42-й дивизий и на большой скорости двинулись в глубь Белоруссии, не имея никакого противодействия. 4-я армия кроме дивизий, окруженных в крепости, здесь ничего не имела. Такова цена беспечности руководства, которое полагало по опыту первой мировой войны, что будет иметь время для вывода из крепости дивизий, но жестоко просчиталась, создав противнику идеальные условия для вторжения, на что он не рассчитывал и готовился к прорыву обороны силой.

Только в полдень 47-й моторизованный корпус противника атаковала 30-я танковая дивизия и в жарком бою его несколько потеснила. Но, подтянув силы, он отбил атаку советских танкистов и вновь двинулся вперед.

Боевые действия в Брестской крепости с началом войны носили исключительно неорганизованный характер. Боевая техника и транспорт 6-й и 42-й стрелковых дивизий располагались открыто, плотными рядами, скученно, а личный состав размещался в сплошной овальной казарме. В результате массированным артиллерийским и минометным огнем, а затем ударами авиации противник, в короткое время, уничтожил почти всю боевую технику и транспорт, и большую часть личного состава. В районы сосредоточения вышло около трех батальонов полураздетых бойцов, которых возглавили жившие в Бресте на частных квартирах командиры полков. В крепости оказался лишь один командир 44-го стрелкового полка майор П. М. Гаврилов, который жил здесь в домах комсостава. Он из скопившихся в Кобринском укреплении красноармейцев и командиров различных частей сформировал три роты и организовал оборону Северных ворот и двух фортов.

Тереспольское укрепление защищали небольшие силы пограничников, которых немцы с началом войны оттеснили на периферию и вышли к Тереспольскому мосту через Западный Буг. С окончанием артиллерийской подготовки они по этому мосту через Тереспольские ворота беспрепят-

ственно ворвались в Цитадель – главную часть Брестской крепости, где захватили ключевую позицию. Со сдачей немцам Тереспольского моста в исправном состоянии и Тереспольских ворот Брестская крепость лишилась всех своих защитных свойств.

Некому было взорвать мост и завалить узкие Тереспольские ворота, чтобы в вооруженной борьбе использовать свойства Брестской крепости. Если бы это было сделано, то оказавшиеся в Цитадели войска имели хорошее оборонительное сооружение, в изобилии вооружение, продовольствие и действующий водопровод. Но всего этого они лишились в первые же часы войны по вине бездарного командования. Если немцы додумались малыми силами окружить и уничтожить такое большое количество войск, то местное командование не приняло даже элементарных мер по их защите. Для оправдания таких недопустимых действий С. С. Смирнову и пришлось придумывать легенду о «маленьком гарнизоне», хотя по его же данным в крепости было 6400 бойцов и командиров, а фактически 11–13 тыс. человек. Все они были уничтожены и частично взяты в плен. Из крепости до ее окружения удалось выйти лишь трем батальонам, а затем – двум группам общей численностью 10–12 человек.

В крепости с первых часов войны действовали разрозненные отряды: Гаврилова, Зубачева, Фомина, Беломоина, Потапова, Шабловского, Жданова, Кижеватова, Наганова, Никитина. 24 июня был создан штаб обороны крепости во главе с Зубачевым и Фоминым, объединивший действия лишь отрядов на территории Цитадели.

29 июня немцы предъявили защитникам крепости ультиматум с требованием о сдаче в плен, но не получили ответа и приступили к штурму уцелевших очагов сопротивления. На следующий день штурм был продолжен и крепость взята, то есть защищалась она 9 дней. Уцелевшие бойцы и командиры были взяты в плен, и через день их пригнал в крепость для расчистки территории и уборки трупов. В крепости хозяйничали немцы.

Гаврилову в момент взятия противником Восточного форта удалось с адъютантом спрятаться в земляной норе и закопаться. Через три дня они вылезли из норы и встретили 12 бойцов. Вечером их немцы обнаружили и разгромили. Оставшись один, Гаврилов спрятался под кучей навоза. 23 июля он был случайно обнаружен немцами и после боя взят в плен в полном истощении. Этот мо-

мент и считается в официальной военно-исторической литературе и только что цитированном высказывании Чуйкова, моментом взятия немцами Брестской крепости, а не 30 июня, когда они ее взяли. Но это противоречит здравому смыслу, так как когда человек прячется, чтобы спасти свою жизнь, и его не может найти противник он ничего не защищает и тем более, не приковывает к себе дивизию противника, как утверждается в литературе.

В Брестской крепости имело место жестокое поражение советских войск по вине командующих 4-й армией и Западного фронта и начальников их штабов с тяжелыми последствиями для советских войск в Белоруссии. В истории войн мы не встретим такого опасного расположения войск на границе с последующей гибелью двух дивизий, не оказавших равносильному противнику серьезного противодействия, находясь в мощном оборонительном сооружении.

Героически сражались с врагом с большей пользой для войск фронта воины 24,55,64,75,100,161-й стрелковых и 7,30-й танковых дивизий, а также летчики 127, 33,123,160,163-го полков.

В военной катастрофе войск Западного фронта четко прослеживаются следы репрессий 1937-1938 гг., когда были уничтожены хорошо подготовленные военачальники. Командовали войсками фронта участники боев в Испании. В 1937 г. они прибыли из Испании с низких должностей в малых воинских званиях, а через 4 года получили такое повышение по службе, которое не соответствовало их знаниям и опыту работы с печальными последствиями для войск. В Испании воевали Герои Советского Союза генерал армии Д. Г. Павлов, генерал-майоры авиации И. И. Копец, С. А. Черных, а также генерал-майор авиации Г. Н. Захаров. Последний не получил звания Героя Советского Союза, но так же из старших лейтенантов произведен сразу в полковники, чему никак вначале не мог поверить.

Прибыв на высокие должности в Западный военный округ, они ничего не сделали для изменения неудачной группировки войск и их дислокации. Привыкнув к быстрому продвижению по службе без проявления активности, они вели себя здесь так же.

Командующий округом Д.Г. Павлов и Военный совет перед лицом грозной опасности, о чем имелись разведданные, когда в соседних округах что-то делалось по повы-

шению боевой готовности войск, не провели ни одного мероприятия. Даже не прекратили сбора зенитной артиллерии всего округа, чем лишили войска средств противовоздушной обороны; не вывели 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии из Брестской крепости, где они и погибли; не отвели от границы 22-ю танковую дивизию, понесшую большие потери в период артиллерийской подготовки.

Командующий фронтом с началом войны даже уехал из штаба и неизвестно где находился весь день, что вынудило наркома обороны организовать его поиск и просить вернуться в штаб.

Г. К. Жуков, приведя в воспоминаниях этот недостойный поступок командующего, не указывает, почему он не был снят с должности. Оставаясь в штабе Павлов, мог бы ввести в бой 13-й механизированный корпус для удара в тыл танковой группы Гудериана и спасти 4-й армию от разгрома, что улучшило положение войск фронта. Он мог бы также вечером отменить наступление 4-й армии, назначенное на 24 июня, из-за значительного превосходства противника, так как отданный им утром приказ не соответствовал обстановке. Но это он мог сделать, находясь в штабе, а не на лоне природы.

В. В. Карпов, стремясь оправдать действия Павлова, пишет:

«Всеми военачальникам (в том числе и Жукову) всегда ставится в заслугу их стремление быть ближе к войскам, находиться в критические дни и часы на направлении главного удара. Почему же Павлову такие действия ставятся в вину? В штабе нет связи с армиями, командующий совершенно правильно решает выехать вперед и на месте разобраться в том, что там происходит. Он мчится в пекло боя, а его обвиняют в трусости»³⁷⁶.

Но дело в том, что Павлов, из-за большого расстояния до границы в 400 км, ни в какие армии и дивизии не ездил, «не мчался в пекло боя», а самоустранившись в такой ответственный момент от руководства вверенными ему войсками, находился в районе Минска, где и нашел его мотоциклист. Вот эти его действия совершенно правильно осуждаются в печати.

Командующий ВВС фронта генерал-майор авиации И. И. Копец, получив сообщение, что немецкая авиация уничтожила на аэродромах большое число самолетов, вместо того, чтобы организовать эффективное боевое применение оставшихся и в достаточном количестве, застрелился. Об

этом своем намерении он сообщил за неделю до начала войны генералу армии К. А. Мерецкову, когда тот проверял боевую готовность авиации.

Неквалифицированное руководство войсками Западного фронта привело к гибели большого числа красноармейцев и командиров, потере авиации и боевой техники, пленению 287 тыс. человек. Такого поражения никто не мог предвидеть, так как пропаганда перед войной твердила о боях на чужой территории и победе малой кровью.

Потери советских войск в годы войны до недавнего времени находились под грифом «Секретно». Ныне эти данные опубликованы в книге «Гриф секретности снят...», с использованием которой оценим потери Западного фронта.

Сухопутные войска Западного фронта (без ВВС) и Пинская военная флотилия в начале войны насчитывали 627 300 человек. В период приграничного сражения с учетом боев в окружении до 9 июля потеряли убитыми, ранеными и пленными 417 790 человек, 521 200 штук стрелкового оружия, около 2200 танков³⁷⁷.

Немцы за этот период, по данным Гальдера, потеряли 1,64 проц. личного состава. Следовательно, группа армий «Центр» из 980 000 человек потеряла убитыми и ранеными 16 270 в 25 раз меньше советских войск.

Поражение войск фронта было полным с потерей основной массы личного состава, стрелкового вооружения, практически всех танков и самолетов. Войска отошли от границы на 450 км и оставили противнику огромную территорию Белоруссии.

Из 41 дивизии, оказавшихся в окружении западнее Березины, 21 была уничтожена, а 20 к концу июля вышли из окружения в виде небольших групп и отрядов без танков, артиллерии, а порой и стрелкового оружия.

Среди вышедших из окружения наиболее многочисленными были 24,143,155-я стрелковые дивизии и 20-й механизированный корпус, в соединениях которого имелось от 3000 до 5000 человек и 19 орудий. Стрелковые дивизии могли быть использованы для ведения боевых действий после пополнения тяжелым вооружением, а корпусу предстояло убыть в тыл для получения танков и пополнения личным составом.

Вышли из окружения в виде небольших сводных отрядов и требовали пополнения личным составом и вооружением

до 90 проц. 13-й и 14-й механизированные корпуса, 7-я танковая и 6, 27, 42, 50, 64, 85, 108-я стрелковые дивизии.

В составе ВВС фронта остались 12, 13-я бомбардировочные, 43-я истребительная авиационные дивизии, имевшие небольшое количество самолетов. Армейская авиация в составе 9, 10-й и 11-й смешанных авиадивизий, потерявшая все свои 839 самолетов, 24–25 июня убыла в тыл для получения материальной части.

Так печально и трагично закончилось приграничное сражение для войск Западного фронта с гибелью, ранением и пленением сотен тысяч человек по вине командования.

О судьбе попавших в плен воинов и населения на оккупированных территориях генерал-полковник Г. Гудериан в воспоминаниях пишет:

«Незадолго до начала войны на востоке непосредственно в корпуса и дивизии поступил приказ верховного командования вооруженных сил относительно обращения с гражданским населением и военнопленными. Этот приказ отменял обязательное применение военно-уголовных законов к военнослужащим, виновным в грабежах, убийствах и насилиях гражданского населения и военнопленных...»³⁷⁸.

«Другой приказ, – продолжает он, – также получивший печальную известность «приказ о комиссарах», требовал от командиров воинских частей и администраций лагерей поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной Армии, коммунистов и евреев».

Оба эти приказа Гудериан запретил доводить до солдат своей танковой группы и их применять. Но солдаты и без этого скоро узнали о их существовании, а в других соединениях они применялись без ограничения. В связи с этим он пишет:

«Обозревая прошлое, можно только с болью в сердце сожалеть, что оба эти приказа не были задержаны уже в главном командовании сухопутных войск. Тогда многим храбрым и безупречным солдатам не пришлось бы испытать горечь величайшего позора, легшего на немцев»³⁷⁹.

О печальной участи воинов Западного фронта, а также красноармейцев и командиров запаса, призванных по мобилизации, но даже не обмундированных и взятых немцами в плен, сообщил 10 июля мистральный советник Дорш, лишенный чувства жалости, в докладной записке рехслейтеру Розенбергу следующее:

«В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных.

Заключенные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят.

Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат численностью около одной роты. Охрана лагеря такой малочисленной командой возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6-8 дней без пищи, в состоянии вызванной голодом животной апатии, и у них одно стремление: достать что-либо съедобное.

Гражданские заключенные в возрасте от 15 до 50 лет — жители Минска и его окрестностей. Эти заключенные питаются, если они из Минска, благодаря своим родственникам. Правда, питание получают только те, родственники которых с утра до вечера стоят с продуктами в бесконечных очередях, тянущихся к лагерю. Ночью голодные гражданские заключенные нападают на получивших передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба...»³⁸⁰.

Печальной была участь военнопленных и у себя на родине. 16 августа 1941 года был издан приказ № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии, в котором сказано:

"Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров... а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»³⁸¹.

В соответствии с этим приказом начались репрессии против семей воинов, подавших в плен. Сталин даже арестовал свою сноху — Юлию Мельцер, так как ее муж старший лейтенант Яков Джугашвили, носивший действительную фамилию отца, сдался в плен немцам под Витебском. Ее два года содержали в одиночной камере и выпустили, когда стало известно, что Яков вел себя в плену достойно и убит. Сталину через посредников предлагали обменять Якова на Паулюса, но он сказал: «солдат на маршалов не меняют».

30 июня в командование Западным фронтом вступил генерал-лейтенант А. И. Еременко, в должность начальника штаба фронта – генерал-лейтенант Г. К. Маландин, а командующего ВВС – полковнике Н. Ф. Науменко.

О сложившейся к этому времени обстановке Маршал Советского Союза А. И. Еременко в воспоминаниях пишет: «Сил для отпора врагу, двигавшемуся из района Минска к Днепру, у нас фактически не было»³⁸².

С учетом печальных итогов приграничных сражений Государственный Комитет Оборона 16 июля 1941 г. принял постановление № 00381, подписанное Сталиным, в котором объявлялось об аресте и предании суду военного трибунала «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций» девяти командиров и политработников. В числе арестованных из состава Западного фронта были командующий генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал-майор В. Е. Климовских, начальник связи фронта генерал-майор А. Т. Григорьев, командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков. Все они по приговору суда были расстреляны.

Начальник штаба 4-й армии полковник Л. М. Сандалов, когда командующий был репрессирован, за те же действия получил значительное продвижение по службе и, минуя ряд инстанций, 25 июля был назначен начальником штаба Центрального фронта.

В связи с дальнейшим обострением обстановки и стремительным движением немцев к Москве, 1 июля командующим Западным фронтом назначен нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, а его заместителями Маршал Советского Союза С. М. Буденный и генерал-лейтенант А. И. Еременко. 2 июля Тимошенко прибыл в Смоленск, куда передислоцировался штаб фронта. В этот же день Ставка включила в состав Западного фронта 19, 20, 21-ю и 22-ю армии. На следующий день в Смоленск прибыл новый член Военного совета фронта армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис. Остатки 3,4,10-й армий выводились в тыл для переформирования и доукомплектования.

Таким образом, у Западного фронта после приграничного сражения полностью были заменены руководство и боевой состав, а прежним остались только название и 13-я армия с ее 100-й и 161-й дивизиями.

Так печально для войск Западного фронта закончилось приграничное сражение. Аналогичная картина была на соседнем Северо-Западном фронте, а Юго-Западный фронт отошел на старую границу по инициативе Генерального штаба. Поэтому на 18-й день войны Гальдер в дневнике записал, что война с Советским Союзом закончилась и осталось добить отдельные группы войск. Это свое мнение он доложил Гитлеру на обсуждении обстановки в Ставке «Волчье логово», но они так и не дождались желаемой капитуляции страны.

§ 2. Сравнение сражений на Белостокской и Курской дугах и определение условий победы в Белоруссии

Волею судьбы или проведения в ходе одной войны прошли сражения на Белостокской и Курской дугах, совпадающих по форме и своим громадным размерам, их протяженность составляла 430 и 400 км. На них точно и с той же нумерацией были расположены немецкие соединения и объединения, и отличались положение и количество советских войск. На Белостокской дуге потерпели поражение советские войска, а на Курской – немецкие.

История создала эти два сражения, чтобы мы могли посмотреть: чего не хватало и как нужно было воевать на Белостококой дуге, чтобы и в начале войны одержать победу. Достоверность этих данных очень высокая, так как они проверены войной. Такой точности не могут дать ни эксперимент, ни моделирование из-за большого числа условностей и трудности учета поведения людей в боевой обстановке.

На Белостокской дуге группа армий «Центр» перед наступлением имела в своем составе 50 дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных и две моторизованные бригады. На Курской дуге германское командование к участию в операции «Цитадель» привлекло 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Силы немцев на обеих дугах были одинаковыми. Это важно для определения условий победы.

Советские войска на Белостокской дуге в составе Западного фронта имели три общевойсковые армии, шесть механизированных корпусов и в глубине располагались резервы, сведенные в ходе боев в 13-ю армию двух формирований и переданные частично в 4-ю армию. Но соеди-

нения поступили в армию, когда находились в окружении.

На Курской дуге оборонялись войска двух фронтов: Центрального (командующий генерал армии К. К. Рокоссовский) и Воронежского (командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин). Каждый из этих фронтов имел в своем составе пять общевойсковых, одну танковую и одну воздушную армии, два танковых корпуса. Уступом в тыл за южным флангом располагался Степной военный округ (позже фронт, командующий генерал-полковник И. С. Конев). В его состав входили пять общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии, один стрелковый, три танковые, три механизированные и три кавалерийские корпуса. Он имел задачу в случае прорыва обороны противником на Курской дуге, не допустить его продвижения в глубь страны, а затем совместно с другими фронтами разгромить его.

Вражеская группировка на Курской дуге насчитывала свыше 900 тыс. человек, до 10 000 орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолетов. Центральный и Воронежский фронты вместе имели 1 336 тыс. человек, 19 100 орудий и минометов, 3444 танка и самоходной артиллерийской установки, 2192 самолета. Соотношение сил по всем параметрам было в пользу советских войск, без войск Степного фронта³⁸³.

Общий замысел немецкого командования на проведение операции на Курской дуге был аналогичен Белостокской и сводился к следующему. Двумя одновременными встречными ударами под основание дуги в направлении на Курск - из района Орла на севере и района Харькова на юге - окружить и уничтожить на Курском выступе войска Центрального и Воронежского фронтов. Замысел советского командования предусматривал преднамеренный переход к обороне с последующим переходом в наступление.

За время длительной подготовки к сражению советскими войсками создано восемь полос и рубежей обороны. «Общая глубина инженерного оборудования местности достигала 250-300 км. Никогда еще за время войны советские войска не создавали столь мощной и грандиозной обороны»³⁸⁴. На главных направлениях наступления немецких войск были созданы мощные группировки. Советскому командованию был известен день, а затем и час перехода немецких войск в наступление. Войска находились в полной боевой готовности. Как это отличалось от подготовки к сражению на Белостокской дуге.

К началу сражения советские войска имели двухлетний опыт боевых действий, в том числе победу под Сталинградом, где отличились воины фронтов, которыми командовали Рокоссовский и Ватутин. Не было у противника внезапности нападения и превосходства в численности войск. Тем не менее, удары немецких соединений, их танковых клиньев были настолько мощными, что им удалось потеснить советские армии.

На северном фесе Курской дуги противнику за четыре дня боев удалось вклиниться в оборону войск Центрального фронта всего лишь на глубину 12 км. На этом рубеже он был остановлен и перешел к обороне.

На южном фесе дуги в первый день наступления 48-й и 2-й танковые корпуса 4-й танковой армии, которой командовал Г. Гот, вклинлись в оборону Воронежского фронта на глубину 8-10 км. Г. Гудериан в сражении не участвовал, так как был снят с должности под Москвой. Всего на этом направлении противник продвинулся на 35 км и до Курска, где должны были сойтись танковые клинья северной и южной групп, было еще далеко.

15 июля в наступление перешел Центральный фронт, а на следующий день немецкое командование начало отвод войск на южном фесе. Воронежский фронт и введенный в сражение 18 июля Степной фронт приступили к преследованию противника и к исходу 23 июля вышли на рубеж, где началось оборонительное сражение.

Победа Красной Армии на Курской дуге поставила немецкую армию перед катастрофой. Курская битва переросла во всеобщее наступление советских войск, которое волнами перекачивалось по советско-германскому фронту и продолжалось до победы.

Подготовка и боевые действия на Курской дуге представляют собой сценарий, по которому должно было готовиться и вестись приграничное сражение в Белоруссии, чтобы, как тогда говорили, воевать на территории противника и разгромить его «могучим ударом».

Какой же состав войск должен был иметь Западный особый военный округ перед войной? Опыт боев на Курской дуге в аналогичных условиях и при том же составе немецких войск показал, что округ должен был иметь не четыре армии, а такие же силы как Центральный и Воронежский фронты вместе взятые, то есть десять общевойсковых, две танковые армии и Военно-воздушные силы того же состава. В непосредственной близости в резерве

Ставки должна была находиться танковая армия, чтобы в решающий момент ее можно было передать фронту и ввести в сражение.

Для оперативного управления этими войсками с началом войны на базе Западного особого военного округа следовало создать два фронта. Отметим, что в 1944 г. в Белоруссии вели боевые действия 1,2-й и 3-й Белорусские фронты.

Войска этих двух фронтов должны были не менее чем за сутки приведены в полную боевую готовность с занятием подготовленных оборонительных позиций на границе и иметь глубину боевого построения как на Курской дуге.

Указанное количество войск в Белоруссии могло быть, если бы была проведена мобилизация и дивизии пополнены личным составом до штатов военного времени. В Одесском военном округе это было выполнено. И если бы Сталин считал, что немцы главный удар нанесут на московском, а не Киевском направлении. В связи с этим основная группировка советских войск была бы сосредоточена в Белоруссии, а не на Украине, куда дополнительно за несколько дней до войны начала прибывать 16-я армия М. Ф. Лукина, имевшая 1600 танков. В Белоруссию же не прибыло ни одного соединения, и за весь период приграничного сражения поступил и участвовал в боях лишь один 4-й штурмовой авиационный полк.

В 1981 г. на стратегической военной игре «Щит и меч» маршал авиации Г. В. Зимин был посредником при главнокомандующем Военно-воздушными силами, а автор — при заместителе главнокомандующего по военно-учебным заведениям. И маршал поведал мне следующий его разговор с С. К. Тимошенко, который затем опубликовал.

Семен Константинович, как говорил Зимин, от разговоров о начале войны обычно уклонялся, приговаривая «Знаю, знаю... все вы, молодежь, наверное, только и говорите, что во всем виноваты только Тимошенко и Жуков...»³⁸⁵.

Затем рассказал следующее:

«5 мая 1941 года, — говорил С. К. Тимошенко, — был очередной выпуск из военных академий. В Кремле перед выпускниками выступил Сталин... он говорил о том, что перед нами сильный и хорошо технически вооруженный противник, уже покоривший Европу, и что война с Германией неизбежна и должна вот-вот начаться.

- Тем не менее, - продолжал С. К. Тимошенко, - когда вскоре после этого на Политбюро ЦК ВКП(б) заслушивали меня и Жукова по военным вопросам и когда Георгий Константинович в своем докладе предложил немедленно вывести войска на границу, занять УРы, эшелонировать оборону в глубину и подтянуть резервы изнутри страны, Сталин резко сказал, что Жуков неправильно оценивает обстановку и делает из нее неправильные выводы». Тогда Тимошенко сказал, что это предлагается на основе фактических данных об обстановке и в соответствии с вашими указаниями, имея в виду сказанное выпускникам академий. На это Сталин ответил, что нарком обороны не понимает обстановки, а ему «надо понимать дело глубже и не вызывать своими действиями немцев на войну. И категорически закончил: «Передвижения войск на границе без моего разрешения запрещая!»³⁸⁶

Из этого видно, в каких тяжелых условиях приходилось работать С. К. Тимошенко и Г. К. Жукову, да и Сталину было с ними не легко. Он считал, что войны в ближайшее время не будет, а Жуков предлагает вывести войска на границу.

Имелись ошибки и у немецкого высшего командования. Оно считало, что война закончится победой через два с половиной месяца. Она же продолжалась около четырех лет и закончилась не победой Германии, а ее сокрушительным поражением. Эта ошибка - ошибка века, так как привела к вовлечению во вторую мировую войну большую часть населения Земного шара.

РАЗДЕЛ 4

ПРИГРАНИЧНЫЕ СРАЖЕНИЯ В ПРИБАЛТИКЕ И НА СЕВЕРЕ

Глава девятая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В ПРИБАЛТИКЕ

§ I. Силы и средства сторон, начало сражения

Государственную границу в пределах Литвы от Паланги на побережье Балтийского моря до Копцово на границе с Белоруссией, протяженностью 310 км, прикрывали войска Прибалтийского особого военного округа. На округ возлагалась так же задача обороны во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом побережья от Паланги до Хаапсалу, островов Хийумаа (Даго) и Саарема (Эзель). Командовал войсками округа генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, членом Военного совета был корпусной комиссар П. А. Дибрава, начальником штаба — генерал-майор П. С. Кленов. 22 июня округ был преобразован в Северо-Западный фронт.

В состав войск Прибалтийского особого военного округа входили 8,11-я и 27-я армии, 3-й и 12-й механизированные корпуса, 5-й воздушно-десантный корпус, 9-я артиллерийская противотанковая бригада РКК, 42-й и 46-й укрепленные районы, 6,7-я и 8-я смешанные авиационные дивизии. В составе сухопутных войск имелось 25 дивизий, в том числе 19 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные; одна стрелковая, одна артиллерийская и 2 воздушно-десантные бригады. Всего в округе насчитывалось 376 тыс. человек, 7467 орудий и минометов, 1697 танков, 1211 самолетов.

Механизированные корпуса до начала войны находились в подчинении округа, а с ее началом переданы: 12-й — в состав 8-й армии, 3-й — в состав 11-й. В корпусах имелось 109 средних танков Т-34 и тяжелых КВ, а также 1284 легких БТ-7 и Т-26. 12-й механизированный корпус прикрывал рижское направление, а 3-й — даугавпилское.

27-й армией командовал генерал-майор Н. Э. Берзарин, членом Военного совета был дивизионный комиссар П. К. Батраков, начальником штаба — полковник В. В. Болезнев. В состав армии входили 22-й стрелковый (180-я и 182-я стрелковые дивизии) и 24-й стрелковый (181-я и 183-я стрелковые дивизии} корпуса, 16-я и 67-я стрелковые дивизии, 3-я отдельная стрелковая бригада и ряд отдельных частей. 67-я стрелковая дивизия обороняла Лиепая, Вентспилс и побережье Балтийского моря от границы до мыса Калкасагс, 16-я — побережье от Таллина до Хаапсалу, а 3-я отдельная стрелковая бригада — острова Хийумаа, Сааремаа.

22, 24-й и 29-й территориальные стрелковые корпуса были созданы из бывших армий Эстонии, Латвии и Литвы. С января 1941 г. они переводились на штаты Красной Армии, что повышало их боеспособность. В подчинении округа находился 5-й воздушно-десантный корпус, который только весной начал формироваться.

Против войск Прибалтийского особого военного округа верховное командование вермахта на ленинградском стратегическом направлении развернуло мощную группировку войск в составе группы армий «Север» и левого крыла группы армий «Центр».

Группа армий «Север», которой командовал фельдмаршал В. фон Лееб, была развернута от побережья Балтийского моря вдоль границы до Голдапа в полосе 220 км. В ее состав входили 18-я армия под командованием генерал-полковника Г. фон Кюхлера, 16-я армия генерал-полковника Э. Буша и 4-я танковая группа генерал-полковника Э. Гёпнера. Действия войск поддерживал 1-й воздушный флот, которым командовал генерал-полковник А. Келлер.

В 4-ю танковую группу входили 41-й моторизованный корпус в составе 1-й и 6-й танковых и 36-й моторизованной дивизий; 56-й моторизованный корпус в составе 8-й танковой и 3-й моторизованной дивизий.

Всего в группе армий «Север» имелось 29 дивизий, из них 3 танковые, 2 моторизованные и насчитывалось 788 тыс. человек, 8748 орудий и минометов, 645 танков и 1076 самолетов.

Силы Прибалтийского военного округа и группы армий «Север» по самолетам, орудиям и минометам были примерно равные, но советские войска превосходили немецкие в 2,3 раза по танкам и уступали им в 2,1 раза по числен-

ности личного состава. Однако против него в течение первых трех дней войны действовали из состава группы армий «Центр» 161 пехотная дивизия, 5-й и 6-й армейские корпуса 9-й армии и 3-я танковая группа генерал-полковника Г. Гота. Поддерживал эти войска 8-й авиационный корпус 2-го воздушного флота. В составе этих войск имелось 12 дивизий, в том числе 5 пехотных, 4 танковые и 3 моторизованные. В них насчитывалось 265 тыс. человек, 3060 орудий и минометов, 1014 танков, до 600 самолетов.

Группа армий «Север» наносила два главных удара: первый силами 4-й танковой группы и 16-й армии на Двинск, Псков, Ленинград (Санкт Петербург) и второй силами 18-й армии — на Шяуляй, Ригу.

3-я танковая группа, в которую входили 39-й моторизованный (7-я и 20-я танковые, 14-я и 29-я моторизованные дивизии), и 57-й моторизованный (12-я и 19-я танковые, 18-я моторизованная дивизии) корпуса, совместно с приданными 5-м армейским (3,5-я пехотные дивизии) и 6-м армейским (6,26-я пехотные дивизии) корпусами наносила также два удара: 39-м корпусом при содействии 6-го — на Вильнюс, Минск; 57-м корпусом при содействии 5-го — на Минск.

Всего в полосе Прибалтийского округа немецкое командование развернуло 41 дивизию, из них 7 танковых, 5 моторизованных. Такого количества бронетанковых войск враг не имел ни против одного другого округа.

Прибалтийскому округу, чтобы сравняться с врагом, требовалось столько же дивизий, сколько имел. Но такие силы были только на учениях на картах, в том числе и в январе того же года в Генеральном штабе. Война на этой игре начиналась с отхода советских войск, а с подходом свежих сил враг был отброшен на его территорию. В реальных боях эти силы не появились. Пополнения дивизии не получили и по мобилизации, а отход начался рано.

Соотношения сил и средств Прибалтийского военного округа и группы армий «Север» с 3-й танковой группой и 5 дивизиями 9-й армии на 22 июня 1941 г. показаны в таблице³⁸⁷.

Из этих данных видно, что противник в 2,8 раза превосходил советские войска по численности личного состава. Такое значительное превосходство позволяло немецкому командованию, встретив сопротивление советских частей и соединений, применять обход их с флангов,

что заканчивалось окружением или быстрым отходом. Этому способствовало и превосходство немцев в артиллерии и минометах в 1,5 и 1,4 раза в самолетах. По численности танков силы сторон были равными.

За счет решительного массирования сил на направлениях главных ударов немцы имели на шяуляйском направлении 5 кратное, а на вильнюсском – 15 кратное превосходство по численности личного состава. В составе первого эшелона они имели свыше 1200 танков. Такое массированное их применение увеличивало ударную мощь танковых дивизий и оказывало психологическое воздействие на советские войска, порой не изготовившиеся к отражению нападения.

Силы и средства	Прибалтийский особый военный округ	Группа армий «Север», 3-я танк. группа и 5 пех. див.	Соотношение сил и средств
Дивизии	26	41	1:1,6
Личный состав, тыс. человек	378	1053	1:2,8
Орудия и минометы	7467	11400	1:1,5
Танки	1697	1645	1:1
Самолеты	1211	1676	1:1,4

Для участия в боевых действиях на Восточный фронт прибыл 800-й учебный полк специального назначения «Бранденбург», подчиненный непосредственно начальнику абвера адмиралу Канарису. Название «учебный» использовалось в целях скрытности. Личный состав полка был сформирован из лиц немецкой национальности, часть которых ранее проживала в Советском Союзе, и хорошо знала русский язык. Для маскировки, вопреки международным правилам, его солдаты и офицеры использовали форму одежды, оружие и документы красноармейцев и командиров Красной Армии. Подразделения полка придавались армиям, танковым группам и использовались, как правило, мелкими подразделениями для проведения диверсий, захвата мостов, вывода из строя узлов и линий связи.

В группу армий «Север» прибыло несколько рот полка «Бранденбург». Они очень высоко ценились и подчинены были непосредственно командующим армиями и танковой

группой, которые определяли методы их применения.

В приказе командующего 4-й танковой группой от 14 июня 1941 г. по боевому использованию подразделений 800-го полка сказано:

«1. В распоряжение 4-й танковой группы выделяется до одной роты 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» в составе: офицеров – 2, унтер-офицеров и рядового состава – 220...

2. Подчинение:

56-му армейскому корпусу (так в целях дезинформации именовались в документах моторизованные корпуса. – В. С.): 1 офицер, 65 человек унтер-офицерского и рядового состава, обоз в 30 человек; около 10–15 человек со знанием языка (выделяются дополнительно особым распоряжением).

41-му армейскому корпусу: 1 офицер, 95 человек унтер-офицерского и рядового состава, обоз в 30 человек; около 10–15 человек со знанием языка (выделяются дополнительно особым распоряжением)»³⁸⁸.

В приказе определен пароль «Веклабрюк» для взаимного опознавания подразделений и групп 800-го полка при захвате важных объектов.

Для обеспечения маскировки под бойцов Красной Армии Гёпнер в приказе требовал:

«Первые захваченные у противника автомашины, в особенности разведывательные бронемшины и им подобные, оружие и боеприпасы, снаряжение должны быть незамедлительно переданы в спецгруппы «охранной роты», так как они им необходимы для выполнения их специфических задач»³⁸⁹.

Отличить офицеров и солдат этой «охранной роты», как она именовалась в целях скрытности, при таком варианте действий от советских было невозможно. Успеху их операций способствовали массовый отход войск Красной Армии, отсутствие сплошной линии фронта и наличие большого числа мелких групп, оторвавшихся от войск.

Командование Прибалтийского особого военного округа знало о сосредоточении немецких войск на границе и, несмотря на запрет «сверху», проводило мероприятия по повышению боевой готовности частей и соединений.

По данным агентуры в разведсводке 21 июня сказано:

«Среди военнослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии идут разговоры что войска, расположенные здесь, получили приказ занять исходное положение

для наступления»³⁹⁰.

Командующий Краснознаменным Балтийский флотом 20 июня донес командующему войсками Прибалтийского округа о том, что 19 июня флот приведен в боевую готовность № 2, развернуты командные пункты и усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенском проливе.

В этот же день около 24 часов начальник штаба 11-й армии сообщил в штаб округа, что перебежчик 13-й роты 56-го пехотного полка сообщил, что из Сувалок переброшено к границе большое количества войск. Пехота располагается в 5 км от границы, артиллерия – на огневых позициях. Части окопы не копают, имея в виду переход в наступление³⁹¹.

В журнале боевых действий войск Северо-Западного фронта в день начала войны записано: «Наша агентура и перебежчики указывали, что надо ожидать в ближайшее время вооруженного выступления Германии против нас. Почти точно указывали сроки начала наступления – 20–22 июня 1941 г.».

За неделя до начала войны заместитель наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков проверял в Прибалтийском округе боевую готовность авиации. Проверка прошла удачно, авиация показала способность вести успешные боевые действия. «Но хорошее настроение, – как пишет в мемуарах Мерецков, – тут же было испорчено. Заместитель командующего округом генерал-майор Е. П. Сафонов доложил мне о сосредоточении немецких войск на границе. Я вылетел в Москву. Ни слова не утаивая, доложил о своих впечатлениях и наблюдениях на границе наркому обороны. С. К. Тимошенко при мне позвонил И. В. Сталину и сразу же выехал к нему, чтобы доложить лично. Было приказано по-прежнему на границе порядков на изменять, чтобы не спровоцировать немцев на выступление»³⁹².

Война неуклонно приближалась и Военный совет Прибалтийского особого военного округа, по своей инициативе, принимает меры по подготовке войск к отражению вторжения. Под видом учений он выводит части в летние лагеря, скрытно сосредоточивает главные силы к государственной границе.

15 июня с учетом складывающейся обстановки он отдал войскам приказ, который требовал от командиров стрелковых дивизий подготовиться к обороне границы в своих полосах. Разрешал произвести заготовку противотанковых

мин и проволочных заграждений с таким расчетом, чтобы по особому приказу минные поля могли быть установлены в течение трех часов. Но противник, как увидим, этого времени не предоставил, и остались мины и проволочные заграждения в местах складирования. Требовалось также замаскировать самолеты, танки и артиллерию. Срок исполнения был установлен 25 июня, а поэтому к началу войны почти ничего не было сделано³⁹³.

Военный совет в приказе от 18 июня потребовал от командующих 8-й и 11-й армиями определить наиболее ответственные мосты в полосе от государственной границы до линии Шяуляй, Каунас, река Неман, выделить команды подрывников и в ближайших пунктах сосредоточить средства для подрывания. Срок выполнения — 21 июня³⁹⁴.

Это решение Военного совета было одним из важнейших. Такие действия не были предусмотрены ни в одном другом военном округе и мосты сдавались противнику в исправном состоянии. Реализации его сыграла определенную роль, хотя и были недочеты из-за недостатков управления и незнания советскими красноармейцами и командирами методов действий подразделений немецкого полка «Бранденбург», которые часто захватывали их врасплох. Из приказа видна и тыловая граница, до которой командование округа допускало отступление войск, но действительность далеко превзошла ожидаемое.

Приказ требовал также до 21 июня отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) бензоцистерны и передать равномерно в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Это мероприятие было очень важным, так как нацеливало на обеспечение эффективного боевого применения корпусов.

Командующий округом 16 июня отдал распоряжение о приведении к исходу 19 июня средств Противовоздушной обороны в боевую готовность № 2. Все части ПВО, в том числе и войсковые, находящиеся в лагерях, приказывалось немедленно вернуть в пункты постоянной дислокации³⁹⁵.

Это распоряжение стало известно в Москве и Г. К. Жуков приказал его отменить, но оно поступило в войска и им руководствовались. Помимо этого штаб округа 21 июня направил распоряжение командующим 8, 11-й и 27-й армиями, в котором требовал с этой ночи и до особого распоряжения ввести светомаскировку в гарнизонах и местах расположения войск. В ночь начала войны маски-

ровка уже действовала и затруднила первому эшелону немецкой авиации нанесение ударов³⁹⁶.

«За несколько дней до начала войны по указания командования округа семьи комсостава вывезли в тыл. Но 20 июня из Наркомата обороны пришло категорическое распоряжение немедленно возвратить всех на старые места»³⁹⁷. Это для многих из них окончилось трагично.

В тот же день 16 июня Военный совет округа, в связи с тем, что ему стало известно о занятии немецкими войсками исходного положения для наступления, направил директивы Военным советам 8-й и 11-й армий, а также командирам 3-го и 12-го механизированных корпусов с указанием начать выдвижение войск в назначенные им по плану прикрытия границы полосы и районы, специалистов отозвать из командировок, всему личному составу, находящемуся на различных работах, прекратить их выполнение и вернуться в части. Такого важного решения также не было принято ни в одном военном округе. Это и есть действия по заблаговременному приведению войск прикрытия границы в полную боевую готовность с занятием оборонительных позиций и исходных рубежей для нанесения контрударов, чего запрещал делать приказ № 1. Но этого запрета пока не было.

В соответствии с этой директивой командир 12-го механизированного корпуса генерал-майор Н. М. Шестопалов направил в 28-ю танковую дивизию приказ, который требовал скрытно под видом учений привести дивизию в боевую готовность и в 23.00 выступить с занимаемых зимних квартир в район сосредоточения – Грузджай, Мешкуйчай, Буйвони в 15–20 км северо-западнее города Шяуляя.

28-я танковая дивизия находилась в составе войск гарнизона города Риги. В неё входили 55-й и 56-й танковые, 28-й мотострелковый и 16-й гаубичный артиллерийский полки. Командовал дивизией полковник Иван Данилович Черняховский в последующем генерал армии, прославленный полководец Великой Отечественной войны.

Дивизия, оставив в Риге в распоряжении штаба округа 28-й мотострелковый полк, совершила ночной марш с погашенными фарами и к утру 20 июня сосредоточилась в районе Куршенай на удалении 130 км от границы³⁹⁸.

Выполнив аналогичные приказы командира корпуса, 23-я танковая дивизия полковника Т. С. Орленко сосредоточилась в районе пункта Середа, а 202-я моторизованная дивизия полковника В. К. Горбачева – в районе Радви-

лишкис.

Дивизии 12-го механизированного корпуса заняли назначенные районы к утру 20 июня за два дня до начала войны. Они перекрыли возможные пути наступления немецких войск.

В 3-м механизированном корпусе, которым командовал генерал-майор танковых войск А. В. Куркин, после исполнения приказа на занятие исходного положения 2-я танковая дивизия располагалась в районе Кедайняя, 5-я танковая – у Алитуса, 64-я моторизованная – восточнее Каунаса. Дивизии прикрывали двинское и вильнюсское направления. В корпусе имелось 640 танков, в их числе 102 новых типов: 50 Т-34 и 52 КВ. Начальником штаба корпуса был полковник П. А. Ротмистров, ставший в последующем главным маршалом бронетанковых войск. Он имел ученую степень кандидата военных наук и ученое звание – доцент, что характеризовало высокий уровень его подготовки.

Командование округа, наряду с механизированными корпусами, подтянуло к государственной границе 90,188,5-ю стрелковые дивизии, 23-ю стрелковую дивизию из Двинска выдвинуло в район Каунаса, 48-ю стрелковую дивизию походным порядком направило в полосу обороны на границе левее 125-й дивизии; 11-ю стрелковую дивизию эшелонами по железной дороге перебрасывало в район Шедувы.

Во избежание осложнений с Германией, что могло вызвать перемещение большого количества дивизий к границе, а также в связи с давлением из Москвы и Заявлением 14 июня ТАСС, в котором четко сказано, что войны с немцами в ближайшее время не будет, Военный совет округа заколебался. Он приостановил выполнение некоторых своих распоряжений о повышении боевой готовности войск к отпору врагу, хотя они полностью соответствовали обстановке.

В создавшихся условиях командующий не решился перенести командно-штабное учение на местности, которое проводилось с 18 по 20 июня. В учении участвовали штабы 8,11-й и 27-й армий, руководил им генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. 21 июня после разбора учения, физически измотанный бессонными ночами, руководящий состав армий прибыл в свои штабы в ряде случаев к началу реальной войны.

Штаб округа также поехал на свой командный пункт, а командующий Ф. И. Кузнецов направился в войска к гра-

нице и в начале войны, а также весь ее первый день никто не знал, где он находится. И за это должностное преступление в такой ответственный момент, он не был снят с должности, а по прибытии в штаб продолжал командовать войсками.

Командный пункт штаба Прибалтийского особого военного округа был подготовлен в 12 км северо-западнее Паневежиса. К вечеру 19 июня на нем была налажена телефонно-телеграфная связь и развернут радиоузел. Резерв средств связи позволял заблаговременно оборудовать второе положение командного пункта, которое было намечено в 8 км северо-западнее Двинска.

В армиях также были подготовлены командные пункты: 8-й армии в Бубяй юго-западнее Шяуляя, 11-й армии в Кайшядорис восточнее Каунаса, 27-й армии в Риге. Штабы армий заняли командные пункты 19 июня.

К исходу 20 июня на командный пункт округа в районе Паневежиса прибыли все управления и отделы штаба, не принимавшие участия в учении, а участники учения — к исходу следующего дня. В Риге осталась лишь группа работников штаба во главе с заместителем командующего для руководства округом с началом военных действий³⁹⁹.

Проводная связь в Прибалтике была хорошо развита по всем операционным направлениям. Ее недостатком являлось лишь то, что все магистральные линии связи через реки проходили по железнодорожным и шоссейным мостам, что делало их уязвимыми от ударов с воздуха. С разрушением мостов, нарушалась и связь. Возможности же по охране и восстановлению линий и узлов связи были весьма ограничены.

Командный пункт фронта имел непрерывную телефонную связь по прямым каналам связи со штабами 8-й и 11-й армий и оставшейся частью штаба в Риге. Было установлено, что переговоры по ним не должна прерываться по паролю «Воздух» для сообщений с постов ВНОС данных о полетах самолетов. В результате работа средств связи штаба фронта по всем направлениям в первый день войны была устойчивой, так как больших разрушений на линиях и узлах связи городов еще не было⁴⁰⁰.

Войска округа были построены в два оперативных эшелона. В первом эшелоне находились 8-я и 11-я армии прикрытия границы, а во втором — 27-я армия. Первый эшелон имел очень мало стрелковых дивизий. В результате на границе от Паланги до Копцово располагались

только 7 стрелковых дивизий. На них наступали 29 дивизий группы армий «Север» и 12 дивизий группы армий «Центр», в составе которых имелось 28 пехотных, 7 танковых и 5 моторизованных дивизий, построенных в один оперативный эшелон. Противник по числу пехотных дивизий превосходил советские у границы в 4 раза, а так как его дивизия по численности была почти в два раза сильнее, то он имел 7 кратное превосходство по личному составу на протяжении всей границы. На направлениях главных ударов превосходство противника возрастало, так как здесь дополнительно наступали танковые и моторизованные дивизии 3-й и 4-й танковых групп.

Имея такое громадное превосходство в силах, противник с началом боевых действий перешел в наступление на всем протяжении границы, прикрываемой войсками округа, и имел успех.

Благодаря инициативной и ответственной деятельности Военного совета Прибалтийского особого военного округа и его командующего Ф. И. Кузнецова, войска были приведены в полную боевую готовность и заняли рубежи в соответствии с планом прикрытия границы, все, находящиеся на работах и в командировках, вернулись в свои части, введена светомаскировка, штабы заняли полевые пункты управления и между ними установлена надежная связь. Из этих данных видно, что **внезапного нападения Германии в полосе Прибалтийского округа не было.**

Итак, имеем военный округ, где войска заблаговременно приведены в полную боевую готовность с занятием подготовленных позиций на границе и рубежей, внезапности нападения врага нет, связь работает отлично. Маршал А. М. Василевский пишет в воспоминаниях, что именно этого по вине Сталина не хватало войскам для успешного ведения боевых действий. В связи с этим рассмотрим, как в этих благоприятных условиях развивались боевые действия, так как большего войска получить не могли.

В первом часу ночи 22 июня начальник штаба округа генерал-лейтенант П. С. Кленов получил телеграмму с приказом № 1 наркома обороны. На основании этого приказа была разработана и направлена в войска директива следующего содержания:

«В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, предназна-

ченные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать. В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться. До тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня по ним не открывать. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его. Противотанковые мины и малозаметные препятствия ставить незамедлительно»⁴⁰¹.

Эта директива округа поступила в части 8-й и 11-й армий за полтора часа до начала боевых действий, что обеспечило выполнение главных ее требований. Такая оперативность была достигнута за счет приведения войск и штабов в боевую готовность, чего не было в Киевском и Западном округах. Например, чтобы в штабе Западного округа расшифровать телеграмму с приказом № 1, нужно было найти в Минске шифровальщика и привезти, так же и в армиях, и в результате его данные поступили в войска с началом войны или не поступили вообще из-за отсутствия связи.

В 4 часа утра 22 июня немцы в Прибалтике начали артиллерийскую подготовку. В утренних сумерках на пограничников и войска Прибалтийского военного округа, расположенные в районах примыкающих к государственной границе, обрушились сотни артиллерийских снарядов. Одновременно в небе немецкая авиация беспрепятственно пересекла границу и нанесла мощные удары по самолетам на аэродромах, городам и портам: Рига, Вентспилс, Шяуляй, Каунас, Вильнюс и основным узлам приграничных коммуникаций. После часовой артиллерийской подготовки в наступление по всему фронту перешла вся громадная масса немецких войск в двухэшелонном построении, сосредоточив главные усилия на рижском, двинском (ленинградском) и вильнюсском (минском) направлениях. Вторые эшелоны немецких войск двигались в непосредственной близости от первых и немедленно приходили им на помощь, если встречалось серьезное сопротивление. Наземные войска непрерывно поддерживала авиация, нанося мощные удары по узлам сопротивления и контратакующим частям. Использовалась она весьма эффективно.

Сухопутные войска Прибалтийского особого военного округа вступили в сражение с врагом организованно с использованием всех сил и средств. Округ имел танков столько, сколько и противник, но почти в 3 раза меньше

личного состава. Обороняющийся мог иметь сил в три раза меньше наступающего. Почему же при таких больших силах и средствах, приведенных своевременно в полную боевую готовность, округ не оказал противнику серьезного противодействия? Это обусловлено было изначально неправильным боевым построением войск. На границе были развернуты только 7 стрелковых дивизий против 41 противника, а остальные расположены очагами по территории округа на глубину до 300 км, что создало условия для их разгрома по частям.

Если бы советские войска были построены в боевой порядок как у немцев и плотность войск у границы была приблизительно одинаковой, то только в этом случае они оборонялись стойко и активно контратаковали наступающего противника. Исход приграничного сражения был бы мало перспективным для немцев. В данном случае 7 стрелковых дивизий первого эшелона (восьмая не успела занять своего участка), растянутых на широком фронте, не могли долго сопротивляться противнику, имеющему подавляющее превосходство, и под угрозой окружения начали отходить.

Главные сражения развернулись на направлениях действий немецких 3-й и 4-й танковых групп, составляющих основу двух ударных группировок. Основным методом боевого применения танковых групп являлось их непрерывное движение вперед к объектам, составляющим цели операции. Закрепление территории, уничтожение окруженных группировок и тыловое обеспечение танковых групп возлагалось на полевые армии.

§ 2. Боевые действия 8-й армии

Государственную границу на правом фланге Прибалтийского особого военного округа от Паланги до Смалининка прикрывала 8-я армия. Командовал армией генерал-майор П. П. Собенников, членом Военного совета был дивизионный комиссар С. И. Шабалов, начальником штаба — генерал-майор Г. А. Ларионов. В состав армии входили 10-й стрелковый (10, 90-я стрелковые дивизии), 11-й стрелковый (48, 125-я стрелковые дивизии) и 12-й механизированный (23, 28-я танковые и 202-я моторизованная дивизии) корпуса, 11-я стрелковая дивизия, 9-я артиллерийская противотанковая бригада РКК, 6-я смешанная авиационная дивизия.

В полосе действий войск армии главный удар на Шяуляй и далее на Ригу наносила 4-я танковая группа генерал-полковника Э. Гёпнера. Ей содействовали 290-я и 268-я пехотные дивизии 18-й армии. В первом эшелоне наступали 1,6,8-я танковые дивизии, а во втором — 3,36-я моторизованные. В полосе ее наступления оборонялась 125-я стрелковая дивизия генерал-майора П. П. Богайчука, усиленная 51-м корпусным артиллерийским полком. В городе Таураге располагался штаб 106-го пограничного отряда. Его заставы охраняли государственную границу, до которой было шесть километров.

В 4 часа утра 22 июня противник открыл артиллерийский огонь по городу. Через 15 минут штабные подразделения погранотряда и 1-й комендатуры во главе с начальником отряда подполковником Л. А. Головиным занимали оборону на подступах к Таураге.

После артиллерийской подготовки вражеские части пересекли границу. С ними в неравную схватку вступили пограничники 1-й, 2-й и других застав. Сломив сопротивление малочисленных подразделений пограничников, танки и мотопехота немцев ворвались в Таураге. После ожесточенного боя пограничники оставили город и стали группами пробиваться в леса.

В 10–15 км за Таураге немецкие части встретились с 125-й стрелковой дивизией, которая одна вступила в борьбу со всей 4-й танковой группой врага, усиленной двумя пехотными дивизиями. Бойцы и командиры 125-й дивизии, проявляя мужество и отвагу, стойко защищали свои позиции. Так младший сержант Трофимов, командир орудия 8-й батареи 459-го гаубичного артиллерийского полка, в обстановке, когда батарея была окружена, а три его товарища ранены, он отвел их в укрытие и один хладнокровно расстреливал врагов прямой наводкой. Когда танки противника были почти на позиции батареи, он взорвал орудие и вышел из окружения.

125-я дивизия отбивала одну атаку противника за другой. Сражалась она с открытыми флангами. Поэтому противник, встретив упорное сопротивление и пользуясь численным превосходством, начал обходить ее с флангов. При угрозе окружения и понеся большие потери, она отошла в леса между Таураге и Скаудвиле⁴⁰².

Нанеся поражение частям 125-й стрелковой дивизии, противник начал быстро продвигаться вперед. По шоссе на Шяуляй двигался 41-й моторизованный корпус, а 56-й

отвернул вправо и направился на Расейняй.

В районе Воджгириса с частями 8-й танковой дивизии с ходу вступила в бой 48-я стрелковая дивизия генерал-майора П. Б. Богданова, которая без артиллерии походным порядком следовала к границе для занятия своего участка обороны. Артиллерия должна была прибыть по железной дороге. В связи с этим стрелковые полки вступили в бой с врагом без поддержки артиллерии и авиации и вели его с напряжением всех сил. Продвижение танковой дивизии 56-го моторизованного корпуса Манштейна было приостановлено, и он вынужден был ввести в бой 3-ю моторизованную дивизию, шедшую во втором эшелоне. На помощь наступающим была брошена авиация, которая непрерывно бомбила боевые порядки 48-й стрелковой дивизии, и ее полки вынуждены были отойти на северо-восток. 8-я танковая дивизия двинулась на Арёгала, а ее передовой отряд захватил исправный мост через реку Дубиссу.

Части 11-го стрелкового корпуса, оказавшиеся на направлении главного удара немецких войск, ожесточенно сражались и врагу лишь за счет превосходства в силах и средствах удавалось продвигаться вперед.

На правом фланге 8-й армии границу прикрывали 10-я и 90-я стрелковые дивизии 10-го стрелкового корпуса. Их атаковали соединения 18-й немецкой армии. 10-я дивизия оборонялась на участке 80 км, примыкавшем к Балтийскому морю. Она имела только 10 тыс. человек, а была атакована тремя пехотными дивизиями противника. Ее воины стойко сражались с врагом и отбивали непрерывно следовавшие атаки, но, вследствие численного превосходства, противнику удалось прорвать ее оборону в направлении Кретинги танками и мотоциклетными частями, а в направлении Куляй — пехотой. Части 10 дивизии начали отходить на Плунге и Ретавас. В районе Куляй был окружен ее 204-й стрелковый полк, но смелыми действиями он разорвал кольцо врага и вышел из окружения, сохранив всю материальную часть.

90-я стрелковая дивизия под ударами превосходящих сил противника отошла к Шилале, где и вела упорные бои. В ходе боев отличился командир батальона 173-го стрелкового полка капитан Кошель. Он подпустил противника на близкое расстояние и дал команду на открытие огня. Перекрестным пулеметным огнем батальона были уничтожены две роты немцев⁴⁰³.

Командование Северо-Западного фронта с началом бое-

вых действий поддерживало устойчивую связь с подчиненными и знало ход сражения у границы. В связи с ухудшением обстановки и определившимися действиями врага Военный совет фронта в 12 часов направил командующим 8-й и 11-й армиями приказ следующего содержания:

«12 мк – ликвидировать 23-й тд танки противника в Кретинге, главные силы корпуса развернуть на фронте Тельшяй, Повентис для удара по флангу и тылу противника, прорывающемуся на Таураген. 3 мк, оставив 5 тд в распоряжении командующего 11-й армией, 2 тд и 84 мд в ночь на 23 июня выйти заранее в путь движения район Расеня для удара во взаимодействии с 12 мк и 9-й артбригадой ПТО по противнику...»⁴⁰⁴.

Далее в приказе командующему 8-й армией ставилась задача «объединить действия 3 и 12 мк», то есть генерал-майору П. П. Собенникову подчинялся и 3-й механизированный корпус без 5-й танковой дивизии. Это обеспечивало эффективное использование двух механизированных корпусов для удара по группировке врага, действующей на шяуляйском направлении.

Командующему 11-й армией указывалось на необходимость обезопасить отход 128-й стрелковой дивизии, чтобы не допустить ее окружения, а также проведения работ на восточном берегу Немана до левой границы фронта.

Командующему ВВС фронта приказывалось «бить сильными ударами» группировки противника, наступающие из районов Таураге и Кальварии.

Для оказания помощи дивизиям первого эшелона в отражении натиска врага командующий 8-й армией в 15 часов подчинил из состава 12-го механизированного корпуса 23-ю танковую дивизию командиру 10-го стрелкового корпуса, а 202-ю моторизованную – командиру 11-го корпуса.

К исходу первого дня войны передовые части 4-й танковой группы Гёпнера продвинулись на 60–70 км от границы. Этот успех, как записано в журнале боевых действий группы армий «Север», был обусловлен следующим:

«Спротивление на границе было очень незначительным. Противник был застигнут врасплох... Все пограничные мосты... попали в наши руки в полной сохранности... Этот прорыв удался благодаря тому, что приграничные позиции противника либо оборонялись очень слабо, либо совсем не были прикрыты»⁴⁰⁵.

Немецкое командование правильно определило одну из

главных причин успеха – слабость первого советского эшелона прикрытия границы и отсутствие войск на отдельных ее участках. В частности, полоса прикрытия 48-й дивизии была открыта, так как она не успела выйти к границе. Самым сложным в начале войны является прорыв приграничных оборонительных позиций, которые строятся заблаговременно. Немцы готовились к выполнению этой сложной задачи, произвели массирование сил и средств на шяуляйском направлении, но решать ее не пришлось. Перешли границу почти беспрепятственно и с частями прикрытия ее начали встречаться в 9–10 часов утра и с этого времени сопротивление начало нарастать.

На шяуляйском направлении значительное противодействие немецким моторизованным частям оказала 9-я артиллерийская противотанковая бригада РК, которой командовал полковник Н. И. Полянский. В бригаду входили 636-й и 670-й артиллерийские полки, минно-саперный батальон и другие подразделения. Каждый полк состоял из шести дивизионов и роты пулеметов ДШК. Три дивизиона были вооружены 76-мм пушками, два – 85-мм и один – 37-мм зенитными орудиями. Всего в бригаде насчитывалось около 140 орудий. Расчеты 85-мм зенитных батарей прошли специальное обучение в стрельбе по танкам⁴⁰⁶.

20 июня бригада заблаговременно заняла подготовленный район обороны на участке Варняй – Кельме, оседлав шоссе на дороге Таураге–Рига на подступах к Шяуляю. На правом ее фланге развернулся 670-й артиллерийский полк майора С. П. Хоминского, на левом – 636-й подполковника Б. Н. Прокудина. Участок обороны каждого полка достигал 8 км.

Боевые порядки артиллерийских полков были построены в два эшелона. В первом эшелоне находились дивизионы 76-мм пушек, а во втором – дивизионы 85-мм зенитных орудий, предназначенные для стрельбы по самолетам, а при необходимости и по танкам.

Шоссе от Таураге на Ригу, по которой немцы развивали наступление, перекрывал 636-й артиллерийский полк. Во второй половине дня 22 июня из боевого охранения поступило донесение: «К району обороны 2-го дивизиона движется большая колонна пехоты». Через некоторое время поступило сообщение: «Пехота наша». Это к рубежу обороны бригады подходили отступающие два полка 125-й стрелковой дивизии, потерявшие связь со своим командованием. О них доложили по команде, и ко-

мандир 10-го корпуса разрешил Полянскому использовать их для усиления обороны. Стрелковые полки поступили в подчинение Прокудину и их командиры в четыре часа утра доложили ему о готовности к бою.

Около 6 часов утра 23 июня по дороге на Шяуляй к расположению 2-го дивизиона приблизилась колонна в составе около 50 вражеских мотоциклистов, которая метким огнем была уничтожена. Вскоре показались три разведывательных танка, один из которых был подбит, а другим удалось уйти.

Примерно через час после тридцатиминутной артиллерийской подготовки в наступление двинулись около 40 танков. С дальности 300-400 м до них артиллеристы открыли огонь и подбили несколько танков, остальные повернули обратно. После повторного артналета в атаку пошли танки с автоматчиками, которая также была отбита. До вечера противник атаковал, и по всему полю чернели подбитые танки.

С наступлением ночи полки 125-й стрелковой дивизии по приказу отошли к Шяуляю, а им на смену в район Кельме прибыла 202-я мотострелковая дивизия.

На рассвете 24 июня на позиции 9-й артиллерийской противотанковой бригады РК вновь в атаку пошли танки с автоматчиками, и бой разгорелся с новой силой. В этом бою особенно отличился наводчик А. Ф. Серов, уничтоживший 5 танков. Атаки противника следовали одна за другой до вечера и были продолжены 25 июня, но успеха он не добился. Бойцы 9-й бригады стойко отстаивали свои позиции. Вместе с ними отражали атаки врага и воины 202-й мотострелковой дивизии.

Утром 25 июня командование Северо-Западного фронта получило директиву Генерального штаба, об отводе войск на рубеж реки Западной Двины (Даугавы). Чем было вызвано это решение об огульном отступлении войск фронта, даже где они успешно сражались, неизвестно. В томе 1 показано, что на военных играх руководящему составу были привиты вредные навыки принятия решений на отступлении, которые недопустимо широко с легкостью принимались в ходе приграничных сражений. Вот как в данном случае. Отметим, что Г. К. Жуков в это время в Москве не было. Его Сталин в соответствии со своим ошибочным мнением, что Гитлер главный удар будет наносить на Киев, в середине 22 июня направил на Юго-Западный фронт, где он находился до исхода 26.

Штаб Северо-Западного фронта к исходу 25 июня сосредоточился на командном пункте в районе Двинска. Строительство его еще не было завершено, а узел связи находился в городе, что затрудняло связь с Генеральным штабом и войсками. Поэтому штаб фронта был переведен в Резекне, куда прибыл на рассвете 26 июня и включился в работу⁴⁰⁷. К 12 часам была установлена связь с 8-й армией, вечером – с 27. Связи со штабом 11-й армии не было и неизвестно, где она находилась.

9-я артиллерийская бригада РК оказалась мощным противотанковым соединением. Перед ее позициями остановились дивизии 41-го моторизованного корпуса Рейнгарда. Таких бригад перед войной было сформировано и полностью укомплектовано три. На Украине так же эффективно сражалась 1-я бригада, а в Белоруссии 8-я была поставлена на позиции вдали от путей движения танковых дивизий врага и не проявила всех своих качеств.

Бригада и далее могла бы удерживать занимаемый рубеж обороны, но около полуночи 25 июня получила приказ об отходе к Шяуляю. Полки 9-й бригады выполнили маневр и утром 26 июня заняли оборону перед городом. Около семи часов утра появились мотоциклисты, а за ними 7 танков, все они были подбиты.

Не имея возможности двигаться к Риге по шоссе, корпус Рейнгарда отвернул вправо и двинулся по незащищенным проселочным дорогам. Дальнейший его путь так описал Г. Гот: «Возобновив 26 июня свое продвижение к Западной Двине, 41-й моторизованный корпус рано утром вышел к Екабпилсу. За это время противник успел взорвать мост через Западную Двину, и корпус снова был вынужден остановиться»⁴⁰⁸. Автор после войны стоял в Екабпилсе и видел фермы моста в реке. Взрыв моста произвел старшина Заруцкий, когда на него въехали 12 танков, которые вместе с ним рухнули в воду.

В пятнадцать часов 9-я бригада вновь получила приказ отойти за Шяуляй и занять оборону совместно с 125-й стрелковой дивизией, однако уже вечером было приказано отходить к Риге и принять участие в ее обороне.

В ночь на 29 июня 41-й моторизованный корпус форсировал Западную Двину в районах Екабпилса и Плявинаса и приступил к расширению плацдарма. Для ликвидации этого плацдарма были выделены 28-я танковая и 202-я моторизованная дивизии, которые были подчинены командиру 65-го стрелкового корпуса генерал-майору К. В. Комиссаро-

ву. Но выполнить эту задачу он не смог, так как не удалось собрать отошедшие в разные районы части указанных дивизий.

Сложная обстановка в этот день сложилась и в районе Риги. Ее должны были оборонять отходившие от Лиепаи 28-й мотострелковый и 114-й стрелковый полки и курсанты Рижского военного училища, но они не прибыли. В результате оборона оказалась слабой, и во второй половине дня 29 июня в южную часть Риги ворвались передовые части 1-го и 26-го армейских корпусов и подошли к мостам через Западную Двину, чем поставили в тяжелые условия советские части, не успевшие отойти на ее северный берег. Прогрелись взрывы и в реку рухнули два из трех имевшихся мостов. Из-за плохой подготовки к взрыву сохранился железнодорожный мост. По нему на правый берег реки прорвались три танка и подразделение немецкой пехоты. Действиями бронепоезда и подразделений 10-й и 125 стрелковых дивизий немцы к вечеру были уничтожены. К этому времени группе бойцов 47-го корпусного артиллерийского полка под командованием лейтенанта Васильева удалось повредить железнодорожный мост.

30 июня части 10-го стрелкового корпуса и других соединений оставили правобережную часть Риги и в нее вступили немецкие войска.

§ 3. Боевые действия 11-й армии

На левом фланге Прибалтийского особого военного округа государственную границу от Смалининка до Копцово прикрывала 11-я армия. Командовал армией генерал-лейтенант В. И. Морозов, членом Военного совета был бригадный комиссар И. В. Зуев, начальником штаба – генерал-майор И. Г. Шлемин.

В состав армии входили 16-й стрелковый (5,33-я и 188-я стрелковые дивизии), 29-й стрелковый (179-я и 184-я стрелковые дивизии)⁴¹⁰, 3-й механизированный (2,5-я танковые, 84-я моторизованная дивизии) корпуса; 23,126-я и 128-я стрелковые дивизии, 42-й и 46-й укрепленные районы, 8-я смешенная авиационная дивизия.

В полосе 11-й армии в составе войск противника действовали 10,28,23,2-й армейские корпуса 16-й армии; 3-я танковая группа с приданными ей 5-м и 6-м армейскими корпусами и 161-й пехотной дивизией 9-й армии соседней группы армий «Центр».

Войска 11-й армии были построены в два эшелона. В состав первого эшелона входили 128,188,33-я и 5-я стрелковые дивизии, развернутые на позициях вдоль государственной границы. От каждого полка на границе находилось по батальону, всего 12 батальонов, а остальные силы в непосредственной близости. Во второй эшелон входили 126-я стрелковая дивизия в районе Преная, 5-я танковая у Алитуса, 23-я стрелковая, передислоцировавшаяся из Двинска под Каунас, передовые отряды которой выходили на рубеж вдоль реки Нявежис; 29-й стрелковый корпус, располагавшийся в Вильнюсе и летних лагерях у Варены. 3-й механизированный корпус в составе 2-й танковой и 84-й моторизованной дивизий в середине первого дня войны был передан в состав 8-й армии, поэтому его не учитываем. Всего 11-я армия имела 9 дивизий, из них 8 стрелковых и одну танковую. Лишь 4 дивизии из 8 были развернуты на границе, что явно недостаточно.

5-я танковая дивизия являлась единственным бронетанковым соединением армии, командовал ей полковник Ф. Федоров. 19 июня она была приведена в боевую готовность и сосредоточилась на восточном берегу Немана в районе Алитуса. 9,10-й танковые и 5-й гаубичный артиллерийский полки располагались на восточной окраине города, а 5-й мотострелковый и 5-й мосто-пontonный батальон — на северной. В дивизии имелось 295 танков, из них, 27 небоеспособных.

Взрыв мостов через Неман в критической ситуации был возложен на 4-й понтонно-мостовой полк, которым командовал майор Н. П. Беликов, выделивший на каждый мост группу подрывников. Но им не были известны методы действий подразделений немецкого полка «Бранденбург», личный состав которых в нарушение законов ведения войны был одет в форму советских бойцов и командиров. Поэтому они беспрепятственно приблизились к группам подрывников, внезапно на них напали и ликвидировали.

У противника войска также были построены в два эшелона. Главным был первой, в котором было сосредоточено 80 проц. сил и все 1014 танков. В составе первого эшелона на границе были развернуты 10,28,2,6,5-й армейские, 39-й и 57-й моторизованные корпуса. В нем имелось 17 дивизий, из них 10 пехотных, 4 танковые и 3 моторизованные. Во втором эшелоне было всего 4 дивизии: две пехотные 23-го корпуса и две охраняемые.

Если у противника второй эшелон был мал и находился в непосредственной близости от первого, то в 11-й армии главные силы были во втором эшелоне, дивизии которого находились от первого на расстоянии до 150 км, что не обеспечивало их взаимодействия и взаимопомощи. Фактически первый и второй эшелоны представляли собой обособленные группы войск, что позволяло немцам громить их по частям, имея каждый раз громадное превосходство в силах.

По числу дивизий противник превосходил 11-ю армию в 2,3 раза, а каждая его дивизия по численности была больше советской в 1,8 раза. Поэтому по личному составу он превосходил армию более чем в 4 раза. В связи с этим даже при рациональном использовании дивизий сил у армии было недостаточно для ведения эффективной обороны, а оно было усугублено распылением соединений по обширной территории при превосходстве немцев по танкам и самолетам.

Противник с началом войны ввел в бой 19 дивизий первого эшелона. Им на границе противостояли всего 4 стрелковые дивизии, и его превосходство было 7-8 кратным, что предопределило их быстрый разгром, а затем нанесение поражения и соединениям второго эшелона, расположенным в глубине обороны.

При расположении советских войск в приграничной полосе не учитывался опыт воин Германии против Польши, а затем Франции и Англии. Если на Западе ее мощные компактные группировки бронетанковых и моторизованных войск прошли победным маршем по многим странам Европы, то Гитлер полагал, что так будет и на Востоке и на первом этапе войны это подтвердилось.

Ошибка командующего 11-й армией в создании группировки войск состояла в том, что для дивизий, расположенных на границе, как бы не существовало находящихся во втором эшелоне, а для последних уже не было их, так как они были разбиты ко времени, когда им предстояло вступить в бой. Так же были расположены войска 8-й армии, что отражало общее мнение о ведении войны, о чем маршал Г. К. Жуков в воспоминаниях пишет:

«Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в том числе руководство Генерального штаба, теоретически понимало изменения, происшедшие в характере и способах ведения второй мировой войны. Од-

нако на деле они готовились вести войну по старой схеме...»⁴¹¹.

Внезапности нападения войск Германии в полосе 11-й армии не было, как и во всем Прибалтийском военном округе. Четыре стрелковые дивизии заблаговременно были развернуты на позициях у границы в полной боевой готовности.

Главный удар в полосе 11-й армии наносила 3-я танковая группа генерал-полковника Г. Гота. Ее 39-й моторизованный корпус наносил удар на Вильнюс, Минск, а 57-й – на Минск. Наступала она с поддерживающими ее 5-м и 6-м армейским корпусами из района Кальварии в полосе 50 км. На третий день наступления она выходила из полосы Северо-Западного фронта и входила в полосу Западного, где и продолжала вести боевые действия. Правее этой полосы наступала 161 пехотная дивизия.

Этим силам противника из состава 11-й армии противостояли: на границе 188-я и 128-я стрелковые дивизии, у Алитуса дислоцировалась 5-я танковая, у Преняя, Вильнюса и Варены – 126,179-я и 184-я стрелковые дивизии.

Соотношение сил и средств на этом участке обороны 11-й армии показано в таблице⁴¹².

Силы и средства	11-я армия	3-я танковая гр., 5 див. 9-й армии	Соотношение сил и средств
Дивизии	6	12	1:2
Личный состав	56840	265000	1:4,6
Орудия и минометы	1538	3060	1:2
Танки	375	1014	1:2,7

Из таблицы видно, что немцы превосходили советские войска по численности личного состава в 4,6 раза, по орудиям и минометам в 2 и танкам в 2,7 раза. Это было подавляющим превосходством противника по всем главным элементам над советскими войсками, рассредоточенным на большую глубину и представляющими очаги сопротивления. На границе немецким войскам численностью в четверть миллиона человек с 1 014 танками противостояли всего две стрелковые дивизии общей численностью 17 600 человек с 32 танками. Противник превосходил их по числен-

ности личного состава в 15 раз и танкам – в 32. В результате бои у границы, а затем на рубежах в глубине носили скоротечный характер, чему способствовала высокая активность немецкой авиации.

Поэтому до нападения Германии, как пишет Гот, «командование танковой группы рассчитывало не на столкновение с главной массой неприятеля, а на прорыв фронта, обороняемого слабыми силами противника»⁴¹³. Для достижения высоких темпов наступления он в первый эшелон поставил 7,20,12-ю танковые дивизии, а во второй – 19-ю танковую и 14,20,18-ю моторизованные дивизии. Второй эшелон следовал в непосредственной близости от первого и немедленно приходил ему на помощь, что придавало боевому порядку большую ударную силу.

«22 июня в три часа (четыре по московскому времени. – В. С.) с минутами, – как пишет в воспоминаниях Гот, – четыре корпуса танковой группы при поддержке артиллерии и авиации, входившей в состав 8-го авиационного корпуса, пересекли государственную границу. Вомбардировочная авиация нанесла удары по аэродромам противника, имея задачу парализовать действия его авиации. В первый день наступление проходило полностью по плану»⁴¹⁴.

Боевые действия в полосе 11-й армии развивались стремительно. Бои носили ожесточенный характер, сплошной линии фронта не было. Многие части и соединения вели боевые действия с открытыми флангами, что позволяло противнику их обходить. И хотя бойцы и командиры проявляли массовый героизм изменить обстановку к лучшему они не могли и под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отходить.

Отмечая мужество наших бойцов и малое количество советских войск на пути движения дивизий танковой группы, Гот в своей книге пишет: «Там, где противник встречался, он оказывал ожесточенное сопротивление, стоял насмерть».

3-я танковая группа, перейдя в наступлении, быстро разгромила 128-ю и 188-ю дивизии, отеснила оставшиеся их силы от шоссе и на большой скорости двинулась на восток, не имея перед собой советских войск. Ее 39-й моторизованный корпус генерала танковых войск Шмидта двигался на Алитус, а 57-й корпус генерала танковых войск Кунтцена – на Мяркине.

Оставшиеся силы 128-й стрелковой дивизии, обойден-

ные слева и справа, в середине дня вела тяжелые бои с наступающим противником в районе озера Дуся. В конце дня связь с дивизией прекратилась и не возобновлялась. Части 188-й дивизии под ударами 6-го армейского корпуса отходили на Пренай. С подходом противника к Неману мост в Пренае был взорван, и его части остановились.

В Алитусе (Олита) командир 5-й танковой дивизии с началом войны поднял части по боевой тревоге и вывел часть сил на западный берег Немана. Сюда же подошли части 126-й стрелковой дивизии. Под вечер с запада показался передовой отряд 7-й танковой дивизии и с ходу атаковал советские части, но получил отпор и отошел. С подходом главных сил дивизии завязался жаркий бой, горели немецкие и советские танки. С наступлением темноты бой прекратился, и советские части отошли на восточный берег Немана. За последними бойцами к двум мостам через Неман подошли подразделения полка «Бранденбург» и неожиданно захватили в плен две группы подрывников, не позволив им взорвать эти важнейшие мосты.

Вот как штаб 3-й танковой группы описал в донесении в группу армии «Центр» бой у Алитуса.

«Вечером 22 июня 7-я танковая дивизия имела крупнейшую танковую битву за период этой войны восточнее Олита против 5-й танковой дивизии»⁴¹⁵.

Полковник Федоров допустил большую ошибку в том, что не уделил должного внимания защите мостов через Неман. Как только стало известно, что группы подрывников их не взорвали и немцы по ним переправляются на правый берег, он должен был немедленно, ночью частью сил или всей дивизией атаковать и уничтожить переправившегося противника, и взорвать мосты. В этом случае его дивизия смогла надежно оборонять восточный берег широкого и глубокого Немела и не допустить его форсирования 39-м корпусом в течение длительного времени, чем существенно повлиять на ход борьбы за Вильнюс и Минск. Но он этого не сделал.

57-й моторизованный корпус, смяв у границы сопротивление левофланговых частей 128-й стрелковой дивизии, беспрепятственно двигался на восток, захватил в исправном состоянии мост у Мяркине через Неман и уже в 9 часов утра взял Варены, и двинулся на Ошмяны⁴¹⁶.

В районе Варены находилась в лагерях 184-я стрелковая дивизия и корпусные части 29-го стрелкового корпуса, которые и вступили в бой с врагом. Этот корпус был

сформирован из частей армии Литвы, и его стрелковая дивизия по штату имела численность 6000 человек. Такая дивизия не могла долго противостоять целому моторизованному корпусу и после короткого боя стала отходить на север.

3-я танковая группа в первый день войны захватила в исправном состоянии три моста через Неман - серьезную водную преграду на своем пути. Герман Гот не мог скрыть своего ликования по этому поводу даже много лет спустя и в своей книге пишет:

«Для 3-й танковой группы явилось большой неожиданностью, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными. Пленный офицер-сапер рассказал, что он имел приказ взорвать мосты в Алитусе в 13.00»⁴¹⁷.

Мосты для немцев имели настолько важное значение, что Гот, чтобы не снижать темпов наступления, приказал переправляться по ним на восточный берег круглосуточно. И это в условиях, когда немцы в начале войны ночью боевых действий не вели. За первый день моторизованные корпуса продвинулись на 60-70 км от границы.

На Каунас наступал 2-й армейский корпус. Границу на этом направлении обороняла 33-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор К. А. Железняков. Воины этой дивизии проявили высокую стойкость в борьбе с врагом, вследствие правильной организации обороны.

Еще 20 июня три батальона, по одному от стрелкового полка, и пушечный артиллерийский полк по указанию командира дивизии вышли к границе и развернулись в боевые порядки. На рассвете 22 июня, как только немецкие части двинулись в наступление, их встретил мощный огонь дежурных батальонов и артиллерийского полка. Все атаки врага были отбиты и батальоны удерживали позиции до подхода главных сил дивизии, которая отстаивала их до конца дня. Противник по главной дороге на Каунас продвинуться не смог. Лишь с наступлением темноты в связи с угрозой окружения, так как соседи на флангах отсутствовали, дивизия по приказу отошла в леса у Казлу-Руда и приняла участие в обороне Каунаса.

Части 5-й стрелковой дивизии после упорных боев на границе, отошли к пункту Шакай, на подступах к которому утром успешно контратаковали врага. После длительных и упорных боев с превосходящими силами противника отошли к северной окраине казлурудских лесов и прикры-

ли с этого направления подступы к Каунасу.

Всю ночь на 23 июня дивизии 39-го моторизованного корпуса переправлялись по захваченным мостам в Алитусе через Неман и с утра возобновили наступление. Врага встретили огнем воины 5-й танковой дивизии, развернувшиеся на широком фронте. Отважно сражались советские танкисты и уничтожили 170 танков, броневых автомобилей и автомашин врага⁴¹⁸. Но противник, используя численное превосходство двух танковых и двух моторизованных дивизий и поддержку с воздуха пикирующих бомбардировщиков Ю-87, сломил их сопротивление и они начали отходить на Вильнюс, понеся значительные потери. Вслед за ними двигались дивизии 39-го корпуса, скорость движения которых вперед сдерживали в основном грунтовые дороги, труднопроходимые для автомашин французского производства. К исходу дня части 39-го корпуса подошли к Вильнюсу, пройдя за день 70 км. На окраине города оборону заняли остатки 5-й танковой дивизии и некоторые корпусные части 29-го стрелкового корпуса.

В вечернем донесении 9-й армии в вышестоящий штаб сказано, что действия противника приняли более планомерный характер. «Русские сражаются до последнего, предпочитают плену смерть (приказ политкомиссаров) Большие потери личного состава, мало пленных»⁴¹⁹. Среди разбитых или не представляющих никакой боевой ценности указаны 128,188-я стрелковые и 5-я танковая дивизии, части 29-го корпуса.

Гот приказал 8-му авиационному корпусу передислоцироваться частью сил в район Варена и продолжать наносить удары по авиационным частям противника, обратив особое внимание «на непосредственную поддержку в наземном бою». Воздушной разведкой установить подтягивает ли противник силы из районов Минска и Двинска «Боевая разведка должна проводиться впереди и по сторонам полос движения танковых дивизий». В результате командиры 39-го и 57-го моторизованных корпусов в ходе наступления хорошо знали обстановку, расположение и действия противостоящих войск. Этих данных как раз и не доставало советским командирам, хотя и имелось достаточное количество самолетов, но отсутствовал опыт их боевого применения и не налажено взаимодействие авиации с сухопутными войсками.

Утром дивизии 39-го корпуса вновь перешли в наступление, и на подступах к Вильнюсу завязался жаркий и

продолжительный бой, в котором противник потерял до двух батальонов танков, 4 батареи противотанковых орудий, 3 минометных батареи. В бою исключительную храбрость проявили младшие лейтенанты Романов, Поляков и лейтенант Фомин из 5-го артиллерийского полка и старший лейтенант Веденеев из 10-го танкового. Противник обошел фланги обороняющихся, и под угрозой окружения остатки 5-й танковой дивизии оставили Вильнюс и начали отходить на Ошмяны. При этом полковник Федоров все боевые машины подчинил командиру 9-го танкового полка полковнику Веркову.

В полдень 5-й артиллерийский полк вышел в район Ошмян и обнаружил высадившийся воздушный десант противника. Взвод младшего лейтенанта Романова открыл по нему огонь и уничтожил большую часть десантников.

Утром 25 июня полковник Федоров приказал командиру 9-го полка захватить Ошмяны. Полковник Верков сформировал отряд из 4 БТ-7 и 6 бронемашин под командованием капитана Новикова, который атаковал на восточной окраине Ошмян колонну танков и автомашин. Противник частично был уничтожен, а остальные спешно отошли. В этом бою старший лейтенант Веденеев огнем из своего танка уничтожил 5 танков и 4 противотанковых орудия. В другом районе сержанты Томильченко и Зайцев на танках Т-34 врезались в колонну противника и уничтожили большое число боевой техники.

Из Ошмян остатки 5-й танковой дивизии под ударами противника начали отходить на Молодечно. За ними на небольшом удалении двигались без противодействия дивизии 39-го моторизованного корпуса.

В результате наступления противника между Северо-Западным и Западным фронтами образовался разрыв в 120 км и его нечем было закрыть.

Для сдерживания движения 39-го моторизованного корпуса к Минску против него была брошена дальнебомбардировочная авиация и бомбардировочные дивизии ВВС Западного фронта. По колоннам врага успешно действовал и 215-й штурмовой авиационный полк под командованием майора Л. Д. Рейно. С 24 по 27 июня летчики этого полка произвели 284 боевых вылета и уничтожили большое число живой силы и боевой техники врага⁴²⁰.

Под вечер 24 июня части 2-го армейского корпуса, преодолев сопротивление 5-й и 33-й стрелковых дивизий, ворвались в Каунас и овладели городом, но развить

дальше успех не смогли, так как воины 4-го понтонно-мостового полка взорвали все мосты через Неман в этом районе.

56-й моторизованный корпус Манштейна из состава 4-й танковой группы 23 июня вошел в полосу действий 11-й армии и к вечеру взял Укмерге. В связи с его быстрым движением к Двинску, генерал-лейтенант В. И. Морозов решил 24 июня нанести удар ему во фланг силами 84-й моторизованной дивизии, вновь перешедшей в его подчинение. В развернувшемся бою с превосходящим противником дивизия, обескровленная в предыдущих боях, вновь понесла большие потери и под непрерывными ударами авиации, разрозненными подразделениями, отошла в расположение отступавших частей 16-го корпуса.

Остатки 11-й армии под угрозой окружения поспешно отходили на северо-восток в леса и мало населенную местность у Швенчениса. Связи со штабом фронта не было и командование не знало о местонахождении 11-й армии, которая к исходу третьего дня войны не оказывала врагу никакого противодействия, успешно наступавшему на ленинградском и минском направлениях. Вот печальный результат неправильного использования сил и средств.

В 11-й армии внезапного нападения врага не было, дивизии заблаговременно были приведены в полную боевую готовность с занятием позиций по плану прикрытия границы. Несмотря на это, на третий день войны она потерпела полное поражение. Оказывается, что этого мало. Нужны еще военное искусство командования и построение войск в рациональный боевой порядок, а этого и не оказалось.

§ 4. Контрудар механизированных корпусов

В связи с успехами противника на шяуляйском направлении, утром 22 июня Военный совет фронта приказал командующему 8-й армией нанести удар по противнику и восстановить положение на границе. Для этого выделил в его распоряжение дополнительно 3-й механизированный корпус без 5-й танковой дивизии.

В соответствии с полученными указаниями командующий 8-й армией в 14 часов издал приказ, в котором сказано, что «8-я армия, широко используя заграждения, имеет задачу... объединив действия 12-го и 3-го механизированных корпусов, во взаимодействии с 11-й армией уничто-

жить пехоту и танки противника на шяуляй-тильзитском направлении»⁴²¹.

12-му механизированному корпусу была поставлена задача: во взаимодействии с 3-м механизированным корпусом и стрелковыми корпусами нанести удар силами 23-й танковой дивизии на Плунге – немедленно; силами 28-й дивизии – в 4.00 23 июня с рубежа Варнай, Утвентис – на Таургае⁴²².

3-му механизированному корпусу в составе 2-й танковой и 84-й мотострелковой дивизий к утру 23 июня выйти в район Расеня и нанести удар по противнику навстречу 12-му корпусу.

Одновременный удар 12-го и 3-го механизированных корпусов с двух сторон под основание вражеского танкового клина должен был обеспечить разгром его ударной группировки на шяуляйском направлении.

Для организации контрудара по противнику силами двух механизированных корпусов из штаба фронта в войска был направлен начальник автобронетанкового управления полковник П. П. Полубояров. В штаб 8-й армии он прибыл вечером и совместно с генерал-майором П. П. Собенниковым уточнил вопросы нанесения контрудара. После этого посетил штаб 3-го механизированного корпуса в Кедайняе и передал приказ о переходе его в наступление в 12 часов 23 июня, а командиру 12-го корпуса передал указание начать наступление в 11 часов, чтобы одновременно выйти на рубеж встречи.

Когда все вопросы нанесения контрудара были отработаны и механизированные корпуса готовились к его нанесению, а некоторые подразделения приступили к выполнению поставленных задач, около 24 часов 22 июня на командном пункте фронта получили приказ народного комиссара обороны № 3, отданный в 22.07. Приказ требовал:

«Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунаса во фланг и тыл сувалковской группировке противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки...»⁴²³.

Идея окружения и уничтожения сувалковской группировки войск противника ударами механизированных корпусов с двух сторон под основание неширокого Сувалковского выступа появилась бы у каждого военачальника, взглянувшего на карту. Ее и решили воплотить в жизнь

Тимошенко и Ватутин с согласия Сталина. При этом они, как на военной игре полагали, что противник должен быть там, где они считают. В результате, не зная обстановки, которая сложилась на фронте, они требовали окружить пустое место и уничтожить несуществующую сувалковскую группировку войск, так как она к этому времени находилась на удалении 60–70 км от Сувалковского выступа. Ко времени взятия Сувалок она будет на подступах к Минску.

Подобного некомпетентного управления войсками Верховным командованием мы не встретим в истории войн. В течение одних суток оно направило в войска четырех фронтов приказы № 1 и № 3 с невыполнимыми требованиями. Первый приказ требовал до рассвета перебазировать всю авиацию на полевые аэродромы, когда 85 проц. летчиков не могли летать ночью, а в северных районах был полярный день и не было рассвета. Второй приказ требовал окружения пустого места и уничтожения несуществующей сувалковской группировки войск противника.

В числе авторов приказов №№ 1,3 видим первого заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанте Н. Ф. Ватутина, который по воле И. В. Сталина, отправившего Г. К. Жукова на Юго-Западный фронт, в критические дни войны руководил Вооруженными Силами.

Г. К. Жуков, как сказано выше, был против отдания приказа № 3 до выяснения обстановки, а в воспоминаниях осудил его содержание, но он не знал невыполнимых и бессмысленных указанных его требований. В Генеральном штабе через часа полтора получили с Северо-Западного фронта донесение с данными об обстановке и увидели несоответствие ей требований приказа № 3, но не внесли в него уточнений и изменений, так как требовалась санкция Сталина.

В полосе Северо-Западного фронта противник наносил два главных удара на Алитус и Шяуляй, и наиболее опасным командование считало последний. По всему фронту противник имел большой успех. На направлениях главных ударов он к исходу дня продвинулся на 60–70 км, а на остальных участках границы – на 20–30. Эти данные обстановки штаб фронта направил в Москву в 22 часа. В этих условиях целесообразность удара на Сувалки, из-за значительного превосходства противника, вызывала сомнение. Поэтому командование Северо-Западного фронта оставило в силе свое решение о разгроме прежде всего

таурагенской группировки противника. Рассмотрим, как наносился контрудар.

28-я танковая дивизия, совершив ночью 50-километровый марш, вышла к 10 часам утра 23 июня в исходный район для наступления севернее Ужвантиса и остановилась без горючего. Как могло такое случиться, что после двух дней нахождения в исходном районе в бездействии, совершив ничтожный переход по сравнению с запасом хода танков Т-26 и БТ-7, дивизия остановилась без горючего? Неужели ставивший боевую задачу не знал этого?

«Черняховский не находил себе места, — пишет генерал-лейтенант П. Г. Кузнецов. — Горючее обязан был подвезти армейский автотранспорт, но он вместо необходимых 16 автоцистерн доставил 16 бочек, которых хватило на заправку семи танков. А направленный в Ригу дивизионный автотранспорт, совершив в оба конца около 500 километров, возвратился лишь после полудня»⁴²⁴.

Не по песне получилось: «Если завтра в поход, будь сегодня к походу готовым». Второй день идет война, а мощная танковая дивизия без горючего скрывается в лесу от ударов авиации врага, сухопутные части которого беспрепятственно движутся вперед.

Что делали другие дивизии 12-го механизированного корпуса? 202-я моторизованная дивизия, совершив марш через Шяуляй, вышла в район Кельме, где с 9-й артиллерийской противотанковой бригадой РК заняла оборону, перекрывающую шоссе на Ригу, 23-я танковая дивизия в 13 часов выступила из района Плунге в направлении Лаукува.

Лишь в 15 часов 28-я танковая дивизия заправилась горючим и приступила к выполнению боевой задачи. Высланная вперед разведка доложила, что в Варняе и Кражайе противника нет. Дивизия колонной, имея в голове 55-й и 56-й танковые палки, двинулась на Кальтиненай. Под вечер при подходе к нему головной отряд подвергся артиллерийскому обстрелу, так как он только что был взят немцами, а оборонявшие его подразделения 125-й стрелковой дивизии отошли на Кражай.

Черняховский развернул авангардный 55-й полк и дал команду атаковать врага. В 22.00 первая группа из 17 танков во главе с заместителем командира палка майором Б. П. Поповым двинулась на Кальтиненай вдоль дороги с северо-востока. Вторая группа в составе 23 танков во

главе с командиром полка майором С. Ф. Онищуком двинулась на юг и вскоре овладела дорогой на Расейняй, уничтожив при этом до роты мотоциклистов.

Группу Попова противник встретил организованным противотанковым огнем. Несмотря на это, танкисты смело атаковали врага и в скоротечном бою уничтожили до двух рот пехоты, около десяти орудий и отбросили врага на юг. Но и свои потери были большие. Один за другим застывали на месте или загорались советские танки. Загорелся и остановился танк майора Б. П. Попова. Механик-водитель и башенный стрелок погибли. Попов был ранен, но продолжал вести огонь и уничтожил еще одно противотанковое орудие. И только когда весь танк охватило пламя, он оставил боевую машину и тут же был сражен противником. Подвиг Б. П. Попова был высоко оценен правительством, и ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Из группы Попова на сборный пункт не вернулось 13 танков, у Онищука потерь не было. Как только группы вернулись, 28-я танковая дивизия вышла из боя с 1-й танковой дивизией врага и ночью сосредоточилась в районе Каркленая.

23-я танковая дивизия вела боевые действия совместно с 10-м стрелковым корпусом против 217-й пехотной дивизии. Командир корпуса генерал-майор И. Ф. Николаев в 17 часов приказал: «10-му ск во взаимодействии с 23-й тд уничтожить наступающие части противника, восстановить ранее занимаемое положение с целью в последующем частью сил нанести контрудар в направлении Таураге»⁴²⁵.

2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса, которой командовал генерал-майор танковых войск Е. Н. Солянкин, нанесла удар от Расейняй на Скаудвиле и во второй половине дня у этого города вела бой с моторизованными войсками противника. В ходе этого боя разгромила 10-й моторизованный полк, при этом уничтожила до 40 танков и 30 противотанковых орудий врага. Но и части дивизии понесли потери в танках.

В контрударе 23 июня по флангам 4-й танковой группы участвовали 23,28-я и 2-я танковые дивизии. Врагу был нанесен ощутимый ущерб и приостановлено его движение к Шяуляю. Танковые клинья 28-й и 2-я танковых дивизий почти сошлись у Скаудвиле. И если бы Черняховский не отвел свою дивизию к северу от Кальтиненайя, они бы

бронированным щитом встали на пути врага.

Военный совет Северо-Западного фронта нанесение контрудара силами тех же трех танковых дивизий решил продолжить и 24 июня. Но вновь возникли трудности.

«28-я танковая дивизия, заняв в своем районе круговую оборону, перейти в наступление не могла. Она снова оказалась без горючего»⁴²⁶. Весь день в такое ответственное время она вновь бездействовала из-за недостатков тылового обеспечения. Только в 19 часов начали подходить бензовозы, и в 22 часа Черняховский лично прибыл в штаб корпуса, чтобы доложить о готовности дивизии и получил от генерала Шестопалова подтверждение прежней боевой задачи и указание о переходе в наступление утром следующего дня.

23-я танковая дивизия частью сил совместно с 90-й стрелковой дивизией с трудом сдерживали натиск 207-й и 217-й пехотных дивизий на Лаукуву. Мотострелковый полк этой дивизии, усиленный ротой танков, нанес удар в направлении Кальтинена. К исходу дня 23-я дивизия, потеряв свыше половины своих танков и израсходовав горючее, отошла к северу и сосредоточилась в лесах у местечка Варняй в непосредственной близости от 28-й дивизии.

В 5 часов утра 25 июня 28-я танковая дивизия стала вытягиваться из района нахождения в направлении на Пошиле. На подходе к нему Черняховскому доложили, что навстречу движется мотоколонна немцев. Оценив обстановку, он приказал 55-му полку атаковать врага.

Майор Онишук развернул и повел в атаку все имевшиеся 30 танков. Разгорелся встречный бой. Танковая рота лейтенанта Н. Д. Литвинова с ходу атаковала врага и уничтожила восемь автомашин с пехотой, расстреляла и раздавила гусеницами два противотанковых орудия.

Против полка Онишук немцы ввели в бой подошедшую новую колонну танков, а также мотоциклистов и значительные силы пехоты. Черняховский для наращивания удара по врагу ввел в бой 56-й танковый полк майора Н. И. Герко. Его головной танковый батальон капитана Алексеева смело вступил в бой. Танкисты сметали на своем пути не успевшую развернуться пехоту, расстреливали и давили гусеницами мотоциклистов. Капитан Алексеев раздавил танком дом, в котором размещался штаб одной из частей 1-й танковой дивизии врага.

Отличился в этом бою танковый взвод лейтенанта В.

Г. Бердникова. Танкисты взвода мужественно сражались. Они вначале смяли несколько противотанковых орудий, а затем вступили в бой с подошедшими немецкими танками. Лично Бердников, когда его танк был подбит, снял с него пулемет и продолжал вести бой как пехотинец.

Танк майора Герко был подбит, а сам он ранен. Алексеев, пришедший ему на помощь, помог пересест в другой танк. На окраине Пашиле остановился подбитый танк майора С. ф. Онищука. Его окружили фашисты. На предложение сдаться в немцев из люка полетели гранаты, а затем из объятой пламенем машины послышалось пение «Интернационала». Танкисты героически погибли.

Свыше четырех часов у местечка Пашиле шел жаркий бой 28-й советской и 1-й немецкой танковых дивизий. Нанеся врагу большой урон, значительные потери понесла и 28-я дивизия — 84 танка остались на поле боя.

После боя танкисты отошли на сборный пункт в лес северо-восточнее Пашиле. Здесь сосредоточились штаб дивизии, отдельный разведывательный батальон, гаубичный артиллерийский полк, остатки 55-го и 56-го танковых полков, имевших около 30 танков и уцелевшие экипажи подбитых машин.

Противник обошел открытые фланги и окружил оставшиеся силы дивизии. Для выхода из окружения И. Д. Черняховский в голову колонны поставил семь танков 55-го полка, а на прикрытие отхода — разведывательный батальон майора К. В. Швейкина. В 16 часов коротким ударом фронт противника был прорван, и к вечеру оставшиеся силы дивизии сосредоточились в лесах восточнее Ужвантиса. Здесь был получен приказ на отход через Куршенай на Грузджай, куда прибыли к исходу следующего дня. В это время на командный пункт дивизии прибыл командир 12-го корпуса генерал Шестопалов и поставил боевую задачу. Дивизии было приказано занять оборону на южном берегу реки Муша и прикрыть переправы через нее на Ригу и Пашвинтинис. В составе дивизии имелись до 40 танков, с учетом подобранных и приведенных в боевое состояние ранее неисправных машин, четыре батареи полевых гаубиц, около сотни спешенных танкистов и небольшое число разведчиков, саперов, связистов. Ширина обороны дивизии достигала 10 км. К полудню 27 июня дивизия этими небольшими силами заняла назначенный ей рубеж⁴²⁷.

В это время 23-я танковая дивизия прикрывала отход

10-го стрелкового корпуса на Ригу, а 202-я моторизованная дивизия – 11-го стрелкового корпуса восточное Шяуляя. Соединения 8-й армии отходили на северный берег реки Западной Двины.

В 17 часов 27 июня передовые подразделения 28-й танковой дивизии были атакованы крупными силами противника. Одновременно он развернул наступление по северному берегу реки. Разгорелся жаркий бой, который продолжался около двух часов. Танкисты бились до последнего, удерживая переправы. Лишь половине сражавшихся удалось отойти на северный берег и к 19 часам сосредоточиться на сборном пункте. Ночью в дивизию прибыл начальник артиллерии 12-го механизированного корпуса полковник Разинцев, который сообщил, что штаб корпуса был окружен и разгромлен, генерал-майор Н. М. Шестопалов погиб, и он временно принял на себя командование. Разинцев поставил задачу дивизии: сосредоточиться в районе станции Кегумс и занять оборону на северном берегу Западной Двины. К исходу 28 июня дивизия заняла заданный рубеж, имея 22 танка.

2-я танковая дивизия 24 июня продолжала вести бой с 6-й танковой и 36-й моторизованной дивизиями противника, поддержанных частью сил 290-й пехотной. Ее особенно беспокоила вражеская авиация, советских же самолетов не было видно. В связи с этим около 20 часов командир 3-го механизированного корпуса генерал-майор танковых войск А. В. Куркин направил командующему фронтом телеграмму: «На протяжении всех боевых действий нет нашей авиации. Противник все время бомбит. Прошу действия Скаудвиле прикрыть».

Но советские истребители над полем боя так и не появились. Во 2-й танковой дивизии подходили к концу горючее и снаряды. Командование фронта пыталось организовать доставку горючего по воздуху, но это не было реализовано. На исходе дня дивизия, охватываемая с флангов превосходящим противником, начала отходить на восток. При отходе на танках кончалось горючие и они группами начали останавливаться. Генерал Солянкин приказал взрывать их, чтобы не достались врагу. Так дивизия лишилась основной массы своих танков не в результате боевого воздействия врага, а из-за недостатков организации работы органов снабжения. Немцы воевали на чужой территории и обеспечивали войска всем необходимым, а советские танкисты часто были лишены самого не-

обходимого – горючего.

25 июня противник в районе Расейня окружил обескровленную 2-ю танковую дивизию и вместе с ней штаб 3-го механизированного корпуса. Положение осложнилось отсутствием горючего и боеприпасов для танков. На следующий день в жарком бою погиб командир дивизии Е. Н. Солянкин. Во 2-й дивизии осталось около десяти танков, остальные были потеряны в бою под Скаудвиле или уничтожены самими танкистами при отступлении, когда кончилось горючее⁴²⁸.

Под вечер 26 июня генерал Куркин собрал совещание командного состава частей и штабов, на котором сообщил свое решение о прорыве из окружения. Он приказал прорыв произвести ночью на восток так, чтобы к утру пересечь шоссе на Двинск севернее Каунаса и углубиться в леса до начала активных действий немецкой авиации. Перед прорывом привести в полную негодность танки, оставшиеся без горючего, сняв с них пулеметы⁴²⁹.

Уничтожение боевых машин танкистами момент тяжелый. Вот как его описал начальник штаба корпуса П. А. Ротмистров.

«Никогда мне не забыть, как танкисты со слезами на глазах расставались с танками, которые им было приказано своими руками уничтожить.

При обходе частей, готовившихся к прорыву из окружения, нас с генералом Куркиным привлек шум, доносившийся из кустарника, где стоял танк Т-34. Мы подошли поближе и стали свидетелями драматической сцены.

– Не могу! Рука не поднимается калечить свой танк. Он, может, десять раз спас меня от смерти, а вы заставляете его уродовать! – всхлипывал молоденький танкист, как оказалось, механик-водитель.

– А ты что, хочешь оставить его фашистским гадам целехоньким? Или на себе потянешь? Тоже мне разнюнился! – горячился рядом с механиком лейтенант».

Прорвав оборону противника, без боевой техники остатки 2-й танковой дивизии пробивались на восток. С выходом из окружения танкисты были направлены в строевые части и вновь вернулись на фронт. Полковник П. А. Ротмистров был назначен командиром 8-й танковой бригады и в конце сентября в составе той же 11-й армии, которой командовал генерал-лейтенант В. И. Морозов, вступил в борьбу с немцами под Старой Руссой.

Почти точно, через три года 13 июля 1944 г. столица

Литвы город Вильнюс был освобожден от немцев совместно 5-й армией, которой командовал Герой Советского Союза генерал армии И. Д. Черняховский, и 5-й гвардейской танковой армией маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова.

§ 5. Бои за Двинск

Двинск – древний русский город на Западной Двине. После войны он был переименован в Даугавпилс, а Западная Двина в пределах Латвии стала называться Даугавой. Автор в послевоенное время многие десятилетия проводил отпуск в этом замечательном городе, воевал в этих местах, 27 августа 1944 г. участвовал в боях по его освобождению. Поэтому хорошо знает город и его окрестности с многочисленными озерами и прекрасной рыбалкой.

Расположен Двинск на северном берегу Двины, а на южном находится его пригород – Грива. Через Двину в пределах города перекинута автомобильный и железнодорожный мосты. На северном берегу на окраине города находится старинная крепость, не имеющая военного значения. Город являлся ключевой позицией на ленинградском стратегическом направлении, так как через него на Ленинград (ныне Санкт-Петербург) по кратчайшему расстоянию шла шоссе́нная дорога, удобная для быстрого движения бронетанковых войск.

Командование Прибалтийского военного округа понимало важное военное значение Двинска, и в нем до войны дислоцировалась 23-я стрелковая дивизия. Но с приведением войск в боевую готовность Военный совет 11-й армии опрометчиво снял ее с обороны города и направил с этой же целью под Каунас.

Мы видели, что она там ничего не сделала, а в Двинске, располагаясь на северном берегу Двины и, прикрываясь этой мощной водной преградой и дамбой, она могла длительное время его защищать.

Немецкое командование группы армий «Север» тоже понимало важность Двинска в ее наступательной операции. Поэтому выделило для его взятия 56-й моторизованный корпус Эриха фон Манштейна, который для сохранения сил прорывал оборону советских войск на границе вместе с 41-м корпусом на рижском направлении, а с выходом на оперативный простор, еще утром первого дня войны, круто повернул вправо на Двинск.

Под ударами противника войска Северо-Западного фронта отходили в расходящихся направлениях: 8-я армия отходила на Ригу, а 11-я — на Швенченис и далее на Полоцк. В результате между ними образовался неприкрытый участок. Этим воспользовался Манштейн. Его корпус, включавший всего две дивизии: 8-ю танковую и 3-ю моторизованную, что придавало ему высокую мобильность, на своем пути нанес поражение 48-й стрелковой и 84-й моторизованной дивизиям, взял Укмерге и на высокой скорости, по хорошей шоссейной дороге, не имея сопротивления, устремился к Двинску.

В связи с тревожным положением, сложившемся на ленинградском направлении, Ставка передала из Московского военного округа Северо-Западному фронту 21-й механизированный корпус, который срочно начал выдвигаться в район Двинска, но его 56-й корпус опередил.

26 июня в 9 часов утра головные части 8-й танковой дивизии генерала Бранденбергера подошли на подступы к Двинску и остановились. Перед ними стояла важная задача: захватить исправным автодорожный мост через Западную Двину, так как подобный мост был только в Екабпилсе, а там наступал 41-й корпус. Без овладения этим мостом преодолеть Двину весьма сложно.

Захват моста был поручен 8-й роте полка особого назначения «Бранденбург». Солдаты и офицеры роты, в нарушение законов ведения войны, были переодеты в форму воинов Красной Армии. Они подошли к мосту со стороны Гривы под видом отступающих и неожиданно напали на команду, выделенную для взрыва моста, обезоружили и не позволили произвести взрыв. По захваченному исправному мосту немцы ворвались в Двинск в 9 часов 40 минут. Правых войск в городе не было, лишь в пригороде имелись военные склады. Подобным образом одновременно был захвачен и железнодорожный мост.

Для ликвидации плацдарма немецких войск на северном берегу Двины в этот район спешно подтягивались войска и с их подходом развернулись ожесточенные бои.

Ставший в дальнейшем генерал-фельдмаршалом Э. фон Манштейн в своей книге «Утерянные победы» пишет: «Цель — Ленинград — отодвигалась от нас в далекое будущее... Вскоре нам пришлось на северном берегу Двины обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот»⁴⁵⁰.

События развивались стремительно. Получив донесение о захвате немцами Двинска, нарком обороны С. К. Тимошенко приказал командованию фронта вернуть город и выбросить противника с плацдарма. Для этого использовать силы фронта и переданный ему из резерва Ставки 21-й механизированный корпус.

Поздно ночью 26 июня у Г. К. Жукова состоялся следующий разговор с командующим фронтом Ф. И. Кузнецовым:

«Жуков. Давайте конкретнее об обстановке, рассуждений не нужно, нам не до этого. Где противник?... Вы как командующий очень плохо справляетесь с руководством войсками фронта... не знаете где соединения фронта и что они делают... Имейте в виду, передовые мехчасти (противника) далеко оторвались от своей пехоты. Поэтому вам подвертывается удобный случай уничтожить его с тыла ночными действиями, дайте задачу частям на широкие ночные действия»⁴⁵¹.

Но организовать действия в тылу 41-го и 56-го моторизованных корпусов не удалось. Поэтому удары по противнику необходимо было наносить с фронта, используя имеющиеся силы.

21-й механизированный корпус Московского военного округа, которым командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, дислоцировался в районе Опочка, Идрица, когда ему 25 июня, в связи с ухудшением положения на Северо-Западном фронте, было приказано выдвинуться к реке Западная Двина и занять оборону от Двинска до Краславы. В состав корпуса входили 42-я и 46-я танковые и 185-я моторизованная дивизии. Корпус находился в стадии формирования. Личным составом он был укомплектован хорошо на 80-90 проц. и очень слабо танками, их было 98 или 8 проц. от штатной численности. На марше в назначенный район он был обнаружен немецкой воздушной разведкой, подвергнут бомбардировке и понес значительные потери.

Для овладения Двинском генерал Ф. И. Кузнецов решил выдвинуть из своего резерва дополнительно 5-й воздушно-десантный корпус.

Руководство действиями 21-го и 5-го корпусов и отходящих в этой полосе частей было возложено на управление 27-й армии. В связи с этим 26 июня генерал-майору Н. Э. Берзарину было приказано передать подчиненные войска в состав 8-й армии, а самому со штабом на автомашинах убыть из Риги в Резекне, куда они при-

были 28 июня и приступили к управлению подчиненными частями и соединениями.

До прибытия управления 27-й армии руководство войсками в районе Двинска генерал-полковник Ф. И. Кузнецов возложил на своего помощника генерал-лейтенанта С. Д. Акимова.

Днем 26 июня в район северо-западнее Двинска прибыл 5-й воздушно-десантный корпус, которым командовал генерал-майор И. С. Безуглов. Корпусу было приказано взять город. В его составе была только одна воздушно-десантная бригада, так как 10-я бригада 19 июня была поднята по боевой тревоге и направлена в сторону государственной границы для проведения тактического учения. Война застала ее на марше южнее Двинска. Вскоре части 56-го моторизованного корпуса оттеснили бригаду от шоссе и устремились к городу. Поступил приказ — уничтожать части противника и выходить на соединение с главными силами корпуса⁴⁵².

Несмотря на ограниченные силы и наличие всего шести орудий, части корпуса перешли в наступление и во второй половине дня ворвались в город, а затем выбили противника из него. Манштейн запросил помощи у авиации, которая около трех часов бомбила город. После этого части 56-го корпуса перешли в атаку и вновь овладели городом.

Для ликвидации вражеского плацдарма в районе Двинска, Военный совет фронта решил в ночь с 27 на 28 июня группой частей атаковать противника, овладеть городом и прочно закрепить его за собой. Об этом вечером 27 июня командующий фронтом сообщил маршалу С. К. Тимошенко:

«Организую сегодня ночью вторую контратаку для овладения Двинском с вводом 46-й танковой дивизии 21-го механизированного корпуса»⁴⁵³.

Ночная атака советских войск с целью овладения Двинском была стремительной, и бой носил ожесточенный характер. Некоторые кварталы небольшого города неоднократно переходили из рук в руки. Однако закрепиться в городе советским частям не удалось, и они отошли. Атаку решено было возобновить утром, когда подойдут остаточные части 21-го корпуса.

В соответствии с решением командующего фронтом 28 июня группа генерала Акимова, в которую входили 46-я танковая дивизия и 5-й воздушно-десантный корпус, к

исходу дня должна была овладеть западной частью Двинска, 185-я моторизованная дивизия – центральной, а 42-я танковая – восточной.

Наступление началось в 5 часов утра 28 июня. При этом многие соединения находились на удалении от города до 20 км.

Передовой отряд 46-й танковой дивизии атаковал противника в селе Малиновка, в 15 км северо-западнее Двинска. Встретив упорное сопротивление, командир дивизии полковник Б. А. Копцов предпринял обходной маневр и враг, оставив село, начал отходить к Двинску. Танкисты неотступно преследовали немцев и на их плечах ворвались на северную окраину города, где и завязали бой с 8-й танковой дивизией.

185-я моторизованная дивизия, наступавшая в центре, встретила упорное сопротивление врага и успеха не имела.

42-я танковая дивизия наступала на город со стороны Краславы. Ее передовой отряд под командованием командира мотострелкового полка полковника А. М. Горяинова уничтожил подразделение немецкой 121-й пехотной дивизии, переправившееся на северный берег Западной Двины. Разведка этого отряда установила, что 15 км восточнее Двинска противник форсировал реку и занял плацдарм. Командир корпуса приказал командиру дивизии полковнику Н. И. Воейкову уничтожить переправившегося противника. Части дивизии перешли в наступление и уничтожили до батальона мотопехоты, но развить успех не смогли, так как ожесточенное сопротивление оказали соединения 56-го корпуса, полностью переправившиеся на северный берег.

Части 46-й и 42-й танковых дивизий и 5-го воздушно-десантного корпуса весь день вели кровопролитные бои. Но под давлением превосходящих сил противника, особенно в танках, и под непрерывными ударами с воздуха его авиации, понеся значительные потери, отошли от города.

Путь корпусу Манштейна на север преграждали части 21-го и 5-го корпусов, имевшие в своем составе несколько больше 4000 человек личного состава и 74 орудия⁴⁵⁴. Это все, что осталось от советских войск после трех дней боев. Немцы прочувствовали силу ударов Красной Армии. Но в боях за Двинск были израсходованы имевшиеся резервы и на пути врага к Ленинграду значительные ее силы находились только в районе Пскова.

Вместе с тем нарком обороны предполагал задержать противника на рубеже Западной Двины и в середине дня 28 июня потребовал от командования Северо-Западного фронта «не позднее сегодняшнего вечера выбить противника из Двинска, уничтожить мосты и прочно занять оборону». Для усиления сил атакующих приказал использовать полк 112-й стрелковой дивизии 22-й армии, которая входила в группу армий маршала С. М. Будённого.

Одновременно генерал армии Г. К. Жуков приказал командиру 1-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса нанести в этот день удар в районе Двинска для поддержки наступающих войск.

Но полк от 112-й дивизии не прибыл, а 1-й авиакорпус не смог нанести противнику значительного ущерба, так как не был обеспечен истребителями сопровождения и понес большие потери. С учетом этого Военный совет фронта, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что третья атака Двинска с использованием наличных ослабленных частей успеха не принесет. Поэтому командующий просил генерала Ватутина передать маршалу Тимошенко просьбу отложить нанесение контрудара до сосредоточения 24-го и 41-го стрелковых корпусов, последний из которых поступил из резерва Ставки. Но этот контрудар не состоялся. Противник прочно укрепился в Двинске и готовился к наступлению на Ленинград. Главными причинами поражения советских войск явилось снятие с обороны города, имеющего особо важное значение на ленинградском направлении, 23-й стрелковой дивизии и захват немцами мостов через Двину недозволенными методами. Но команды, выделенные для взрыва мостов, должны были быть готовы к таким действиям противника и выполнить поставленную задачу.

§ 6. Оборона Лиепай

Лиепая — это передовая военно-морская база Краснознаменного Балтийского флота и крупный порт на Балтике. С мая 1941 г. она совместно с системой береговой обороны островов Моонзундского архипелага образовала Прибалтийскую военно-морскую базу со штабом в городе Рига.

В обороне Лиепай принимали участие 67-я стрелковая дивизия, моряки военно-морской базы, личный состав Военно-морского училища ПВО, милиция, местные формирования

ния. Ее оборона в годы войны предвосхитила оборону Одессы и Севастополя и имеет важное историческое значение.

67-я стрелковая, дивизия насчитывала около 7 тыс. человек, что составляло менее половины штатной численности. Недостающий личный состав и транспорт она должна была получить по мобилизации, которая ничего не дала. Командовал дивизией генерал-майор Н. А. Дедаев, его заместителем по политической части был полковой комиссар И. И. Котомин, начальником штаба – полковник В. М. Бобович.

В Лиенае находились штаб дивизии, 56-й и 281-й стрелковые и 94-й артиллерийский полки, 111-й отдельный разведывательный батальон; в Павилосте – 2-й стрелковый батальон 56-го стрелкового полка, в Вентспилсе – 114-й стрелковый полк и дивизион 242-го гаубичного артполка; в Паланге – 83-й отдельный саперный батальон, а 389-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион – на полигоне под Ригой.

Всего в Лиенае из состава дивизии находилось около 5300 человек. Другие силы были рассредоточены по побережью для отражения морских и воздушных десантов противника⁴⁵⁵.

В Лиенае находился также штаб 12-го пограничного отряда, 25 застав которого охраняли границу по побережью Балтийского моря от Паланги до Ирбенского пролива. Начальником отряда был капитан В. И. Якушев, начальником отдела политической пропаганды – батальонный комиссар М. И. Рудченко, начальником штаба – майор В. А. Черников. Из состава пограничного отряда в обороне города участвовали 450 человек⁴⁵⁶.

В состав гарнизона Лиенаи, начальником которого был генерал-майор Н. А. Дедаев, помимо указанных частей входили значительные силы военно-морской базы, 32-й отдельный местный стрелковый батальон, отдельная железнодорожная рота.

Командиром военно-морской базы был капитан 1 ранга М. С. Клевенский, начальником политотдела базы – полковой комиссар П. И. Поручников, начальником штаба – капитан 3 ранга М. Т. Радкевич. Общие силы базы оценивались в 4000 человек⁴⁵⁷.

Оборону города и порта обеспечивали 23-я и 27-я береговые батареи и 18-я батарея 180-мм орудий на железнодорожных платформах. 23-я береговая батарея размеща-

лась севернее города, а 27-я — южнее его. Каждая из них имела по четыре орудия калибра 130-мм с дальностью стрельбы более 25 км, что обеспечивало прикрытие ими военно-морской базы и города с моря и суши.

Среди боевых частей базы находились флотский полукэкипаж и 43-я отдельная морская ближнеразведывательная авиационная эскадрилья, которая базировалась на озере Дурбес. Вооружена эскадрилья была 13 самолетами МБР-2, которые применялись для ведения разведки и нанесения бомбовых ударов. Скорость их полета была небольшой 150 километров в час, поэтому применялись они вне зон действия зенитной артиллерии врага.

Прикрытие базы и города от ударов, с воздуха осуществляли 43-й и 84-й отдельные зенитные дивизионы и 148-й истребительный авиационный полк из состава 7-й смешанной авиационной дивизии. Полк имел на вооружении 64 истребителя И-153 («Чайка»), командовал им майор Г. Зайцев.

В порту Лиепая в день начала войны находились эскадренный миноносец «Ленин», прибывший на ремонт, 15 подводных лодок, из них 9 в строю и 6 в ремонте, 5 торпедных катеров, тральщик «Фугас», 4-й дивизион катеров пограничников и большое число судов торгового флота.

Оборонительных сооружений Лиепая не имела. Созданная здесь в 1907 г. крепость, строившаяся семнадцать лет, в ноябре 1908 г. была взорвана в соответствии с Бьерским договором между Россией и Германией о взаимном разоружении границ. От крепости остались груды кирпича, обмелевший ров с водой в межозерном дефиле, невысокий вал, остатки трех взорванных редутов. Эти остатки крепости, прикрывавшие город с востока, использовались защитниками Лиепай.

Оборона Лиепай создавалась заново. В феврале 1941 г. решено было создать 41-й (Лиепайский) укрепленный район. Начавшееся строительство дотов на южном направлении не было закончено, а на других направлениях не начиналось.

На Лиепай наступала немецкая 291-я пехотная дивизия, которой командовал генерал-лейтенант Герцог. В ее состав входили 504, 505-й и 506-й пехотные полки, на усиление получила два батальона морской пехоты, 402-й батальон велосипедистов; ее действия с воздуха поддерживал авиационный отряд. Она насчитывала до 17 тыс.

человек личного состава, до 300 орудий и минометов и считалась сильнейшей в сухопутных войсках Германии⁴⁵⁸.

Силы гарнизона Лиепай с учетом около 1000 человек рабочих, служащих и работников милиции, оценивались в 11-12 тыс. человек, хорошо вооруженных и имевших значительное количество полевой, береговой и карабельной артиллерии.

Соотношение сил защитников Лиепай и противника составляло 1:1,5 в его пользу. Это превосходство для наступавшего небольшое, но противник полно и целесообразно его использовал.

19 июня командир военно-морской базы капитан 1 ранга С. М. Клевенский получил приказ о переводе частей базы на готовность № 2, о чем сообщил генералу Дедаеву. На следующий день в порту снялись с якорей и вышли в море два немецких корабля недогруженные пшеницей, о чем Дедаев донес в штаб 27-й армии. В городе появились листовки антисоветского содержания, что свидетельствовало об активизации деятельности агентуры и айзсаргов — членов нелегальной военизированной националистической организации. В этой обстановке командование дивизии приняло меры по усилению охраны военных объектов.

В ночь на 21 июня генерал-майор Н. А. Дедаев поднял части и подразделения 67-й стрелковой дивизии, дислоцировавшиеся в Лиепае, по боевой тревоге и вывел из города на учения. При этом два батальона 281-го стрелкового полка и отдельный разведывательный батальон заняли позиции на берегу реки Барта.

Генерал Дедаев на правах старшего начальника собрал совещание всех командиров и начальников штабов частей, дислоцирующихся в Лиепае, для организации отпора врагу. Для отражения противника при любых вариантах его действий было решено создать три участка обороны: северный, восточный и южный. На море не допустить активных действий противника силами кораблей и береговой артиллерии.

Оборона северного участка между побережьем Балтийского моря и Тосмерским озером возлагалась на 32-й стрелковый батальон и его командира капитана И. С. Пышкина. Батальон поддерживала 23-я батарея береговой обороны и прикрывала от ударов с воздуха 824-я зенитная батарея.

Восточный участок между Лиепайским и Тосмерским озерами обороняли батальоны 56-го стрелкового полка,

батарея 94-го легкого артиллерийского полка, моряки флотского полуэкипажа, батальон курсантов Военно-морского училища ПВО. Их поддерживала 27-я береговая батарея, прикрывали от ударов с воздуха 841-я и 503-я зенитные батареи. Руководство обороной участка возлагалось на капитана 3 ранга В. А. Орлова.

Южный участок по реке Барта обороняли два батальона 281-го стрелкового полка и несколько батарей 242-го гаубичного артиллерийского полка. Прикрывала их 502-я зенитная батарея. Руководство обороной возлагалось на командира 281-го полка подполковника И. К. Есина.

Учитывая особенность обороны города, растянутость позиций и неопределенность действий противника, в состав резерва было выделено до 1000 красноармейцев и моряков, до ста автомашин для обеспечения маневра и 18-я железнодорожная батарея.

В 23 часа 40 минут 21 июня капитан 1 ранга Клевенский получил приказ командующего флотом о переводе базы на готовность № 1 с разрешением применять оружие, о чем он доложил генералу Дедаеву.

В 3 часа 45 минут штаб 27-й армии направил Дедаеву телеграмму: «Со стороны немцев могут быть действия мелких групп нарушения нашей границы. Не поддаваться на провокации»⁴⁵⁹. Но получена она была уже после начала войны. По информации моряков внезапности нападения противника не было.

В 4 часа утра 22 июня на приморском направлении немцы открыли артиллерийский огонь по заставам пограничников и частям 10-й стрелковой дивизии. После 20 минутной артиллерийской подготовки части 291-й пехотной дивизии перешли в наступление на боевые расчеты пограничников 105-го (Кретинского) пограничного отряда, которые смело вступили в бой с врагом, но под натиском многократно превосходящего противника начали отходить.

До полка пехоты противника атаковало Палангу. На окраине города немцев встретил гарнизон 1-й комендатуры. До 10 часов пограничники отражали атаки врага, а затем, уничтожив склады, с боями отошли из города⁴⁶⁰.

Преодолев сопротивление пограничников, враг атаковал редко расположенные подразделения 10-й стрелковой дивизии, смял их и начал быстро продвигаться по приморскому шоссе на север. К 12 часам продвинулся на 30 км и захватил Руцаву. На разведку к станции Руцава бы-

ло направлено подразделение разведывательного батальона капитана А. А. Шапошникова.

В 4 часа утра семь бомбардировщиков Ю-88 прошли над Лиепайей и нанесли удар по аэродрому 148-го истребительного авиаполка, закрытого низким туманом. Бомбилы немцы вслепую, но настолько хорошо знали расположение объектов, что вывели из строя 8 самолетов и уничтожили склад горюче-смазочных материалов. Истребители из-за сильного тумана не могли подняться в воздух на отражение налета. Но вскоре туман рассеялся, и истребители приступили к боевым действиям по прикрытию города, порта и войск. Они провели несколько воздушных боев с противником, который до 15 часов совершил на Лиепайю 13 налетов⁴⁶¹.

С началом войны в Лиепайе началось формирование рабочих отрядов, снабжение их оружием и боеприпасами. Был организован также специальный комсомольский отряд, который возглавил И. Судмалис.

Преодолев сопротивление пограничников в районе Рущавы, немецкие войска двинулись на север по дороге на Барту. Разведчики обнаружили движение противника и доложили генералу Дедаеву.

Подходы к Лиепайе с юга прикрывали два батальона 281-го стрелкового полка. 2-й батальон занимал оборону от моря до реки Барта, далее по этой реке располагались три роты 1-го батальона с центром в населенном пункте Барта, севернее которого находились на позициях несколько батарей 242-го артиллерийского полка. Подход к Лиепайе между побережьем Балтийского моря и Лиепайским озером, который оборонял 2-й батальон, считался наиболее опасным, так как по кратчайшему расстоянию выводил к городу, поэтому усиливался. Сюда на автомашинах прибыло 60 комсомольцев под руководством И. Судмалиса и заняли позиции за 2-м батальоном. Вечером прибыли отряд рабочих завода «Сарканайс металлургс» и отряд местного Осовиахима.

Под вечер к позициям 1-го батальона подошел передовой отряд противника и пытался с ходу форсировать Барту, но получил отпор и отошел. К нему подходили и накатывались основные силы дивизии.

На рассвете 23 июня немецкие бомбардировщики нанесли удар по позициям советских войск на реке Барта, после чего ударили немецкие артиллерийские и минометные батареи. Затем в наступление пошли подразделения 506-

го пехотного полка. Им навстречу в атаку повел свой батальон капитан Жуков. Красноармейцы штыками и выстрелами в упор опрокинули тех, кто успел переправиться через мелководную Барту. Так начались бои по защите Лиепаи.

Противник вынужден был отойти на исходные позиции и, верный своей тактике, стал искать пути обхода обороны, чтобы двигаться вперед беспрепятственно. Он сместил удар вправо, там не оказалось войск и вскоре главные силы 291-й пехотной дивизии двигались на Приекуле, чтобы подойти к Лиепае с востока. В 12 часов противник взял Приекуле.

Такого быстрого продвижения противника в штабе 67-й стрелковой дивизии не ожидали и, когда поступило сообщение, что немцы в Приекуле, это восприняли как высадку воздушного десанта. На его уничтожение была выслана усиленная рота, которая приняла неравный бой и почти вся была уничтожена.

Около 17 часов немцы взяли Гробиню в 12 км восточнее Лиепаи. При наличии специальной разведывательной эскадрильи командование гарнизона не вскрыло такого прорыва противника. Оно усиливало оборону на южном подступе к городу, а противник, совершив обходной маневр, подошел к нему с востока. Надежда на то, что это направление надежно прикрыто 10-й стрелковой дивизией не оправдалось.

67-я стрелковая дивизия бедствовала из-за того, что ее единственный 389-й зенитный дивизион отсутствовал. Он находился в летнем лагере на боевых стрельбах. 21 июня начальник лагерного сбора приказал командиру дивизиона немедленно грузиться в железнодорожный эшелон и отправляться в дивизию. Война застала зенитчиков в пути, и им с трудом удалось прорваться в город. Их немедленно включили в борьбу с немецкими самолетами. Третью батарею, вооруженную 76-мм пушками, поставили на позицию у шоссе Гробиня — Лиепая с задачей ведения огня не только по самолетам, но и танкам.

Около 18 часов 148-й истребительный авиаполк, в связи с приближением врага к аэродрому, перебазировался в Ригу. Всего улетело 27 самолетов, а остальные 37 машин по различным причинам не могли подняться в воздух и были уничтожены. Защитники Лиепаи остались без прикрытия с воздуха.

43-я эскадрилья гидросамолетов в этот день вела ак-

тивные боевые действия, ее экипажи выполнили около 100 боевых вылетов. Но в 19 часов в двух километрах от озера Дурбес было замечено приближение врага. В связи с угрозой захвата аэродрома эскадрилья поднялась в воздух и перебазировалась на озеро Кишезерс у Риги.

Возникают вопросы: почему 43-я эскадрилья гидросамолетов, входящая в состав военно-морской базы, улетила в тыл, а не на свой основной аэродром в Лиепайском аванпорту? Почему командование ВВС флота на следующий день не вернуло ее обратно?

Силы защитников Лиепаи командование флота не наращивало. Возможности для ее обороны и эвакуации защитников были не хуже чем вскоре на Черном море в Одессе и Севастополе, но они не были использованы. Об этом свидетельствуют приведенные ниже факты.

Командиры 67-й стрелковой дивизии и военно-морской базы, оценив обстановку, обратились каждый к вышестоящему своему командованию с просьбой о помощи.

Военный совет Северо-Западного фронта, несмотря на повсеместное отступление войск, выделил в помощь защитникам Лиепаи свой последний резерв — 28-й мотострелковый полк 28-й танковой дивизии, находившийся в Риге, два батальона Рижского пехотного училища и бронепоезд, которым приказал немедленно убыть к Лиепае и атаковать врага.

По другому поступил командующий Краснознаменным Балтийским флотом, силы которого нигде в это время, кроме Лиепаи, не вели боевых действий и многочисленная авиация бездействовала на аэродромах. В. Ф. Трибуц в мемуарах пишет, что еще перед полуднем 22 июня ему позвонил М. С. Клевенский и просил помощи. На это был дан ответ, что рассчитывать на поддержку не приходится — войск для этого в распоряжения командования флота нет. Да, но у него есть авиация и корабли, которые могли ударами с воздуха и огнем орудий поддержать защитников. А 23 июня командиру передовой базы было направлено требование Военного совета флота — действовать до последней возможности с сухопутными войсками⁴⁶².

Авиация и корабли флота не были использованы даже для уничтожения немецких торпедных катеров, активно действовавших между Лиепаей и Вентспилсом, эвакуации защитников города и базы. Командование флота находилось в шоковом состоянии из-за бессмысленной гибели

ли в первый день войны крейсера и эсминца, боялось множить потери и решило, что спасение утопающих — дело самих утопающих.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов в воспоминаниях пишет, что он и его штаб повинны в том, что Лиепая так мало защищалась⁴⁶³. В. Ф. Трибуц не упоминается, хотя это в большей степени относится к нему. Н. Г. Кузнецов этим заявлением взял вину на себя. Действительно, он должен был вмешаться в действия командующего флотом и обеспечить оказание помощи защитникам Лиепай, но он этого не сделал, а позднее признание своей вины не скрасило их печальной участи.

Немцы в Прикуле захватили 23 июня пассажирский поезд с эвакуированными из Лиепай на восток женщинами и детьми и решили на нем ворваться в город под видом их возвращения. Для этого они высадили из поезда эвакуированных и посадили на их место около сотни солдат. Перед наступлением темноты, которая должна была способствовать успеху, поезд тронулся в Лиепая. По дороге, когда он проходил через станцию Гавиезе и до Лиепай оставалось 30 минут езды, дежурный по станции заметил в вагонах немцев и сообщил по телефону дежурному по станции Лиепая. Тот об этом немедленно доложил военному коменданту станции военному инженеру 3 ранга И. Т. Рожкову, который моментально бросился к стоявшему на путях составу и приказал машинисту Снарскому отцепить паровоз и набрать скорость, посвятив его в план действия. Когда паровоз набрал скорость, Рожков и Снарский спрыгнули с него, а он продолжал мчаться навстречу поезду с десантом немцев. Они заметили мчавшийся навстречу паровоз и стали давать ему сигналы, чтоб остановился. Когда это не дало результата, они остановили свой состав и начали сдавать назад. В этот момент паровоз врезался в состав с немцами. Это произошло в 23 часа 30 минут у разъезда Крустокумс в 6,5 км от станции Лиепая. Раздался сильный грохот. Из деформированных вагонов высыпали оставшиеся в живых немцы и повели наступление на город, но ворваться в него им не удалось.

С немцами вступили в бой курсанты Военно-морского училища ПВО под командованием полковника А. А. Томилова, которые находились на валу старых укреплений, и группа кавалеристов. Так начались бои за Либаву на восточном направлении.

На рассвете 24 июня солдаты немецкого батальона морской пехоты, приблизившись в темноте к левому форту, развернули наступление в направлении судоремонтного завода «Тосмаре». Враг имел успех, потому что не было сплошной линии фронта. Срочно были приняты меры по стабилизации положения. Первыми на врага двинулись военные моряки. Бойцы в черных бушлатах проявили исключительный героизм и при поддержке огня береговых батарей отбросили немцев к Гробинскому лесу.

Как только определилось главное направление удара немцев, генерал Дедаев срочно сосредоточил подразделения 56-го полка в северо-восточной части Лиепаи. На восточное направление был выдвинут 3-й батальон 281-го стрелкового полка. Сюда же были выдвинуты некоторые рабочие отряды. На южном направлении были оставлены отряды прикрытия из моряков и рабочих. Второй батальон 281-го стрелкового и батареи 242-го артиллерийского полков вышли на восточное направление через город.

Командир 281-го стрелкового полка подполковник И. К. Есин во главе подвижного отряда численностью до 100 человек из состава 1-го батальона, посаженных на автомашины, выдвинулся с юга к аэродрому и нанес удар немцам во фланг. Бой развернулся на открытой местности и отряд, понеся значительные потери, стал отходить. В этом бою подполковник И. К. Есин погиб.

В 12 часов дня 24 июня группа вражеских велосипедистов прорвалась к морю у Шкеде, и немцы завершили окружение Лиепаи. К Шкеде выдвигался их 3-й батальон 506-го полка, у озера Тосмерское занимал позиции его 2-й батальон, а 1-й батальон создавал внешний эшелон обороны для отражения подходящих резервов советских войск с севера.

У юго-восточной части Тосмерского озера располагался 1-й батальон 504-го пехотного полка, а два других его батальона находились восточнее и создавали внешний обвод окружения. В центре боевого порядка между озерами располагались два батальона морской пехоты и на левом фланге — батальоны 505-го пехотного полка.

К исходу 24 июня определились расположение и силы обороняющихся. На северном направлении занимал оборону 32-й отдельный стрелковый батальон. По берегу Тосмерского озера располагались 1-й и 3-й батальоны 56-го и 3-й батальон 281-го стрелковых полков, южнее оборонялись пограничники, далее моряки и рабочие отряды.

25 июня, намеченного немцами днем взятия Лиепаи, было отмечено наиболее упорными и кровопролитными боями. В этих боях защитники Лиепаи проявили массовый героизм, и все атаки противника были отбиты. Бои носили ожесточенный характер, переходящие в рукопашные схватки. Важную роль в отражении наступления врага сыграли батареи береговой обороны, ставившие заслоны на пути его боевых порядков и осуществлявшие огневые налеты на места скопления пехоты.

Утром 25 июня командир дивизии принял решение для усиления сил защитников города вызвать в Лиепаю из Вентспилса 114-й стрелковый полк. Гидросамолетов не было, поэтому для передачи приказа командиру полка полковнику Г. Е. Муравьеву были выделены 20 пограничников и два командира: лейтенант А. Ф. Савенков и политрук А. В. Федоренко. Группа А. Ф. Савенкова ночью прорвалась через вражескую линию обороны, а группа А. В. Федоренко, отвлекавшая на себя противника, полностью погибла.

В середине дня генерал-майор Н. А. Дедаев, находясь на наблюдательном пункте, разорвавшимся снарядом был смертельно ранен. Командование дивизией принял полковник В. М. Бобович, а начальником штаба дивизии стал майор Медынцеv.

Вечером противник атаки прекратил и в журнале боевых действий группы армий «Север» была сделана запись: «Наступление 291-й пехотной дивизии в районе Либавы было приостановлено ввиду сильного сопротивления противника»⁴⁶⁴.

26 июня на позициях у Лиепаи наблюдалось относительное затишье. В этот день защитники городе не атаковали, а немцы вели бои на внешнем обводе окружения с подразделениями и частями советских войск, спешивших на помощь окруженным.

В начале войны, наряду с мужеством и героизмом, было много несогласованных действий, растерянности, неуверенности, элементов паники, низкой стойкости войск.

На помощь защитникам Лиепаи перед рассветом 24 июня из Риги выступил 28-й мотострелковый полк, которым командовал подполковник С. Н. Шеразедишвили. В этот день туда же направлен и батальон Рижского пехотного училища на автомашинах. Полк и батальон двигались обособленно через Тукумс на Скрунду.

От Скрунды 28-й мотострелковый полк двинулся по шоссе к морю. Авиация противника его обнаружила и нанесла удар, 10 человек было убито и 30 ранено.

«В 14.30 24.6, – как сказано в оперативной сводке 27-й армии, – мотополк развернул 1,5 батальона перед Гробиня (у Либавы) и вступил в бой с мелкими частями противника, которые особого сопротивления не оказывают. Командиру мотополка приказано активнее уничтожать противника»⁴⁶⁵.

Но противник срочно подтянул подкрепления, и бои приняли затяжной и кровопролитный характер. Прорваться через боевые порядки 291-й пехотной дивизии к осажденным мотополк не смог, а вечером 26 июня по приказу начал отходить, а затем убыл в Ригу для ее защиты, но опоздал.

Батальон Рижского училища 25 июня в районе Скрунды вступил в бой с бандой местных националистов. Затем повернул на Айзпуте и на следующий день взял этот город, но дальше продвинуться не смог. В ночь на 27 июня поступил приказ: выйти из боя и следовать в Ригу.

Второй батальон Рижского пехотного училища 25 июня погрузился в эшелон. Второй эшелон был нагружен боеприпасами для защитников Лиепаи. Эшелоны в Лиепаю двинулись через Елгаву, где к ним присоединился бронепоезд. В районе Дурбе бронепоезд вступил в бой с передовыми группами 291-й пехотной дивизии. Сделав несколько залпов из орудий, бронепоезд, опасаясь окружения, отошел в сторону Елгавы. Курсанты полтора часа сражались с явно превосходящими силами врага, а затем их эшелон двинулся в Ригу.

Из четырех групп, посланных на помощь защитникам Лиепаи, ни одной из них не удалось пробиться к ним. Особо обращает на себя внимание несогласованные по времени действия мотополка и батальонов, посланных из Риги. Им очень рано был дан приказ на отход. В результате они здесь ничего не успели сделать и опоздали на оборону Риги, так как движение по дорогам при господстве немецкой авиации в воздухе затруднено. И когда она уже была сдана немцам в оперативной сводке фронта, направленной в Генеральный штаб 30 июня в 10 часов сказано: «мотополк 28-й тд и Рижское пехотное училище из района Либавы отходят. Сведений о них нет»⁴⁶⁶.

26 июня в полдень командующий 27-й армией подписал приказ командиру 67-й стрелковой дивизии: «Не ожидая

соединения с поддержкой, немедленным прорывом оставить Либаву, подчинив себе мотополк, батальоны Рижского училища и 114 сп, отойти на рубеж р. Лиелупе... организовав прочную оборону в полосе Рига-Юрмала-Пучас. Левее вас части 8-й армии»⁴⁶⁷.

Но связи с дивизией не было, и приказ был передан вечером через Прибалтийскую базу. Несколько позже указание об оставлении города было передано командованию базы.

Началась подготовка к прорыву, который намечено было произвести 27 июня в 9 часов утра в двух направлениях: на север в трехкилометровой промежутке между морем и озером Тосмерское и на северо-восток.

В 3 часа 30 минут 27 июня штаб военно-морской базы во главе с ее командиром М. С. Клевенским покинули Лиепая на трех торпедных катерах. На рассвете покинули порт основные силы моряков на шести транспортных судах и двух буксирах под прикрытием двух торпедных катеров.

Торпедные катера группы М. С. Клевенского были атакованы четырьмя торпедными катерами противника. С ними вступил в бой катер № 47. Второй катер № 17 прорвался на Пярну, а катер № 67, на борту которого находились командир и начальник штаба базы, взял курс на Ригу. За 50 км до нее кончилось горючее, и командиры штаба во главе с Клевенским сошли на берег и направились в Ригу пешком.

На северном главном направлении прорыва из окружения в 9 часов утра перешли в наступление подразделения 56-го стрелкового полка, 32-го отдельного стрелкового батальона, 23-й береговой батареи под общим командованием майора А. П. Кожевникова. Здесь же сосредоточились группы рабочих, портовиков. Во втором эшелоне находилась колонна примерно из 40 автомашин и автобусов с ранеными и семьями военнослужащих.

Большую часть раненых намечалось эвакуировать морем, однако сделать это не удалось, так как из взорванного склада горючего вытекал мазут, который воспламенился и, растекаясь по каналу, препятствовал проходу судов. Но пароходу «Виениба» удалось выйти из гавани. На его борту находилось 500 раненых и членов семей военнослужащих. На удалении примерно 18 км от гавани он был атакован двумя немецкими самолетами и потоплен. Спаслось 25 человек.

Бой на северном направлении с самого начала принял

тяжелый и затяжной характер. Пробиваться пришлось по открытой местности под интенсивным ружейным, артиллерийским и минометным огнем противника. Потери были большие, но атакующие к середине дня фронт прорвали, и примерно 200 человек вышло из окружения. За ними прорвалось часть автомашин с ранеными и семьями военнослужащих. В бою погиб майор А. п. Кожевников.

Одновременно упорные и кровопролитные бои развернулись и на северо-восточном направлении, где прорывались подразделения 281-го стрелкового полка, 43-й зенитный артиллерийский дивизион флота, курсанты Военно-морского училища ПВО, моряки с кораблей, пограничники, бойцы 389-го зенитного артиллерийского дивизиона, группы рабочих. Руководил прорывом полковник В. М. Бобович, который в бою был ранен и в командование дивизией вступил майор Медынцев. Прорыв был успешным и защитники, по тылам врага направились в сторону Риги.

Наступали защитники Лиепаи в этот день и на правом фланге на подразделения 505-го пехотного полка.

Бои 27 июня были наиболее напряженными за весь период обороны Лиепаи. В истории немецкой 291-й дивизии они названы высшей точкой сражения. Потери с обеих сторон были большие. После них в городе остались ограниченные силы защитников, которым не удалось отойти со всеми.

28 июня немцы ворвались в город и развернулись уличные бои. Первое сопротивление врагу было оказано в парке Райниса. Натиску немцев противостояли небольшие группы рабочих, работников милиции, комсомольцев, красноармейцев и моряков. Под угрозой окружения бойцы отошли за Торговый канал и укрепились у автодорожного и железнодорожного мостов, для взрыва которых не было взрывчатки. Бои здесь проходили с 17 до 23 часов, после чего бойцы стали отходить к южной окраине города. Оказалось, что дорога, ведущая на юг, не прикрыта немцами и в этом направлении решили прорываться из города. Утром 29 июня колонна автомашин с защитниками беспрепятственно достигла Ницы. На следующий день они захватили город Скуодас, где в боях с прибывшими на поезде немцами вечером и утром 30 июня большинство защитников Лиепаи погибло.

Группа матросов и бойцов во главе с военным юристом А. Павловским, всего 22 человека, вышла из Лиепаи на обнаруженном катере. В пути подобрала в море пять ра-

ненных с потопленного парохода «Виениба» и достигла Таллина.

С утра 29 июня в Вентспилс начали прибывать вырвавшиеся из Лиепаи подразделения 67-й стрелковой дивизии, пограничников и вооруженных рабочих. Штаб 114-го стрелкового полка сводил их в роты и батальоны. Вечером полк и все прибывшие на автомашинах направились в сторону Риги. По пути к полку присоединялись красноармейцы, моряки. В Тукумс под командованием полковника Г. Е. Муравьева прибыло около 2500 человек.

1 июля 114-й полк подошел к Риге, которая накануне была сдана немцам. Полк выбил противника из левобережной части города и подошел к Западной Двине между железнодорожным и понтонным мостами. Первый был взорван, а второй немцы развели. На лодках, полупонтонах и подготовленных плотках воины поплыли через широкую здесь Двину, но были остановлены плотным пулеметным огнем с правого берега. Подошли крупные силы 26-го армейского корпуса, завязался бой, и переправа стала невозможной.

После кровопролитного боя Г. Е. Муравьев повел полк в обход Риги с юга. В населенном пункте Компы бойцы и командиры провели ночь. 2 июля утром подразделения подошли к шоссе Рига-Елгава. Здесь в районе Олайне их ожидали немцы. Завязался бой с частями 207-й пехотной дивизии. Бойцы оказались в огненном мешке и выходили из окружения группами в разных направлениях. Мало кому из них удалось пробиться на соединение с советскими войсками.

Бои при обороне Лиепаи были одними из наиболее крупных и продолжительных в период приграничного сражения в Прибалтике. Воины 67-й стрелковой дивизии, моряки, пограничники, трудящиеся проявили массовый героизм, стойкость и мужество при защите города и рейдах по тылам врага. Сражались до последней возможности и почти все погибли.

Победа немцев явилась следствием полуторного превосходства в численности личного состава и умелого использования частей и подразделений командованием 291-й пехотной дивизии.

§ 7. Итоги приграничного сражения сухопутных войск

Нападение войск Германии в Прибалтике не было внезапным. Командование округа, вопреки указаниям из Москвы, провело все мероприятия по приведению войск в полную боевую готовность с занятием оборонительных рубежей в соответствии с планом прикрытия границы, и только 48-я стрелковая дивизия не успела занять свой участок обороны. Несмотря на это, войска Северо-Западного фронта в короткие сроки приграничного сражения потерпели полное поражение и, оставив противнику Литву и южную часть Латвии, отошли от границы на 200-230 км.

Боевые действия развивались преимущественно вдоль шоссежных дорог, направления которых совпадали с направлениями ударов немецких войск, так как движение вне дорог по лесистой и увлажненной местности в Литве и Латвии для танков затруднено, а для автотранспорта — невозможно. Главными шоссежными дорогами, вдоль которых велись боевые действия, являлись: Советск, Шяуляй, Рига; Каунас, Двинск, Ленинград; Вильнюс, Молодечно, Минск. Вдоль первой дороги наступали 18-я армия и на начальном этапе 41-й моторизованный корпус; по второй — 16-я армия и 56-й моторизованный корпус; по третьей — 39-й моторизованный корпус.

В день завершения приграничного сражения 30 июня войска Северо-Западного фронта вышли на северный берег Западной Двины. На этом рубеже командование фронта решило перейти к обороне и назначило 8-й армии полосу обороны от побережья Рижского залива до Крустпилса, далее по реке Западная Двина организация обороны возлагалась на управление 27-й армии. В центре полосы фронта на левом фланге 8-й армии оборонялся 12-й механизированный корпус, имея в первом эшелоне 28-ю танковую и 202-ю моторизованную дивизию, а во втором — 23-ю танковую. В 28-ю танковую дивизию вскоре вернулся 28-й мотострелковый полк.

В этот день была обнаружена 11-я армия, в районе Довгилишки, Колтыняны, лес западнее Швенчениса. Потеряв 60 проц. личного состава и 75 проц. боевой техники, она пробивалась на Полоцк⁴⁶⁸.

Немецкие соединения 16-й и 18-й армий подтягивались к Западной Двине. На ее северном берегу находились 41-й моторизованный корпус Рейнгарт в районе Крустпилса и 56-й моторизованный корпус Манштейна в Двинске. В этих условиях, командуя группой армий «Север» генерал-фельдмаршал В. фон Лееб доложил главнокомандующему

сухопутными войсками Браухичу, что группа армий ближайшую задачу по разгрому советских войск южнее Западной Двины выполнила и готова к выходу северо-восточнее Опочки с целью дальнейшего движения на Ленинград.

«Несмотря на такой успех, — как сказано в вышедшей на западе книге «Мировая война 1939-1945 годы», — группе армий «Север» нигде не удалось окружить и уничтожить какие-либо крупные силы противника».

В ходе приграничного сражения сухопутные войска Северо-Западного фронта понесли значительные потери. Были разбиты 67,97,128,188-я стрелковые, 2-я и 5-я танковые дивизии, 29-й стрелковый корпус. Из имевшихся 1795 танков, с учетом 21-го мехкорпуса, было потеряно 1773 и осталось только 22. Причем около 15 проц. танков было уничтожено танкистами своими руками при отступлении, когда кончались боеприпасы и горючее.

Главными причинами поражения сухопутных войск в Прибалтике были:

- неотмобилизованность войск, в результате немцы имели большое превосходство в пехоте, что особенно проявилось в боях на границе, под Шяуляем, Двинском и обороне Лиепай;

- недостатки в снабжении механизированных корпусов горючим и боеприпасами, что привело к срыву их контрудара, окружению и уничтожению 2-й танковой дивизии, танкисты которой были вынуждены привести в негодность большую часть своих танков;

- очень слабая деятельность авиации, которая не принимала участия ни в одном из сражений, и высокая активность немецкого 1-го воздушного флота, который с первых часов войны захватил господство в воздухе и эффективно прикрывал и поддерживал наступающие войска;

- неправильное боевое построение войск Прибалтийского особого военного округа, распыление их по территории, что не позволило рационально использовать силы и средства, в результате противнику было оказано очень слабое сопротивление, особенно 11-й армией, которая на третий день войны была разбита, а ее остатки скрылись в лесах.

Несмотря на малую численность, войска Северо-Западного фронта нанесли по противнику мощные удары под Алитусом, Скаудвилем, Шяуляем, Двинском и при обороне Лиепай. Особенно эффективно советские войска действовали в наступлении.

Глава десятая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ АВИАЦИИ В ПРИБАЛТИКЕ

§ 1. Силы авиации сторон

В состав Военно-воздушных сил Прибалтийского особого военного округа, которыми командовал генерал-майор авиации А. П. Ионов, входили 4 смешанные авиационные дивизии, отдельный разведывательный авиационный полк и 5 корпусных авиационных эскадрилий. 6,7-я и 8-я смешанные авиационные дивизии входили в состав армейской авиации, 4-я смешанная авиационная дивизия и 312-й отдельный разведывательный авиационный полк — во фронтовую авиацию, а 2,3,10,11-я и 16-я корпусные авиационные эскадрильи — в войсковую авиацию. Всего имелось 19 авиационных полков, в том числе 8 бомбардировочных, 8 истребительных, 2 штурмовых, один разведывательный. На новые типы самолетов переучивались по одному бомбардировочному и штурмовому и 3 истребительных авиаполка.

Дивизии армейской авиации подчинялись соответствующим командующим армиями, в которые они входили, фронтовая авиация — командующему ВВС округа (фронта), а корпусные эскадрильи — командирам корпусов.

Военно-воздушные силы округа базировались в три эшелона: в первом эшелоне у государственной границы находились 7-я и 8-я смешанные авиадивизии, во втором эшелоне на рубеже Рига-Двинск — 6-я и в третьем у Таллина, Тарту — 4-я.

7-я смешанная авиационная дивизия входила в состав 8-й армии. Ее штаб размещался в Шяуляе, здесь же базировался 46-й скоростной бомбардировочный авиаполк. Другие скоростные авиаполки базировались: 31-й в Вайнёде и 9-й в Паневежисе, а истребительные — 148-й в Лиенае, 10-й в Расеняе.

8-я смешанная авиадивизия входила в 11-ю армию. Ее штаб размещался в Каунасе, а полки базировались: 15-й и 31-й истребительные в Каунасе, 42-й истребительный в Алитусе, 61-й штурмовой в Кедайняе и 54-й скоростной бомбардировочный в Вильнюсе.

6-я смешанная авиационная дивизия входила в состав 27-й армии. Ее штаб находился в Риге, а полки базировались: 21-й истребительный в Риге, 241-й штурмовой в

Елгаве, 40-й скоростной бомбардировочный в Вентспилсе, 49-й истребительный в Двинске.

4-я смешанная авиационная дивизия дислоцировалась далеко в тылу. Ее штаб размещался в Таллине и там же базировались 38-й истребительный и 3-й скоростной бомбардировочный полки. Еще два скоростных бомбардировочных авиаполка базировались: 35-й в Тарту, 50-й в Хаапсалу. Из-за большой глубины базирования ее бомбардировочных полков их трудно было использовать для поддержки сухопутных войск и ударов по объектам тыла противника, а истребители могли привлекаться только для прикрытия столицы Эстонии и прилегающих объектов от ударов с воздуха.

На северо-западном направлении действовал 1-й дальнебомбардировочный авиационный корпус, в составе которого имелось 275 самолетов. Он периодически привлекался для поддержки войск фронта.

В полосе Прибалтийского особого военного округа на стороне врага действовали 1-й воздушный флот, которым командовал генерал-полковник А. Келлер, армейская и войсковая авиация группы армий «Север». Эти силы авиации в течение первых трех дней войны наращивал 8-й авиационный корпус из состава 2-го воздушного флота.

Состав и соотношение сил ВВС Прибалтийского особого военного округа и противостоящих 1-го воздушного флота, армейской и войсковой авиации группы армий «Север» по состоянию на 22 июня 1941 г. показаны в таблице.

Самолеты	Бомбардировщики и штурмовики	Истребители	Разведчики и корректировщики	Всего
ВВС Приб ОВО	518	621	72	1211
1-й возд. флот, ав. гр. армий	613	310	153	1076
Соотношение сил	1:1,2	2:1	1:2,1	1,1:1

Из таблицы видно, что округ превосходил немецкую авиацию по общему количеству самолетов на 10 проц. и в два раза по истребителям. Немцы превосходили советскую авиацию по количеству бомбардировщиков и штурмо-

виков – ударным самолетам и разведчикам. То есть соотношение сил по авиации было спорным и успех достигнет та сторона, которая сумеет реализовать свое превосходство.

Вместе с тем на стороне немцев в течение первых трех дней войны в полосе 11-й армии будет действовать 8-й авиационный корпус составом 600 самолетов. И в этот период соотношение сил по авиации будет 1:1,4 в их пользу.

Для реализации этого соотношения сил нужно, чтобы на каждый самолет был боеготовый экипаж. Это было выдержано у немцев, готовившихся к нападению, и не достигнуто в советских дивизиях, находившихся на положении мирного времени. Например, в 42-м истребительном полку было 100 самолетов и 24 летчика, в 15-м истребительном 54 МиГ-1, а летчиков, летавших на них, 23; в 148-м истребительном самолетов 64, а летчиков 27, в 6-й смешанной авиадивизии самолетов было 236, а летчиков 175. Итого в ВВС округа не могли подняться в воздух 205 самолетов. Поэтому до 24 июня реальное соотношение сил в воздухе было 1:1,7 в пользу противника, а после 1:1, то есть силы были равными. В первые три дня войны немцы имели очень большое превосходство по авиации, а в дальнейшем – подавляющее, так как к этому времени советская авиация почти прекратила свои действия.

Если ВВС Северо-Западного фронта имели большое количество самолетов, то возникают следующие вопросы. Почему они, как показано выше, не участвовали ни в одной операции? Почему в воздухе были только немецкие самолеты? Куда делась советская авиация? Почему в конце приграничного сражения почти не осталось самолетов?

В официальной военно-исторической литературе, не зная истинных причин и не рассматривая хода боевых действий, утверждает, что советская авиация потерпела поражение из-за внезапного нападения немцев и лучшего качества их самолетов. Внезапности нападения в Прибалтике немцев не было, а чтобы проявились лучшие качества их самолетов, чего фактически не было, нужны длительные воздушные бои, которые также не состоялись.

А причины поражения были. Командование ВВС фронта увидело их, но поздно, когда уже ничего нельзя было сделать. Авиация фронта как бы с самого начала была подставлена, обречена на поражение при всем видимом благополучии. Рассмотрим, в чем причины малой активно-

сти авиации и быстрого ее поражения.

Из схемы базирования 6,7-й и 8-й смешанных авиационных дивизий видно, что оно было целесообразным для эффективного применения армейской авиации в наступательной операции фронта. Это соответствовало установке проекта Полевого устава 1939 г., в котором сказано, что войну мы будем вести наступательно, на чужой территории и малой кровью. Но советским войскам в Прибалтике пришлось не наступать, а отступить с большой скоростью. На такие действия аэродромная сеть авиации не была рассчитана, что и послужило главной причиной поражения. Выше показано, что немцы за первый день войны на направлениях главных ударов продвинулись до 70 км и к вечеру уже встал вопрос о передислокации ряда полков на тыловые аэродромы, а их нет. В последующие два дня предстояло передислоцировать двенадцать полков 7,8-й и 6-й смешанных авиационных дивизий.

Передислоцировать авиационные полки трех дивизий необходимо было на аэродромы севернее Западной Двины на рубеже Мадона-Резекне, а их там не подготовили. Можно было перелетать только на два аэродрома: в Риге и Двинске, но и те расположены на южном берегу Двины. Подходят немцы, а передислоцироваться некуда. Нужны еще 5-6 аэродромов севернее реки, а их нет.

Плана перебазирования полков при отступлении не было, поэтому каждый командир дивизии, а в критической ситуации и командир полка, принимали решение на перелет при подходе к аэродрому немецких войск. Поэтому возникли хаос и перегруженность аэродромов в Двинске, Риге. На дальние аэродромы в районе Таллина улетела большая часть бомбардировщиков.

Положение усугублялось тем, что перелетевшие полки прекращали вести боевые действия, так как техники и средства обслуживания самолетов передислоцировались на автомашинах. Переезд через Западную Двину возможен был по мостам в Риге, Екабпилсе и Двинске. Но в последних двух городах мосты утром 26 июня были захвачены противником, а дороги к ним перерезаны на день раньше. Поэтому колонны автомашин с техническим составом многих полков не прибыли к местам их новой дислокации.

Управление полками, из-за прекращения связи с ними, нарушилось, а полки длительное время были небоеспособны. Для восстановления управления частями и соединениями армейской авиации командование фронта вынуждено

было подчинить ее командующему ВВС генерал-майору авиации А. П. Ионову.

Передислокация при отступлении войск связана не только с прекращением полками не менее чем на сутки боевых действий, что снижает активность авиации, а и с большими небоевыми потерями самолетов. При убытии полков неисправные самолеты и те, для которых нет экипажей, сжигались техниками перед убытием с аэродромов, чтобы они не достались немцам.

На аэродромах Двинска и Риги на второй и третий день войны скопилось большое количество истребителей, так как некуда больше было перелетать. С подходом к ним немецких корпусов начался перелет самолетов на аэродромы в районе Таллина, но из-за отсутствия техников и средств обслуживания многие из них не смогли подняться в воздух и были уничтожены летчиками. В результате авиация фронта почти не участвовала в боевых действиях и несла колоссальные потери. Самолеты в своем большинстве уничтожались на земле техниками и летчиками из-за неправильной организации базирования авиации, а следовательно, недостаточной компетенции командования ВВС фронта и главного штаба Военно-воздушных сил Красной Армии. Это было обусловлено тем, что авиация, как новый вид Вооруженных Сил страны, не имела еще разработанной теории организации и ведения боевых действий в начальный период войны.

В 1944 г., когда автор воевал в этих же местах и участвовал во взятии Двинска, Резекне, Риги, при перебазировании полка на новый аэродром ему выделялся транспортный самолет, на котором техники, выпустив самолеты, летели вслед за летчиками и перерыва в ведении боевых действий почти не было. В рассматриваемое же время в штатах ВВС фронта не было ни одного транспортного самолета. Их функции могли успешно выполнять устаревшие тяжелые бомбардировщики ТБ-3, которые имелись в 1-м и 2-м дальнебомбардировочных авиационных корпусах, часть которых после приграничных сражений была переведена в транспортные, но уже на печальном опыте боев.

§ 2. Ход боевых действий авиации фронта

18 июня генерал-лейтенант П. С. Кленов направил в войска следующий приказ командующего округом:

«1. Частям ПВО зоны, батальонам ВНОС и средствам ПВО войсковых соединений и частей принять готовность № 2 (повышенная боевая готовность)...

2. Части ПВО, находящиеся в лагерях, в том числе и войсковые, немедленно вернуть в пункты постоянной дислокации...

3. Срок готовности 18.00 19 июня 1941-го. Исполнение донести 20.00 19 июня 1941-го»⁴⁶⁹.

Это приказание имело очень важное значение, так как позволяло для отпора врагу использовать все средства противовоздушной обороны сухопутных войск, авиации и зоны ПВО в пределах границ округа. Прибалтийский округ является единственным на западной границе СССР, где средства ПВО были заблаговременно приведены в боевую готовность. В Одесском округе это было выполнено за несколько часов до начала войны, а следовательно, в несколько меньшем объеме, а в Киевском и Западном округах ничего не было сделано с печальными последствиями.

Однако это мероприятие не понравилось в Москве, так как «могло спровоцировать немцев на выступление» и 21 июня командующий войсками округа получил указание от начальника Генерального штаба Г. К. Жукова – отменить «приказание по ПВО о введении в действие положения № 2». Исполнение указания было намечено провести 22 июня, а начавшаяся война показала его несостоятельность.

Под влиянием непрерывных указаний из Москвы «не спровоцировать немцев» в приказе, отданном за 2-3 часа до начала войны, Военный совет округа требовал: «До тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня по ним не открывать». Это в корне неправильное требование позволило 1600 немецким самолетам безнаказанно выйти на объекты ударов и нанести им поражение. Первый удар авиации самый сложный и опасный разрешено было противнику нанести без противодействия. И это над своей-то территорией. Таких благоприятных условий врагу для удара по своим войскам не создавало, очевидно, ни одно командование.

Указанный приказ так же требовал: «В случае провокационных действий немцев, огня по ним не открывать». В связи с этим командиры частей и соединений звонили в штаб округа и спрашивать: «Как отличить провокации от боевых действий?»

С учетом указанных требований приграничное сражение

авиации в Прибалтике началось неблагоприятно. С первыми залпами артиллерийских орудий на рассвете 22 июня 1941 г. в воздушное пространство Прибалтийского особого военного округа беспрепятственно вторглись самолеты 1-го и 2-го немецких воздушных флотов и нанесли удары по 11 аэродромам, скоплениям войск, штабам, городам.

Удары были нанесены по всем передовым аэродромам. От взрывов бомб и пулеметно-пушечного огня вспыхнули десятки самолетов. Через несколько минут прибыли летчики и техники из палаточных лагерей и приступили к ликвидации пожаров.

С первыми ударами противника в воздух были подняты дежурные звенья истребителей, их силы наращивали отдельные взлетающие самолеты и в воздухе развернулись воздушные бои. Но сил истребителей из-за позднего их подъема в воздух было мало и первому эшелону самолетов противника удалось выполнить поставленные задачи с малыми потерями. Особенно благоприятные условия противник имел при нанесении ударов по аэродромам базирования бомбардировщиков, так как аэродромы не имели зенитного прикрытия и самолеты врага действовали, не встречая какого-либо сопротивления.

В последующих налетах немецких самолетов противодействие им резко возросло. В 4 часа 20 минут до 45 самолетов бомбили Шяуляй, над городом шел воздушный бой; до 40 самолетов бомбили Каунас и Кальварию. Удары нанесены были так же по Риге, Тауреге, Кедайняю, Паневежису, Юрбургу и другим городам.

Авиация Северо-Западного Фронта вела бои с авиацией противника, прикрывала аэродромы, города, наносила удары по мотомеханизированным войскам в местах скопления и на марше. Летный состав авиационных частей отдавал все силы выполнению боевых заданий.

После первого налета авиации противника в воздух были подняты сохранившиеся самолеты для вывода из-под удара. Но из-за ограниченного запаса горючего они не могли долго находиться в воздухе. «После часового пребывания в зонах самолеты вновь были посажены на свои аэродромы, чем воспользовался противник и нанес повторные удары»⁴⁷⁰.

Этот метод вывода самолетов из-под удара применяется до настоящего времени и дает хороший результат, если сочетается с нанесением ответного удара по аэродромам базирования авиации противника и важным объектам.

Командование ВВС предусмотрело такие действия для бомбардировочных полков, которые после взлета взяли курсы на заданные цели, но разрешения на перелет границы из Москвы не было и их пришлось вернуть. Так повторилось дважды, что способствовало снижению противодействия врагу. В Москве не хотели верить, что началась война.

31-й скоростной бомбардировочный авиационный полк, которым командовал Ф. И. Добыш, два раза поднимался в воздух, чтобы избежать удара противника, и направлялся на вражеские объекты, но, не имея разрешения на поражение их бомбами, возвращался на аэродром и только в третьем вылете нанес удар по колоннам автомашин и танкам врага⁴⁷¹.

Бомбардировочные и штурмовые авиаполки, получив разрешение на нанесение ответных ударов, перешли к активным боевым действиям по уничтожению живой силы и боевой техники немецких войск, перешедших в наступление. Летчики истребительных авиаполков с первых минут войны прикрывали аэродромы, города и другие важные объекты.

Группы бомбардировщиков 40-го скоростного бомбардировочного авиаполка в 10 часов взяли курсы на Кенигсберг, Таураге, Мемель. Противник встретил их мощным заградительным огнем зенитной артиллерии, но бомбы были сброшены точно на заданные военные объекты.

Летчики-истребители в борьбе с врагом проявляли мужество и отвагу. Так заместитель командира 15-го истребительного авиационного полка капитан Добженко в первый день войны совершил 8 боевых вылетов, показывая пример личному составу. В последнем вылете он отважно вступил в бой с группой немецких истребителей, умело маневрировал и сбил двух из них, но вскоре и его самолет перешел в беспорядочное падение.

В этом же полку старший лейтенант Дмитриев сбил 3 бомбардировщика противника, а лейтенант Шульц - 2 и сам погиб. Летчики этого полка с 22 июня по 1 июля сбивали только 13 самолетов. Это говорит о том, что после первого дня войны они очень мало вступали в бой с противником.

ВВС Северо-Западного фронта в первый день войны потеряли 98 самолетов или 8 проц., а противник - 27. Малые потери авиации фронта были обусловлены своевременным приведением в боевую готовность Военным советом округа системы ПВО, авиации и войск. В соседнем Запад-

ном военном округе ничего в этом направлении не было сделано, враг добился внезапности и уничтожил 47 проц. имевшихся у него самолетов.

23 июня авиация противника с рассвета вела активные боевые действия, наносила удары по аэродромам, железнодорожным узлам, эшелонам, войскам на марше и районах сосредоточения, поддерживала наступающие войска. Советские летчики смело вступали с ними в бой и в течение дня сбили 13 самолетов врага, 9 сбили зенитчики. Бомбардировщики и штурмовики наносили удары по колоннам войск противника на дорогах, замедляя их движение вперед.

В этот день с приближением немецких войск к аэродромам базирования истребителей начинается их перебазирование в тыл. Первым с утра в связи с подходом танков Гота перелетел 42-й истребительный полк из Алитуса на аэродром Вильнюса. 24 летчика улетели, а 76 оставшихся самолетов техники сожгли, чтоб они не достались врагу.

Вечером с подходом противника к Каунусу перебазировались в Двинск 10,15,16-й истребительные и 16-й штурмовой авиаполки. При этом в 15-м полку пришлось сжечь 31 новый истребитель. 148-й истребительный полк из района Лиепай перелетел в Ригу, на оставленном аэродроме техники сожгли 37 самолетов. Всего в этот день на аэродромах при отступлении техники сожгли 144 самолета. Немецкая авиация к их уничтожению не имели никакого отношения.

Утром 24 июня с подходом к Вильнюсу немецкого моторизованного корпуса и началом боев на его окраине 42-й истребительный полк перебазировался в Двинск, а 54-й бомбардировочный — в Тарту. Их технический состав со средствами обслуживания самолетов на автомашинах двинулся за летчиками, но дорога на Двинск оказалась перерезанной корпусом Манштейна, им пришлось вернуться и ехать на Полоцк без надежды увидеть свои самолеты.

В этот день штаб 11-й армии скрылся в лесах и прекратил управление 8-й смешанной авиационной дивизией и ее полки не получали задач на прикрытие и поддержку сухопутных войск.

31,46-й и 9-й скоростные бомбардировочные авиационные полки перебазировались на аэродромы Рига и в районе Таллина, что снизила боевую активность авиации, так как они улетели без технического состава и средств

обслуживания самолетов. К концу дня перебазировался в Ригу и 241-й штурмовой авиаполк.

Полки, перелетевшие на аэродромы Двинск и Рига, с использованием имеющихся здесь ресурсов и технических средств из-за малого количества технического состава могли вести боевые действия лишь ограниченными силами. В результате почти прекратилось противодействие немецкой авиации и прикрытие от ее ударов войск.

Около 20 часов, командир 3-го механизированного корпуса генерал А. Б. Куркин, как сказано выше, направил командующему фронтом телеграмму с просьбой прикрыть в районе Скаудвиля 2-ю танковую дивизию, которую непрерывно бомбил противник. Но ответа и помощи истребителями не получил, так как их поблизости уже не было, а управление перелетевшими еще не налажено.

25 июня в связи с перебазированием истребительных и штурмовых полков на аэродромы Двинск и Рига, а бомбардировочных на дальние — Таллин, Тарту, Хаапсалу, связь их с командованием дивизий, а последних со штабами армий прекратилась. Поэтому с этого дня боевые задачи полкам не ставились, они не прикрывали войска и не наносили ударов по наступающему врагу.

В донесении политуправления Северо-Западного фронта сказано, что «действия нашей авиации в первые дни боев были расстроены, а боевая их работа сужена», значительное число летчиков осталось без самолетов, а противник захватил господство в воздухе⁴⁷².

Под вечер с подходом к Двинску 8-й немецкой танковой дивизии с его аэродрома начали перебазироваться в район Таллина штурмовой и истребительные полки. Из-за ограниченного количества средств заправки самолетов и запуска моторов, а также технического состава более половины истребителей и штурмовиков не смогли подняться в воздух, и были сожжены или захвачены противником. С перебазированием штурмовиков и истребителей на дальние аэродромы они вышли за предел их боевого применения по запасу горючего.

В создавшихся условиях командование Северо-Западного фронта убедилось, что деление авиации на армейскую и фронтовую нецелесообразно, так как это не обеспечивает эффективного боевого применения 7-й и 8-й смешанных авиационных дивизий. В связи с этим Военный совет вывел армейскую авиацию из подчинения командую-

щим общевойсковыми армиями и подчинил командующему ВВС фронта.

27 и 28 июня в район Таллина перебазировался 40-й скоростной бомбардировочный авиаполк из Вентспилса и полки из Риги. Южнее Двины авиации не осталось, вся она сосредоточилась на трех дальних аэродромах, с которых могли вести боевые действия только бомбардировщики.

С подходом немецких дивизий к Западной Двине по ним начали наносить удары бомбардировочные полки 4-й смешанной авиадивизии. Действовали они без прикрытия истребителями и несли очень большие потери, так как немецкое командование посадило на аэродромы у Двины своих истребителей, которые всем составом поднимались на отражение налетов.

§ 3. Удары дальней и морской авиации под Двинском

В ходе боев у Двинска на помощь войскам фронта был направлен 1-й дальнебомбардировочный авиационный корпус, который 26 июня нанес удары по колоннам войск противника на подходе к Двинску с юга и военным объектам в районе города. Противнику был нанесен значительный ущерб, но и корпус понес большие потери, так как фронт из-за удаленности базирования авиации не мог обеспечить группы дальних бомбардировщиков истребителями сопровождения.

При налета корпуса на военные объекты Двинска произошёл следующий редкий в авиации случай, о котором рассказал автору летчик самолета ДБ-3ф доктор военных наук, полковник Н. И. Белоусов.

«Заходил я на объект удара у Двинска с юго-запада. При подходе к цели самолет вошел в зону плотного зенитного огня. Один снаряд попал в левый мотор, который задымил и остановился. В этот момент штурман, полагая, что самолет сбит, без разрешения и команды выбросился на парашюте. Установив это, я сбросил бомбы на цель и на одном моторе потянул в сторону аэродрома. Самолет ДБ-3ф устойчиво идет на одном моторе и полет проходил нормально».

— Как в полку восприняли, что летчик прибыл без штурмана? — спросил я.

— Дело в следующем. Километрах в 15 от Лудзы мотор

вдруг остановился и я, подав команду воздушному стрелку на покидание самолета, выбросился на парашюте. Стрелок за мной не последовал, видимо, был убит. При содействии местных властей через несколько дней доехал до Новосokolьников, где неожиданно встретил штурмана и с ним прибыл в полк. При докладе командиру полка о боевом вылете попросил назначить мне в экипаж другого штурмана, что было выполнено. А тот штурман с новым экипажем вскоре не вернулся с боевого задания».

30 июня для удара по немецким войскам у Двинска были привлечены минно-торпедные и бомбардировочные полки ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Действовали они на большую дальность без истребителей сопровождения, не мог обеспечить их прикрытия и фронт. Противник к этому времени посадил на Двинский аэродром большое количество истребителей, которых всей массой поднял на отражение налета. Отдельные девятки балтийцев атаковали одновременно до 27 истребителей и потери их были большие. В этих условиях удар нужно было нанести ночью, когда противник не мог оказать какого-либо противодействия. Но пока действовали под влиянием фильмов и пропаганды мирного времени, предсказывавших быструю и легкую победу, что не оправдалось.

В ходе приграничного сражения авиация Северо-Западного фронта потерпела полное поражение. Она потеряла 993 самолет или 82 проц. их количества перед войной. Причем более половины самолетов было уничтожено техниками и летчиками на аэродромах при отступлении. В конце сражения осталось 218 самолетов, в их числе 57 СБ, 7 Пе-2, 14 МиГ-3, 38 И-16, 102 И-153 и И-15 бис⁴⁷³.

Главными причинами поражения авиации и ее низкой активности были:

- отсутствие аэроузла грунтовых аэродромов на рубеже Мадона-Резекне для перебазирования армейской авиации и ведения боевых действий при отступлении в связи с продвижением немецких войск;

- плохая работа средств связи при перебазировании авиационных полков в тыл.

В связи с поражением советских войск в Прибалтике были назначены: 30 июня начальником штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, 1 июля командующим ВВС фронта генерал-майор авиации Т. Ф. Куцевалов, а 3 июля командующим войсками фронта генерал-майор П. П. Собенников.

Глава одиннадцатая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

§ 1. Боевые действия кораблей флота

Краснознаменным Балтийским флотом командовал вице-адмирал В. Ф. Трибуц, членом Военного совета был дивизионный комиссар М. Г. Яковенко, начальник штаба — контр-адмирал Ю. А. Пантелеев, командующим ВВС — генерал-майор авиации В. В. Ермоченков.

Флот в своем составе имел 2 линейных корабля (устаревших), 2 крейсера, 2 лидера, 19 эскадренных миноносцев, 7 сторожевых кораблей, 30 тральщиков, 3 канонерские лодки, 48 торпедных катеров, 4 бронекатера, 20 охотников за подводными лодками, 69 подводных лодок, Военно-воздушные силы составом 656 самолетов. Главной базой флота был Таллин, а передовой базой — Лиепая.

Против Краснознаменного Балтийского флота действовали военно-морские силы Германии и Финляндии. Германское командование для действий против Балтийского флота выделило небольшие силы: 28 торпедных катеров, 10 надводных минных заградителей, 3 прорывателя минных заграждений, 10 флотилий тральщиков и сторожевых кораблей, флотилию десантных судов и 5 подводных лодок.

Финляндия в составе военно-морских сил на Балтике имела 2 броненосца, 4 канонерские лодки, 8 надводных минных заградителей, 5 торпедных катеров, 4 минных катера, 25 тральщиков, 20 сторожевых кораблей и 5 подводных лодок.

При необходимости немецкое командование могло усилить выделенные силы за счет кораблей в Северном море.

Верховное командование вооруженных сил Германии при планировании хода войны определило и характер боевых действий на море. Исходя из концепции «молниеносной войны», в плане «Барбаросса» о действиях военно-морских сил сказано:

«В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленин-

граду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операции на море»⁴⁷⁴.

Эти положения плана «Барбаросса» в период приграничных сражений были выдержаны немцами на Черном, Балтийском и Баренцевом морях. В отличие от действий на суше, на море они не вводили в бой крупных сил. Поэтому, располагая подавляющим превосходством на море, командующий Балтийским флотом мог использовать имеющиеся силы для охраны побережья и помощи защитникам Лиепаи. Вместе с тем между Лиепаей и Вентспилсом, а также в Ирбенском проливе безнаказанно действовало несколько немецких торпедных катеров, нещадно топивших советские корабли, в то время как в устье Западной Двины бездействовало большое количество мощных надводных кораблей.

Военный совет флота придерживался тактики действий будто противник имеет громадное превосходство и вот-вот нападёт крупными силами. Поэтому с началом войны бросил громадные силы на постановку минных заграждений, не уделяя никакого внимания уничтожению рейдирующих сил противника. В то же время, имея большое число самолетов, мог организовать разведку сил противника у советских берегов и уничтожить их с привлечением минно-торпедных полков или надводных кораблей. Рассмотрим, как начинались боевые действия.

Немецкое командование 19 июня издало приказ, который предусматривал начало минных постановок вечером 21 июня, то есть до начала войны. В соответствии с этим приказом в ночь на 22 июня и в течение дня были поставлены мины в некоторых местах движения кораблей. Флотская разведка и корабельные дозоры не сумели своевременно вскрыть эти действия противника⁴⁷⁵.

Подготовка Краснознаменного Балтийского флота к боевым действиям проходила следующим образом. 19 июня флот был переведен на готовности № 2. 21 июня около 23 часов Народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов по телефону передал В. Ф. Трибуцу приказание: привести флот в полную боевую готовность, нападение противника отражать всеми силами, но не поддаваться на провокации. Получив приказание, Трибуц по прямым телефонам связался с командирами военно-морских баз М. С. Клевенским, П. А. Трайным, С. И. Кабановым, А. В. Елисеевым, контр-адмиралом В. И. Ивановым, заместите-

лем командующего ВВС флота генерал-майором авиации М. И. Самохиным и другими командирами соединений и объявил им готовность № 1. В 23 часа 37 минут он доложил Н. Г. Кузнецову о приведении всего состава флота в полную боевую готовность к отражению нападения противника.

В 2 часа ночи штаб флота получил от начальника штаба базы Ханко радиосводку: посты СНИС около часа ночи 22 июня наблюдали три неизвестных больших корабля, идущих курсом на остров Даго; предположительно крейсер и два эсминца.

«Эта радиосводка, — как вспоминает командир базы Ханко С. И. Кабанов, — была послана в Таллин вне всякой очереди. Но штаб флота не репетовал ее по флоту, что, возможно, и вызвало тяжелые последствия»⁴⁷⁶.

Командующий флотом не учел возможности постановки противником минных заграждений в мирное время при организации первой операции на море по постановке мин, которой приказал руководить командующему эскадрой контр-адмиралу Д. Д. Вдовченко. В приказе на проведение операции сказано:

«Отрядам манных заградителей и эскадренных миноносцев под прикрытием авиации сегодня в ночь выйти на минную постановку. С запада вас будет прикрывать отряд легких сил в составе крейсера «Максим Горький» и первого дивизиона эскадренных миноносцев. Отряд легких сил выходит из Усть-Двинска и будет к 24 часам 22 июня к западу от кораблей, производящих минную постановку. Вам находиться на лидере «Минск»... Не исключена возможность появления в районе нахождения крейсера подводных лодок противника»⁴⁷⁷.

На постановку мин в море вышли минные заградители «Марти» и «Урал»; лидеры и эскадренные миноносцы «Суровый», «Минск», «Ленинград», «Володарский», «Карл Маркс», «Артем». Корабли прикрывались истребительной авиацией. В подчинении командующего эскадрой Д. Д. Вдовченко находился и отряд прикрытия: катера-охотники за подводными лодками, торпедные катера, 71-й истребительный авиаполк майора А. В. Коронца и 73-й бомбардировочный авиаполк майора Ф. Н. Коптеева.

При таких громадных силах и отсутствии противника на море командующий флотом приказал для прикрытия указанных кораблей, вышедших из Таллина, выйти из Усть-Двинска в устье Финского залива отряду легких сил в

составе крейсера «Максим Горький» и трех эсминцев под командованием капитана 2 ранга И. Г. Святова. Последний никакого предупреждения о неизвестных кораблях, побывавших в ночь на 22 июня возле острова Хийумаа, не получал и не ожидал появления на пути отряда минного поля противника.

Когда корабли отряда И. Г. Святова вошли в устье Финского залива, неожиданно головной эсминец «Гневный» исчез в клубах дыма, пламени и воды, прогремел мощный взрыв. Когда дым рассеялся и столб воды опустился, все увидели стоящий на месте эсминец без носовой части, которая утонула.

Командир отряда подал команду о повороте кораблей на обратный курс и вновь их ввел в минное поле. Снова раздался оглушительный взрыв и из-под носа крейсера «Максим Горький» взметнул вверх столб воды и пламени. Взрывом мины у него оторвало носовую часть корпуса.

Эсминец медленно погружался в море, а крейсер оставался на плаву, так как вода в корпус не поступала. С «Гневною» был снят личный состав, а сам эсминец потоплен артиллерией.

К крейсеру «Максим Горький» Д. Д. Вдовченко направил базовые тральщики, спасательное судно «Нептун» и катера-морские охотники под командованием капитана 2 ранга А. А. Милешкина. При выходе кораблей из пролива Хари Курк головной тральщик «Шкив» взорвался на mine и моментально затонул, находившийся на нем А. А. Мелешкин погиб. Все остальные корабли повернули обратно и вернулись на рейд Вормси. Крейсер своим ходом пришел в Таллин, откуда направлен в Ленинград, где восстановлен и в середине августа вышел на огневую позицию.

«Мы в Военном совете, — пишет В. Ф. Трибуц, — остро переживали потери, изучали их причины. Становилось ясно, что штаб флота не сделал достаточно глубокого анализа ситуации после получения донесения о кораблях противника в шхерах»⁴⁸⁰. Не в шхерах, а у острова Хийумаа, где Военный совет организовал постановку мин, не учтя коварства противника, что недопустимо на войне.

Чтобы не произошло гибели эсминца и тяжелого повреждения крейсера, которых до войны было всего 7, нужно, чтоб впереди отряда легких сил шли тральщики. Но это не было сделано организаторами операции и Трибуц, чтоб уменьшить свою вину и затушевать события, пишет: «Известно, что крейсер и миноносцы могли идти за тральщи-

ками, делая максимум 10-12 узлов. При такой скорости отряд прикрытия не успел бы вовремя подойти к устью залива»⁴⁸¹. Но он, организовав операцию, мог перенести время выхода из Таллина кораблей под командованием Вдовченко и встреча состоялась в намеченном месте, так как срочности в постановке мин не было.

В соответствии с приказом отряд легких сил должен был войти в устье Финского залива в 24 часа 22 июня, следовательно, в первый день войны подорвались на минах эсминец и крейсер. Первый затонул, а второй получил тяжелое повреждение и случайно остался на плову. В этот же день противник поставил мины в Севастопольской бухте и, как показано выше на них подорвались буксир, эсминец и линкор. И вопреки этим фактам адмирал флота Р. Я. Чернавин пишет:

«Достижением передового военно-морского искусства являлись разработка и практическое внедрение ступенчатой системы оперативной готовности. Благодаря ей флоты и флотилии не были застигнуты врасплох... В результате флоты не имели потерь от первых ударов противника ни в кораблях, ни в самолетах»⁴⁸².

Самолеты флотов не подвергались огневому воздействию, и нет основания говорить, что не было их потерь из-за раннего объявления готовности № 1. Система оповещения сработала только для Черноморского флота и нельзя ее благотворное влияние переносить на Балтийский и Северный флоты, так как севернее Вентспилса в первый день противник на море и суше не действовал по их объектам. В соответствии с планом «Барбаросса» он считал, что нет смысла уничтожать корабли, которые с захватом их баз базирования самоликвидируются, интернируются или попадут ему в руки.

И. В. Сталин перед войной, как пишет адмирал Н. Г. Кузнецов, предлагал разместить один из линкоров в Лиепае. Это бы обеспечило эффективное его применение для борьбы на море и поддержки сухопутных войск, ведущих боевые действия на приморском направлении. Но он с ним не согласился и за несколько дней до начала войны линкор "Марат" был переведен не в Лиепаю, а Кронштадт. Зачем было уводить его в тыл, а не выдвинуть вперед, чтобы он мог участвовать в боевых действиях?

Рассмотрим, как развивались боевые действия на Балтийском море.

За время приграничного сражения ни один надводный

корабль не вышел в море южнее Ирбенского пролива, где господствовали немецкие торпедные катера на большом удалении от своих баз. На Черном море отряд кораблей ходил для нанесения удара по Констанце, а на Балтике командование укрыло громадные силы в портах, и ни один корабль не был послан на помощь морякам Лиепаи и для эвакуации защитников этой передовой военно-морской базы флота. Для эвакуации защитников Одессы были задействованы основные силы Черноморского флота, и за один рейс была вывезена целая армия с боевой техникой, а на Балтике для этого не нашлось ни одного корабля, а их, как увидим, было очень много и недалеко.

По другому действовали и немцы, когда должен был пасть Ленинград и флот лишиться последней своей базы. «День 15 сентября, — пишет Н. Г. Кукзенцов, — для Кронштадта был самым опасным. Не случайно именно в эти дни немецкий флот был развернут у выхода из Финского залива на случай перехвата кораблей, если они предпримут попытку интернироваться в Швеции. 27 сентября в Або-Аландские шхеры пришла эскадра, состоящая из линкора «Тирпиц», тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», легких крейсеров «Нюрнберг» и «Кельн» и сопровождающих их шести эсминцев. С эскадрой были тральщики, торпедные и сторожевые катера.

Вскоре два крейсера — «Эмден» и «Кельн» с двумя эсминцами подошли к Либаве»⁴⁸³.

Подобных смелых действий в период приграничного сражения соединения надводных кораблей Балтийского флота с огневым воздействием по морским и сухопутным объектам не предпринимали, что вызывает сожаление. Могут сказать, что сэкономили силы для защиты Ленинграда, но его могли взять немцы. Тогда для кого?

В Ирбенском проливе с 23 июня производились минные постановки с целью не допустить проникновения кораблей противника в Рижский залив. Ставили минные заграждения эскадренные миноносцы «Стойкий», «Сторожевой», «Сердитый», «Сильный», «Сметливый», «Энгельс» и «Грозный» под руководством командира отряда легких сил контр-адмирала В. П. Дрозда. Эсминцы выполняли свои задачи в спокойной обстановке, противник не мешал. Но 27 июня немецкие торпедные катера атаковали эсминцев и в «Сторожевого» попала торпеда, которая взорвалась и оторвала носовую часть. Отбив повторные атаки катеров и закончив постановку мин, эсминцы взяли на буксир повреж-

денный корабль и вернулись в Усть-Двинск.

Развертывание подводных лодок на позициях началось еще до начала военных действий. С объявлением на флоте готовности № 2 на позициях находились: у Ирбенского пролива – подводная лодка С-7, на подходе к Лиепай – С-4, в устье Финского залива – М-96. Через три дня после начала войны на позициях в Балтийском море и Финском заливе находилось 16 подводных лодок, а 1 июля – 25.

Для повышения эффективности подводных лодок соединений А. Е. Орла и Н. П. Египко штаб флота разбил морской театр военных действий на две зоны: южную и северную. Разграничительной линией служила параллель, проходящая по южной оконечности острова Готланд.

Подводных лодок на позициях было много, а результатов – никаких. В связи с этим на Военном совете флота 30 июня, на который были приглашены представители соединений, дивизионов и лодок, был обсужден вопрос повышения результативности действий подводных лодок на позициях. Принятое решение позволило устранить многие недостатки, а результативность не повысилась.

«К сожалению, – как вспоминает В. Ф. Трибуц, – мы не смогли учесть всех объективных причин низкой результативности действий подводных лодок в тот период. Как сейчас стало известно, с началом войны противник, предполагая выход наших подводных лодок на его коммуникации, во избежание потерь запретил всякое судоходство до особого распоряжения»⁴⁸⁴.

Только с провалом плана «молниеносной войны» противник вынужден был приступить к подвозу военных запасов войскам по морю, и эффективность подводных лодок возросла. Первой добилась победы С-11 19 июля.

С вступлением в войну Финляндии 26 июня обстановка на море резко обострилась. Вся система базирования флота от Таллина до Кронштадта ранее находившаяся в тылу стала подвержена воздействию с суши и моря. В тылу появились базы и батареи противника. При этом все базы финов по северному берегу Финского залива были прикрыты береговой артиллерией. В боевой контакт вошли корабли и батареи Кронштадтской военно-морской базы.

29 июня финны сделали попытку захватить острова Паттио и Лейтсальми, находящихся на левом фланге 23-й армии, но пулеметный батальон, поддержанный огнем кораблей базы, отбил их десант.

В связи с отступлением армий Северо-Западного фронта 27 июня в Ригу прибыл В. Ф. Трибуц, узнал у генерала Г. П. Сафонова обстановку на фронте и направился в Усть-Двинск, где вызвал командира военно-морской базы контр-адмирала П. А. Трайнина, командиров соединений контр-адмирала В. П. Дрозда и капитана 1 ранга Н. П. Египко, начальника штаба дивизиона торпедных катеров старшего лейтенанта Е. В. Осецкого. Он информировал их о действиях сухопутных войск и принятом решении командованием фронта о отводе армий за Западную Двину. Поэтому приказал «немедленно вывести из Усть-Двинска все боевые и вспомогательные корабли, погрузив на них материальные ценности, а что не удастся вывезти - уничтожить. Основное направление отхода кораблей и транспортов - Куйвастэ - Рохукюла и далее Таллин»⁴⁸⁵.

Вечером 27 июня из Усть-Двинска под командованием В. П. Дрозда вышли крейсер «Киров», эсминцы «Грозный», «Сердитый», «Сильный», «Стойкий», «Энгельс», около 15 транспортов, вспомогательных судов и других кораблей. Среди эсминцев, нет «Сторожевого» с оторванным носом и «Сметливого». Утром следующего дня отряд Дрозда прибыл на рейд Куйвастэ. Туда же пришло соединение подводных лодок Египко. 30 июня корабли, за исключением оставшихся для защиты пролива, получили приказ перейти в Таллин.

В средней части Балтийского моря стратегическое положение занимали Моонзундские острова, в которые входили четыре больших острова: Сааремаа, Хийумаа, Муху, Вормси. Они служили форпостом западного побережья. Длина побережья этих островов превышала 800 километров, что затрудняло их оборону.

Защиту Моонзундских островов осуществляла Береговая оборона Балтийского района, комендантом которой был генерал-майор А. Б. Елисеев. В его подчинении находились на островах Сааремаа и Муху 3-я отдельная стрелковая (46,79-й стрелковые, 39-й артиллерийский полки) бригада полковника Гаврилова, шесть береговых батарей, четыре зенитные батареи, два инженерных батальона, саперная рота, 12-я Краснознаменная отдельная истребительная авиационная эскадрилья, имевшая 15 самолетов И-15 бис, дивизион торпедных катеров капитан-лейтенанта Богданова, а также Северный укрепленный сектор на островах Хийумаа и Вормси, в состав которого входили два батальона 16-й стрелковой дивизии, два инженер-

ных батальона и две зенитные батареи. Всего на островах было около 24 тыс. человек. Главная надежда при обороне островов возлагалась на мощную береговую артиллерию, хотя некоторые батареи которой еще не были достроены. Подвижным резервом служил 39-й артиллерийский полк 3-й стрелковой бригады⁴⁸⁶.

30-километровый Ирбенский пролив, по которому немцы могли прорываться в Рижский залив, перекрывался огнем 180-мм орудий 315-й береговой батареи, расположенной на южной оконечности полуострова Сьрве. Помощь ей в борьбе с кораблями противника должен оказывать дивизион торпедных катеров.

Моонзундские острова знамениты тем, что с аэродрома Кагул, а затем и аэродрома Асте с 8 августа по 5 сентября экипажи 1-го минно-торпедного авиационного полка, а впоследствии и 40-й дальнебомбардировочной авиационной дивизии на самолетах ДБ-3 и ДБ-3ф нанесли 10 ударов по столице Германии Берлину. Руководил этими действиями командующий авиацией ВМФ генерал-лейтенанта С. Ф. Жаворонков.

Штурм Моонзундских островов немцы предприняли далеко за пределами приграничного сражения – 6 сентября, выделив для этого 61-ю и 217-ю пехотные дивизии и инженерные части, значительные силы артиллерии и авиации. Эти войска с моря поддерживали 3 крейсера и 6 эсминцев. Но встретили они упорное сопротивление защитников островов, которые с беспримерной храбростью защищали каждый из них. Лишь 19-22 октября оставшихся защитников с острова Хийумаа эвакуировали на полуостров Ханко. Полуторамесячная защита Моонзундских островов является славной боевой страницей в истории Краснознаменного Балтийского флота.

§ 2. Боевые действия флота при обороне Лиепая

Лиепая (Либава) – передовая военно-морская база Краснознаменного Балтийского флота. Сформирована она была в 1940 г. Командиром базы был капитан 1 ранга М. С. Клевенский. С началом войны, как показано ранее, личный состав базы принимал активное участие в ее обороне с суши, поэтому здесь будут рассмотрены лишь действия корабле. Перед войной в ней скопилось большое количество надводных, подводных и торговых кораблей.

Корабли флота частью здесь базировались, а частично прибыли на ремонт.

22 июня в Лиепеае находились: эсминец Ленин (1916 г. постройки, прежнее название капитан Изыльметьев), подводные лодки М-71, М-77, М-79, М-80, М-81, М-83, М-88, С-1, С-3, С-9, «Калев», «Лембит», «Спидола», «Ронис», 5 торпедных и сторожевых катеров, тральщик «Фугас», танкер «Железнодорожник», ледокол, 12 торговых судов, шаланда «Тунгуска», 4-й дивизион катеров (11 единиц) пограничников. Эсминец и 8 подводных лодок находились на ремонте.

В 23 часа 40 минут 21 июня база была переведена на готовность № 1. С началом боевых действий 22 июня тральщик «Фугас» под прикрытием торпедных катеров вышел на постановку минного заграждения в 10 милях от берега. В 9 часов 30 минут подводные лодки М-79, М-81, М-83 вышли на позиции для несения дозорной службы и атаки кораблей противника.

В полдень командующий флотом «приказал М. С. Клевенскому вывести из базы в Вентспилс или в Усть-Двинск все, что не было связано с обороной города и имело возможность двигаться — в частности, танкер «Железнодорожник», подводные лодки, а также 18-ю железнодорожную батарею капитана В. П. Лисицкого»⁴⁸⁷.

В соответствии с этим приказом пять подводных лодок вышли в море и взяли курс: М-77, М-88 и С-9 на устье Западной Двины, а «Калев» и «Лембит» на Вентспилс. К вечеру танкер «Железнодорожник» был направлен в Вентспилс, а железнодорожная батарея 180-мм пушек — в Усть-Двинск. Эта батарея была крайне необходима для обороны базы и отозвана командующим с места боев. В это же время в Рижский залив были отозваны подводные лодки, которые занимали позиции на подходах к Лиепеаи, кроме Л-3.

Обстановка на море в районе Лиепеаи для действий сил флота по оказанию помощи защитникам военно-морской базы была благоприятной. До 27 июня командир подводной лодки Л-3 капитан-лейтенант П. Д. Грищенко, несший дозор в 18 километрах от нее, докладывал М. С. Клевенскому: «Противник не обнаружен, продолжаю нести дозор»⁴⁸⁸. И в этих благоприятных условиях командующий флотом не послал на помощь защитникам базы ни одного надводного корабля и не обеспечил эффективного применения имеющегося в ней эсминца «Ленин».

Для обороны Лиепаи с суши совместно с частями 67-й стрелковой дивизии и рабочими отрядами командование военно-морской базы выделило: 32-й стрелковый батальон, три отряда морской пехоты, в которые вошли курсанты военно-морского училища ПВО, моряки флотского полуживака, береговых батарей и ремонтирующихся кораблей; две береговые батареи 130-мм орудий, 43-й и 84-й зенитные артиллерийские дивизионы, имевшие 24 орудия 76-мм калибра, подвижный боевой резерв морской пехоты численностью до 1000 человек на 100 автомобилях. Всего более 3000 моряков. Все они участвовали в боях, проявляя мужество и отвагу.

В 6-7 часов утра 23 июня, когда только еще начались бои на дальнем подступе к Лиепае, эсминцу «Ленин» была дана команда выйти в море, так как у него была исправна одна машина. Эсминец отошел от стоянки и начал выходить из базы, но был возвращен. Почему неизвестно. Вечером около 20 часов командир эсминца капитан-лейтенант Ю. М. Афанасьев получил пакет и отдал команду: всему личному составу переодеться в парадную форму, замки с орудий и пулеметов — за борт, команду вооружить и спустить на берег, минерам остаться. Примерно в 23-24 часа эсминец «Ленин» и находившиеся на ремонте подводные лодки С-1, М-71, М-80, «Спидола» и «Ронис» были взорваны и скрылись в волнах⁴⁸⁹.

Эсминец «Ленин» имел 4 орудия калибра 120-мм, то есть как каждая батарея береговой обороны № 23 и № 27. Поэтому сохранение его на плаву, в том числе на якорах, в середине бухты, что исключало его внезапный захват, на треть увеличило бы мощь артиллерийской поддержки защитников города и военно-морской базы. Эсминец был на ходу, и как можно было его топить без всякой угрозы захвата? Он должен был до 29 июня поддерживать огнем своих орудий защитников Лиепаи, а затем уйти в Вентспилс или на дно, а он за шесть дней до этого был потоплен своим командиром.

Оценивая эти действия Ю. М. Афанасьева по уничтожению боевой техники без угрозы захвата ее врагом, В. Ф. Трибуц пишет:

«Корабли, а также склады боеприпасов и топлива по его приказу были уничтожены. Это — единственно правильное решение. Можно сожалеть, что Афанасьева обвинили тогда в панике...»⁴⁹⁰.

Это утверждение правильное, но только для момента,

когда базу решено было сдать немцам, а не когда они к ней только подошли.

В. Ф. Трибуц оправдывает действия подчиненного, так как подобное, но в масштабах флота, готовился сделать сам, что видно из следующего. 10 сентября 1941 г в блокадный Ленинград прибыл новый командующий фронтом Г. К. Жуков и прямо на заседание Военного совета фронта, на котором обсуждался вопрос как уничтожить важнейшие объекты города, удержать который считалось почти невозможно. Он закрыл заседание совета и потребовал не вести никаких обсуждений о сдаче города.

Уже после войны в беседе с писателем К. Симоновым Маршал Советского Союза Г. К. Жуков об этом Военном совете сообщил следующее:

«Моряки обсуждали вопрос в каком порядке им рвать суда, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: «Как командующий фронтом обещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией». Они, видети ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было по сорок боекомплектов. Я сказал им: «Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно они погибнут. Но если так, они должны погибнуть в бою стреляя». И когда потом немцы пошли в наступление на Приморском участке фронта, моряки так дали по ним со своих корабле, что они просто-напросто бежали».

В Лиенае некому было остановить действия морских командиров и боевой корабль ушел под воду, не сделав ни одного выстрела по немцам. Этим был нанесен большой ущерб защитникам города и базы, нашему народу.

Примером стойкости, проявленной в тех условиях, являются действия капитана подводной лодки С-3 капитан-лейтенанта Н. А. Костромичева. Посоветовавшись с командирами, Н. А. Костромичев решил лодку не взрывать, и в надводном положении уйти в Рижский залив, так как она находилась на ремонте и не могла погружаться. В 22 часа 23 июня под покровом темноты С-3 вышла в море и взяла курс на север. В 4 часа утра на следующий день в районе маяка Ужава она была обнаружена и атакована двумя немецкими торпедными катерами. На маяке имелся пост флотской службы наблюдения и связи, который вскоре сообщил на вентспилский пост, что наблюдает бой

подводной лодки с немецкими катерами. В лодку попала торпеда, она переломилась и затонула, а вражеские катера расстреливают тонущих моряков.

Из личного состава эсминца «Ленин» был сформирован отряд морской пехоты, который под командованием старшего лейтенанта А. И. Майского на рассвете 24 июня занял рубеж обороны на восточном участке правее курсантского батальона училища ПВО и вступил в бой с противником. Мало кому из них удалось прорваться к своим.

В этот же день в порт вернулась из дозора неисправная подводная лодка М-83. Моряки до 26 июня находились на ней и когда немцы приблизились вели по ним огонь из 45-мм пушки и стрелкового оружия, а затем взорвали лодку. Это пример правильных и отважных действий до последней возможности. Если бы эсминец не был взорван, этого не произошло.

За 23-26 июня в военно-морской базе Лиепая произошли печальные события для Балтийского флота. За четыре дня были взорваны собственными руками эсминец и шесть подводных лодок, а седьмая подводная лодка погибла в бою, не обеспеченная сопровождением надводных кораблей. Флот лишился восьми боевых единиц, которые ушли на дно не причинив противнику почти никакого вреда. В порту были взорваны также ледокол и шаланда. 27 июня затонул при уходе на север с ранеными и семьями пароход «Виенеба», атакованный двумя немецкими самолетами, а восемь пароходов с грузами были сданы врагу в исправном состоянии.

Подводная лодка М-81 четыре дня находилась на позиции у Мемеля, но кораблей противника не обнаружила. 26 июня она вернулась в Лиепаю, но город горел и командир лодки капитан-лейтенант Ф. А. Зубков взял курс на Усть-Двинск, откуда на Таллин. У острова Вормси лодка была торпедирована и затонула.

На рассвете 27 июня штаб базы во главе с М. С. Клеветским покинул Лиепаю на трех торпедных катерах. В пути они были атакованы немецкими торпедными катерами, которые потопили одного из них, вступившего с ними в бой для прикрытия отхода катеров с командованием.

Немецкие торпедные катера нанесли большой ущерб только потому, что командование флота, имея громадные силы кораблей и авиации, не организовало борьбы с ними. Нельзя было этим легким судам даже близко приближаться к советским берегам, а не господствовать у них

на море. Но это требовало каких-то действий, к чему командование не стремилось, сосредоточив все внимание на постановке мин, потеряв при этом эсминец и тяжело повредив эсминец и крейсер. Потеряет ли противник на этих минах столько боевых кораблей?

Морская пехота, сформированная из личного состава военно-морской базы, сражалась героически. Бойцы в черных бушлатах были примером стойкости. В бою с батальоном моряков противника они нанесли ему такое поражение, что в дальнейших боях его участие не отмечалось.

25 июня в журнале боевых действий группы армий «Север» записано: «Наступление 291-й пехотной дивизии было приостановлено ввиду сопротивления противника, поддержанного огнем стационарных батарей». Это показывает большое значение для обороны Лиепайи береговых батарей № 23 и № 27. Мощь огня по противнику возросла бы при использовании орудий эсминца «Ленин», но они вместе с кораблем уже два дня находились на морском дне.

Среди защитников Лиепайи, проявивших героизм и мужество в боях, был и изменник Родины, которым оказался начальник Военно-морского училища ПВО генерал-майор береговой службы И. А. Благовещенский. В ходе прорыва обороны для выхода из города он попал в плен и начал активно работать на немцев против своего народа. В конце 1942 г. сблизился с изменником Родины бывшим командующим 2-й ударной армией Волховского фронта генерал-лейтенантом А. А. Власовым – создателем «Русской освободительной армии» из числа военнопленных для ведения боевых действий в составе немецкой армии против советских войск. Благовещенский носил форму немецкого генерала, награжден медалью за отвагу 2-го класса.

В конце войны руководящее ядро власовцев – пять генералов, бригадный комиссар, четыре полковника и два подполковника, в том числе А. А. Власов и И. А. Благовещенский, снова оказались в плену, но уже советском. В августе 1946 г. Военная коллегия Верховного суда рассмотрела их дело и приговорила к высшей мере наказания⁴⁹¹.

Краснознаменный Балтийский флот с 22 июня по 1 июля потерял: три эсминца – 15 проц. начального состава, 11 подводных лодок (дополнительно к указанным погибли: М-78 у Вентспилса, С-10 в Данцигской бухте, М-99 у острова Хийумаа) – 16 проц., два тральщика (дополнительно

«Иманта» у острова Сааремаа) – 7 проц.; тяжелое повреждение получил крейсер – 50 проц.⁴⁹² 17 кораблей выбыло из строя, из них 15 безвозвратно. Это очень большие потери при почти полном отсутствии противодействия противника. Поэтому распространенное в военно-исторической литературе утверждение, что Военно-Морской Флот удачно и с малыми потерями начал войну не соответствует действительности. Особенно большие потери понес флот при обороне Лиепаи – передовой своей базы из-за недостатков руководства, панических действий и отсутствия помощи со стороны командования Балтийского флота кораблями и самолетами для огневой поддержки ее защитников и их эвакуации. При таких поражениях на сухопутных фронтах делались оргвыводы, но командование Балтийского флота не изменилось, под суд были отданы капитан 1 ранга М. С. Клевенский и капитан-лейтенант Ю. М. Афанасьев, которые затем реабилитированы.

§ 3. Оборона Ханко

Полуостров Ханко (Гангут) по мирному договору с Финляндией поступил в аренду Советскому Союзу на 30 лет с правом создания военно-морской базы. Расположен он в устье Финского залива, на северном его берегу. Это позволяло установкой на его южной оконечности 305-мм батареи и батарей 180-мм орудий на острове Осмуссаар у побережья Эстонии и на мысе Тахкуна острова Хийумаа перекрыть артиллерийским огнем 60-километровый вход в залив кораблям противника. К началу войны создание этих батарей в основном было закончено, и они стали частью центральной минно-артиллерийской линии. Постановка мин на этой линии, как сказано ранее, началось неудачно в ночь на 23 июня и затем производилась минными заградителями «Ока» и «Орел» до 30 июня. Ими поставлено 3059 мин и 489 минных защитников. Минные позиции и заграждения в сочетании с действиями трех указанных батарей обеспечивали устойчивую оборону главной базы флота Таллина, Кронштадта и Ленинграда⁵⁹³.

Противник упредил наш флот в постановке минных заграждений. Это свидетельствовало о том, что он не стремился к активным действиям на Балтийском море. Его корабли в ночь на 22 июня, которые здесь в это времени белые с хорошей видимостью, за несколько часов до начала войны поставил 240 мин на линии маяк Тахкуна –

остров Эре, после чего скрылись в направлении Турку. Помимо этого в тот же день минные заградители поставили пять линий минных заграждений протяженностью 40 миль на линии Тахкуна – Турку.

В 1940 г. на полуострове начала создаваться военно-морская база Ханко, которая к началу войны вошла в строй. Командиром базы был назначен генерал-майор береговой службы С. И. Кабанов, которому подчинялись все войска, находившиеся на полуострове.

База имела две задачи: первая – оборона северного фланга центральной минно-артиллерийской линии, преграждавшей путь кораблям противника в Финский залив и вторая – оборона полуострова и базы с моря, суши и воздуха⁴⁹⁴.

Для выполнения первой задачи база имела: 9-ю и 10-ю железнодорожные батареи, вооруженные орудиями 305 и 180-мм калибра; на острове Руссар строилась 305-мм башенная четырехорудийная батарея, которая с вводом в строй должна была стать основой артиллерийской обороны; 14 торпедных катеров; две эскадрильи 13-го истребительного авиационного полка; 81-ю отдельную авиационную эскадрилью, имевшую 12 МБР-2; 29-й и 30-й отдельные артиллерийские дивизионы.

Защиту базы от наступления противника с материка через перешеек и от десантов осуществляла 8-я отдельная стрелковая бригада полковника Н. П. Симоняка во взаимодействии с авиацией и артиллерией. В бригаду входили 270,345-й стрелковые и 343-й артиллерийский полки. На базе имелись также три инженерных батальона, 7-я строительная рота, отряд пограничников. Общая численность гарнизона Ханко составляла 25 тыс. человек.

Для захвата базы финское командование сформировало группу «Ханко» в составе 17-й пехотной дивизии, полка береговой и дивизиона тяжелой артиллерии, саперных подразделений, а с августа и шведского добровольческого батальона. Поддерживалась группа авиацией и кораблями флота⁴⁹⁵.

19 июня база была переведена на готовность № 2, а 21 июня – на № 1. 22 июня на базе стало известно, что началась война. На границе и море было спокойно. В середине дня из базы в Ленинград, через Финляндию, ушел последний пассажирский поезд пустым, так как ехать никто не захотел, а в 18 час 20 мин вышел из порта последний рейсовый турбозлектроход «И. Сталин», на кото-

ром эвакуировалось 2500 женщин и детей.

В этот же день в Таллин была отозвана 18-я авиаэскадрилья, на базе осталось 3 МБР-2. Из состава 13-го истребительного полка на Ханко находилась его 4-я эскадрилья капитана Л. Г. Белоусова, вооруженная И-153, а 24 июня прилетела 1-я эскадрилья майора М. Т. Леоновича, вооруженная И-16. Возглавлял группу истребителей майор А. В. Иванов.

В 18 час 50 мин немецкие самолеты нанесли удар по стоянке 6 торпедных катеров, но она оказалась пустой, так как катера накануне были рассредоточены⁴⁹⁶.

25 июня большие группы СВ и ДБ-3ф нанесли удар по самолетам противника на аэродроме Турку. На пути к цели они прошли над Ханко и на их сопровождение поднялись обе эскадрильи истребителей, осталось лишь звено И-153 для прикрытия аэродрома и базы.

Одновременно с ударом по аэродрому огнем артиллерийских батарей были уничтожены все вышки, построенные финнами по периметру полуострова для наблюдения за тем, что происходит в базе. Через несколько часов ответила финская артиллерия ударом по городу Ханко.

26 июня Финляндия объявила войну Советскому Союзу и с этого времени ее артиллерия вела ожесточенные обстрелы города и всей территории полуострова. По Ханко били орудия 31 батареи противника, им отвечали 17 батарей его защитников. На небольшой полуостров ежедневно падали тысячи снарядов и мин и защитникам пришлось строить прочные укрытия для личного состава, артиллерии, самолетов.

1 июля противник впервые атаковал позиции на перешейке и пытался высадиться на острове Кракан, но все его атаки были отбиты подразделениями 8-й стрелковой бригады. С этого времени началась длительная осада Ханко, сопровождавшаяся ожесточенными обстрелами артиллерии, периодическими ударами двух миноносцев и авиации. В ходе этих боев защитники базы захватили у финнов 19 близлежащих островов.

С первых дней обороны Ханко очень хорошо проявили себя летчики-истребители и экипажи звена 18-й эскадрильи. Первый бомбардировщик над Таллиным сбил капитан А. К. Антоненко. 4 июля два Ю-88 пытались бомбить Ханко, им навстречу взлетели капитан А. К. Антоненко со старшим лейтенантом П. А. Бринько на И-16 и сбили их. На следующий день они сбили еще один самолет. Счет их

побед быстро увеличивался, и им 14 июля были присвоены звания Героев Советского Союза.

28 августа советские войска оставили Таллин и быстро отходили к Ленинграду. Гарнизон Ханко остался далеко в тылу врага, отрезанным от источников снабжения. С приближением зимы и ледостава проблемы защиты полуострова становились мрачными. В связи с этим Ставка Верховного Главного Командования дала указание эвакуировать гарнизон в Кронштадт. Проходила эвакуация защитников Ханко с 26 октября по 2 декабря с использованием кораблей 8 конвоев. Выполнялась она в тяжелых условиях, когда оба берега Финского залива находились в руках противника, с форсированием мощных минных полей, на которых уже подорвались 5 эсминцев и около 30 транспортов и вспомогательных судов при эвакуации из Таллина. Последние караваны шли за ледоколом «Ермак», прокладывавшим путь во льдах. Как видим урок Лиепаи, которой не было оказано никакой помощи, был поучительным.

В ходе эвакуации защитников Ханко подорвались на минах и погибли 12 кораблей, в их числе эсминцы «Сметливый», «Суровый», «Гордый», подводные лодки Л-2, М-98, Щ-324, турбоэлектроход «И. Сталин»⁴⁹⁷.

После 165 дней героической обороны Ханко в Кронштадт было эвакуировано 22 822 человека, а 4977 погибли на переходе морем вместе с кораблями.

§ 4. Боевые действия Военно-воздушных сил флота

Военно-воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота перед войной имели в своем составе 8-ю бомбардировочную, 10-ю и 61-ю истребительные авиационные бригады; 73-й отдельный бомбардировочный и 15-й отдельный разведывательный авиационные полки, 7 отдельных авиационных эскадрилий морской, транспортной авиации и связи. Части и подразделения были вооружены самолетами ДБ-3ф, СБ, Ар-2, ТБ-3, И-16, И-153, И-15, МБР-2. Бомбардировщики минно-торпедных полков были переоборудованы для сбрасывания торпед и постановки мин. Одна эскадрилья 13-го истребительного полка переучивалась на самолеты МиГ-1. Всего имелось 656 самолетов, в том числе 172 бомбардировщика, 353 истребителя, 131 разведчик. Базировалась авиация от Лиепаи до Ладожского

озера. Основная масса самолетов дислоцировалась под Ленинградом.

С началом войны мощная по численности и составу авиация флота проявляла малую активность. Вела боевые действия лишь 43-я эскадрилья МБР-2 у Лиепайи, но 23 июня вечером в связи с подходом немцев к озеру Дурбес, где она базировалась, улетела под Ригу и вышла из боя. Нужно было вернуть всю эскадрилью или звено летающих лодок обратно, так как основная база их базирования находилась в Лиепайском аванпорту, но это не было сделано и защитники передовой военно-морской базы были лишены авиации. Если защитники Моонзундских островов имели эскадрилью истребителей, Ханко - две эскадрильи истребителей и звено МБР-2, то защитники Лиепайи не имели ничего и командование ВВС флота не оказывало помощи самолетами. Для их поддержки не сделано ни одного самолето-вылета.

Авиация Ханко активно выполняла свои боевые задачи. Истребители прикрывали базу и войска, участвовали в налетах на аэродромы Финляндии, нанесении ударов по кораблям и потопили миноносец. Звено МБР-2 вело разведку на море и в шхерах, наносила бомбовые удары по противнику. Для уничтожения двух финских броненосцев, систематически обстреливавших военно-морскую базу и город, два раза вызывалось звено бомбардировщиков СБ, которое безуспешно бомбило броненосец, а смогло потопить лишь встретившийся транспорт.

23 июня 58 торпедоносцев и бомбардировщиков нанесли мощный удар по морским транспортам в порту Клайпеда (Мемель). После удара порт окутал дым от разрывов бомб и вспыхнувших пожаров⁴⁹⁸.

В то же время защитники Лиепайи нуждались в поддержке с воздуха, и указанный выше удар дал бы больший результат, если бы был нанесен по боевым порядкам 291-й пехотной дивизии противника.

С 25 июня авиация флота участвовала в операции по ослаблению авиационной группировки Германии и Финляндии. В этот день 54 бомбардировщика под прикрытием истребителей, взлетевших с аэродрома на полуострове Ханко, нанесли удар по аэродрому Турку.

В конце июня положение войск Северо-Западного Фронта резко ухудшилось и Ставка приказала нанести удар по моторизованным частям противника в районе Двинска. Немцы к этому времени успели посадить на аэродром у

города истребителей. Поэтому удар нужно было наносить под прикрытием истребителей, но их тактический радиус действия был мал и не позволял лететь на выполнение задачи с аэродромов базирования. В авиации в подобных случаях принято действовать с применением аэродрома подскока. Истребительные полки в этом случае необходимо было с упреждением, достаточным для их заправки бензином, направить на аэродром Кресты у Пскова. В расчетное время бомбардировщики должны были пройти над Псковом, где к ним пристроились бы истребители, и общим строем направились к цели. Но командование этот метод не применило. В результате 30 июня 120 самолетов минно-торпедных и бомбардировочных полков авиации Краснознаменного Балтийского флота, взлетая с аэродромов под Ленинградом, эскадрилья за эскадрильей уходили без истребителей прикрытия для удара по войскам противника под Двинском. Бои в районе этого города к этому времени закончились в пользу противника и 56-й моторизованный корпус Манштейна готовился к движению на Ленинград. По его частям и наносился удар.

Противник встретил эскадрильи балтийцев мощным зенитным огнем и поднял на отражение налета всех истребителей. В небе развернулся жаркий бой балтийских бомбардировщиков с атакующими со всех сторон «мессершмиттами». «Поэтому, выполняя поставленную задачу, — вспоминает подполковник А. Я. Митин, — минно-торпедная и бомбардировочная авиация флота пережила 30 июня, пожалуй, самый мрачный день во всех ее многочисленных схватках с немецко-фашистскими оккупантами за все годы Великой Отечественной войны»⁴⁹⁹.

Пробиться к цели бомбардировщикам было тяжело, но балтийцы с боевого курса не сворачивали, дрались с врагом до последней возможности.

В девятке, которую вел на цель Н. В. Чесноков (в последующем дважды Герой Советского Союза), три немецких истребителя с первого захода сбили двух, а третьего подожгли и он со снижением стал уходить в сторону своей территории. На втором заходе истребители атаковали, шедшего четвертым в строю, самолет П. С. Игашова. В разгоревшемся бою штурман самолета Д. Г. Парфенов, стрелок-радист А. М. Хохлачев и воздушный стрелок В. Л. Новиков огнем своих пулеметов сбили двух истребителей, но и бомбардировщик П. С. Игашова был подбит ими и загорелся. Третий истребитель после атаки прохо-

дил рядом с Игашовым и он, бросив на него свой горящий самолет, сбил немца таранным ударом. Это был его первый подвиг.

Пламя с самолета маневрированием сбить не удалось, и Петр Игашев повернул его в сторону леса, где было скопление бронетехники, перевел в пикирование и направил горящий бомбардировщик в гущу врагов. В месте его удара раздался сильный взрыв, которым было уничтожено много танков, бронетранспортеров, солдат и офицеров. Это был его второй подвиг. Так был совершен двойной таран на горящем бомбардировщике. На месте гибели экипажа Петра Игашева был установлен памятный обелиск. В 1970 г. все члены экипажа были награждены орденом Отечественной войны 1 степени.

Балтийцы выполнили поставленную боевую задачу. «В результате мощных бомбовых ударов, — пишет В. Ф. Трибуц, — темп продвижения танков противника на Ленинград снизился. Однако и наши потери в самолетах были значительными, давало себя знать отсутствие истребителей сопровождения. Я доложил об этом Народному комиссару ВМФ, он понял меня, приказал «задержать использование минно-торпедной авиации до приведения ее в порядок». Бомбардировочная и истребительная авиация продолжали работать с полной отдачей»⁵⁰⁰.

С этого времени сухопутный фронт надолго стал главным направлением деятельности авиации флота при обороне Таллина и Ленинграда.

Автор закончил войну в составе войск Ленинградского фронта. Принимал участие в боях по окружению на Курляндском полуострове войск группы армий «Север» в составе 33 дивизий. 9 мая 1945 г. все они сдались в плен. Пришлось видеть, как немцы длинными колоннами под охраной автоматчиков шли к местам их размещения. А как успешно действовали они в начале войны.

Глава двенадцатая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ НА СЕВЕРЕ

§ 1. Силы и средства сторон, начало сражения

Государственную границу с Финляндией от Баренцева моря до Финского залива, протяженностью 1600 км, прикрывали войска Ленинградского военного округа. Командовал войсками округа генерал-лейтенант М. М. Попов, членом Военного совета был корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, начальником штаба — генерал-майор Д. Н. Никишев, командующим Военно-воздушными силами — генерал-майор авиации А. А. Новиков.

На правом фланге округа государственную границу от Баренцева моря до Кестеньги прикрывала 14-я армия, которой командовал генерал-лейтенант В. А. Фролов, членом Военного совета был дивизионный комиссар А. И. Крюков, начальником штаба — полковник Л. С. Свирский. В состав армии входили стрелковый корпус, танковая, две стрелковые и смешанная авиационная дивизии, 23-й укрепленный район.

На среднем участке от Кестеньги до Ладожского озера государственную границу прикрывала 7-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко, членом Военного совета был дивизионный комиссар М. Н. Зеленков, начальником штаба — генерал-майор А. Н. Крутиков. В состав армии входили 54, 71, 162, 273-я стрелковые и смешанная авиационная дивизии, 26-й укрепленный район.

На левом фланге округа от Ладожского озера до Финского залива государственную границу прикрывала 23-я армия, которой командовал генерал-лейтенант П. С. Пшенников, членом Военного совета был бригадный комиссар В. В. Сосновников, начальником штаба — полковник Н. В. Городецкий. В состав армии входили 19-й и 50-й стрелковые и 10-й механизированный корпуса, 27-й и 28-й укрепленные районы, 5-я и 41-я смешанные авиационные дивизии.

В подчинения округа находился 1-й механизированный корпус. В двух механизированных корпусах насчитывалось 1506 танков, из них 15 новых типов. Всего округ имел 21 дивизию, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные.

Противник в полосе действий армий Ленинградского военного округа на территории Финляндии и в оккупированной Германией Норвегии развернул значительные силы сухопутных войск и авиации.

В северной части Норвегии и Финляндии была развернута немецкая армия «Норвегия» в составе 6 дивизий, из них 4 немецких и 2 финских. Командовал армией генерал-полковник фон Н. Фалькенхорст. Она наносила удары на мурманском, кандалакшском и ухтинском направлениях.

В средней части Финляндии была развернута Карельская армия и южнее Юго-Восточная под общим командованием фельдмаршала К. Г. Маннергейма. В них насчитывалось 15 дивизий, одна из которых немецкая, и 2 бригады. Карельская армия наносила удары на Беломорск, Петрозаводск и основной — в обход Ладожского озера с востока. Юго-Восточная армия действовала на Карельском перешейке в направлении на Ленинград. Обе армии имели задачу соединиться с войсками группы армий «Север», блокировать Ленинград с суши и овладеть им. С захватом Ленинграда и Кронштадта Балтийский флот лишился бы всех баз базирования и должен был сдать, самоликвидироваться или прорваться в Швецию, где интернироваться. Для предупреждения прорыва кораблей флота в Балтийское море предусматривалось использовать мощные минные поля на фарватере Финского залива, береговые батареи на северном и южном его берегах, а в устье к моменту падения Ленинграда и Кронштадта сосредоточить значительные силы немецкого флота, указанные выше. После взятия Ленинграда немецкие и финские войска должны были продолжать наступление на восток и выйти на линию Архангельск — Астрахань как на конечный рубеж, определенный в плане «Барбаросса».

Приказ № 1 наркома обороны о приведении войск в боевую готовность для отражения возможного нападения Германии был получен в штабе округа около часа ночи 22 июня 1941 г. В это время в нем находился начальник штаба генерал-майор Д. Н. Никишев. Командующий войсками округа генерал-лейтенант М. М. Попов из-за неправильной оценки обстановки с группой руководящих работников совершал полевую поездку и в это время находился в Мурманске. Его отсутствие в штабе округа в первый день войны не имело тяжелых последствий, как в Западном и Прибалтийском особых военных округах, так как на границе с Финляндией было спокойно. Генерал Д. Н. Ни-

кишев отдал необходимые приказы и привел войска округа в боевую готовность. С получением из Москвы около 8 часов утра приказа № 2 наркома обороны, он дал войскам указание о занятии оборонительных рубежей на границе в соответствии с планом ее прикрытия. И все это проходило как в условиях мирного времени. Поэтому утверждение в военно-исторической литературе, что в первый день войны развернулись ожесточенные боевые действия от Черного до Баренцева моря, как видим, не соответствует действительности. Бои развернулись на границе от Черного до Балтийского моря, за исключением участка границы с Венгрией (оккупированной Чехословакии), где боев также не было.

В середине дня 22 июня в штаб округа прибыл заместитель наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков. Накануне, перед его отъездом, С. К. Тимошенко сказал:

«Возможно, завтра начнется война! Вам надо быть в качестве представителя Главного Командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное – не поддаваться на провокации»⁵⁰¹.

Тимошенко оказался прав, его помощь потребовалась, так как в штабе он застал генерал-майора Д. Н. Никишева и корпусного комиссара Н. Н. Клементьева, которые осуществляли требования приказов наркома обороны. Последний приказ № 2 касался в основном фронтов, которые вели боевые действия. Ленинградскому военному округу он запрещал переходить границу, где враг ее не нарушил. Отдельным пунктом запрещались воздушные налеты на территорию Финляндии. Полученный ночью приказ № 3 наркома обороны требовал от округа «продолжать прочное прикрытие государственной границы».

Соотношение сил и средств войск Ленинградского военного округа и объединенных формирований Финляндии и Германии показано в таблице⁵⁰².

Из таблицы видно, что стороны имели равную численность войск. При этом Ленинградский округ превосходил объединенные силы Финляндии и немецкой армии «Норвегия» по количеству орудий и минометов в 3,1 раза, по танкам – в 9,1 и самолетам – в 2,3 раза. Силы Ленинградского военного округа наращивали ВВС Балтийского и Северного флотов, и превосходство над противником по авиации было трехкратным.

Это обеспечивало советским войскам ведение эффек-

тивных боевых действий, но этого не произошло, так как вскоре в южные районы Ленинградского военного округа вторглись войска группы армий «Север», мало ослабленные в предыдущих боях, и соотношение сил и средств резко изменилось в сторону противника.

Силы и Средства	Ленинградский военный Округ	Финляндия и армия «Норвегия»	Соотношение сил
Дивизии	21,5	21,5	1:1
Личный состав	426230	407440	1:1
Орудия и минометы	9589	3084	3,1:1
Танки	1746	308	5,7:1
Самолеты	1270	534	2,3:1

23 июня на территории Ленинградского военного округа в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета началась мобилизация военнообязанных четырнадцати возрастов от 23 до 36 лет, а также автомашин и тракторов. Личный состав и транспорт поступали в соединения и их численность доводилась до штатов военного времени, но в удаленные гарнизоны пополнение прибывало медленно.

В этот день утром К. А. Мерецков получил срочный вызов из Москвы и уехал, так и не увидев командующего войсками округа, который вскоре должен был приехать из Мурманска. В Москве, как показано в томе 1, он был арестован.

24 июня Ленинградский военный округ был преобразован в Северный фронт. Ему оперативно в вопросах сухопутной обороны был подчинен Северный флот, а 28 июня и Балтийский.

Ставка Главного Командования приказала Военному совету Северного фронта провести операцию по уничтожению самолетов противника на аэродромах Финляндии и Норвегии силами ВВС фронта во взаимодействии с авиацией Северного и Балтийского флотов. Первый упреждающий удар по самолетам на аэродромах был нанесен 25 июня, а на следующий день Финляндия объявила войну Советскому Союзу.

Инициатива начала войны против Финляндии принадлежит Советскому Союзу. Боевые действия на Севере нача-

лись по канонам 1 мировой войны. От момента объявления войны Германией до начала боевых действий на границе с Финляндией прошло от 8 до 40 дней в зависимости от направления. Именно так представлял себе Г. К. Жуков, как пишет в воспоминаниях, а также нарком обороны и другие руководящие работники Вооруженных Сил начало войны Советского Союза с Германией – с наличием длительного периода сосредоточения войск. В этом случае должна была сработать установка Полевого Устава, что наши войска будут вести боевые действия наступательно, малой кровью и на чужой территории. Но этого не произошло даже на Севере, где именно так началась война.

В военно-исторической литературе главной причиной поражения советских войск в начале войны называют внезапность нападения немцев и что виноват в этом И. В. Сталин, который поздно дал разрешение на приведение войск в боевую готовность. Но в Ленинградском военном округе внезапности нападения не было. Войска округа были приведены в боевую готовность, выдвинуты на предназначенные планом боевые рубежи, пополнены людьми и транспортом по мобилизации и по инициативе советского командования начали боевые действия против Финляндии и расположенных на ее территории немецких войск.

Северный фронт имел превосходство над противником в самолетах и особенно в танках и, несмотря на отсутствие внезапности, успеха нигде не добился, наступал противник, который совместно с группой армий «Север» уже 8 сентября блокировал Ленинград с суши и стоял вопрос о его сдаче и взрыве всех кораблей Балтийского флота. В этот критический момент Сталин срочно назначил командующим Ленинградским фронтом Г. К. Жукова, который 10 сентября прилетел в город, укрепил его оборону, а затем уже в 1943 г, координировал действия фронтов по прорыву его блокады. 18 января блокада Ленинграда была прорвана и в этот день ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Боевые действия на Севере в период приграничных сражений вели Военно-воздушные силы, 14-я армия и Северный флот, к рассмотрению которых и перейдем.

§ 2. Боевые действия Военно-воздушных сил Северного фронта

Силы сторон и начало боевых действий

В полосе прикрытия государственной границы войсками Ленинградского военного округа развитие сражения в воздухе проходило в более благоприятных условиях чем в других четырех округах. Это обусловлено тем, что внезапности нападения противника не было, он не наносил ударов по аэродромам и фактически предоставил ВВС округа время на подготовку к боевым действиям.

В состав ВВС Ленинградского военного округа входили фронтовая авиация – 2-я смешанная и 39-я истребительная авиационные дивизии и отдельный разведывательный авиационный полк; армейская авиация – 4 смешанные авиационные дивизии и войсковая авиация – две корпусные авиационные эскадрильи.

В составе ВВС 14-й армии, которыми командовал полковник И. Л. Туркель, имелась 1-я смешанная авиационная дивизия. В нее входили 137-й скоростной бомбардировочный, 145-й и 147-й истребительные авиаполки, которыми командовали соответственно полковники И. Д. Удонин, Н. И. Шмельков, М. М. Головня. В дивизии насчитывалось 142 самолета, в том числе исправных 28 СБ и 97 истребителей И-16, И-153 бис, И-153, остальные находились на регламентных работах и в короткое время могли быть введены в строй. В ходе войны такие работы выполнялись преимущественно ночью.

ВВС 7-й армии, которыми командовал полковник Ф. Ф. Жеребченко, состояли из одной 55-й смешанной авиационной дивизии, имевшей лишь один 72-й скоростной бомбардировочный авиационный полк, им командовал майор И. П. Скок. Всего имелось 83 самолета, из них 34 исправных.

В ВВС 23-й армии входили 5-я и 41-я смешанные авиационные дивизии, в них имелось 435 самолетов.

Во фронтовой авиации насчитывалось 317 самолетов, в том числе 154 бомбардировщика и 163 истребителя. В 3-й и 54-й истребительных авиационных дивизиях, прикрывавших Ленинград, имелось 274 самолета⁵⁰³.

Всего в начале войны в составе ВВС Ленинградского военного округа имелось 24 авиационных полка, в их числе 9 бомбардировочных, 13 истребительных, один штурмовой и один разведывательный. На новые типы самолетов переучивались один бомбардировочный и четыре истребительных авиаполка. Всего в ВВС округа насчитывалось 1270 самолетов.

Ленинград, как важнейший центр страны, прикрывал 2-й корпус противовоздушной обороны, в который входили 5

зенитных артиллерийских полков, зенитный пулеметный полк, 3 полка аэростатов. Из состава ВВС Ленинградского округа город прикрывали 3-я (19,26,44,195-й истребительные полки) и 54-я (157,191,192,193-й истребительные полки) истребительные авиационные дивизии. Приказом наркома обороны от 19 июня 1941 г. был образован 7-й авиационный корпус ПВО в составе 3-й и 54-й истребительных дивизий, имевших 178 истребителей И-16, 70 МиГ-3, 26 И-153. Командиром корпуса был назначен полковник С. П. Данилов⁵⁰⁴.

Помимо ВВС округа на северном направлении действовала авиация Северного флота – 116 самолетов и Балтийского – до 350.

Против советской авиации действовали 5-й воздушный флот Германии и ВВС Финляндии общей численностью 534 самолета, в том числе 227 немецких.

Соотношение сил ВВС Ленинградского военного округа с 5-м воздушным флотом Германии и ВВС Финляндии по состоянию на 22 июня 1941 г. показано в таблице.

Самолеты	Бомбардировщики и штурмовики	Истребители	Разведчики и корректировщики	Всего
ВВС Лен. военного округа	382	857	31	1270
5 ВФ Гер. и ВВС Финляндии	235	207	92	534
Соотношение сил	1,6:1	4,1:1	1:3	2,3:1

Из таблицы видно, что ВВС округа превосходили объединенные силы авиации Германии и Финляндии по общему количеству самолетов в 2,3 раза, по бомбардировщикам в 1,6 и истребителям в 4,1 раза, а уступала им лишь в количестве разведчиков, что несущественно.

На северном направлении дополнительно действовало около 460 самолетов ВВС Северного и Балтийского флотов. Следовательно, советская авиация имела на Севере около 1730 самолетов против 534 противника и соотношение сил было 3,2:1 в ее пользу. Превосходство по самолетам было очень большим и только подход с юга группы

армий «Север» с ее 1-м воздушным флотом не позволил реализовать его в полной мере. Развертывались боевые действия на Севере следующим образом.

Командующий ВВС округа находился в составе группы генералов, с которой командующий округом перед войной совершал полевую поездку. С прибытием группы в Мурманск 20 июня генерал-майор авиации А. А. Новиков был вызван в Москву для назначения на равнозначную должность в Киевском особом военном округе. На следующий день он прибыл в Ленинград, сдал должность и дела начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации А. П. Некрасову и подготовился утром уехать в Москву. Но во втором часу ночи 22 июня ему на квартиру позвонил начальник штаба округа генерал Д. Н. Никишев и попросил срочно к нему прибыть. Новиков доложил ему, что сдал должность начальнику штаба ВВС Некрасову, на что Никишев ответил: «Приказа о замещении должности пока нет и Вы остаетесь командующим ВВС, а потому прошу срочно прибыть».

Минут через десять А. А. Новиков вошел в кабинет начальника штаба округа. Генерал Никишев ознакомил его с приказом № 1 наркома обороны и приказал немедленно привести всю авиацию в боевую готовность, рассредоточить и замаскировать, до получения дополнительных указаний боевых задач частям и соединениям не ставить.

Прибыв в штаб ВВС, А. А. Новиков по телефону обзвонил командиров всех авиасоединений и «приказал немедленно поднять все части по сигналу боевой тревоги, рассредоточить их по полевым аэродромам и добавил, чтобы для дежурства на каждой точке базирования истребительной авиации выделить по одной эскадрилье, готовой к вылету по сигналу ракеты, а для бомбардировщиков подготовили боекомплект для нанесения ударов по живой силе и аэродромам противника»⁵⁰⁵.

Авиация округа быстро была приведена в боевую готовность, но самолеты противника не появлялись, боевые задачи не ставились, и она перешла к обычной своей деятельности, сохранив в готовности к немедленным действиям силы, определенные командующим. Но полеты мелких групп наблюдались и их в отличие от мирного времени встречали огнем истребители и зенитная артиллерия.

В 3 часа 20 минут 22 июня «под Ленинградом разгорелась первая воздушная схватка – летчики истребители Шавров и Бойко вступили в бой со звеном Ме-110. В 4

часа утра 12 немецких самолетов пытались заминировать фарватер Финского залива, но были отогнаны морскими летчиками. Несколько позже 14 Me-109 сделали попытку отштурмовать один из наших аэродромов под Выборгом. Отразила налет группа летчиков 7-го истребительного авиаполка во главе со старшим лейтенантом Николаем Свитенко»⁵⁰⁶.

В ночь на 23 июня прозвучал сигнал воздушной тревоги в Ленинграде. Зенитная артиллерия ПВО встретила огнем группу бомбардировщиков Ю-88, летевшую со стороны Финского залива. Один из самолетов был сбит батареей старшего лейтенанта А. Т. Пименова. Его экипаж спустился на парашютах и был взят в плен. Из-за того, что Финляндия была нейтральной, все четверо утверждали, что летели бомбить Англию, но потеряли ориентировку и оказались у Ленинграда и это в 2000 км от цели.

Днем 23 июня в районе Пскова летчик 158-го истребительного авиаполка А. Чирков сбил бомбардировщика Хе-111. Это был первый самолет врага, сбитый летчиками Ленинградского военного округа.

Воздушная операция по уничтожению самолетов противника на аэродромах

Для ослабления группировки войск противника, готовившейся к наступлению на северном направлении, Ставкой Главного Командования было принято решение о уничтожении на аэродромах самолетов 5-го немецкого воздушного флота и авиации Финляндии, то есть применить действия, которые широко применяла Германия в войнах, но теперь против нее и ее союзника. Для выполнения этого решения была подготовлена и проведена воздушная операция, в которой участвовали ВВС Северного фронта, авиация Краснознаменного Балтийского и Северного флотов.

5-й воздушный флот в Северной Норвегии базировался на аэродромах: Банак (Лаксельвен), который использовали все типы самолетов; Луостари, являвшийся базой истребителей; Хебуктен - на нем базировались бомбардировщики и истребители, а также Салмиярви, Свартнес, Алакурти. В Финляндии имелось около 80 аэродромов и посадочных площадок, оперативная емкость которых достигала 700 самолетов⁵⁰⁷.

Для нанесения первого удара по самолетам на аэродромах, были определены главные из них, а в дальнейшем

определялись по данным воздушной разведки.

План воздушной операции по уничтожению самолетов противника на аэродромах был разработан штабом ВВС фронта под руководством командующего А. А. Новикова и утвержден Военным советом Северного фронта 24 июня. Для участия в операции привлекалось 540 самолетов. Операция включала несколько ударов по аэродромам противника, ее планировалось провести с 25 по 29 июня.

По плану операции армейская авиация наносила удары по аэродромам противника перед фронтом своих армий, фронтовая группа и ВВС Балтийского флота – по аэродромам в глубине территории Финляндии и на побережье Финского залива; ВВС Северного флота действовали по аэродромам в северной Финляндии и Норвегии.

Первый массированный удар по 18 аэродромам противника был нанесен рано утром 25 июня. В нем участвовало 263 бомбардировщика и 224 истребителя для их сопровождения. Удар был нанесен внезапно и противник не сумел организовать противодействия. Бомбовые удары были нанесены по самолетам на стоянках, складам горючего и боеприпасов. Налет длился несколько часов, аэродромы заволочло дымом пожаров.

В результате удара по аэродромам в первый день противник потерял 30 самолетов на земле и 11 было сбито в воздушных боях. Наши части потерь не имели. Эффективность удара была такой же высокой, как у немцев в первый день войны на других фронтах.

В последующие дни удары наносились по этим и другим аэродромам, на которых воздушная разведка вскрывала скопление самолетов противника.

26 июня воздушной разведкой было установлено скопление большого количества немецких бомбардировщиков на аэродроме Рованиemi. На их уничтожение была направлена группа самолетов 137-го скоростного бомбардировочного авиаполка без прикрытия их истребителями, так как до аэродрома противника было более 300 км, что за пределами их тактического радиуса действия по топливу.

Аэродром был прикрыт зенитной артиллерией и группу встретил огненный шквал. Сквозь разрывы зенитных снарядов она вышла на цель и все экипажи прицельно сбросили бомбы на стоявшие самолеты. На отражение налета немцы успели поднять истребителей, которые сбили самолет старшего лейтенанта А. Н. Володина. Стрелок-радист

был убит в самолете при отражении атак истребителей, а штурмана «мессершмитты» расстреляли, когда он спускался на парашюте, и в полк через десять дней вернулся один А. Н. Володин⁵⁰⁸.

Девятка за девяткой уходили на задания самолеты СБ 72-го скоростного бомбардировочного авиаполка и шли на заданные цели без сопровождения истребителей, так как в 55-й смешенной авиадивизии не было истребительного полка. Бомбардировщики наносили врагу значительный ущерб, но и сами несли большие потери.

Всего в ходе воздушной операции удары были нанесены по 39 аэродромам, на которых было уничтожено и выведено из строя 130 самолетов противника. Одновременно с налетами на аэродромы советская авиация бомбила железнодорожные станции, районы скопления немецких и финских войск и боевой техники. Это была первая воздушная операция по уничтожению самолетов противника на аэродромах в годы Великой Отечественной войны. Она была хорошо подготовлена и успешно проведена.

Боевые действия авиации на южном фланге фронта

Немецкая авиация 1-го воздушного флота начала вторгаться в воздушное пространство Северного фронта с выходом войск на северный берег Западной Двины. С этого времени была повышена готовность к отражению налетов противника авиационных полков 39-й истребительной дивизии полковника Е. Я. Холзакова, базировавшихся на Псковском аэродромном узле. Это было обусловлено тем, что немецкие разведчики приступили к вскрытию узлов сопротивления и районов сосредоточения войск, а бомбардировщики — к нанесению ударов по городам и военным объектам на ленинградском направлении.

Днем 27 июня звено лейтенанта Д. Локтюкова 158-го истребительного авиаполка на И-16 встретило у Пскова группу бомбардировщиков Ю-88 и атаковала ее. Группа бомбардировщиков рассыпалась. Младший лейтенант П. Т. Харитонов погнался за одним из бомбардировщиков, догнал его, прицелился, нажал на гашетку, но пулеметы молчали. Он произвел их перезарядку и снова нажал на гашетку, но пулеметы не стреляли. Тогда Харитонов принял решение таранить самолет врага. Высота полета в это время была менее ста метров и он знал, что в случае серьезного повреждения своего самолета спастись на

парашюте с такой высоты не удастся. Несмотря на это, он приблизился к Ю-88 и винтом своего самолета отрубил ему хвостовое оперение. Самолет врага врезался в землю, а Харитонов на И-16 с погнутыми лопастями воздушного винта произвел посадку на своем аэродроме Кресты.

29 июня 44-й Краснознаменный бомбардировочный авиаполк 2-й смешанной авиадивизии полковника П. П. Архангельского совершил налет на переправу врага через Западную Двину у Крустпилса.

В этот же день звено лейтенанта В. П. Иозицы 158-го авиаполка взлетело на перехват группы бомбардировщиков Ю-88, следовавших курсом на аэродром. В воздухе разгорелся воздушный бой. Бомбардировщики беспорядочно бросили бомбы и стали уходить на юг с набором высоты, надеясь так уйти от атакующих истребителей. Младший лейтенант С. И. Здоровцев погнался за одним Ю-88 и догнал его на высоте 7000 м. Две атаки закончились неудачно, в третьей заставил замолчать стрелка-радиста, а в четвертую, когда прицелился в кабину летчика и нажал на гашетку, пулеметы молчали — кончились патроны. Тогда Здоровцев подвел свой И-16 к самолету противника и винтом ударил по рулю высоты. Бомбардировщик перешел в беспорядочное падение, а он произвел посадку на аэродроме Кресты. Автор базировался и летал на нем.

Младший лейтенант М. П. Жуков преследовал бомбардировщика Ю-88, который уходил на север. Шел он со снижением и догнать его удалось над Псковским озером. У самой воды Жуков отрубил бомбардировщику винтом хвостовое оперение и он врезался в воду.

О подвигах трех однополчан командующий ВВС фронта А. А. Новиков доложил командующему М. М. Попову и члену Военного совета А. А. Жданову и предложил представить их к присвоению звания Героя Советского Союза. Это было реализовано и 8 июля 1941 г. первым с начала войны Указом Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза М. П. Жукову, С. И. Здоровцеву, П. Т. Харитонову. На следующий день С. И. Здоровцев погиб при возвращении с боевого задания, а 20 января М. П. Жуков пропал без вести.

§ 3. Боевые действия в Заполярье

Государственную границу в Заполярье от Баренцева моря на юг, протяженностью около 600 км, обороняла 14-

я армия. В нее входили 42-й стрелковый корпус, 14-я и 52-я стрелковые, 1-я танковая дивизии, 23-й укрепленный район, 1-я смешанная авиадивизия. Войска армии были развернуты на трех направлениях: мурманском, кандалакшском, лоухском и побережье Кольского полуострова. Вследствие большой протяженности границы и северного десантноопасного берега Кольского полуострова сплошной линии обороны не было. Войска прикрывали три указанных направления, а на остальных участках располагались отдельные гарнизоны.

Оборону главного мурманского направления, прикрывавшего военно-морскую базу Северного флота Полярный и незамерзающий порт Мурманск, осуществляли 14-я и 52-я стрелковые дивизии и 23-й укрепленный район.

14-я стрелковая дивизия генерал-майора А. А. Журбы дислоцировалась раздельно: 95-й ее стрелковый полк у устья реки Титовка, 135-й на полуострове Рыбачий, 325-й на северном побережье Кольского полуострова. 52-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. Н. Никитина стояла отдельными гарнизонами вдоль железной дороги от Мурманска до Мончегорска. 23-й укрепленный район находился на полуостровах Рыбачий и Средний. В его состав входили два отдельных пулеметных батальона и артиллерийский полк.

Кандалакшское и лоухское направления и примыкавшие участки государственной границы прикрывали соединения 42-го стрелкового корпуса. 1-я танковая дивизия находилась в резерве армии.

22 июня войска 14-й армии в соответствии с полученными указаниями из штаба округа начали выдвигаться из мест дислокации на оборонительные рубежи у границы. В первую неделю войны войска Германии и Финляндии в Заполярье активности не проявляли, что позволило командованию армии в благоприятных условиях провести мобилизационные мероприятия и подготовиться к отражению нападения врага.

1-я смешанная авиационная дивизия полковника И. Л. Туркиля имела 142 самолета. Ее 145-й истребительный авиационный полк, которым командовал полковник Н. И. Шмельков, прикрывал Мурманск. 137-й бомбардировочный авиаполк под прикрытием истребителей в ходе воздушной операции наносил удары по аэродромам Финляндии и Норвегии, на которых дислоцировались немецкие и финские самолеты.

В первый день воздушной операции 25 июня пять И-16 145-го истребительного авиаполка во главе с командиром эскадрильи капитаном А. П. Зайцевым штурмовала аэродром Луостари. На обратном пути у маяка Мишукова их атаковала пара истребителей Me-109. В завязавшемся воздушном бою Зайцев сбил одного, а второй поспешил удалиться.

В составе немецкой авиации в Заполярье воевал один из лучших асов Германии Отто Шашке. На его счету было 104 сбитых самолета в Испании, Польше, Франции, Англии. Он был награжден Рыцарским крестом с Дубовыми листьями, летал на именном истребителе Me-110, подаренным ему главнокомандующим люфтваффе Герингом. На правом киле (Me-110 двухкилевой) были нарисованы силуэты самолетов всех его побед.

Летал Шашке в сопровождении 12 истребителей. Чертовой дюжиной называли их летчики. Шашке атаковал противника, а остальные его прикрывали. За короткий срок он записал на свой счет 18 сбитых советских самолетов. Долго был неуязвим. И вот 4 августа над Мурманским аэродромом появилась его чертова дюжина. На отражение налета взлетело дежурное звено в составе: Зайцев, Пискарев, Старков. За ними взлетело второе звено, и над аэродромом разгорелся жаркий бой, который продолжался 40 минут.

Капитан Зайцев воевал в Китае, где был награжден орденом Красного Знамени, а за участие в войне с Финляндией – орденом Красной Звезды. И именно он атаковал Шашке и через 4 минуты сбил его. Самолет упал у аэродрома, а его киль с победами Шашке был установлен на центральной площади Мурманска для всеобщего обозрения. Кроме Шашке в этом бою было сбито еще 5 его ведомых и 3 советских истребителя.

27 июня в районе Мурманска, при отражении налета немецких истребителей на аэродром, в воздушном бою командир звена 145-го авиаполка лейтенант И. Т. Мясников таранным ударом сбил Me-110 и сам погиб. За подобные подвиги, как сказано выше, три летчика удостоины звания Героя Советского Союза, а он его не получил.

Немецкое командование для ведения боевых действий в Заполярье развернуло в северных районах Норвегии и Финляндии армию «Норвегия», в которую вошли 3-й финский, 36-й и 19-й немецкие корпуса. Армия имела задачу наступать на мурманском, кандалакшском и лоухском на-

правлениях, овладеть Кольским полуостровом и северной частью Кировской железной дороги.

Главный удар наносил 19-й горнострелковый корпус на мурманском направлении. Командовал корпусом генерал-полковник Дитл. Дислоцировался он у границы в районе Вуорему, Киркинес. В его состав входили 2-я и 6-я горнострелковые дивизии.

36-й немецкий армейский корпус (169-я пехотная дивизия и бригада СС «Норвегия») наносил удар на кандалакшском направлении, а 3-й финский армейский корпус (3-я и 6-я пехотные дивизии) – на лоухском.

19-й горнострелковый корпус перешел в наступление 29 июня, 36-й армейский корпус – 30 июня и 3-й финский корпус – 1 июля.

С переходом немецких войск в наступление развернулись бои на земле и в воздухе. В составе 5-го немецкого воздушного флота и армейской авиации насчитывалось 227 самолетов. Им противостояла авиация 14-й армии и Северного флота общим числом 258 самолетов. Поэтому силы сторон в воздухе были примерно равные.

Оборона 14-й армии на границе была не сплошной, а в виде опорных пунктов. Против 19-го горнострелкового корпуса был развернут только 95-й стрелковый полк. Противник имел шестикратное превосходство. С переходом противника в наступление подразделения полка дрались мужественно и упорно, но под напором превосходящего противника им пришлось отходить. В течение ночи 112-й стрелковый полк 52-й стрелковой дивизии спешно, без отставшей на марше артиллерии, был введен в бой на смежном с 95-м полком участке. Но этого было мало, и противник продолжал двигаться вперед. Тогда командующий 14-й армией генерал-лейтенант В. А. Фролов попросил командование Северного флота поддержать огнем артиллерии кораблей стрелковые полки.

30 июня два эсминца подошли к переднему краю противника и открыли огонь. Их поддержка помогла полкам 14-й и 52-й стрелковых дивизий приостановить продвижение противника на Мурманск, но опасность ему продолжала оставаться, поэтому командование армии начало подтягивать к району боев силы указанных дивизий и другие части. Но противник продолжал теснить войска 14-й армии и только 7 июля он был остановлен на рубеже реки Большая Лица, хребет Муста-Тунтури. В его тылу защитники полуостровов Средний и Рыбачий стойко отстаивали

свои рубежи, и не позволили немцам вторгнуться на их территорию.

§ 4. Боевые действия Северного флота

В состав Северного флота входили 8 эскадренных миноносцев, из них 5 новых типа «Гремящий» и 3 типа «Новик» старой постройки, 7 сторожевых кораблей, минный заградитель, 2 тральщика, 15 охотников за подводными лодками, 15 подводных лодок и 116 самолетов. Подходы к Кольскому заливу и ряд участков побережья Баренцева моря прикрывались береговыми батареями, насчитывавшими 78 орудий. Командовал флотом контр-адмирал А. Г. Головкин, членом Военного совета был дивизионный комиссар А. А. Николаев, начальником штаба — контр-адмирал С. Г. Кучеров, командующим Военно-воздушными силами — генерал-майор авиации А. А. Кузнецов. Главной военно-морской базой флота был Полярный.

Германия имела на Севере также мощные военно-морские силы, объединенные в группу «Норд». В эту группу входили вспомогательный крейсер «Бремзе» водоизмещением около 10 тыс. тонн, 6-я флотилия новейших эскадренных миноносцев, состоявшая из 5 кораблей типа «Редер», 3 норвежских миноносца, норвежский минный заградитель, 10 норвежских сторожевых кораблей, 6 подводных лодок и другие суда общей численностью до 50 вымпелов.

22 июня в 4 часа 25 минут на флоте была введена готовность № 1. С введением этой готовности шесть подводных лодок вышли на перехват транспортов, следовавших в Норвежские порты, и на позиции у входа в Белое море. В конце этого дня 130-мм береговая батарея старшего лейтенанта П. Ф. Космачева, контролировавшая вход в Петсамский залив, метким огнем потопила немецкий тральщик. Это был первый пущенный на дно вражеский корабль в годы Великой Отечественной войны.

На третий день войны немецкие бомбардировщики бомбили Полярный и Ваенгу. На отражение налета были подняты истребители, и по самолетам противника открыла огонь зенитная артиллерия. В бою с немецкими самолетами старший лейтенант Е. Ф. Сафонов на истребителе И-16 сбил первый на Севере бомбардировщик Хе-111. Будущий дважды Герой Советского Союза, прославленный ас морской авиации, этим самолетом открыл свой победный

счет. На следующий день два немецких самолета сбили зенитчики.

29 июня командующий 14-й армии попросил А. Г. Головкино поддержать корабельной артиллерией части, действующие на приморском направлении.

«В тот день, — как вспоминает бывший начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2 ранга А. М. Румянцев, — отчетливо дошло до сознания: из всех направлений боевой деятельности нашего флота решающим станет на какое-то время сухопутное. Ведь от того как пойдут дела здесь, от того, насколько удастся отвести угрозу главной базе флота, зависело в конечном счете все, что он мог совершить на море»⁵⁰⁹.

Действительно, немецкие войска находились всего в 70-80 км от Полярного и это расстояние они могли пройти достаточно быстро. Поэтому на поддержку сухопутных войск утром 30 июня были направлены эсминцы «Куйбышев» и «Урицкий» старой постройки типа «Новик», два катера МО для высадки на берег корректировщиков и противолодочной обороны. Прикрытие кораблей с воздуха непрерывным барражированием над ними производило звено истребителей, сменяемое в воздухе. Эсминцы почти четыре часа вели непрерывно огонь по немецким батареям и скоплениям живой силы. Когда выполнение боевой задачи закончилось, появились 36 бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием истребителей, которые связали боем истребителей прикрытия, а бомбардировщики устремились в атаку на корабли. Это было около 10 часов утра. Эсминцы начали отходить, маневрируя для уклонения от бомб, сброшенных пикирующими бомбардировщиками. Вскоре эсминцы вошли в полосу тумана, который скрыл их от летчиков противника, и они обрушили свои бомбы на катер МО-121 лейтенанта И. А. Кроля, который снимал с берега корректировщиков. Катер от взрыва бомбы получил тяжелое повреждение, но его экипаж, несмотря на это, смело вступил в бой с врагом и сбил два самолета. Всего было сбито три немецких самолета.

Летчики ВВС Северного флота активно участвовали в воздушной операции по ослаблению авиационной группировки противника. Они бомбили аэродром Лаксельвен — основную военно-воздушную базу немцев на Севере, порт Киркинес и суда на его рейде. За 25 и 26 июня в воздушных боях морские летчики сбили 10 немецких самолета-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1958. С.118.
2. Самсонов А.М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1989. С.90.
3. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С.581.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.1. М., 1992. С.381.
5. Там же.
6. Там же. С.381–382.
7. Там же. С.382.
8. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. С.118.
9. РГВА. Ф.25874. Оп.2. Д.530. Л.9.
10. Там же. Л.3–238.
11. Там же. Л. 238.
12. Там же. Л.5.
13. Там же. Л.37.
14. Там же.
15. Там же. Л.239.
16. Там же. Л.238.
17. Там же. Л.214.
18. Там же. Д.526. Л.6–10.
19. Жуков Г.К. Указ. соч. С.358.
20. Знамя. 1986. № 12. С.196.
21. Там же. 1988. № 5. С.82–83.
22. Карпов В.В. Маршал Жуков его соратники и противники в дни войны и мира. Оренбург, 2000. С.69–70.
23. Военно-исторический журнал. 1987. № 12. С.47.
24. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С.262; Великая Отечественная война. Энциклопедия. С.659.
25. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.43.
26. Жуков Г.К. Указ. соч. С.350.
27. Военно-исторический журнал. 1988. № 6. С.19–20.
28. Там же.
29. Там же. С.20.
30. Там же. № 11. С.27.
31. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т.1. М., 1960. С.478.
32. Там же.

33. Известия. 1989. 23 ноября.
34. Правда. 1941. 14 июня.
35. Там же. 29 июня.
36. Жуков Г.К. Указ. соч. С. 385.
37. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.48.
38. Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1969. С.364.
39. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.29.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С.477-478; Пограничные войска в годы второй мировой войны 1939-1945. М., 1995. С.394.
44. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С.481.
45. Там же. С.479,460.
46. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1992. С.79.
47. Бережков В.М. Годы дипломатической службы. М., 1972. С.59.
48. Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С.57.
49. Треппер Л. Большая игра. Воспоминания советского разведчика. М., 1990. С.123.
50. Там же. С.125.
51. Корольков Ю.М. Кио ку мицу! (Совершенно секретно при опасности сжечь!). М., 1972. С.485.
52. Там же. С.486.
53. Там же. С.488.
54. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.1. С.380.
55. Во многих публикациях Лискофа ошибочно называют фельдфебелем. Будем верить лично солдату.
56. Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1964. С.11.
57. Там же.
58. Там же. С.12.
59. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.48.
60. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.1. С.385-387.
61. ЦАМО. Ф.334. Оп.5307. Д.22. Л.188. (Подленник); Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.44. Жуков приказы №№ 1,2,3 ошибочно именует директивами.
62. Баграмян И.Х. Мои воспоминания. Ереван, 1979. С.214.
63. Там же.

64. Там же. С.215.
65. Советские танковые войска 1941–1945. М., 1973. С.22.
66. З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др. Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958. С.110.
67. Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961. С.86.
68. Там же.
69. Правда. 1941. 23 июня.
70. Там же.
71. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т.1. М., 1983. С.513.
72. Там же. С.514.
73. Полевой устав РККА. Проект. М., 1939. С.9.
74. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С.53.
75. Там же. С.82.
76. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С.164–166.
77. Знамя. 1986. № 12. С.170.
78. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.32.
79. Там же. С.79.
80. Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С.33.
81. Баграмян И.Х. Указ. соч. С.192.
82. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.1. С.312.
83. Сквозь огненные вихри. М., 1987. С.12–13.
84. Федюнинский И.И. Указ. соч. С.7.
85. Чугунов А.И. Граница сражается. М., 1989. С.69.
86. Федюнинский И.И. Указ. соч. С.15.
87. Киевский краснознаменный. История краснознаменного Киевского военного округа 1917–1972. М., 1974. С.163.
88. Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Пер. с нем. Смоленск, 2003. С.352.
89. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.22.
90. Там же. С.23.
91. 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С.26.
92. Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. М., 1969. С.30–31.
93. Малыгин К.А. В центре боевого порядка. М., 1968. С.3–4.
94. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1980.

- С.6,13.
95. Там же. С.16.
 96. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.26.
 97. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.30.
 98. Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 64.
 99. Там же. С.65.
 100. Там же. С. 64.
 101. Там же. С.72.
 102. ЦАМО. Ф.37. Оп.80038. Д.1. Л.23.
 103. Там же. Ф.334. Оп.3949. Д.4. Л.8.
 104. Жуков Г.К. в воспоминаниях ошибочно пишет, что это произошло 23 июня. См: Указ. соч. Т.2. С.15.
 105. ЦАМО. Ф.229. Оп.3780. Д.6. Л.203.
 106. Рябышев Д.И. Первый год войны. М., 1990. С.5.
 107. Там же. С.8.
 108. Там же. С.13–14.
 109. Чугунов А.И. Указ. соч. С.134.
 110. ЦАМО. Ф.229. Оп.3814. д.1. С.68–69.
 111. Архипов В.С. Время танковых атак. М., 1981. С.50–51.
 112. Рябышев Д.И. Указ. соч. С.30.
 113. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т.3, кн.1. Пер. с нем. М., 1971. С.58.
 114. Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С.35.
 115. Там же. С.36.
 116. Архипов В.С. Указ. соч. С.58–59.
 117. Там же. С.65.
 118. Там же. С.64.
 119. Рябышев Д.И. Указ. соч. С.31.
 120. Мужество. 1993. № 2. С.23.
 121. Рябышев Д.И. Указ. соч. С.35.
 122. Архипов В.С. Указ. соч. С.65.
 123. Война. Народ. Победа, 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания. Кн.1. М., 1984. С.29.
 124. Сквозь огненные вихри. С.14.
 125. ЦАМО. Ф.299. Оп.3780. Д.6. Л.352.
 126. Рябышев Д.И. Указ. соч. С.38–39.
 127. Там же. С.38.
 128. Там же. С.40.
 129. Там же. С.47–59.
 130. Военно-исторический журнал. 1959. № 7. С.92.

131. Зарецкий В.М. ВВС Красной Армии: накануне и в годы Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С.21; Мельтюхов М.И. Указ. соч. С.476.
132. Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М., 1981. С.116.
133. Дубровин Л.А. Пикировщики. М., 1986. С.29.
134. Ефремов В.С. Эскадрильи летят за горизонт. М., 1984. С.5-6.
135. Новиков А.А. В небе Ленинграда. М., 1970. С.57-58.
136. Скрипко Н.С. Указ. соч. С.130.
137. Рябышев Д.И. Указ. соч. С.48.
138. ЦАМО. Ф.229. Оп.161. Д.5. Л.3-5.
139. Скрипко Н.С. Указ. соч. С.119.
140. Новиков А.А. Указ. соч. С.159-160.
141. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С.18.
142. ЦАМО. Ф.229. Оп.3780. Д.1. Л.34.
143. Рокоссовский К.К. Указ. соч. С.22.
144. ЦАМО. Ф.229. Оп.9776. Д.63. Л.50.
145. Рябышев Д.И. Указ. соч. С.47,59.
146. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.32.
147. Гот Г. Танковые сражения. Пер. с нем. М., 1961. С.80.
148. Война. Народ. Победа, 1941-1945. С.7.
149. Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С.17.
150. Захаров М.В. Указ. соч. С.274-275.
151. Там же. С.275.
152. Там же. С.276-277.
153. Там же. С.277.
154. Там же. С.275-276.
155. Там же. С.277-278.
156. Чугунов А.И. Указ. соч. С.130.
157. Там же. С.158.
158. Захаров М.В. Указ. соч. С.281-283.
159. Чугунов А.И. Указ. соч. С.177.
160. Там же. С. 192-194.
161. ЦАМО. Ф.371. Оп.2535. Д.30. Л.54-55.
162. Там же. Л.55.
163. Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С.19.
164. Захаров М.В. Указ. соч. С.276.
165. Покрышкин А.И. Познай себя в бою. М., 1986. С.27.

166. Там же. С.28.
167. Кузьмина Л.М. Генеральный конструктор Павел Сухой. М., 1983. С.68.
168. Война. Народ. Победа, 1941–1945. С.8.
169. Покрышкин А.И. Указ. соч. С.46–48.
170. Пстыго И.И. На боевом курсе. М., 1989. С.3–4.
171. Там же. С.9.
172. Мягков К.Н. Будни войны. Кишинев, 1986. С.18,28.
173. Там же. С.42.
174. Там же. С.45–47.
175. Там же. С.50.
176. Там же. С.58.
177. Там же. С.65.
178. Начальный период войны. М., 1974. С.215.
179. Мягков К.Н. Указ. соч. С.90–92, 95.
180. Лавриненков В.Д. Сокол – 1. М., 1976. С.83–84.
181. ЦАМО. Ф.32. Оп.22149. Д.9. Л.32.
182. Кулаков Н.М. Доверено флоту. М., 1985. С.25.
183. Боевой путь советского Военно-Морского Флота. М., 1988. С.310.
184. Кузнецов Н.Г. Накануне. С.371–372.
185. Кулаков Н.М. Указ. соч. С.25.
186. Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1985. С.16.
187. Там же. С.18.
188. Кулаков Н.М. Указ. соч. С.31.
189. Там же. С.31–32.
190. Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1987. С.5.
191. Там же. С.18.
192. Кулаков Н.М. Указ. соч. С.37; Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С.23.
193. Гальдер Ф. Указ. соч. С.44.
194. Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С.26.
195. Мельтюхов А.И. Указ. соч. С.475,480; Зарецкий В.М. Указ. соч. С.21.
196. Захаров М.В. Указ. соч. С.212–213.
197. Там же. С.241.
198. Гот Г. Указ. соч. С.107–108.
199. Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941–1945. М., 1973. С.18.
200. Морозов Д.А. О них не упоминалось в сводках. М., 1965. С.7.

201. Захаров Г.Н. Я – истребитель. М., 1985. С.100.
202. Емельяненко В.В. В военном воздухе суровом. М., 1976. С.56–57.
203. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.45.
204. Там же. № 6. С.33–34.
205. Там же. № 5. С.29.
206. Там же.
207. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.14.
208. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т.2. М., 1960. С.29.
209. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С. 32.
210. Галицкий К.Н. Указ. соч. С.19–20.
211. Там же. С.20.
212. Там же. С.21.
213. Там же. С.46.
214. Там же. С. 35.
215. Там же. С.46.
216. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С.17.
217. Там же.
218. Галицкий К.Н. Указ. соч. С.41.
219. ЦАМО. Ф.181. Оп.1631. Д.1. Л.2, 15, 18; Ф.208. Оп.2511. Д.83. Л.65.
220. Галицкий К.Н. Указ. соч. С.58.
221. Там же. С.60–61.
222. Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С.38.
223. Солдат, герой, ученый. Воспоминания о Д.М. Карабьшеве. М., 1961. С.2,127.
224. Там же. С.129.
225. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С.18.
226. Иванов С. П. Указ. соч. С.49.
227. Галицкий К.Н. Указ. соч. С.82.
228. Там же. С.72.
229. Там же. С.74–75.
230. ЦАМО. Ф.208. Оп.2511. Д.83. Л.5.
231. Гот Г. Указ. соч. С.75.
232. Галицкий К.Н. Указ. соч. С.87.
233. Там же. С.88.
234. Там же. С.108.
235. Там же. С.100–103.
236. Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С.31.
237. Там же.

238. Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961. С.88.
239. Там же. С.89.
240. Там же. С.92.
241. Солдат, герой, ученый. С.122.
242. Там же. С.137.
243. Болдин И.В. Указ. соч. С.94.
244. Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С.33.
245. Там же.
246. Болдин И.В. Указ. соч. С.97.
247. Там же. С.98.
248. Польшин Ф.П. Боевые маршруты. М., 1972. С.94.
249. ЦАМО. Ф.208. Оп.2454. Д.27. Л.55.
250. Болдин И.В. Указ. соч. С.99.
251. Там же.
252. Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С.34-35.
253. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.34.
254. Самсонов А.М. Указ. соч. С.90-91.
255. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С.480.
256. Сандалов Л.М. Пережитое. М., 1961. С.78-79.
257. Там же.
258. Там же.
259. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Пер. с нем. М., 1954. С.147.
260. 1418 дней войны. С.59.
261. Там же. С.57.
262. Там же. С.59.
263. Чугунов А.И. Указ. соч. С.47-48.
264. Вестфаль Э., Крайпе В., Елюментрит Г. Указ. соч. С.82-83.
265. Сандалов Л.М. Указ. соч. С.93.
266. РГВА. Ф.25874. Оп.2. Д.521. Л.58,76.
267. Там же. Л.27.
268. Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С.30.
269. Там же. С.35.
270. Там же С.30.
271. Сандалов Л.М. Указ. соч. С.104-106.
272. Гудериан Г. Указ. соч. С.138-139.
273. Сандалов Л.М. Указ соч. С.109.
274. Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С.35.
275. Там же. С.10-11.
276. Там же. С.11.
277. Там же.

278. Там же. 1986. № 6. С.14.
279. Там же. 1989. № 7. С.32.
280. Гудериан Г. Указ. соч. С.148.
281. Захаров Г.Н. Указ. соч. С.112.
282. Жуков Г.К. Указ. соч. С.36–39.
283. Там же. С.41.
284. Морозов Д.А. Указ. соч. С.5.
285. Там же.
286. Там же. С.22,24.
287. Там же. С.36.
288. Сандалов Л.М. Указ. соч. С.154.
289. Емельяненко В.В. Указ. соч. С.31.
290. Там же. С.67.
291. Там же. С.54.
292. В боях за Белоруссию. Минск, 1974. С.72.
293. Там же. С.73.
294. Там же. С.81.
295. Там же. С.74–75.
296. Иванов С.П. Указ. соч. С.64.
297. Там же.
298. ЦАМО. Ф.208. Оп.704208. Д.1. Л.8.
299. Иванов С.П. Указ. соч. С.79.
300. Там же. С.81.
301. Сазонов И.Ф. Первая гвардейская. М., 1961. С.74.
302. Там же. С.79.
303. Там же. С.84.
304. Болдин И.В. Указ. соч. С.136–137.
305. РГВА. Ф.35086. Оп.1. Д.2 Л.24–29.
306. Там же. Л.33.
307. Там же. Д.297. Л.60.
308. Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С.100.
309. Смирнов С.С. Брестская крепость. М., 1970. С.24.
310. Там же.
311. Там же. С.64.
312. Там же. С.25.
313. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С.110.
314. Шахов Н.А. На берегах Буга. Алма-Ата, 1967. С.5–9, 32.
315. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С.16.
316. Там же.

317. Смирнов С.С. Указ. соч. С.158.
318. Там же. С.232–233.
319. Там же. С.62–63.
320. Там же. С.242–243.
321. Там же. С.154.
322. Там же. С.183.
323. Чугунов А.И. Указ. соч. С.50–51.
324. Смирнов С.С. Указ. соч. С.295–297, 301–304.
325. Великая Отечественная война. Энциклопедия. С.111.
326. Мерецков К.А. На службе народу. М., 1983. С.191.
327. Белов Н. Указ. соч. С.428–429, 495–496.
328. Скрипко Н.С. Указ. соч. С.48.
329. 127 иап в боях за Родину. Страницы истории полка. 1981. С.8.
330. Там же. С.9.
331. Там же. С.8.
332. Там же.
333. Там же. С.8–9.
334. Там же. С.9.
335. Там же.
336. ЦАМО. Ф.35. Оп.11285. Д.233. С.1,16; Ф.208. Оп.2526. Д.11. Л.214–215.
337. Там же. Ф.208. Оп.2683. Д.1 Л.3–5.
338. На земле в небесах и на море. Рассказывают фронтовики. М., 1985. С.138.
339. Там же.
340. Там же. С.139–140.
341. Крылья Родины. М., 1983. С.98.
342. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т.2. С.17.
343. Цупко П.И. Пикировщики. М., 1987. С.6–8.
344. Там же. С.10,30,32.
345. Кояндер Е.В. Я – «Рубин», приказываю... М., 1978. С.33.
346. Зайцев А.Д. Герои воздушных таранов. М., 1980. С.63–64.
347. Крылья Родины. Сборник. М., 1983. С.96–97.
348. Захаров Г.Н. Указ. соч. С.111.
349. Там же. С.118.
350. Там же. С.119.
351. ЦАМО. Ф.32. Оп.22149. Д.2. Л.107.
352. Захаров Г.Н. Указ. соч. С.123.

353. Там же. С.112.
354. Там же. С.113.
355. Польшин Ф.П. Указ. соч. С.85–86.
356. Там же. С.89.
357. Там же. С.86–87.
358. Скрипко Н.С. Указ. соч. С.45.
359. Там же. С.53.
360. Там же. С.54.
361. Новиков А.А. Указ. соч. С.259.
362. Там же.
363. Скрипко Н.С. Указ. соч. С.108.
364. Великая Отечественная война. Энциклопедия. С.200.
365. Москва. 2001. 7 сентября.
366. Там же.
367. ЦАМО. Ф.208. Оп.2589. Д.26. Л.115.
368. Военно-исторический журнал. 1983. № 6. С.23.
369. Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.38.
370. Гальдер Ф. Указ. соч. С.64–65.
371. ЦАМО. Ф.208. Оп.12462. Д.544. Л.42–43.
372. Гальдер Ф. Указ. соч. С.27.
373. Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С.32.
374. Там же. С.31.
375. Великая Отечественная война. М., 1985. С.29.
376. Карпов В.В. Указ. соч. С.287–288.
377. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил. С.163, 368.
378. Гудериан Г. Указ. соч. С.145.
379. Там же. С.146.
380. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1985. С.133.
381. Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С.27.
382. Еременко А.И. В начале войны. М., 1964. С.77.
383. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1984. С.214–215.
384. Там же. С.215–216.
385. Зимин Г.В. Истребители. М., 1988. С.37.
386. Там же. С.38–39.
387. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С.475; Зарецкий В.М. Указ. соч. С.21.
388. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.55–56.

389. Там же. С.56.
390. ЦАМО. Ф.221. Оп.7833. Д.3. Л.71.
391. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.48.
392. Мерецков К.А. Указ. соч. С.192.
393. ЦАМО. Ф.344. Оп.2459. Д.11. Л.31.
394. Военно-исторический журнал. 1989. № 5 С.46.
395. Там же. С.29.
396. Там же. С.49.
397. Мерецков К.А. Указ. соч. С.198.
398. Кузнецов П.Г. Генерал Черняховский. М., 1969. С.9.
399. На земле в небесах и на море. С.6.
400. Там же. С.8.
401. ЦАМО. Ф.221. Оп.2467. Д.39. Л.77-84.
402. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.27.
403. Там же. № 7. С.22.
404. Там же. № 6. С:27.
405. Анфилов В.А. Бессмертный подвиг. М., 1971. С.212.
406. Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. М., 1979. С.105.
407. На земле в небесах и на море. С.12-13.
408. Гот Г. Указ. соч. С.64.
409. В дни войны (Из истории Латвии периода Великой Отечественной войны 1941-1945). Рига, 1964. С.10.
410. В томе 1 показано, что 29-й стрелковый корпус, созданный на базе армии Латвийской Республики, имел две дивизии численностью по 6000 человек.
411. Жуков Г.К. Указ. соч. С.79.
412. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С.475,480.
413. Гот Г. Указ. соч. С.62.
414. Там же. С.64.
415. Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С.34.
416. Там же.
417. Гот Г. Указ. соч. С.64.
418. Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М., 1984. С.52.
419. Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С.34.
420. ЦАМО. Ф.32. Оп.518533. Д.255. Л.5.
421. Там же. Ф.8а. Оп.5554. Д.85. л.10.
422. Кузнецов П.Г. Указ. соч. С.12.
423. Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С.22-33.
424. Кузнецов П.Г. Указ. соч. С.13.
425. ЦАМО. Ф.344. Оп.2559. Д.8. Л.12.
426. Кузнецов П.Г. Указ. соч. С.17.

427. Там же. С.23.
428. Ротмистров П.А. Указ. соч. С.54.
429. Там же.
430. E. von Manstein. Verlorene Siege, S.185.
431. Яковлев Н.Н. Страницы жизни маршала Жукова. М., 1985. С.47.
432. Советские воздушно-десантные. М., 1986. С.53.
433. ЦАМО. Ф.221. Оп.2467. Д.40. Л.355-356.
434. Там же. Л.82-83.
435. Савченко В.И. Семь огненных дней Лиепаи. Рига, 1985. С.55-56.
436. Хлебников Н.М. Указ. соч. С.98.
437. Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941-1944. М., 1979. С.22.
438. Савченко В.И. Указ. соч. С.73.
439. Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.51.
440. Чугунов А.И. Указ. соч. С.12.
441. Рытов А.Г. Рыцари пятого океана. М., 1968. С.119.
442. Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С.53.
443. Кузнецов Н.Г. Накануне. С.385.
444. Военно-исторический журнал. 1962. № 4. С.46.
445. Там же. 1989. № 7. С.24.
446. Там же. С.25.
447. Там же. С.24.
448. Там же. 1988. № 7. С.49.
449. Там же. 1989. № 5. С.29.
450. Тимохович И.В. В небе войны 1941-1945. М., 1986. С.17.
451. Рытов А.Г. Указ. соч. С.125.
452. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С.15.
453. Там же.
454. Там же. 1991. № 3. С.31.
455. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М., 1985. С.11.
456. Кабанов С.И. На дальних подступах. М., 1971. С.132.
457. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. С.13.
458. Там же. С.15.
459. Кабанов С.И. Указ. соч. С.132.
460. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. С.17.
461. Там же.
462. Боевой путь советского Военно-Морского Флота. М.,

1988. С.7.
463. Кузнецов Н.Г. Накануне. С.388.
464. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. С.29.
465. Там же.
466. Виноградов Ю.А. Хроника расстрелянных островов. М., 1985. С.6-7.
467. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. С.25.
468. Савченко В.И. Указ. соч. С.84.
469. Там же. С.217-218.
470. Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. С.55.
471. Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С.78.
472. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил. С.376-377, 381.
473. Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. С.79.
474. Кабанов С.И. Указ. соч. С.103-109.
475. Великая Отечественная война. Энциклопедия. С.766.
476. Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. С.120.
477. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил. С.376-383.
478. В небе летчики Балтики. Таллин. 1974. С.75.
479. Там же. С.80.
480. Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. С.21.
481. Мерецков К.А. Указ. соч. С.195.
482. Мельтохов М.И. Указ. соч. С.482; Зарецкий В.М. Указ. соч. С.21.; История второй мировой войны. С.338.
483. Новиков А.А. Указ. соч. С.67-68.
484. Дворянский Е., Ярошенко А. В огненном кольце. Таллин. 1977. С.17.
485. Новиков А.А. Указ. соч. С.45.
486. Там же. С.45-46.
487. ЦАМО. Ф.342. Оп.5440. Д.3. Л.57.
488. Иноземцев И.Г. В небе Заполярья и Карелии. М., 1987. С.11.
489. На земле в небесах и на море. С.78.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

РАЗДЕЛ 1

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Глава первая

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

§ 1. Данные разведки о подготовке Германии к нападению	7
§ 2. Разработка плана упреждающего удара по Германии	17
§ 3. Сосредоточение и повышение боевой готовности войск.	19
§ 4. Активизация разведки вермахта на границе	26
§ 5. Сообщение ТАСС 14 июня, что войны не будет	28
§ 6. Обстановка в западных округах	32
§ 7. Силы и средства сторон	36

Глава вторая

НАЧАЛО ВОИНЫ

§ 1. Сообщения дипломатов, агентов и перебежчиков о сроках начала войны	39
§ 2. Приведение войск в боевую готовность	44
§ 3. Нападение Германии на СССР	54
§ 4. Начало приграничных сражений и организация отпора врагу	59

РАЗДЕЛ 2

ПРИГРАНИЧНЫЕ СРАЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ И В МОЛДАВИИ

Глава третья

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ

§ 1. Силы и средства сторон, начало сражения.....	66
§ 2. Боевые действия 5-й армии	80
§ 3. Боевые действия 6-й армии	100
§ 4. Боевые действия 26-й армии	111

§ 5. Боевые действия 12-й армии	116
§ 6. Танковое сражение в районе Луцк, Ровно, Дубно.....	119
§ 7. Сражение в воздухе	138
§ 8. Итоги приграничного сражения	161

Глава четвертая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ В МОЛДАВИИ И НА ЮГЕ УКРАИНЫ

§ 1. Силы и средства сторон, начало сражения	170
§ 2. Приграничное сражение в полосе 9-й армии	179
§ 3. Приграничное сражение в полосе Южного фронта	186
§ 4. Сражение в воздухе	188
§ 5. Боевые действия Дунайской военной флотилии	205
§ 6. Итоги приграничного сражения	207

Глава пятая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

§ 1. Силы флота и боевые действия на море	212
§ 2. Боевые действия в воздухе	219

РАЗДЕЛ 3

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ

Глава шестая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В БЕЛОРУССИИ

§ 1. Силы и средства сторон	220
§ 2. Начало приграничного сражения	236
§ 3. Боевые действия 3-й армии	246
§ 4. Боевые действия 13-й армии	264
§ 5. Боевые действия 10-й армии	273
§ 6. Контрудар конно-механизированной группы	283
§ 7. Боевые действия 4-й армии	292
§ 8. Оборона Минска	339

§ 9. Оборона Брестской крепости	352
---------------------------------------	-----

Глава седьмая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ АВИАЦИИ В БЕЛОРУССКИ

§ 1. Силы авиации сторон и начало сражения	382
§ 2. Боевые действия армейской авиации	388
§ 3. Боевые действия фронтовой авиации	404
§ 4. Боевые действия 3-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса	410

Глава восьмая

**ИТОГИ И УРОКИ ПРИГРАНИЧНОГО СРАЖЕНИЯ
В БЕЛОРУССИИ**

§ 1. Итоги приграничного сражения и анализ боев.....	417
§ 2. Сравнение сражений на Белостокской и Курской дугах и определение условий победы в Белоруссии.....	443

РАЗДЕЛ 4

**ПРИГРАЖДНЫЕ СРАЖЕНИЯ В ПРИБАЛ-
ТИКЕ И НА СЕВЕРЕ**

Глава девятая

**ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК
В ПРИБАЛТИКЕ**

§ 1. Силы и средства сторон, начало сражения	448
§ 2. Боевые действия 8-й армии	460
§ 3. Боевые действия 11-й армии	467
§ 4. Контрудар механизированных корпусов	476
§ 5. Бои за Двинск	485
§ 6. Оборона Лиепай	490
§ 7. Итоги приграничного сражения сухопутных войск	504

Глава десятая

**ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ АВИАЦИИ
В ПРИБАЛТИКА**

§ 1. Силы авиации сторон	507
§ 2. Боевые действия авиации фронта	511
§ 3. Удары дальней и морской авиации под Двинском	517

Глава одиннадцатая

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ КРАСНОЗНАМЕННОГО
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА**

§ 1. Боевые действия кораблей флота	519
§ 2. Боевые действия флота при обороне Лиепай	527
§ 3. Оборона Ханко	533
§ 4. Боевые действия Военно-воздушных сил флота	536

Глава двенадцатая

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ НА СЕВЕРЕ

§ 1. Силы и средства сторон, начало сражения	540
§ 2. Боевые действия Военно-воздушных сил Северного фронта	544
§ 3. Боевые действия в Заполярье	551
§ 4. Боевые действия Северного флота	555

Примечания	558
------------------	-----

Виктор Николаевич СВИЦЕВ

НАЧАЛО
ВЕЛИКАОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Том 2

ПРИГРАНИЧНЫЕ СРАЖЕНИЯ

СР № 50:14:07041/0 от 24.09.2002 г.

Электронный адрес:
gm_viktor_sv@mail.Ru

ISBN 5-99000-2-X

Подписано к печати 07.04.2005 г. Формат 60x90/16.
Объем 38 п.л. Печать офсетная.
Бумага газетная. Гарнитура Courier New.
Тираж 400 экз. Заказ 1237.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП МО «Мытищинская типография»
141009, г. Мытищи, ул. Колонцова д. 17/2.

Свицев В. Начало Великой (095) 586-34-00
и Отечественной войны.

Том 2. Приграничные сра

Цена: 352.00

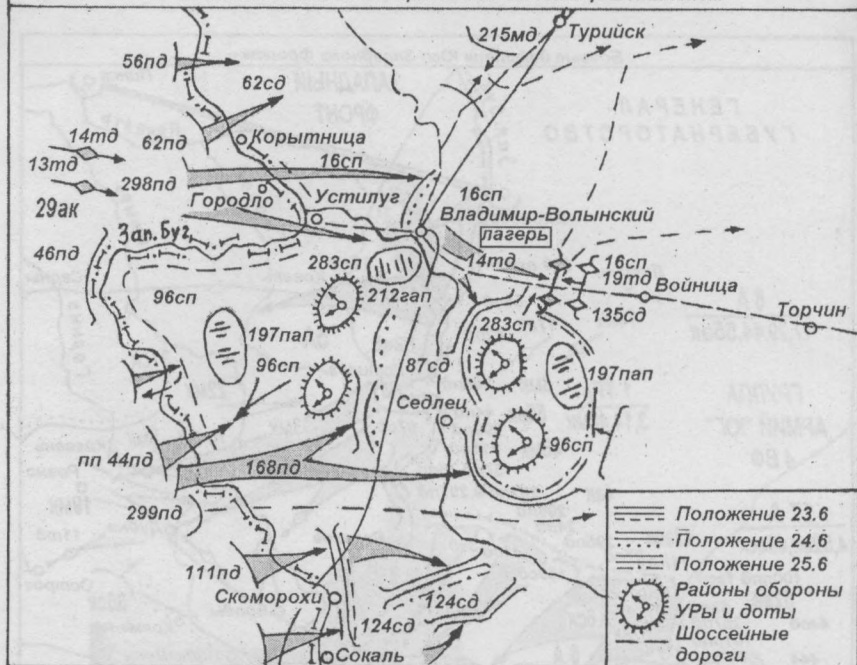

20198912047516100010

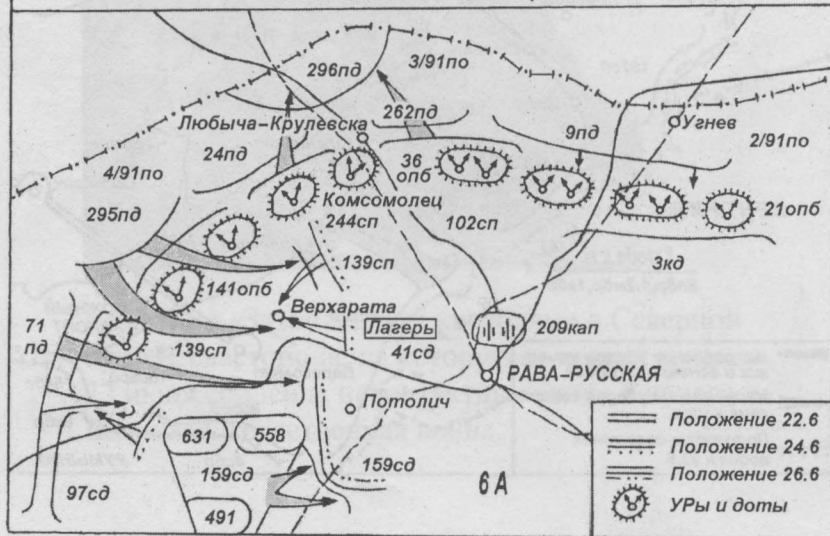
План войны Германии против СССР "Барбаросса"

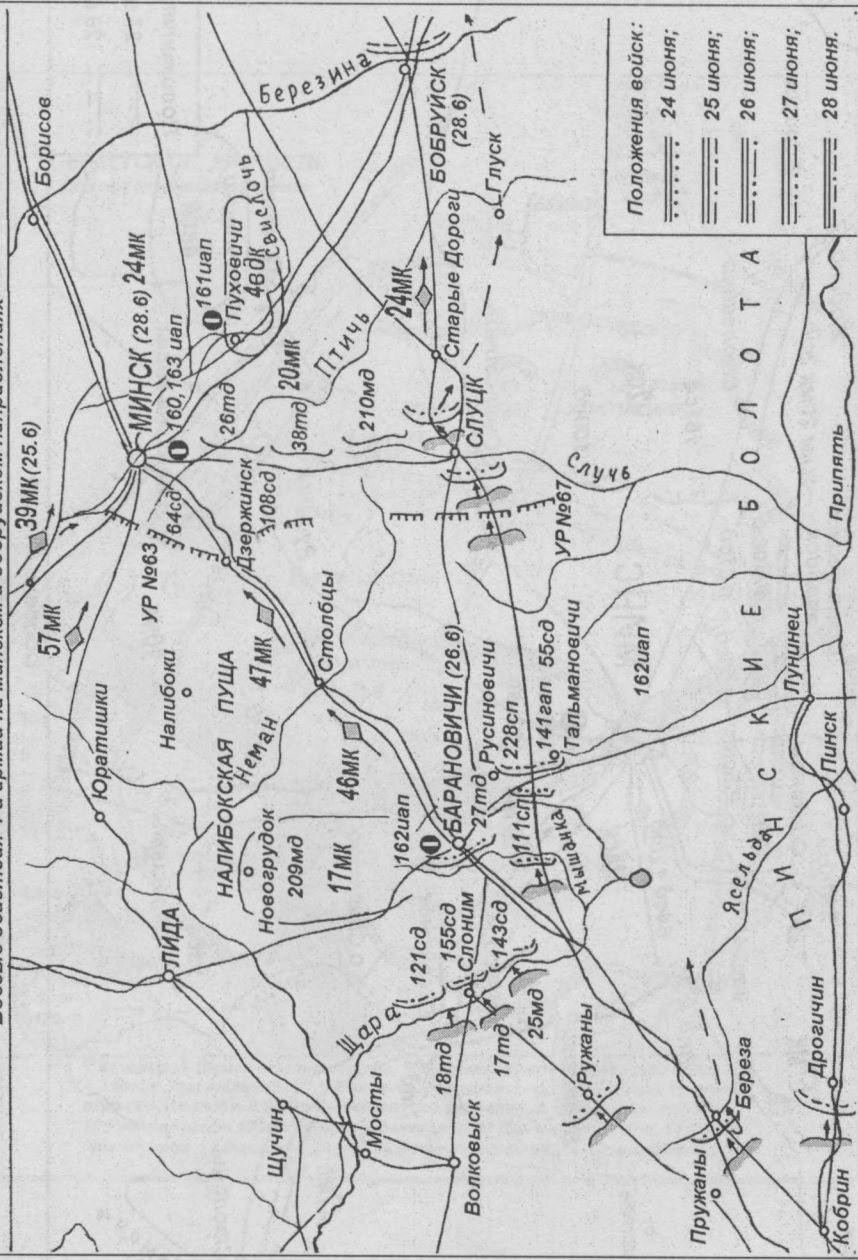
Боевые действия 5-й армии под Владимир-Волынском

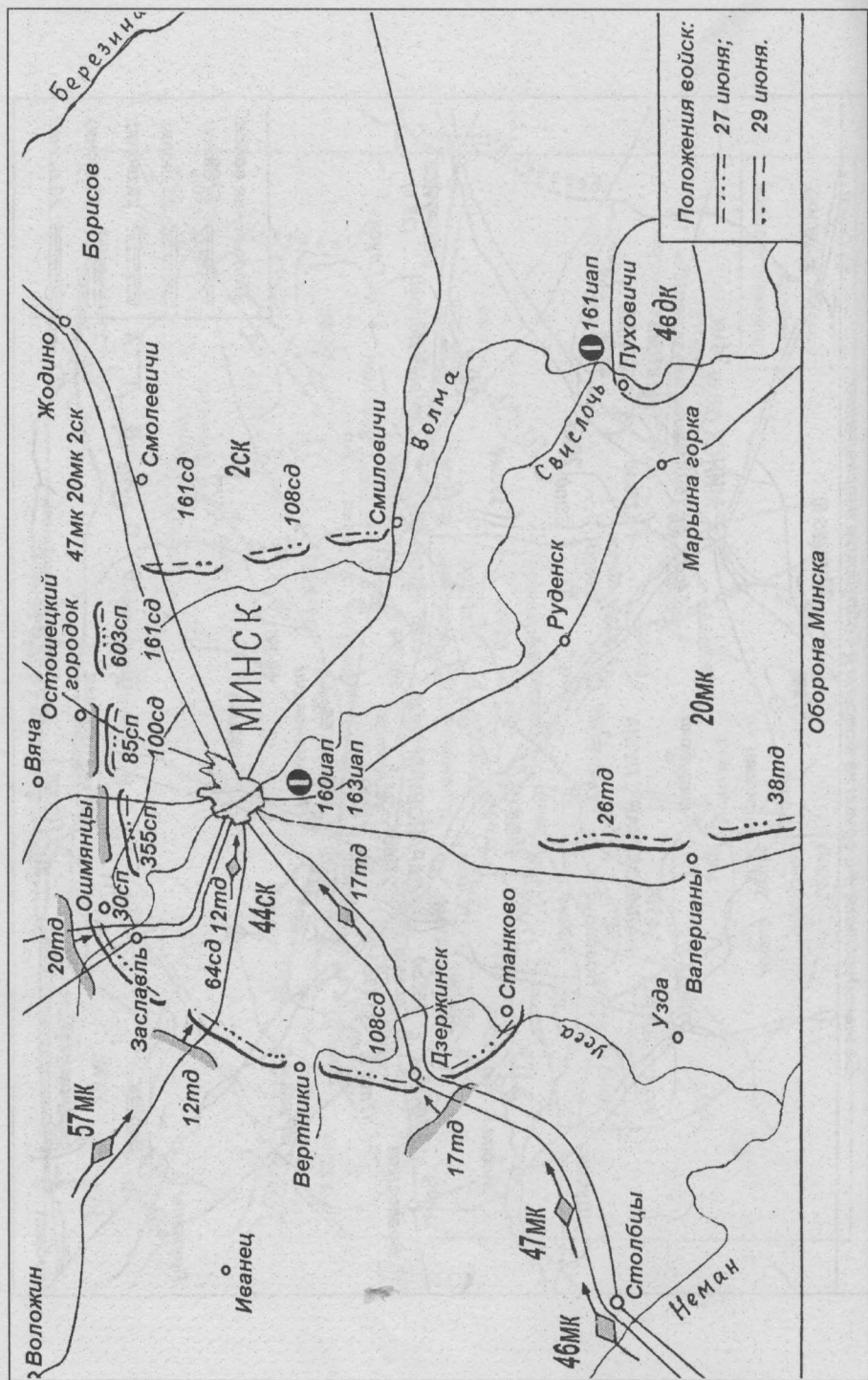

Боевые действия 6-й армии

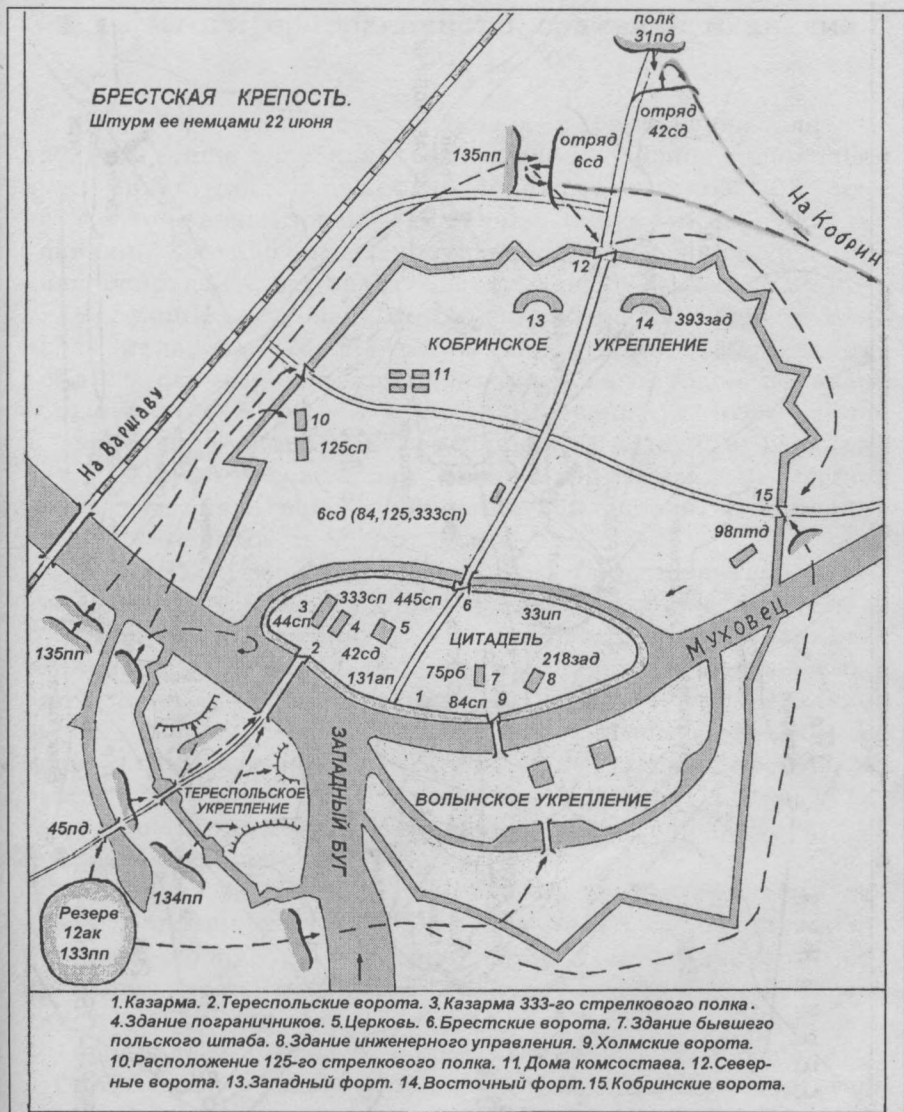

Боевые действия 4-й армии на минском и бобруйском направлениях

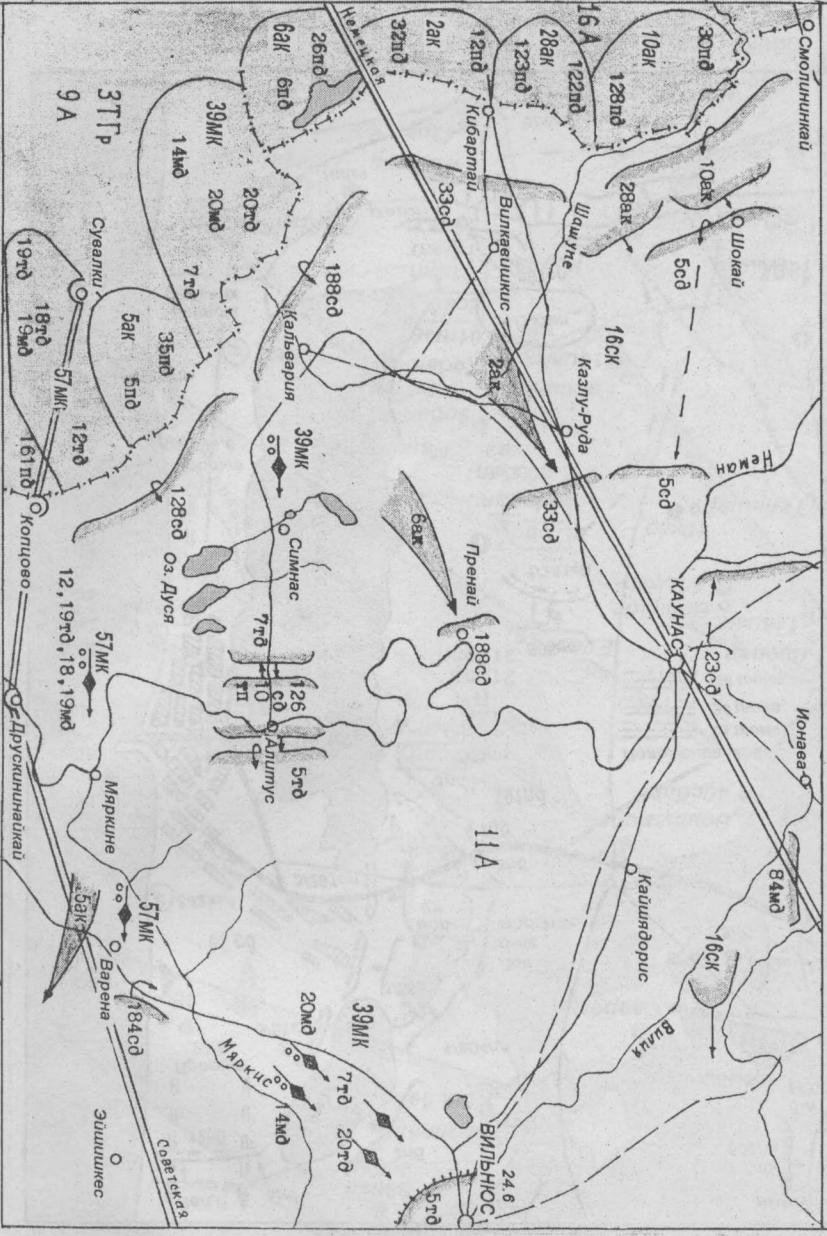

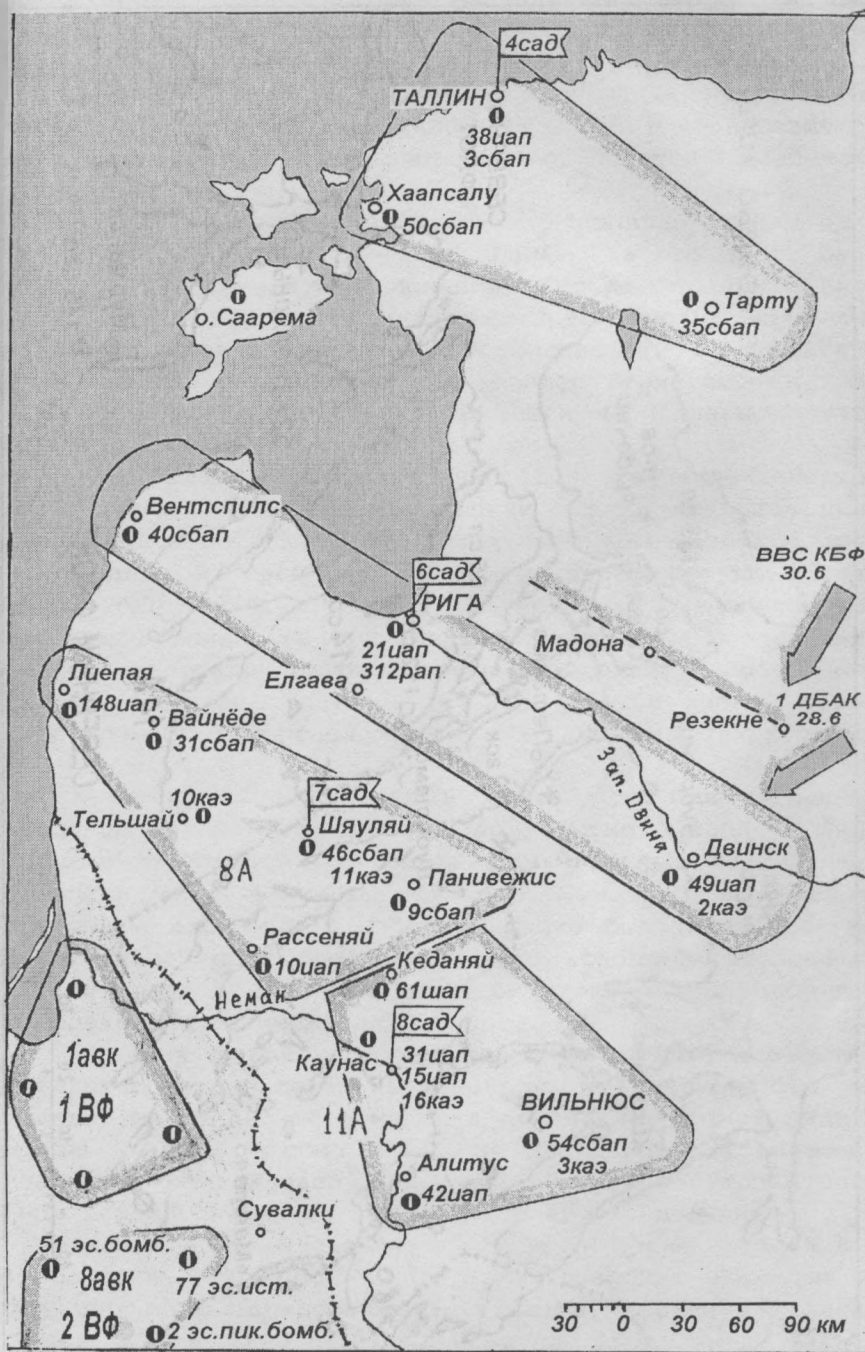
БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ.
Штурм ее немцами 22 июня

1. Казарма. 2. Тереспольские ворота. 3. Казарма 333-го стрелкового полка. 4. Здание пограничников. 5. Церковь. 6. Брестские ворота. 7. Здание бывшего польского штаба. 8. Здание инженерного управления. 9. Холмские ворота. 10. Расположение 125-го стрелкового полка. 11. Дома комсостава. 12. Северные ворота. 13. Западный форт. 14. Восточный форт. 15. Кобринские ворота.

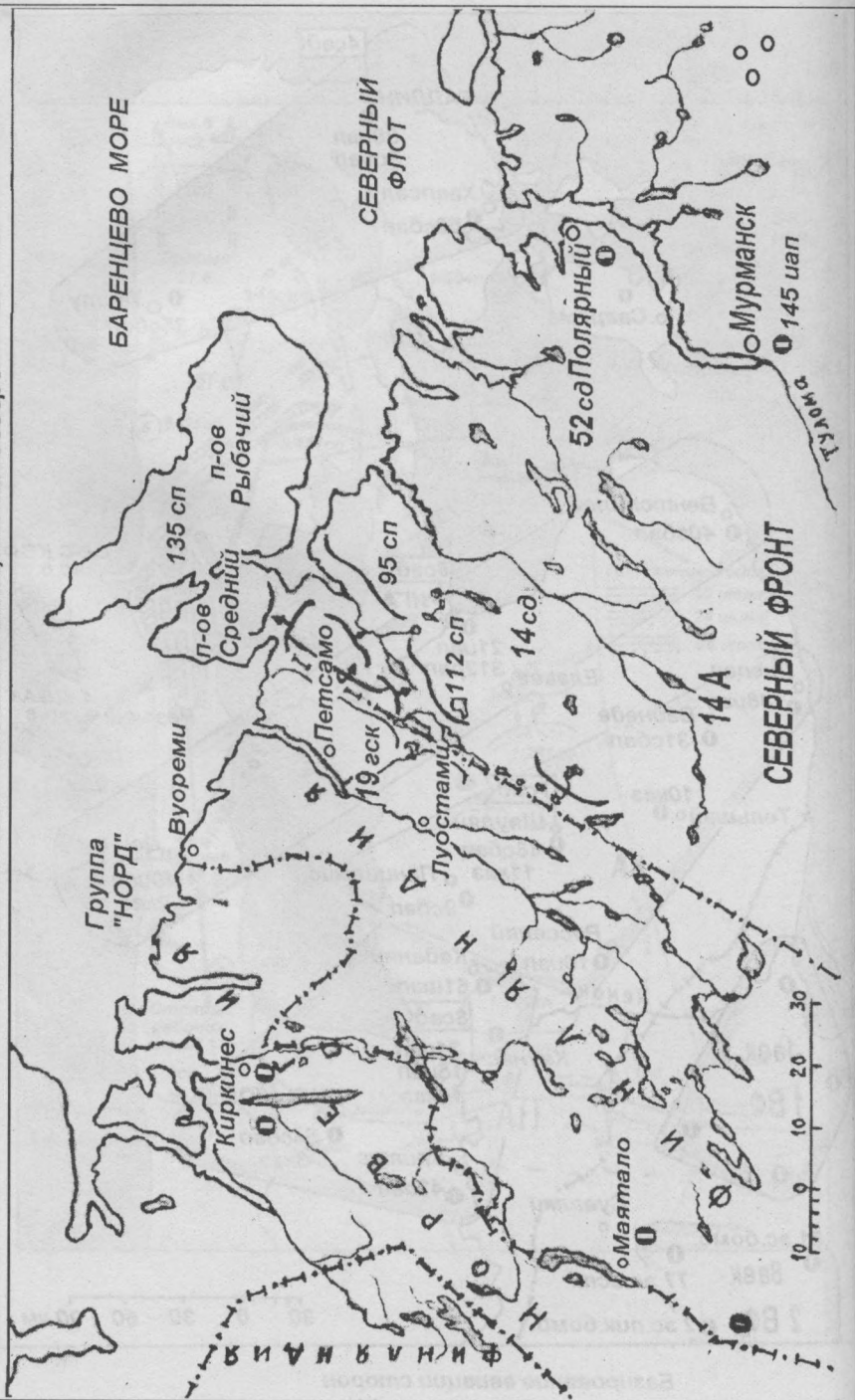
Боевые действия 11-й армии

Базирование авиации сторон

Боевые действия на Крайнем Севере

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война и продолжалась четыре года.

В книге о начале войны рассмотрены:

— крупнейшие в истории войн приграничные сражения, в которых с обеих сторон участвовало 8,4 миллиона человек, около 17 тыс. танков и 15 тыс. самолетов;

— бои на земле, в небесах и на море в полосах пяти фронтов;

— крупнейшее танковое сражение на Украине;

— как от мощного Западного фронта через 7 дней боев осталось только название, а руководство расстреляно;

— действительные события в Брестской крепости;

— действия Военно-Морского Флота и те большие потери, которые он понес, хотя утверждается обратное;

— причины низкой эффективности боевого применения танков и самолетов, по которым СССР превосходил Германию с ее союзниками.